

IN MEMORIAM

Исторический сборник
памяти Ф.Ф.Перченка

ФЕНИКС-ATHENEUM
Москва-С.-Петербург
1995

ББК 63.3(2)7-28г
И-57

Составители А.И.Добкин, М.Ю.Сорокина

И-57 **In memoriam:** Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. — М.; СПб.: Феникс; Atheneum. 1995. 450 с.

ISBN 5-85042-039-8

Сборник состоит из материалов по истории отечественной интеллигенции и науки с конца XIX в. до 60-х годов нашего века: кадеты и украинский вопрос, дискуссия об античном антисемитизме в 1915, снова о гибели Н.С.Гумилева, документы ОГПУ о «деле Академии наук», разгром почвоведения в 1937, начало кампании против космополитизма, биографический словарь репрессированных академиков, неизвестные письма Н.И.Конрада и др.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей науки.

1401020000-001
И—95 без объявл.
Д 20 (03) - 95

ББК 63.3(2)7-28г

ISBN 5-85042-039-8

© «Феникс», 1995

Феликс Федорович Перченко

ЖИТЬ ИЗ СЕБЯ...

Этой книги не было в планах издательства «Феникс». Мы предполагали издать совсем другую — по истории советской научной интеллигенции 1920-1930-х, составителем которой должен был стать Феликс Федорович Перченоч. Не успели. Теперь только «In memoriam»...

Многие годы Ф.Ф.Перченоч был известен преимущественно зарубежному читателю, да и то под псевдонимами: публикации «Д.Анастасьина», «К.Громова», «Л.Крафта» и др. регулярно появлялись на страницах сам- и тамиздатских исторических сборников «Память» и «Минувшее», собиравшихся в Москве и Ленинграде, печатавшихся в Париже, а потом ходивших в СССР по рукам (поначалу с риском для их обладателей).

Пришли иные времена. Как-то, в самом начале перестройки, в Институте востоковедения (тогда еще АН СССР) проводился вечер памяти репрессированных востоковедов. Почти все выступавшие вспоминали опубликованную в 1978 в «Памяти» статью — мартиролог отечественной ориенталистики XX в., подписанную никому не ведомым именем «И.Вознесенский». Объем сведений в этой публикации был столь велик, что, казалось, эта работа под силу лишь коллективу профессионалов. Предлагались и некоторые имена возможных авторов — И.М.Дьяконова, например. Неожиданно из зала поднялся невысокий седой человек и сказал: «Вознесенский — это я». Это и был Ф.Ф.Перченоч — не кандидат и не доктор наук, к тому же — не востоковед, а просто школьный учитель из Ленинграда.

Он не называл себя ученым, а свою работу — наукой, хотя написал более тридцати исследовательских текстов, очень разных по жанру, хронологии и тематике — от истории Приютинского братства и ноосферной концепции В.И.Вернадского до «Таганцевского дела» и Академии наук «на великом переломе». Каждая из его работ — новизной темы, богатством и разнообразием материала, уровнем источниковедческого анализа — могла бы претендовать, по меркам тогдашней официальной науки, на звание «коллективной».

«Анкетная» биография Феликса Федоровича проста и коротка, она похожа на тысячи других, и многие из тех, кто рожден в

1930-е, признают в ней свою. Историки отнесли бы ее к категории «массовых источников», подлежащих статистической обработке. Но за рамками такой обработки остается главное — судьба человека, сознательно избираемая из десятков возможных, творимая целенаправленно и последовательно и — самим фактором выбора — противостоящая заданной одномерности «*homo soveticus*».

Ф.Ф.Перченко родился 7 апреля 1931 в Иваново-Вознесенске (отсюда и один из псевдонимов). Его отец, преподаватель института, в 1937 был репрессирован. В 1948 Ф.Перченко поступил, а в 1953 окончил литературный факультет Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена, затем всю жизнь учительствовал — сначала в сельской школе в Коми АССР (Важгорт Удорского района), затем более двадцати лет в Ленинграде. Преподавал литературу, а еще — астрономию, географию, биологию.

Тонкий словесник, ценивший и понимавший особую значимость литературы, он вдруг пошел снова учиться — сначала на математический, а потом и на географический факультет. Неожиданный поворот объяснялся просто: его влекло «мироведение» — предмет, школьной программой не предусмотренный. Не только в советскую эпоху, но и сейчас. Может быть потому, что требует не столько комплексных знаний, сколько собственного, а не заимствованного или предписанного, мировоззрения.

«Осмисливать жизнь» — затасканное для многих слова, имели для Феликса Федоровича вполне конкретный смысл: постоянное созидание культурного пространства — «работа жизнью». Но «одному бессмысленно, в этом я теперь совершенно убежден», — записал он еще в молодости, и потому всегда и везде искал единомышленников: искал *свою* школу — сменил несколько, уходя из очередной подчас с выговором, как «невписавшийся»; искал коллег-соавторов, щедро предлагая в разработку накопленное лично им; искал, наконец, героев своих работ — их личности были важны ему не меньше, чем научные достижения.

Это неустанное движение *навстречу* с особой силой выражено в написанном Феликсом Федоровичем в 1989 проекте научно-исследовательского центра общества «Мемориал», публикуемом в данном сборнике, — своего рода утопии, которая, однако, вполне реализовалась на личностном уровне.

Свое «братство» — без устава и присяги — Феликс Федорович нашел среди тех, кто делал «Память». Пять выпусков независимого исторического альманаха стоили его участникам недешево — кому карьеры, кому эмиграции, а кому и свободы. Рискнем пред-

положить, что для Феликса Перченка здесь была прежде всего радость обретения себя.

Человек, за которым в 1970-1980-е охотился КГБ, до 1968 несколько раз подавал заявления в партию, и только «интеллигентская квота» не пустила его в «передовые ряды строителей коммунизма». После 1968, когда все возможности внешней реализации оказались исчерпанными, появилось «жить из себя», в известном смысле вместившее идеологию целого поколения интеллигенции. И тогда учитель Перченко стал проводить домашние семинары по фашизму, очеловечиванию и упорядочению любой среды, в которой оказывался: будь то власти (см. ниже его заявление в УМБ), исторические источники, коллеги по их освоению или клочок земли, владельцем которого он стал незадолго до смерти (там он хотел сделать Музей камней, а успел только выложить дорожку). Поэтому были еще и байдарочные походы в шумной компании детей, взрослых и собак; хутор в Эстонии, почти Приютино, где так хорошо думалось; были семейные праздники с веселым застольем и стихами. Словом, вполне полнокровная жизнь, основам которой не грозили капризы политического климата.

Но «жить из себя» означало не только сопротивляться идеологическому диктату, удушливой «официальной» атмосфере. Феликс Федорович понимал это шире: он постоянно стремился к окультуриванию, очеловечиванию и упорядочению любой среды, в которой оказывался: будь то власти (см. ниже его заявление в УМБ), исторические источники, коллеги по их освоению или клочок земли, владельцем которого он стал незадолго до смерти (там он хотел сделать Музей камней, а успел только выложить дорожку). Поэтому были еще и байдарочные походы в шумной компании детей, взрослых и собак; хутор в Эстонии, почти Приютино, где так хорошо думалось; были семейные праздники с веселым застольем и стихами. Словом, вполне полнокровная жизнь, основам которой не грозили капризы политического климата.

Последней работой Феликса Федоровича была книга документов об А.В.Колчаке, над которой он работал в той самой квартире, где когда-то жила А.В.Тимирева. Комментарии, перераставшие в самостоятельный, параллельный документальному материалу исследовательский текст, шли трудно. Не хватало сил, мучили головные боли. Он очень спешил; предчувствуя конец, старался соединить все проходившие через него людские ниточки. И все же успел поставить точку. А через 15 минут потерял сознание...

Ф.Ф.Перченко скончался 5 октября 1993. В Москве ввели комендантский час, по Белому дому стреляли. События тех дней развели многих; но хочется повторить вслед за одним из любимых героев Феликса Федоровича — неисправимым оптимистом князем Д.И.Шаховским: «Хотя мы и составляем жалкие остатки разбитого корабля, но /.../ продолжаем или можем продолжать жить, как цельный корабль, с умершими, как с живыми, и совокупно с ними мы и теперь большая сила или должны бы быть таковой».

Ф.Ф.Перченко
Я РЕШИТЕЛЬНО НАСТАИВАЮ...

Публикуемое ниже Заявление Начальнику С.-Петербургского управления Министерства безопасности Российской Федерации написано в 1992 и содержит требование допустить автора к документам по «Делу Академии наук», хранящимся в архивах бывшего КГБ. Этот текст, в отличие от распространенных за годы перестройки других заявлений такого рода, несет в себе, во-первых, отчетливо выраженную интенцию к диалогу с властью; во-вторых — развернутую и мотивированную исследовательскую программу, обращенную как бы «не по адресу».

Мы были свидетелями создания этого документа: на наших глазах он писался, переписывался, расширялся и сжимался, обсуждался с коллегами... Шли напряженные поиски верного тона, а вместе с тем — формулировались основные направления научного поиска. Неоднократно появлялось и исчезало завершение: «с верой и надеждой». В конце концов Ф.Ф. отказался от этих слов, хотя «домашняя», человеческая интонация из Заявления окончательно не исчезла.

Несмотря на то, что некоторые из упоминаемых в Заявлении документов ныне уже опубликованы (Академическое дело 1929-1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып.1: Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993), а иные — готовятся к печати, намеченную Ф.Ф. программу изучения борьбы власти с интеллигенцией нельзя считать реализованной или даже начатой сколь-нибудь соразмерно замыслам ее автора. Причина этого видится нам в том, что Ф.Ф. (в отличие от многих) все более интересовало не кто прав и виноват, а «как на самом деле было». Вероятно, поэтому и поставленная им задача не только не уложилась в рамки одной жизни, но вряд ли осуществима силами одного поколения. И все же... «с верой и надеждой»!

Начальнику Санкт-Петербургского
управления Министерства безопасности РФ
Перченка Феликса Федоровича

ЗАЯВЛЕНИЕ

В апреле с.г. я подал Вам официальное отношение от Санкт-Петербургского Фонда культуры и свое личное заявление, суть которых состояла в просьбе допустить меня к архивно-следствен-

ным делам академиков С.Ф.Платонова, Е.В.Тарле и других лиц, обвинявшихся по «делу Академии наук», в связи с моей работой над книгой «Академия наук СССР на "великом переломе" (1927-1932 гг.)».

28 апреля с.г. мне и Фонду культуры был направлен ответ за № 10/16-П-65245, где сообщалось, что по существовавшим тогда правилам я не мог быть допущен к необходимым мне материалам (к вопросу о «невозможности» тогдашнего допуска я вернусь ниже). Сообщалось, далее, что содержание уже опубликованных мною материалов «в полном объеме соответствует документам архивного следственного дела на Платонова С.Ф. и Тарле Е.В.». Предоставленные мною в Ваше распоряжение публикации были мне возвращены.

Принятые летом с.г. законодательные акты о снятии секретности со всех материалов, непосредственно связанных с политическими репрессиями (указ Президента РФ от 23 июня за № 658), и о порядке допуска к архивным документам (постановление ВС РФ от 19 июня за № 3088-1) заставляют меня вновь — и более требовательно — обратиться к Вам.

Я решительно настаиваю на допуске меня к следующим архивным материалам, в настоящее время находящимся в ведении вашего ведомства:

1. Архивное следственное дело № 8326 на Платонова С.Ф., Тарле Е.В. и других лиц (дело «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», которое современники именовали «делом Платонова—Тарле», «делом четырех академиков», «делом историков» и «делом Академии наук»), тт. 1-19;

сопровождающие эти тома документы, позволяющие выявить весь круг лиц, которым это дело выдавалось для ознакомления и использования за все время его существования, т.е. с конца 1930 по 1992 г.

2. Подготовительные материалы к этому делу в целом: переписка ПП ОГПУ в ЛВО с Коллегией ОГПУ, Областкомом ВКП(б), ЦК ВКП(б), органами РКИ;

материалы о надзоре («партийном руководстве») со стороны ленинградских чекистов за чисткой («проверкой») АН СССР, начиная с июля 1929, и о конкретных действиях в этом вопросе таких лиц, как представители ОблКК Д.Д.Карпенко (он же один из руководящих работников ПП ОГПУ в ЛВО), Разоренов, Ю.В.Савдовский;

оперативно-следственные материалы;

материалы ПП ОГПУ в ЛВО от сентября 1929 о «нелегальном архивохранилище» в АН;

материалы Особой следственной комиссии конца 1929 в АН (Я.Х.Петерс, Я.С.Агранов, Ю.П.Фигатнер);

документы, позволяющие выяснить, в какой мере к организации платоновского «дела» причастны те или другие лица из высшего московского партийно-правительственного руководства, а в Ленинграде — С.М.Киров, С.А.Мессинг (до декабря 1929), Ф.Д.Медведь (сменивший Мессинга) и еще примерно десяток руководителей, некоторые из которых были совсем не на виду и не на слуху у ленинградцев.

3. Материалы по привлечению к следствию отдельных лиц и по конкретной, повседневной организации следствия, включая все текущие изменения в этом деле. В частности, имеются в виду:

переписка ПП ОГПУ с различными партийными, советскими и чекистскими органами (напр., записки «ответственных работников» Областкама ВКП(б) с предложением «прощупать по Вашей линии» то или другое лицо);

внутреннее делопроизводство ПП ОГПУ по СОУ, ЭКО, КРО, ИНФО и т.д., непосредственно связанное с ведением следствия; решения о групповых арестах и об отборе для них определенных лиц из имевшихся у следствия более широких списков (почему, например, были арестованы не все члены «Кружка молодых историков»?).

Если говорить о «жанрах», то это могут быть приказы, докладные записки, рапорты, начальнические резолюции (визы), акты, запросы, меморандумы и т.п.

4. Материалы, связанные с арестом и содержанием под стражей всех лиц, проходивших по этому делу. В документах должны быть отражены, в частности, санкции на арест и обыск, продолжительность обыска и список изъятых предметов, доставка в тюрьму, содержание в той или иной определенной камере, перевод в новую камеру, состав соседей по камере, даты вызовов на допросы, продолжительность допросов, пребывание в тюремной больнице, распоряжение о режиме (передачи, свидания) и т.д. При этом, подчеркиваю, имею в виду *ВСЕХ*:

в том числе и тех, кто был вначале арестован по другому «поводу» и затем искусственно присоединен к «делу АН» (таким, по моему предположению, был, напр., И.В.Вольфсон);

и тех, чье дело было выделено в отдельное производство (не так ли было одно время с П.И.Полевым, которого увезли на следствие в Хабаровск, а затем переправили в Москву, или с Н.П.Астаниным, осужденным отдельно от основных партий?);

и тех, кто был (и важно, кто по каким соображениям) освобожден от наказания (напр., Б.Д.Греков и А.А.Введенский, а еще

раньше Е.П.Казанович); из конкретных случаев важно выяснить, кто принимал решения о Н.С.Штакельберг — сначала о ее освобождении из ДПЗ, затем об отказе от высылки из Ленинграда;

и тех, кого выпускали (точные даты и обстоятельства? негласные решения о будущем аресте?) и затем повторно забирали (супруги Мерварты, с их «поочередными» арестами);

и тех, кого после допросов выпустили из-под стражи под расписку до вынесения приговора (С.А.Еремин, И.И.Фетисов, О.Е.Корнилович, Т.И.Шатилова, А.К.Шейнин), —

словом, всех-всех-всех.

5. Аналогичные материалы на тех лиц, которые были доставлены в ЛенДПЗ из мест заключения (как В.Н.Бенешевич и Н.П.Анциферов) или из мест ссылки (как Г.С.Габаев и С.С.Абрамович-Барановский), — с добавлением материалов об их «вызове» в Ленинград и этапировании (хотя бы и замаскированном под путешествие вольных пассажиров).

6. Аналогичные материалы о тех, кто, будучи изгнан с работы в учреждениях АН СССР в результате «чистки» Академии в 1929-30, был затем арестован органами ОГПУ и осужден вне «дела Платонова—Тарле» (как, напр., С.Ф.Царевский в 1930, А.А.Кованько в 1931), не исключая и высланных из Ленинграда в административном порядке;

а также о тех работниках АН СССР, которые были репрессированы в 1929-31 без внешней видимой связи с «делом АН» (В.И.Крыжановский, С.И.Юнкер-Крамская и др.);

также и о других научных работников Ленинграда, арестованных в тот же период (в т.ч. и вне Ленинграда, как, напр., Н.И.Прохоров): некоторые из них содержались в ЛенДПЗ в одних камерах с подследственными по «делу АН» (в частности, такие лица проходили в 1930 по делу офицерских объединений Ленинграда и членов «Союза Национальной гвардии», по делу «консервных вредителей», по делу группы Б.Е.Райкова, по «немецким» и религиозным делам и, конечно, по делу экскурсионных работников, которое, видимо, может рассматриваться как ответвление от «дела АН» и должно быть специально изучено с этой точки зрения, а также в связи с делом «Промпартии»);

по мере надобности — и о тех совсем «посторонних», кто содержался вместе с подследственными, упомянутыми выше в пп. 4-6: ряд таких лиц упоминается в опубликованных или неопубликованных воспоминаниях (среди них и уголовники, и взятые по «золотым» и «бриллиантовым» делам).

7. Материалы, отражающие стадии развития следственного «дела АН», но не в том порядке, как они потом сформированы

в 1-17 томах дела №8326 для обвинительного заключения, а в хронологической последовательности «добывания» следственных показаний: это, без сомнения, отразилось во внутренней отчетности ПП ОГПУ.

Прежде всего, я имею в виду следственное дело № 1803-29 г.: то самое дело, по которому, собственно, и производились аресты академика С.Ф.Платонова и других. В сентябре 1930 следствие разрабатывало именно дело № 1803 — и все еще его. Необходимо прояснить все обстоятельства «перенумерации» дела, а фактически — полного переформирования и фильтрации следственных материалов. Если не выявить *все то*, что оказалось не включенным в «чистой» вариант «дела», то публикация дела № 8326 (намечаемая БАНом и ПНЦ РАН) станет публикацией гигантской фальшивки, не более того.

Если документы, «обнаруженные в архиве» при реабилитации тех или иных лиц и только тогда приобщенные к делу (вроде писем А.М.Мерварта к жене, подшитых в 19-й том дела), — если подобные документы извлекались не из дела № 1803, — тогда и те единицы хранения, где подобные документы хранились и хранятся.

Если обнаружится, что известные из других источников линии развития следствия, напр., «якутские» мотивы (версия о Комиссии АН по изучению Якутской АССР как организации по объединению сил ленинградских и якутских контрреволюционеров), если они окажутся недостаточно отраженными и в деле № 8326, и в деле № 1803, — в этом случае поиск предполагаемых документов следует продолжить.

Обращаю также внимание на поиск листов, исчезнувших, как я полагаю, на заключительном этапе формирования дела № 8326 и замененных чистыми листами (таковы, напр., лл. д. 256, 275, 286, 293, 296, 300 и 332 в 7-м томе; есть чистые листы и в других томах).

8. Материалы, связанные с надзором и повседневным руководством общим ходом следствия со стороны московского руководства ОГПУ (Менжинский, Горожанин и другие).

В частности, имеются в виду документы, связанные с пребыванием Агранова в Ленинграде в конце 1929 и с последующими его приездами, с его участием в разработке «сценария» и общей тактической линией следствия;

материалы, связанные с командировкой оперуполномоченного ОГПУ Ю.В.Садовского (он, впрочем, и до и после этого выступал в иных качествах и оставался ленинградским деятелем) и с другими командировками из центра с целью наблюдения, расследования и ревизии данного дела;

документы, связанные с использованием полученных в ходе следствия «показаний» для разработки «дела Промпартии» в Москве.

9. Материалы о лицах разного ранга, проводивших следствие по данному делу (С.Г.Жупахин, А.А.Мосевич, А.Р.Стромин, В.Р.Домбровский, А.М.Алексеев, А.Н.Шондыш, Г.Алдошин, Степанов, практикант Макаров и др.): их послужные списки, автобиографии, характеристики и т.д., но прежде всего — материалы, раскрывающие грубейшие нарушения ими элементарной законности, а также методы психического и физического воздействия на подследственных (не только то, что вошло в т.19, лл. д. 133-143, и не только о затронутых там лицах, но — гораздо шире).

Очень важен материал о лицах (если такие были), которые в ходе развития дела были отстранены руководством от ведения следствия за «либерализм» и тому подобные «грехи» (имеющиеся в нашем распоряжении оценки, данные различным следователям тогдашними узниками, весьма и весьма разнятся между собой).

Обязательны материалы, характеризующие лиц, осуществлявших общее руководство процессом следствия и занимавших ключевые должности в ПП ОГПУ по ЛВО (едва ли правомерно мнение о том, что запрашиваемые в п.9 материалы подпадают под действие 75-летнего срока давности на основании того, что могут рассматриваться как «компрометирующие»).

10. Информационные материалы ПП ОГПУ о произведенных арестах и о ходе следствия, направлявшиеся «наверх» (по всем линиям) на разных этапах развития «дела».

11. Материал о контактах ПП ОГПУ по ЛВО с Московским управлением ОГПУ, связанный с арестами (прежде всего — 8 августа 1930) по «московскому филиалу» платоновской «организации», с содержанием арестованных под стражей, этапированием главных из них в Ленинград, а также с содержанием под стражей тех из них, кто был оставлен в Москве и не вошел в основной контингент осужденных по этому делу.

12. Материалы, раскрывающие взаимодействие ленинградского ПП ОГПУ (как прямо, так и через Москву) с Украинским (в Харькове) и Белорусским ОГПУ: сначала намерение организовать три взаимосвязанных «открытых» процесса — Спільки Визволення України, Саюза Вызвалення Беларусі и Всенародного Союзу Борьбы за Возрождение Свободной России, а затем отказ от двух последних процессов (по чьему решению? и когда?).

13. Материал, связанный с подготовкой несостоявшихся судебных процессов по делу «Всенародного союза...», начиная с весны 1930 (какие намечались сроки? кем откладывалось дело? какая

переписка велась с прокуратурой? и т.д.); вообще, должны быть выявлены все «плановые даты» (выражение мое, а назывались они, конечно, иначе), вроде 11 апреля и 15 мая 1930...

14. Материал, связанный с решением о разделении подследственных на четыре группы, серии закрытых приговоров по которым были вынесены соответственно 10 февраля 1931 Тройкой ПП ОГПУ в ЛВО, 10 мая 1931 КОО ОГПУ, 8 августа 1931 Коллегией ОГПУ; в тот же день Военным Трибуналом Московского ВО.

15. Материалы, связанные с окончательным завершением дела (январь 1931?) и предварительным утверждением приговоров в более высоких инстанциях (как чекистских, так и партийно-советских), а также материалы, свидетельствующие об ознакомлении Кирова и нескольких других руководителей Областкама ВКП(б) с обвинительными заключениями и другими материалами (до и/или после вынесения приговоров).

16. Протокольные материалы о вынесении приговоров (состав ленинградской Тройки, вынесшей первые приговоры обвиняемым по «делу АН»; состав присутствовавших на заседаниях Коллегии ОО ОГПУ; время начала и конца заседаний; другие вопросы, рассмотренные на тех же заседаниях).

17. Материал о приведении в исполнение весной 1931 смертных приговоров по «делу АН» (включая прошения о помиловании и другие документы, которые могли этому предшествовать). Где захоронены убитые?

18. Материал, связанный с этапированием из Ленинграда (частью из Москвы) осужденных по «делу АН» и его ближайшим ответвлениям. В том числе:

полные списки партий, направленных из Ленинграда 16 февраля и 21 июня 1931 в лагеря Карелии (и на Соловки) и августе в Ухтпечлаг;

материал об этапировании или «вольной» отправке отдельных (ведущих) ученых в различные города азиатской части СССР;

внутриведомственная и межведомственная переписка по поводу тех лиц, которые были отправлены работать по своей специальности в лагерях ОГПУ (как П.И.Полевой) или в научных центрах, нуждавшихся в специалистах (как М.О.Клер);

документы о передаче заключенных от ПП ОГПУ по ЛВО в ведение (по смыслу надо бы: во владение) других подразделений ОГПУ или иных гос. структур.

19. Сведения о дальнейшей судьбе осужденных после их отправки из Ленинграда, находящиеся в распоряжении вашего ведомства, — с указанием конкретных адресов архивохранилищ, в

которые следует обратиться для продолжения розыска и для уточнения уже имеющихся у нас или полученных от вас сведений; материалы ПП ОГПУ о досрочном освобождении осужденных по «делу АН» (например, постановление Тройки ПП № 131 от 7 июня 1933 и возможные указания на связь этого постановления с решением Объединенного Секретариата Областного и Городского комитетов ВКП(б) от 20 марта 1933 «О разгрузке мест лишения свободы» и с сообщением Ф.Д.Медведя на Объединенном Секретариате 5 июня 1933).

20. Данные о других репрессиях против лиц, осужденных по «делу АН»:

некоторые из них арестовывались ранее, до 1929 года (как С.В.Бахрушин, А.С.Путилов-Янович, дважды П.В.Виттенбург), другие — после отбытия срока по «делу АН» (А.Г.Вульфийс, Д.Н.Бенешевич), третьи — и до, и после (В.Н.Бенешевич);

применялись также лишение избирательных прав, неприем на работу в АН, отказ в прописке, и в ряде последних случаев ВЧК-ОГПУ-НКВД имело к этому прямое отношение.

21. Данные о лицах, репрессированных по стране в связи с «делом Академии наук», имеющиеся в распоряжении вашего ведомства.

В частности — фамилии провинциальных историков, краеведов, музееведов, относительно которых был официальный контакт (переписка) ПП ОГПУ в ЛВО с другими органами ОГПУ или иными организациями, имеющими отношение к карательной политике.

22. Информационно-политические и информационно-оперативные сводки ПП ОГПУ за 1929-31 годы (их наберется за это время несколько сотен), а также спецсводки об откликах на события вокруг АН (если такие спецсводки составлялись) и другие информационные материалы секретного, сов. секретного и особо секретного характера вокруг «дела АН»: срочные донесения, внеочередные донесения, оперразведсводки, сводки-перечни, материалы о..., докладные записки и т.д.

23. Материалы 1931-го и последующих годов, связанные с использованием «дела Платонова—Тарле» для дальнейшего укоренения незаконных и преступных методов следствия.

В частности, имею в виду напечатанную с целью «распространения опыта» выборку материалов из этого следственного дела (в виде отдельной книжки) — своего рода «методичку» для работников ОГПУ по всей стране (и всю документацию, связанную с ее напечатанием, рассылкой и использованием).

24. Материалы, связанные с неоднократным возвращением «инстанций» к «делу АН» после его окончания;

в частности — документы, проясняющие все обстоятельства появления справки, составленной 2 августа 1932 Аграновым на имя председателя ОГПУ В.Р.Менжинского (в связи с заявлением Тарле, отказавшегося от своих показаний на следствии); и дальнейший ход этой справки.

25. Материалы по реабилитации, начиная с самых первых (Н.А.Пыпин, А.А.Достоевский) и кончая последними, включая все запросы о реабилитации и все отказы на них.

26. Материалы, связанные с реабилитацией 20 июля 1967 крупной группы осужденных, включая всех ведущих лиц; в частности, следует отыскать (где?) первоначальный (февральский; в марте 1967 отозванный) протест Главной военной прокуратуры (заменен новым протестом от 16 июня 1967); материалы, связанные с утаиванием информации о реабилитации, состоявшейся 20 июля 1967: кто поднимал вопрос о предании этого решения гласности; кто, напротив, — в судебных, советских и партийных (может быть, и в чекистских) органах — настоял на сохранении грифа секретности (хотя последние материалы, строго говоря, не являются КГБешными, но напасть на их след было бы легче при Вашем содействии).

Не прекращая работы над монографией об АН СССР в годы «великого перелома» (отношение Санкт-Петербургского Фонда культуры на сей счет осталось у Вас и, значит, нет необходимости его повторять), я предполагаю приступить, в деловом сотрудничестве с Вами, к изданию (по мере выявления документальных комплексов) *малотиражной серии*

«ДЕЛО АКАДЕМИИ НАУК»: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ, которая своевременно дополнила бы издание материалов, упомянутых выше в первой части пункта I. Как известно, издание последних намечено Президиумом Петербургского научного центра РАН и руководством библиотеки РАН. Оно готовится Редакционным советом, в состав коего входят и ваши представители (в частности, майор Лукин). Имея перед собой задачу издания громадного источника объемом примерно в семь тысяч листов дела и, как видно, не располагая соответствующим информационным «заделом» (а, может быть, и достаточным количеством квалифицированных работников), Редсовет, естественно, вынужден отказаться от детального комментирования публикуемых матери-

алов и от многих дополнительных архивных изысканий. Эти задачи мы предполагаем взять на себя.

Прилагаю официальную бумагу от петербургского «Мемориала», Научно-исследовательский центр которого (как и аналогичный НИЦ в Москве) я имею честь представлять.

Прошу рассмотреть вопрос о выделении из ваших сотрудников исследователя-поисковика — нашего консультанта или, при наличии у него определенных данных, потенциального соавтора (составителя, соредатора?) некоторых будущих совместных публикаций.

Прошу сообщить, как следует оформить документы технических помощников, которых я предполагаю привлечь к работе над затребованными мною материалами. Каковы ваши технические возможности и на каких условиях они могут быть использованы?

Жду сообщения о том, когда и где можно встретиться с вашим представителем для более конкретных переговоров.

Печатные материалы, подготовленные по материалам бывшего КГБ, появляются вокруг. Некоторые из них сделаны даже до летних законоположений о снятии грифа секретности и о порядке доступа к архивам. Приведу, в качестве примера, публикации Я.К.Голованова о деле Реактивного НИИ и, в частности, о С.П.Королеве; Г.Е.Горелика о «деле» харьковских и московских физиков и, в частности, о Л.Д.Ландау; Ф.Я.Френкеля о деле Фридриха Хоутерманса. Эти публикации свидетельствуют об успешной работе историков науки с архивными материалами вашего ведомства. Обращаю внимание: именно с такими материалами, в допуске к которым мне было недавно отказано! И, замечу, с «делами» не только персональными, но и групповыми, да еще не столь отдаленными во времени, как «дело Академии наук».

Эти многочисленные прецеденты в теперешних условиях позволяют мне твердо рассчитывать на то, что на сей раз, взвесив все, Вы не станете отвечать мне письменным отказом, прямым или замаскированным.

Такой отказ был бы слишком явной попыткой дискриминации.

[Дата]

[Перченков Ф.Ф.]

P.S. Копию данного заявления я посылаю академику Ж.И.Алферову — председателю ПНЦ РАН и вице-президенту РАН.

Академику Ж.И.Алферову —
вице-президенту РАН и председателю ее
Петербургского научного центра, а также
ЧЛЕНУ РЕД. СОВЕТА ПО ИЗДАНИЮ
АРХИВНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ТОМОВ
«ДЕЛА АКАДЕМИИ НАУК»

Уважаемый Жорес Иванович!

Думаю, Вам (как члену упомянутого редсовета) будет не-
безынтересно ознакомиться с тем, что посылаю.

Замышляемая документальная серия может рассматриваться,
если хотите, как развернутый комментарий к 19-ти томам «основ-
ного корпуса» архивно-следственного дела.

В проектах БАН и «Мемориала» видятся два принципиально
разных подхода, которые, однако, при нашем сотрудничестве
могут оказаться взаимодополнительными.

С надеждами —

ПЕРЧЕНОК Феликс Федорович

[Дата]

Н.С.Штакельберг
«КРУЖОК МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ» И
«АКАДЕМИЧЕСКОЕ ДЕЛО»

Предисловие, послесловие и публикация Б.В.Ананьича
Примечания Е.А.Правиловой

Публикуемые воспоминания принадлежат перу историка и библиографа Натальи Сергеевны Штакельберг (ур. Егоровой-Гурской; 23 января/4 февраля 1897, Екатеринбург — 16 мая 1978, Ленинград). Первая специальность была ее призванием, вторая — вынужденной необходимостью. В 1916 она поступила на историко-филологический факультет Петроградского университета, а в 1920 закончила уже факультет общественных наук. Ученица С.Ф.Платонова, Н.С. была оставлена при кафедре русской истории, где проработала всего четыре года. В 1924, как многие другие студенты и преподаватели, чье социальное происхождение не устраивало новые власти, Н.С. была «вычищена» и в течение многих лет оставалась фактически безработной, время от времени получая заказы на составление библиографических справочников. За работу над одним из них — «Библиография малярии», содержавшим описание свыше 7 тысяч источников за 1771-1935 и изданным в 1941 с грифом «для служебного пользования», Н.С. получила степень кандидата педагогических наук.

В год окончания университета Н.С. вышла замуж за Александра Александровича Штакельберга, энтомолога по специальности, и поселилась в квартире его отца (Васильевский остров, 7 линия, д.2, кв.13). Здесь в начале 1920-х годов у Н.С. собирався на свои заседания «кружок молодых историков» — неформальное объединение аспирантов и преподавателей университета. Этим собраниям, а также аресту и следствию по так называемому «Академическому делу» 1929-1931, посвящены воспоминания Н.С. Она была арестована среди других участников кружка в ночь с 13 на 14 января 1930 и провела в Доме предварительного заключения более полугода. Как и большинству арестованных, ей угрожали заключение в лагерь и ссылка, однако в отличие от товарищей, Н.С. избежала подобной участи и всю жизнь считала, что ее спасла случайность, — на допросе у следователя Н.С. сослалась на то, что в апреле-июле 1917 квартиру у матери А.А.Штакельберга в Петрограде снимал И.В.Сталин. Трудно оценить истинную весомость этого факта в глазах следствия, но как бы то ни было, 20 августа 1930 Н.С. действительно освободили из-под стражи.

Однако на этом испытания для семьи Штакельбергов не закончились. В декабре 1934 Н.С. получила предписание покинуть Ленинград. Высылки удалось избежать благодаря обращению президента АН СССР А.П.Карпинского к наркому юстиции РСФСР Н.В.Крыленко с письмом в за-

шиту Н.С. (с 1932 она работала в Зоологическом институте АН СССР) и большой помощи директора Лениздата В.И.Вронченко. В 1938 был арестован муж Н.С. — А.А.Штакельберг. На этот раз она сама поехала в Москву и сумела передать А.Я.Вышинскому письмо, в котором повторила однажды уже испытанный прием — сообщила о знакомстве со Сталиным, и опять — 4 января 1940 — А.А.Штакельберг был освобожден.

В 1947 Н.С. уволилась из Зоологического института и с тех пор больше не служила.

Настоящие воспоминания были написаны ею в 1975. Они публикуются по машинописному экземпляру без заглавия и с поправками автора, хранящемуся у дочери Н.С. — Натальи Александровны Штакельберг, которой мы выражаем нашу признательность за помощь при подготовке настоящей публикации.

Работа по подготовке к печати воспоминаний Н.С.Штакельберг была начата Ф.Ф.Перченком, им же был собран ряд материалов об участниках «кружка молодых историков», частично нами использованных. В завершении и дополнении начатого Феликсом Федоровичем мы видим свой долг перед его памятью.

Я не могла себе объяснить причину, но к вечеру 13 января — «по-старому», как тогда говорили, в канун нового, 1930 года — мною овладела сильная тревога. Точно какая-то сила, помимо меня, подталкивала меня действовать. Я не отдавала себе отчета, что со мной, но во что бы то ни стало решила поехать к маме¹. Ни мы, ни мама Новый год «по-старому», конечно, не праздновали.

Мама жила на улице Маяковского, тогда еще Надеждинской, мы — на Большом проспекте Петроградской стороны — в одном городе. При удобствах ленинградского транспорта это были сухие пустыки, тем не менее, ездила я к маме редко, так как днем не любила оставлять детей, а вечерами, после возвращения А[лександра] А[лександровича]^{2*} с работы, и вовсе не могла выбраться: он всегда сильно протестовал против того, чтобы я уходила куда-нибудь одна, а вытащить и его — было просто невозможно.

Тут же, несмотря на его протесты и просьбы отложить поездку к маме, — молниеносно собралась и просто вырвалась, не обращая уже внимания ни на что.

Вернулась я примерно в половине двенадцатого ночи, веселая и успокоившаяся, очень довольная тем, что порадовала маму своим приездом и своим свиданием с ней.

На мой звонок открыл Ш[ура]. Он обнял меня в дверях и сразу сказал: «Наташенька, не волнуйся, тебя пришли арестовать». За спиной его стоял солдат, который надвинулся было на нас,

* Здесь и далее «А.А.» и «Ш.» — Александр Александрович Штакельберг.

когда Ш. стал помогать мне снять пальто, но потом точно одумался и отступил. «Что за глупости!» — сказала я, смеясь и искренно думая, что солдат находится у нас в кухне случайно и Ш. шутит. Парадный ход был тогда закрыт, и мы ходили по черному ходу. В ту же минуту, как я засмеялась, думая, что это мистификация, в дверях нашей столовой показался молодой человек в форме ГПУ, как тогда называлось НКВД, и протянул мне ордер на обыск и арест.

Мы прошли в кабинет, где этот следователь, назвавшийся Федоровым³, по внешнему виду человек интеллигентный и еврей по национальности, стал производить обыск.

Стол А.А. он не тронул, зато повывтаскивал из моего письменного стола огромное количество всякой исписанной бумаги и тетрадей. В то время я очень много писала — и, вообще, мне всегда было легче писать, чем говорить, и близкие смеялись надо мной, что я пишу письма с принципиальными установками даже дворникам.

Следователь отобрал тринадцать тетрадей моих дневников — за период с гимназических времен до последних дней, предшествовавших обыску.

Беспомощно взглянув на вороха переписки и исписанной бумаги, он отодвинул их в сторону и отправился в спальню.

В это время проснулась Наташа, которой только что исполнилось восемь лет⁴. Она почувствовала тревогу и стала безудержно плакать. Я старалась успокоить ее, обнимала и целовала, но она так и не успокаивалась. В кровати спал Юра — бело-розовый пятилетний бутуз со светлыми волосиками, как на картинке⁵.

Обстановка смутила следователя. Открыв шифоньер и увидев белье, детские вещи, коробочки с нитками, он быстро приоткрыл лежавший сверху альбом для стихов и автографов, которым я очень дорожила. По счастью, он открыл его со стороны чистых листов и, увидев между ними фотографию А.П.Карпинского⁶ с милой и сердечной надписью, выхватил ее, прочел надпись — и положил себе в нагрудный карман, оставив альбом лежать на полке шифоньера.

Альбом цел у меня и сейчас. В нем были автографы членов Кружка молодых историков, стихи С.И.Тхоржевского⁷, М.А.Островской⁸, С.В.Сигриста⁹ и других, мне посвященные, автографы Н.И.Кареева¹⁰, С.В.Рождественского¹¹, А.П.Карпинского, Д.Д.Протопопова¹² и многих, многих других, теперь уже ушедших.

Альбом хранил для меня воспоминания о самых счастливых годах моей жизни, и я всегда им дорожила. Даже в годы блокады

сохранила я его, вынеся из разбомбленного нашего дома вместе со всем дорогим, когда все это нужное и дорогое должно было быть уместено лишь в один рюкзак и транспортироваться по пожарной лестнице через окна квартиры, так как лестница рухнула...

Итак, альбом остался на месте.

У нас было тогда три комнаты: огромная спальня — детская, большая столовая и четырнадцатиметровый кабинет, заставленный книжными полками, книжными шкафами и двумя письменными столами — моим и Ш. В столовой следователь даже не остановился — и, как-то смущенно завязав мои тетради и письма в два объемистых пакета, любезно данными ему мной шнурами, оставшимися от штор, предложил мне следовать за ним.

Мы вышли втроем: давно известная мне пожилая и почтенная дворничиха Анна Васильевна Петрова, бывшая понятой при обыске, следователь и я. Дворничиха была неграмотной и поставила, когда ей предложили расписаться как понятой на акте обыска, классический крест неграмотных. По неуловимому ее движению по окончании обыска было ясно, что ее очень поразило то, что следователь не взял те несколько золотых вещиц и золотые дамские часы, которые он извлек из письменного стола, и вообще ничего не взял, кроме старых тетрадей и исписанных листков. А.А. как-то растерялся и не вышел на улицу проводить меня, хотя никто этому не препятствовал.

При появлении нашем на кухне, через которую мы должны были пройти, чтобы выйти на черный ход и, далее, на улицу, мы увидели ревущую молоденькую нашу няню карелку Нюшу Железнову. Крик был ужасающий. Оказалось, что она хотела пойти в уборную, а конвоир, дежуривший в кухне, потребовал, чтобы она не запирала дверь, что она поняла как покушение на ее невинность: ее тетка ежедневно наставляла ее относительно козней города и необходимости «соблюдать себя».

Я как-то упустила, при выходе из дома, куда девались оба конвоира, дежурившие во время обыска при выходной двери и в коридоре. Во всяком случае, у легковой машины мы оказались только вдвоем со следователем. Совершенно произвольно я взглянула на него, когда он как-то задержался у машины и не открыл дверцу. Я ничего не думала, просто по привычке ждала, что дверцу машины откроет мужчина, и он ее открыл, сказав вполне непринужденно: «Пожалуйста».

Мы сели на заднее сиденье. На руках у него были мои дневники. Их было много, от его подбородка до колен. Мне стало смешно: «Господи ты боже мой, вот арестовали и везут преступницу, и эта преступница я!»

Всю дорогу мы не сказали друг другу ни слова. Человека этого я больше не встречала ни разу в жизни. Вел он себя у нас дома безупречно, как ровесник по возрасту, как-то даже стеснялся, и никакого хамства при аресте, как жаловались другие, со мной не было. Он даже вышел в столовую, когда я прощалась с Ш. и детьми и Наташа так не по-детски горько плакала и не отпускала меня.

Дорбóгой я все думала, почему меня арестовали. Тогда, в 1929/1930 году, аресты интеллигенции, без всяких видимых причин, еще не стали бытовым явлением. Я не работала ни в каком учреждении и не была связана буквально ни с кем даже по линии бытовой. Я сидела дома, к великому своему горю и не утихавшей никогда боли, не могла вернуться к работе по причинам, не зависящим от меня, хотя искала путей к работе с книгой в любой форме. В конце концов мне это удалось, и я, пятнадцатъ лет спустя, получила даже кандидатскую степень, но тогда я была всецело изолирована от жизни и посвятила себя семье и детям /.../¹³.

Мы очень быстро очутились на улице Воинова, во дворе дома предварительного заключения. Следователь куда-то исчез. Какое-то военные повели меня в канцелярию, где заполнили на меня карточку, как в гостинице, спросили, первый ли раз арестована, поместили что-то на личной карточке, которую вставили в картотеку вроде библиотечной: на барьере, отгораживающем письменные столы и шкафы, стоял целый ряд аккуратно, туго заполненных карточками длинных библиотечных ящичков. После исполнения этой формальности конвоир в форме отвел меня по нескольким переходам и лестницам, отвечавшим характерным, позднее так знакомым мне лязгом на каждый шаг, вовнутрь тюрьмы.

Там, на стыке трех лестниц, на площадке, сидела костлявая женщина в платке и темном халате. На поясе у нее висела связка огромных ключей. Была ночь, часа четыре ночи, она дремала на стуле и хриплым голосом, безучастным и равнодушным, как человек, давно исполняющий эти обязанности, предложила мне снять шубку, распустить волосы, снять ботинки и туфли. Я повиновалась. «Перворазная? Ну, одевайся!» — сказала она, едва взглянув на мои вещи. Нечто вроде улыбки появилось у нее на лице, лишь когда она взглянула на содержимое моей корзинки: «Хозяйственная» /.../¹⁴

После обыска надзирательница отвела меня в камеру № 43 и, ни слова не сказав, впустила меня внутрь, снова закрыв за мною дверь.

Было, должно быть, около шести часов утра. Население камеры одевалось, мылось и причесывалось. Меня ужасно поразило: кроме дверей, состоящих из решетки с замком, комната, в которой

я очутилась, ничем не напоминала тюрьму. Просторная, с аккуратно застеленными кроватями, длинным широким столом у окна, несколькими табуретами, раковиной и каким-то сооружением в углу, задрапированным подобием занавесок, комната эта напоминала собой комнату ожидания для женщин где-нибудь на вокзале. Много воздуха, огромные светлые окна. Решетки на окнах были как-то мало заметны. Женщины, числом одиннадцать, в большинстве интеллигентные, привлекательные внешне и аккуратно, даже кокетливо, одетые и причесанные, стали устраивать меня на двенадцатой, последней незанятой кровати.

Набор принесенного с собой из дому вызвал восхищение. «А нитки?» — «Нитки взяли при приеме». — «Так надо же было зашить в рубец или положить в чулки!» Кто-то сострил относительно тюремного опыта, который они уже имеют, все засмеялись, не видно было угнетенных и озабоченных лиц. Казалось, что это не тюрьма, а обитель мира. Меня никто ни о чем не спросил, и все держались так, как держатся обычно люди в вагоне, в комнате для нескольких человек в санатории или в больничной палате — любезно, приветливо и без излишнего любопытства. При раздаче чая, который тоже пили так, как пили иногда на вокзале до возобновления буфетов, то есть из огромного медного чайника, который с грохотом принесла надзирательница, все уселись за общий стол, постлали что-то вроде скатерти и выставили свои запасы. Тогда же требовали для меня у надзирательницы сервировку для обеда. Она выдала мне алюминиевый, малоаппетитный тазик и алюминиевую ложку. Доброжелатели тут же до блеска вычистили их, приговаривая: «Посуда, верно, из мужской камеры, запущена». В одиннадцать часов нас повели на прогулку. Мы гуляли по закрытому, классическому тюремному двору час. В час дня нам дали щи с кусочками вареного мяса и плохо промытую размазню, то есть мелкую гречневую кашу. В пять принесли опять чайник с кипятком, в семь кашу и опять кипяток. После ужина никого не вызывали, и мы спокойно лежали на своих постелях и рассказывали друг другу о себе.

На прогулке я видела состав других, соседних камер — как будто камер № 41 и 42. У меня сразу появился патриотизм «своей камеры»: мне казалось, что «у нас» все особенно симпатичные и, одним словом, «лучше наших нет».

В основном, в «моей» камере сидели в то время немки-церковницы, привлеченные по делу пасторов Ганзена и Муса¹⁵. Предполагался процесс пасторов — «немецких шпионов» и «развратителей женской молодежи». В большинстве это были молодые девушки 18-25 лет самых разных, очень скромных профессий.

Некоторые еще учились, но никто не был учащимся вузов. Часть вообще нигде не работала и несла домашние обязанности в своей или знакомой семье. Все они были, то что называется, в высшей степени «порядочные», трудолюбивые, дельные, аккуратные, женственные, хозяйственные, здоровые и веселые. Все они друг друга знали и друг другу помогали во всем. Существовала у них незримая табель о рангах, которая очень меня поразила. Разговаривая, например, с женой пастора, они почти всегда вставали и относились к ней с величайшим почтением, хотя жена пастора Ганзена, молодая мать троих маленьких детей, была осуществлением беспомощности и наивности. Она очень много плакала и тревожилась, потому что по наивности подписывала все, что писал следователь. Показания ее губили ее мужа. «Я не могу отказать следователю и не подписать. Ведь он говорит, что мой муж все это уже подписал, и я принесу вред ему и себе, если не подпишу протокол». Тем не менее, инстинктивно она чувствовала беду и очень мучилась тем, что делает ошибки.

На всю жизнь запомнила я самого лучшего человека, встреченного мною не только в тюрьме, но за всю жизнь. Это была тоже «немка», жена кассира-поляка. Звали ее Эльза Альбертовна Голубовская. Мы с ней сразу сблизились. Она отнеслась ко мне, при приходе [моем] в камеру, не только с заботой — с нежностью, и я, пробыв с ней несколько дней до перевода меня в одиночку, полюбила ее всем сердцем. Узнала же я ее вполне позднее, когда вернулась в камеру из одиночки. /.../¹⁶

Я пробыла в камере четыре дня, все время тревожно возвращаясь к мысли о том, за что же меня арестовали, именно меня, а не А.А. Он работал в Академии наук, имел дело по работе с разными людьми, мало ли что... Но я! Уже шесть лет я не работала ни в каком учреждении, целыми днями была занята детьми и хозяйством, очень страдала от того, что «не работала», и искала путей возвращения в Университет или поступления в какое-нибудь научное учреждение, что было почти неосуществимо, так как была безработица.

Возвращаясь из Академии, А.А. обычно никуда не хотел идти, и мы, сделав с ним в качестве прогулки обычный рейс — Большой пр. — Кировский — пр. М.Горького (тогда Кронверкский) — Народный дом — Введенская ул. (тогда ул. Розы Люксембург) — Большой пр., — возвращались домой, чтобы никуда уже больше не выходить из дому. Я буквально ни с кем не встречалась, кроме двух-трех близких знакомых, и даже литературную работу по составлению библиографических справочников и указателей для Медгиза и Сельхозгиза, которую мне доставал А.А., получала у

редакторов через него и через него же получала за нее деньги по доверенности.

Надеясь как-то вернуться к работе над книгой, я работала три раза в неделю в качестве ученого секретаря социальной секции Антропологического общества, председателем и организатором которой был проф. В.В.Преображенский¹⁷, но в составе секции были, кроме меня, только врачи-гинекологи, большинства из которых я не знала даже по фамилии.

Нет, меня не за что было арестовывать, и я терялась, за что же меня все-таки арестовали.

К концу четвертого дня моего пребывания в камере, часов в 8 вечера, когда я, поглощенная новыми впечатлениями и, как всегда взволнованная знакомством с новыми людьми, забыла, увлекшись тем, что мне рассказывали, зачем я здесь нахожусь и где я нахожусь, открылась дверь, и конвоир, держа бумажку в руке, вызвал: «Штакельберг, на допрос!»

Все четыре дня моего пребывания в камере никого не вызывали, и я не видела, как это делается. Растерялась, но сразу, как была, пошла к дверям под неожиданную чью-то реплику: «Счастливая, уже вызывают, а мы четыре месяца сидим и не знаем, когда и вызовут!»

Конвоир повел меня по коридору мимо таких же общих камер и дежурной по корпусу куда-то вниз, где меня сразу ввели в большой кабинет с большим письменным столом и креслами. Молодой человек в хорошем штатском костюме, некрасивый и неприятный, напряженно-любезно предложив мне кресло по одну сторону стола, сам занял место напротив. Прежде чем начать допрос, он предложил мне папиросу, от которой я отказалась, потом пододвинул стакан чаю, от которого я тоже отказалась. Не спросив обычного: «Фамилия, имя, отчество» и прочее, он впился в меня глазами: «Вы догадываетесь, почему вы арестованы?» — «Нет». — «Подумайте, будьте чистосердечны, только это пойдет вам на пользу». /.../¹⁸ Он делает значительное лицо, роется в бумагах, выдвигает бесцельно ящики письменного стола, наконец начинает задавать со значительным лицом обычные вопросы: «Фамилия. Имя. Отчество. Год рождения. Место рождения. Образование. Социальное положение. Семейное положение». И наконец, явно желая ошеломить и испугать: «Вы были членом Кружка молодых историков?»

Я облегченно вздыхаю. Господи! Какая чушь! Меня арестовали за Кружок! И спокойно подтверждаю: «Да, была. Но ведь это было так давно». — «Расскажите, кто еще был членом этого Кружка и какие цели им преследовались». От неожиданности я не сразу могу вспомнить, кто же из университетских был в Круж-

ке. Называю С.И.Тхоржевского и А.А.Введенского¹⁹ и говорю: и вообще все оставленные при Университете по кафедрам русской истории и истории русского права. «Сколько всего?» — «Человек тридцать». Он не уточняет, но я вижу, что он очень доволен (почему? Я не понимаю еще). Он предлагает изложить цели и задачи Кружка. Я с трудом вспоминаю. Ведь мы собирались с 1921 по 1925 год у нас на квартире. Мы жили на углу 7 линии В.О. и набережной лейтенанта Шмидта, бывшей Николаевской набережной. Это был так называемый в просторечии Дом академиков. В настоящее время он украшен рядом мемориальных досок — их шестнадцать или семнадцать и со стороны набережной и со стороны 7 линии.

В 1920-1925 годах, когда мы там жили, еще здравствовали и проживали в нем академики А.П.Карпинский, И.П.Павлов, В.И.Вернадский, Ф.Ю.Левинсон-Лессинг, А.Е.Ферсман, В.А.Стеклов, В.М.Алексеев, И.Ю.Крачковский, Н.Я.Марр, С.Ф.Ольденбург, А.А.Марков и многие-многие другие²⁰.

Жили мы в квартире отца моего мужа, Александра Павловича Штакельберга²¹, находилась она над квартирой И.П.Павлова и была того же расположения и размера, те же шесть комнат и людская, что и у Павлова.

А.П., юрист по образованию, был до революции управляющим делами Академии наук. «Непременный секретарь» Академии наук С.Ф.Ольденбург и «управляющий делами» А.П.Штакельберг были в то время главными административными единицами Академии: президентом был Великий князь Константин Константинович, автор лирических стихотворений под псевдонимом К.Р.

Мы с А.А.Штакельбергом поженились в ноябре 1920 года и поселились в квартире его отца. Отец А.А., А.П.Штакельберг, тогда отсутствовал*. Первый год мы жили в квартире с няней Патей, и когда возникла мысль среди «оставленных при Университете», к которым принадлежала и я, собираться на частной квартире для чтения докладов и еще не опубликованных работ, я предложила нашу квартиру. Но я, вспомнив это на допросе, просто затруднялась вначале что-либо объяснить относительно Кружка. Вспоминалось безудержное веселье, бывшее у нас на вечеринках, которое быстро стало доминировать над учеными заседаниями. Что же было в этом криминального? Вспомнилось, как наш председатель Сергей Иванович Тхоржевский твердо держал курс на аполитичность собраний и настаивал на том, чтобы Кружок был

* Он сидел в Андрониевском монастыре в Москве «заложником» (Прим. автора).

частным сборищем молодых историков, и в него не были приглашаемы профессора кафедр, вспоминались обрывки шуточных стихотворений, написанных в честь Кружка и отдельных его членов...

С трудом вспоминая, я назвала несколько человек, членов Кружка, и сказала, что пока как-то ничего больше не могу вспомнить. Протокола как будто следователь не вел и — ничего мне подписывать не дал. Меня довольно скоро отпустили. Дня через два меня вызвали опять.

Тот же следователь — я узнала позднее, что его фамилия была Стромин²² — был в военной форме. Он встретил меня как уже осужденного преступника и принялся «играть». С напряженно-озабоченным лицом он брал и листал то одну папку, то другую, выдвигал ящики и вновь их задвигал, ничего в них не положив, не вынув, сидел молча, задумчиво опустив голову.

Наконец «подготовка» была окончена. Он раскрыл новую папку с чистыми листами внутри и начал официальный допрос. Спрашивал он меня немного, но довольно быстро заполнил несколько страниц протокола, скороговоркой прочел его и протянул мне. Пальцем показал внизу последней страницы: «Тут подпишите». Я пропла.

Волосы у меня встали дыбом. В протоколе написано было то, что я никогда не говорила, кое-что он даже и не спрашивал.

В основе протокола были подлинные факты, которые я и не собиралась отрицать, т.е. что Кружок собирался у меня на квартире, участниками его были такие-то и такие-то: в мой протокол был включен весь список бывавших на вечеринках, человек 30, перечислялись некоторые доклады, которые были зачитаны на заседаниях, но весь протокол густо был насыщен определениями: антисоветские, нелегальные тайные собрания, антимарксистские научные сообщения, руководство махрового монархиста акад. С.Ф.Платонова, явки для получения контрреволюционных директив под видом «вечеринок» и т.д.

Я настаивала на том, чтобы мне дали возможность самой написать показания, но этой возможности не дали. После моего категорического отказа подписать протокол, следователь отправил меня «подумать» в коридор. Часа через два Стромин меня снова вызвал и принялся на меня орать, пугать всякими карами, одиночкой.

Конечно, я протокол не подписала, но очень расстроилась, почувствовав, что мне отведена определенная роль, и на этом, по видимому, вопреки всякой истине, будут настаивать.

Стромин вызывал меня на допрос не раз. Один раз я пришла очень собранная и энергичная и решила попробовать убедить его в нелепости предъявленных Кружку и мне обвинений. В протоколе я неизменно называлась баронессой Штакельберг. Я начала с этого, указав на то, что я не являюсь баронессой, так как принадлежу по рождению к самой русской трудовой семье, что отец мой был инженером-механиком железной дороги, умер до революции, а воспитывала меня мать, учительница жел[езно]дор[ожной] школы, ныне здравствующая и работающая в школе Октябрьской ж.д. Он торжествующе вытащил мое свидетельство о венчании с А.А.Штакельбергом, взятое при обыске, где священник написал так, как было написано в метрическом свидетельстве А.А. о рождении: «повенчана первым браком с бароном А.А.Штакельбергом». Я засмеялась: «В силу старых традиций мы действительно венчались, но это было в 1920 году, уже при Советской власти, когда титулы уже не существовали». Он нелепо настаивал, что я баронесса, раз я повенчана, а я откровенно засмеялась и сказала, что я первый раз слышу, что при советской власти титулы раздает церковь, и они считаются действительными. По-моему, Стромин так и не оценил всей прелести своих высказываний. Он сказал, блеснув в полной мере своими умственными способностями: «Но ведь если бы власть сменилась, по этой бумажке вы баронесса, и это вам было бы лестно». Честное слово, сказал буквально так!

Таким образом вкладывались одни понятия в совершенно обратные и — на допросах повторялось все одно и то же: «стрижено!» — «брито»; «стрижено» — «брито» — до бесконечности.

Через малое время Стромин орал: «Вы нам не верите?» «Я дам вам очную ставку... с Введенским, с Романовым²³... с Данини²⁴... с Гринвальд²⁵... Они давно признали то, что вы отказываетесь признавать». Как будто он мне больше очной ставки ни с кем другим не предлагал, а когда я просила дать мне очную ставку с Тхоржевским, он злился.

Он читал «показания» того или другого из названных выше. Кое-что, по строению фразы, по приведенным фактам, мог сказать тот или другой, но суть-то была ложь, ложь и «самая худая неправда».

Следователь совал мне подписи: «Смотрите, все подписано!» — «Я не знаю подписи этих лиц, а то, что здесь написано, не соответствует тому, что было».

В процессе допросов я вспомнила многое о Кружке из того, что было запрятано где-то в глубинах памяти. Это помогает мне теперь, более сорока пяти лет спустя, вспомнить, что та-

кое был в действительности наш «Исторический кружок», или, как его окрестили на следствии, «Кружок молодых историков».

То, что представлял собою наш Кружок, было несоизмеримо и несравнимо меньше того, что послужило созданию в эпоху Николая I «Дела петрашевцев» и что Чернышевский назвал «ужасно подлой и глупой историей», т.е. арест 23 человек передовой русской интеллигенции за участие в кружке с либерально-революционно-демократическим направлением, существовавшем с 1845 по 1849 год, инсценировку расстрела 21 человека из 28 арестованных и ссылку на каторгу и в арестантские роты солдатами всех обвиняемых.

У петрашевцев все же была политическая программа борьбы с самодержавием и крепостничеством. Они собирались «бороться с существующим строем». Они мечтали о перевороте «в общественном быте России» и о крестьянском восстании.

А мы? Могли ли мы думать, собираясь на наши «вечеринки», о том значении, которое им придадут десять лет спустя, и о том, что председатель Кружка С.И.Тхоржевский также будет приговорен к расстрелу за руководство Кружком, пройдет все круги ада, а затем будет сослан на каторгу, что он годами будет бороться за право работать и свободно жить, создаст в бесправии огромный научный труд, будет обокраден «учеными», которые воспользуются его бесправием, и умрет без ученых степеней и званий, не увидев свой фундаментальный труд в печати, умрет от голода в блокадном Ленинграде до реабилитации, и ничего не останется от творений его большого ума и огромной созидательной силы²⁶.

А все остальные? Почти все из привлеченных по этому делу вышли больными и израненными невосстановимо, многие преждевременно умерли, пройдя ссылки, каторгу или лишение прав без лишения свободы, как было со мной.

Останавливаю свои воспоминания о пребывании в тюрьме.

Что же представлял собою «Кружок молодых историков», следствие о котором было присоединено к делу №1803, Делу академика С.Ф.Платонова, и затем стало основным в его обвинении²⁷?

Постараюсь вспомнить и восстановить то, что уже ушло так далеко.

В 1918-1925 годах среди «молодых ученых» Ленинградского университета, по преимуществу оставленных при университете для «подготовки к профессорскому званию», в большинстве гуманитаров, стали возникать разного рода кружки и объединения.

Иногда они преследовали только развлекательные цели, большей же частью являлись стремлением создать объединение на почве научных интересов.

Университет не отапливался, на некоторых лекциях в 1918-1920 годах бывало по одному слушателю, и понемногу образовалась традиция перенесения лекций и занятий на квартиру того или другого профессора, что многих очень скоро познакомило друг с другом и сблизило.

Работали на дому у профессоров А.Е.Преснякова, А.И.Зазерского, М.А.Полиевктова, И.М.Гревса, О.А.Добиаш-Рождественской²⁸ и многих других. Почти все профессора историко-филологического факультета (в том числе А.Г.Вульфиус²⁹, М.Д.Приселков³⁰) принимали экзамены у студентов и обсуждали с магистрантами их работы тоже у себя на дому.

Часть наиболее научно подготовленных из старшего поколения магистрантов работала еще с дореволюционных лет у А.С.Лаппо-Данилевского³¹ в его семинаре — том же Кружке, чаще называвшемся его участниками и в литературе «школой Лаппо-Данилевского». Кружок этот образовался вместо университетского семинария /.../. После студенческих забастовок 1911 года темой его занятий являлся до болезни и смерти его руководителя «Каталог по составлению частных актов»³².

Значительная часть младшего поколения историков, большая часть, работала (иногда одновременно с работой в Кружке Лаппо-Данилевского) в Госархивах Ленинграда под эгидой академика С.Ф.Платонова, и позднее, когда С.Ф.Платонова назначили директором Библиотеки Академии наук СССР, в Рукописном отделении Библиотеки под его же если не руководством, то начальством, а также у проф. Е.В.Тарле и проф. С.В.Рождественского.

Так или иначе все друг друга более или менее знали, встречались на заседаниях Исторического Исследовательского Института при Университете, да и по текущей работе в архивах и библиотеках.

Идея организации «Исторического кружка» или «Кружка молодых историков», как его позднее называли, возникла в 1920 году у нас с магистрантом Андреем Александровичем Введенским, с которым я систематически встречалась на занятиях по русской истории у проф. Полиевктова у него на дому.

Введенский был старше меня годами и выпуском, знал многих, поэтому мог назвать многих их русских историков и юристов, тяготевших к русской истории или специализировавшихся по истории русского права.

Окончательный список тех, кого следовало привлечь в «Исторический кружок», составили мы уже втроем: А.А.Введенский, Сергей Иванович Тхоржевский (юрист, ученик Петражицкого³³), с которым меня познакомил Введенский, считая его незаменимым в будущем Кружке, и я.

Введенский сразу же уступил С.И.Тхоржевскому руководящую роль в организации Кружка. Мне пришлось стать правой рукой Сергея Ивановича в этом деле, отчасти потому, что мы с мужем, Александром Александровичем Штакельбергом, жили в большой квартире его отца и имели возможность предоставить для собраний две большие комнаты, отчасти также в силу моего страстного интереса к людям, желания общения и относительной свободы во времени. Было мне тогда 23 года, Сергею Ивановичу 27, Введенскому тоже около этого.

В мае 1920 года я была оставлена при Университете по кафедре русской истории профессорами М.А.Полиевктовым, С.В.Рождественским и А.Е.Пресняковым. До этого, все университетские годы, я с 1916 по 1920 работала зав. учебной частью и преподавателем литературы в Жел[езно]дор[ожной] школе, освобождалась в 4 часа и попадала в Университет только к пяти часам вечера, проделав весь путь от Николаевского вокзала в оба конца пешком: в первые годы революции трамваи не ходили и никакого транспорта не было, а жили мы с мамой на Старом Невском. Вечерами я стала работать и в Публичной библиотеке, и в архивах. Времени у меня всегда было в обрез, к занятиям и экзаменам я готовилась ночами и не имела возможности общаться с другими студентами ни на какой почве и кое-кого узнала только после оставления при Университете и во время работы на дому у М.А.Полиевктова и эпизодических консультаций у А.Е.Преснякова в 1918-1920 годах.

Сколько человек вошло в этот список приглашенных нами для участия в Кружке, я не помню; как вспоминается, намечено было человек 25. Позднее список пополнялся, и в среднем бывало человек 30. Некоторые бывали по разу-два, некоторые посещали только «вечеринки», которые мы устраивали раза три-четыре за зиму.

Тогда же мы фиксировали день собраний — пятницу. Решили собираться через пятницу, т.е. 2 раза в месяц. Этой традиции, собираться по пятницам, мы не изменили полные пять лет, 1921-1925 годы, когда собирались у нас на квартире. В 1926 и 1927 годах собирались уже только изредка на вечеринки у разных членов Кружка, по принципу наличия большой комнаты, но и всегда фиксировали день вечеринки на пятницу.

Вот как будто полный список посещавших Кружок постоянно, эпизодически или одновременно:

1. Тхоржевский Сергей Иванович
2. Штакельберг Наталия Сергеевна
3. Введенский Андрей Александрович
4. Островская Мария Андреевна
5. Шебунин Андрей Николаевич³⁴
6. Платонова Нина Сергеевна³⁵
7. Платонова-Измайлова Наталья Сергеевна³⁶
8. Цемш Николай Сергеевич³⁷
9. Сигрист Сергей Викторович
10. Петров Владимир Алексеевич³⁸
11. Садиков Петр Алексеевич³⁹
12. Петров Евгений Николаевич⁴⁰
13. Либталь Маргарита Эмильевна⁴¹
14. Котельникова Ольга Михайловна⁴²
15. Матковская Зинаида Николаевна⁴³
16. Мартынов Михаил Николаевич⁴⁴
17. Попов [Иннокентий Лаврентьевич]⁴⁵
18. Данини Софья Михайловна
19. Гринвальд Маргарита Константиновна
20. Измайлов Николай Васильевич⁴⁶
21. Шатилова Таисия Ивановна⁴⁷
22. Романов Борис Александрович
23. Корнилович Ольга Ефимовна⁴⁸
24. Валк Сигизмунд Натанович⁴⁹
25. Недзвецкая-Самарина Ольга Конрадовна⁵⁰
26. Насонов Арсений Николаевич⁵¹
27. Тиханова Мария Александровна⁵²
28. Скржинская [Елена Чеславовна]⁵³
29. Любищенко Инна Ивановна⁵⁴
30. Бирюкович [Владимир Владимирович]⁵⁵
31. Шафран⁵⁶
32. Герман [Вера Петровна]⁵⁷
33. Проф. Е.В.Тарле
34. Проф. С.В.Рождественский
35. Проф. А.И.Заозерский

На вечеринках бывал, конечно, также мой муж, Александр Александрович Штакельберг, который на собрания Кружка обычно не выходил из своей комнаты. Его шутя называли в Кружке «принцем-супругом». На вечеринках бывали и члены нашей семьи, отец А.А., А.П.Штакельберг, и сестра А.А. — школьница Леля⁵⁸.

Основной целью Клуба намечалось ознакомление членов Клуба с готовыми работами, имевшимися у каждого в портфеле, но еще не опубликованными из-за трудностей с печатанием и нигде не доложенных: Исторический Исследовательский Институт тогда еще только начал функционировать, и первое время очень небольшая часть работ молодых историков могла быть сообщена на его заседаниях.

Клуб не был никак оформлен. Явочным председателем его стал С.И.Тхоржевский. Организационную часть взяли на себя мы с ним вдвоем. Постоянными консультантами были М.А.Островская, в силу своего горячего интереса к Клубу и полного одиночества в жизни, и А.Н.Шебунин, с которым С.И.Тхоржевский был близок и дружен, а по линии докладов также и А.А.Введенский.

Никаких протоколов не было. Секретаря тоже не было. С.И. вытаскивал старую истрепанную записную книжечку и находил в ней, в случае необходимости, все нужные справки о прочитанных докладах и о планах на следующие «пятницы». Очень часто готового сообщения ни у кого не было. Тогда С.И. неизменно находил, о чем сделать доклад или сообщение, и делал его сам. За все время существования Клуба ни одно заседание ни разу не было отменено или перенесено.

Впервые у нас собрались как будто в конце декабря 1920 или в январе 1921. Точно не помню.

В разные периоды в Клубе собиралось разное число участников: на «пятницы», которые посвящены были научным докладам, собиралось человек семнадцать-двадцать, на «вечеринки», которые стали устраивать в те же пятницы раза четыре за зимний сезон взамен заседаний, набиралось человек тридцать, и мы с С.И.Тхоржевским стремились не превысить это число, так как помещение не выдерживало, и мы с ним долго иногда страдали над списком, решая, кого же вычеркнуть из списка и не пригласить. На данный момент я вспомнила тридцать пять человек, которые были участниками собраний Клуба. Ныне здравствующий профессор С.Н.Валк, зав. кафедрой иностранных языков Гос. Ин-та Усовершенствования врачей О.К.Недзвецкая-Самарина, проф. И.И.Любименко, Герман, Шафран были, по-моему, по одному разу. Доктор исторических наук А.Н.Насонов (теперь уже покойный), ст. научный сотрудник М.А.Тиханова, Скржинская не были связаны с большинством работ и как-то не влились в Клуб — последние две специалистки по средним векам, ученицы О.А.Добиащ-Рождественской, работали у нее и у И.М.Гревса и там сосредоточили свои интересы, а проф. А.Н.Насонов, так называ-

емый Арсик Насонов, которому было тогда 22 года, кончивший гимназию Мая вместе с моим мужем и бывавший у нас запросто, в Клубе как-то не привился, должно быть потому, что был членом небольшого кружка историков, работавшего на дому у проф. А.И.Заозерского, и туда вложил свои научные интересы и личные привязанности. Тридцать человек получалось потому, что «пятницы» стали славиться в Университете и даже наши профессора Е.В.Тарле, С.В.Рождественский не пропустили ни одной вечеринки, на которые их приглашали. Из профессоров был еще два раза А.И.Заозерский — один раз на чьем-то юбилее (как будто С.В.Рождественского в 1923 году).

Не раз возбуждался то одним, то другим вопрос о приглашении А.Е.Преснякова, такого популярного среди университетских молодых ученых, учителем многих из которых он являлся, и М.Д.Приселкова, но С.И. категорически протестовал против расширения состава Клуба и изменения его лица и целей. Приглашались постоянно только двое — Е.В.Тарле и С.В.Рождественский — как гости на вечеринки.

М.А.Полиевктова в 1921 году уже не было: жена его, Р.Н.Николадзе⁵⁹, была с сыном в Грузии, и он кружными путями и разрушенными дорогами, едва ли не через Киев, добирался к семье несколько месяцев, а добравшись, остался работать в Тбилиси и позднее в Ленинград приезжал только в командировку.

Один раз были у нас профессора И.И.Лапшин (философ)⁶⁰ и Карсавин⁶¹, но они были не на «пятнице», а зашли к отцу А.А.Александрю Павловичу, то что называется «в гости». Запомнила я их визит потому, что мы услышали через несколько недель, что обоим им, и проф. Лосскому⁶² (тоже философу), предложено было выехать вместе с рядом других профессоров за границу, и в какое-то число 1922 года они отбыли в Чехословакию на пароходе.

На первое собрание Клуба каждый принес с собой кусочек сахара, кусочек хлеба и полено. В нашей гостиной было в 1921 году два градуса мороза, дров у нас было мало, и обычно мы отапливали три комнаты: нашу комнату, комнату Александра Павловича и комнату Лели, сестры А.А. Гостиная стояла закрытой, а идя в столовую к столу, мы закутывались потеплее. Дрова забросили накануне: звонок, смех, в дверь просовывается полено, завернутое в газету или так или иначе упакованное: «До завтра!», и передающий исчезает.

В день первого заседания мы с С.И.Тхоржевским утром вытопили и большой камин в гостиной, и привезенную им с А.А.Введенским на санках «буржуйку» с набором труб. Я сделала все, от меня зависящее, чтобы гостиная и столовая выглядели уютно.

Не было необходимости оставаться в пальто, как почти везде зимой 1920-1921 года: в Университете, в Публичной библиотеке, в архивах, в частных домах. И одно это сразу придало праздничный вид нашему собранию.

По профилю научных интересов преобладали «русские истории». С.И.Тхоржевский, С.В.Сигрист, Н.С.Цемш были юристами, тяготеющими к историческим исследованиям; Н.В.Измайлов был пушкинистом и посещал наши «пятницы» в качестве мужа Натальи Сергеевны Платоновой. Нина Сергеевна Платонова была литературоведом и также появлялась у нас в силу личных связей и своего интереса к Кружку; М.Э.Либталь и ее приятельница, фамилии которой я не помню, были преподавательницами немецкого языка в Педагогическом Ин-те, но с Университетом были тесно связаны как ученицы Лучицкого⁶³ и Н.И.Кареева. Между прочим, и И.М.Гревс, и Н.И.Кареев здоровствовали в то время, но Кареев был уже очень стар, а Гревс и стар и слишком далек от нас, организаторов Кружка, и поэтому при обсуждении того, кого из профессоров пригласить на вечер, предложение их учениц о приглашении на вечеринки и их было нами с С.И. сразу отведено. Не пригласили ни разу и С.Ф.Платонова. Кружок был организован университетской молодежью для ознакомления с работами друг друга в неофициальной обстановке. Так было изначально. Такой непосредственной простоты отношений, какая была у молодежи с Е.В.Тарле, с С.Ф.Платоновым не было и не могло быть. Платонов в любой обстановке оставался академиком и «тайным советником» и держал себя так, что никто этого не забывал. Тарле был близок к университетской молодежи, очень неравнодушен к женской ее части вообще, был близок с М.К.Гринвальд и не казался нам старым. С.В.Рождественский, приглашенный однажды как профессор, с которым всем русским историкам приходилось иметь дело и по линии магистерских экзаменов, и по линии оставления при Университете, неожиданно проявил большой интерес к вечеринкам и — как и Е.В.Тарле — стал их постоянным участником.

Мне трудно вспомнить перечень читавшихся на «пятницах» докладов потому, что большинство этих докладов позднее были поставлены на заседаниях Исторического Исследовательского Ин-та или напечатаны, и я просто не помню, читался ли тот или другой доклад у нас или где-либо в другом месте.

Первый доклад читал А.А.Введенский. Это было одно из его исследований по истории «торговой фирмы» Строгановых, едва ли не то, которое он напечатал в 1921 году в «Русском историческом журнале»⁶⁴.

Результаты своих исследований по истории XVI-XVII веков, связанных с историей дома Строгановых, ставших основной темой его исторических работ как ученого на многие годы, Введенский докладывал на «пятницах» неоднократно.

Вообще можно не стремиться к тому, чтобы текстуально вспомнить названия прочитанных докладов. Докладывали то, над чем работали. Темы работ, естественно, углублялись и расширялись, но оставались теми же многие годы. Данини читала доклады по истории промышленности и торговли в провинции Дофинэ; Гринвальд — по проблемам истории Англии эпохи Питта. Б.А.Романов — по русско-японским отношениям накануне русско-японской войны и политике Витте. Садиков по истории документа. А.Н.Шебунин почти исключительно вторым номером, т.е. после основного чьего-нибудь доклада, читал свои рецензии на то, что выходило из печати в текущее время или живо и ярко рассказывал о новинках литературы, относящихся к новейшей всемирной истории.

Помню два диспута, в которых принимали участие он, С.И. Тхоржевский, Попов и Островская, когда буквально пух и перья полетели: один был посвящен «Смене вех» — злободневной тогда теме; другой — Шпенглеру. А.Н.Шебунин был в большей степени публицист, чем ученый и историк, и этим определялись его выступления.

У меня сохранился список части докладов, читанных С.И. Тхоржевским на «пятницах» и в Клубе Дома Ученых в 1920-1925 годах. Не имеет значения, какие из докладов были прочтены у нас и какие в Доме Ученых: аудитория, примерно, была одна и та же; с той разницей, что в Доме ученых она была многократно больше и специалисты-историки были в меньшинстве.

Так вот этот список докладов С.И.Тхоржевского:

1. Ключевский как социолог и политический мыслитель*.
2. Общественная философия Новгородцева.
3. Предмет социологии (читался только в Д.У.)
4. Бунт Стеньки Разина (читался только в Кружке).
5. Герои-разночинцы.
6. Мятеж 1648 года в Москве.
7. Государственное землевладение в XVII веке⁶⁵.
8. Пруссачество и социализм в изображении Шпенглера.
9. Емельян Пугачев. Опыт характеристики.
10. Плеханов как историк.

* Опубликовано: Дела и Дни. Пг., 1921. Кн.2. (Прим. автора).

11. Социальный состав пугачевщины*.
12. Москва и Донское войско в XVII веке**.
13. Рабочие и крестьяне на Дону в XVIII веке***.
14. Современные течения в русской социологии.

Понемногу, однако, вечеринки получили большее значение в нашей жизни, чем ученые заседания. Доклады по пятницам читались, но с течением времени получилась уже возможность поставить доклад в более широкой и авторитетной аудитории, что каждый имеющий что доложить и старался сделать. Вечеринки же являлись праздником и отдушиной для проявления общественного темперамента и талантов членов Кружка. Большинство было еще молодо, средний возраст был 25-35 лет, и это играло роль в стремлении проявить себя всесторонне.

С течением времени изменились и внешние атрибуты, и обстановка наших вечеринок. Отпала необходимость в предварительной доставке дров для отопления гостиной, большинство получило «ученый паек», и наши дамы по очереди пекли для вечеринок печенье и пироги из предварительно собранных со всех участников составных частей этих изделий.

Помню, как наши молодые ученые, мужчины, привозили к нам на санках на противнях спеченные кем-нибудь из дам в своей кухне пироги — иногда с Каменноостровского (Кировского) проспекта, т.е. за несколько километров и через два моста. На нашей кухне наша няня Пятя с женой коменданта «академического дома» Курда готовили горячие ужины. Никто из членов Кружка не тяготился приготовлениями к вечеринкам; наоборот, все это было источником веселья и предлогом для развлечения и дружеской близости друг с другом.

Эволюционировала жизнь, эволюционировал быт, эволюционировали и мы. Со временем уже вносилась для устройства вечеринок на продукты какая-то скромная, чтобы никого не стеснять, сумма денег Сергею Ивановичу, а мы с ним определяли, что купить и что приготовить, причем он, во всем талантливый, быстро соображал, как лучше и экономичнее все сделать. Эволюционировали и наши костюмы, и внешний вид Кружка. У мужчин появились белые воротнички и отглаженные брюки; никто не приходил небритым. Дамы приходили в нарядных платьях и прическах. У всех, за исключением М.А.Островской, которая в силу особенностей, ей присущих, ходила в costume времен военного

* Труд в России. Л., 1925.

** Русское прошлое. Пг. 1923. №3⁶⁶.

*** Архив истории труда в России. 1923. Кн.8⁶⁷ (Прим. автора).

коммунизма и «мальчиковых» нечищенных ботинках, появились туфли, хоть и не бальные, но такие, в которых можно было танцевать: пришел нэп, и купить можно было все, что угодно; появилось снабжение костюмами и другими вещами через Дом Ученых.

Очень хорошо помню, как мы: Тхоржевский, Шебунин, Островская, Шатилова, Либталь и я, обсуждая программу предстоящей вечеринки и без конца смеясь и потешаясь, прослушивая те номера, которые удалось кому-нибудь подготовить, смеялись над тем, как у нас скудно по линии докладов, подготовленных специально для нашего Кружка, таких, какие мы не услышим позднее на заседаниях в Университете или не увидим в печати, и как, в сущности, легковесны наши ученые собрания: у всех преобладало желание повеселиться и отогреться.

Было это уже не в первый год существования Кружка, мы все уже хорошо знали друг друга, и на другой день после этого «рабочего» собрания я получила от Сергея Ивановича стихи с забавной характеристикой деятельности Кружка и его членов. Стихи эти были прочитаны на очередной вечеринке и были для нас злободневны. Вот их текст:

Кто хоть несколько знаком
С историческим Кружком,
Тот выводит заключение,
Что девиз их — развлечение.
Собираются не густо,
В разговорах будто пусто,
Пировать же — мастера
И танцуют до утра.

Их болтливый председатель
Что-то знает кой о чем
И читает обо всем.
Как политик обыватель,
Но с кубистами приятель
И великий гастроном.

Кто докладов не желает
Даже слушать — ни-ни-ни.
Вечера же обожает
И хоть в винах толк он знает,
Но, пируя в наши дни,
Пить готов хоть Ерофеич.
Кто он?

Николай Сергеич.

Франт в пенсне (его сосед)
Из породы Галейранов,

Дипломат и сердсеед.
Это кто? Борис Романов.

Ножкой стройною горда,
Кто балетная звезда?
Кто затей здесь всех пружина?
Корнилович — балерина.

И подруга ей под стать:
Мастерица сочетать
Бал с архивною скрижалю...
Каждый может угадать
Под прозрачную вуалью
Здесь Платонову Наталью.

Пирог и все там вкусно.
Кто готовит столь искусно?
Повара или богини?
Шефом кухни кто?
Данини!

Здесь в лорнет глядит она,
А умом погружена
В мир вождей великих Бритта
Дизраэлей, Фокса, Питта...
Это — Гринвальд Маргарита.

В обращеньи политична,
И в делах она практична,
Но доклад отложен вдаль.
И взамен его, тактично
Печет пряники Либталь.

Богатырь, каких уж нету,
С виду несколько суров,
Но несется по паркету
Легче перышка Петров.

И цыганка, и поэт,
Не рифмач, не Маяковский,
А лирический, как Фет...
Это чей портрет?
Матковской.

Он собраний учредитель,
Их исправный посетитель.
И гремит трубой вселенской
Баритон Андрей Введенский.

Любит голос повышать
И собанья посещать

Рада бы хоть ежедневно.
Это — Мария Андревна.
Лысый, бритый, он артист,
Ядовитый публицист.
Любит выпить, душу грея.
Я добавлю: он марксист,
Чтоб узнали поскорее
Вы Шебунина Андрея.

В моде спайка.
У Кружка связь надежна и крепка.
Идеальнейшая спайка —
Их прекрасная хозяйка!

У меня сохранился экземпляр этих стихов, написанных по старой орфографии, с ятями. На листочке дата: 26 декабря 1923 года. В этот день мы праздновали трехлетие существования Кружка. /.../⁶⁸

Итак, мы веселились, как умели. Программа вечера была всегда насыщена содержанием. В ходу были игры. Играли даже в кошки-мышки, в фанты, ставили шарады и пр.

В промежутках танцевали непрестанно. Радио, радиолы тогда еще в быту распространены не были. Никакого музыкального ящика ни у кого из нас не было. Чаще всего играл на рояле А.П.Штакельберг, главным образом вальсы, реже танго, венгерские и всякие танцы.

Однажды, когда наши гости разошлись уже около восьми часов утра, предварительно на прощанье исполнив, несмотря на мои мольбы не шуметь, «Вещего Олега» — песню с лихим солдатским свистом и притопыванием, меня остановила на парадной лестнице Серафима Васильевна, жена Ивана Петровича Павлова, и любезно попросила устраивать наши танцы, «если возможно, то не каждую неделю»: наша квартира была расположена непосредственно над квартирой И.П.Павлова, и, по словам С.В., И.П. всю ночь ходил с подушкой и не нашел места в своих шести комнатах, где не слышно было бы шума от нас. Очень сконфуженная, я извинилась и обещала вовсе прекратить всякий шум по ночам, а она с изумлением добавила: «И чему вы там все время смеетесь? Как будто теперь есть чему смеяться!»

Да, времена были тяжелые и жизнь суровая, между тем, я думаю, что за всю свою жизнь мы так много не смеялись, иногда просто страшной ерунде, как в те счастливые молодые годы.

Было ли у Исторического кружка политическое лицо? Силами С.И.Тхоржевского в гостиной и за столом всегда соблюдался такт. Он предвидел возможность политической оценки наших со-

браний и сознательно держал курс на аполитичность их. Болтали на политические темы не более, а определено менее, чем в любой аудитории Университета, при встрече в библиотеке, в столовой, в очереди за пайком, в комнате у друзей. Собиралось до тридцати человек, люди были разные и от каких-либо «высказываний» на политические темы воздерживались. В общем, политическое лицо Кружка было лицом русской интеллигенции тех лет: большая часть боялась и красных, и белых и тщиалась «уцелеть в катавасии». Большинство из нас были невинны в отношении марксизма.

Формально среди членов Кружка можно было насчитать людей разных партий. А.Н.Шебунин — меньшевик, М.Н.Мартынов — эсер, С.И.Тхоржевский и М.А.Островская близки к кадетам, А.А.Введенский близок к большевикам.

Последний уже в то время стал бы коммунистом именно по внутреннему тяготению и тому обстоятельству, что «своим» он у С.Ф.Платонова, ведущей в то время силы, не мог стать никогда, но он боялся прогадать и ошибиться и занимал неопределенную позицию как общественная единица в Университете и в Кружке. Вся «контрреволюция» за все время существования Кружка заключалась в стихах Тхоржевского, в которых он пишет, что «век коммунистический нам конгрессов не видать» — тогда это и впрямь так казалось, — и в стихах того же С.И., посвященных выходу в свет «Анналов» — исторического журнала, который редактировал Е.В.Тарле.

Как всегда, С.И. принес их мне и оставил экземпляр этого посвящения. Он сам смеялся, что «покадил Тарле», но иначе он «не мог подобрать рифмы».

Тарле был очень доволен и сейчас же отобрал у С.И. его экземпляр, так что я думаю, что тот экземпляр, который сохранился у меня, единственный.

Текст:

К ВЫХОДУ В СВЕТ №3 ЖУРНАЛА «Анналы»

Блещут ярче, чем кристаллы,
Ярче пурпурных знамен
Сочетанье двух имен:
Тарле и Анналы.
В наше время
Как ни горек
Русских авторов удел,
Но всеобщнейший историк
Всех «Анналами» задел:
Ряд талантов смог привлечь,
Дам увлечь и всех запретить.

Обеспечен им успех
И без всякой «смены вех».
Он от скифов ехать к галлам собирался.
На беду
Здесь вмещалось ГеПеУ.
Дело кончилось провалом.
Он же отомстил журналом.
Номер три есть предлог
Тарлеянкам спечь пирог,
Тарлеянкам со всех ног
На пирушку прилететь
И пропеть, звеня бокалом,
Славу Тарле и «Анналам».

Было у нас осознанное или неосознанное стремление сохранить «свой мир» и противопоставить его новому миру? Может быть, меня упрекнул в недопонимании и несознательности, но я с убеждением отвечаю: «Нет». Почему-то мне вспомнилось, как в английском суде те, кто дают показания, в знак того, что они говорят «правду, только правду, одну только правду», кладут руку на евангелие. Фигурально я тоже кладу руку на евангелие и говорю «правду, только правду, одну только правду»: не было у нас «своего мира», который мы хотели бы уберечь, потому что наш Кружок был объединением интеллигенции. Никто из нас (за исключением Платоновых — но Платонов к нашему Кружку отношения не имел) ничего не потерял. Все мы принадлежали к третьему сословию — трудящейся интеллигенции, с некоторыми нюансами в смысле общественного и имущественного положения и все хотели найти свое место в науке и в жизни, все хотели работать и очень тяжело переживали невозможность остаться в Университете после той ломки, какая произошла в 1924-1925 гг., тяготились необходимостью переключиться на школьную педагогику, работу административную или библиотечную или познать горечь безработицы, которая особенно была трудно преодолима в 1927-1929 годах.

Такова правда о Кружке молодых историков. И как далеко то, что сделали или, вернее, стремились сделать из факта его существования на следствии по Делу № 1803...

Однажды меня вызвали вниз, на допрос, рано вечером, т.е. часов в шесть-семь вечера.

Кабинет начальника ДПЗ. Огромное количество военных разных рангов. Сидят. Стоят. Моих следователей ни одного. На столе — он выдвинут на треть комнаты — горы папок с делами. И, как всегда, пустое кресло перед столом — для допрашиваемого.

За столом спокойный, хорошей наружности немолодой военный. Сам Медведь⁶⁹ — позднее я узнала, что это был именно он. Он показывает непринужденным жестом, чтобы я села в кресло перед столом — против него. Несколько вопросов относительно Кружка молодых историков. /.../⁷⁰ Медведь бегло прочел список членов Кружка. Кое-кто не был назван, но основные, посещавшие Кружок, были названы все.

«Имеете добавить?» — «Больше никого не помню».

Список этот, как оказалось впоследствии, найден был при обыске и аресте Н.В.Измайлова, мужа Н.С.Платоновой, и был нашим обычным списком для отметки вносимых «паев» на вечеринку. Измайлов был арестован в сентябре-октябре 1929 года⁷¹, другие же члены Кружка — некоторая часть — с 13 на 14 января 1930 года. Из показаний Измайлова, не придававшего собраниям нашего Кружка никакого значения, как и любой из нас, следствие установило былое существование Кружка. Дело заварилось и было присоединено к Делу № 1803 академика С.Ф.Платонова*.

Это было одно из кардинальнейших положений, которое меня заставляли «признать» и подписать, и против чего я категорически протестовала. «Это неправда. Это неверно, — говорила я, волнуясь. — Платонов не принимал никакого участия в организации Кружка и никогда не бывал на собраниях и вечеринках».

«Охотно верю. Конечно, он не "организовывал" ваш Кружок. Для этого у него были, как везде, доверенные люди».

«Но мы с Введенским не были этими доверенными людьми, а кроме нас, никто не был организатором Кружка».

«Речь не о вас(?). Вы не отрицаете, что собрания Кружка бывали на квартире у Платонова?»

«Отрицаю. Раза два-три мы собирались у его дочери, Н.С. Платоновой-Измайловой. С.Ф.Платонов жил на другой половине квартиры, и мы его ни разу даже не видели».

С насмешкой: «Ах, вы его ни разу не видели! Академик Тарле бывал?»

«Тарле бывал на вечеринках Кружка и ни разу не был на заседаниях».

«Кто из профессоров еще бывал в Кружке?»

«С.В.Рождественский, А.И.Заозерский. Заозерский был раз на чем-то докладе, Рождественский бывал только на вечеринках».

Я знала, что Заозерский был арестован много раньше нас; не по делу Кружка, а по обвинению в создании другого кружка у

* На полях рукою Н.С.Штакельберг написано: «Пропущена целая страница».

себя на квартире; знала и об аресте С.В.Рождественского и считала, что лучше сказать самой то, что было правдой.

«Почему вы приглашали Тарле и Рождественского, имели постоянную связь с Платоновым (я протестую), почему именно этих профессоров?»

«Это были непосредственно наши учителя. Отсюда и связь только с профессорами, с которыми нас сближала повседневная работа».

После этого вопроса последовал долгий разговор о директивах, будто бы получавшихся в Кружке от Платонова, Рождественского и Тарле.

Далее о составе Кружка. «Почему в Кружок вошли юристы: Тхоржевский, Цемш?»

«Тхоржевский уже давно работал по русской истории и был связан с русскими историками. Цемш попал в Кружок случайно».

«Как избирали членов Кружка?»

«В Кружок не избирали. Он расширялся по принципу личных знакомств».

Медведь порывлся в папку. «Вот: "Островскую мало о том попросить, Шебунин его забракует"» — У кого-то взяли стихотворение о Кружке того же С.И.Тхоржевского; я вспомнила эту фразу.

Отвечаю: «Это шуточное стихотворение».

Медведь, настойчиво: «Кто был в тройке, от которой зависел прием в члены Кружка?»

Я: «Никакой тройки не было. Определяли приглашение нового лица мы с Тхоржевским, так как в наших руках была вся хозяйственная часть, и мы знали, сколько людей вместит помещение. В члены Кружка не вступали и членов не принимали. Просто появлялся новый гость, кто-нибудь из работающих по истории, личный знакомый какого-нибудь члена Кружка».

Меня высылают «подумать». Сажу в коридоре и думаю о чем угодно, только не о мифической «тройке», потому что никакой тройки никогда не было. Кружок, действительно, образовался по признаку личных знакомств и связей.

После долгого сидения в коридоре, по возвращении на допрос, я пытаюсь объяснить Медведю, что такое был по существу Кружок молодых историков, но это его самым определенным образом не интересовало. Он настойчиво предлагал мне подтвердить, что Кружок был создан по инициативе академика С.Ф.Платонова и в него принимала членов тройка, в которую входили Тхоржевский, Шебунин и Островская.

После очередного отрицания роли Платонова в создании Кружка и существования тройки Медведь довольно долго допрашивал меня относительно партийности членов Кружка. Он настаивал на том, что Шебунин был меньшевиком, Мартынов — эсером, Островская и Тхоржевский кадетами, и хотел знать, к каким партиям принадлежали другие. Я отказывалась подтверждать то, что просто не знала, и говорила, что если Шебунин и Мартынов к каким-то партиям принадлежали, то это ни в чем не проявлялось, а больше партийных не было.

Я была спокойна до того момента, как Медведь сказал мне, что мы допускали в Кружок только «своих» и годами скрывали существование Кружка от партийной организации Университета и от русского историка Михаила Мироновича Цвибака⁷², единственного члена ВКП(б) на кафедре русской истории. Это был единственный вопрос, на который трудно было ответить и в котором мы были уязвимы. Мое нарочито наивное — «Цвибака просто не любили как человека и потому не приглашали» — вызвало неодобрение Медведя. Слов не помню. Но смысл был ясен: «не морочьте мне голову».

Да, от Цвибака скрывали существование Кружка. Но не потому, что он был членом ВКП(б), а потому что это был подлый мерзавец, делавший в те годы карьеру на живых людях и до глупости беспринципный.

В распахнутом бушлате, в матросской тельняшке, с голой грудью, в матросской шапочке с лентами и в широченных брюках клеш он ходил по университетским коридорам и изображал лидера классовой борьбы в Университете. По-моему, он был из мелкобуржуазной семьи. Я помнила его «нарядно» одетым, в белом воротничке с галстуком, расшаркивающимся весьма любезно. Мы были с ним товарищами по кафедре, хотя он был года на два моложе меня. Он мне в то время доверял. Помню, как он советовался со мной, стоит ли примыкать к зиновьевской оппозиции или не стоит, так как возможен ее провал, и вслух обсуждал, на что, собственно, стоит ориентироваться. Я никогда не принимала его всерьез и иногда откровенно издевалась над его карьерными соображениями. «Идейность» его выразилась лишь в том, что он назвал новорожденного сына Маратом. Мы с ним встречались два раза в неделю на занятиях у профессора Полиевктова и вместе были два раза у профессора Преснякова и часто разговаривали при встрече в Публичной библиотеке. Относился он ко мне лично дружелюбно, но я, не считая его добропорядочным человеком, ни словом не обмолвилась в его присутствии за все годы существования Кружка о его существовании. Вспоминаю, что Сергей

Иванович предупреждал всех не раз: «Не забудьте, Цвибак!» — когда нужно было оповестить, что собираемся на вечеринку или будет чей-нибудь доклад вместо оповещенного. Напоминал он, чтобы остерегались и не забыли и не грохнули о Кружке в присутствии Цвибака.

Ничего не скажешь. Скрывали. Не хотели, чтобы он узнал о существовании Кружка. Боялись развала Кружка и прежде всего непосредственности отношений, если бы на вечеринках появился этот мерзавец.

Но в те годы он был представителем ВКП(б) на кафедре, и то, что мы скрывали от него свое существование, означало, что мы отгораживались и от ВКП(б).

А по-честному? По-честному, ничего не скажешь: отгораживались от Цвибака, но отгораживались и от ВКП(б)... Как вся интеллигенция в те годы.

Это я, конечно, Медведю не сказала. Это, конечно, сказал А.А.Введенский, который был выпущен через три недели после ареста: ордер на его освобождение показывал мне Стромин дня через три после первого допроса, предлагая мне такой же на условиях предательства. Между прочим, он прочел показания Введенского относительно меня. Введенский дал обо мне отзыв как об отошедшей от научной работы из-за семьи, утратившей университетские связи, с явной целью облегчить мою судьбу. Это, по сути дела, было правдой.

Но это было в первый период допросов. Теперь же, на допросе у Медведя, дело принимало тяжелый оборот.

В частности, он настаивал на том, что наши «так называемые вечеринки» были «явками», на которые собирались затем, чтобы иметь возможность, под предлогом танцев и ужина, установить связь с нужными людьми и получить директивы.

Мое искреннее изумление, зачем это нужно было и кому, тогда как любой из нас мог встретиться и встречался со своими профессорами и друг с другом в Университете, библиотеках, архивах, — повисало в воздухе, как повисали в воздухе и мои утверждения о том, что мы были люди разных политических взглядов и что о политике как-то молча все условились не говорить.

Медведь порывлся в одной из папок.

«Вам известно, что в вашем Салоне намечались кандидатуры на царский престол в случае свержения Советской власти?»

«Это ужасное заблуждение. Этого никогда не было!» — говорю я в ужасе.

«Не известно? А почерк С.В.Рожественского вы, его ученица, знаете?»

Он протягивает мне толстую пачку исписанной писчей бумаги: на ней на каждой странице внизу подпись: С.В.Рождественский — подлинная. А протокол написан, очевидно, следователем.

Медведь читает протокол. «Вот!» Перегибает лист, и я читаю: «Показываю, что мною, совместно с академиком С.Ф.Платоновым, выяснялось на так называемых вечеринках у Н.С.Штакельберг отношение молодых ученых Университета к избранию законного правителя России в случае перехода власти в стране к законному правительству».

У меня дух захватило. И невольно: «Рождественский просто испугался. Положение его трудное... эти, его... монархические книжечки...» Я замолкаю, чувствуя, что последнее говорить не стоило. Но ведь всем известно, что Рождественский был автором монархических популярных книг по русской истории.

Медведь посмотрел на меня серьезно и недружелюбно. Все время допроса у меня было впечатление, что он, допрашивая меня, лишь как-то уточняет и проверяет дело, но давления на меня не оказывает и первый раз со мной разговаривает по-деловому, по сути дела, не запугивая меня и не сбивая.

Но заключение разговора меня ужаснуло:

«Так вы что же утверждаете, что Исторический кружок, бывший нелегальной организацией, членом которого являлись меньшевики, эсеры, монархисты, кадеты, возглавляемый махровыми контрреволюционерами и монархистами — академиком Платоновым и профессором Рождественским, собиравшийся на квартире баронессы Штакельберг больше пяти лет, втайне от администрации и партийных организаций Университета, нигде не зарегистрированный, вы утверждаете, что он не имел политического лица и политических целей, и вы хотите, чтобы мы этому верили?»

Я в ужасе: предпосылки и факты одни, выводы другие.

Мой ответ: «Я надеюсь, что вы разберетесь. Вы берете мерки 1930 года и меряете по ним события 1920 года. Посмотрите, что делают и какое политическое лицо имеют сейчас бывшие члены Кружка. Большинство бывших членов Кружка в настоящее время советские служащие или научные работники, работающие безупречно или вовсе отошедшие от всякой общественной жизни, как, например, я».

Его реплика: «Маскировка». И неожиданно: «Вы верующая?»

Я могла ожидать чего угодно, но этого я не ожидала. Момент сомненья. Как сказать, как объяснить то, что я называю «верующая»? Просто ответила: «Да».

«Вы были связаны с теософами?» — «Нет».

«С пятерками, которыми руководил (я забыла фамилию, которую он назвал), вы были связаны? Кто-нибудь из вашего Кружка был с ними связан?»

Мое изумление явно неподдельно: «Какие пятерки?»

В кабинет неожиданно вводят давно небритого, с длинными волосами, в мятой и грязной одежде, темного лицом человека лет около 48-50.

Я пропустила момент, когда был дан знак, чтобы его ввели. Он взглянул на меня. Я, изумленно, на него. Думаю, что было ясно, что мы видим друг друга впервые.

«Знаете ее?» Очень интеллигентный, тихий голос: «Нет».

Медведь кивком головы указал на меня: «Увести!»

Мне казалось, что прошло не так много времени, так все было напряжено во мне во время допроса, но, когда я возвращалась с допроса, жизнь в тюрьме уже началась, туда и сюда сновала охрана, прошли кухонные рабочие...

Неужели я была на допросе часов двенадцать? Правда, меня дважды высылали в коридор, каждый раз я томилась часа два, но все же...

После этого кардинального допроса меня перевели в одиночку. /.../⁷³

Допросы... впрочем, не допросы, а оскорбительный крик и угрозы за отказ подписать вариации того же протокола продолжались. На смену Стромину пришел Мосевич⁷⁴. Стромин был подлый и, кроме того, поразительно бездарный. Нужно было собрать показания всех, привлеченных по делу, понять самому суть дела и из этих подлинных показаний извлечь ядро обвинения. Несомненно, нашлись бы и консультанты по делу среди арестованных и не арестованных и «кающихся» без всяких принудительных мер. Следователи же вынуждали подписать признание в виде вымышленных вульгарно-антисоветских формулировок и немыслимые, ложные, недопустимые для всякого порядочного человека обвинения товарищей и учителей-профессоров.

Шел двадцатый день моего заключения в одиночке, и семнадцать ночей меня вызывали на допрос. Иногда меня допрашивали, иногда вызывали для очной ставки, которая ни разу не состоялась, так как я отказывалась видеть тех, с кем мне предлагали дать очную ставку, а с теми, кого я называла, мне отказывали во встрече. «Хотите идти на поводу у дяденьки!» — заорал следователь, когда я сказала, что прошу дать очную ставку с Тхоржевским. Большей же частью меня не допрашивали, а издевались надо мной и выматывали нервы. Я, зная, что меня могут вызвать, пробовала не ложиться и настроженно прислушивалась

к шагам в коридоре, сидя на постели одетая. В дверь стучали, в окошечке появлялся глаз: «Ложись!» Я ложилась. Едва смыкала глаза и забывалась, снова лязг отворяемой двери и окрик: «На допрос!»

Час, два в подвале, у дверей комнаты следователя, где-нибудь рядом в комнате, затем вызов в комнату следователя и лениво-отсутствующий взгляд его: «Я ошибся. Вы мне не нужны». Или все тот же безобразный и оскорбительный крик с угрозами, очередное издевательство или вдруг любезный, внешне даже доброжелательный тон: «Извините, я принужден был побеспокоить Вас так поздно... Нам, собственно, и не важны ваши показания, которые мы давно уже имеем от Введенского, Романова, Данини, Гринвальд и других... Дать нужные показания в ваших же интересах...»

Я не перебивала, не протестовала. Категорически отказывалась от очной ставки с Введенским или Романовым. С интересом выслушивала содержание фальшивок. Иногда в них употреблялись слова и фразы, которые действительно мог сказать или написать один из названных, но основа была ложь, ложь и ложь, политические признания в активной борьбе против советской власти, о которой из нашей группы арестованных никто и не помышлял.

Как-то раз я, полная тревожных дум о безвыходности своего положения, мыслей о том, как мне уйти из жизни, утащила у Стромина граненый стакан со стола: я хотела вскрыть вену на руке.

Я унесла стакан под платком, накинутым на плечи. В камере, ночью, я его раздавила, но стекло было очень толстое, нужно было расковырять руку, чтобы добиться результатов. Спрятав в разные места осколки, зашив часть их, для верности, в казенный матрас, я выписала папиросы и спички. Прямого запрещения относительно выписки папирос не было, поскольку лишение папирос имело значение почти исключительно для мужчин. Папиросы и спички мне дали. Как всегда — все чисто формально: продуктовая выписка запрещена — продуктов и мыла мне не разрешили выписать. Относительно папирос и спичек запрещения нет — их мне дали. Папиросы я отправила в унитаз, для видимости подымив одной, а у спичек тщательно соскоблила серу и набрала, таким образом, довольно большой порошок.

И вдруг неожиданно дверь открылась вне обычных посещения корпусного, и он возгласил: «Приготовиться! Прогулка!»

Стоял конец февраля. Был седьмой час вечера, и уже совсем темно. Я оделась, миновала, как всегда при спуске вниз, ряд железных лестниц и переходов и вышла в сопровождении конвоира

на крошечный, обледенелый дворик, кругом сдавленный стенами тюрьмы.

С одной стороны, близко, на возвышении, маячил в тулупе под деревянным грибом часовой. Дул холодный ветер, едва не сбивая с ног. Было градусов двадцать пять мороза. Задыхаясь, борясь с ветром и в то же время радуясь ему, я сделала несколько кругов по дворику. Пятнадцать минут истекло. «Кончай прогулку!» Я хотела быть любезной и сказала конвоиру по поводу часового, что он, бедный, вероятно, сильно замерз. В ответ злобный взгляд: «Из-за вас мучается, контров», — и безобразное ругательство. Три дня водили меня на прогулку. Потом прогулки так же неожиданно прекратились, как и начались. В эти дни, когда мне смягчили режим и назначили прогулку, мне вдруг разрешили и выписку. Кажется, это совпало с месячным пребыванием в одиночке. Передачу в одиночку мне не дали ни разу. Я выписала, про запас, все, что было в данном мне списке. Корпусной, посмотрев на мой список, даже крикнул и засмеялся, но получила я граммов триста компоту и опять папиросы.

На другой день корпусной заглянул в форточку в неуточное время: «Деньги у вас есть?» — «Есть». Как-то я ухитрилась сохранить при поступлении пятьдесят рублей одной бумажкой.

«Давайте!» Через короткое время опять явился. Принес грамм триста семги, розовой и тонко нарезанной, в чистой бумаге, кулечек хороших конфет и сдачу. — «Чтоб вы потом не говорили, что я вас голодом морил!»

До сих пор не разберусь, как он мог дать продукты на «наличные», которых у меня не должно было быть, да еще отдал сдачу обратно, а не заприходовал ее на мой счет? Может быть, он имел право сделать это в силу своих административных прав?

День спустя мне не дали утром щетки натирать пол. Я знала, что совершенно бесполезно выяснять что-либо у дежурных, и дождалась корпусного. Дежурил опять Седов — тот, что принес мне семги. Обход корпусного совершался ежедневно по ритуалу. Слышался лязг отворяемых и затворяемых дверей — как шкафов-сейфов огромного размера. Резонанс в первом корпусе был неповторимый. Топот многих ног — как правило, корпусного сопровождали двое конвоиров, остававшихся вне камеры.

Подойдя к двери, которую отпирал ключом сопровождающий, он быстро, как на параде, входил в камеру, моментально оказывался у окна и раз-два — спиной к окну и лицом к заключенному, очевидно, во избежание нападения со стороны заключенного. Спереди, у дверей, конвоиры, за спиной стена с окном... Обычное и неизменное: «На что жалуетесь?» Улыбаясь, я на этот раз

сказала: «Мне не дали щеток натирать пол». — «Ваше ли это дело? Подписывайте протокол, а то худо будет. Пора камеру освободить!» — «А вы все-таки скажите, чтобы мне дали щетки, это для меня гимнастика».

Перестал улыбаться, озлился, я же нарочно, наивно сказала: «Не сердитесь, пожалуйста». Он дернул головой, не улыбнулся, но буркнул вполголоса: «Озорная!»

На другой день щетки мне все-таки дали. Просила книг — не дали. Просила бумаги — не дали. Просила я, отлично зная, что не дадут. Просто хотела лишний раз поговорить и по ответам выяснять, как мои дела. А ответ был один: «Пишите следователю!»

От сознания, что я в любой момент могу проглотить порошок с серой и вскрыть вену, я стала спокойнее.

Между прочим, в первом корпусе меня дважды водили в ванну. Дежурный, вместе с утренней кашей, протянул мне крошечный кусочек серого мыла и сказал: «Баня». Этжами одним или двумя ниже, я уж спутала, в железном окружении под лестницей, несколько часов спустя меня ввели в комнатку, в которой едва помещалась ванна, с таким низким потолком, что я головой касалась его, встав во весь рост. Повернуться негде было. Одежду можно было лишь положить на краны или на пол. На откидном стуле стоял бак с водой, дверь была без запора и не затворялась плотно. За дверью — солдаты. Не одна минута сомнения. Неприятно. Но ведь ни один конвоир никогда не заглянул в «очко» камеры из озорства, никто из них никогда не оскорбил меня...

Вода в ванну была напущена. Тоже не аппетитно. Я предпочла бы предварительно ее вымыть. Вода в баке ледяная. Орудий переливания никаких, окатиться нечем. Я с наслаждением вымылась, стоя в ванне, несколько раз окунула в бак с холодной водой какую-то часть своего туалета и прополоскала, отжимая ее, волосы. Вытерлась холодной водой. Спросить у солдата ковш я не решилась.

Второй раз «баня» была с надзирательницей-женщиной. Был ковш и снова уже налитая ванна, но ужасная жара, отсутствие воздуха и такой пар, что у меня сразу заболело сердце.

Тем не менее, процедура омовения, неожиданное развлечение, забавные мысли о несоответствии и некоординированности действий ГПУ и администрации ДПЗ отвлекли и переключили мое внимание от угнетавшего меня и дали некоторый отдых от него.

После некоторого смягчения режима снова начались ужасные дни. Опять не давали спать и вызывали по несколько раз за ночь.

Один раз, чтобы показать, что дело серьезнее, чем я, очевидно, думаю, меня посадили в комнату, рядом с которой допрашивали Е.В.Тарле.

Я видела, как он вошел с красным взволнованным лицом. Его обычный зачес на голове жалким образом повис в ненадлежащую сторону. Он был без галстука, как все заключенные-мужчины, в пиджаке и судорожно теребил ворот рубашки, как бы поправляя несуществующий галстук. Мы встретились с ним глазами.

В противоположную дверь влетел Стромин. Излишне шумя, махая руками, припрыгивая на цыпочках, он прикрыл дверь в кабинет, в котором находился Тарле и человека четыре следователей: он явно делал вид, что я увидела случайно недозволенное. Через две минуты конвоир отвел меня в другой коридор. В углу, повернувшись лицом к стене, не оборачиваясь, стоял профессор С.В. Рождественский.

В стороне я увидела стул. Неожиданным для моего конвоира движением я схватила стул, стоявший у противоположной стены, поодаль, и поставила его молча рядом с Рождественским. Он дрогнул, как-то втянул голову в плечи, дико взглянул на меня и отвернулся.

«Твое дело стулья разносить! Давай дальше! Давай назад!» — конвоир растерялся. В это время спокойно, как в Университете, важно и абсолютно не отреагировав на Рождественского и на меня, в открытую дверь комнаты с обычной мебелью в белых чехлах (диван, кресла, письменный стол, кровать, еще что-то — так мне запомнилось) прошел глава предполагаемого процесса академик Сергей Федорович Платонов.

Он был в воротничке и галстукe, хорошо выбрит и подстрижен, как, впрочем, и Рождественский.

Меня поразили руки: чистые, белые... блеснуло обручальное кольцо.

Он прошествовал в комнату. Конвоир закрыл за ним дверь и стал у двери, как часовой — без ружья.

Он просто дежурил: стул, который я дала Рождественскому, очевидно, был предназначен для него. Он деловито взял его и поставил рядом с дверью Платонова. Дверь комнаты, в которой находился С.Ф. Платонов, имела вид двери в кабинет следователя, и на замок ее не заперли. Все это заняло какие-то секунды. Я поняла, что Рождественского «поставили». Иногда так стояли сутками, и это тоже было истязанием. /.../⁷⁵

Однажды меня вызвал основной мой следователь Мосевич и дал мне две бумажки с текстом.

На одной было написано: «Признаю, что Кружок молодых ученых являлся антисоветской организацией». На второй: «Признаю, что Кружок молодых ученых являлся советской организацией». Это были четвертушки обыкновенной почтовой бумаги

с линейками. Я стала вчитываться в текст. «Подпишите ту или вторую немедленно!» Мосевич стал совать мне перо, лез в лицо, едва не хватал меня за руку: «Подписывайте!»

Я молчала. Прежде всего, Кружок не являлся организацией. Я это отрицала много раз и признать не могла, иначе все то, что я утверждала о Кружке, потеряло бы всякий смысл и приняло бы иную окраску. Не могла я подписать такой абсурд, как то, что Кружок являлся советской организацией.

Вторая бумажка «Кружок являлся антисоветской организацией» была еще более неприемлемой.

Мы не являли собой никакой организации.

Нас никто не использовал и не мог использовать. /.../⁷⁶

Политическим врагом советской власти был академик С.Ф. Платонов. Это знали все. Знала и я. Но он, действительно, никогда не бывал на собраниях Кружка и едва ли относился к ним серьезно, хотя знал о Кружке от дочерей и зятя.

Кроме того, он не одобрял «красного барона», Александра Павловича Штакельберга, отца моего мужа. Оба они, и С.Ф. Платонов, и А.П. Штакельберг, органически отрицательно относились друг к другу еще с университетских лет: оба были студентами Университета в одни годы. С.Ф. Платонов никогда не стал бы бывать на дому у человека, которого не считал политическим единомышленником. Расслоение интеллигенции в те годы обострилось, и то одно, что А.П. Штакельберг был председателем Месткома Академии наук, ставило его в ряды тех, которые «поддерживают» большевиков и, таким образом, заслуживают подозрения Платонова. В эти последние обстоятельства углубляться я не могла, потому что С.Ф. Платонов был в тюрьме, и, конечно, я не упоминала и об А.П., чтобы не осложнять дела, но для меня все было так безоговорочно ясно, что противоположная точка зрения казалась мне нарочитым извращением фактов.

Платонов держал в своих руках Государственные архивы и кадры историков. Персонально из членов Кружка с ним были связаны по работе в Госархивах и Библиотеке АН СССР очень немногие: Б.А. Романов, М.А. Островская, Н.С. Измайлова-Платонова (его дочь), О.Е. Корнилович, П.А. Садиков; правой рукой его был архивист А.А. Шилов⁷⁷, верными единомышленниками С.В. Рождественский и академик Н.П. Лихачев⁷⁸.

Уже в конце следствия мне рассказала сидевшая рядом в камере сестра генерала Люндеквиста, что в квартире Люндеквиста в 1929 году производили ремонт и обнаружили сейф с документами, в которых был список правительства, составленный генералом Юденичем и его окружением, когда он считал, что Ленин-

град будет со дня на день занят руководимыми им белыми войсками. В качестве министра иностранных дел в этом списке фигурировал Е.В.Тарле, в качестве министра просвещения С.Ф.Платонов⁷⁹. Эта Лундеквист, скромная старушка, носившая все же облик «потерпевшей на русском пожаре», была убеждена, что все мы арестованы в связи с этой находкой. Кажется сомнительным, чтобы белое правительство намечалось с участием Тарле в качестве министра иностранных дел, да и то, что со времени составления этого списка, примерно в 1920 году, прошло десять лет, лишило его какой-либо злободневности. Дело усугублялось тем, что Платонов действительно окружил себя в Архивах и Академии наук «своими людьми» и, как говорили позднее, по директивам Платонова прятали государственные документы у верных лиц на квартирах через архивных работников в целях сохранения от большевиков. Мне это в период следствия известно не было, но самое удивительное, у меня теперь создается впечатление, что следствие, создав искусственную и установочно и фактически неверную схему «Дела академика С.Ф.Платонова», эти действительно антисоветские акции Платонова, Рождественского, Лихачева и Шилова не обнаружило, а обнаружив было существование Кружка молодых историков, центрировало свое внимание, не имея достаточных данных для обвинения Платонова.

Были ли враги советской власти среди членов Кружка? Я думаю, что большинство были просто обывателями. Мы не были марксистами, но надо ничего не понимать и ничего не знать о политической жизни страны, чтобы обвинять нас за это. М.Н.Покровский едва ли не в 1930 году на юбилее «красной профессуры» сомневался в возможности привлечения к изучению марксизма всех специалистов-историков, как проектировал Ленин.

И все же. Были ли мы виновны перед советской властью? Были. Мы отмежевывались от жизни. Мы получали «ученые пайки» и брали темой своих работ вопросы, далекие от жизни, и учение, которое провозгласил Ленин, было нам чуждо. Был период, когда советская власть была для нас узурпатором, а не законной властью. Но годы шли, все эволюционировало, эволюционировало и наше политическое лицо и сознание. В 1930 году, когда все мы стали «советскими», мне казалось дикостью и несправедливостью то, что нас судят за идейные воззрения и политическое лицо, присущее всей интеллигенции в 1920 году.

Существовала обратная сторона медали.

Белое было белым. Черное было черным. Я не могла подписать то, что мне предлагали. Кружок не был «антисоветской организацией».

Мосевич, взвинчивая себя, иступленно заорал: «Подписывайте! Немедленно! То или другое!»

Позднее я узнала, что такую же бумажку дали на подпись всем ранее не подписавшим «покаяния».

Одни подписывали одну, другие — другую. С.И.Тхоржевский отказался вообще подписывать и не подписал ни одну. Он сам мне об этом сказал много лет спустя. М.Э.Либталь подписала утверждение относительно того, что «Исторический кружок являлся советской организацией», и подверглась за это насмешкам следователей. /.../⁸⁰

Вечером меня вызвали на допрос. /.../⁸¹

[Некоторое время спустя Н.С. вновь оказалась на допросе]. Допрос кончается быстро. То, что я могу подписать, т.е. правда, его не устраивает. Я плачу отчаянно и безнадежно, я не могу уже говорить и в знак отрицания только качаю головой. «Не будем портить бумагу. Бумага тоже денег стоит, — говорит Мосевич зло. — Идите, подумайте!» И сквозь зубы, будто про себя: «Лучше иметь дело с десятком мужчин, чем с одной женщиной! У нас нет никакого воображения... Вы даже не можете представить себе, на что вы идете?» С этим напутствием меня отводят.

Нет, я слишком хорошо представляла, на что я иду. Выход только один... Я твердо знаю, что я умру не за Платонова, не за Рождественского, а за личную свою человеческую честь. Как бы я стала жить предателем и трусом? На следствии я ни разу не сказала в свою защиту то, что я к кадрам Платонова не принадлежала никогда. Не сказала потому, что считала это низостью. Помню, как я, в страшном горе от того, что моя диссертация, т.е. годы работы, оказались загубленными, просила Платонова принять меня в число сотрудников рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, директором которой он был назначен. Это был 1927 год, безработица. Нэп. Я готова была нести любые обязанности, я мечтала о том, чтобы меня приняли истопницей в Библиотеку Академии наук, если нет места библиотекаря, и по исполнении прямых моих служебных обязанностей разрешили бы мне работать в рукописном научном отделе библиотеки. В 1925, 1926 году я не могла найти никакой работы. От Университета нас, оставленных при разных кафедрах Исторического факультета, отчислили весной 1924 года.

В Университете, в Академии наук, в Архивах мне прямо отвечали: «Ваш муж работает... отец вашего мужа работает... в других семьях никто не имеет работы, а вы хотите, чтобы в одной семье все имели работу!» В 1927 году распространилась сказочная весть: директор Библиотеки АН СССР академик С.Ф.Плато-

нов получил штатные единицы для пополнения рукописного отдела Библиотеки.

Я тщательно приготовилась на прием к Платонову. Обдумала все, что я ему скажу. Составила аннотацию своих работ, уже напечатанных, и тех, которые я подготовила к печати. Дважды переписала заявление о приеме.

Царедворец принял меня отменно любезно. Встал из-за стола, встретил на середине кабинета, усадил в кресло, непринужденно сел рядом и через несколько минут проводил меня до самой двери, неповторимо раскланялся и не оставил мне никаких иллюзий. На пороге он несколько задержался. «Вас кто-нибудь рекомендует?» — «Нет», — ответила прямо, не поняв, какая ему нужна рекомендация: все ему обо мне известно, какая рекомендация, чья, зачем? Выражение глаз у него было непередаваемым, но я поняла, что если бы за меня просил кто-то, для него авторитетный, я была бы принята, так же он просто удивился моей наивности.

Не была я ученицей Платонова в университетские годы потому, что он не читал лекций по вечерам, а днем я работала все университетские годы. Кроме того, после революции он вообще читал мало, я же поступила на Бестужевские курсы в 1916 году, перевелась в Университет в 1917 году и окончила его в мае 1920 года.

С Натальей Сергеевной Платоновой-Измайловой я была оставлена при Университете на одном и том же заседании в мае 1920 года. Два раза за десять лет знакомства с Н.С. я встретила с С.Ф.Платоновым в обстановке его дома, на детской елке, и один раз он был у нас на квартире на чествовании С.В.Рождественского по поводу юбилея последнего в 1923 году.

Неоднократно, конечно, я видела его на заседаниях Исторического Исследовательского Института или Исторического общества, встречала в Архиве или в Публичной библиотеке, но он, обычно, только здоровался и раз или два спросил, над чем я работаю — и вопрос и ответ — чисто формальный.

Я вернулась в камеру после этого последнего вопроса совершенно убитая. Выхода не было. Надо было или подписать ложные показания, или умереть. Ну что ж... У меня была бритва — ломаный кусочек бритвы, который я утащила в служебной комнате, когда подменяла уборщицу с целью повидать кого-нибудь по своему делу. Она и сослужила мне службу. Через двадцать часов у меня была температура 40. Процесс принял сразу такой острый характер, потому что я ослабела после одиночки, и у меня был фурункулез. Меня перевели в лазарет. Через несколько часов температура поднялась выше 41°. Носилки со мной вдвинули в фургон

тюремной Скорой помощи. Туда же поставили корзинку с вещами. Итак, меня переводят в какую-то больницу. /.../⁸²

Я приехала в ДПЗ уже в качестве опытного тюремного рецидивиста. Я хотела ориентироваться прежде, чем меня вызовут на допрос. Я знала, что лучше всего я смогу связаться с кем-нибудь по своему делу, если попаду в лазарет или в так называемую рабочую камеру, откуда работавшие заключенные расходились по тюрьме в самых разных направлениях.

Надзирательница настаивала на том, чтобы я сразу отправилась в бывшую мою камеру №43, но я запротестовала, ссылаясь на то, что из больницы мне дано направление в лазарет. Голова моя и шея были сплошь забинтованы, вещи принес сопровождавший меня солдат, а не я сама, и надзирательница засомневалась. /.../⁸³ [Она] оказалась малограмотной и отправилась выяснять положение дела к корпусному и врачу, оставив меня на лестничной площадке ждать. С этой площадки можно было переговариваться с обитателями одной из ближайших закрытых решетчатой дверью камер. Я быстро узнала, в какой из рабочих камер находится М.Э.Либталь, и когда надзирательница вернулась и сказала, что врач уже ушел, а фельдшер без него ничего решить не может, я стала ее убеждать, чтобы она поместила меня в рабочую камеру, и указала камеру, в которой должна быть Либталь. «Мне сказали, что там есть свободная кровать, я из больницы, у меня заражение крови было, в общую я не пойду».

В конце концов, удивившись моему энергичному «не пойду», после вызова корпусного, меня впустили в рабочую камеру, в которую после работы в прачечной должна была вернуться М.Э.Либталь. /.../⁸⁴

Бедняжка. Тогда, когда все уже было в прошлом, и она уже была на свободе (хотя без права жить в Ленинграде), у нее состоялся инсульт, и она лишилась возможности передвижения и способности работать.

М.К.Гринвальд, которая заботилась о ней и навещала ее и в ссылке, и после болезни, говорила мне, что умственные способности М.Э. очень пострадали вследствие инсульта. Оказалось, что ее сажали в карцер и всячески добивались, чтобы она сказала, где архив Кружка.

Никакого архива по сути не было. Кое-кто хранил тексты стихов, художественных выступлений, программы вечеров, списки прочитанных докладов. Во время следствия все это у следствия собралось, но НКВД (ГПУ) искало чего-то большего — того, чего не было.

М.Э., узнав об арестах с 13 на 14 января, стала ждать и своего ареста и уничтожила все, что только относилось к нашим собраниям, как и всю частную переписку. Смеясь, она рассказывала мне тогда, при встрече в рабочей камере, что при обыске у нее обнаружили в письменном столе рядочки аккуратно перевязанных, приготовленных для штопки чулок. То, что буквально ничего у нее не было, обратило внимание на то, что «человек подготовился». В результате систематического нажима и мучительств (ее запирали в карцер без света, кровати, стула, с мокрым каменным полом, без уборной, на хлебе и воде) она подписала протокол, в котором, конечно, никого не оговорила, но в котором признала абсурдные вещи и очень по этому поводу огорчалась, но как-то старалась ни о чем не думать, гнала от себя мысли о том, что было пережито и что будет впереди.

Между прочим, когда ей, как мне и как многим другим, дали подписать на выбор две бумажки относительно того, что «Кружок молодых ученых являлся антисоветской организацией», она подписала вторую и подверглась осмеянию и издевательствам следователей.

Казалось, когда мы с ней встретились, что она сумела отмахнуться от того, что было; последующее — тягчайшая болезнь ее и инвалидность показали, что все это даром не прошло для нее.

Относительно моей болезни она знала, как знала и вся тюрьма. Было у нее убеждение, обратное моему. Ей казалось, что вне зависимости от поведения того или другого из нас, на следствии с нами будет сделано то, что найдено будет нужным, и то, как я защищалась, казалось ей равносильным тому, как если бы я, вытянув руки, надеялась остановить мчащийся на меня поезд и твердо верила в то, что я могу это сделать.

Именно это сравнение она раз и употребила при наших бесконечных обсуждениях нашего дела.

Я ничего не считала. Я просто ринулась навстречу мчащемуся на меня поезду, вытянув руки. Иначе я поступить не могла органически. И он не раздавил меня...

Пребывание мое в рабочей камере и вообще в ДПЗ после возвращения из больницы длилось дней десять. Точно не помню. Сразу по возвращении меня вызвал Мосевич, спросил, отчего я заболела, и удовлетворился моим ответом: «Причина осталась невыясненной». По его глазам я видела, что он отлично знал причину.

Бесплодный разговор с ним кончился ничем. Мосевич ничего больше мне не предлагал подписывать и ничего не писал. Потом меня вызвали снова.

Следователь был новый. По внешнему виду тип парня-рабфак-ковца. Фамилия его была Алексеев. Он удивил меня циничным подходом к делу. Ни само дело, ни истина не интересовали его. Он сразу сказал мне, что «что-нибудь подписать придется», что это в моих интересах, иначе три следователя «работавшие со мной» (он именно так и сказал), составят акт, в котором засвидетельствуют, что я отказалась давать показания, и это будет рассмотрено как враждебный акт против советской власти. Говорил он деловито и без всяких эмоций. Я поняла, что так или иначе надо кончать. /.../⁸⁵

В результате взаимных уступок, причем он спустил больше, чем я, я написала своей рукой текст, который немедленно записала по возвращении в камеру и сохранила до настоящего дня.

Вот содержание протокола.

«Я, нижеподписавшаяся, признаю, что с 1921 года я была членом Кружка молодых историков. Первые заседания Кружка были у меня на квартире, последующие по очереди на квартирах членов Кружка М.Э.Либталь, С.М.Данини, А.А.Введенского, Т.И.Шатиловой и у меня.

Кроме научных докладов, в Кружке не велись разговоры на политические темы. Вспоминаю разговоры о свободе печати, которые велись в связи с запрещением печатания книги или статьи того или иного научного работника. Говорили о тяжелом материальном положении интеллигенции в связи с тяжелым материальным положением членов Кружка.

Допускаю, что в Кружке могла вестись критика политики Наркомпроса и программ высшей и средней школы, но я их не помню, так как сама этими вопросами не интересовалась. Поскольку ни в высшей, ни в средней школе не преподавала. Большинство докладов носили не марксистский характер. Признаю, что подобного рода интеллигентские объединения нарушают построение жизни на новых основаниях. Членом Кружка я была до 1924 года включительно, когда у меня родился второй ребенок и я принуждена была всецело отдаться заботам о семье.

С членами Кружка я встречалась с 1924 года раза 3-4 в частной обстановке и в Доме Ученых.

Н.Штакельберг

(Штакельберг Наталья Сергеевна)»

Противно мне было бесконечно. Ничего не подписывать? Они же действительно составят акт о том, что я отказалась давать показания, и мне невозможно будет оправдаться. Тот, кто будет когда-нибудь читать этот протокол допроса, никогда не поймет, что я дорого заплатила за право написать это произве-

дение, не оговаривающее никого и не признающее того, что Кружок молодых ученых был антисоветской организацией, из-за этого мы и спорили четыре часа, вновь и вновь перебирая все по существу и устанавливая отсутствие директив и связей со стороны старых профессоров как в области политической, так и в области научного руководства.

Зачем это было нужно, когда дело было закончено? Вероятно, все же не знали, как все обернется. Однако с таким бедным «признанием», если будет «процесс», меня все же едва ли выпустят. Спишут по болезни? Что вообще со мной сделают? Что обо мне говорили?

Я переписывала текст, сплошь испещренный его и моими вставками и пометками, подняла глаза, чтобы еще что-то спросить, и вдруг выражение лица Алексеева побудило меня быстро обернуться.

Так и есть. За моей спиной стоял молодой парень такого же типа, что и Алексеев. Жест, который он сделал за моей спиной в тот момент, как я обернулась, был недвусмысленный: «Дать ей раза, а?»

Я вскочила. Инстинктивно стала спиной к стене. Вспыхнула негодованием: «Я найду пути, чтобы рассказать Сталину обо всем, что здесь делается. Сталин жил у матери моего мужа в 1917 году. Да, да, жил на Среднем пр. В.О., д. №46, кв. №24. Можете проверить, он прописан в домовый книге под фамилией Джугашвили... Его никто не спасал, он просто жил на квартире, но тогда он был в опасности, его преследовали, он скрывался, и никто из Штакельбергов его не предал... Я... я добьюсь... имени нет тому, что вы здесь делаете... Вы, коммунисты...» — говорила я задыхаясь. Потом вдруг успокоилась. Взяла перо и, уже больше ничего не оспаривая, переписала то, что мы составили с Алексеевым совместно. Потом я жалела. Надо было написать то, что соответствовало истине без всяких скидок, но все вдруг показалось мне нелепым, и ничего, кроме смертельной усталости, я уже не ощущала.

Алексеев молча собирал со стола исписанные нами листы бумаги, рвал их и клал в карман. Первый его жест был бросить исписанное в корзину, но он воздержался: это я хорошо видела. Второй парень стоял около него молча и смотрел на него. Оба они поняли, что, как ни невероятно то, что я сказала о Сталине, это было правдой.

Подписав, я встала, машинально сказала «до свиданья» и пошла к выходу. Алексеев — ни звука. Я прошла весь коридор одна — ни души. У выхода в вестибюль стоял конвоир. Он молча пошел за мной — проводил до рабочей камеры.

Сталин... Уже в 1930 году Сталин был все. Почему я раньше не сказала Мосевичу, наконец, Медведю об этом парадоксальном, но заставляющем задуматься факте?

Это невероятно, но в апреле 1917 года профессор Сельхозинститута В.Г.Котельников⁸⁶, специалист по кормовым травам (сын которого, так называемый Василек Котельников⁸⁷ учился с А.А. в одном классе гимназии Мая), обратился к матери А.А., Марии Николаевне⁸⁸, по поводу одного революционера, грузина, который только что вернулся из ссылки и не имел пристанища. «Вы располагаете излишней комнатой, которую хотели сдать. Я рекомендую этого молодого человека. Ему буквально негде переночевать».

И.В.Сталин жил у Штакельбергов с апреля по июль. Был легально прописан под фамилией Джугашвили. Перед июльскими днями он вдруг исчез. Оказалось, что он не только исчез, но выписался из домовой книги и, как впоследствии выяснилось, перешел на нелегальное положение и фактически жил у Аллилуевых, подготавливая июльское восстание.

Отец А.А. уже не жил с его матерью, имел вторую семью и квартиру в доме Академии наук на 7-й линии В.О., дом №2, кв. №13, где мы и жили с А.А. после нашей женитьбы и где собирался наш Кружок. Мать А.А. была большим и беспомощным человеком, передвигающимся при помощи костылей или кресла на колесах.

А.А. был тогда двадцатилетним студентом Университета, всецело поглощенным энтомологией. Его первую работу напечатали, когда ему было шестнадцать лет и он был еще гимназистом. К двадцати годам он уже был готовым специалистом.

В семье проживали, кроме А.А. и М.Н., сестра отца, Вера Павловна, незамужняя и немолодая, и няня Пятя — замечательная в своем роде личность.

Семья обеднела к моменту революции, так как А.П. много лет не работал, посвящая, правда, много времени уходу за больной женой и тратя деньги жены, так называемое «приданое», как будто состояние было неисчерпаемым. Родовое имение, «майорат» отошел к старшей ветви семьи Штакельбергов в прошлом столетии. Уже отец А.П., дедушка А.А., адмирал, командир Ревельского порта⁸⁹, не имел наследственных средств. М.Н. была единственной дочерью адмирала Николая Павловича Пилкина, одного из трех адмиралов Пилкиных, немало известных в истории русского флота⁹⁰. А.П. получил за ней 200 тысяч приданого. Заболевание ее было последствием брюшного тифа, которое она перенесла после рождения ребенка — А.А.

К моменту революции все было спущено. А.П. жил со своей второй семьей и работал в Академии наук. Юрист по образованию, он занимал место управляющего делами Академии наук. Последние средства М.Н. ушли на осуществление развода. М.Н. «взяла вину на себя», но и это не облегчило развода: дочери А.П. от второго брака было уже семь лет, а сыну 6 лет, когда получена была возможность оформить брак со второй женой и дать детям свою фамилию.

Конечно, дело особенно осложнилось благодаря титулу: с фамилией барона Штакельберга разводиться не полагалось.

Едва ли И.В.Сталин представлял, в какую семью он попал. Само собой, он видел, что семья патриархальная, спал он в столовой с циатами и образами, которых было великое множество, видел, что семья состоит из трех беспомощных старых женщин и молчаливого студента, почти мальчика, и, вероятно, считал эту семью надежным для себя укрытием. Квартира была скромная, в четыре комнаты, с одним ходом. М.Н. должна была переехать в нее в год революции из огромной квартиры, занимавшей целый этаж на Большом пр. В.О., из-за материальных затруднений.

То, что давал семье А.П., не покрывало ее потребностей, и М.Н. решила отдать комнату первому, кто будет претендовать на нее.

В общем, в романе все это показалось бы нарочито выдуманым, но это была подлинная жизнь, это была правда.

Шли первые месяцы после революции. Все начали испытывать недостатки в снабжении питанием. Семья А.А. по своей беспомощности стала голодать сразу. Были вещи, было что-то в сейфе государственного банка, но сейф после революции был конфискован; в ломбарде пропало огромное количество заложенных вещей. Пропал, между прочим, бриллиант, по красоте и ценности равный лишь тому, который носила старая императрица Мария Федоровна.

Первая умерла от недоедания тетя Вера. В июле 1918 года скончалась от голода — от сужения пищевода и мать А.А., Мария Николаевна.

Семья голодала, голодал и Сталин. В то время он был худеньким, истощенным, очень бедно одетым и выглядел молодым человеком. На лице его явно проступали следы от оспы — ни на одном портрете этого не видно.

И.В.Сталин имел свой ключ от входной двери. Дверь столовой, в которой он помещался, выходила в переднюю, и он мог, таким образом, приходиться и уходить бесконтрольно. Бывали у

него или, вернее, заходили за ним, как А.А. теперь вспоминает, Орджоникидзе и Калинин.

Во всяком случае, по облику посещавшие Сталина были близки этим двум лицам. Он часто не возвращался домой и вообще в основном приходил лишь ночевать, пропадая целыми днями.

А.А. помнит только, что Сталин брал иногда кипяток, когда Пятя ставила самовар. Один раз были у него крупные объяснения с Патей в связи с тем, что он съел стоявшие между окон котлеты: Пятя добыла где-то в обмен на какие-то вещи немного мяса и собиралась выдавать своим каждому по одной котлете и вознегодовала, когда они были использованы не членом семьи. Впрочем, такая реакция была бы и в том случае, если бы котлеты использовал любой член семьи без ее на то санкции. А.А., смеясь, рассказывал, что М.Н. всячески старалась утихомирить ее, сам он спрятался от таких неприятностей, а Пятя настаивала на праве собственности со всей прямотой человека скупого, ограниченного, твердого, требовательного и жестокого, какой знала я ее и от которой немало терпела после замужества.

По истечении первого же [месяца] И.В.Сталин попросил подождать с уплатой за комнату, объяснив, что у него нет денег. То же повторилось на второй месяц, но перед тем, как уехать, от Штакельбергов, он расплатился полностью.

Я и так и этак расспрашивала о пребывании этого замечательного человека в семье А.А., но и от А.А., и от А.П., и от Пати получила лишь бедный материал с ничтожными фактическими данными. Очень серьезными были принципиальные разногласия между Сталиным и А.П.

А.П. был кадет; Сталин стал печатать свои /.../ статьи в «Правде». Выяснилось, что он большевик.

В один прекрасный день, после появления статьи И.В.Сталина в «Правде» с толкованием «Приказа №1», А.П., придя навестить своих, столкнулся со Сталиным в передней. Возник громкий спор, оба принялись кричать, А.П. в возбуждении потребовал, чтобы Сталин не жил больше в этой квартире... вмешалась М.Н., которая считала, что нельзя лишать крова человека, который в нем нуждается и не имеет средств.

Как бы то ни было, на другой день А.А. по поручению М.Н. сказал Сталину, что М.Н. просит его остаться жить у них по-прежнему и что принципиальные расхождения его с А.П. не должны играть никакой роли.

Сталин прожил у М.Н. почти четыре месяца. В мае, примерно, многие говорили М.Н., что пребывание в квартире большевика опасно, но она, верная себе, говорила одно: «Лишить

человека крова, когда он в нем нуждается, большой грех». И хотя не спала иногда ночами от тревоги, боясь за сына (студент, грузина арестуют, и его могут арестовать вместе), не допускала мысли относительно того, чтобы изгнать человека из своего дома.

В июне 1917 года А.А. с няней Патей уехали к ней на родину в Тверскую губернию с горой разных вещей. Патя рассчитывала прокормиться ими лето и привезти продуктов на зиму. В конце июня Сталин неожиданно исчез. Оказалось, что он выписался из домово́й книги: позднее выяснилось, что он переехал к Аллилуевым, где и жил на нелегальном положении, подготавливая июльское восстание и дальнейший ход событий.

Не было сомнений, что Сталин помнил, как жил у Штакельбергов, но помнил он, несомненно, и то, что А.П. был кадетом. В свое время, в начале революции, А.П. оказался в списках кадетов, намеченных в качестве депутатов в Василеостровскую районную думу.

Фактически выборы не были проведены, но списки существовали, и в 1919 году А.П. был в связи с этим арестован в качестве заложника.

Это самостоятельная история — пребывание его в Москве в Андрониевском монастыре заложником в числе большого количества представителей аристократии и крупной буржуазии. Пока я ее опускаю. Выпущен он был в 1921 году, когда вернулся домой и стал жить с нами.

И вот я знала, что А.П. предполагал, что своим арестом он, возможно, обязан Сталину: в списках в районную думу было немало кадетов, но почти никто не был взят.

Так или иначе А.П. считал, что обращаться к Сталину возможно лишь тогда, когда не останется иных путей и лишь в крайнем случае.

Во время пребывания в тюрьме я не сослалась на Сталина и в крайнем случае, потому что не верила в то, что до него дойдет правда, а апелляция к нему через враждебно настроенных людей могла привести лишь к тому, что А.А. и А.П. были бы также арестованы, и все мы погибли бы уже бесповоротно.

Почему же я все же нашла возможным сослаться на то, что И.В.Сталин жил у М.Н.?

Дело в том, что к заключительному моменту следствия я шестым чувством чувствовала, что общая ситуация уже не та, что в январе, что обвинения пошли на убыль, знала, что «процесса» не получится и не получится, знала, что расстрелов не будет, и подсознательно пришла к убеждению, что лишь стойкостью можно улучшить свое собственное положение, стойкостью

человека, ждущего оправдания и свободы. И еще я была убеждена, что на данном этапе никто Сталина по поводу Штакельбергов спрашивать не будет: не в интересах следствия было приводить в действие этот устрашающий элемент, результатов вмешательства которого никто не мог предугадать.

Да, был и обдуманный расчет, было и бешенство человека, которого безнаказанно оскорбляли и который страстно хотел немедленной кары своим оскорбителям. В конце концов это было похоже на то, как один раз при мне четырехлетний мальчик, которому скрутили руки и который не мог вырваться от взрослого, бывшего в десять раз сильнее его, крикнул в обиду: «Я тебе в самый глаз плюну!» и плюнул.

В конце концов, это было то же: я была всецело в их власти и со мной могли сделать все, что захотели бы, а я, защищаясь, крикнула: «Я тебе в самый глаз плюну!»

Я не делаю никаких выводов: у меня нет для этого материала.

События развивались следующим образом. Примерно через неделю меня вызвал Мосевич. Очень холодно, подчеркнуто официально он сказал мне: «Завтра мы вас выпускаем. Тем не менее я буду настаивать на вашей высылке. Мы вас вышлем не за деяния, совершенные вами несколько лет назад, а за враждебное отношение к советской власти, проявленное вами во время следствия: вы проявили упорную несознательность и не хотели помочь следствию в обвинении махровых контрреволюционеров, и за это мы вас вышлем... я, по крайней мере, буду на этом настаивать».

Оказалось, что Мосевич вызвал А.А. еще накануне и сказал, что меня выпустят в четверг. Я была на этом последнем «собеседовании» во вторник. Выпустили меня — неожиданно! — в среду, 20 августа 1930 г. Это была последняя гадость, которую мне сделал Мосевич. Мне выдали все мои вещи, хотя я просила их оставить до времени, но не выдали ни рубля, сказав, что мои деньги, хранившиеся на личном счету в тюрьме, я получу через неделю.

Я еле держалась на ногах, все еще была очень слаба после болезни, был август месяц и было жарко. Я надела легкое платье, шерстяной джемпер, потому что другого пальто, кроме зимнего, у меня не было.

Долго стояла на углу Литейного и улицы Воинова у Большого Дома, потом решила и остановила проезжавшего извозчика: в 1930 году было еще и это средство передвижения.

Это было 44 года тому назад, а как все изменилось с тех пор!

Извозчик — частник, старик в соответствующей одежде, извозничьем кафтане и шапке, выслушал то, что я ему сказала, молча слез с облучка, отдернул кожаный фартук пролетки, поставил

мне в ноги мою корзину, я села, взяв на руки шубу, и еще раз сказала: «Вы поняли меня, у меня нет денег совсем, никаких. Я вышла из тюрьмы, вот этой тюрьмы. Я прошу вас свезти меня на Финляндский вокзал и дать мне на железную дорогу один рубль. Я отдаю вам за это мою шерстяную кофточку». Он, опять молча, кивнул головой в знак согласия того, что он понял.

Когда мы приехали на вокзал, я поблагодарила извозчика и протянула ему снятый с себя в дороге джемпер, он отстранил мою руку: «Наденьте, я тоже человек», снял шапку, достал из-под подкладки рубль, перекрестился и протянул его мне: «И чего теперь только с людьми не бывает!»

Мне показалось как-то неуместным настаивать на том, чтобы он взял свитер. — «Ну спасибо вам. Большое, большое спасибо...» Пожать ему руку? Я как-то застеснялась, но поблагодарила его горячо, точно он мне жизнь спас. Очень уж я была тронута...

Билет до Юкков (Левашово), где семья жила на даче, стоил ровно рубль. Кто-то помог мне дотащить вещи. В Левашово я опять взяла до Юкков извозчика, рассчитывая дома кого-нибудь застать, а в случае отсутствия своих взять денег на уплату извозчика у хозяев дачи.

Но дома были все: А.А. видел уже меня в повязках, с остриженными волосами и шрамами на лице, мама вообще ничего не видела от слез, дети жались ко мне как-то неуверенно: отвыкли.

Позднее, едва ли не через десять лет, Наташа сказала мне, что они с Юрой не могли подавить разочарования при встрече со мной: «мама была красивая и нарядная, а стала совсем некрасивая, и платье плохое, и волос нет, и голова забинтована».

Поди пойми чувства другого, хотя бы собственных детей...

Жившие рядом на даче Лебединские встретили меня холодно-любезно. Они считали, что мать семейства должна вести себя соответственно своему положению, и осуждали меня за то, что я попала в тюрьму: из их семьи никто не вел себя так неосмотрительно и неприлично; и то, что я пережила в тюрьме, не вызвало у них сочувствия.

Вечером мы с А.А. долго сидели вдвоем на берегу озера. Была пленительная тишина, и не верилось, что то, что мне пришлось пережить, действительно было.

Что ждет меня в будущем? Вышлют меня? Но ведь А.А. не может жить без Зоологического института, без работы именно в Ленинграде, в Академии наук, где сосредоточены нужные ему для работы коллекции.

Как же семья, дети?

Тревога осталась со мной, хотя меня и выпустили на свободу. Но я не знала, что вступаю в полосу постоянных страданий, страха, лишений на целых шестнадцать лет, до 1947 года, когда я, смертельно больная, опустошенная, с омертвевшей душой, буду выкинута из жизни уже навсегда...

¹ *Гурская-Егорова Ольга Максимовна* (1868-1943) — мать Н.С.Штакельберг.

² *Штакельберг Александр Александрович* (1897-1975) — муж Н.С. Штакельберг. Энтомолог, доктор биологических наук, заведующий лабораторией Зоологического института АН СССР.

³ Возможно, *Федоров Игорь Владимирович* (1904-?). В начале 1930-х оперуполномоченный секретно-политического отдела УНКВД Ленинградской обл.; в 1933-1934 занимался делом так называемой «Русской национальной партии», по которому проходила большая группа ленинградской и московской научной интеллигенции.

⁴ *Штакельберг Наталия Александровна* (р. 1921) — дочь Н.С. и А.А. Штакельбергов. Патолофизиолог, биохимик, сотрудник Института усовершенствования врачей.

⁵ *Штакельберг Юрий Александрович* (р. 1924) — сын Н.С. и А.А. Штакельбергов. Военный врач, подполковник.

⁶ *Карпинский Александр Петрович* (1846-1936) — геолог, президент АН (1917-1936).

⁷ *Тхоржевский Сергей Иванович* (1893-1942) — историк, специалист по народным движениям в России XVII-XVIII вв. Окончил юридический факультет Петербургского университета, ученик Л.И.Петражицкого. В нач. 1920-х оставлен при университете, в то же время преподавал в пед-вузах, затем в школе. В 1927-30 — секретарь правления Клуба научных работников. В 1931 по «Академическому делу» приговорен к 10 годам лагерей. Срок отбывал на строительстве Беломорканала. После досрочного освобождения в 1933 работал экономистом в Управлении Бамлага в г.Свободном. В 1940 вернулся в Ленинград. Скончался в блокаду.

⁸ *Островская Мария Андреевна* (1884-?) — историк, специалист по русской истории. До революции преподавала на Высших Женских курсах, затем в Петроградском университете, Психоневрологическом институте. В 1920-е — сотрудник Главархива, Археографической комиссии.

⁹ *Сигрист Сергей Викторович* (1897-?) — юрист, выпускник Училища Правоведения, занимался международным правом и историей русской дипломатии. В 1920-е преподавал в университете, других вузах Петрограда. В 1931 по «Академическому делу» приговорен к 5 годам лагерей. После освобождения жил в провинции. Во время войны оказался на занятой немцами территории, сотрудничал с оккупантами. С 1953 — профессор русской литературы в Италии. Скончался в 1980-е.

¹⁰ *Кареев Николай Иванович* (1850-1931) — историк, философ, социолог. Основоположник петербургской школы исследователей Нового времени. Чл.-корр. АН (1910), почетный член АН (1929).

¹¹ *Рождественский Сергей Васильевич* (1868-1934) — историк, чл.-корр. АН (1920). Ученик С.Ф.Платонова. Автор трудов по социально-экономической истории России XIV-XVII вв., историк народного просвещения XVIII-XX вв. Приговорен в 1931 к высылке в Томск, где и умер.

¹² Очевидно, имеется в виду *Протопопов Сергей Дмитриевич* (1861-1933) — инженер по образованию, литератор. В 1920-е работал в Глав-архиве, Архиве Горного института.

¹³ Опушено: размышления о поводах к аресту.

¹⁴ Опушено: сбор вещей и обыск имущества.

¹⁵ *Ганзен Гельмут Генрихович, Мусс (Мосс) Курт Александрович* — протестантские пасторы. Арестованы почти одновременно с обвиненными по «Академическому делу», в вину ставилось обучение подростков катехизису для предстоящей конфирмации (См.: Ростов А. (Сигрист С.В.). Дело Академии Наук // Возрождение (Париж). 1958. Ноябрь. Тетр. 83. С. 117-118.

¹⁶ На опущенных страницах: женщины, находившиеся в камере: католички, привлеченные по церковному делу, медсестра Анна Ивановна Савченко, вдова лейб-медика Ольга Михайловна Отт, княгиня Баратова, преподаватель средней школы Выгодская, Фрида Марковна Британишская.

¹⁷ *Преображенский Василий Васильевич* (1874-?) — врач-гинеколог, доктор медицинских наук, профессор.

¹⁸ Опушено: о возможной причине ареста.

¹⁹ *Введенский Андрей Александрович* (1887-1965) — историк, специалист по истории России XV-XVIII вв. Источниковед. Ученик А.С.Лаппо-Данилевского, А.Е.Преснякова, С.Ф.Платонова. В 1920-22 — оставлен при Петроградском университете, в 1922-23 — науч. сотр. Исторического ин-та при ун-те, затем — преподаватель университета и др. вузов. Арестован ненадолго в 1930. В 1931 принес публичное покаяние (Проблемы марксизма. 1931. №3; Классовый враг на историческом фронте. Л., 1931). В нач. 1930-х работал экономистом в Гипромеде, преподавал в технических учебных заведениях. В 1934 переехал в Вологду. С 1938 преподавал в Киеве, профессор Киевского университета.

²⁰ *Павлов Иван Петрович* (1849-1936) — физиолог, академик (1907); *Вернадский Владимир Иванович* (1863-1945) — минералог, академик (1912); *Левинсон-Лессинг Франц Юльевич* (1861-1939) — геолог, петрограф, академик (1925); *Ферсман Александр Евгеньевич* (1883-1945) — минералог, геохимик, академик (1919); *Стеклов Владимир Андреевич* (1863-1926) — математик, академик (1912), вице-президент АН (1919-1926); *Алексеев Василий Михайлович* (1881-1951) — китаист, академик (1929); *Крачковский Игнатий Юлианович* (1883-1951) — арабист, академик (1921); *Март Николай Яковлевич* (1864-1934) — филолог, археолог, академик

(1912); *Ольденбург Сергей Федорович* (1863-1934) — индолог, академик (1908), Непременный секретарь АН (1904-1929); *Марков Андрей Андреевич* (1856-1922) — математик, академик (1896).

²¹ *Штакельберг Александр Павлович* (1869-1932) — в 1918-32 — ученый секретарь и библиотекарь БАН.

²² *Стромин Альберт (Александр) Робертович* (1902-1939) — в 1930 начальник Второго отделения секретно-оперативного управления ОГПУ в Ленинграде. Расстрелян.

²³ *Романов Борис Александрович* (1889-1957) — историк, специалист по истории древней Руси, автор ряда работ по внутренней и внешней политике России кон. XIX — нач. XX вв. Ученик А.Е.Преснякова. В 1918-29 — сотрудник Главархива. По «Академическому делу» в 1931 приговорен к 5 годам. Освобожден в 1933 без права возвращения в Ленинград. С 1941 — сотрудник ИИМК, с 1944 — сотрудник ЛОИИ, 1944-51 — проф. ЛГУ.

²⁴ *Данини (Глаголева-Данини) Софья Михайловна* (1884-?) — историк, специалист по истории Франции XVIII в. После окончания Высших женских курсов в 1910 оставлена при кафедре Новой истории, ученица И.В.Луичко. До революции преподавала на курсах Лесгафта и в других учебных заведениях. В 1921 оставлена Н.И.Кареевым и Е.В.Тарле при университете, в 1922-23 посещала кружок Н.И.Кареева. В 1920-е работала в Главархиве и вузах, в 1929-30 — ст. науч. сотр. ЦБК. По «Академическому делу» приговорена к 5 годам. В 1931-33 работала служащей в органах управления Черевковского района Северного края. В 1934 вернулась в Ленинград. В 1930-40-е работала в БАН, издательствах.

²⁵ *Гринвальд (Грюнвальд) Маргарита Константиновна* (1891-1968) — историк, специалист по истории Англии XIX-XX вв. Ученица Е.В.Тарле. В 1919-20 оставлена при университете, преподавала в вузах. Арестована в 1929 по делу религиозно-философского кружка А.А.Мейера, приговорена к 5 годам. В 1930 доставлена из лагеря в Ленинград и привлечена к «Академическому делу». После окончания следствия отправлена отбывать свой срок. В 1934 вернулась в Ленинград, в 1934-35 преподавала в ЛГУ, в 1935 была вынуждена покинуть город. После войны вновь жила в Ленинграде, занималась научной деятельностью.

²⁶ С.И.Тхоржевский выпустил в 1923-30 три книги по истории народных движений, во второй половине 1930-х подготовил исследование об уральских казаках, издать которое ему не удалось.

²⁷ Арестованным по «Академическому делу» было предъявлено обвинение в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения советской власти и восстановления монархии, а также в использовании нелегальных кружков для содействия этой организации.

²⁸ *Пресняков Александр Евгеньевич* (1870-1929) — историк, автор трудов по истории русского государства XIV-XVI вв., источниковед. С 1918 проф. Петроградского университета, в 1921-23 заведовал Историческим

ин-том при Петроградском университете, в 1927-28 — ЛОИИ РАНИОН; *Заозерский Александр Иванович* (1874-1941) — историк, специалист по экономической и социальной истории России XIV-XVII вв. Ученик С.Ф.Платонова. Профессор Петроградского университета, сотрудник БАН. Арестован в 1929 по делу религиозно-философского кружка А.А. Мейера, затем привлечен к «Академическому делу». После освобождения с сер. 1930-х жил в деревне в Ярославской области; *Полиевктов Михаил Александрович* (1872-1941) — историк, специалист по истории внешней политики России XIV-XVII вв., археографии. С 1917 проф. Петроградского университета, в 1920 выехал в Тифлис, где продолжил преподавательскую и исследовательскую деятельность; *Гревс Иван Михайлович* (1860-1941) — историк, специалист по истории античности и Средневековья, педагог, краевед. В 1892-1918 — проф. Высших женских курсов, с 1899 — проф. университета. В 1923 вынужден покинуть университет, после чего работал в области краеведения и экскурсионного дела, занимался литературной деятельностью. В 1930 ненадолго арестован. В 1934 вернулся к преподаванию в университете; *Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна* (1874-1939) — историк-медиевист, чл.-корр. АН (1929). Ученица И.М.Гревса. С 1910 преподавала в университете, в 1920-27 работала в ГАИМК, с 1922 — научный консультант РО ГПБ. В 1929 ей, как и И.М.Гревсу, было предъявлено обвинение по ст. 58, однако дело было прекращено. Вследствие этого потеряла работу в ЛГУ и до 1934 оставалась лишь консультантом в ГПБ.

²⁹ *Вульфийус Александр Германович* (1880-после 1932) — историк, исследователь культуры и Церкви Средневековья и эпохи Просвещения. Ученик Г.В.Форстена. После революции преподавал в Петроградском Женском университете, в 1920-е — проф. Петроградского университета. По обвинению, связанному с «Академическим делом» и разгромом немецких общественных организаций, в 1931 выслан в Омск на 3 года.

³⁰ *Приселков Михаил Дмитриевич* (1881-1941) — историк, специалист по русскому летописанию, последователь А.А.Шахматова. С 1918 — проф. университета, в 1920-е работал в Русском музее. По «Академическому делу» приговорен к 10 годам, срок отбывал на Соловках и на строительстве Беломорканала. В 1936-41 — проф. ЛГУ.

³¹ *Латпо-Данилевский Александр Сергеевич* (1863-1919) — историк, специалист по источниковедению, дипломатике, археографии, методологии, истории. Профессор Петербургского университета, академик (1899).

³² По материалам «Каталога частных актов» был издан «Терминологический словарь частных актов Московского государства» (Пг., 1922).

³³ *Петражицкий Лев Иосифович* (1867-1931) — юрист, философ, социолог. С 1918 — в эмиграции в Варшаве.

³⁴ *Шебунин Андрей Николаевич* (1887-1940) — историк, исследователь истории русской и западноевропейской общественной мысли XIX в., декабристовед, пушкинист, археограф, краевед. В 1920-е преподавал в школах, с 1926 — доцент ЛГУ, науч. сотр. НИИ РАНИОН. Весной 1929 арестован за организацию им исторического кружка школьников, затем при-

влечен к «Академическому делу». Приговорен к 5 годам. В 1934 освобожден, вернулся в Ленинград. 10 февраля 1938 вновь арестован. 19 ноября 1940 приговорен ОСО НКВД СССР к 8 годам лишения свободы. Умер в лагере. Реабилитирован в 1956.

³⁵ *Платонова Нина Сергеевна* (1886-1942) — дочь С.Ф.Платонова, историк, специалист по истории Французской революции. В 1920-е архивариус Главархива, науч. сотр. ГАИМК, Русского музея. В 1922-23 науч. сотр. Исторического ин-та при Петроградском университете. В 1930 арестована и в 1931 выслана по «Академическому делу». Вернулась в Ленинград во втор. пол. 30-х. Умерла в блокаду.

³⁶ *Платонова-Измайлова Наталья Сергеевна* (1894-1942) — дочь С.Ф.Платонова, жена Н.В.Измайлова. Историк, специалист по эпохе революций 1848-49 в Европе. В 1920-е — оставлена при университете, работала в Главархиве, Музее революции.

³⁷ *Цемш Николай Сергеевич* (1887-1937) — историк-медиевист, ученик И.М.Гревса. В 1920-е преподавал во II Пед. институте, доцент ЛГУ. В первой половине 1930-х — библиотекарь ГПБ, редактор Ленотгиза, в 1935 выслан в Оренбург, где был без работы. Умер в ссылке.

³⁸ *Петров Владимир Алексеевич* (1893-1967) — историк, исследователь социально-экономической истории России XVI-XVII вв. и революционного движения. Ученик А.Е.Преснякова. В нач. 1920-х оставлен при университете, науч. сотр. Исторического ин-та при Петроградском университете. В 1920-29 работал в Главархиве, с 1929 — в БАН, в 1934 назначен заведующим РО БАН. В 1935 выслан в Воронеж, где преподавал, работал в музеях. В 1938 вернулся в Ленинград, в БАН. Преподавал в ЛГУ, заведовал архивом ЛОИИ.

³⁹ *Садиков Петр Алексеевич* (1890-1942) — историк, специалист по истории опричнины, ученик С.Ф.Платонова. В 1920-е — доцент ЛГУ, работал в архивах, сотрудничал в КЕПС. По «Академическому делу» приговорен к 5 годам. В заключении написал и опубликовал работу «Прошлое беломорско-балтийского водного пути» (Карело-Мурманский край. 1933. №5-6). Освобожден в августе 1933, до 1935 жил в Медвежьегорске.

⁴⁰ *Петров Евгений Николаевич* (1888-1942?) — историк, специалист по истории Французской революции. Ученик Н.И.Кареева. В 1918-21 — проф. Саратовского университета, с 1921 преподавал историю в Политехническом и Финансово-экономическом институтах, с 1933 — доцент экономического факультета ЛГУ.

⁴¹ *Либталь Маргарита Эмильевна* (1889-?) — историк, занималась исследованием культуры эпохи Просвещения и внешней политикой Франции XVIII в., ученица А.Г.Вульфуса, с 1922 посещала кружок Н.И.Кареева. С 1918 преподавала историю и иностранные языки в Педагогическом институте. По «Академическому делу» приговорена к 10 годам. В лагере работала лаборантом Дорсанотдела Управления ББК НКВД в Медвежьей Горе (об обстоятельствах появления ее в лаборатории см. воспоминания Б.Е.Райкова // СПбФ АРАН. Ф.893. Оп.2. Д.24. Л.151-154). Освобождена в 1934, вернулась в Ленинград, работала в ЛОИИ,

с 1936 преподавала в ЛГУ, ЛГПИ им. Герцена, Институте Коммунистического строительства. В 1938 вынуждена покинуть Ленинград. В кон. 1940-х—нач. 1950-х жила в инвалидном доме в Калининской области.

⁴² *Котельникова Ольга Михайловна* (1888-1954) — философ, историк. После окончания Высших женских курсов в 1917 была приглашена профессором С.Л.Франком преподавать на Саратовских Высших курсах и в Саратовском университете; работала над архивом Вл. Соловьева. В 1921 вернулась в Петроград, работала в библиотеке Эрмитажа. В то же время занималась исследованием западноевропейской философии, ее статья о проблеме знания в философии Ф.Г.Якоби (Мысль. 1922. №1) была высоко оценена Н.О.Лосским (см. личное дело: Архив СПбГУ. Ф.1. Оп.1. Св.48. Д.228. Л.2). С 1921 — член Философского о-ва при Петроградском ун-те. С 1922 — науч. сотр. Исторического ин-та при Петроградском университете. В 1940-50-е — сотрудник ГПБ.

⁴³ *Матковская Зинаида Николаевна* — специалист по русской истории, в 1918-22 оставлена при университете.

⁴⁴ *Мартынов Михаил Николаевич* (1889-1970) — историк, специалист по русской истории XVIII в. Ученик С.В.Рождественского. В 1922 оставлен при университете, одновременно доцент университета, науч. сотр. Исторического ин-та при Петроградском университете. В 1920-30-е преподавал в вузах, работал в архивах. В 1938 арестован по делу историков А.Н.Шебунина, С.И.Ковалева, Я.М.Захера и др., обвинен по 58 ст., но в 1940 освобожден (см. подробнее: Золотарев В.П. Яков Михайлович Захер // Новая и новейшая история. 1993. №4. С. 194-195).

⁴⁵ *Попов (Попов-Ленский) Иннокентий Лаврентьевич* (1893-?) — историк, специалист по истории Франции XVIII в. и Английской революции. Ученик Н.И.Кареева. В 1921 оставлен при университете, в 1922-23 — науч. сотр. Исторического ин-та при Петроградском университете. Арестовывался в 1924 (см. личное дело: Архив СПбГУ. Ф.1. Оп.1. Св.70. Д.2429. Л.21). Впоследствии продолжил научную деятельность.

⁴⁶ *Измайлов Николай Васильевич* (1893-1981) — литературовед, пушкинист, зять С.Ф.Платонова. В 1919-22 оставлен С.А.Венгеровым при университете, в 1918-1922 — сотрудник Главархива, с 1920 работал в Пушкинском Доме, с 1923 — заведующий РО ПД. Арестован в ноябре 1929, приговорен по «Академическому делу» к 5 годам, выслан на поселение в Печору. Освобожден в 1934, в 1941-53 преподавал в Оренбурге, с 1955 — сотрудник Пушкинского Дома, с 1957 — заведующий РО ПД.

⁴⁷ *Шатилова Таусия Ивановна* (ок. 1898-?) — историк профессионального движения. В 1920-е — секретарь Ученой комиссии по исследованию истории труда в России. По «Академическому делу» приговорена к ссылке в Сибирь, отбывала в Иркутске.

⁴⁸ *Корнилович Ольга Ефимовна* (7-1942) — специалист по русской истории. До революции преподавала на Высших женских историко-литературных курсах Н.П.Гаева и в Демидовской гимназии. В нач. 1920-х заведовала отделом Главархива. Арестована в феврале 1930, в июле вы-

пущена на свободу до окончания следствия. Приговорена к 5 годам, срок отбывала на строительстве Беломорканала, освобождена в 1934. В июне 1941 вновь арестована в Мурманске, скончалась в больнице Челябинской тюрьмы в 1942.

⁴⁹ *Валк Сигизмунд Натанович* (1887-1975) — историк, специалист по археографии, источниковедению, дипломатике, историографии, архивоведению. Ученик и последователь А.С.Лаппо-Данилевского. С 1918 сотрудник Главархива, с 1921 преподавал в Петроградском университете, с 1932 — сотрудник Института книги, документа и письма, затем ЛОИИ, с 1946 — проф. ЛГУ.

⁵⁰ *Недзвецкая-Самарина Ольга Конрадовна* (1887-1972) — историк, ученица Э.Д.Гримма, выпускница Высших женских курсов. С 1918 преподавала Новую историю в Петроградском университете (в 1923 уволена), в Петроградском Женском университете, Курсах Лесгафта, являлась проректором Техничко-Педагогического института. Во второй половине 1920-х преподавала иностранные языки в ВМА. В дальнейшем — заведующая кафедрой иностранных языков ГИДУВа.

⁵¹ *Насонов Арсений Николаевич* (1898-1965) — историк, специалист по истории летописания, источниковедению, исторической географии, археографии. Ученик М.Д.Приселкова. В 1920-е работал в Эрмитаже и Русском музее. Арестован в апреле 1929. За сына ходатайствовал отец А.Н., академик Н.В.Насонов (биолог, 1855-1939). Освобожден в октябре 1929. В дальнейшем работал в ИИ АН СССР в Москве.

⁵² *Тиханова (Клименко) Мария Александровна* (1898-1981) — историк, археолог. Ученица О.А.Добиаш-Рождественской. В 1919-20 оставлена при университете, в 1920-23 — ассистент кафедры истории Средних веков. Занималась исследованием культуры средневековой Франции и Византии. С 1920 работала в РАИМК, в 1930-1950-х преподавала в ЛГУ. Автор ряда крупных исследований по древнерусской археологии.

⁵³ *Скржинская Елена Чеславовна* (1897-1981) — историк, археолог. Ученица О.А.Добиаш-Рождественской, И.М.Гревса, Л.П.Карсавина. В нач. 1920-х преподавала историю Средних веков и археологию в университете, сотрудничала в ГАИМК. В 1930 уволена из ГАИМК в связи с проводимой в 1929-30 реорганизацией и чистой Академии. В 1930-34 работала референтом-переводчиком в НИИ гидротехники, в ВИЭМ. В 1934-36 науч. сотр. Института истории науки и техники, с 1936 — доцент ЛГУ. В дальнейшем работала в ИИМК, ЛОИИ.

⁵⁴ *Любименко Инна Ивановна* (1878-1959) — историк, специалист по истории англо-русских отношений XVI-XVIII вв., истории Российской Академии наук. Доктор наук Сорбонны (1908). В 1920-е работала в Главархиве, преподавала в вузах. В 1930-е — науч. сотр. Института истории науки и техники, Комиссии по истории АН. С 1942 — сотрудник ЛОИИ.

⁵⁵ *Бирюкович Владимир Владимирович* (1895-1954) — историк, специалист по истории Франции XVII-XVIII вв. Ученик Н.И.Кареева и Е.В.Тарле. В 1918-21 оставлен при университете, затем преподавал в нем и в дру-

гих учебных заведениях, с 1923 — доцент Археологического института университета, науч. сотр. Исторического ин-та при Петроградском университете. В дальнейшем — доцент ЛИФЛИ, ЛГУ, науч. сотр. ЛОИИ, преподавал в вузах.

⁵⁶ Очевидно, имеется в виду *Шайтан Михаил Эммануилович* (1895-1926) — историк-медиевист, ученик И.М.Гревса, О.А.Добиаш-Рожественской и Л.П.Карсавина.

⁵⁷ *Герман Вера Петровна* (1900-1942?) — в 1920-е преподавала литературу и историю в военном училище. Арестована в 1928 по делу А.А.Мейера, приговорена к 3 годам лагерей. Умерла в Ленинграде в блокаду.

⁵⁸ *Штакельберг Ольга Александровна* (1906-1942 или 1943) — востоковед, китаист.

⁵⁹ *Николадзе Русудан Николаевна* — дочь известного грузинского общественного деятеля, публициста Н.Я.Николадзе (1843-1928). Впоследствии зав. кафедрой химии Грузинского политехнического ин-та.

⁶⁰ *Лапшин Иван Иванович* (1870-1952) — философ, ученик А.И.Введенского. В 1906-1918 профессор Петербургского университета. В 1922 выслан из СССР, преподавал в Праге.

⁶¹ *Карсавин Лев Платонович* (1882-1952) — историк-медиевист, философ. Ученик И.М.Гревса. С 1912 профессор Петербургского университета. Выслан в 1922 за границу, работал в Литве. Арестован после занятия Литвы советскими войсками, погиб в лагерях Коми АССР.

⁶² *Лосский Николай Онуфриевич* (1870-1965) — философ, профессор Петербургского университета (с 1916). В 1922 выслан за границу. В эмиграции жил в Чехословакии, Франции, затем в США.

⁶³ *Лучицкий Иван Васильевич* (1845-1918) — историк, наряду с Н.И.Кареевым один из основателей русской школы истории Старого порядка и Французской революции. Профессор Киевского и Петербургского университетов, Высших женских курсов.

⁶⁴ А.А.Введенский в 1921 опубликовал в «Русском историческом журнале» (№7) статью «Монастырский стряпчий: Из истории древнерусской адвокатуры». Работы, посвященные истории дома Строгановых, печатались в 1922-23 в других изданиях: Север. 1923. Кн.2-4; Архив истории труда в России. 1921. Кн.3, и др.

⁶⁵ Статья «Государственное земледелие на южной окраине Московского государства в XVII в.» опубликована в «Архиве истории труда в России» (1923. Кн.8).

⁶⁶ Правильно: Донское войско первой половины семнадцатого века // Русское прошлое. 1923. Кн.3.

⁶⁷ Статья С.И.Тхоржевского с таким названием в «Архиве истории труда в России» не публиковалась.

⁶⁸ На опущенных страницах: стихи, частушки о кружке, описание вечеринок.

⁶⁹ *Медведь Филипп Демьянович* (1890-1943) — с 1919 председатель Петроградской ЧК, член коллегии ВЧК. В 1930 начальник ПП ОГПУ в ЛВО. Погиб в заключении.

⁷⁰ Опушено: вопросы следователя о времени, месте, инициаторах собраний Кружка.

⁷¹ Н.В.Измайлов был арестован 13 ноября 1929.

⁷² *Цвибак Михаил Миронович* (1899-1937) — историк, в 1920-е зам. декана факультета языка и материальной культуры ЛГУ, лектор Ком-университета им. Зиновьева, ст. руководитель по социально-экономическим наукам Моракадемии, затем сотрудник ГАИМК, доцент и зав. кафедрой Ленинградского государственного Историко-лингвистического института. Один из главных участников разгромной кампании 1920-30-х в области истории (см. его доклад о школе Платонова, сделанный на объединенном заседании Ин-та истории и Общества историков-марксистов при ЛО Комакадемии: Классовый враг на историческом фронте. Л., 1931). Арестован в 1937. Погиб в заключении.

⁷³ На опущенных страницах: описание камеры-одиночки, размышления о невозможности подписать ложные показания.

⁷⁴ *Мосевич Андрей Андреевич* — начальник Второго отделения СПО ПП ОГПУ в ЛВО. Арестован в 1934, приговорен к тюремному заключению.

⁷⁵ Опушено: описание обстановки в кабинетах следователей во время допросов.

⁷⁶ Опушено: повторяющиеся допросы о целях и деятельности кружка.

⁷⁷ *Шилов Алексей Алексеевич* (1881-1942) — архивист, историк революционного движения. В 1920-е — сотрудник Главархива, Книжной палаты (затем НИИ книговедения), Музея Революции, преподаватель русской истории на экономическом фак-те ЛГУ (1921-24). Арестован по «Академическому делу», провел в заключении 1 месяц.

⁷⁸ *Лихачев Николай Петрович* (1862-1936) — историк, палеограф, кол-лекционер, академик (1925). В 1920-е директор Палеографического музея АН СССР. Арестован по «Академическому делу», выслан в Астрахань в 1931, где прожил до 1933.

⁷⁹ *Люддеквист Владимир Эльмарович (Ялмарович)* (?-1919) — бывший полковник Генштаба русской армии. В августе-сентябре 1919 — начальник штаба 7-й Красной армии под Петроградом, затем 11-й Красной армии. Есть сведения о его участии осенью 1919 в «подготовке антибольшевистского мятежа в Петрограде, в результате которого к власти должно было прийти новое правительство во главе с А.Н.Быковым». В известном в литературе списке состава этого правительства имя Е.В.Тарле не упоминается. В.Э.Люддеквист в ноябре 1919 был арестован и расстрелян.

⁸⁰ На опущенных страницах: отказ подписывать требуемую формулировку признания, попытка написать родным о намерении покончить с

собой, перевод в общую камеру, трудные отношения с арестованными по уголовным делам.

⁸¹ Опушено: обнаружение Мосевичем записки к родным, требования подписать показания.

⁸² На опущенных страницах: перевод в тюремную больницу, тяжелая жизнь. Тюремный врач Николай Александрович Серов (?), главный врач Левитан, медсестра Луиза. Операция. Передачи из дома, посещение мужем. Попытки передать письмо в АН Н.Я.Марру и А.П.Карпинскому. Возвращение в ДПЗ.

⁸³ Опушено: направление в лазарет, данное врачом Левитаном.

⁸⁴ Опушено: заключенные в камере: жены офицеров Генштаба, при- слуга ген. Кутепова, другие лица.

⁸⁵ Опушено: разговор со следователем А.М.Алексеевым.

⁸⁶ *Котельников Василий Григорьевич* (1850-1932) — сотрудник Государственного института опытной агрономии.

⁸⁷ *Котельников Василий Васильевич* (1898-1926) — в сер. 1920-х — младший провизор Ленинградского мединститута.

⁸⁸ *Штакельберг Мария Николаевна*, урожд. *Пилкина* (1863-1918).

⁸⁹ *Штакельберг Павел Егорович* — контр-адмирал. В 1871-87 командо- вал Ревельской внутренней брандвахтой, с 1887 в отставке.

⁹⁰ Братья *Пилкины*: *Николай Павлович* (?-1891) — дед А.А.Штакель- берга — контр-адмирал; *Константин Павлович* (1824-1913) — контр-ад- мирал, участник кругосветного плавания на «Авроре», участник подго- товки военной реформы 1870. Его сын — *Сергей Константинович* (1872- 1946) служил в управлении делами АН и в БАН, был арестован по «Ака- демическому делу»; *Владимир Павлович* (1827-?) — контр-адмирал; *Петр Павлович* (1829-1911) — вице-адмирал, председатель Верховного Морско- го Трибунала.

Б. В. Ананьич

О ВОСПОМИНАНИЯХ Н. С. ШТАКЕЛЬБЕРГ

Воспоминания Натальи Сергеевны Штакельберг во многих отноше- ниях уникальны. Они проливают свет на до сих пор оставшиеся не- известными страницы истории так называемого «Академического дела 1929-1931 гг.», сфабрикованного ОГПУ по указанию высших партийных инстанций. Опубликованы воспоминания только двух участников этого

процесса — Н.П.Анциферова и С.В.Сигриста¹. Однако оба мемуариста лишь упоминают о том, что значительная часть из проходивших по «Академическому делу» была арестована в том числе и за участие в научных кружках. Воспоминания Н.С.Штакельберг отличаются тем, что они целиком посвящены именно историческим кружкам, работавшим в Петрограде-Ленинграде в 1920-е годы, а в центре ее внимания самый многочисленный из них — «кружок молодых историков».

В 1993 началась публикация материалов «Академического дела», хранящихся в Архиве Управления Федеральной службы контрразведки по С.-Петербургу и области. Вышел в свет первый выпуск этого издания, содержащий допросы и собственноручные показания С.Ф.Платонова². Публикация поздних воспоминаний обвиняемых по «Академическому делу» наряду с официальными документами позволяет сопоставить эти источники, уточнить степень достоверности сообщаемых в них сведений и, насколько это возможно, восстановить реальную картину происшедших событий.

Наконец, в воспоминаниях Н.С.Штакельберг, и, может быть, в этом прежде всего и состоит их ценность, отразилась трагическая судьба тех, кто в 1920-е годы представлял в отечественной науке петербургскую историческую школу.

Одну из самых выразительных характеристик этой школы дал С.Н.Валк в статье «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет», опубликованной в 1948 и доставившей автору много неприятностей уже в 1949³.

С.Н.Валк показал важность изучения местных условий и особенностей развития науки в том или ином университете для понимания ее общих судеб и представил в качестве основоположников петербургской исторической школы М.С.Куторгу, а московской — Т.Н.Грановского. Тему «Куторга и Грановский» С.Н.Валк успешно использовал для выразительного сопоставления двух исторических школ. Их появление и развитие он связал с «общественно-политическими» условиями, создавшими «различное в корне положение и значение обоих университетов — Петербургского и Московского»⁴.

Если М.С.Куторга, по мнению С.Н.Валка, стоял у истоков петербургской исторической школы, то «ярким завершением процесса ее создания стало творчество А.Е.Преснякова», и «никто лучше его не предста-

¹ Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Вст. ст., сост., прим. и аннот. указ. имен А.И.Добкина. М., 1992; Ростов Алексей [Сигрист С.В.]. «Дело Академии наук» // Возрождение: Литературно-политические тетради. Paris, 1958. Сентябрь-декабрь. Тетр. 81-85; Ростов Алексей [Сигрист С.В.] Дело четырех академиков // Память: Исторический сборник: Вып.4. М., 1979 — Париж, 1981.

² Академическое дело 1929-1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып.1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993.

³ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии Лен. Гос. университета. Секция истор. наук. Л., 1948. С.3-79.

⁴ Там же. С.11.

вил основных черт ее научного облика». При этом С.Н.Валк подчеркивал, что А.Е.Преснякову был свойствен интерес «к общим вопросам истории и социологии уже в ранние годы его научной деятельности», но первая студенческая работа в «традициях петербургской школы» была посвящена изучению источника — «летописного памятника»⁵. С.Н.Валк считал, что именно А.Е.Пресняков в речи перед его докторским диспутом точно указал на особенности петербургской исторической школы. По мнению А.Е.Преснякова, для московской школы был характерен «слишком теоретический подход к материалу», строительство «исторических систем», в которых источники часто служили не «основой построения», а иллюстрацией «к положениям защищаемой историко-социологической доктрины». Характерную же черту петербургской школы А.Е.Пресняков определил как «научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции»⁶. Значительную роль в формировании этой школы А.Е.Пресняков, а вслед за ним С.Н.Валк отводили К.Н.Бестужеву-Рюмину, В.Г.Васильевскому, а также С.Ф.Платонову, подчеркивая его особую роль в преподавании отечественной истории в университете с 1890-х годов, а также в «кружке русских историков», возникшем в Петербургском университете еще в 1880-х как неформальное объединение научной молодежи⁷.

Сходную характеристику двух исторических школ находим в воспоминаниях П.Н.Милюкова. Однако в отличие от А.Е.Преснякова и С.Н.Валка, москвич П.Н.Милюков упрекал представителей петербургской школы в излишней приверженности к источнику. По его мнению, эта традиция шла еще от Августа Людвиг Шлецера, утверждавшего, что «русскую историю нельзя писать, не изучив предварительно критически ее источников». В представлении П.Н.Милюкова, точка зрения Шлецера знаменовала собой «переход от компиляторов XVIII века к научному изучению истории, но к концу XIX в. устарела и доживала свой век именно в Петербурге»⁸. Петербургскому традиционализму П.Н.Милюков противопостав-

⁵ Валк С.Н. Указ. соч. С.56-57.

⁶ Там же.

⁷ См.: Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке XIX-начала XX в. // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С.22-23. Очень скоро С.Ф.Платонов стал фактическим руководителем этого кружка. Кружок собирался на квартире одного из учеников С.Ф.Платонова — В.Г.Дружинина, сына богатого купца-старообрядца, и остроловы прозвали кружковцев «платоновскими дружинниками». Как показывал на следствии арестованный по «Академическому делу» академик Н.П.Лихачев, «когда Платонов прочно стал на ноги, в его квартире образовался салон, в котором собирался второй слой "платоновцев" самого разного состава, а после революции С.Ф.Платонов собрал около себя третий и последний слой "платоновцев", работавших с ним и которым он покровительствовал». «В эту третью серию, — заявил Н.П.Лихачев, — попал и я, после тридцатилетней вражды или лучше сказать неприязни». См.: Архив Управления Федеральной службы контрразведки по СПб. и области (АУФСБ по СПб. и области). Д.П-65245. Т.7. Л.362.

⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. Т.1. М., 1990. С.161-162.

лял достижения московской школы, и всякое обращение петербургских историков к общим проблемам исторического процесса рассматривал как результат ее влияния. Так, он находил признаки «компромисса» в исследованиях С.Ф.Платонова о смуте XVII в., который посвятил первую часть своей работы критике источников, а «во второй части изложил историю смуты — по-московски».

П.Н.Милюков в начале 1890-х посетил кружок С.Ф.Платонова и нашел, что московские докладчики в этом кружке, в том числе и он, «дали новый толчок» уже намеченному «компромиссному» направлению в подходе к истории «с сохранением специфических петербургских оговорок». Кроме С.Ф.Платонова, П.Н.Милюков среди петербургских историков, способных мыслить «широко и отвлеченно», называл А.С.Лаппо-Данилевского, Н.П.Павлова-Сильванского и А.Е.Преснякова⁹.

Как мы уже видели, сам А.Е.Пресняков определял свое отношение к московской исторической школе иначе, нежели это сделал П.Н.Милюков, и его трактовка взаимоотношений двух школ скорее построена на принципе противопоставления, а не взаимного влияния. Однако независимо от того, кто прав в этом споре, очевидно одно: петербургская школа, традиционно придававшая первостепенное значение работе с источником, обрела в лице не только С.Ф.Платонова, А.С.Лаппо-Данилевского, но и более молодых представителей — Н.П.Павлова-Сильванского и А.Е.Преснякова талантливых историков с широким кругозором и склонностью к обобщениям аналитического характера. Н.П.Павлов-Сильванский скончался в 1908, в то время как А.Е.Пресняков оставался заслуженным лидером нового направления петербургской исторической школы вплоть до своей смерти в 1929 и не дожидаясь всего нескольких месяцев до учиненного властью разгрома этой школы.

Петербургская школа историков продемонстрировала свою жизнестойкость в трудных условиях начала 1920-х и немало способствовала возрождению и развитию отечественной науки. В начале 1920-х эта жизнеспособность проявилась в создании многочисленных научных кружков, интенсивно работавших в традициях этой школы и чаще всего собиравшихся, как это было и в дореволюционное время, на квартирах их участников.

Особая роль среди этих неформальных научных объединений принадлежала «кружку молодых историков», возникшему в 1921 и состоявшему преимущественно из учеников С.Ф.Платонова, Е.В.Тарле, Н.И.Кареева, А.Г.Вульфуса, А.Е.Преснякова, С.В.Рождественского.

Сохранившиеся в архиве материалы допросов арестованных участников «кружка молодых историков» в основном соответствуют рассказу Н.С.Штакельберг о его возникновении и составе. По свидетельству А.А.Введенского, в 1920 в университете в «семинарии Рождественского» и на собраниях аспирантов-историков «возникла мысль о научном общении». А.А.Введенский и Н.С.Штакельберг выступили инициаторами создания кружка. А.А. вел первое заседание кружка на квартире Н.С.Шта-

⁹ Милюков П.Н. Воспоминания. Указ. изд. С.162.

кельберг, а затем передал председательские дела С.И.Тхоржевскому¹⁰. В своих показаниях на следствии С.И.Тхоржевский назвал инициаторами создания кружка, кроме А.А.Введенского и Н.С.Штакельберг, также И.Л.Попова и А.М.Покровского¹¹.

Кружок, судя по всему, начал работать или в самом конце 1920 или в январе 1921 и просуществовал до конца 1927 или начала 1928. Заседания преимущественно проходили на квартире Н.С.Штакельберг. Однако участники кружка собирались также в университете, в помещении исторического семинария, Клубе научных работников (Мойка, 94), где С.И.Тхоржевский занимал пост секретаря, в Доме ученых (Халтурина, 27), а также на квартирах С.Ф.Платонова, А.А.Введенского, С.М.Данини, М.Э.Либталь, Е.В.Некрасовой, А.А.Леман. Две последние участницы кружка не упомянуты Н.С.Штакельберг. Впрочем, приведенный в ее воспоминаниях список участников далеко не полон. Это естественно, ибо состав членов кружка не был строго определен.

Из показаний участников процесса следует, что на заседаниях кружка эпизодически бывали Г.П.Федотов, эмигрировавший в 1925 из СССР, П.П.Щеголев, Ю.П.Соколов, М.А.Буковецкая, Я.М.Захер, Е.Ф.Буте, а из профессоров, кроме упомянутых Н.С.Штакельберг, М.М.Богословский, С.Ф.Платонов, Б.Д.Греков и А.А.Васильев, также эмигрировавший до начала процесса.

Н.С.Штакельберг пишет о том, что А.Е.Пресняков и М.Д.Приселков не приглашались на заседания кружка. Однако, судя по показаниям Б.А.Романова, они оба присутствовали на собрании кружковцев, проходившем в Юсуповском дворце (Мойка, 94)¹². Б.А.Романов делил историю кружка на три периода. Первый — с момента организации и до весны 1922, когда еще не существовал Исторический исследовательский институт при Петроградском университете, характеризовался им как период активного участия в кружке молодых университетских историков. Второй — падал на время существования института, когда «наиболее сильные кружковцы перешли в Институт». Третий — начался с закрытием института в 1923-1924 и отличался новым подъемом деятельности кружка и, наконец, в 1927, после организации Ленинградского отделения Института истории РАНИОНа начался четвертый период в жизни кружка, соправшегося в Юсуповском дворце¹³.

Несколько иная версия существования «кружка молодых историков» была представлена в показаниях С.И.Тхоржевского. Он утверждал, что кружок возник в 1921 «в целях научного объединения» и в связи с тем, что в момент его образования не было научных журналов, «где можно было бы печатать свои работы» и «фактически распался к концу 1923 года», когда члены кружка получили возможность печатать свои доклады в «Анналах», «Русском прошлом» и других журналах. Вместо распавшегося кружка возник «исторический кружок» при Клубе научных работ-

¹⁰ АУФСК по СПб. и обл. Д.П-49829. Т.1. Л.23.

¹¹ Там же. Д.12658. Т.1. Л.295.

¹² Там же. Д.221-224.

¹³ Там же.

ников, просуществовавший до конца 1926¹⁴. Для С.И.Тхоржевского важно было подчеркнуть в своих показаниях легальный характер кружка, то, что он действовал при Клубе с ведома правления и профсоюзной организации. По инициативе С.И.Тхоржевского и О.Е.Корнилович при Клубе научных работников был образован также драматический кружок, и Тхоржевский обращал внимание следствия на то, что репертуар кружка был утвержден правлением и печатался в календаре Клуба¹⁵.

Расхождения в показаниях Б.А.Романова и С.И.Тхоржевского можно объяснить различной тактикой поведения в ходе следствия. Очевидно, однако, что кружок представлял собой живой организм, деятельность его то активизировалась, то затихала, а состав, при сохранении какого-то постоянного ядра, менялся. Кружок был неформальной организацией, не имел устава, и посещение его заседаний вовсе не было обязательным. Участников объединяли профессиональные интересы, профессиональный инстинкт, принадлежность к определенной исторической школе, преданность старшим наставникам, мэтрам, как носителям ее традиций.

Как отмечает Н.С.Штакельберг, кружковцы придерживались разных политических взглядов, и это отразилось в дальнейшей судьбе тех, кто пережил испытания 1920-1930-х годов. Разных политических взглядов придерживались и представители университетской профессуры. Е.В.Тарле, например, по своим убеждениям был достаточно далек от С.Ф.Платонова. Однако это не мешало им действовать сообща, поддерживать одаренных молодых людей и воспитывать их не только в университетских аудиториях, но и в кружках.

Н.С.Штакельберг подчеркивает, что С.Ф.Платонов не принимал непосредственного участия в заседаниях «кружка молодых историков». Подтверждение этому находим также в показаниях С.В.Сигриста¹⁶. Однако С.И.Тхоржевский, а также А.Н.Шебунин показывали, что С.Ф.Платонов посещал кружок во время торжественных собраний и в частности был на чествовании С.В.Рождественского в 1922 или 1923¹⁷. На заседаниях кружка отмечались кроме того юбилеи Е.В.Тарле, М.М.Богословского, а также избрание М.М.Богословского в 1921 действительным членом Академии наук. С.Ф.Платонов на допросе 14 января 1930 показал, что «являлся одним из создателей кружка» (наряду с Е.В.Тарле и С.В.Рождественским), посещал его «несколько раз и был на первом собрании, когда состоялась его открытие»¹⁸.

Из профессуры ближе всех к кружковцам был Е.В.Тарле, как это видно и из воспоминаний Н.С.Штакельберг. Он присутствовал на вечеринках, «балагурил и острил с молодежью»¹⁹, рассказывал «за чайным столом» о своих поездках за рубеж и «положении за границей»²⁰.

¹⁴ АУФСК по СПб. и обл. Д.12658. Т.1. Л.306, 312.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Т.3. Л.353.

¹⁷ Там же. Т.1. Л.295; Т.2. Л.384.

¹⁸ Академическое дело 1929-1931 гг. С.31.

¹⁹ АУФСК по СПб. и обл. Д.12658. Т.3. Л.353 (показания С.В.Сигриста).

²⁰ Там же. Т.1. Л.295 (показания С.И.Тхоржевского).

Значительную роль в культурной и научной жизни города играл также «салон» Е.В.Тарле, возникший после 1920, где собирались по средам. Здесь бывали академики Н.П.Лихачев, В.В.Бартольд, М.М.Богословский, В.П.Бузескул. Читались рефераты. Н.П.Лихачев показывал на следствии, что на одной из таких встреч в 1924 познакомился с Е.В.Тарле и что на средах у него «самым почетным гостем» был С.Ф.Платонов, дважды выступавший с рефератами²¹.

На средах собиралось до 20 человек, каждый раз по личному приглашению Е.В.Тарле, бывали и кружковцы: Б.А.Романов, С.М.Данини, А.Н.Шебуниин, О.Е.Корнилович и другие. Б.А.Романов, например, был на этих встречах не менее десяти раз²².

«Кружок молодых историков» был не единственным в эти годы неформальным научным объединением, связанным с традициями петербургской исторической школы. Многие из участников сообщества молодых историков входили в другие кружки, часто возникавшие в виде небольших групп ученых, собиравшихся вокруг своих учителей или старших наставников. В середине 1920-х около десяти человек работали под руководством А.И.Заозерского над архивными материалами по истории крупного землевладения в России XVIII и XIX вв. К этой группе принадлежали А.Н.Насонов и А.А.Степанов, некоторое время в нее входил и В.Н.Кашин, отошедший затем от этого кружка²³.

После смерти А.С.Лаппо-Данилевского в 1919 его ученики сделали все, чтобы сохранить кружок (семинарий), созданный им учителем, и закончить начатую им работу по составлению полного каталога русских частных актов. Участники кружка — А.И.Андреев, С.Н.Валк, А.А.Введенский, Н.И.Сидоров, Т.М.Котляров, А.А.Шилов, А.А.Дроздецкий — продолжали собираться и в 1920-е на квартирах Н.И.Сидорова и А.А.Дроздецкого. Иногда на заседаниях кружка присутствовали иногородние: профессор В.И.Веретенников из Харькова и А.Ф.Злотников из Днепропетровска. В 1924-1925 среди членов кружка наметился раскол²⁴.

В 1921 из учеников Н.И.Кареева по университету и Бестужевским курсам образовался кружок, регулярно собиравшийся у него на квартире. В него входили, в частности, И.Л.Попов, С.М.Данини, П.П.Щеголев, М.К.Гринвальд, Е.Н.Петров, В.В.Бирюкович²⁵.

В 1925 на квартире М.Д.Приселкова возник кружок, занимавшийся вопросами истории искусства и церкви. Образование кружка было связано с удалением М.Д.Приселкова из университета²⁶. Согласно показа-

²¹ АУФСК по СПб. и обл. Д.П-65245. Т.7. Л.362.

²² Там же. Д.12658. Т.1 (показания Б.А.Романова).

²³ Там же. Д.П-65245. Т.3. Л.147 (показания Е.В.Тарле).

²⁴ Там же. Д.П-49829. Т.1. Л.55-56 (показания А.А.Введенского). Результатом работы членов кружка был изданный под редакцией А.И.Андреева «Терминологический словарь частных актов Московского государства» (Пг., 1922). В предисловии к этому изданию (С.ХI) содержатся сведения об участниках семинара до 1919.

²⁵ Там же. Д.П-65245. Т.3. Л.148-149 (показания Е.В.Тарле).

²⁶ Там же. Л.150.

ниям Е.В.Тарле, увольнение из университета И.М.Гревса и его ближайшей ученицы О.А.Добиаш-Рождественской вызвало активизацию работы кружка И.М.Гревса, существовавшего с первых лет революции. Участники кружка собирались на квартирах О.А.Добиаш-Рождественской и И.М.Гревса. В кружок входили, в частности, В.В.Бахтин, Г.П.Федотов, Е.Н.Федотова-Нечаева, Е.Ч.Скржинская. Сам И.М.Гревс одновременно участвовал в кружке И.Д.Андреева, образовавшемся в 1920 из учеников И.Д.Андреева по университету и Духовной академии²⁷. Показания О.А.Добиаш-Рождественской в ОГПУ о деятельности ее кружка несколько отличаются от показаний Е.В.Тарле. Она утверждала, что кружок был организован в 1924 или 1925 после закрытия Исторического исследовательского института, собирался три или четыре раза в год, и в его работе принимали участие А.Д. и В.С.Люблинские, М.Э.Шайтан, М.А.Гуковский, В.В.Бахтин. Иногда приходили Н.В.Пигулевская, Е.Ч.Скржинская, М.А.Тиханова. Участники кружка занимались средневековой историей, палеографией, источниковедением²⁸.

В октябре 1925 бывшими студентами Археологического отделения университета был образован кружок «Новый Арзамас». В числе его участников арестованные затем по «Академическому делу» Л.А.Творогов и И.А.Пидотти.

Простое перечисление кружков свидетельствует о довольно оживленной неформальной творческой деятельности историков в Петербурге-Ленинграде в 1920-е. Это была естественная форма научного общения, противоречившая, однако, правительственному курсу на установление контроля над исторической наукой и введению ее в строгое русло официальной идеологии.

Кружки были тесно связаны с историческими журналами, выходившими в Петрограде-Ленинграде в 1920-е, в особенности с такими изданиями, как «Дела и дни», «Русское прошлое», «Анналы», «Русский исторический журнал», в редактировании которых принимали участие А.Е.Пресняков, Е.В.Тарле, С.Ф.Платонов, С.В.Рождественский.

Н.С.Штакельберг упоминает о темах некоторых из докладов, читавшихся на заседаниях «кружка молодых историков». Опираясь на показания арестованных по «Академическому делу» членов кружка, можно было бы отчасти даже восстановить программу его работы. Однако в этом нет надобности. Почти все, что обсуждалось в кружке, печаталось. Достаточно посмотреть оглавления хотя бы перечисленных изданий, где публиковались кружковцы. Статья самой Н.С.Штакельберг «Загадка смерти Николая I» была опубликована в первой книге «Русского прошлого» за 1923. Там же была напечатана статья Б.А.Романова «Концессия на Ялу». В третьей книге появились статьи С.В.Сигриста и С.И.Тхоржев-

²⁷ АУФСК по СПб. и обл. Д.П-65245. Т.3. Л.150 (показания Е.В.Тарле).

²⁸ Там же. Д.14284. Т.11. Л.21-22 (показания О.А.Добиаш-Рождественской). См. также: Каганович Б.С. К биографии О.А.Добиаш-Рождественской // Вспомогательные исторические дисциплины: Высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: Тезисы докладов и сообщений. М., 1994. С.69-71.

ского. Е.В.Тарле печатал на страницах издававшегося им совместно с Ф.И.Успенским журнала «Анналы» не только статьи, но и рецензии, обсуждавшиеся в кружке.

У каждого из названных изданий было свое лицо. Вместе с тем в Петрограде-Ленинграде в 1920 складывалось определенное направление в исторической науке, опиравшееся на петербургские академические традиции. Оно претендовало на особое место в отечественной историографии и уже было представлено не только профессионалами старого поколения, но и многообещающими молодыми учеными, такими, как, например, Б.А.Романов, А.Н.Шебунин, С.Н.Валк, А.Н.Насонов и другие.

М.Н.Покровский в середине 1920-х начал решительную кампанию за монопольное утверждение в науке государственной идеологии и обрушился с ожесточенной критикой на тех, кто стоял на его пути. В статье «"Новые" течения в русской исторической литературе», в седьмом томе журнала «Историк-марксист» за 1928 Покровский подверг резкой критике изданную в 1927 книгу Е.В.Тарле «Европа в эпоху империализма», обвинив ее автора в антантофильстве и «попытке сокрушить марксистские исторические концепции при помощи якобы марксистских приемов»²⁹.

Эта критика была только одним из предвестников политического «дела», начатого в октябре 1929 против большой группы историков, обвиненных в контрреволюционном заговоре. Жертвами стали не только такие видные представители отечественной науки, как С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле, Н.П.Лихачев, М.К.Любавский, но и большинство участников кружков.

Принадлежность к кружкам, собиравшимся на квартирах, рассматривалась ОГПУ как нелегальная контрреволюционная деятельность в пользу придуманной им мифической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». Не оставлены были ОГПУ без внимания и журналы, где печатались кружковцы. Не без участия М.Н.Покровского консультант ОГПУ «Буревестник» (историк Г.С.Зайдель) подготовил для следствия их пространную характеристику. Особенно резкие обвинения были выдвинуты против «Анналов». «Обозревая все четыре тома журнала, вышедшие за 1922-1924 в свет, — писал Г.Зайдель, — можно совершенно определенно констатировать, что журнал стал действительно органом, "обслуживающим русских специалистов", но специалистов-историков определенного толка — антимарксистов. В нем печатались работы крупных буржуазных историков, начиная от Тарле, Кареева, Бузескула, Гревса и др. и кончая плеядой молодежи, выросшей на дрожжах антимарксистской реакционной методологии». «Деятельными сотрудниками журнала» были названы Н.С.Платонова, М.К.Гринвальд, С.М.Глаголева-Данини, Н.С.Измайлова, Б.А.Романов, М.Э.Либталь, Н.С.Цемш, А.Н.Шебунин. Зайдель подчеркивал, что «во всех четырех книгах журнала невозможно найти ни одного отклика на

²⁹ Покровский М.Н. «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т.7. С.3-17.

вышедшие уже в эти годы исторические работы» М.Н.Покровского и Н.М.Лукина³⁰.

Так возникло «Дело №1803» или «Академическое дело», как часто его позднее называли в литературе, а Н.С.Штакельберг в числе других участников исторических кружков оказалась узником ОГПУ. В результате «Академического дела» был учинен разгром петербургской исторической школы, масштабы ущерба которого трудно оценить даже сегодня.

Автор признателен за помощь и советы Н.А.Штакельберг, Б.С.Кагановичу и В.М.Панеяху.

³⁰ АУСФК по СПб. и обл. Д.П-65245. Т.16. Л.162-163.

Б.В.Ананьич, В.М.Панеях
ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ «СОАВТОРСТВО»
(К выходу в свет сборника документов
«Академическое дело 1929-1931 гг.». Вып.1)¹

Нас отделяет шестьдесят с лишним лет от событий 1929-1931, когда в Ленинграде готовился один из крупных политических процессов над представителями научной интеллигенции, преимущественно людьми гуманитарных профессий. Его жертвами стали четыре академика — известные историки С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле, Н.П.Лихачев, М.К.Любавский, пять членов-корреспондентов и около ста сотрудников академических учреждений. В результате этого процесса были осуждены 115 человек, однако общее число арестованных по «Академическому делу» было значительно большим. Процесс носил закрытый характер, его материалы до сих пор хранятся в ведомственном архиве Управления Федеральной Службы контрразведки по Санкт-Петербургу и области и сравнительно недавно стали доступны исследователям. Только в последние годы начали появляться научные статьи, посвященные «Академическому делу». Одним из пионеров в его изучении был Ф.Ф.Перченко. Его статьи стали важным событием в познании и осмыслении одной из самых трагических страниц в истории отечественной науки².

После издания в конце 1993 первого выпуска «Академического дела» в руках исследователей оказался совсем новый источник. Его особенность состоит в том, что как документ, возникший в недрах одного из самых могущественных ведомств существовавшего режима, он в полной мере отражает порядки и нравы, царившие в ОГПУ и связанных с ним правительственных структурах. В этом прежде всего состоит значение опубликованных документов. Разумеется, они заслуживают изучения и с точки зрения достоверности сообщаемых в них фактов. Однако при подготовке к опубликованию корпуса документов первого выпуска и

¹ Академическое дело 1929-1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып.1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993 (далее — Академическое дело 1929-1931 гг.).

² Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып.1. М., 1991; Его же. «Дело Академии наук» // Природа. 1991. №4.

предисловия ко всему изданию «Академического дела» мы вынуждены были отказаться от комментирования источника, представляющего собой несомненную фабрикацию с незначительными вкраплениями достоверных сведений. Выделение их из общей массы лжи путем постеранного комментирования при уровне нашей сегодняшней осведомленности в обстоятельствах, связанных с ходом следствия, не может быть эффективным и даже таит в себе некую опасность, ибо указание на ложность того или иного факта из следственных показаний автоматически предполагает достоверность всего остального. Однако опубликованные материалы позволяют представить хотя бы в общих чертах процесс фабрикации обвинения, а это важно не только для характеристики методов работы ОГПУ, но и для понимания поведения, роли и положения подследственных в этом процессе.

К сожалению, в некоторых статьях и воспоминаниях, посвященных истории «Академического дела», делаются попытки сравнительной характеристики поведения подследственных, а затем и поспешные выводы о том, кто лучше или хуже вел себя во время следствия или кто кого «оговорил». В результате участники «Академического дела» становятся как бы объектом повторного суда, а преступная деятельность организаторов расправы над наукой остается в тени. Стравливание невольных участников «Академического дела» как раз входило в задачу тех, кто вел следствие, и было одним из приемов его фабрикации, но, разумеется, не единственным³.

Предыстория «Академического дела» во многих отношениях не менее важна, чем следственные протоколы и собственноручные показания арестованных ученых. Она дает возможность выявить инициаторов процесса, роль различных руководящих партийных структур — прежде всего Политбюро ЦК ВКП(б). Становится понятен механизм превращения служебного расследования в секретное партийное разбирательство (с газетной травлей), результатом которого стало карающее решение, реализованное органами ОГПУ.

Все началось с так называемой архивной истории 1929 года, когда во время «чистки» учреждений АН СССР комиссией Наркомата рабоче-крестьянской инспекции под председательством Ю.П.Фигатнера был обнаружен ряд документов, «имеющих большую историко-политическую ценность»⁴ и находящихся в архи-

³ Потому же сомнительным представляется и публикация отдельных фрагментов следственного дела в отрыве от их контекста.

⁴ Стенограмма пленума Правительственной комиссии по чистке аппарата Академии наук 21 октября 1929 г. (Архив Управления Федеральной службы контр-

вохранилища Академии наук, руководители которой якобы скрывали этот факт и противились передаче их в государственные архивы. Именно эта часть предыстории исследована Ф.Ф.Перченком, хотя в процессе работы над публикацией «Академического дела» удалось уточнить некоторые его выводы и установить ряд новых важных деталей. Что же касается документов Политбюро и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, то эти материалы стали доступными, и то лишь частично, уже после того, как Ф.Ф.Перченко написал свои статьи.

Анализ этих документов позволил установить, что по обнаружении «криминальных» материалов, 5 ноября 1929 состоялось заседание Политбюро, где кроме его членов — И.В.Сталина, К.Е.Ворошилова, М.И.Калинина, В.М.Молотова, Я.Э.Рудзутака, А.И.Рыкова и М.П.Томского — присутствовали кандидаты в члены Политбюро и ряд приглашенных лиц, в том числе специально вызванный из Ленинграда Фигатнер, и было принято решение об уголовном преследовании лиц, причастных к «архивной истории»⁵. Тем самым был дан зеленый свет проведению следствия, массовым арестам и фабрикации «Академического дела».

Оставалось приступить к практической реализации этого решения высшего партийного органа, для чего сразу же создается Особая следственная комиссия в составе Фигатнера, Прокурора РСФСР Н.В.Крыленко и двух членов Коллегии ОГПУ Я.Х.Петерса и Я.С.Агранова (последний был начальником Секретно-политического отдела ОГПУ), которая прибыла в Ленинград в конце ноября 1929. Заслушав на первом же заседании в конце ноября или начале декабря информацию «о положении в Академии наук в связи с обнаруженными документами», Особая следственная комиссия принимает развернутое постановление:

1. Комиссия, ознакомившись с материалами предварительного следствия, считает, что /.../ есть основания для возбуждения вопроса о привлечении к уголовной ответственности по ст.78 (сокрытие документов, имеющих общегосударственное значение).

2. Одновременно комиссия констатирует наличие оснований для дальнейшей углубленной следственной разработки в направлении выяснения связей отдельных лиц, стоявших во главе Академии наук, с белой эмиграцией за рубежом, с некоторыми ино-

разведки по С.-Петербургу и области; далее — Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т.16. Л.154; Академическое дело 1929-1931 гг. Пред. С.ХХVI).

⁵ Архив Президента РФ. (АП РФ). Ф.3. Оп.5. Д.336. Л.5-5об. (Особая папка); Академическое дело 1929-1931 гг. Пред. С.ХХIX.

странными представительствами и миссиями и возможной шпионской (военно-разведывательной) деятельностью в интересах иностранных государств.

3. В связи с этим комиссия считает целесообразным поручить всем членам комиссии ознакомиться с протоколами допросов, которые уже имели место, и допросить следующих лиц: Ферсмана, Ольденбурга, Платонова, Никольского, Срезневского, Рождественского, Андреева.

В области техники проведения следствия и агентурной разработки установить следующий порядок:

- 1) агентурная разработка продолжается силами ОГПУ;
- 2) следствие и разработка производится оперативными работниками ГПУ и на бланке следователя по важнейшим делам при Прокуроре республики под наблюдением областного прокурора;
- 3) уполномоченный ПП ГПУ ЛВО формально прикомандировывается к следователю по важнейшим делам при Прокуроре республики⁶.

Этот важный документ обнаружен в архивном фонде Наркомата рабоче-крестьянской инспекции в виде правленного чернилами машинописного черновика, из которого оказалась вычеркнута фраза о привлечении к уголовной ответственности и по другим статьям Уголовного кодекса РСФСР: «58¹¹ Платонова, Ольденбурга, Андреева, Никольского, Рождественского» и «ответственных сотрудников АН (организационная деятельность с контрреволюционной целью)», а также «58⁶ (сношения с представителями иностранных государств и буржуазно-общественными группами за границей, враждебно действующих в отношении СССР)».

Из этого документа следует, что предварительное следствие по «Академическому делу» началось ранее конца ноября 1929, то есть до массовых арестов, к которым Полномочное представительство Объединенного политического управления в Ленинградском военном округе (далее ПП ОГПУ в ЛВО) приступило 12 января 1930. О том же свидетельствует постановление от 15 апреля 1930 о мере пресечения для С.Ф.Платонова, где дается номер дела в таком виде: «№ 1803-29 г.», причем «29 г.» вписан от руки (док. 19; здесь и далее номера документов приводятся по «Академическому делу 1929-1931 гг.»). Правда, к моменту подписания постановления Особой следственной комиссии был уже арестован ученый секретарь Археографической комиссии при АН СССР А.И.Андреев (24 октября 1929), но он не относился к числу лиц, стоящих

⁶ ГАРФ. Ф.374. Оп.28. Д.3062. Л.46-47; Академическое дело 1929-1931 гг. Пред. С.XXX-XXXI.

во главе Академии, и это еще не обязательно предвещало продолжения арестов, особенно массовых, и фабрикации «дела».

В постановлении Особой следственной комиссии речь идет также об агентурной разработке, которая была проведена до ее заседания и должна была продолжаться в дальнейшем. К сожалению, эти материалы оказались недоступными коллективу, готовившему «Академическое дело» к изданию. Их анализ мог бы прояснить некоторые вопросы, относящиеся к следствию и его предыстории. Впрочем, и сами протоколы, фиксировавшие допросы, с несомненностью свидетельствуют о том, что следователи опирались на какие-то агентурные данные.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что несмотря на имеющееся в постановлении Особой следственной комиссии предписание произвести дальнейшую углубленную следственную разработку в отношении лиц, стоящих во главе Академии наук, она не завершилась их арестом. В вычеркнутой части решения прямо указывается на академика С.Ф.Ольденбурга, длительное время занимавшего ключевой пост неперменного секретаря Академии и лишь 30 октября 1929 отстраненного от исполнения этих обязанностей по распоряжению Политбюро. Не был арестован и академик А.Е.Ферсман, также в результате «архивной истории» лишившийся поста вице-президента Академии наук. Вместе с тем, само следственное дело дает основание утверждать, что усиленно собирались материалы, призванные скомпрометировать этих двух ученых, чтобы арестовать их и включить в число обвиняемых (см. об этом ниже).

Наличные документы не дают ответа на вопрос, почему это намерение не осуществилось. Его нужно искать в тех материалах, которые не были включены в само следственное дело, но которые несомненно существовали. Имеются в виду отчеты ПП ОГПУ в ЛВО руководителям ОГПУ, и, возможно, прокуратуры, резолюции на них, информационные документы, поступавшие из ОГПУ в высшие партийные инстанции, и инструкции последних, направляемые в ОГПУ. К сожалению, и эта часть «дела» оказалась недоступной для публикаторов.

Впрочем, имеются косвенные свидетельства наличия в архивах некоторых материалов подобного рода. Так, в Особой папке Политбюро хранятся его решения по почти ежемесячно (или иногда чаще) включаемому в течение 1930 и 1931 в повестку дня заседаний вопросу «Об Академии наук»⁷. Более того, 25 января 1930,

⁷ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.17. Оп.3. Д.771, 772, 774, 777 и т.д.

когда уже были арестованы А.И.Андреев (24 октября 1929), Н.В.Измайлов (13 ноября 1929), С.В.Рождественский (1 декабря 1929), А.А.Петров (14 декабря 1929), С.Ф.Платонов (12 января 1930), А.М.Мерварт (13 января 1930) и ряд других ученых, Политбюро при рассмотрении в очередной раз этого пункта повестки дня принимает решение: «Поручить Секретариату ЦК утвердить инструкцию»⁸. Вполне допустимо, на наш взгляд, предположение, что речь идет об инструкции, адресованной ОГПУ по поводу ведущегося следствия.

Представляет интерес и причина вычеркивания в черновике постановления Особой следственной комиссии ст. 58¹¹ и 58⁴, по которым первоначально предлагалось привлечь к уголовной ответственности группу ученых и которые наряду с другими пунктами ст. 58 (п.5, 6, 10, 14) фигурировали через три месяца, 14 марта 1930, в постановлении о привлечении С.Ф.Платонова в качестве обвиняемого (док.16) и еще через месяц, 15 апреля 1930, в постановлении об избрании меры пресечения (док.19). Не исключено, что Особая следственная комиссия ждала указаний из Политбюро, которые поступили позже — в виде упомянутой выше инструкции Секретариата ЦК ВКП(б). Но уже до ее появления, в постановлении от 13 января 1930 о производстве обыска у С.Ф.Платонова и его задержании (док.2) речь идет о подозрении «в том, что он является руководителем подпольной контрреволюционной организации» (но без указания статей УК РСФСР). Что же касается обвинения по ст.78, то оно сразу же, как видно, отпало даже в качестве повода для ареста, и следствие пошло по пути принуждения к даче показаний для обвинения по почти всей шкале ст.58. Тем самым оно осуществлялось по той части сценария, которая первоначально была вычеркнута из постановления Особой следственной комиссии. Ею был намечен только лишь общий ориентир, по которому предписывалось двигаться уже начавшему следствию ПП ОГПУ в ЛВО.

Все следственное дело С.Ф.Платонова, кроме официальных документов, исходящих от следственных органов, и анкет (док.1-7, 16, 19), в основном состоит из собственноручных показаний, протоколов допросов, протокола очной ставки, а также двух достаточно пространных заявлений, адресованных в Коллегию ОГПУ. Обращает на себя внимание значительное отличие показаний от протоколов — по лексике, оборотам речи, построению фраз. Уже одно это свидетельствует о неадекватности записей

⁸ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.774. Л.5; АП РФ. Ф.3. Оп.7. Д.254. Л.1, 5 (Особая папка); Академическое дело 1929-1931 гг. Пред. С.XXXII.

в протоколах действительным ответам С.Ф.Платонова. Существенно и то, что если в течение первых семи месяцев в протоколах его рукой делались уточнения, вставлялись отдельные слова, то впоследствии С.Ф.Платонов и не пытается это делать, убедившись, вероятно, в их бесполезности.

Необходимо отметить также, что протоколы носили характер произвольно скомпонованных достаточно кратких резюме допросов подследственного в форме его монологов, без записи задаваемых вопросов, содержание которых, впрочем, иногда можно установить. Само собой разумеется, что протоколы писались после, а не во время допросов. Такая форма протоколирования позволяла следователям фальсифицировать суть сказанного, искажать ответы. Да и сама лапидарность протоколов не могла отразить всех нюансов сказанного. К тому же все протоколы состоят из признаний, утверждений, разъяснений, уточнений С.Ф.Платонова, но в них редко фиксировались его ответы, державшие отрицание какого-либо действия или приведенного в вопросах следователя «факта». Нет в протоколах и указаний на время проведения допроса и его длительность.

Первоначально крупные работники ПП ОГПУ в ЛВО, непосредственно ведшие следствие (далее — следователи), интересовались такими вопросами, которые лишь косвенно относились к предъявленным позже обвинениям. Так, в первом собственноручном показании С.Ф.Платонова, данном уже на следующий день после ареста, 13 января 1930 (док.7), речь идет прежде всего о документах, обнаруженных в архивах Академии наук, позиции президиума Академии в вопросе об архивах, о группировках среди академиков (и отдельно о «группе акад. Истрина»), о их позиции во время довыборов академиков в феврале 1929. Лишь в конце этого показания появляются сюжеты, которые позднее следователи будут разрабатывать со все большей интенсивностью: о поездках С.Ф.Платонова за границу и встречах там с французскими и немецкими учеными и русскими эмигрантами, жившими во Франции.

В проведенном на следующий день, 14 января, допросе (док.8) следователь интересовался политическими убеждениями С.Ф.Платонова, его политической позицией в дореволюционный период, отношением к существующему строю.

Заявление С.Ф.Платонова, что он по политическим убеждениям монархист и «со многими положениями существующего строя не согласен» (хотя и признает нынешнюю власть), давало следователям в дальнейшем возможность путем подтасовок и давления конструировать монархический заговор. Здесь же воз-

никают два новых сюжета, также ставших впоследствии доминирующими: связь с германским и польским консулами; неформальные кружки («молодых историков», А.И.Заозерского, А.Н.Насонова и др.), которые существовали в 1920-х годах в Ленинграде, в соответствии с дореволюционной традицией. Характерно, что в протоколе допроса кружки названы нелегальными, хотя о их существовании было широко известно в ученых кругах Ленинграда.

В следующем допросе, 15 января (док.9), следователь возвращается к политическим воззрениям С.Ф.Платонова. Выясняется, что он считает «диктатуру рабочего класса переходной стадией к демократическому строю» («по типу Франции, Англии, Германии»), в основе которого — «свобода почина, свобода личности». Вместе с тем, следователь делает следующий шаг в оценке положения в Академии, вписывая в протокол допроса фразу о «деятельности реакционно-монархической, организационно-действующей группы в период самих перевыборов». Она к тому же способствовала комплектованию штатов Академии из лиц, «которые являлись в большинстве своем антисоветски настроенными». Затем следователь снова возвращается к деталям, связанным с существованием неформальных кружков, опять названных в протоколе нелегальными.

Во время допроса 17 января (док.10), в протоколе фигурируют уже не группы внутри Академии, как об этом писал сам С.Ф.Платонов в своем первом собственноручном показании и как зафиксировано в протоколе предыдущего допроса, а Центр, состоявший из академиков, входивших в разные группы, который противодействовал «всем начинаниям существующего правительства» и создавал семинарии, кружки, группы и прочие объединения нелегального порядка «для обработки научной молодежи»⁹. Так следствие шаг за шагом вело дело к фабрикации «контрреволюционной антисоветской организации». Но до формулирования и предъявления С.Ф.Платонову обвинения оставалось еще два месяца.

Пока же следствие закрепляло в своих протоколах его допросов те сведения, которые были зафиксированы ранее, постепенно дополняя их важными для фабрикации «фактами». В этом отношении показателен протокол допроса 24 января (док.11). С.Ф.Платонов подтверждает «предыдущие показания об эволюционном движении страны к демократически-республиканскому строю», и сразу же в протокол вписывается вторая часть фразы:

⁹ В показаниях академика Е.В.Тарле от 11 и 14 февраля 1930 появляется тема «Академического центра», но как части контрреволюционной организации (Архив УФСБ по СПб. и обл. П-65245. Т.2. Л.22, 25об.).

«/.../ считаю: конституционно-монархический строй возможен лишь при интервенции иностранных государств». Казалось бы, имеет место явное противоречие. Но ведь протоколы писались, как было отмечено выше, не в процессе допросов и не в форме чередующихся вопросов и ответов, а как монологи подследственного. Поэтому приведенная фраза Платонова может представлять коллаж из показаний, сделанных в ответ на по-разному поставленные вопросы. Они легко восстанавливаются при внимательном чтении протокола. Одно дело — убеждение самого подследственного; оно выражено в первой части фразы. Другое — ответ на вопрос, поставленный в гипотетической форме, при каких условиях возможно установление конституционно-монархического строя. С.Ф.Платонов ответил столь же гипотетически. Следующий вопрос мог быть поставлен о том, какая кандидатура соответствовала бы требованиям для занятия престола. Следователь записывает ответ: Андрея Владимировича «считаю /.../ соответствующей, т.к. он имеет военно-юридическое образование». Характерно, что рукой самого С.Ф.Платонова в протокол перед словом «соответствующей» вставлено слово «формально», и этим подчеркнута теоретическая, а не практическая возможность, которую С.Ф.Платонов стремился бы реализовать. Но и в таком виде этот ответ может служить ступенью к тому, чтобы приписать С.Ф.Платонову в дальнейшем стремление к восстановлению монархии. Тем более, что вслед за тем снова гипотетически обсуждается состав будущего правительства. Можно уверенно утверждать, что включенные в протокол имена будущих министров не были названы самим С.Ф.Платоновым, а предлагались следователем для обсуждения. Ответ сформулирован в протоколе так: «Министрами по своей значимости со всех точек зрения, при такого рода правительстве могут быть: Коковцов, Крачковский — министр труда, как человек весьма подходящий для этой роли, и Тарле — министром иностранных дел, как человек, интересующийся общественно-политическими вопросами и имеющий связь с заграницей».

Такого рода запись вполне достаточна, чтобы следователь, ведший допросы Е.В.Тарле, сообщил ему, что С.Ф.Платонов намечал его, опираясь на его согласие, в правительство, которое будет сформировано после контрреволюционного переворота. Безусловно, эта фраза из протокола была сообщена при первом же допросе Е.В.Тарле, арестованному четыре дня спустя (28 января 1930)¹⁰.

¹⁰ См. слова Е.В.Тарле в письме жене: «/.../ св[олочь] Пл[атонов]» (См.: Каганович Б.С. К биографии Е.В.Тарле // Отечественная история. 1993. №4. С.89).

Подобные же «факты» фабриковались при допросах других, изолированных друг от друга, арестованных ученых, что позволяло предъявлять каждому из них «свидетельства» нескольких подследственных. В сочетании с психологическим давлением, угрозами арестовать родных и близких (даже малолетних детей) или применить жестокие санкции к уже арестованным родственникам (две дочери С.Ф.Платонова были арестованы вместе с ним и содержались в неизмеримо более тяжелых условиях), сознанием безысходности, такого рода «свидетельства» рано или поздно, но в конечном счете приводили к тому, что подследственные давали нужные властям показания и шли на вынужденное, пока неосознанное, «соавторство» со своими следователями. Тем более, что следователи их предупреждали, чтобы они не надеялись на открытый суд, поскольку принято решение судить их на Коллегии ОГПУ¹¹.

Что же касается самого С.Ф.Платонова, то следователи пока продолжали по отношению к нему ту же тактику провоцирования неосознанного «соавторства». Так, еще в своем первом собственноручном показании (13 января 1930) он указал на то, что во время поездки 1924 в Германию «виделся с профессором Гетчем — членом прусского парламента» (док.7). На допросе же 24 января С.Ф.Платонов, отвечая, безусловно, на прямо поставленный вопрос, сообщил: «Мне известно, что Гетч являлся лидером национальной партии Германии» (док.11). А в протокол допроса 31 января (док.12) следователем записывается фраза, которая звучит в контексте других сведений уже «криминальной»: «Моя связь с лидером национальной партии Германии, кандидатом в канцлеры Гетчем началась с 1907 г., когда он был уже профессором Берлинского университета. Связь порвалась на время войны с Германией, возобновясь в 1924 г. /.../ Для меня вероятно, что Гетч, будучи политическим деятелем национальной партии Германии в настоящее время, отношения ко мне строил исходя из интересов германского правительства». При этом первоначально вместо слова «вероятно» рукой следователя было написано «ясно», но С.Ф.Платонов сам внес исправление.

Во время того же допроса в протоколе фиксируется признание С.Ф.Платонова в «германофильстве», о котором он дал «точные и откровенные показания» раньше. Но в предыдущих показаниях об этом речи не было! Тех же воззрений якобы придерживаются и его единомышленники, «например, Тарле, Андреев Александр Игнатьевич и др.».

¹¹ Академическое дело 1929-1931 гг. Пред. С.XXXVII.

Здесь же читаем фразу о том, что С.Ф.Платонов и его единомышленники после февральской революции 1917 считали необходимым установление «конституционного строя во главе с твердой властью, основанною на демократических началах при одной главе государства (не династии)». При этом слова, взятые в скобки, вставлены рукой С.Ф.Платонова, который в ходе допросов, очевидно, понял, что ему может быть предъявлено обвинение в стремлении реставрировать монархию (вопреки таким косметическим поправкам, так вскоре и произошло). Теми же соображениями руководствовался, по-видимому, С.Ф.Платонов, когда, подтверждая свои предыдущие показания «о беседах, обсуждениях вопросов, связанных с возможностью конституционного строя во главе с твердой властью как конечной формой, более соответствующей интересам нашей страны», в продолжение этой фразы внес исправление: «...признаю, что о кандидатуре Андрея Владимировича на престол *в порядке частной беседы* говорилось» (слова, набранные курсивом, вместо «обсуждались и»). Но и этого для следователей на первых порах было достаточно. Недаром в машинописной копии протокола именно данная фраза оказалась подчеркнутой красным карандашом.

Во время допроса 25 февраля (док.14) следователь продолжал выяснять детали заграничных поездок С.Ф.Платонова и его встреч с российскими эмигрантами и зарубежными политическими деятелями, а также учеными. Эта тема продолжена и в собственноручном показании С.Ф.Платонова от 14 марта (док.15), где он писал о связях с близко ему знакомыми русскими учеными, проживающими вне Ленинграда: «Богословский (умер), Любавский, Готье, Егоров, Яковлев, также Рязанов, отчасти Полосин и Ульянов в Москве, Бузескул в Харькове, Маркевич в Крыму».

В тот же день было подписано Постановление о привлечении С.Ф.Платонова в качестве обвиняемого по ст. 58⁴, 58⁵, 58⁶, 58¹⁰, 58¹¹, 58¹⁴ УК РСФСР (док.16). Согласно постановлению, начальник 2 отделения секретного отдела А.А.Мосевич, «допросив гр-на Платонова /.../ и рассмотрев следственный материал на него», счел, что «гр. Платонов достаточно изобличается в том, что активно участвовал в создании и возглавлял контрреволюционную монархическую организацию, ставившую своей целью свержение советской власти и установление в СССР монархического строя путем склонения иностранных государств и ряда буржуазных общественных групп к вооруженному вмешательству в дела Союза». Обращает на себя внимание частичное противоречие между этой частью постановления и конкретизацией предъявленного обвинения: а) организация сети нелегальных контрре-

волюционных кружков, занимавшихся антисоветской пропагандой и созданием антисоветских кадров; б) контрреволюционный саботаж со специальной целью ослабления власти советского правительства; в) оказание помощи той части международной буржуазии, которая стремится к свержению советской власти; г) собиране и передача сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государством тайной, иностранным государствам».

Эта конкретная часть постановления не вытекает, как нетрудно убедиться, из показаний и допросов С.Ф.Платонова, предшествовавших постановлению. Впрочем, оно не дает ответа на вопрос, на основе какого дознания сформулировано обвинение — самого С.Ф.Платонова или всей совокупности дознаний, в том числе других привлеченных по этому делу лиц. И наконец, может быть самое главное: речь идет только о дознании, т.е. показаниях, а не о текстах программ, протоколов заседаний, о существовании которых говорили некоторые арестованные ученые, но нигде в следственном деле нет и намека на проверку подобных сведений: ни протоколов обысков в тех учреждениях, где якобы они хранились, ни актов выемки важных вещественных доказательств.

Поразительно, но в следственном деле нет и протокола допроса С.Ф.Платонова Мосевичем. Может быть, это только ритуальная фраза постановления; не исключено, впрочем, что допрос был, но противоречил приведенным в постановлении обвинениям, почему не оказался включенным в дело.

Вообще, кроме официальных, зафиксированных в протоколах следственных действий, арестованные ученые постоянно подвергались давлению, так сказать, в неофициальном порядке; они вызывались к следователям, и эти допросы никак не фиксировались, им угрожали, требуя признаний в несовершенных преступлениях. Эта сторона процесса отражена в мемуарах отбывших свой срок заключения ученых (например, Н.П.Анциферова, С.В.Сигриста и Н.С.Штакельберг).

Но и в самом следственном деле С.Ф.Платонова обнаруживаются следы такой обработки. Так, почти через месяц после подписания постановления о его привлечении в качестве обвиняемого, 12 апреля 1930, С.Ф.Платонов делает заявление следователю (док.17), где пишет, что «хотел бы говорить с обоими следователями: т.Жупахиным и т.Степановым». Однако до сих пор допросы вел и подписывал их протоколы только заместитель начальника секретно-оперативного управления ПП ОГПУ в ЛВО Жупахин, а начальник секретного отдела ПП ОГПУ в ЛВО М.А.Степанов стал подписывать протоколы, то есть официально вклю-

чился в следственный процесс позднее. Как видно, именно он вызывал к себе С.Ф.Платонова помимо Жупахина, но эти следственные действия не отразились в деле. Хотя постановление о привлечении С.Ф.Платонова в качестве обвиняемого датировано 14 марта 1930, ему оно было объявлено то ли 28 марта (согласно его подписи на самом постановлении), то ли 20 марта (по его утверждению, в начале собственноручного показания от 12-14 апреля, док.18). Так или иначе, это было сделано почему-то не сразу. Из заявления С.Ф.Платонова от 12 апреля, содержавшего просьбу по состоянию здоровья «вернуть /.../ в лазарет» (док.17), становится ясно, что после 14 марта он уже был помещен в тюремный лазарет. Не будет беспочвенной догадкой предположение о связи между предъявлением обвинения семидесятилетнему без малого ученому и ухудшением состояния его здоровья. Этим и можно объяснить месячный перерыв в следственных действиях.

Нам неизвестно, была ли выполнена просьба С.Ф.Платонова, но в тот же день, 12 апреля, он начинает и 14 апреля завершает большие собственноручные показания (док.18), в которых категорически и мотивированно отвергает все предъявленные ему обвинения.

Снова, не отрицая свою приверженность монархическим взглядам, С.Ф.Платонов заявляет, что, по его убеждению, «роль династии сыграна и историческое преемство невозможно». Кроме того, с апреля-мая 1918 он «вошел в разумение совершившегося, признал власть и стал работать в Главархиве», хотя остается немарксистом и всею в политике партии не может сочувствовать, считая ее «курс рискованным». Само собой разумеется, С.Ф.Платонов отрицал связь с германской разведкой, в которой его обвинили следователи (это обвинение ни в каких документах пока не было зафиксировано). Из тех же собственноручных показаний С.Ф.Платонова становится ясным, что обвинение в передаче сведений, «являющихся по своему содержанию специально охраняемой государством тайной, иностранным государствам», основывается, в частности, на факте отправки немецкому профессору Брауну карты Горного Крыма. Но, возражает С.Ф.Платонов, «карты того же масштаба давно изданы в историях Крымской войны и никакого секрета не представляли».

Вместе с тем, больной и измученный долгим заключением С.Ф.Платонов впервые допускает возможность существования антисоветской организации, но отрицает свою причастность к ней, не говоря уже о руководстве ею и доставке для нее денег из-за границы: «Не могу объяснить, ни самому себе представить, кто и зачем привязал меня к этому делу и орудовал моим именем.

Может быть, рассчитывали на то, что мой личный авторитет и звание академика могут, с одной стороны, влиять на вербовку членов и успех дела, а с другой стороны, дадут ему иммунитет».

12-14 апреля С.Ф.Платонов впервые касается и содержания сообщенных ему показаний других ученых, арестованных по тому же делу. Так, Платонов отрицает сообщение Е.В.Тарле о том, что он «в Париже "говорил с Коковцовым и Маклаковым" по делам организации, к которой Тарле принадлежал». Отрицается им также сообщенное в устной форме показание Н.В.Измайлова, зятя С.Ф.Платонова («это не автограф») о имевшем место разговоре, касающемся желательности иностранной интервенции: «В той форме, как разговор передан следователем /.../ он слишком наивен и неумен для "официального" сообщения». И все же С.Ф.Платонов не может игнорировать это сообщение вовсе и вынужден признать возможность такого разговора, хотя «его предметом могли быть только обывательские толки», но по его убеждению, никто не мог «считать интервенцию благом».

Предъявление компрометирующих показаний — излюбленный прием следователей ОГПУ для принуждения к признанию справедливыми выдвинутых обвинений. Так же, как было предложено выше, поступили и с Е.В.Тарле, которому безусловно рассказали о том, что С.Ф.Платонов намечал его кандидатуру на министерский пост. Теперь же полномасштабного вынужденного «соавторства» С.Ф.Платонова со следователями ОГПУ оставалось немного времени. Чтобы принудить к этому, нужно было предъявить новые признания близких С.Ф.Платонову лиц из числа арестованных¹².

Вместе с тем следователи уловили момент, когда нужно усилить нажим, и несколько допросов (26-27 апреля, 3, 19 мая 1930) стали вести вдвоем. Допрос, датированный двумя числами, 26 и 27 апреля (док.20), касался контактов С.Ф.Платонова с немецкими учеными и германским консулом в Ленинграде. В самом конце протокола записан ответ С.Ф.Платонова на вопрос о его роли в контрреволюционной организации: «/.../ должен сказать, что существование такой организации с хотя бы написанным уставом, президиумом, организационной связью участников, определенной

¹² Это не специфика дела С.Ф.Платонова. Следователи, составляя протоколы допросов, вписывали в них двусмысленные обороты речи, звучавшие как бы полу-признанием. Затем они в препарированном виде сообщались другим подследственным, которые под давлением этого и иных факторов (условий содержания в ДПЗ, угроз, осознания своей беззащитности, безысходности) постепенно начинали «сознаваться» в несовершенных преступлениях, тем самым идя на вынужденное «соавторство».

программой и пр. я отрицаю. Я не знаю, что называют организацией Рождественский, Андреев, Тарле, показания которых мне зачитаны». В то же время С.Ф.Платонов вынужден был признать: «В кругу, в котором я вращался, были контрреволюционные разговоры, были неоднократно разговоры и об интервенции, которые более или менее полно излагает Измайлов в своих показаниях, которые мне зачитаны /.../ Однако я отрицаю их заговорщический характер. Это были разговоры обычного обывательского характера». Как видим, весь этот допрос опирался на предъявленные С.Ф.Платонову компрометирующие его показания других арестованных по «Академическому делу».

Во время допроса 3 мая (док.21) следователи добивались признания С.Ф.Платонова в том, что он участвовал в обсуждении вопроса о претендентах на престол. И снова они ссылались на показания других лиц. С.Ф.Платонов, судя по протоколу, рассказал о хождении в Академии ряда контрреволюционных прокламаций, среди которых — и обращение великого князя Кирилла Владимировича, сданное по прочтении в Рукописное отделение БАН. Но ознакомившись с протоколом, собственноручно вписал в его конец фразу, содержащую отрицание: «"Обсуждения" вопроса о претендентах на престол не было. Мог быть только простой разговор». Затем С.Ф.Платонов уточнил обстоятельства визита к нему германского консула Цейхлина, которому было заявлено о желательности вмешательства западноевропейских ученых, чтобы предотвратить разрушение и гибель Академии, опасность которой он связал с возмутительными приемами ее «чистки». Факт встречи ряда московских ученых при участии С.Ф.Платонова на квартире проф. Д.Н.Егорова с двумя немецкими учеными (Гетчем и Ионасом) был интерпретирован в протоколе допроса как «неофициальное совещание».

Допросу 19 мая (док.22), очевидно, придавалось особое значение, так как в нем принял участие начальник Секретно-оперативного управления ПП ОГПУ в ЛВО В.Р.Домбровский, в Ленинграде непосредственно руководивший всем следствием по «Академическому делу». Совершенно очевидно, что С.Ф.Платонову снова сообщили ряд компрометирующих его «фактов», ставших известными в результате допроса А.И.Андреева. Так, на иезуитски поставленный вопрос, «из какого источника Андреев знает», что С.Ф.Платонов «мог возглавить в нужный момент монархическое движение», последний вынужден был ответить, что А.И.Андреев «об этом мог слышать и знать» только от немецкого профессора Ионаса, «так как он с ним вел, в бытность последнего в Ленинграде, большие беседы». Что же касается каких-то «военных доку-

ментов», о которых ему якобы говорил А.И.Андреев, то С.Ф.Платонов решительно отверг это показание. А о разговоре с С.Ф.Ольденбургом в присутствии А.И.Андреева «на тему о наличии у меня двух актов (вариантов) отречения Николая II-го» С.Ф.Платонов заявил, что помнит его.

Во время допроса 6 июня (док.23) С.Ф.Платонов признал, что сочувствие и активное содействие «сохранению и развитию работ немарксистского направления в негласных кружках историков и в Археографической комиссии» «при диктатуре пролетариата, с господством марксистского понимания истории /.../ по действующим законам» рассматриваются как противоправительственные и контрреволюционные. Оговорка о теоретическо-оппозиционном, а не политическом характере этой деятельности для следствия уже не имела значения. Теперь до признания приписываемого С.Ф.Платонову руководства нелегальной контрреволюционной монархической организацией, связанной с германскими националистическими кругами (последнее как бы вытекало из предыдущих допросов), оставался один шаг.

Однако затем 20 дней никаких официально зарегистрированных следственных действий не производилось. А собственноручные показания от 26 июня (док.24) приблизили к развязке только на полшага. От С.Ф.Платонова, очевидно, потребовали дать исчерпывающий ответ на вопрос, почему «правые националистическо-монархические круги Германии» рассчитывали на него, «как на лицо, могущее возглавить в нужный момент монархическое движение в СССР». С.Ф.Платонов построил свое объяснение, исходя из формулы: почему «могли рассчитывать». Впрочем, сам ответ позволял следователям, несмотря на такую осторожную оговорку, манипулировать им по своему усмотрению. Ведь С.Ф.Платонов снова признался в том, что по политическим убеждениям он монархист; что, по его мнению, «соввласть лишь переходная форма государственного строя» к конституционному строю «во главе с твердой властью (республиканской)»; что конституционно-монархический строй возможен «лишь при интервенции иностранных государств»; что при «германской интервенции соответствующей кандидатурой на российский престол могла бы формально считаться, по праву старшинства его семьи и по его образованию, кандидатура великого князя Андрея Владимировича». А поскольку и «германские националистическо-монархические круги не верят в прочность соввласти /.../ имеют свои цели, считая соввласть переходной формой государственного строя», стремятся к союзу «Германии с будущей "монархической" Россией», постольку «при решении вопроса» о С.Ф.Платонове «со

стороны немецких националистических кругов» при общности, как следовало из показаний, «политических убеждений», они могли полагаться «на общеизвестные организаторские административные способности и навыки при авторитетности и притягательности» личности С.Ф.Платонова «в кругах русской интеллигенции».

Итак, все было уже подготовлено к тому, чтобы вынудить С.Ф.Платонова к признанию, пока хотя бы частичному, справедливости выдвинутых против него обвинений. Правда, контрреволюционная монархическая организация, которую якобы он возглавлял, не имела пока названия. Выработка его стала очередной задачей следователей ОГПУ. Если арестованные ученые, в том числе С.Ф.Платонов, примут предложенное им название организации, то это означало бы продвижение на последние полшага к развязке.

По замыслу следствия, важная роль при фабрикации «Академического дела» отводилась Н.В.Измайлову. Его, человека близкого к С.Ф.Платонову, бывшего военного, получившего во время Первой мировой войны чин подпоручика, решено было сделать главой военной организации «заговорщиков». Именно с ним следователи начали разрабатывать в последних числах июня 1930 и вопрос о названии «организации».

Н.В.Измайлов еще в начале следствия, 28 февраля 1930, заявил, что целиком разделяет взгляды С.Ф.Платонова «по всем вопросам, так же как не расходитя с ним в своем отношении к советской власти». 8 мая, подтвердив свою принадлежность к контрреволюционной организации, возглавляемой С.Ф.Платоновым, он согласился с тем, что «организация эта не имела точно сформулированной и записанной программы, не имела определенного устава, формального членства»¹³.

Без того, чтобы фабриковать программу и устав «организации», следствие, очевидно, могло обойтись, да и дело было это слишком хлопотным и сложным, тем более, что состав арестованных был весьма разнообразен. Непросто было выработать общий устав для таких разных по своим взглядам и убеждениям лиц, как, например, Е.В.Тарле, М.К.Любавский, Н.П.Лихачев или А.Н.Шебунин. Но оставлять далее без названия «организацию», видимо, было невозможно, и 23 июня 1930 следователь начал «работать» с Н.В.Измайловым над вариантами «подходящего названия». Возможно, оно было уже заготовлено в ОГПУ и в ходе следствия только совершенствовалось, а обсуждение с подсуди-

¹³ Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т.10. Л.89 и 184.

мым вариантов названия должно было лишь подтвердить реальность «заговора». Но вполне возможно, что именно в ходе допросов следователи выработали название организации, а соответственно и всего дела.

Следственная версия возникновения названия «организации» утвердилась во время допросов Н.В.Измайлова 23-24 июня 1930. 23 июня Н.В.Измайлов показал, что вопрос о названии организации обсуждался между ее членами, и существовали различные варианты: «Союз возрождения свободной России», «Союз обновления России», «Союз борьбы за возрождение родины», «Союз возрождения родины и свободы», «Союз возрождения единой России». «Какой из вариантов был принят как окончательный и был ли принят один из них, или какой-нибудь еще иной, я не могу сказать определенно», — заявил Н.В.Измайлов 23 июня и прибавил, что название организации он «не слышал ни разу в употреблении (по крайней мере, не помню, что слышал когда-либо)¹⁴. Эти показания выглядели явно нелепыми. Н.В.Измайлов, один из руководителей «организации», не знал точно ее названия и даже не помнил, чтобы слышал его когда-либо.

Уже на следующий день, 24 июня, следователь позаботился о том, чтобы показания Н.В.Измайлова носили более определенный характер и содержали более или менее логичные объяснения сказанного им накануне. Показания Н.В.Измайлова 24 июня делятся на две части. Первая часть содержала объяснение конспирации названия. На этот раз Н.В.Измайлов показал, что «передавать кому-либо это название можно было лишь с ведома и согласия или по указанию С.Ф.Платонова», что, как правило, С.Ф.Платонов «сам его сообщал кому считал нужным и в самых необходимых случаях», а за границей «мог сообщать его и Е.В.Тарле». «Я же никому его не сообщал», — добавил о себе Н.В.Измайлов¹⁵.

Первая часть показаний Н.В.Измайлова 24 июня опять поражает своей нелепостью даже с точки зрения элементарной логики. Как мог Н.В.Измайлов сообщать или не сообщать название организации, если он его не знал и не слышал, наконец, какое же название могли сообщать своим собеседникам С.Ф.Платонов или Е.В.Тарле?

Кроме всего прочего, Н.В.Измайлов вдруг упомянул другое название: «Академический центр», как будто бы иногда употреблявшееся «при внутренних сношениях (устных) для обозначения круга членов организации, составленного из академиков и сотруд-

¹⁴ Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т.10. Л.275.

¹⁵ Там же. Л.279.

ников Академии наук и других научных учреждений», заметив, что это этот «термин имел практическое, так сказать, неофициальное значение»¹⁶. Напомним, что в показаниях С.Ф.Платонова от 17 января 1930 уже присутствовало понятие «Центр» применительно к организации. Поскольку и в показаниях Е.В.Тарле от 11 и 14 февраля 1930 также говорится о «Центре»¹⁷, можно предположить, что в сценарии ОГПУ первоначально оно было избрано в качестве «рабочего названия». Понятие «Центр» в эти годы было в обиходе ОГПУ и использовалось при фабрикации других процессов-близнецов. В частности, в «Шахтинском деле» были «раскрыты» несколько «преступных центров», в том числе Парижский, Харьковский и Московский. Возможно, что изобретение еще и «Академического центра» позволило бы «пристегнуть», как мы уже писали, «Академическое дело» к процессу «Промпартии»¹⁸. Очевидно, в связи с отказом от объединения процессов решено было поступиться и названием «Академический центр» и изобрести нечто новое.

Название «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» было «выработано» уже в ходе второго допроса Н.В.Измайлова 24 июня 1930. На этот раз его показаниям была придана известная стройность и последовательность. Из протокола допроса следовало, что в начале 1928, весной, «по инициативе С.Ф.Платонова» на отчетном совещании руководящих членов «организации», где кроме самого С.Ф.Платонова, Е.В.Тарле, С.В.Рождественского, М.М.Богословского и Н.П.Лихачева присутствовал также Н.В.Измайлов, был поднят вопрос о необходимости присвоить «организации» «определенное название». Этого будто бы требовали «увеличение и расширение организации, создание новых ячеек, привлечение к ней заграничных эмигрантских кругов, сношение с иностранными правительствами». «С.Ф.Платонов первый предложил обсудить и принять название "Союз возрождения единой России"», он же «указал, что существующее название эмигрантской монархической партии "Конституционно-монархическая партия"», хотя и «правильно выражает политическое устремление членов организации», слишком «узко» и «не может объединить в себе широкие круги антисоветских групп населения как внутри, так и вне СССР»¹⁹. «Богословский и Рождественский высказались против названия, предложенного С.Ф.Платоно-

¹⁶ Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т.10. Л.279.

¹⁷ Там же. Т.2. Л.22, 25об.

¹⁸ Академическое дело 1929-1931 гг. Пред. С.ХХХIV.

¹⁹ Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т.10. Л.282-283.

вым», — читаем мы далее в показаниях Н.В.Измайлова. «По их мнению название "Единой России" было неприемлемо» как затасканное и скомпрометированное в первые годы гражданской войны. К доводам М.М.Богословского и С.В.Рождественского присоединился Е.В.Тарле. М.М.Богословский «предложил назвать организацию "Союз возрождения Родины и свободы», а Рождественский — "Союз возрождения свободной России", Тарле, насколько помню (а может, кто-нибудь из последних двух), предложил добавить слово "борьбы", т.е. "Союз борьбы за возрождение" и т.д.»²⁰. Далее из протокола допроса Н.В.Измайлова следовало, что к определенному решению на первом совещании его участники не пришли и состоялось три или четыре совещания, специально посвященных названию «организации». Все они проходили в Ленинграде и на первом и заключительном присутствовал М.М.Богословский, приезжавший в Ленинград на Общие собрания Академии наук. М.М.Богословский советовался в Москве с М.К.Любавским и Д.Н.Егоровым, причем М.К.Любавский присоединился к предложению С.Ф.Платонова, а Д.Н.Егоров к предложению С.В.Рождественского. Наконец, на заключительном совещании было принято предложение С.В.Рождественского. Е.В.Тарле предложил внести в название слово «всенародный», оно должно было выражать «надклассовое содержание организации». С.Ф.Платонову было поручено сообщить название «организации» «находившимся в эмиграции политическим деятелям». После возвращения из зарубежной поездки в 1928 он будто бы известил членов «организации», что «убедил эмигрантов в целесообразности и необходимости» именно такого названия, хотя П.Б.Струве был неудовлетворен тем, что в названии «отсутствует понятие государственности и нет признака монархического направления организации»²¹.

Итак, перед нами один из эпизодов фабрикации следственного дела. Показания 24 июня 1930, особенно второй его части, отличаются от показаний 23 июня, и, несомненно, это результат «работы» с последственным, конечно, в отведенные для этого ночные часы.

Выработав в ходе допросов Н.В.Измайлова 23 и 24 июня название «организации», следователи стали внедрять его в протоколы допросов С.Ф.Платонова. Уже 30 июня (док.25) в показаниях С.Ф.Платонова появляется «Всенародный союз (борьбы) [слово «борьбы» почему-то поставлено в скобках. — *Б.А., В.П.*] за возрождение свободной России», и С.Ф.Платонов «призна-

²⁰ Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т.10. Л.282-283.

²¹ Там же. Л.283об.-284.

ет», что мог «иметь место» разговор об использовании такого лозунга в «борьбе с большевиками» и что «инициатором такого лозунга надо считать, безусловно, Богословского». В протоколе допроса 1 июля (док.26) «лозунг» превращается уже в «формулу борьбы против большевиков». С.Ф.Платонов вновь подчеркивает, что автором ее был покойный Богословский и ссылается на то, что не помнит всех обстоятельств обсуждения этой «формулы», объясняя свое «запамятование тяжелыми бытовыми условиями того времени: жена была серьезно больна и сам болел гриппом».

Мы не знаем, какие еще дополнительные средства воздействия на С.Ф.Платонова были применены следствием, но 4 июля (док.27) он уже заявил, что Богословский, Лихачев, Рождественский, Тарле и Измайлов — «все сходились» на названии «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» и подтвердил правильность «в основе» показаний Н.В.Измайлова.

И все-таки С.Ф.Платонов и в эти летние месяцы 1930 делает еще попытки противостоять давлению следствия. Неожиданным диссонансом к протоколам допросов выглядят его собственноручные показания 11 августа (док.30). По существу это почти полный отказ от выданных из него «признаний». «"Реставрацию" в каком бы то ни было виде считаю невозможной, — пишет на этот раз С.Ф.Платонов. — Восстановление династии, полагаю, немислимо. "Помещичий строй", по-моему, погиб до революции; класс землевладельцев потерял давно сословный характер и "дворянство" не восстановимо. Мне представляется, что в будущем русский порядок приблизится или к демократической Франции или к общественному строю Скандинавских стран. Чрезвычайную сложность нашей социальной жизни придает процесс колонизации, по моему мнению, разрушающий даже существующие исторически племенные типы и создающий новые этнографические образования. Строить идейно-политическую программу можно, думается мне, на принципе национальности и широкой демократии с широким применением той системы, которую в моей молодости называли "катедер-социализмом" (боюсь ошибиться в современном термине)». И далее: «Я признал, что "вел борьбу с существующим советским порядком", но не называл ее борьбой политической. Она проявлялась в моих выступлениях литературных (книжка "Петр Великий", речи в ученых заседаниях) и деятельности в академических учреждениях (главным образом, в Археографической комиссии). Эта борьба не выходила за пределы противодействия тому "марксизму", который внесен т.Покровским в учено-учебную среду и который я признаю,

безусловно, вредным для роста и даже для существования на прежнем уровне исторической русской науки». В заключение своих показаний С.Ф.Платонов определенно заявил, что кружок, «сложившийся около» него, «организацией не был» и что он не может отвечать за показания Н.В.Измайлова.

Что произошло с С.Ф.Платоновым 11 августа? Он словно проснулся и освободился от гипнотического сна, в состоянии которого был невольным «соавтором» сочинения фантастического сценария, осуществлявшегося в ОГПУ. Однако уже на следующий день, 12 августа 1930 (док.31), короткий протокол допроса свидетельствует о том, что С.Ф.Платонова вернули в обычное русло следственного процесса. Опять появляется «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», правда, теперь как название группы. Еще некоторое время С.Ф.Платонов пытается отрицать существование именно «организации», особенно в собственноручных показаниях. Так, если в протокол допроса 12 августа вписывается фраза о группе «политических единомышленников» С.Ф.Платонова, принявшей решение «о необходимости» ее «оформления на иных организационных принципах, которые придали бы группе характер организованности», в результате чего она получила название «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», то в собственноручных показаниях 14 августа (док.32) С.Ф. предпочел употреблять термины «кружок» или «группа» и сумел избежать самого названия «организации», а общность ее членов определил как «идейно-политическую». В то же время С.Ф.Платонов признал вероятность влияния старших членов кружка, что толкало «наиболее впечатлительных» его участников на создание «организации» и на «работу», хотя «среди старшего нашего поколения /.../ не было /.../ людей способных на практическую работу в чем-нибудь, подобном "организации"». Из числа последних только «в представлении некоторых произошло формирование "организации", в том смысле, что была выявлена программа и выкинут лозунг /.../. Группа договорилась до отчетливого представления своих политических пожеланий (прекращение диктатуры и прекращение партийного мирозерцания)», при отсутствии «веры в реставрацию старого порядка», колебаниях «между монархией и республикой», отсутствии «пиегета в отношении старой династии».

С.Ф.Платонов признал популярность «взглядов старшей группы», оппозиционных, но умеренных и не террористических. Взятые в кавычки им самим слова свидетельствуют о его попытке дезавуировать то признание, к которому его ранее принудили следователи. Более того, С.Ф.Платонов заявил, что не помнит,

«чтобы была выработана определенная программа практических действий "организации", ее состав и управление».

Однако под давлением следователей меняется характер и собственноручных показаний С.Ф.Платонова. Шаг за шагом он оставляет занятые им прежде позиции и принимает версию следователя о постепенном превращении кружка или группы единомышленников в политическую организацию. В этом смысле характерны и собственноручные показания С.Ф.Платонова 2 сентября (док.40), но особенно его заявления в Коллегию ОГПУ 17 сентября - 5 октября (док.58), а также собственноручные показания 10-11 ноября (док.62).

В первом случае документ свидетельствует о готовности С.Ф.Платонова отказаться от дальнейшего «запирательства» в связи с тем, что следствие получило от других обвиняемых «такое количество собственных сознаний» и показаний лично о нем, что его собственные «обличения» уже никому не могли повредить. Оба заявления в Коллегию ОГПУ, по замыслу следствия, очевидно, должны были отразить процесс «расконспиривования» С.Ф.Платонова, с демонстрацией «внутренних переживаний» автора в связи с деятельностью «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Причем во втором заявлении объектом специальных показаний С.Ф.Платонова были сделаны вопросы о взаимоотношении организации с церковью и получении денег за границей. Последний из перечисленных документов (док.62) сохранил следы прямого вмешательства в его композицию и составление заголовков В.Р.Домбровского, его же рукой в заголовок «дополнительные показания С.Ф.Платонова» вписано слово «собственноручные». В.Р.Домбровский не только ставит вопросы подследственному, но правит и «совершенствует» его показания. С.Ф.Платонов подавлен и сломлен. Принудительное «соавторство» приобретает новую форму. В своем заявлении 14 ноября 1930 (док.65) он пишет, что предпочел бы «сделать /.../ устно» дополнения к данным ранее показаниям, «чтобы они вошли в протокол в той форме, какую получают в результате совместного обсуждения. Это потому, — замечает С.Ф.Платонов, — что мои соображения не представляют собою чего-либо твердого и бесспорного, хотя и могут содействовать выяснению дела».

Сохранившиеся в делах пометы на полях, сделанные лицами, наблюдавшими за следствием, дают возможность представить, как они подстегивали и направляли его ход. Очевидно, в октябре 1930 возможность объединения «Академического дела» с другими процессами не утратила еще своей актуальности и на полях протоколов показаний А.И.Яковлева 23 октября было строго

указано: «т.Стромину. Необходимы полные показания об "Кондратьевщине", "Промпартии" (Рамзин) и его участии»²².

Как уже отмечалось, в ходе процесса готовились материалы на случай ареста академиков А.Е.Ферсмана и С.Ф.Ольденбурга. Для этой цели, в частности, были использованы допросы известного географа П.В.Виттенбурга и управляющего делами Академии Д.Н.Халтурина. А.Е.Ферсману ОГПУ намеревалось приписать не только участие в «организации», но и вредительскую деятельность в качестве руководителя экспедиционного дела. В показаниях П.В.Виттенбурга уже был выделен специальный раздел «Организация, руководимая Платоновым, и группа Ферсмана»²³.

На полях показаний Д.Н.Халтурина сохранились замечания. Одно из них относится к 5 июня 1930: «т.Мосевичу. Хитро по форме и робко по существу. Необходимо "копнуть для получения конкретных фактов"»²⁴. Два дня спустя это же лицо вновь выразило неудовлетворение ведением следствия: «т.Степанов. Халтурин "плывет по воле волн, *без руля*". Смазывает значение своих признаний, давая оттенок бессознательности и объективности вредительства со стороны группы Ферсмана. Этим он оставляет лишь "громкие названия" в своих показаниях вроде: организация вредительства и т.д., *выхолащивая по существу*. Такое положение недопустимо и требует исправлений»²⁵.

Итак, перед нами признаки несомненной режиссуры — требования «копать глубоко» и вести дело в строгом соответствии со сценарием.

Следственная группа располагала лишь самым общим, типовым сценарием подготовки процесса, включавшим в себя такие обязательные компоненты, как создание контрреволюционной организации, заговор против советской власти с целью ее свержения, реставрация монархии, связи с эмигрантскими кругами и разведками европейских стран. Этого сценария было достаточно на первом этапе допросов, но следователям предстояло проявить фантазию и «искусство» для того, чтобы развить этот сценарий и придать ему не только внешнюю достоверность, но и определенную индивидуальность, а также соответствующее оформление. Принудительное «соавторство» и полное признание подследственных было единственным способом «оживления» полученного следователями типового сценария.

²² Архив УФСК СПб. и обл. П-65245. Т.9. Л.70.

²³ Там же. Д.12658. Т.4. Л.368.

²⁴ Там же. Т.5. Л.112.

²⁵ Там же. Л.126.

Результатом этого «творчества» стало Обвинительное заключение по следственному делу о контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». Оно составило целый том и имело вид отдельной книги с введением и двенадцатью главами, последняя из которых — «Резолютивная часть» — выполняла функцию заключения. Первые три главы были посвящены истории возникновения «Всенародного союза...», его программно-политическим установкам и практической деятельности. В следующих пяти — рассматривались соответственно «сношения» с «германскими националкругами», «французскими политическими кругами», с Ватиканом, «польскими капиталистическими кругами» и «белоэмигрантскими организациями». Затем следовали главы, посвященные подготовке плана интервенции и разведывательной деятельности А.М.Мерварта и его группы²⁶.

Естественно, возникает вопрос, для чего нужны были подобные «художества» и зачем надо было понуждать следственный аппарат напрягать свое «творческое дарование». Не проще ли было теми же методами добиться от подследственных обычного признания необходимых для приговоров фактов. Ответить на этот вопрос трудно и едва ли возможно до тех пор, пока мы не будем знать определенно, какие задачи ставились перед следствием и как должно было разворачиваться «Академическое дело» согласно первоначальному замыслу. Имелся ли в виду открытый процесс и если да, то почему от него отказались, имелось ли в виду объединение «Академического дела» с другими процессами и если да, то почему это объединение не состоялось?

²⁶ Архив УФСК по СПб. и обл. П-65245. Т.17.

Л.В.Матвеева, Э.Г.Цыганкова
ВСЕУКРАИНСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Год 1929-й

Создание Академии наук было заветной мечтой украинской интеллигенции еще с конца XIX в. Однако осуществилась она лишь в 1918. Один из основателей УАН, профессор Н.П.Василенко¹, выступая на первом заседании Комиссии по выработке законопроекта об организации Украинской Академии наук (9 июля 1918), подчеркивал: «Создание Украинской Академии наук имеет большое национальное значение, потому что и до сих пор встречается много людей, которые скептически и с насмешкой относятся к украинскому движению и возрождению /.../, не считают возможным развитие украинского языка и науки. Для тех, кто верит в жизнедеятельность украинского народа... создание Академии наук имеет огромное значение, является национальной потребностью и очередным вопросом»².

Авторство концепции УАН принадлежит В.И.Вернадскому, который в ответ на предложение Н.П.Василенко возглавить процесс становления новой Академии сформулировал основные организационные принципы будущей структуры:

Мне кажется, надо стать решительно на новый путь, на котором стоит Петроградская Академия наук, еще дальше расширив эту организацию. Академия наук — не простое общество, не имеющее своих институтов /.../ Академия наук есть собрание государственных учреждений: библиотека, архив, геологическая или, если возможно, географическая карта, национальный музей. Институты для опытных и гуманитарных наук должны быть обставлены достаточными средствами.

На первом месте, прежде всего, должно быть создано хорошо обставленное отделение украинского языка, литературы и истории и те отделы институтов, которые связаны с практически важными для государства интересами, связанными с изучением производительных сил страны и экономически-статистического исследования ее.

¹ Историк, член ЦК конституционно-демократической партии Н.П.Василенко в то время занимал пост министра народного образования в правительстве П.П.Скоропадского.

² Збірник праць Комісії для вироблення законопроекту про заснування Української Академії Наук у Києві. Київ, 1919. С.3.

Желательна возможно широкая свобода Академии в создании форм таких учреждений в зависимости от наличия научных сил и поднимаемых государственных вопросов. Я полагал бы необходимым в создаваемую Академию ввести возможно теснее общение с русской, но не немецкой наукой — но сия связь со славянскими учеными очень желательна. Это, конечно, вопрос дальнейшего будущего³.

Концепция УАН, сформулированная ее создателями, предусматривала полную независимость Академии от какого-либо давления со стороны государственных органов на ее внутреннюю жизнь. Академия «свободно и независимо ведет все свои дела, — отмечал В.И.Вернадский. — Для этого должна Академия не только пользоваться полной автономией, но и быть поставлено вне всякого влияния на ее внутреннюю жизнь от органов государственного управления, которые могут меняться»⁴. Эти положения нашли отражение и в Уставе УАН⁵.

Учреждение с такой степенью автономности в решении принципиальных вопросов развития науки неминуемо враждебно воспринималось советской властью. Политическое давление на ученых возникает очень рано. В 1921 в Киев для осуществления политического надзора прибыл назначенный комиссаром Академии Л.М.Левицкий, и с этого времени Всеукраинская Академия наук становится объектом преследования со стороны партаппарата ЦК КП(б)У как «очаг украинской буржуазной культуры и политики»⁶. В партийных кругах на «совершенно секретных» заседаниях достаточно часто ставились вопросы о политическом лице основателей Академии — «старых» интеллигентов, замене руководства и введении в ее состав новых членов из научных сил, не связанных с антисоветской политикой в прошлом, лояльных к партии и советской власти. На первое место выдвигался классовый подход в отборе «нужных» людей. Неоднократно подчеркивалось крайне враждебное идейное состояние академической интеллигенции.

Известный политический деятель, а со временем и академик УАН В.П.Затонский⁷ утверждал на одном из заседаний Политбюро: «...уже есть проповедники и идеологи украинской буржуа-

³ Институт рукописей Центральной научной библиотеки им. В.И.Вернадского АН Украины (ИР ЦНБ АН Украины). Ф.40. Д.1346 (1918). Л.6, 33.

⁴ Збірник праць Комісії для вироблення законопроекту про заснування... С.3.

⁵ Державний вісник. 1918. №75.

⁶ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф.1. Оп.6. Д.40. Л.261.

⁷ Затонский В.П. (1888-1938) — государственный и политический деятель, химик, академик АН УССР (1929); в 1922-1924 — нарком просвещения УССР. Расстрелян в 1938.

зии. Это тот же Грушевский⁸, Академия Наук, которая находится в Киеве. Вся эта Академия Наук, вся идеология публики, которая находится вокруг Академии Наук и в литературе именуется неоклассиками, есть по сути идеология грядущей украинской буржуазии и отсюда их ориентация на Европу, отсюда стремление создавать украинскую культуру "хоч гірше або інше", чтобы не была похожа на российскую. Отсюда противопоставление российской и украинской культуры в целом⁹.

На пути к «реформированию» ВУАН на протяжении 1920-х годов вокруг нее не затухали партаппаратные страсти.

В 1924 ЦК КП(б)У принимает постановление с указанием Наркомпросу разработать мероприятия, направленные на расширение состава Академии наук и обновление ее руководства. В начале 1925 в докладной записке замнаркомпроса Я.П.Ряппо «О реорганизации Украинской Академии Наук», поступившей в ЦК, предлагались новые кандидатуры для президиума Академии. Обязательным считалось введение в его состав коммунистов¹⁰.

Вскоре из недр НКП появился и проект «Основных положений реорганизации Всеукраинской Академии Наук», где поименно назывались кандидатуры для нового президиума ВУАН¹¹.

Одновременно академики-основатели УАН последовательно изолировались от решения важнейших вопросов академической жизни. Целенаправленность изменений осознавалась, но не принималась ими. В письме к В.И.Вернадскому (1926) Н.П.Василенко писал: «Реформа нам угрожает через несколько месяцев. Я говорю "угрожает", потому что считаю реформу преждевременной... Академия в своей организации имеет много недостатков, которые следует исправить. Это выяснилось на практике /.../, но радикальная реформа, повторяю, была бы преждевременной. Академия только еще начинает развертывать свою научную работу, приспосабливаться к новым формам, нисколько не вредным и не опасным для существующего строя, и ей нужно было бы дать возможность продолжать свою работу в них далее, не ломая... Мне кажется, что и руководители Главнауки стоят на той же точке зрения, но они как политические деятели должны прислушиваться и до веяния, что существует вокруг. И это делает вопрос о реформе крайне неясным, таким, который постоянно меняется. Мы же, академики, мечтаем только об одном, чтобы реформа не нару-

⁸ Грушевский М.С. (1866-1934) — историк Украины, академик АН СССР (1929) и УССР (1924).

⁹ ЦГАООУ. Ф.1. Оп.6. Д.93. Л.62.

¹⁰ Там же. Оп.20. Д.2008. Л.170.

¹¹ Архив Президиума АН Украины. Ф.Р-251. Оп.1. Д.30. Л.45.

шила нашей работы, которая после стольких тяжелых лет по-немногу налаживается»¹².

Внешне Академия продолжала жить своей жизнью, но давление власти все усиливалось. То и дело предлагались проекты структурных и кадровых реорганизаций, «спускались» новые правила и инструкции, регламентирующие академическую жизнь. Одновременно не без вмешательства властей в академических кругах искусственно разжигалась взаимная вражда, насаждалось доноительство.

В 1928 партаппарату удалось добиться серьезного успеха. После проверки Академии специальной комиссией Наркомпроса она была подвергнута жесточайшей критике по политическим мотивам и полностью переизбран ее президиум (президент В.И.Липский, вице-президент С.А.Ефремов и непрменный секретарь А.Е.Крымский)¹³. На эти посты опять-таки под давлением были избраны из числа академиков более уступчивые Д.К.Заболотный, К.Г.Вобльи, А.В.Корчак-Чепурковский.

Тем не менее до полной победы было еще далеко — предстояло коренным образом изменить кадровый состав, который в своем настоящем виде никоим образом не устраивал партийные органы, поскольку при выборе кандидатов в действительные члены ВУАН ограничивалась выдвижением «исключительно... старых, так называемых украинских деятелей, то есть узким кругом признанных до революции как знатоков в украинском деле, — но более молодые, или даже и немолодые, но до революции не признанные украинским научно-общественным кругом, научные деятели и тем более младшие научные деятели, несмотря на их после-революционную научную деятельность, были оставлены без выборного внимания ВУАН»¹⁴.

Описываемые события происходили, когда до выборов в ВУАН оставался еще целый год, но уже началась кампания выборов во Всесоюзную Академию наук, и украинские партийные и го-

¹² Центральный государственный архив-музей литературы и искусства (ЦГАМЛИ) Украины. Ф.542. Оп.1. Д.46. Л.418.

¹³ Липский В.И. (1863-1937) — ботаник, академик (1919) и президент ВУАН с 1922. С 1928 жил и работал в Одессе; Ефремов С.А. (1876-1939) — литературовед, политический и общественный деятель, академик (1920) и с 1922 — вице-президент ВУАН. В 1929 арестован и осужден как глава мифической контрреволюционной организации «Спілка визволення України» (СВУ), умер в тюрьме; Крымский А.Е. (1871-1942) — востоковед, непрменный секретарь ВУАН с момента ее возникновения. Арестован в июле 1941, обвинен в принадлежности к СВУ; умер в Кустанайской тюрьме в январе 1942.

¹⁴ ЦГАООУ. Ф.1. Оп.16. Д.4. Л.152.

сударственные органы имели определенные директивы ЦК ВКП(б) по вопросу выдвижения кандидатур.

Весной 1928 вышеупомянутая комиссия Наркомпроса по результатам проверки Академии выработала программный документ «Висновки і пропозиції НКО по обслідуванню стану та роботи ВУАН»¹⁵, в котором затрагивался и вопрос предстоящих выборов: «Перед Наркомпросом у всю височінь стоїть питання ґрунтового підходу до виставлених до ВУАН кандидатур з всебічною перевіркою їх з точок зору їх наукової ваги, як і з соціально-політичної діяльності так і з точки зору забезпечення для ВУАН можливості виконання її завдань дійсного представника цілої української науки й її участі в українському культурному процесі»¹⁶. Это означало, что с этого момента вопрос об избрании ученого в Академию решается чиновниками государственной власти.

В июне того же года нарком просвещения Н.А.Скрыпник направил в ЦК КП(б)У письмо, в котором указывал на необходимость выдвижения Украиной для участия в выборах в АН СССР своих кандидатов, а именно: математиков С.Н.Бернштейна и Д.А.Граве, химиков Л.В.Писаржевского и Плотникова, историков М.С.Грушевского и Д.И.Багалея. Тут же указывалось, что «выставленные кандидатуры ак. Крымского на вакансию кафедр Сходно-знавчих в сучасний момент НКО з політичних міркувань вважає за недоцільне»¹⁷.

Нарком просил поставить этот вопрос в ЦК КП(б)У, поскольку все, что касалось персонального состава Академии, зависело теперь от партийных учреждений высшего эшелона.

По поручению комиссии Политбюро заведующий АППО ЦК ВКП(б) А.Криницкий разослал в республиканские и областные парторганизации инструкцию с грифом «совершенно секретно», в которой разрабатывалась стратегия проведения академических выборов. Она не оставляет никаких иллюзий относительно объективности в оценке научных заслуг кандидатов и истинных рычагов

¹⁵ «Выводы и предложения НКП по обследованию состояния и работы ВУАН» (укр.).

¹⁶ Перед Наркомпросом во весь рост стоит вопрос основательного подхода к выдвинутым в ВУАН кандидатурам со всесторонней проверкой их с точки зрения их научного веса, как и в социально-политической деятельности так и с точки зрения обеспечения для ВУАН возможности выполнения ее задач действительного представителя всей украинской науки и ее участия в украинском культурном процессе (укр.). — ИР ЦНБ АН Украины. Ф.40. Д.50. Л.2

¹⁷ Выставление кандидатуры ак. Крымского на вакансию кафедр востоковедских на современный момент НКО по политическим соображениям считает нецелесообразным (укр.). — ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2705. Л.20.

формирования новой научной элиты и потому заслуживает того, чтобы быть приведенной полностью:

О ВЫБОРАХ В АН СССР

Опубликованным списком вакантных кафедр в Академии Наук СССР, статьями в «Известиях ЦИК'а» от 14/IV с.г. начата кампания по выборам в Академию Наук новых 43 академиков. Эти выборы имеют большое значение. В результате их должно быть укреплено наше влияние в Академии Наук. Академия Наук должна быть на деле превращена в центр научной мысли Союза, имеющий в своем составе наиболее квалифицированных и связанных с социалистическим строительством ученых и полностью обслуживающий социалистическое строительство нашей страны. Кампания должна также усилить партийное влияние среды квалифицированной интеллигенции.

Исход выборов зависит в большой мере от проведения следующих мероприятий:

- 1). Необходимо поднять общественное мнение страны и развить кампанию в печати *за*¹⁸ одних и *против* других кандидатов, не уделяя особого внимания «нейтральным». Защита и отвод кандидатов должны исходить: а) из соображений научной квалификации кандидата, б) из общественно-политической его характеристики. Статьи и отзывы должны быть составлены достаточно авторитетными товарищами (коммунистами или беспартийными).
- 2). Необходимо провести кампанию общественных отзывов в виде резолюций заседаний научных учреждений, ВУЗов, общественно-научных организаций, секций научных работников, студенческих организаций, профсоюзов *За* кандидатов или *ПРОТИВ*. При этом, чем больший круг научных организаций будет захвачен этой кампанией резолюций и отзывов в печати, тем лучше.

В №168 «Известий ЦИК» от 21/VII с.г. опубликован список всех заявленных кандидатур в количестве 205. Среди этих кандидатов должны быть *активно поддержаны следующие*: (см. приложение №1). Необходимо *основательно выступить против* (см. приложение №2). «Нейтральными» кандидатурами мы считаем остальные (среди них — явно подходящие, против которых мы не возражаем, но которых и не поддерживаем, а также много таких, к которым не следует привлекать внимание).

Для проведения настоящей кампании, постоянного руководства ею, для визы всех резолюций и статей парткомом должен быть выделен специальный товарищ, ответственный за ее проведение, его фамилию и занимаемую им должность сообщить сов. секретно на имя тов. Постникова в АППО ЦК ВКП(б).

¹⁸ Здесь и далее подчеркнуто в документе. — Л.М., Э.Ц.

В каждой организации, где Вы ставите вопрос об отзыве — резолюции за или против той или иной кандидатуры — должен быть выделен коммунист, *ответственный* за проведение кампании. Необходимо принять меры, чтобы организации, где слабо руководство коммунистов, *не примыкали к кампании самотеком*, давая нежелательное для нас направление оценки.

В целях сохранения конспиративности решительно рекомендуется избегать при проведении этой работы переписки, широких инструкций и т.п., ограничиваясь личными переговорами и указаниями.

В нужных случаях по возникающим вопросам сообщайте совершенно секретно на имя товарища Постникова в АППО ЦК ВКП(б)¹⁹.

По-видимому, процитированная инструкция не нуждается в комментариях; остается добавить только, что вслед за ней на Украину последовало новое распоряжение, дублирующее приложения 1 и 2:

Совершенно секретно. Срочно. ВКП(б). ЦК — зам. зав. АППО ЦК КП(б)У т.Левик. 29 сент. 1929 г.

В связи с началом работы подкомиссии Академии Наук и выбору кандидатов, немедленно разверните кампанию в печати и в общественно-научных организациях, точно руководствуясь письмом от 4/VIII за №5390/с, *за кандидатов* Бухарина, Лукина, Фриче, Губкина, Кржижановского, Вильямса, Покровского, Рязанова, Базарова, Маслова, Грушевского, Бернштейна, Крылова, *против кандидатов* Гюнтера, Железнова, Егорова, Кистяковского, Дояренко, Надсона, Фреймана, Челпанова, Гензеля, Любавского.

Зав. АППО ЦК ВКП(б)
Криницкий²⁰

Подготовка к академическим выборам в АН СССР тесно переплеталась с будущими выборами в ВУАН, которые должны были состояться летом 1929. 21 апреля 1928 на закрытом заседании Политбюро ЦК КП(б)У обсуждалась организационная работа Скрыпника по переизбранию президиума Академии. В постановляющей части, в частности, ему и секретарю ЦК Любченко было поручено наметить около 16 кандидатур новых академиков²¹. Вся ответственность за проведение выборной кампании в соответствии с инструкцией была возложена на зав. Укнаукой Ю.И.Озерского. Зная, чем грозит ему лично малейшее отступление от пред-

¹⁹ ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2705. Л.18-20.

²⁰ Там же. Л.26.

²¹ ЦГАООУ. Ф.1. Оп.16. Д.6 (Особая папка решений Политбюро ЦК КП(б)У). Л.82.

писаний вышестоящих органов, и обеспокоенный возникающими трудностями, он обращается в ЦК КП(б)У за поддержкой. Его письмо ясно характеризует создавшуюся ситуацию и потому цитируется полностью:

В ЦК КП(б)У — тов.Косиору
тов.Любченко

Копия НКО — тов.Полоцкому — Приходько. 11/X 1928 г.
Считаю необходимым информировать ЦК о ходе работы по выборам в Академию, тем более, что встречаются моменты, по которым необходимы директивы ЦК, в частности, по поводу кандидатов от Украины.

Еще в предварительных заседаниях комиссии в Москве, о чем я сообщил тов.Левику, после возвращения в субботу 6.X после пленума комиссии с участием представителей республик 4.X в Москве под председательством тов.Енукидзе²².

Положение представляется в следующем виде:

1. Математика: наши кандидатуры: Крылов и Граве. Бернштейн проходит почти единодушно и бесспорно. Крылов поддерживается (хотя относительно с другими кандидатурами *академиками*), но в парткомиссии слабее. В научном отношении он немного, скорее равен, а по некоторым отзывам и слабее Граве. Для академиков он более приемлем, очевидно, по социальным соображениям. После первого тура матем. комиссии (а в первом туре только обсуждение, голосование *через неделю* во втором туре) после бесспорных: Бернштейна и Виноградова стоят Граве, Гюнтер, Егоров и Крылов. Против Гюнтера мы заявили отвод наш и против Егорова, но слабо поддерживается *Крылов* и сильно критикуется академиками Граве, в частности, Успенским, известным математиком, к голосу которого прислушиваются. Кандидатуру Лузина, поддерживаемую нашей комиссией, предполагается *академиками* проводить по философии. Это, возможно, тактический маневр, чтобы противопоставить *там* по философии *Деборину*. Поэтому вопросы: как держаться? Я держусь такой линии: за Крылова против Гюнтера и Егорова (а кафедр всего три и два кандидата уже есть); за *Граве* против тех же, за *Граве при* Крылове (в переговорах), в случае невозможности *Граве*, против *тех же Крылова*.

В случае Лузин — Крылов, Граве, настаивать категорически на одном из них украинце. Украина математикой может похвалиться, но нужна будет поддержка в ЦК ВКП.

2. *История*. Багалий и Грушевский. Грушевский проходит (пока в переговорах, комиссии еще не было) бесспорно. *Багалий* не в активных фигурах. В Комиссии был установлен такой порядок наших кандидатур: Покровский, Рязанов, Грушевский, Лу-

²² Синтаксис документа. —Л.М., Э.Ц.

кин, Пресняков, Петрушевский. Порядок академиков (приблизительно по переговорам): Рязанов, Грушевский, Покровский, Пресняков, Любавский, Егоров. Багалий выпадает из той и другой комбинации. Я считаю, тут для нас будет чрезвычайно невыгодно — удар по Багалию и по соображениям того, что Грушевский возвышается, а Багалий получает удар. По академии — с научной стороны Багалий ниже Грушевского, но общественная сторона у Багалия куда приличнее. Не может стоять вопрос Грушевский или Багалий, но Багалий или Петрушевский, Багалий или Егоров, осложняется дело с Лукиным, но у него чрезвычайно мало шансов и вряд ли стоит на Лукине заострять *окончательный* ультимативный бой. Против Егорова и Любавского категорически возражаем. Очевидно здесь будет самый жестокий бой, потому что комиссия самая зловредная: Платонов, Бу[зескул], Перетц. Комиссия будет завтра. Основное для нас — затираание Багалия. Требуется директива ЦК и соответствующее представление в ЦК ВКП.

3. *Заболотный*. В первоначальном *активном* списке его не было, я добился и его вставили в конец — на четвертое, пятое место и то не особенно охотно. Очевидно запоздала посылка из ЦК КП(б)У постановления. *Это отражается на ходе в прессе*: по московской и ленинградской прессе ничего нет, как и вообще, кроме Грушевского. Я считаю делом чрезвычайной важности — проведение Заболотного, ибо его провал понизит его авторитет в нашей академии и сорвет нам выборную кампанию в нашу академию. Я считаю, категорическим образом необходимым отстаивать Заболотного и по научным и по общественным мотивам. *Но академики его мало поддерживают* и это осложняет. Но политическая, научная и политическая постановка со стороны комиссии в целом, а не только Украины могут обеспечить прохождение. Кроме того, крайне необходимо: возможно больше /.../ за него *на Украине, статья в Москве и Ленинграде*. Как можно больше постановлений. Подчеркиваю серьезность положения с Заболотным потому что кандидатов много, а кафедр мало.

4. *Писаржевский*. Тоже дополнительно был по моим настояниям включен и тоже на последних местах. Кандидатура для нас совершенно ясная, но поддержка в ЦК ВКП тоже необходима.

Воблый. Нами не выставлялся, выставлен группой ученых в Киеве. Тактически на официальном заседании мне не удобно будет молчать, а тем более отводить (он вице-президент), но придется ограничиться *в разі потреби важливим*²³ выступлением.

Вот и все наши украинские кандидатуры.

Теперь несколько общих замечаний и предложений:

1. Общая встреча была вчера и сразу взяли «быка за рога». Карпинский заявил, что выбирать надо исключительно с научной

²³ В случае необходимости (укр.).

точки зрения. Никакие общественные, национальные, расовые моменты не должны иметь место. Наше руководство *молчало* на такую замечательную вступительную речь.

2. К Украине отношение не совсем подходящее — приходится и придется сильно бояться. Считаю безусловно необходимым в перерыве между первым и вторым турами — 15 и 16 — дни, когда не будет заседаний, приезд Парттройки в Москву, *приезд также обязательно* представителя ЦК КП(б)У, чтобы иметь *твердые списки*, для голосования и наши кандидаты были бы включены. Если невозможно, то может быть выехать в Харьков или Москву.

3. Статьи в Москве и Ленинграде обязательно про Заболотного, Багалия, Писаржевского, особенно в *Москве*. Необходимо из Харькова выслать также статьи и через ЦК ВКП их поместить в «Известиях».

4. Кампании не прерывать, а разворачивать и материалы посылать в академию и копию мне. Я просил бы проверить, как это выполняется потому, что пока что еще ничего нет, а это имеет здесь не маловажное значение, т.к. отзывы всем членам комиссии раздаются.

После окончания первого тура считаю необходимым еще раз написать.

Озерский

11/X 1928.

P.S. Шифровку получил²⁴.

Наконец выборы в АН СССР состоялись. Подошла очередь Украины. ЦК КП(б)У принял решение провести обсуждение кандидатур новых академиков по той же схеме, которая была установлена в АН СССР. Была создана комиссия из членов Академии и представителей научных учреждений Харькова, Одессы, Киева, Днепропетровска и союзной Академии. Общее руководство осуществлялось партийной комиссией, куда вошли секретарь ЦК Любченко, нарком просвещения Скрыпник, зав. отдела ЦК Хвыля, Демченко, нарком внутренних дел Балицкий. Комиссии вменялось в обязанность разработать такие методы и систему выборов, которые гарантировали бы проведение партийных кандидатур.

Впервые кандидатуры будущих академиков проводились через городские конференции представителей вузов, научно-исследовательских институтов и научно-общественных организаций под контролем партийных комиссий. Для этого создавались партийные тройки. Секретный отдел ЦК КП(б)У готовил «совершенно секретную» записку и списки кандидатов желательных и неже-

²⁴ ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2705. Л.27-29.

лательных, как это было описано выше. В список №1 вносились кандидатуры, которые предписывалось активно поддерживать, это прежде всего наркомы Скрыпник, Затонский, Шлихтер, председатель Госплана СССР Кржижановский, профессора Юринец, Яната и др.

В список №2 включались кандидаты, которых следовало забаллотировать. Среди них оказались такие крупные ученые, как физик Кордыш, механик Грдина, будущие академики В.Ю.Чаговец, А.И.Душечкин и др. К этому списку предпосылалось разъяснение, из которого следовало, что «При одводах необхідно спиратися на факти, зокрема, на факти з громадської та ідеологічної роботи кандидатів, даючи по можливості цитати із творів на зборах та в статтях до преси. Підкреслюємо знати, що одводи мають носити тактовний характер...» А в конце угрожающее замечание: «Необхідно звернути увагу на ті установи, що виставили небажаних каидатів...»²⁵

Одновременно в срочном и секретном порядке предписывалось всем газетам публикации о выборах согласовывать с Озерским²⁶.

Порядок выдвижения кандидатур также был установлен ЦК: «Комуністи повинні бути виставлені повсюдно і від найбільшої кількості організацій — через збори фракцій, окремих комуністів та окремих близьких нам позапартійних, з якими "відповідним способом" договорено»²⁷. Впервые при выдвижении кандидатур стали требовать представления характеристики научной и общественной деятельности кандидатов.

И, наконец, в обкомы был направлен очередной опять-таки тайный циркуляр за подписью А.Хвыли, в котором сообщалось, что с опубликования соответствующего постановления Совнаркома в газете «Вісті» от 16 апреля выборная кампания в ВУАН берет старт. Подчеркивалось, что выборы в АН СССР, забаллотирование там некоторых кандидатур коммунистов, выступление

²⁵ При отводах необходимо опираться на факты, в частности, на факты из общественной и идеологической деятельности кандидатов, приводя по возможности цитаты из трудов на собраниях и в статьях для прессы. Подчеркиваем еще раз, что отводы должны иметь тактичный характер /.../ Необходимо обратить внимание на те учреждения, которые выдвинули нежелательных кандидатов (укр.). — Протоколы заседаний комиссии Политбюро ЦК от 31/І 1929 г. // ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2923. Л.3об.

²⁶ Там же. Л.3.

²⁷ Коммунисты должны быть выдвинуты везде и от наибольшего числа организаций собраниями фракций, отдельных коммунистов и отдельных близких нам беспартийных, с которыми «соответствующим образом договорено» (укр.). — ЦГАООУ. Ф.1. Оп.6. Д.172. Л.89.

Ефремова в Украинской Академии свидетельствуют о серьезности предстоящей кампании, задачей которой является обеспечение проведения в ВУАН новых академиков из числа тех научных работников, которые лояльно относятся к советской власти, а также коммунистов. Для достижения цели предлагалось создать вокруг выборов и «наших» кандидатур широкое общественное мнение путем привлечения к участию в расширенном заседании Рады (Совета) ВУАН представителей научной общественности, поднять прессу, подготовить «коммунистические наши силы» к принятию соответствующих постановлений.

Особенно подчеркивалось требование ориентироваться на список, присланный из ЦК. «Треба добитися, аби небажані кандидата навіть не були виставлені зовсім, зокрема в наших радянських учбових та наукових організаціях та установах»²⁸.

В сущности, это был первый этап подготовки к выборам. Последующее развертывание кампании регламентировалось не менее тщательно.

Второй этап, предусматривающий организацию поддержки кандидатур, предписывалось начать в середине мая сразу после опубликования списка, а обсуждение кандидатур на конференциях, расширенном заседании Рады ВУАН должно было носить «серьезный, принципиальный, четкий и тактичный характер», статьи о претендентах должны писаться достаточно квалифицированными и известными научными сотрудниками, в частности, коммунистами: «Потрібно з самого початку виставлення кандидатів поручати місцевим науково-марксистським установам та окремим науковим робітникам комуністам...»²⁹.

Партаппарат беспокоило предстоящее голосование, поэтому он призывал тщательно готовить участников конференции к этой акции; для постоянного надзора и руководства создавались соответствующие партийные комиссии. И вновь был разослан партийный циркуляр с требованием сообщать о политических настроениях в научных кругах.

Выступая на VI Всеукраинском съезде Советов в мае 1929, Н.А.Скрыпник отмечал, что по всей Украине успешно проходят «научные собрания» по выдвижению кандидатур в Акаде-

²⁸ Необходимо добиться, чтобы нежелательные кандидаты совсем не выдвигались, в частности, в наших советских учебных и научных организациях и учреждениях (укр.). — ЦГАООУ. Ф.1. Оп.6. Д.172. Л.89.

²⁹ Серьезный, принципиальный, четкий и тактичный характер /.../ Необходимо с самого начала выдвижения кандидатур поручить местным научно-марксистским учреждениям и отдельным научным работникам коммунистам (укр.). — Там же. Л.90.

мию, и призывал готовить «новую генерацию научных работников»³⁰.

Впервые право выдвигать кандидатов, бывшее ранее прерогативой исключительно Академии, было распространено на высшие учебные и научные учреждения, которые в тот период уже находились под контролем власти; к участию привлекались также далекие от науки коллективы рабочих и колхозников. Так, кандидатуру математика М.Ф.Кравчука выдвигали общие собрания рабочих и служащих фабрики Одешвейпрома, а рекомендацию прислал Украинский институт сахарной промышленности³¹.

Количество открытых вакансий (34) превышало общую численность имеющихся штатных кафедр ВУАН. Чтобы избежать каких-либо неожиданностей, Политбюро постановило: «Ввести в склад Поширеної Ради Академії, на якій будуть обиратися нові академіки, — 25 наукових робітників. Наукові робітники обираються на конференціях м.Киева, Харькова, Одеси, Дніпропетровська. Частина делегується безпосередньо найбільш крупними науковими установами. Список затвердити комісії.

В зміну існуючого порядку вважати за необхідне встановити порядок виборів академіків простою більшістю голосів...»³².

В июне выборы состоялись. Рада ВУАН избрала 34 новых академика, среди которых были такие известные политические деятели, как упоминавшиеся выше Н.А.Скрипник, В.П.Затонский, А.Г.Шлихтер, Г.М.Кржижановский, философы-марксисты С.Ю.Семковский (близкий родственник Л.Д.Троцкого) и В.А.Юриец, высокопоставленный чиновник Наркомпроса М.И.Яворский и другие. Руководящие посты в Академии заняли коммунисты, которые сосредоточили свое внимание главным образом на вопросах идеологии.

Однако государство испытывало острую потребность в развитой науке, а, значит, и в ученых специалистах, и это хорошо понимали в руководящих кругах, где вынуждены были признать, что победа партийных и классовых принципов в науке остро ставит проблему научных кадров.

³⁰ Скрипник М.О. Вибрані твори. Київ, 1991. С.369.

³¹ Архив АН Украины. Юридическая группа. Д.14. Л.27, 29 (Справа академіка М.Ф.Кравчука).

³² Ввести в состав Расширенного Совета Академии, на котором будут избираться новые академики, — 25 научных работников. Научные работники избираются на конференциях г.Киева, Харькова, Одессы, Днепропетровска. Часть делегируется непосредственно наиболее крупными учреждениями. Список утвердить комиссии. В замену существующего порядка считать необходимым установить порядок выборов академиков простым большинством голосов (укр.). — Постановление Политбюро ЦК КП(б)У от 14 апреля 1929 // ЦГАООУ. Ф.1. Оп.6. Д.163. Л.74.

Поэтому было бы ошибкой считать, что выборы 1929 были абсолютным провалом в развитии украинской науки. В тот год в ВУАН пришли выдающиеся ученые. Среди них исследователь экономической и правовой истории Украины, блестящий лектор и знаток архивных фондов М.Е.Слабченко, историк Запорожской Сечи, археолог и этнограф, фольклорист и писатель Д.И.Яворницкий. Наибольшую часть избранников представляли специалисты из области естественных наук: М.Ф.Кравчук, А.Г.Гольдман, Е.И.Орлов, Е.В.Оппоков, А.А.Сапегин, В.В.Ризниченко, Д.К.Третьяков, Н.Г.Холодный, А.Н.Соколовский, А.В.Палладин. В Отделение технических наук пришли А.Н.Динник, Е.О.Патон, Г.Ф.Проскура, М.М.Федоров. Избраны были несколько ученых, которые работали за пределами Украины — Н.И.Вавилов, А.В.Леонтович, А.А.Богомолец, В.Н.Любименко, организатор и первый президент Белорусской АН, историк и выдающийся политический деятель В.М.Игнатовский.

Избрание двух поэтов — украинского П.Г.Тычины и белорусского Я.Купала, кроме признания их литературных заслуг, должно было демонстрировать «дружбу народов».

Отнюдь не научными кругами, а решением Политбюро ЦК КП(б)У были выдвинуты в академики и избраны в области филологии деятели культуры из Львова, работавшие главным образом в области фольклора, этнографии, литературы, журналистики: журналист М.С.Возняк, композитор Ф.М.Колесса, поэт В.Г.Щурат³³.

Избран был выдающийся западноукраинский географ С.Л. Рудницкий, который тремя годами ранее по приглашению правительства переехал на Украину, основал в Харькове Научно-исследовательский институт географии и картографии и был его директором.

Избрание представителей Западной Украины проводилось как политическая акция, основанная на далеко идущих внешнеполитических планах, некоторые аспекты которых становятся известными из тайной переписки между наркоматами иностранных дел, просвещения и ЦК КП(б)У, в которой обсуждалась возможность приглашения отдельных ученых из Западной Украины из числа наиболее вероятных кандидатов на кафедры украинского университета во Львове с целью «переманити таких кандидатів до нас, лишивши таким чином майбутній "Український університет" у Львові без популярних фігур і в руках явно угодовських елемен-

³³ ЦГАООУ. Ф.1. Оп.16. Д.6 (Особая папка решений Политбюро ЦК КП(б)У). Л.229.

тів, а тоді відкрити кампанію дискредитації цієї установи як польської, а не української»³⁴.

Трудная судьба ожидала ученых из Западной Украины, как, впрочем, и многих их коллег из ВУАН — избранников парадных выборов 1929. Пешки в политических играх, они вскоре были объявлены врагами народа и постановлением Президиума ВУАН исключены из числа действительных членов³⁵ на январской сессии ВУАН 1934: «Рудницького С.Л. — як активного учасника контрреволюційної націоналістичної організації, а також відвертого пропагатора в своїх творах поглядів українського фашизму, якого відкрито як активного контрреволюціонера й українського буржуазного націоналіста; Возняка, Колесу, Студинського³⁶, Щурата — як ворогів трудящих має України»³⁷.

Забегая вперед, отметим, что после присоединения Западной Украины к Советскому Союзу в 1939, когда развернулась работа по организации Львовского отделения Академии Наук УССР, Возняк, Колесса, Щурат и Студинский были реабилитированы и восстановлены в академических списках; Рудницкий к тому времени уже был расстрелян на Соловках. В целом же из 34 избранных были репрессированы 16 действительных членов. Среди них историки М.Е.Слабченко, М.И.Яворский, В.М.Игнатовский, в опале оказался Д.И.Яворницкий. Погибли Семковский, Юриец, Затонский, Скрыпник; по отделению физико-математических наук — Кравчук, Гольдман, Оппоков. Бесчисленными жертвами лагерей, тюрем, расстрелов стали доктора и кандидаты наук, а также рядовые сотрудники Академии.

Возвратимся к осени 1929. После выборов в ВУАН было организовано несколько откровенно политизированных новых кафедр и комиссий, в первую очередь историко-филологического и социально-экономического направлений. Скрыпник возглавил новосозданную кафедру национального вопроса и приступил к орга-

³⁴ Переманить таких кандидатов к нам, оставив таким образом будущий «Украинский университет» во Львове без популярных фигур и в руках явно соглашательских элементов, а затем открыть кампанию дискредитации этого учреждения как польского, а не украинского (укр.). — ЦГАОУ. Ф.1. Оп.20. Д.3098. Л.42.

³⁵ Некоторые детали этих событий освещаются в статье: Рублев А.С. и Черненко Ю.А. Сталинщина й доля західноукраїнської інтелігенції // Укр. історичний журнал. 1991. №4. С.37.

³⁶ С.О.Студинский «зачислен» академиком в 1928, минуя выборы.

³⁷ Рудницького С.Л. — как активного участника контрреволюционной националистической организации, а также откровенного пропагандиста в своих произведениях взглядов украинского фашизма, который разоблачен как активный контрреволюционер и украинский буржуазный националист; Возняка, Колесу, Студинского, Щурата — как врагов трудящихся масс Украины (укр.). — Вісті ВУАН. 1934. №1. С.П.

низации комиссий для изучения национального вопроса и для изучения конституционного советского права. Шлихтер занял кафедру сельскохозяйственной экономики с комиссией социалистического переустройства сельского хозяйства; Юринец — кафедру социологии с комиссией социалистических исследований; Яворский основал комиссию марксистской методологии истории³⁸. Новостью стала организация при президиуме популяризаторской комиссии. Организационная деятельность этих и нескольких других комиссий началась очень энергично, но скоро отошла на второй план в связи с последующими политическими событиями.

Успех партийной номенклатуры в избирательной кампании 1929 нельзя относить исключительно за счет ее тщательной режиссуры. Не меньшую, а пожалуй, большую роль сыграло то обстоятельство, что она проходила одновременно с массовыми арестами по делу «Спілки визволення України» (СВУ), контрреволюционной организации, которая, как в настоящее время доказано, никогда не существовала. И это не было случайным совпадением. Многочисленные реорганизации, кадровые изменения вместе с неожиданными превращениями во врагов народа тех, кого на протяжении многих лет знали как коллег, ученых, специалистов, — все это повергало в полную растерянность, лишало способности к сопротивлению. Последнее обстоятельство с удовлетворением отмечалось в партийных кругах.

В фондах бывшего Партархива Украины сохранился уникальный документ — стенограмма выступления известного уже читателю комиссара Академии Л.М.Левицкого на совещании Киевского окружкома КП(б)У в ноябре 1929. Эта речь «своего среди своих» исполнена такого дремучего цинизма, с такой степенью откровенности обнажает «роль партии в развитии советской науки», что заслуживает быть процитированной полностью в той части, которая касается Академии наук³⁹:

Как всегда проявления идеологии на этом фронте более всего были заметны на Академии Наук. Это был главный очаг, в котором моменты идеологической борьбы в Киеве наиболее ярко выявились. Сейчас в связи с сообщением об арестах по делу СВУ шум большой в научных кругах поднялся. И моменты значительного ошеломления тут хорошо заметны. Хотя бы на вчерашнем заседании Секции научных работников... Но все-таки я должен сказать, что состояние на нашем научном и вузовском фронте характеризовать положительно нельзя.

³⁸ ЦГА ВОВ Украины. Ф.166. Оп.9. Д.358. Л.123.

³⁹ Оригинал на укр. языке. Цитируем его в нашем переводе. — Л.М., Э.Ц.

Эти аресты нас убеждают в том, что есть большое число людей, которые находились в провокационно затаенном состоянии и работали на наших ответственных постах, скажем, Гермайзе, это пример яркой провокации, который был очень близок к нашей работе, который руководил исторической секцией Марксистско-Ленинской кафедры и в представлении многих беспартийных казался яркой советской фигурой. Мы на сегодняшний день не можем сказать, что убеждены в том, что и в будущем нет таких случаев, что их не может быть впоследствии. Этот самый процесс показал, что и другие научные работники тоже в той или иной степени связаны с ним.

Скажем, Корчак-Чепурковский имеет некоторое отношение, Дорошкевич имел в прошлом и т.д.

Сейчас в Академии Наук чувствуются настроения более или менее угнетенные и даже заметна некоторая растерянность. Избрание научных работников доказало нам наглядно, что сейчас в Академию Наук можно провести без особых затруднений кандидатуры, которые нам нужны. Мы этим воспользовались и часть партийных товарищей туда всунули и постарались разбить то семейное окружение, какое там было. И это достаточно легко было сделать, все наши предложения проходили.

Правда, мы тут опираемся в проблему кадров и почти всегда подходящих людей не хватает. Это можно несколькими острыми случаями перевода младших сотрудников в старшие доказать. Когда мы подбирали на Историческую Секцию академика Грушевского двух научных сотрудников, мы не могли найти нужных нам товарищей и вынуждены были поставить вопрос о продлении конкурса.

Мы выдвинули одного партийного товарища, но он отказался, несмотря на то, что есть партийное постановление.

То же и по литературной секции; мы отвели Зерова довольно легко, что тоже свидетельствует об определенной растерянности сейчас в Академии, которая не могла против этого хоть как-то сопротивляться.

Но отклонив Зерова, мы не имеем на его место соответствующего товарища, которым можно было бы его заменить. Сейчас нашелся Загул — беспартийный, который дал свое согласие, и мы его будем продвигать. Значит, возможность и благоприятная обстановка для продвижения в Академию Наук наших сил уже есть.

Нельзя сравнить это положение с тем, что было год назад. Тогда трудно было бы кого-нибудь провести, т.к. его активно забаллотировали бы, а сейчас принимают все наши предложения, которые мы решительно ставим в плоскости классового подбора научных сил.

Как приблизительно готовятся силы теперь на научном фронте? Надо сказать, что Президиум Академии в лице Акаде-

мика Заболотного мы считаем советским, он всегда шел на наши предложения, через академика Заболотного мы могли осуществлять наши предложения.

Год назад Президиум был чрезвычайно вял, его не поддерживало большинство академиков, а сейчас на стороне Президиума есть некоторый перевес, есть укрепление сил и есть определенный советский актив, на который может опираться Президиум Академии.

Тут, разумеется, упираемся в позицию академика Грушевского, который имеет еще большой общественный резонанс, свои позиции, свое окружение.

Раньше академические научные силы объединялись в две группы: одна — Грушевского, другая — ефремовская. Теперь Грушевский приближается к Президиуму, но занимает более или менее автономную позицию; с арестованной группой он явно не солидаризируется, хотя открыто против нее не выступает и вряд ли выступит. Он отмежевывается в разговорах личных и групповых, но избегает открытого общественного выступления.

В наших исследовательских учреждениях положение приблизительно такое же...

Сейчас мы стоим накануне перевыборов Президиума всех отделений Академии Наук, мы решительно укрепляем свои позиции, безусловно привлекаем новых советских научных работников: стоим на позициях решительной ломки там, где по сути ранее был штаб контрреволюционной интеллигенции во главе с акад. Крымским и Ефремовым, где был официальный очаг той организации, которая разоблачена — ныне экстерриториальное положение Академии в Советской Украине ликвидировано, там стоит достаточно прочно наша нога, и мы свои позиции углубляем далее.

Мы ставим на порядок дня генеральный пересмотр программ и персонального состава всех научно-исследовательских учреждений, чтобы приблизить их к задачам и потребностям социалистической реконструкции...⁴⁰

После того, как ученым было дано ясно понять, кто хозяин в науке, на первый план академической жизни выдвинулись события политического процесса СВУ, направленного против широких слоев украинской интеллигенции. И тут главный удар приняла на себя ВУАН, объявленная средоточием контрреволюционной шайки врагов, которая якобы была создана и действовала под руководством вице-президента академика Ефремова совместно с его коллегами А.В.Никовским, А.Г.Черняховским, В.Я.Пидгаецким и другими. Хотя на скамье подсудимых оказалось только

⁴⁰ Стенограмма совещания Киевского Окружкома КП(б)У о работе ВУАН. 1929. 24/ХІ. — ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.3032. Л.6-9, 12.

45 человек, в действительности арестовано и осуждено было значительно больше — по данным диаспоры в 1929-1930 было репрессировано более 250 сотрудников Академии, среди которых было 49 историков, 43 филолога и литератора, 29 юристов, 29 экономистов, 18 этнографов, 15 археологов и т.д.⁴¹

Есть все основания полагать, что процесс этот не был явлением уникальным и чисто украинским; именно в это время шли аресты среди русских ученых, обвинявшихся в создании организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», в Белоруссии проходил процесс «Спилки вызволения Билоруси». Бросается в глаза разительное сходство не только названия организаций, но и формулировки их целей, методов и т.д. На одну из общих черт — отсутствие попыток найти виновных, установить правдивость фактов — в свое время обратил внимание академик ВУАН Ф.И.Шмит, заметивший, что советское правосудие имеет прежде всего политический показательный характер и всякое нарушение закона рассматривает не с точки зрения законности, а «имеет целью, если можно так сказать, общественно-воспитательные цели»⁴².

Стремлением развернуть широкое впечатляющее действо объясняется строгая и тщательная, вплоть до мельчайших подробностей, регламентация в подготовке и проведении судилища, которым, как это было при проведении выборов, руководило ЦК КП(б)У, а главными исполнителями были наркоматы внутренних дел и просвещения.

В последнее время процесс этот нашел широкое отражение в печати, и мы только напомним ход основных событий.

Еще в 1926 нарком внутренних дел В.Балицкий установил негласный надзор за академиком С.А.Ефремовым, человеком очень влиятельным в академических кругах. В октябре 1928 ГПУ по указанию Политбюро повысило внимание к Ефремову в связи с публикацией его статьи в газете «Діло». Собственно сам факт публикации в буржуазной прессе стал основным мотивом обвинения. Президента ВУАН Д.К.Заболотного обязали организовать вокруг этого события общественное мнение таким образом, чтобы выдвинуть политическое обвинение против Ефремова, который незадолго перед этим был устранен со всех руководящих административных постов. Поскольку содержание статьи не содействовало развертыванию дискуссии, то и дело с осуждением учено-

⁴¹ Юрична наука і освіта на Україні. Київ, 1993. С.45.

⁴² ЦГАМЛИ Украины. Ф.542. Оп.1. Д.258. Л.2. (Ф.И.Шмит — Н.Д.Полонской-Василенко. Письмо от 30/У 1924 из Москвы в Киев).

го продвигалось вяло⁴³; поэтому в следующем месяце Бюро киевского окрпарткома постановило: «Констатувати, що кампанію боротьби проти ак. Ефремова, що її запропонував ЦК КП(б)У, в Києві не було переведено з достатньою енергією й майже зовсім не розпочато, за винятком виступу т.Семко на зборах ІНО та заходів, що їх вжили фр. Бюро секції наукових робітників і ОК ЛКСМУ.

Вважати за потрібне в найближчі часи розгорнути найшвидшу роботу щодо проведення цієї кампанії, в першу чергу — по лінії місцевої преси та серед громадських організацій.

Доручити АПВ 9/ХІ скликати відповідну нараду для визначення певних гасел щодо переведення цієї кампанії та внесення організаційності в цю роботу. Запропонувати редакторам газет вмістити в пресі промову академіка Заболотного та кооператора Левицького на Пленумі ОК ЛКСМУ»⁴⁴.

Наконец постановлением Президиума ВУАН статья Ефремова была признана «направленной против политики соввласти». Несколько позже Политбюро ЦК КП(б)У приняло секретное решение считать необходимым проведение общественной кампании среди широких кругов интеллигенции с целью одобрения академического постановления о Ефреме.

Тогда же было разослано «совершенно секретное» распоряжение ЦК КП(б)У, в котором подчеркивалось, что это постановление вызывает сопротивление со стороны некоторых академиков. «Вони хотіли б переглянути цю постанову на загальних зборах ВУАН (Про це повідомляю вас для орієнтировки, але не для розповсюдження)»⁴⁵. ЦК предписывал окружкам немедленно орга-

⁴³ Эти события описаны Ефремовым в дневнике, фрагменты из которого недавно опубликованы, см.: Лицар духу / Передмова та публікація В.Г.Шмельова // Київська старовина. 1992. №1. С.48.

⁴⁴ Констатировать, что кампания борьбы против ак. Ефремова, которую предложил ЦК КП(б)У, в Киеве не проводилась с достаточной энергией и почти совсем не начата, за исключением выступления т.Семко на собрании ИНО и мероприятий, осуществленных фр. Бюро секции научных работников и ОК ЛКСМУ.

Считать необходимым в ближайшее время развернуть живейшую работу по проведению этой кампании, в первую очередь — по линии местной прессы и среди общественных организаций.

Поручить АПО 9/ХІ созвать соответствующее совещание для выработки определенных лозунгов, относящихся к проведению этой кампании и внесения организзованности в эту работу. Предложить редакторам газет поместить в прессе речь академика Заболотного и кооператора Левицького на Пленуме ОК ЛКСМУ (укр.). — ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2639. Л.56.

⁴⁵ Они хотели бы пересмотреть это постановление на общем собрании ВУАН (Об этом информирую вас для ориентировки, но не для распространения) (укр.). — Там же. Д.2924. Л.5.

низовать проведение собраний среди научных сотрудников и студентов в поддержку решения Президиума ВУАН, но, стремясь создать иллюзию «инициативы масс», ставил условие: «Питання про академіка Ефремова треба ставити на чергових засіданнях різних організацій, аби так засідання не набрали характеру засідань спеціально скликаних з цього приводу. Треба досягти того, щоб всі ці збори й засідання ухвалили резолюцію, що приєднуються до постанови Президії ВУАН. Резолюції ці містити в місцевій пресі та передавати через РАТАУ»⁴⁶.

И тут же во избежание возможных и невозможных отклонений от установленного сценария определен календарный план проведения кампании и приложен образец резолюции будущих собраний, в которой предлагалось обязательно отметить, что выступление Ефремова является антисоветским и полезным только для врагов СССР: «Збори заявляють, що радянське суспільство всяк спроби виправдання академіка Ефремова може розглядати як соліарність з антирадянським виступом і дасть рішучу відсіч всім, хто це пробує робити»⁴⁷.

Дальнейшая подготовка процесса также шла по плану.

Первые аресты начались весной 1929 сначала среди студентов Института народного образования, якобы членов контрреволюционной организации «Спілка української молоді» (СУМ). Арестованы были главным образом бывшие воспитанники Украинской гимназии и 1-й трудовой школы в Киеве. В докладной записке органов, направленной в партаппарат, значилось, что возглавляли СУМ учитель В.Г.Дурдуковский, близкий к Ефремову, Б.Ф.Матушевский — сын бывшего петлюровского посла в Греции, Н.П.Павлушков — племянник Ефремова. Члены «Спілки» якобы готовили террористические акты против Троцкого и Дзержинского, а идейным вдохновителем этой организации был Ефремов, одобривший их программу, в которой было записано, в частности, что Украина должна быть независимой демократической республикой.

Тайные пружины процесса СВУ, нашедшие отражение в цитированных выше документах, естественно, оставались неизвест-

⁴⁶ Вопрос об академике Ефремово необходимо ставить на очередных заседаниях разных организаций, чтобы такие заседания не приобретали характер заседаний специально созванных по этому поводу. Надо достичь того, чтобы все эти собрания и заседания приняли резолюцию, что присоединяются к постановлению Президиума ВУАН. Резолюции эти помещать в местной прессе и передавать через РАТАУ (укр.). — ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2924. Л.5.

⁴⁷ Собрание заявляет, что советское общество всякие попытки оправдания академика Ефремова может рассматривать как солидарность с антисоветским выступлением и даст решительный отпор всем, кто это попытается делать (укр.). — Там же. Л.6.

ными общественности, люди могли видеть только внешнюю сторону событий, а они сеяли страх и поражали своей нелепостью.

Аресты в Академии начались к лету и скоро стали лавинообразными. Основной удар приняло на себя I (историко-филологическое) отделение. На протяжении июля-августа за решеткой оказались С.А.Ефремов, А.В.Никовский, Й.Ю.Гермайзе; за ними последовала группа филологов — В.М.Ганцов, Е.Т.Андриевская, В.К.Демьянчук, Г.К.Голоскевич — все из ближайшего окружения Крымского. В числе арестованных был ученик, личный секретарь Крымского и директор академического издательства Н.З.Левченко, которого Крымский, не имевший детей, называл сыном, а тот платил ему глубокой сыновьей привязанностью.

Летом убитый горем Крымский находился в Звенигородке, не оставляя попыток сделать что-либо для Миколы. Информацию из Киева он получал от сотрудника ВУАН В.Г.Иванца, письма которого донесли до нас живую картину происходящего в те дни в Академии.

Выдержки из писем в нашем переводе с украинского приводятся ниже.

17 июля 1929: «...С Николаем дело обстоит так: он еще до сих пор не вышел, даже нельзя представить, когда это будет. Однако ж никто лучше Вас не знает, как Николай всегда был занят работой по делам Издательства и наукой, и кроме этого ничего не знал. Ясно, что случилось какое-то недоразумение. Но говорят, пока что-либо выяснится, может пройти много времени. Надо, чтобы кто-нибудь начал хлопоты, обратился в прокуратуру и т.д. Академия сейчас ничего не сделает: весь Президиум разъехался. Кравчук тоже поехал на два месяца, его замещает Иваницкий-Василенко. Также ничего не будет и от месткома. Никто из знакомых Николая тоже ничего не может сделать — они все ж люди посторонние, родственников у него также нет. *Надо* Вам, А.Е., самому это сделать, *надо* обязательно приехать, т.к. без этого дело долго будет тянуться. Возможно потребуется обратиться и к Дмитрию Иван[овичу Багалию], он пользуется доверием и он хорошо знает всю жизнь Николая; если нужно, он сможет взять его на поруки. Замещает его теперь Вас[илий] Клим[ентович Демьянчук] по поручению президента, но как долго это будет? Рыжий пробовал сесть сам, даже обращался к президенту, что он согласен пожертвовать для этого своим отпуском, но Кравчук был категорически против этого...»

2 августа: «...При той ситуации, какая теперь создалась, совсем было бы Вам приезжать нецелесообразно; мне кажется, что надо ожидать конца следствия, официально ничего до этого нельзя узнать. Обычно, по закону, следствие должно закончиться за три недели (по крайней мере, так говорят), но прокуратура мо-

жет увеличивать этот срок в случае необходимости. Если принять во внимание, что задержали в Академии еще кое-кого (я слышал о таких: Никовский, Коробцов, С.А.Ефремов, Стешенко, Гермайзе, швейцар Януков, Ярослав Сташенко, больше не помню), можно предположить, что Николай взят не по личному какому-то делу. Тогда понятно, что следствие тянется долго. Однако, если думаете предпринять отдельное ходатайство, то это не помешает начать и теперь.

Приходила мачеха Николая, все время плакала. Она пошла просить свидания. Разрешают это родственникам, может быть, ее пустят.

В издательской части Вас. Клим. согласился заведовать временно, чтобы не пускать «ираниста без цыганского языка», фактически Вас. Клим. на даче. Работу по 1 и 8 типографии выполняет Середа... От этого естественно создалась неразбериха — в Издательстве не знают, что в типографии...»

26 августа: «...Всеякие ходатайства об арестованных ГПУ можно подавать в Киеве "Прокурору по делам орг. ГПУ", а высшая инстанция в Харькове "Генеральный прокурор УССР".

Если Вас интересует мое мнение, то я не только к председателю Киевского ГПУ, а и в Киевскую прокуратуру сейчас не обращался бы — думая, что в нынешних обстоятельствах это ни к чему. Во-первых, только после двух месяцев ареста ГПУ должно предъявить обвинение, а сейчас прошло только 1 1/2; значит формальной причины для жалобы нет. Второе, возможно заявлениями аналогичного характера Прокуратура завалена так же, как ГПУ.

Были примеры в Академии, что в подобных случаях обращались с ходатайством об *ускорении* рассмотрения дела, т.к. отсутствие арестованного вредно отражается на работе учреждения. Но опять-таки в аналогичных обстоятельствах и другие академические учреждения, напр., словарь живого языка: арестован Голоскевич, был обыск у Ганцева; или Комиссия общественных течений — председатель ее Ефремов задержан, а в помещении самой комиссии также был обыск. Одним словом, Вы видите, что ускорить ничего нельзя; надо Вам ждать, пока дело само не решится...»

9 сентября: «Николаю с 1/IX уже не будут платить зарплату, но его денег есть еще рублей 180, а на неделю надо не более 35 руб.

Проф. Беркут настойчиво домогается от Издательства, где рукопись его работы (нечто о средней истории), начало ее переводил Горянский — 4 1/2 листа, Николай взял это и теперь неизвестно где. Нет ли в Звенигородке?

Пыслаю инструкцию об обследовании кабинета Арабо-иранской филологии и бланки в /.../ экземплярах. Это разослано *всем* комиссиям ВУАН».

14 сентября: «Пользуясь случаем, сообщаю, что в деле Николая Захаровича есть некоторые изменения. Именно: вчера 13/IX-29 в 3 часа дня в присутствии Кравчука, Иваницкого и меня в помещении историко-филологической кафедры и библиотеки арабо-иранской филологии сотрудники Киев. ГПУ сделали обыск, который продолжался 4 часа. Обыск имел одну определенную цель — осмотреть те ящики, которые стояли в большой комнате. Как выяснилось — в меньшем ящике сложена была Н.З. переписка смешанного характера — с одной стороны полуофициальная переписка по его научной работе, а с другой просто его личные материалы — дневники, записные книжки и др.

Что касается другого ящика — то там находится Ваша переписка, он осмотрен поверхностно, т.к. отбирался материал, относящийся к Левченко. Тут изъяты некоторые письма Н.З., которые почему-то попали сюда, а также какая-то рукопись за подписью "Яков Собищанский. Горе чайке" или что-то в таком роде.

Представители ГПУ полагают, что это принадлежит Н.З., хотя почерк не его. Иваницкий думает, что это кто-то прислал для просмотра в Академию (характер рукописи, видимо, антисоветский). Кроме того в шкафу найдены две копии этой рукописи, напечатанные на машинке. На этом дело закончилось, представители ГПУ извинялись за беспокойство "хотя вина не их, а сотрудников Академии, которые хранят свою личную переписку в Академии..."»

4 октября: «...Я думаю, что окончание дела не так скоро будет. История продолжает запутываться: взяты Ганцев, Иваница, Елена Трофимовна Андриевская, еще кое-кто, но не такие близкие к ВУАН. В эту субботу был в комнатах Словаря живого языка обыск. Если предположить, что это все одно дело, то видно, что для рассмотрения всего этого материала потребуется много времени. И это еще раз доказывает беспочвенность слухов о Николае, которые дошли до Вас: следствие продолжается.

Теперь относительно ходатайства: на днях будет уже два месяца, как Николая забрали. Не повредило бы начать хлопоты об ускорении дела: можно подать главному прокурору УССР т.Михайлику, или как?..»⁴⁸

Тем временем процесс продолжал разворачиваться. В октябре готовилось уведомление для украинских и русских газет о разоблачении контрреволюционной организации СВУ, «яка ставила за мету повалення радянської влади на Україні і відновлення капіталістичного ладу»⁴⁹. В недрах партаппарата выработано было новое

⁴⁸ ИР ЦНБ АН Украины. Ф.ХХХVI. Д. 282, 283, 285 — 287, 290 (В.Г.Иванец — А.Е.Крымскому. Письма из Киева в Звенигородку).

⁴⁹ ...Которая ставила целью свержение советской власти на Украине и восстановление капиталистического строя (укр.). — ЦГАОУ. Ф.1. Оп.20. Д.2991. Л.186.

руководство к дальнейшим действиям. На заседании Политбюро ЦК КП(б)У 3 ноября по докладу Балицкого принято постановление: «а) Суд организовать в Харькове. б) Для процесса выделить из числа обвиняемых не больше 40 человек. в) Обеспечить, чтобы после утверждения ПБ ЦК КП(б)У текста сообщения ГПУ УССР по делу о "Союзе визволення України" — это сообщение появилось одновременно в украинской и московской прессе»⁵⁰. Этим постановлением было определено, что председателем суда будет Мазур, государственным обвинителем Михайлик, общественным обвинителем — Любченко. Сохранившийся текст сообщения не отличается от документов подобного рода, но представляет интерес потому, что сопроводительное письмо к нему на имя Косиора написано на бланке ЦК ВКП(б), что указывает на то, что главное руководство процессом находилось за пределами Украины.

23 декабря председатель ГПУ Балицкий провел допрос С.А. Ефремова, на котором тот признал, что СВУ существовал в действительности и главным его организатором назвал себя. «Все члены СВУ теперь политические трупы», — заявил он. На вопрос о его отношении к советской власти он ответил, что был уверен в полезности своего дела для рабочих и крестьян, но возражал лишь против лозунга «диктатуры пролетариата», который, по его мнению, следовало бы заменить на «сотрудничество трудящихся». «Единственное мое разногласие — это вопрос о политических правах. Советская власть делает здесь ошибку. Я говорю о правах всех граждан, даже контрреволюционеров, и под свободами понимаю — свободу слова и прочие. Для советской власти ничего страшного не будет, если и помещику будут предоставлены эти свободы»⁵¹.

Итак, Ефремов признал не только факт существования СВУ, но и свою роль ее руководителя. Объявив себя виновным, он в последнем слове подсудимого в завершающей стадии процесса настаивал на своей вине, подчеркивая, что другие обвиняемые не осознавали или даже не знали, что принимают участие в этой организации.

Почему Ефремов — человек, известный своим мужеством, бескомпромиссностью, высочайшей честностью и правдивостью — признал факт существования мифической организации, становится известным со слов В.М.Ганцова, талантливого филолога, сотрудника ВУАН, также осужденного по делу СВУ. Обращаясь

⁵⁰ ЦГАООУ. Ф.1. Оп.16. Д.7 (Особая папка решений Политбюро ЦК КП(б)У). Л.61.

⁵¹ Там же. Л.101.

к прокурору Киевского военного округа в 1960-е годы с заявлением о пересмотре его дела, он писал:

Я один из немногих оставшихся в живых из группы осужденных по процессу «СВУ» 1930 года. В момент ареста мне не было еще полных 37 лет, в текущем 1966 году мне исполнится 74 года. Половина моей жизни прошла после этого злополучного процесса и, к сожалению, это был период расцвета творческих сил, когда я мог так много дать для отечественной науки. Решением Верховного суда УССР я был приговорен к 8-ми годам заключения со строгой изоляцией и последующим поражением в правах на три года.

Фактически же я пробыл безвыходно в заключении 17 лет и 4 мес., так как по отбытии первого срока наказания Особым Совещанием назначен был мне новый срок — опять 8 лет с содержанием в Исправительно-трудовых лагерях, а по отбытии второго срока я был задержан в лагере впредь до особого распоряжения. Ни в первом, ни во втором случае никакого дополнительного следствия не велось, никто меня ни разу не вызывал, приговор ничем мотивирован не был. Освобожден я был как «пересидивающий» 20 декабря 1946 года, а через три года, 17 декабря 1949 г. я снова был арестован и после нескольких месяцев, проведенных в следственной тюрьме, по Постановлению Особого совещания был сослан без указания срока в Красноярский край, но с упоминанием статьи и пунктов моего первого дела («СВУ»).

В качестве ссыльного полит-поселенца я прожил больше 6-ти лет в Усть-Енисейском районе Таймырского национального округа (пос. Караул). За время долгого заключения и ссылки, которого почти хватило бы для полного трудового стажа, я прошел десятки тюрем и лагерных пунктов, проделал десятки этапов. Это было настоящим «хождением по мукам», а все случившееся оказалось для меня полной жизненной катастрофой. А между тем я никогда не принадлежал к организации «СВУ» и во время процесса при опросе подсудимых я решительно заявил, что к организации «СВУ» я не принадлежал и о существовании такой организации не знал. Мне пришлось, правда, признать, что я оказался причастным к деятельности «СВУ», так как во время предварительного следствия я исходил из предположения, что какая-то организация существовала или была, по крайней мере, попытка создания какой-то организации, ведь мне давали прочитать показания других подсудимых, которые признавались в принадлежности к организации «СВУ». Свою неосведомленность я объяснял тем, что почти 15 месяцев (с декабря 1927 г. до конца февраля 1929 года) я находился в заграничной командировке. Но страшная истина для меня открылась лишь на последней стадии судебного процесса, когда на мой вопрос С.А.Ефремову, считавшемуся лидером организации, как он мог дать показания, что информировал меня о существовании организации

«СВУ», он (и сейчас это помню), с нескрываемым раздражением в голосе ответил: «Да разве Вы не знаете, что никакого "СВУ" не было??» На мой вопрос: «Как же это получилось?» — он пытался объяснить, что долго ничего не хотел признавать, но когда ему начали предъявлять многочисленные показания других подсудимых, которые признавали свою принадлежность к «СВУ» и называли его (Ефремова) главою организации, который и вовлек их в нее, перед ним встал вопрос: «Какой же найти выход из создавшегося положения?» И он после долгих колебаний решил подтвердить показания других подсудимых, лишь бы довести дело до открытого процесса, и на первом же открытом судебном заседании сделать заявление, что от всех своих показаний, данных во время предварительного следствия, он отказывается, как от вынужденных и не соответствующих действительности. Осуществить свое намерение он не решился.

Назначенный ему защитником Ратнер (возглавлявший коллегию защитников на процессе «СВУ»), по словам Ефремова, даже за голову схватился: «Боже Вас сохрани, Боже Вас сохрани, не делайте этого, — убеждал он, — Вы даже представить себе не можете, какие это может иметь ужасные последствия не только для Вас, но и для всей Вашей группы. Для Вас единственный возможный путь только подтверждать показания, данные Вами на предварительном следствии». По этому пути Ефремов и пошел, а за ним и все остальные подсудимые.

Итак, «СВУ» вымышленная организация, никто из подсудимых к ней не принадлежал и до ареста даже не слышал о ней...⁵².

Из письма Ганцова становится понятным, что Ефремов стал жертвой своей порядочности, главным мотивом его действий было стремление хоть как-то защитить безвинно пострадавших людей. Разве мог он, юрист по образованию, представить себе, что в данном судилище менее всего стремились к установлению истины.

17 января 1930 Президиум ВУАН постановил освободить от занимаемых должностей всех сотрудников, арестованных по делу СВУ «за упливым дозволенного законом строку»⁵³, а через две недели Политбюро ЦК КП(б)У обсуждало письмо Сталина о деле СВУ; этот факт зафиксирован в документах, хотя само письмо до настоящего времени не найдено⁵⁴, сам факт обсуждения свидетельствует о всесоюзном размахе процесса. После

⁵² Ганцов В.М. Заявление прокурору Киевского военного округа. Документ хранится в фондах Музея города Киева.

⁵³ По истечении дозволенного законом срока (укр.). Выписка из протокола №2 заседания Президиума ВУАН // Вісті ВУАН. 1930. №1. С.7.

⁵⁴ Более подробно об этом письме см.: Шаповал Ю.И. Сталінізм і Україна // Український істор. журнал. 1991. №6. С.47.

этого в ЦК КП(б)У «совершенно секретно» был принят документ «Основные моменты по делу СВУ», подготовленный для ЦК ВКП(б), в котором подчеркиваются политические моменты обвинения, а именно — задача СВУ отделить Украину от Советского Союза, бандитский террор против советских учреждений и вождей партии Сталина, Ворошилова и др. СВУ — петлюровский центр для защиты классовых интересов украинской буржуазии — значилось в этом документе⁵⁵.

После окончания процесса 16 апреля состоялось собрание коллектива Академии, на котором единогласно клеймили «врагов», «вредителей». Собрание вел М.Ф.Кравчук — в тот период секретарь физико-математического отделения; главным тезисом его выступления было утверждение, что политическая и идеологическая борьба в Академии далеко еще не закончена, а только вступает в новую фазу⁵⁶.

И наконец, 3 июня постановлением Президиума ВУАН «У зв'язку з контрреволюційною діяльністю академіків Ефремова і Слабченка, засуджених Верховним судом, — поставлено на Сесії Ради пропозицію про виключення їх із складу академіків ВУАН»⁵⁷.

Процесс СВУ приобрел широкую известность во всей стране. Однако несмотря на кровожадные призывы уничтожить «врагов народа», которые от имени трудовых коллективов распространялись через официальную прессу, находились критически мыслящие люди, которые воспринимали эти призывы весьма скептически. К их числу принадлежал академик В.Н.Перетц, который жил в Ленинграде и наблюдал за разворачивающимися событиями, так сказать, со стороны, хотя и был лично знаком со всеми действующими лицами этой трагедии. Он писал: «Мы читаем газеты и удивляемся многому. Признаюсь, я не думал никогда, что возможны организации, подобные СВУ. И теперь признания героев ее звучат как-то даже неправдоподобно, точно из "приключенческого" романа. Только этот роман пахнет трагедией для его героев. Я не представляю себе, что могли сделать 45 интеллигентов, по сути — книжные, оторванные от жизни люди, и на что они надеялись! Уже столь явная малочисленность "заговорщиков" показывает ничтожность их дела»⁵⁸.

⁵⁵ ЦГАООУ. Особый сектор ЦК КП(б)У. Д.7. Л.120-123.

⁵⁶ Коллектив ВУАН про справу СВУ // Вісті ВУАН. 1930. №2. С.16-23.

⁵⁷ В связи с контрреволюционной деятельностью академиков Ефремова и Слабченко, осужденных Верховным судом, — поставлено на Сессии предложение об исключении их из состава академиков ВУАН (укр.). — Вісті ВУАН. 1930. №4. С.5.

⁵⁸ ИР ЦНБ АН Украины. Ф.ХХХVII. Д.107. Л.1. (В.Н.Перетц — А.М.Лободе. Письмо из Ленинграда в Киев 14 марта 1930).

Дело СВУ не закончилось после завершения процесса и вынесения приговоров, а продолжалось еще более 10 лет. В 1930-е арестованы были академики М.Ф.Кравчук, М.В.Птуха, В.Н.Перетц, несколько позже, в начале войны, — А.Е.Крымский. А непосредственно после процесса его продолжила серия чисток среди научных сотрудников.

В зарубежной прессе того времени появилось множество публикаций по поводу вспышки террора на Украине. В газете «Возрождение» прозвучали слова А.Яблоновского: «Никого из большевиков академик Ефремов не истребил и ничьей смерти не способствовал... Но, господа, академик Ефремов стоит на краю могилы. Прокурор Любченко шьет для него смертный саван. И едва ли можно сомневаться, что этот саван не будет надет... Ибо мнение в социалистическом отечестве карается с такой жестокостью, как и преступные деяния...»⁵⁹

Процесс СВУ сыграл фатальную роль в первую очередь в развитии гуманитарных наук. Никто из осужденных не дожил до своей реабилитации. Погибли в тюрьмах С.А.Ефремов, Й.Ю.Гермайзе, А.Е.Крымский и многие другие; некоторые, как В.М.Ганцов, М.Е.Слабченко, хотя и были выпущены, но лишены всех прав. Вместе с ними — талантливыми учеными — долгие годы находились в небытии их труды, исключенные из научного оборота.

А те, кто остался на воле или пришел на их место, уже не отваживались на независимую мысль. И Академия, которая в начале своего существования имела статус высшей научной институции, с этого времени превратилась в исполнительный орган политической власти. Атмосфера политического давления стала нормой академической жизни, и этот факт был закреплен в ее новом уставе, в котором отдельным пунктом провозглашалось: «Академики и весь научный персонал могут быть лишены своего звания и своих прав, если они не исполняют своих прямых обязанностей, а также если их деятельность сознательно направлена во вред Советскому Союзу»⁶⁰. Этот пункт появился в первых вариантах проекта Устава, сразу вступил в действие и на протяжении 1930-х собрал обильную кровавую жатву⁶¹.

⁵⁹ ИР ЦНБ Украины. Ф.1. Д.68613. Л.225.

⁶⁰ ЦГА ВОВ Украины. Ф.166. Оп.9. Д.358. Л.3.

⁶¹ За последнее время на Украине издан ряд новых работ, посвященных истории Украинской Академии наук; укажем некоторые из них: Історія Академії наук України. 1918-1993. Київ, 1994; Матвеева Л. Вікі історії // Вісник АН України. 1993. № 5—7; Матвеева Л., Ковальчук Л. Щоб вижила Академія // Там же. 1993. №2; Матвеева Л., Циганкова Е., Янковський О. Трагічні сторінки: 3 історії Академії наук України // Україна: Наука і культура: Вип.28. Київ, 1994; Циганкова Е., Янковський О. «Щоб не було й тіні тегемонії» // Вісник АН України. 1992. №11, і др.

Ф.Ф.Перченюк

**К ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК:
СНОВА ИМЕНА И СУДЬБЫ...**

Список репрессированных членов Академии наук

В архиве Ф.Ф.Перченюка сохранились многочисленные, кропотливо собиравшиеся годами — сначала по доступной литературе, родственникам и знакомым, а затем, в эпоху гласности — по архивам, в том числе КГБ—МБ—ФСК — сведения о репрессированных ученых, которые оформлялись в дальнейшем в списки по специальностям (биологи, химики, историки и т.п.). Их составление не было для Ф.Ф. самоцелью. Одной из главных тем его занятий была социальная история советской науки. Изучение «репрессированной науки» входило в нее на правах необходимого исследовательского этапа, результаты которого давали необходимую фактуру, помогали оценить масштаб влияния социальных факторов на развитие научной деятельности в СССР, а заодно и попробовать ответить на вопрос, которым «серьезная» академическая наука почти не занимается, — что если бы...

При жизни Феликсу Федоровичу удалось опубликовать два таких списка-справочника¹ — репрессированных геологов и востоковедов, в предисловиях к которым определены: объем используемых понятий (например, уточняется, что под репрессиями в данном случае имеются в виду только различные виды лишения свободы — взятие под стражу, заключение, ссылка), источники информации (устные сообщения, архивы, научная, мемуарная и т.п. литература, периодика и т.д.), критерии отбора персоналий (оговаривается историческое изменение границ самих определений научных специальностей), формуляр справочных статей, возможные лакуны и перспективные направления дальнейших исследований.

Истории «высшего научного сословия» — Академии наук посвящены первые опубликованные в «Памяти» работы Ф.Ф.Перченюка², где впервые в литературе он собрал многие неудобные, не укладывавшиеся в традиционные для того времени историографические схемы факты из жизни академического сообщества. Впоследствии появились статьи об АН СССР

¹ Репрессированное востоковедение: Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20-50-е годы / Сост. А.М.Гришина, Я.В.Васильков, Ф.Ф.Перченюк // Народы Азии и Африки. 1990. №4,5; Репрессированные геологи: Биографические материалы / Сост. Л.П.Беляков, Е.М.Заблоцкий, Л.В.Никольская, Ф.Ф.Перченюк (редактор-составитель). СПб., 1992.

² Вознесенский И. [псевд.] Имена и судьбы // Память: Исторический сборник. Вып.1. М., 1976 — Нью-Йорк, 1978. С.353-410; Анастасий Д., Вознесенский И. [псевд.] Начало трех национальных академий // Там же. Вып.5. М., 1981 — Париж, 1982. С.99-190.

во второй половине 1920-х—начале 1930-х годов³. Следующей в исследовательских планах Ф.Ф. стояла книга об Академии наук, для работы над которой он в сентябре 1993, по своей давней привычке, приготовил специальную полку с книгами, тетрадями, выписками, пачками чистой бумаги и расчистил стол — чтобы не было ничего лишнего, отвлекающего...

Предисловие к списку репрессированных академиков и членов-корреспондентов РАН—АН СССР—РАН Ф.Ф.Перченка написать не успел. Сокращенный вариант списка (академики и члены-корреспонденты АН СССР, репрессированные в этом звании) должен был быть опубликован в сборнике статей и публикаций под грифом Архива РАН, собиравшемся в 1991, но так до сих пор и не изданном. Ему Ф.Ф. предпослал две странички текста, формулирующие концептуальную, методическую и организационные основы работы, отдельные положения которой мы используем ниже.

Публикуемый список Феликс Федорович определял как «поисково-предварительный», он может рассматриваться, писал Ф.Ф., «как первый пробный подход к собиранию Словника будущего Словаря репрессированных ученых». Своеобразная эскизность работы определялась установкой на открытость текста для критики, исправлений и добавлений⁴. Легко заметить, что многие справочные статьи перерастали у Ф.Ф. в маленькие этюды об ученом. Таким — строгим по фактам и свободным в их изложении — ему виделся Словарь в идеале. Однако Ф.Ф. вполне осознавал, что подобное издание должно быть «создано совместными усилиями исследователей, работающих в разных звеньях нашей науки — не только в системе академических учреждений» и далее продолжал: «Видимо, пришло время обсудить принципы собирания такого словаря. Время связать между собой потенциальных его исполнителей и авторов».

Последняя задача была для Ф.Ф. принципиально важной, едва ли не более существенной, чем конкретный результат, ибо стремление к коллективной исследовательской работе, формирование старомодных, «братских» связей было одной из главных черт его мировоззрения. Щедрость и открытость этого человека исключала аптекарское взвешивание своего и чужого вклада в общее дело, подозрительность в мере «авторства». Создавая очередной список, он затем раздавал его всем, кто хотел и/или мог участвовать в дальнейшей работе. Последний такой список — репрессированных биологов — был сделан в марте 1993, за шесть месяцев до кончины Ф.Ф.Перченка. «Не имея сейчас возможности выбраться в архив или библиотеку, — писал он в коротком предисловии, — не добравшись до спра-

³ Вознесенский И. [псевд.] Материалы к истории Академии наук // Память: Исторический сборник. Вып.4. М., 1979 — Париж, 1981. С.469-495; Перченка Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып.1. М., 1991. С.163-235; Он же. Дело Академии наук // Природа. 1991. №4. С.96-104; Покровский М.Н. К отчету о деятельности Академии наук за 1926 год / Публ. Д.Рейзлина и М.Юрьевой [псевд.]. // Звенья: Исторический альманах. Вып.2. М., 1992. С.580-599.

⁴ Отметим, что все сведения списка, по замыслу Ф.Ф.Перченка, должны были иметь указания на источник, а справочные статьи сопровождаться библиографией основных трудов ученого и литературой о нем.

вочных изданий и до периодики последних лет, ограничившись лишь имеющимся дома, — все же печатаю⁵ этот список в крайне несовершенном виде — как *ПРИГЛАШЕНИЕ К СОСТАВЛЕНИЮ СЛОВНИКА*⁶.

Сегодня имя самого Феликса Федоровича для многих исследователей тоже стало своего рода приглашением к совместной работе. На выходе второй, дополненный и расширенный выпуск «Репрессированных геологов», готовится объемистый том по востоковедам... Надеемся, что и публикуемый список⁷ не останется без отклика, — и, в свою очередь, приглашаем всех к сотрудничеству.

Список использованных сокращений

АМН — Академия медицинских наук
АН — Академия наук
АК — Археографическая комиссия
БГУ — Белорусский государственный университет
ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук
им. В.И.Ленина
ВИМС — Всесоюзный институт минерального сырья
ВИР — Всесоюзный институт растениеводства
ВК ВС — Военная коллегия Верховного суда
ВМА — Военно-медицинская академия (Ленинград)
ВМН — высшая мера наказания
ВРК — Военно-революционный комитет
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГОИ — Государственный оптический институт
ГОИН — Государственный океанографический институт
ГОМЗ — Государственный оптико-механический завод
ГПБ — Государственная публичная библиотека (Ленинград)
ГПУ — Государственное политическое управление
ГЭС — гидроэлектростанция
ДПЗ — Дом предварительного заключения
ЖРД — жидкостный реактивный двигатель
ИАН — Императорская Академия наук
ИВ — Институт востоковедения
ИГЕН — Институт геологических наук
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М.Горького
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
ИФП — Институт физических проблем (Москва)
КБ — конструкторское бюро

⁵ Имелся в виду машинописный вариант.

⁶ Выделено Ф.Ф.Перченком.

⁷ С учетом новой литературы нами внесены в список некоторые дополнения и изменения.

КСУ — Комиссия содействия ученым
ЛВО — Ленинградский военный округ
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛФТИ — Ленинградский физико-технический институт
ЛЭТИ — Ленинградский электротехнический институт
МВД — Министерство внутренних дел
МВТУ — Московское высшее техническое училище
МГБ — Министерство государственной безопасности
МГУ — Московский государственный университет
МИФЛИ — Московский институт философии, литературы и истории
МЭМИ — Московский электромашиностроительный институт
НИИ — научно-исследовательский институт
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НТО — научно-технический отдел
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ОКБ — Особое конструкторское бюро
ОКБ-РД — Опытно-конструкторское бюро по реактивным двигателям.
ОСО — Особое совещание
ПДА — Петербургская (Петроградская) духовная академия
ПП ОГПУ при ЛВО — Полномочное представительство Объединенного государственного политического управления при Ленинградском военном округе
РАН — Российская Академия наук
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов по общественным наукам
РНИИ — Реактивный научно-исследовательский институт
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СЛАГ — Соловецкий лагерь
СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения
СНК — Совет народных комиссаров
СНР — Секция научных работников
СО АН СССР — Сибирское отделение АН СССР
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
ТГУ — Тбилисский государственный университет
УАН — Украинская Академия наук
УГБ — Управление государственной безопасности
УК — Уголовный кодекс
УНКВД — Управление НКВД
ФИАН — Физический институт АН СССР
ЦАГИ — Центральный аэрогидродинамический институт
ЦКБ — Центральное конструкторское бюро
ЧК — Чрезвычайная комиссия
чл.-корр. — член-корреспондент

Абрамович Дмитрий Иванович (1873-1955) — филолог-славист, палеограф, источниковед. Чл.-корр. РАН с 1921. К моменту ареста — главный библиотекарь ГПБ (Ленинград), зав. ее I отделением (филиалом) — Библиотекой бывшей Санкт-Петербургской Духовной академии. Арестован в 1927 (не ранее мая). На Соловках, видимо, до начала навигации 1928; составлял там описание монастырского кладбища.

Агеев Николай Владимирович (1873-1983) — химик и металлург. Чл.-корр. АН СССР с 1946, академик с 1968. Сотрудник Института общей и неорганической химии и Института металлургии АН СССР. Арестовывался, возможно, в 1940-1942 и, что более вероятно, в 1949-1951.

Айналов Дмитрий Власьевич (1862-1939) — историк искусства. Чл.-корр. Петербургской АН с 1914. Профессор Петербургского университета. В заключении — в 1930-е годы.

Андреев Михаил Степанович (1873-1948) — иранист-этнограф, лингвист-диалектолог. Чл.-корр. АН СССР с 1929, академик АН УзбССР. Первый ректор (1918-1920) и преподаватель (до 1947) Туркестанского Восточного института (затем Восточного факультета САГУ). В 1932 подвергнут административной высылке в Алма-Ату на 3 года. Возвращен в Ташкент досрочно, примерно в 1943.

Антипин Петр Федорович (1890-1960) — специалист в области металлургии. Чл.-корр. АН СССР с 1939. Профессор Ленинградского Политехнического института. Возможно, был арестован в 1938 и, что более вероятно, около 1949-1950.

Арбузов Борис Александрович (р. 1903) — химик-органик. Чл.-корр. АН СССР с 1943, академик с 1953. Арестован в 1937, освобожден в мае 1939 за прекращением дела.

Баев Александр Александрович (р. 1903/04) — биохимик, специалист по молекулярной биологии. Чл.-корр. АН СССР с 1968, академик с 1970. К моменту первого ареста — ученый секретарь Института биохимии им. А.Н.Баха. Арестован в Москве 30 апреля 1937 по делу о «террористической организации молодых бухаринцев». На следствии — в Казани, где в 1903-1932 участвовал в семинаре по методологии биологии профессора В.Н.Слепкова (брат известного «бухаринца»). Суд — в Москве, в Лефортове, 19 сентября 1937. Приговорен ВКВС к 10 годам заключения, плюс пять лет поражения в правах. После примерно двух недель в Бутырской тюрьме и месяца во Владимирской — этап в Кемь и Соловецкая тюрьма. 10 месяцев в общей камере на острове Большая Муксол-

ма, затем камера №79 в кремле. Летом 1939 Баева, как и других узников Соловецкой тюрьмы, выпустили из камер и стали водить на работу, продолжавшуюся несколько недель. Работал на кладбище (раскопка могил монахов), либо на пляже (уборка валунов — подготовка взлетно-посадочной полосы). При ликвидации Соловецкой тюрьмы этапирован морем в Дудинку, оттуда по железной дороге в Норильск. С августа 1939 — в Норильлаге, исполнял обязанности врача. Освобожден по сокращению срока 30 апреля 1944, оставлен на поселении в Норильске. Благодаря помощи В.А.Энгельгардта, сохранившего текст кандидатской диссертации Баева, закончил работу над нею. По разрешению МВД приехал ненадолго в Москву (где месяц жил и работал на квартире Энгельгардта) и в Ленинград (где в июне 1946 защитил диссертацию в Институте физиологии у Л.А.Орбели). В 1947, получив возможность покинуть Норильск, но имея «минусы» (запрещение жить в ряде городов), нашел подходящее место лишь в Сыктывкаре. К моменту второго ареста — зав. биохимической лабораторией Коми филиала АН СССР. Арестован в феврале 1949 в Сыктывкаре, постановлением ОСО от 25 мая 1949 сослан «навечно» в Сибирь. Отбывал ссылку в селе Нижнее Шадрино Ярцевского района Красноярского края, был там врачом. Освобожден в сентябре 1954, реабилитирован 11 сентября 1957.

Баландин Алексей Александрович (1898-1967) — химик-органик, создатель крупнейшей школы химиков-катализаторов. Любимый ученик академика Н.Д.Зелинского. Чл.-корр. АН СССР с 1943, академик с 1946. К моменту первого ареста в 1936 — профессор МГУ. Зелинский добивался приема у Сталина до тех пор, пока Баландин не был выпущен из тюрьмы (в 1937-1939 находился в административной ссылке в Оренбурге). К моменту второго ареста Баландин был лауреатом Сталинской премии (1946), профессором МГУ, научным сотрудником Института органической химии АН СССР. Взят в 1949, в том же году исключен из академиков. При попытке Зелинского вмешаться ему дали понять, что это приведет к обратному результату и, кроме того, плохо кончится для самого Зелинского (которому к тому времени исполнилось почти 80 лет). Баландин осужден на 10 лет и отправлен в Норильск, отсидел 4 года. Выйдя на волю, восстановлен в звании академика с 13 июня 1953 (распоряжение Президиума АН №2-1112).

Бахрушин Сергей Владимирович (1882-1950) — историк Московской Руси и Сибири, источниковед. Из семьи известных московских купцов и благотворителей. Чл.-корр. АН СССР с 1939.

В момент первого, сравнительно недолгого, ареста в 1918 (август?) — приват-доцент Московского университета, ко второму аресту профессор там же. Схвачен в Москве 8 августа 1930 по «делу АН», переведен в ленинградскую тюрьму. По сценарию ОГПУ объявлен активным членом «московской секции Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». В печати обвинен в том, что уводил историков и краеведов от насущных проблем советского строительства. Коллегией ОГПУ 8 августа 1931 приговорен к ссылке на 3 года. Отбывал ссылку в Семипалатинске, преподавал там в педагогическом и геологическом институтах. С 1933 снова в Москве.

Белоновский Георгий Дмитриевич (1875-1950) — микробиолог, медик-бактериолог. Чл.-корр. АН СССР с 1929. Сидел в 1930-е годы (возможно, был взят в 1931 или в 1933 в связи с «делом микробиологов», затронувшим едва ли не большую часть этих специалистов в масштабе всей страны).

Белопольский Аристарх Аполлонович (1854-1934) — астроном, астрофизик. С 1900 адъюнкт, с 1903 экстраординарный, с 1906 ординарный академик Петербургской АН. Директор Пулковской обсерватории до конца июня 1919. Незадолго до его ареста Пулковским ревкомом были реквизированы велосипеды, два из которых («незарегистрированные лисапеды») принадлежали Белопольскому, что вызвало его протест. Местными (детскосельскими) чекистами подвергнут обыску в обсерватории 30 июля 1919, после которого в ответ на шутку академика, воспринятую как издевательство над ЧК, арестован «как контрреволюционер». Утром 31 июля под конвоем отправлен в дом предварительного заключения в Детском (б.Царском) Селе, где пробыл до 5 августа. «Во время пребывания в заключении я старался облегчить моим товарищам (16 человек) заключение и прочел им ряд популярно научных лекций. Должен сознаться, что нежно внимательное ко мне отношение моих товарищей по заключению до слез меня трогало и оставило неизгладимое на меня впечатление». Вновь арестован в ночь на 20 сентября 1919.

Бенешевич Владимир Николаевич (1874-1938) — византиновед, археограф, историк церковного права. Чл.-корр. РАН с 1924; член Академий в Страсбурге (1912), Мюнхене (1927) и Берлине (1929). На протяжении многих лет между арестами и до них — профессор Петербургского (Ленинградского) университета и сотрудник ГПБ. В июле 1922 — обвиняемый на процессе митрополита Петроградского Вениамина. Сидел около полугода. Освобожден «за недоказанностью вины». Вновь арестован в 1924. В свя-

зи с желанием советского правительства наладить отношения с Польшей, освобожден из заключения (в соответствии с условием, поставленным президентом Польши) и отправлен на самолете в Варшаву. Во время пребывания за границей как раз и избран (6 декабря 1924) членом-корреспондентом РАН. 25 ноября 1928 арестован в Ленинграде по одному из религиозных «дел», помещен в ДПЗ, постановлением Коллегии ОГПУ от 14 июня 1929 сослан в Кемь (Соловецкие лагеря). 28 февраля 1930 арестован в СЛОН по «делу АН», привезен в Ленинград, включен в число главных обвиняемых. Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 приговорен по ст.58, п.11 к заключению в концлагерь на 5 лет. По 5 лет получили и брат Бенешевича, и его жена — дочь почетного члена АН, филолога-классика Ф.Ф.Зелинского, уехавшего в Польшу и ставшего там профессором Варшавского университета. Бенешевич находился в Ухтпечлаге (командировка I отделения Баб-Губа) до февраля-марта 1933. Вернувшись в Ленинград, застал свою библиотеку разоренной дотла — частью или целиком погибли многие работы и свыше двух тысяч фотоснимков. Из 49 описаний рукописей, сделанных Бенешевичем в библиотеках разных стран, сохранились три. Последнему аресту Бенешевича предшествовал погромный обыск в его квартире (5 сентября 1937) и арест обоих его сыновей-близнецов, а также кампания против ученого в связи с публикацией им в Мюнхене самой крупной своей работы по истории византийского права. За месяц с небольшим до ареста Бенешевича Президиум АН СССР решил внести в Общее собрание АН предложение о лишении Бенешевича звания члена-корреспондента (исключен Общим собранием 29 апреля 1938). Арестован 27 ноября 1937. Часть времени, видимо, провел в тюремной больнице (страдал серьезными заболеваниями сердца и печени). Коллегией НКВД 17 января 1938 приговорен к ВМН, расстрелян 27 января 1938. В 1938 расстреляны также сыновья Бенешевича и его брат. Приговоры 1929 и 1938 отменены Военным трибуналом ЛВО 20 августа 1958, приговор 1931 — ВК ВС 20 июля 1967. В Академии наук восстановлен постановлением Президиума АН 19 декабря 1958.

Берг Аксель Иванович (1893-1979) — специалист в области радиотехники и кибернетики. Чл.-корр. АН СССР с 1943, академик с 1946. Инженер-адмирал (1955). В заключении — с конца 1937 до начала 1940 (около 900 дней). Работал в шараге, руководил разработкой военных систем связи.

Берков Павел Наумович (1896-1969) — историк литературы, книговед, культуролог; специалист по русской литературе

XVIII века. Чл.-корр. АН СССР с 1960. Член АН в Берлине (1967). Советский подданный с 1922 (родом из Бессарабии, окончил Венский университет). К моменту ареста — профессор ЛГУ и сотрудник Пушкинского Дома. Арестован в Ленинграде 17 июня 1938. Сидел в Крестах и во внутренней тюрьме УГБ при УНКВД по Ленинградской области (Большой дом на улице Воинова), несколько месяцев — в одиночке. На языке узников той поры, обвинения им «липили» (добивались «липовых» показаний). Беркову откровенно сказали, что «германских шпионов» набрали столько, что «сажать некуда», а вот австрийских — нет ни одного. Обвинен в том, что он-то и есть «австрийский резидент Беркофф». Сначала, несмотря на пытки, Берков «не сознавался». Затем, в расчете на будущий суд, сочинил большие «показания», где на разных языках использовалось название дерева «липа»: одним его агентом был Лыхмус («липа» по-эстонски), другим — дама по имени Тился (от латинского *tilia* — «липа»), встречи в Берлине происходили на Унтер ден Линден и т.д. Переведен в большую общую камеру, где для поддержания духа предложил обмен лекциями; сам прочел курс по русской литературе. В «бериевскую оттепель» дело его было направлено на пересмотр. Из-под стражи Берков освобожден 15 августа 1939 «в связи с прекращением его дела» (следственное дело №54699 1938 года).

Бертельс Евгений Эдуардович (1890-1957) — иранист и тюрколог. Чл.-корр. АН СССР с 1939. Член Академий в Тегеране (1944), Ашхабаде (1951), Дамаске (1955). К моменту первого ареста — сотрудник Азиатского музея, Института истории искусств, преподаватель ЛГУ и Ленинградского института живых восточных языков. Трижды арестован в Ленинграде, каждый раз — ненадолго. В октябре 1922, в 1925 — как «французский шпион», в 1941 — как «немецкий».

Боголепов Константин Владимирович (1913-1983) — геолог, специалист в области теоретической и региональной тектоники. Чл.-корр. АН СССР с 1981. В первый раз арестован 19-летним юношей. За два года до этого закончил геологоразведочные курсы при Ленинградском Горном институте, работал в Хибинской экспедиции; в год ареста, кажется, опубликовал свою первую научную статью. Арестован в 1932, заключен в тюрьму (Ленинград), судим 16 марта 1933. В лагерях до 1943: строил железную дорогу на Сахалине, был на лесоповале. Затем последовала ссылка (Хабаровский край): печник, санитар, плотник. Был и геологом (железная дорога Известковая—Ургал; строительство тоннелей). После ссылки недолго работал в европейской части России. На-

чальник отряда Онежской геологосъемочной партии Северного геологического управления в 1948-1949. Вновь взят в 1949, сослан в Красноярский край, работал там в геологических партиях Енисейстроя МВД. Судимость за первый срок снята в 1958.

Богословский Михаил Михайлович (1867-1929) — историк России XVIII в., особенно петровского времени. Чл.-корр. РАН с 1920, академик с 1921. Попал в полосу массовых арестов московской интеллигенции в связи с «делом Национального центра». Взят чекистами осенью (может быть, в самом конце августа) 1919 на квартире историка Д.М.Петрушевского (зашел за женой, пришедшей на домашний концерт дочери Петрушевского). Привезен в Особый отдел ВЧК на Лубянке, на другой день отправлен вместе с женой в Бутырскую тюрьму. Обстоятельства освобождения неизвестны. После смерти объявлен, вместе с академиком С.Ф.Платоновым (друг Богословского, у которого тот останавливался во время своих приездов в Питер), инициатором и создателем контрреволюционной подпольной организации.

Богоявлёнский Сергей Константинович (1871-1947) — историк России, археолог, архивист. Чл.-корр. АН СССР с 1929. К моменту ареста прослужил в архивных органах на разных должностях свыше 30 лет. В 1922-1929 профессор МГУ по кафедре архивоведения. Арестован в Москве по «делу АН» (в августе 1930?), привезен в Ленинград в составе «московской секции заговорщиков». Из всех академиков и членов-корреспондентов, взятых по этому делу, получил наиболее суровый приговор. Осужден Тройкой ПП ОГПУ при ЛВО 10 февраля 1931 на 10 лет лагерей. Отправлен в карельские лагеря (Лей-Губа?); некоторое время, возможно, был на Соловках. Переведен в ссылку в Сибирь, освобожден не позднее 1936. Из состава АН, как и большинство других членов-корреспондентов, взятых по тому же делу, не исключался.

Брилинг (Бриллинг) Николай Романович (1876-1961) — специалист в области механики и теплотехники, инженер-конструктор по двигателям. Чл.-корр. АН СССР с 1953. Действ. член Академии артиллерийских наук с 1947. Подробности первого ареста (1923) неизвестны. Арест 1930 связан с «делом Промпартии». В 1930-1933 заведовал ОКБ по проектированию автотанковых и авиационных двигателей НКВД (одна из ранних шарая). С 1932 он профессор Московского автодорожного института — видимо, к этому времени и относится его освобождение.

Бриллиантов Александр Иванович (1867-1933) — историк древней церкви. Чл.-корр. РАН с 1919. Профессор Петроградской ду-

ховной академии; после революции продолжал работать в библиотеке ПДА, ставшей филиалом ГПБ. Умер в ссылке в Тамбове.

Бубрих Дмитрий Владимирович (1870-1949), языковед, основатель советской школы финно-угроведения. Чл.-корр. АН СССР с 1946. Арестован около 1933 или (и?) около 1938.

Бухарин Николай Иванович (1888-1938) — экономист, теоретик марксизма, партийно-государственный деятель. Академик с 1929 по 21 мая 1937 (исключен Общим собранием). До второй половины января 1937 — ответственный редактор «Известий». Заявление Прокуратуры СССР о начале следствия по делу Бухарина, Рыкова, Томского, Радека опубликовано 21 августа 1936; 10 сентября появилось заявление Прокуратуры о том, что следствие по делу Бухарина и Рыкова прекращено за неимением юридических данных для привлечения к уголовной ответственности. Через некоторое время прекратилось поступление жалования Бухарину от АН СССР. Арестован вечером 27 февраля 1937 по делу об «анти-советском правотроцкистском блоке». Арест произведен непосредственно на пленуме ЦК ВКП(б), куда Бухарин срочно вызван из дома. 3 марта 1937 на основании следственных материалов исключен пленумом из состава ЦК и из партии. В заключении работал над книгой «Деградация культуры при фашизме». ВК ВС приговорен 13 марта 1938 к расстрелу, расстрелян 15 марта. Реабилитирован 4 февраля 1988, восстановлен в партии 21 июня 1988. Восстановлен в АН на сессии Общего собрания 18-20 октября 1988.

Буш Николай Адольфович (1869-1941) — ботаник. Чл.-корр. РАН с 1920. К моменту ареста — сотрудник Ботанического музея АН, зав. кафедрой ботанической географии Петроградского университета. Арестован в Петрограде в первых числах сентября 1919, во время массовых арестов «кадетской и околкадетской публики» (выражение Ленина). Выпущен, видимо, во второй половине сентября.

Былыницкий-Бируля (Бируля) Алексей Андреевич (1864-1937) — зоолог, зоогеограф, полярный исследователь. Чл.-корр. РАН с 1923. Перед чисткой АН СССР — директор Зоологического музея, профессор ЛГУ. Летом 1929 во время чистки вступился за своего сотрудника. Снят с директорства 23 ноября 1929 и до момента ареста временно исполнял должность старшего зоолога Зоологического музея. Арестован 16 ноября 1930. Осужден Тройкой ПП ОГПУ при ЛВО 10 февраля 1931 на 3 года лагеря. Отбывал срок в Белбалтлаге (на командировке Сесежа — лекпомом). Формальное исключение его из членов-корреспондентов АН нам не-

известно, однако упоминание о его членстве в АН из литературы последующих лет выпало. После возвращения из лагеря в научных учреждениях, кажется, больше не работал.

Вавилов Николай Иванович (1887-1943) — ботаник, географ, генетик, селекционер. Чл.-корр. АН СССР с 1923, академик в 1929-1940 (исключен из списка академиков без утверждения Общим собранием). Член Академий в Галле (1929), Праге (1936), Аллахабаде (1937), Эдинбурге (1937), член Лондонского Королевского общества (1942). В момент ареста — начальник Комплексной (агроботанической) экспедиции Наркомзема СССР в западные районы Украинской и Белорусской ССР. Постановление на арест Вавилова дано начальником Главного экономического управления НКВД СССР А.З.Кобуловым и 6 августа 1940 утверждено наркомом (Л.П.Берия). Вечером того же дня Вавилов задержан в Черновцах и самолетом увезен в Москву «для срочных переговоров». Санкция на арест дана 7 августа 1940 заместителем Генерального прокурора СССР Г.Н.Сафоновым. Первый допрос состоялся 12 августа во Внутренней тюрьме НКВД. Всего за 11 месяцев следствия Вавилов выдержал около 400 допросов общей продолжительностью около 1700 часов, 24 августа 1940 признал себя «участником антисоветской организации правых, существовавшей в системе Наркомзема СССР». Во время перерыва в допросах (сентябрь 1940—март 1941) написал книгу «История развития земледелия» («Мировые ресурсы земледелия и их использование»). Тюремные рукописи Вавилова, «как не вошедшие в материалы следствия», уничтожены в июне 1941. ВК ВС СССР под председательством В.В.Ульриха 9 июля 1941 приговорен к расстрелу, 26 июля переведен в Бутырскую тюрьму для приведения приговора в исполнение. Утром 15 октября его посетил представитель Берии и пообещал, что Вавилова оставят жить и предоставят ему работу по специальности. В связи с наступлением немцев на Москву этапирован в Саратов 16-29 октября, помещен в 3-й корпус тюрьмы №1 г.Саратова. Решением Президиума Верховного Совета СССР 23 июня 1942 расстрел в порядке помилования заменен 20-ю годами заключения. В тяжелой стадии дистрофии Вавилов поступил в тюремную больницу за два дня до смерти, скончался утром 26 января 1943. Реабилитирован 20 августа 1955 постановлением ВК ВС СССР. Восстановлен в АН 9 сентября 1955 постановлением Президиума АН.

Вальтер Александр Филиппович (1898-1941) — физик, специалист по диэлектрикам. Чл.-корр. АН СССР с 1933. С 1936 директор научно-исследовательской Лаборатории материалов, отде-

лившейся от Ленинградского физико-технического института. Арестован 4 сентября 1941 как «немец» (по ст. 58-1а), 8 октября 1941 этапирован в Новосибирск «для дальнейшего ведения следствия и содержания под стражей», но по дороге погиб в результате тяжелых условий перевозки заключенных в трюме баржи. Реабилитирован в 1955.

Вальтер Петр Александрович (1888-1947) — математик, специалист в области механики. Чл.-корр. АН СССР с 1933. Арестован в 1937. В «туполевской шараге» до 1942; в конце жизни, видимо, в подобной же шараге в Таганроге. Умер в Таганрогской тюрьме.

Векшинский Сергей Аркадьевич (1896-1974) — специалист в области электроники и вакуумной техники. Чл.-корр. АН СССР с 1946, академик с 1953. Незадолго до ареста снят с должности главного инженера завода «Светлана», переведен в конструкторы Отраслевой вакуумной лаборатории (Ленинград). Его коллега З.И.Модель так описал случившееся: «Векшинский имел несчастье совсем молодым человеком побывать за границей: будучи студентом-политехником, был послан для закупки оружия и боеприпасов в США. Арестовали его в конце ежовщины. Сутки простоял на допросе: "Будешь стоять, пока не признаешься". — "В чем?" — "Не знаю, признавайся!" Признался, что шпионил в пользу Германии, Англии, Франции и Америки. "Что-то многовато... Ну ладно, пиши". Выпустили вскоре после замены Ежова Берией. Приняли в ВКП(б). На заводе оставили консультантом». Просидел Векшинский полтора года — с начала 1938 до второй половины 1939. (Заметим в скобках, что наборы «репрессантов» в Академию, в которые попал Векшинский, весьма характерны. В 1946 академиками стали А.А.Баландин, А.И.Берг, В.В.Виноградов, Л.Д.Ландау, П.И.Лукирский, А.И.Некрасов, В.И.Пичета, Б.Б.Полынов, П.А.Рембиндер, а членами-корреспондентами — С.Б.Веселовский, Е.Ф.Гросс, Е.М.Крепс, А.Л.Минц, Н.В.Пигулевская, Б.С.Стечкин, Г.В.Церетели. В 1953 вместе с Векшинским были избраны в «полные академики» С.Я.Жук, И.Е.Тамм, И.И.Толстой, А.Н.Туполев, Б.С.Стечкин, а в члены-корреспонденты — Н.Р.Брилинг, В.П.Глушко, С.П.Королев, А.Н.Криштофович, Д.С.Лихачев, А.Б.Мигдал, К.Р.Чепиков).

Вернадский Владимир Иванович (1863-1945) — естествоиспытатель. Адъюнкт Петербургской АН с 1906, академик с 1908. В ноябре 1917 после опубликования приказа ВРК о его аресте бежал из Петрограда. В начале 1921 выслан советскими властями из Крыма (в момент взятия Крыма Красной армией — ректор Таври-

ческого университета). Арестован утром 14 июля 1921 в Петрограде «летучим отрядом» Губчека под руководством «товарища Иванова». Отвезен на Гороховую, 2 (в ЧК), в ночь на 15 июля переведен на Шпалерную (в ДПЗ). Вечером 15 июля подвергнут допросу, поздно вечером в тот же день освобожден благодаря заступничеству крупных деятелей культуры (наиболее эффективным, по мнению Вернадского, оказалось обращение вице-президента АН В.А.Стеклова к недавнему комиссару Балтфлота Н.Н.Кузьмину).

Веселовский Степан Борисович (1876-1952) — историк России, археограф, генеалог. Чл.-корр. АН СССР с 1929. Профессор МГУ. По-видимому, арестовывался в связи с «делом историков» («дело АН») — скорее всего, в 1931. Из списка членов-корреспондентов не исключался. В 1930-1935 не было напечатано ни одной его работы.

Виноградов Виктор Владимирович (1894/95-1969) — филолог-русист, специалист в различных областях лингвистики; в начальный период своей научной деятельности (1917) — историк церковного раскола. Академик АН СССР с 1946. Иностраный или действительный член девяти зарубежных Академий. С 1930 по 1968 работал в МГУ и московских институтах (с перерывами). Арестован в Москве 8 февраля 1934, до апреля в тюрьме на Лубянке. Несколько дней провел в Горьковской тюрьме. Приговорен сначала к трехлетней ссылке в пределах Горьковского края. При освобождении из тюрьмы, 17 апреля 1934, получил предписание ехать в Вятку. Отбывал ссылку в Вятке с 18 апреля 1934 по 1 мая 1936. В 1936 ссылка заменена «минусом» до окончания трехлетнего срока, и с мая Виноградов жил в Можайске, получив даже возможность преподавать в Москве (выгнали в конце 1938). Прописку в Москве получил в марте 1939, на другой же день после прямого обращения к Сталину. «Как социально опасный элемент» выслан в Тобольск 7 августа 1941; находился в ссылке до 2 июня 1943.

Вознесенский Николай Алексеевич (1903-1950) — экономист, партийно-государственный деятель. Академик АН СССР в 1943-1949 (исключен не позднее 12 ноября 1949). Освобожден со всех занимаемых постов — в их числе зам. пред. СНК СССР, пред. Госплана СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б) — в начале 1949. С поста председателя Госплана снят постановлением Совмина СССР от 5 марта 1949; 12-13 сентября 1949 опросом Пленум ЦК ВКП(б) одобрил исключение Вознесенского из ЦК и привлечение его к судебной ответственности «за утрату документов Госпланом СССР».

В «Нескольких рассказах о вожде» из собрания М.Я.Гефтера находим некоторые существенные объяснения:

«Инициатором на этот раз был не сам Сталин. Вознесенского не любили. Став еще до войны первым зампредом СНК, он сохранил этот пост и тогда, когда Молотов из Председателя СНК превратился в заместителя. Вознесенский лез в гору, был самоуверен, чванлив и хамоват (к слову сказать, был он еще и отменным матерщинником, но не это, конечно, коробило его высокопоставленных коллег). Старые члены Политбюро рассматривали Вознесенского как выскочку, которого надо было остановить. Для Маленкова и Берии он был опасным конкурентом. Сталина настраивали против него, подбрасывая все новые и новые факты». И далее: «По рассказу бывшего работника Госплана, экономиста, непосредственных поводов было два. Существовал порядок, согласно которому план первого квартала всегда должен был быть больше, чем реальное производство последнего квартала предшествовавшего года. А тот год (видимо, 1948) был удачливый: и урожай ничего, и промышленность. Осторожный Вознесенский дал указание "утаить" часть произведенного в конце года, дабы сделать более реальным план на следующий год. Это дало возможность обмануть его в обмане правительства. Берия выудил соответствующее признание у одного из руководящих работников Госплана и преподнес его Хозяину. Вдобавок Вознесенский имел привычку уничтожать черновики плановых разработок, что строжайше запрещалось. Всякая бумажка подлежала передаче специальным службам, где ее регистрировали, уничтожение же следовало активировать. Так Вознесенский оказался виновным в нарушении режима секретности».

Перед арестом Вознесенский работал над рукописью «Политической экономики коммунизма» (около 35 печатных листов; не сохранилась). Арестован по «ленинградскому делу» 27 октября 1949. Предложения о приговорах по этому делу В.С.Абакумов представил Сталину 18 января 1950. Предложение о расстреле Вознесенского Политбюро утвердило 30 сентября 1950. Судебный процесс состоялся в Ленинграде 29-30 сентября 1950. В ночь на 1 октября оглашен приговор, и час спустя, в 2 ч. 00 мин. 1 октября 1950, Вознесенский был расстрелян. Восстановлен в числе академиков в 1953. Из партии не исключался; членство его с 1919 подтверждено Комиссией партийного контроля при ЦК КПСС 26 февраля 1988.

Вологдин Александр Григорьевич (1896-1971) — геолог, палеонтолог. Чл.-корр. АН СССР с 1939. В момент ареста — зав. Ла-

бораторией древнейших организмов Палеонтологического института АН. Арестован в Москве 31 марта 1949 в числе других геологов Москвы, Ленинграда, Сибири («красноярское дело»). Постановлением ОСО МГБ СССР от 28 октября 1950 осужден на 25 лет лагерей. Отправлен на Колыму. До 1951 на общих работах, затем — бригадир группы заключенных геологов, работавших в научно-методическом отделе Северо-Восточного геологического управления (Магадан). На работу ходили в город, ночевать возвращались в зону. Реабилитирован 31 марта 1954, освобожден в апреле, восстановлен в звании члена-корреспондента 14 мая того же года постановлением Президиума АН (§524).

Ворожцов Николай Николаевич (младший) (1907-1979) — химик-органик. Чл.-корр. АН СССР с 1958, академик с 1966. В 1929 окончил МВТУ, с 1930 на преподавательской работе. Профессор Московского химико-технологического института (с 1939). В 1958-1976 директор Новосибирского института органической химии СО АН СССР. Возможно, арестовывался в середине 1930-х.

Ган Владимир Юльевич (1876-?) — специалист в области сельскохозяйственного машиностроения, технологии металла и дерева. Чл.-корр. АН СССР с марта 1932. В том же году выбыл за границу и остался за рубежом. Потом вернулся. Арестован в сентябре 1937. Был тогда, кажется, профессором Новочеркасского индустриального института (бывший Донской политехнический). Исключен Общим собранием АН 29 апреля 1938 (§5), посмертно восстановлен постановлением Президиума АН 11 августа 1967 (№711).

Гедройц Константин Каэтанович (1872-1932) — почвовед, агрохимик. Чл.-корр. АН СССР с 1927, академик с 1929. В 1918-1930 профессор, зав. кафедрой почвоведения Лесного института, в 1928-1930 директор Почвенного института АН СССР. С 1930 руководитель Долгопрудненского опытного поля под Москвой. Арестован?

Герц (Херц) Густав Людвиг (1887-1975) — физик (основные исследования в области спектроскопии; Нобелевская премия, 1925). Иностраный член АН СССР с 1958. Член Академий наук ряда стран. До 1945 — директор научно-исследовательской лаборатории Сименса (Берлин). Захвачен в 1945, перевезен в СССР, где находился до 1954. Работал в закрытом учреждении (типичная «шарага»), связанном с осуществлением атомных проектов СССР. Получил Сталинскую премию (1951).

Гессен Борис Михайлович (1893-1938) — философ, занимался философскими вопросами физики. Чл.-корр. АН СССР с 1933. В момент ареста — зам. директора Физического института АН.

Арестован не позднее 1 сентября 1936, погиб. Исключен из АН Общим собранием 29 апреля 1938, восстановлен Общим собранием 5 марта 1957 (§40).

Глушко Валентин Петрович (1908-1989), — специалист в области ракетной техники. Чл.-корр. АН СССР с 1953, академик с 1958. Арестован в ночь на 23 марта 1938 при разгроме Реактивного НИИ (Москва), где занимался конструированием жидкостных реактивных двигателей (ЖРД). Сидел в Бутырьках. Обвинительное заключение по его делу завизировано А.З.Кобуловым примерно год спустя после ареста. Приговорен 15 августа 1939 к 8 годам заключения. Направлен на авиазавод в Тушино, затем, в конце 1939, в Казань. В качестве Главного конструктора по ЖРД руководил ОКБ Казанского авиационного моторостроительного завода, созданным в 1941 и находившимся в ведении НКВД. Освобожден от заключения со снятием судимости указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1944 (тем же указом, что и С.П.Королев). Оставаясь засекреченным и не вполне свободным почти до самого конца жизни, работал на территории Германии, Чехословакии и Австрии в Технической комиссии по изучению немецкой трофейной ракетной техники (1945-1946), с 1947 руководил двигателестроительным ОКБ, с 1974 — научно-производственным объединением «Энергия». Стал Главным конструктором космических реактивных двигателей и ракетно-космических систем.

Глушков Виктор Григорьевич (1883-1937) — гидролог, специалист в области гидротехники и гидродинамики. Чл.-корр. АН СССР с 1932. К моменту ареста — директор Гос. гидрологического института, руководитель работ по водному кадастру СССР. Арестован 26 декабря 1936 в Кисловодске в санатории КСУ. Перевезен для следствия в Ленинград. Осужден 22 мая 1937 Тройкой по ст.58, пп.7,8,11 к ВМН. Расстрелян 23 мая 1937. Исключен из АН 29 апреля 1938. Решением Общего собрания АН восстановлен 5 марта 1957. Реабилитирован 14 марта 1956.

Горбунов Николай Петрович (1892-1938) — инженер-технолог, географ, государственный деятель. Академик АН СССР с 1935. С того же года — Непременный секретарь АН. В июне 1937 эта должность упразднена, и Горбунов отставлен от дел. Арестован дома 19 февраля 1938, получил «высшую меру» 7 сентября 1938. Расстрелян в день приговора. Общими собраниями АН исключен из академиков 29 апреля 1938, восстановлен 2 февраля 1955. Реабилитирован 13 марта 1954.

Готье Юрий Владимирович (1873-1943) — историк России, археолог. Чл.-корр. РАН с 1922, академик с 1939. К моменту ареста

— главный библиотекарь Всесоюзной библиотеки им. В.И.Ленина (Москва); преподавал также в Институте народов Востока, был членом Археографической комиссии, работал в московской секции ГАИМК. Арестован 8 августа 1930 в Москве по «делу АН», «сознался», что возглавил «московскую секцию заговорщиков». Приговорен 8 августа 1931 к 5 годам концлагеря, отправлен из Ленинграда, где арестованные находились под следствием и ожидали затем решения Коллегии ОГПУ, в Ухтпечлаг. Из АН не исключался. Выпущен до конца срока, жил некоторое время в Самаре, в 1934 вернулся в Москву.

Графтио Генрих Осипович (1869-1949) — гидроэнергетик и инженер. Академик АН СССР с 1932. В момент ареста — профессор Петроградского электротехнического института, автор проектов Волховской и Свирской ГЭС, главный инженер Волховстроя. Руководитель строительства Свирской ГЭС. Арестован 11 марта 1921 по «делу Свирьстроя», когда по «сигналу» были арестованы все печи на строительстве. Освобожден как «крупный специалист» хлопотами Кржижановского и Ленина (постановление Петроградской ЧК о «непричастности к делу» Графтио), однако «делом Свирьстроя» был сорван весь строительный сезон 1921 года. Строительство Свирской (Нижне-Свирской) ГЭС вновь началось в 1928 и было закончено в 1933 в основном силами заключенных.

Гребеншиков Илья Васильевич (1887-1953) — химик-технолог, физико-химик. Академик АН СССР с 1932. В 1912-1932 преподаватель ЛЭТИ. Один из основателей ГОИ, где работал до 1947. В 1939-1941 директор Института общей и неорганической химии АН СССР, в 1948-1953 директор Института химии силикатов. В конце 1930-х — в заключении на Колыме.

Греков Борис Дмитриевич (1882-1953) — историк России. Чл.-корр. АН СССР с 1934, академик с 1935. Член Польской, Болгарской и Сербской академий. В момент ареста — сотрудник Археографической комиссии (АК) Академии наук (с ноября 1929 временно исполнял обязанности ученого секретаря АК), профессор ЛГУ. Арестован в сентябре 1930 в связи с «делом Академии наук», просидел в тюрьме несколько месяцев.

Григорьев Иосиф Федорович (1890-1949) — геолог, специалист по рудным месторождениям. Чл.-корр. АН СССР с 1939, академик с 1946. В 1945-47 главный геолог Комиссии по созданию отечественной базы атомного сырья: под его руководством разведаны урановые месторождения для первых советских урановых

бомб. В момент ареста — директор Геологического института АН СССР. Одна из главных фигур «красноярского дела», когда по безграмотному в научном отношении доносу корреспондента «Правды» множество геологов было обвинено в сокрытии урановых месторождений на территории Красноярского края. Арестован 31 марта 1949 у себя на квартире в Москве. Согласно первоначальной официальной версии, сообщенной родным, следствие продолжалось по октябрь 1950 и закончилось приговором ОСО МГБ СССР: 25 лет заключения без права переписки, с конфискацией имущества (по ст.58, пп.1а, 7, 10, 11; постановление ОСО от 28 октября 1950). Позднее пришло известие, что Григорьев скончался не в 1951, а гораздо раньше — 14 мая 1949, вернувшись в камеру после очередного допроса. Реабилитирован 31 марта 1954.

Гринберг Александр Абрамович (1898-1966) — химик-нефтяник. Чл.-корр. АН СССР с 1943, академик с 1958. До 1937 работал в Институте по изучению платины и других благородных металлов АН СССР, с 1936 профессор Технологического института. Арест в 1937?

Гросс Евгений Федорович (1897-1972) — физик, специалист в области оптики и спектроскопии. Чл.-корр. АН СССР с 1946. До ареста (на несколько дней) и административной высылки из Ленинграда — сотрудник ГОИ. Арестован 16 марта 1935 и на четвертый день постановлением ОСО выслан как «социально опасный элемент» в Саратов вместе со всей семьей; здесь работал доцентом Саратовского университета, в марте 1936 получил степень доктора физико-математических наук без защиты диссертации. Высылка отменена постановлением ОСО НКВД в Москве 8 августа 1936 (извещение Прокуратуры СССР от 22 августа 1936). Реабилитирован в 1989.

Грушевский Михаил Сергеевич (1866-1934), историк Украины и украинской литературы. Непосредственно после возвращения из эмиграции избран действительным членом Украинской АН (1924); академик АН СССР с 1929. Президент УАН с декабря 1929. В 1931 арестован в Москве, когда выехал на сессию АН СССР. Арестован по делу «Украинского национального центра». Дело вскоре остановлено, но Грушевский по освобождению должен был остаться в Москве, возвращение на Украину было ему запрещено до конца жизни. Его книги оказались под запретом, издание трудов было прекращено, ряд его сотрудников арестован. Сам Грушевский почти ослеп. В 1934 следствие собирало «свидетельские показания» против тяжело больного (фактически умиравшего) Грушев-

ского. Вскоре после его смерти было объявлено, что Грушевский — бывший руководитель нелегального «Украинского центра».

Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856-1929), историк церкви, археолог, византолог. Чл.-корр. Петербургской АН с 1903. Профессор Киевской духовной академии по кафедре археологии и культа Востока, в 1907 вышел на пенсию, состоял далее в должности секретаря Российского православного Палестинского общества. В начале 1919 принял предложение Астраханского университета о профессуре; был там постоянным представителем местного отдела народного просвещения по отделению церкви от государства, профессором по кафедре истории и греческого языка, проректором университета до момента его закрытия в мае 1922; производил учет памятников старины и искусства в Астрахани и близких к ней уездах. Первый раз арестован чекистами вместе с группой других профессоров на станции Сайхин, когда они ехали читать лекции на курсах учителей казахских школ (Дмитриевский — по истории искусства и русской истории), — между февралем и июнем 1919. Взят вновь в 1922, помещен в губисправтруддом, дело его передано в губревтрибунал. Обвинен в том, что «противодействовал делу изъятия церковных ценностей в пользу голодающих путем: а) дачи заключений об археологической ценности церковных вещей» и «б) агитации против изъятия», выразившейся в том, что Дмитриевский допускал «возможность изъятия вместо них равноценного имущества» — «через доставление верующими государству эквивалентных /.../ ценностей» (обвинительное заключение от 18 сентября 1922). В нарушение рамок, нами же для настоящего списка установленных, добавим: в июне 1923 ему вновь удалось вернуться в Петроград, но имущество его уже было захвачено другими, и даже в собственную квартиру он не был допущен; на советскую пенсию он прав не имел; в 1927 продал государству свою библиотеку с рассрочкой на пять лет, но умер через два года; был два года профессором Высших Богословских курсов в Ленинграде, но после их закрытия в июле 1928 вновь оказался безработным, и в этом именно «статусе» скончался 72-х лет от роду.

Добиаш-Рождественская (урожд. Добиаш) Ольга Антоновна (1874-1939), историк-медиевист, палеограф. Чл.-корр. АН СССР с 1929. Первая в России женщина-доктор всеобщей истории. Со 2 по 20 сентября 1919 находилась в петроградском ДПЗ как заложница. На грани ареста в апреле 1929 (ОГПУ уже предъявило ей обвинение по 58-й статье, но дело было прекращено — вероятнее всего, потому, что власть была крайне заинтересована в имевших

военное значение работ ее мужа-академика: на дворе еще не 1937-й и не 1949-й).

Доллежалъ Николай Антонович (р.1899) — специалист в области механики и теплотехники. Чл.-корр. АН СССР с 1953, академик с 1962. Окончил МВТУ, в 1925-1930 — зам. начальника проектного отдела акционерного общества «Тепло и сила». В 1929 побывал в научной командировке за границей (Австрия, Германия, Чехословакия), где изучал техническое использование высоких давлений в энергетике. Арестован в октябре 1930, по январь 1932 находился на следствии в ОГПУ в Москве; по окончании следствия освобожден. С 1932 — зам. главного инженера ОКБ-8 Технического отдела ОГПУ (Москва). В 1933-1934 — технический директор Института азотного машиностроения (Ленинград), с 1943 — директор и научный руководитель организованного по решению правительства НИИ химического машиностроения.

Дружинин Василий Григорьевич (1859-1937) — историк церковного раскола, археограф, палеограф. Чл.-корр. РАН с 1920. Позволю себе привести его характеристику, процитировав работу пятнадцатилетней давности — то ее место, где говорится об историках церкви, умерших после Октября: «А были то люди широкой и основательной культуры. Вот один из них: Василий Григорьевич Дружинин. Крупнейший собиратель памятников по истории старообрядчества. До тысячи раскольничьих рукописей передал он из своей библиотеки в Библиотеку АН. Сбирал и другие поморские рукописи, а также русские запрещенные книги или издания, покалеченные цензурой; еще — все собрания актов, комплекты исторических журналов... Владел богатейшим архивом своего дяди, писателя А.В.Дружинина. Будучи по преимуществу церковным историком, занимался еще историей донского казачества. Был когда-то очень богат. Перед мировой войной продал свои уральские рудники. Собирательство поглощало деньги. Роскошный особняк, старинную мебель и даже собрание запрещенных книг пришлось продать. Четверть века состоял ученым секретарем Археографической комиссии, занимавшейся собиранием, описанием и изданием документальных источников русской истории; был также ее вице-президентом. Когда комиссия переехала на Васильевский, Дружинин получил казенную квартиру; в ней комиссия и заседала, а члены ее свободно пользовались библиотекой хозяйина (она помещалась в пятидесяти шкафах)» (Память: Ист. сборник. Вып.1. М., 1976 — Нью-Йорк, 1978. С.383-384). В ноябре 1929, в ходе подготовки «дела АН», В.Г.Дружинин «вычищен» из Академии и вскоре после этого, не позднее декабря 1929,

арестован. Ненадолго выпущен, взят повторно в июне 1930. Со-слан. Пропал без вести в 1937 при возвращении из ссылки в Ленинград.

Дружинин Сергей Иванович (1872-1935) — специалист в области строительной механики и сопротивления материалов. Чл.-корр. АН СССР с 1933. Профессор Ленинградского Политехнического института. Видимо, погиб в заключении. Точная дата смерти неизвестна.

Дурново Николай Николаевич (1876-1937) — филолог-славист, исследователь древнерусской письменности и диалектов русского языка. Чл.-корр. РАН с 1924; исключался на некоторое время из состава АН СССР в 1929 (в 1924-1929 Дурново находился в Чехословакии, изучал закарпатские говоры, был профессором в Брно — и, видимо, задержался за границей сверх разрешенной меры; в 1929 выставлен кандидатом в действительные члены АН СССР, но не прошел. Подвергся печатным поношениям как противник «яфетической теории» Н.Я.Марра: утверждали, что он называл ее «шарлатанством» и «идиотизмом», но доводов его не разбирали. Издевались над тем, что в эпоху великого перелома Дурново корпел над «Ярославским молитвенником» XIII века. Теория языка, разделяемая ученым, была объявлена буржуазной и идеалистической: оттого-де его работы и печатает Пражская АН. Академик Белорусской АН с 26 декабря 1928 до конца 1929 (исключен Президиумом БелАН; исключение утверждено Совнаркомом БССР 24 января 1930). Профессор университетов в Саратове (до заграницы), Минске (по возвращении), Москве (до ареста). Арестован в Москве 28 декабря 1933 в связи с «делом славистов» — «Российской национальной партии», из которого его дело выделено. Вместе со своим подельником В.Н.Сидоровым обвинен в организации подпольного «филологического правительства». Получил 10 лет, выслан на Соловки. Труды по языкознанию, над которыми он там пытался работать, не сохранились. Повторно осужден 9 октября 1937, 27 октября 1937 расстрелян. Исключен из АН (повторно) Общим собранием 29 апреля 1938. Восстановлен в АН СССР в 1990. Реабилитирован 26 октября 1964 Президиумом Московского горсуда.

Егер Сергей Михайлович (1914-198?) — специалист в области проектирования самолетов. Чл.-корр. АН СССР с 1984. До ареста — начальник конструкторской бригады на авиазаводе №240. Арестован в марте 1938, направлен в шарагу (Особое техническое бюро при НКВД). В спецтюрьме при ЦКБ-29 сидел вместе с С.П.Королевым. В 1940 осужден ВК ВС СССР на 10 лет. Освобожден

19 июля 1941 постановлением Президиума Верховного Совета СССР (по ходатайству НКВД).

Егоров Дмитрий Николаевич (1878-1931) — историк средневековья, историк культуры, библиотековед, библиограф. Чл.-корр. АН СССР с января 1928. Не пропущен в действительные члены АН в выборных кампаниях 1928-1929 и 1929-1930. До 1925 — профессор МГУ. На протяжении почти десяти лет, предшествовавших аресту, состоял заместителем директора Всесоюзной библиотеки имени В.И.Ленина (Москва). Арестован 8 августа 1930 по «делу АН», включен следствием в «московскую группу заговорщиков», находился в ЛенДПЗ, 8 августа 1931 приговорен к 5-летней ссылке. Отправлен в Ташкент, где скончался 24 ноября 1931. Из АН не исключался, о смерти его сообщили «Известия».

Егоров Дмитрий Федорович (1889-1931) — математик, глава московской математической школы. Чл.-корр. АН с 1924, почетный член с 1929. К моменту ареста — профессор 1-го МГУ, а также церковный староста одного из московских приходов (принадлежал к течению христовославцев). Арестован во второй половине 1930 после I Всесоюзного съезда математиков, где Егоров был в числе протестовавших против отправки математиками приветствия в адрес XVI съезда ВКП(б). По одной из версий, арестован за сбор денег в пользу репрессированных единоверцев («как член религиозной секты»). Выслан в Казань, где объявил голодовку, подорвавшую вконец его здоровье. Был помещен в больницу и, по мере возможности, изолирован. Умер там же — в Казани, в больнице. Из АН не исключался.

Желтухин Николай Алексеевич (р.1915) — специалист по реактивным двигателям, газодинамик. Чл.-корр. АН СССР с 1968. Арестован 27 июня 1937. Получил 8 лет лагерей. В 1939 прибыл из Котласа в Москву — в тюремное моторостроительное КБ (Тушино). При разделении КБ на две части, в августе или в начале осени 1940 направлен в Казань, работал в расчетной группе у В.П.Глушко. В 1942, после прибытия из Ленинграда К.И.Страховича, которому расстрел был заменен заключением, Желтухин оказался под его началом. Когда Страхович взялся за разработку собственного воздушно-реактивного двигателя, Желтухин стал начальником расчетной группы. Освобожден 30 июня 1945: пересидел три дня, т.к. не прибыли вовремя документы. Доктор наук и Ленинский лауреат с 1957.

Жирмунский Виктор Максимович (1891-1971) — языковед, литературовед. Чл.-корр. АН СССР с 1939, академик с 1966. Избран

в зарубежные академии — Берлинскую, Саксонскую, Баварскую, Датскую, Британскую. В 1920-е заклеен как «виднейший попутчик формализма», в кампанию против космополитизма (1949) изгнан из ЛГУ, ему ставили в вину даже «узбекский национализм». Аресты — все три — связаны с занятиями германской филологией (изучал фольклор и диалекты немцев Закавказья, Новороссии, Поволжья, трижды ездил с научными целями в Германию и т.д.): каждый раз Жирмунского хватили как «немецкого шпиона», притом профессора ЛГУ. Кратковременные аресты — в марте 1933 и в марте 1935. В блокадном Ленинграде арестован в конце августа или начале сентября 1941 (одна из «улик» — интуристовский путеводитель по Ленинграду!). Во время первых бомбежек города сидел в Внутренней тюрьме на Шпалерной (Большой дом, одна из целей немецкой авиации). По одной версии, спасен женой, Т.Н.Жирмунской (Яковлевой), буквально выкупившей его у начальников ленинградского НКВД за ценности, переданные самолетом с Большой земли; существуют и другие версии.

Жук Сергей Яковлевич (1892-1957) — гидротехник. Академик АН СССР с 1953. В 1930 — начальник проектного отдела одной из ранних шараг — закрытого ОКБ (в Москве, на углу Лубянки), где среди 120 гидротехников вольнонаемными были единицы. Жук, по всей видимости, был одним из заключенных. Остался заключенным на посту помощника главного инженера строительства Беломорско-Балтийского канала (1931-1933), проект которого и разработан под его руководством. Затем занимал руководящие инженерные должности на многих крупных гидротехнических стройках в системе ОГПУ-НКВД (канал Москва—Волга, Угличская и Рыбинская ГЭС, Куйбышевский гидроузел — до войны, Куйбышевская ГЭС — после войны, Волго-Донской канал и др.). Генерал-майор инженерно-технической службы (генерал-майор госбезопасности?).

Жуков Анатолий Борисович (1901-1979) — биолог, лесовед. Академик АН СССР с 1966. В 1930-1937 — в Институте лесного хозяйства в Харькове, в 1938-1942 — в Гомеле. В 1942-1956 во Всесоюзном НИИ лесоводства и механизации лесного хозяйства. В 1958-1979 директор Института леса и древесины СО АН СССР (Красноярск). Арест в 1937-1938?

Жуков Иван Иванович (1880-1949) — химик. Чл.-корр. АН СССР с 1946. В 1932-1934 и 1942-1946 директор Научно-исследовательского химического института ЛГУ. Арест в 1941 в Ленинграде?

Замотин Иван Иванович (1873-1942) — историк русской и белорусской литературы. Чл.-корр. АН СССР с 1929. Академик АН Белорусской ССР с момента ее основания (декабрь 1928). В 1929, почти сразу после выборов в АН СССР, подвергся крайне резким политическим нападкам за противобольшевистские печатные выступления в период гражданской войны (брошюра «Единство русской культуры» — Харьков, 1918). Будучи в 1920-е профессором Белорусского (а до того — Варшавского и Донского университетов, с 1931 работал лишь в Минском пединституте: видимо, удален из БГУ в полосу борьбы против «национал-демократизма» (не обошлось ли тут без первого ареста?). Арестован 4 апреля 1938, обвинялся по статьям 64, 69, 72а и 76 УК БССР. По постановлению внесудебного органа от 5 августа 1939 заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет. Умер 25 мая 1942 в Горьковской тюрьме.

Зенкевич Лев Александрович (1889-1970), гидробиолог, океанолог. Академик АН СССР с 1968. Член Сербской академии наук и искусств и Академии зоологии в Агре (Индия), чл.-корр. Международной академии истории науки. К моменту ареста — профессор и зав. кафедрой зоологии беспозвоночных Московского университета. Арестован на несколько месяцев летом 1933 в связи с разгромом Мурманской биологической станции.

Златогоров (Гольдберг) Семен Иванович (1873-1931) — микробиолог, эпидемиолог. Чл.-корр. АН СССР по разряду биологическому Отделения физико-математических наук с 1929. Есть версия, что в самом конце жизни был подвергнут аресту.

Игнатовский Владимир Сергеевич (1875-1942) — математик, физик, специалист в области оптической техники. Чл.-корр. АН СССР с 1932. До 1917 больше за границей, чем в России: школа и университет в Германии, научная и практическая работа у Цейса, преподавание в Берлинском политехническом, постройка оптического завода во Франции; первая жена — англичанка. Немцами владел так, что, когда волновался, переходил с русской речи на немецкую. Вскоре после Февральской революции послан из Парижа принять на себя научное руководство заводом в Петрограде. С этим заводом (в советское время Гос. оптико-механический завод — ГОМЗ), производившим у нас значительную часть военной оптики, связана была вся его дальнейшая жизнь. В 1921-1938 работал консультантом и в другом военном научно-исследовательском центре — Особом техническом бюро (Остехбюро). В момент ареста — также профессор ЛГУ. Арестован в конце 1941 или в начале 1942 в блокадном Ленинграде — возможно, по делу

«Союза старой русской интеллигенции». Обвинен в «шпионско-вредительской деятельности». Военным трибуналом Ленинградского фронта приговорен 13 января 1942 к расстрелу (вместе с женой-домохозяйкой). Реабилитирован 28 мая 1955.

Иванов Александр Александрович (1867-1939) — астроном, специалист в области геодезии и метеорологии. Чл.-корр. РАН с 1925. В 1919-1930 директор Пулковской обсерватории. Затем несколько лет зам. директора Всесоюзного НИИ метрологии им. Д.И.Менделеева. Арест в 1930-1932?

Ильин Алексей Алексеевич (1858-1942) — историк, нумизмат, картограф; до революции также предприниматель (владелец лучшего в России картографического производства). Чл.-корр. АН СССР с 1928. Сидел по «золотому делу» примерно в 1932-1933. («Золотые дела» организовывались чекистами с целью вымогательства у арестованных, обычно под пытками, валюты и ценностей. Особенно характерны для годов первой пятилетки и начала второй. Жертву заставляли писать бумагу о «добровольном пожертвовании» средств в фонд индустриализации. Коллекционеры, в частности нумизматы, были сильно задеты этой чекистской кампанией).

Ильинский Григорий Андреевич (1876-1937) — филолог-славист, историк, археограф. Чл.-корр. РАН с 1921. Действительный член Болгарской и Польской АН. Арестован по «делу славистов» — «Русской национальной партии» 11 января 1934, осужден на 10 лет лагерей, срок отбывал на Соловках. В августе 1934 лагерь заменен на 5 лет ссылки в Западную Сибирь, находился в г.Славгороде. 11 июля 1936 освобожден от отбывания ссылки, поселился в Томске. 19 ноября 1937 повторно там арестован, осужден и расстрелян 14 декабря 1937. Из АН СССР исключен 29 апреля 1938, восстановлен 11 августа 1967. После гибели Ильинского утрачены многие его работы, уже готовые к публикации.

Исаченко Борис Лаврентьевич (1871-1948) — микробиолог и ботаник. Чл.-корр. АН СССР с 1929, академик с 1946. В 1918-1929 зав. организованной им кафедрой микробиологии ЛГУ, в 1917-1930 директор Главного ботанического сада АН СССР. В 1929-1937 зав. лабораторией общей микробиологии ВИЭМ. С 1939 директор Института микробиологии АН СССР. Арест в 1937-1939?

Каблуков Иван Алексеевич (1857-1942) — физико-химик. Чл.-корр. АН СССР с 1928, почетный член с 1932. Профессор МГУ. Подвергался аресту, видимо, в первые годы после Октября.

Кареев Николай Иванович (1850-1931) — историк (специалист по всеобщей истории), философ, социолог. Чл.-корр. Петербургской АН с 1910, почетный член АН СССР с 1929. В середине сентября 1918 арестован вместе со всей семьей в Зайцеве (Смоленская губ.), находился под домашним арестом пять дней.

Карский Евфимий Федорович (1860-1931), филолог-славист, языковед и этнограф. Чл.-корр. Петербургской АН с 1901, академик с 1916. Арестован в Минске не позднее 5 мая 1919 (см. Протоколы Общего собрания РАН от 5 мая 1919. §141).

Кизеветтер Александр Александрович (1866-1933) — историк России. Чл.-корр. РАН с 29 декабря 1917. Член ЦК конституционно-демократической партии в 1906-1917. Преподавал в Московском университете (1897-1911, 1917-1922); преследуемый за политическую деятельность, смог стать ординарным профессором лишь в 1917. Арестован у себя дома, в Москве, вместе с женой и обеими дочерьми, 29 сентября 1918. Неделю провел на Лубянке, перевезен в Бутырскую тюрьму. На некоторое время помещен в тюремную больницу, потом возвращен в прежнюю камеру. Незадолго до освобождения зачислен в политические заложники и подлежал переводу в концентрационный лагерь. Во время заключения читал сокамерникам лекции по русской истории, перевел с французского книгу по истории России (не напечатана). О его освобождении и взятии на поруки ходатайствовали Совет старост 2-го МГУ (указавший, что Кизеветтер страдает склерозом и диабетом), труппа Малого театра, швейцары университета им. Шаньявского, Д.Б.Рязанов. Накануне освобождения Кизеветтера жена его, выпущенная раньше, «говорила по телефону с [М.Н.] Покровским, и он сказал, чтобы она *успокоилась* на мысли, что все хлопоты напрасны, что /.../ не выпустят». Неожиданно освобожден в первый день «старого» нового года — 14 января 1919. Осенью 1919 (или в конце августа?) арестован в Москве, на квартире Д.М.Петрушевского, по делу «Национального центра». В числе захваченных вместе с ним — историки Петрушевский и М.М.Богословский, а также жена Кизеветтера. Несколко дней находился на Лубянке, в Особом отделе ВЧК. Переведен в Бутырки, где успел прочесть товарищам по камере «курстик» по истории Смутного времени. Пробыл под стражей более двух недель. В 1919-1922 служил в Главархиве. В 1921 арестован в Иваново-Вознесенске, куда выезжал для чтения лекций. Препровожден под стражей в Москву, просидел около месяца. С июня 1922 — зав. Центральным архивом ВСНХ. В августе 1922 (?) подвергнут домашнему аресту, во время которого (16 сентября?) ему предъявлено ре-

шение о высылке его за границу. Выехал из Петрограда 28 сентября 1922. С начала 1923 — в Праге; умер и похоронен там же.

Кирпичев Михаил Викторович (1879-1955) — теплотехник. Чл.-корр. АН СССР с 1929, академик с 1939. Профессор Ленинградского Политехнического института. Арестован 15 октября 1930 по «делу Промпартии». На процессе «Промпартии» назван руководителем одной из ленинградских вредительских «цепочек». На публичный процесс не выведен, судим отдельно от Рамзина и его подельников. Коллегией ОГПУ 23 августа 1931 осужден на 10 лет ИТЛ.

Козин Сергей Андреевич (1879-1956) — монголовед. Академик с 1943. В тридцатые годы, видимо, провел год в ссылке (?).

Кольцов Николай Константинович (1872-1940) — генетик, цитолог, зоолог. Чл.-корр. Петербургской АН с 1916 (не пожелал тогда стать действительным членом, т.к. для этого требовалось покинуть своих учеников и сотрудников в Москве и переехать в Петербург). Профессор Московского университета. Организатор и бессменный директор (с 1917) Института экспериментальной биологии. Во второй половине февраля 1920 арестован на своей квартире в Москве по ордеру Особого отдела ВЧК. Две недели спустя, 8 марта, группа московских учеников и сотрудников Кольцова составила поручительство за него: «Долгом своим перед народом считаем указать на то, какие тяжелые последствия вызвало уже теперь устранение Кольцова от жизни и какими затруднениями оно грозит в дальнейшем. /.../ Только личное непосредственное участие Кольцова во всех его начинаниях гарантирует правильное развитие и осуществление их. Без него они осуждены на гибель. /.../ Мы не вдаемся в мотивы и причины совершившегося факта, но во имя интересов науки и государства мы просим взвесить все указываемое нами. /.../ Все мы, подписавшиеся ниже, если в том явится необходимость, готовы под свою личную ответственность принять на себя поручительство за Н.К.Кольцова». После этого Кольцов вернулся к работе, а 16 августа 1920 был вызван в качестве обвиняемого в Верховный революционный трибунал по делу «Тактического центра» (первый крупный показательный процесс против интеллигенции). На суде обвинен в хранении денег «для пособий семьям пострадавших членов организации». В первые дни судебного процесса ночевал дома. Вечером 19 августа 1920, после речи обвинителя Н.В.Крыленко, арестован повторно и провел ночь в Особом отделе ЧК. В 11 часов вечера 20 августа 1920 вынесен приговор, по которому 24 обвиняемых приговорены к расстрелу, тут же замененному более мягкими

формами условного наказания. Кольцову расстрел заменен 5 годами тюрьмы условно, после чего он был немедленно освобожден. В дни процесса и после него вел наблюдения над собой, позволившие ему вскоре проиллюстрировать в статье, «какое влияние на вес тела производят душевные переживания». Впоследствии до конца жизни подвергался внесудебным преследованиям и стеснениям. В последние месяцы жизни вызывался на допросы в НКВД по делу Н.И.Вавилова.

Кони Анатолий Федорович (1844-1927) — юрист, писатель, общественный деятель. Почетный член АН с декабря 1896, почетный академик по разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности с января 1900. Арестован в Петрограде осенью 1919. К.И.Чуковский в своем дневнике под 23 ноября 1919 отметил, что Кони «недавно арестовали. Не жалуется», — и записал рассказ Кони: «Очень забавно меня допрашивал какой-то мальчик лет шестнадцати. — Ваше имя, звание? — Говорю: академик. — Чем занимаетесь?.. — Профессор... — А разве это возможно? — Что? — Быть и профессором и академиком сразу. — Для вас, — говорю, — невозможно, а для меня возможно».

Конрад Николай Иосифович (1891-1970) — востоковед-японист и синолог. Чл.-корр. АН СССР с 1934, академик с 1958. В момент ареста — сотрудник Института востоковедения АН СССР. Попытка скрыться от ареста, разъезжая по стране. Арестован в Ленинграде 29 июля 1938. Исключен из числа научных сотрудников ИВ АН 5 сентября 1938, из членов-корреспондентов АН не исключался. Обвинение: «японский шпион». Особым совещанием при НКВД СССР 10 ноября 1939 осужден по статье 58, пункт 1а. Получил 5 лет ИТЛ. Отправлен в Канск, находился на 7-м лагпункте Канских лагерей. Работал на лесозаготовках, затем его устроили чистить железнодорожную стрелку. Позже Конрад считал, что суровый климат Восточной Сибири излечил его от застарелых болезней и укрепил здоровье. Начиная примерно с 1939, за него хлопотал президент АН В.Л.Комаров (Конрад обратился к нему с письмом как к депутату Верховного Совета). Из Канска был отправлен в Спецбюро (в Куйбышеве или Саратове). По слуху, после начала войны был включен кем-то в представленный Сталину, по требованию последнего, список переводчиков-японистов, без пометы об аресте Конрада. В июле 1941 привезен на Лубянку. Закончил там, в камере № 52, несколько научных работ: комментированные переводы с китайского двух трактатов — «Сунь-цзы» и «У-цзы», а также материалы для новейшего японско-русского словаря. Решением ОСО дело Конрада прекращено,

6 сентября 1941 он освобожден из-под стражи (дата точна, хотя в официальном ответе ленинградского КГБ на запрос ИВ АН (1989) датой освобождения названо 8 сентября).

Королев Сергей Павлович (1906/07-1966) — специалист в области ракетной техники, основоположник практической космонавтики. Чл.-корр. АН СССР с 1953, академик с 1958. Член-корреспондент Академии артиллерийских наук по ее Ракетному отделению с 1947. К моменту ареста — старший инженер группы №2 в НИИ №3 Наркомата оборонной промышленности (Реактивный НИИ, Москва), где руководил работами по реактивным летательным аппаратам. Получив ранение головы при стендовых испытаниях ракеты, на месяц попал в больницу — и арестован по «делу РНИИ» через несколько дней после выхода оттуда. Постановление на арест вынесено Главным экономическим управлением НКВД СССР, санкция (арестовать как члена «троцкистской организации») дана первым заместителем Главного прокурора СССР Г.К.Рагинским. Взят 27 июня 1938, содержался сначала в одиночной камере Бутырской тюрьмы. «Нашей стране ваша пиротехника и фейерверки не только не нужны, но даже и опасны, — говорил ему следователь. — Занимались бы делом и строили бы самолеты. Ракеты-то, наверное, для покушения на вождя?» Подвергался пыткам. Первый запротоколированный допрос — 28 июня, второй — 4 августа (на нем «признался» в ответ на угрозу расправиться с женой и дочерью). На суде отказался от показаний, вырванных следствием. 27 сентября 1938 получил по приговору ВК ВС СССР 10 лет лишения свободы как «член антисоветской контрреволюционной организации». 10 октября 1938 отправлен из Москвы (с пересылки на Красной Пресне) в Новочеркасскую пересылочную тюрьму. Оттуда, 1 июня 1939, — на Дальний Восток: через лагерь Вторая Речка и Магаданскую пересылку — на прииск Мальдяк (на р.Берелех), где в течение нескольких месяцев «обушком добывал золотишко». Потерял там от цинги половину зубов. Тем временем в результате протеста председателя Военной коллегии В.В.Ульриха на свой же приговор (он подал протест в ноябре 1938, после снятия и ареста Н.И.Ежова) приговор по делу Королева был 13 июня 1939 отменен Пленумом Верховного суда СССР, а дело передано на доследование. Для повторного следствия и суда Королев вывезен с Колымы; 23 декабря 1939, в самом конце долгой в тот год навигации, убыл из Магадана, через Владивосток доставлен в Москву, вновь помещен в Бутырки (камера №66). Повторное следствие окончилось 28 мая 1940, а 10 июня ОСО при народном комиссаре внутренних дел (под

личным председательством Л.П.Берии) Королеву вынесен новый приговор: как «вредитель в области военной техники» он получил 8 лет заключения. 13 сентября 1940 переведен в систему 4-го спецотдела НКВД (в «Особое техническое бюро при НКВД») и направлен в ЦКБ-29 — шарагу при авиазаводе № 156, включавшую три самостоятельных КБ. Там (в Москве, на улице Радио) по списку заключенного А.Н.Туполева собирали арестованный мозг авиационной промышленности; Туполев был когда-то руководителем дипломной работы Королева и — возможно, поэтому — вспомнил о нем. По одним сведениям, Королев был направлен в Конструкторское бюро В.М.Мясищева, по другим — был расчетчиком крыла пикирующего бомбардировщика «ТУ-2» в конструкторской бригаде по оперению и управлению у Туполева. Мемуарист вспоминает тогдашнего Королева как «скептика, циника и пессимиста», любимой фразой которого было — «Хлопнут без некролога». Про богиню правосудия Фемиду он заметил в ту пору: «Глаза-то у нее завязаны, возьмет и ошибется, сегодня решаешь дифференциальные уравнения, а завтра — Колыма». После начала войны эвакуирован в Омск на строящийся завод № 166 Народного комиссариата авиационной промышленности, стал там заместителем начальника сборочного цеха авиазавода. С 19 ноября 1942 — в Казани, куда переведен в ОКБ-456 моторостроительного авиазавода № 16. Был заместителем главного конструктора, занимался жидкостными ракетными ускорителями для боевых самолетов. По представлению НКВД СССР, решением Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1944 освобожден досрочно со снятием судимости. Одновременно переведен в ОКБ-РД (Опытно-конструкторское бюро по реактивным двигателям) заместителем Главного конструктора по летным испытаниям. Затем член Технической комиссии по изучению немецкой трофейной ракетной техники, с 9 августа 1946 — Главный конструктор по созданию комплексов автоматически управляемых баллистических ракет дальнего действия, позже — Главный конструктор ракетно-космических комплексов. С мая 1955 добивался реабилитации. Полностью реабилитирован (дело прекращено за отсутствием состава преступления) решением ВК ВС СССР от 18 апреля 1957. «Засекречен» (для своей страны) до конца жизни. Дом его в Останкине (бывшая дача Калинина) охранялся такими же «попками» и «вертухаями», как в ЦКБ-29, и, перейдя на шепот, Королев говорил собравшимся старым друзьям: «Знаете, ребята, самое трагическое состоит в том, что они не понимают, как все-таки много общего между тогдашней и сегодняшней жизнью. Я еще не отказался от мысли "хлопнут без некролога". Другой раз проснешься ночью,

лежишь и думаешь: вот сейчас дадут команду, и те же охранники нагло войдут и бросят: "А ну, падло, собирайся с вещами"». Цит. по: Огонек. 1987. №49 (декабрь); 1990. №2 (январь).

Коростовцев Михаил Александрович (1900-1982) — историк древнего Египта, филолог. Академик АН СССР с 1974. К моменту ареста — корреспондент ТАСС и зав. отделением ТАСС в Египте; представитель АН СССР по гуманитарным наукам в Египте. Незадолго до ареста, влюбившись в латышскую эмигрантку, подал рапорт о разводе с женой. На официальное приглашение приехать в СССР для разбора дела ответил отказом, так как должен был напечатать вторую часть найденного им папируса (первая часть незадолго до того опубликована им в парижском журнале). Арестован 19 августа 1947: приглашен на банкет на борт советского крейсера, прибывшего в Египет с дружеским визитом, — и на берег не выпущен. Отбывал срок в лагерях Коми АССР (Абезь, Инта). Реабилитирован 3 января 1955, освобожден.

Кошляков Николай Сергеевич (1891-1958) — математик. Чл.-корр. АН СССР с 1933. До ареста работал в ЛГУ и ЛЭТИ. Арестован в Ленинграде в конце 1941 по делу «Союза старой русской интеллигенции», 13 января 1942 военным трибуналом Ленинградского фронта приговорен к расстрелу, замененному Президиумом Верховного Совета на 10 лет заключения. Сначала попал в лагерь, но по состоянию здоровья был освобожден от работ на лесоповале. Вместе с галошами и ватником получил в посылке от сына оттиски своих прежних работ, что позволило ему вернуться к прерванным исследованиям. Работа Кошлякова, оформленная в виде рукописи, поступила без имени автора на отзыв в Математический институт АН, где легко догадались о ее авторстве. Она была издана в виде книги под псевдонимом Сергеев Н.С. Однако другая его работа, причем та, которую он считал самой лучшей, пропала при передаче на волю, а сам Н.С. не смог потом восстановить содержавшихся в ней тонких рассуждений. В 1948 направлен в подмосковную шарашку. Сделал там работу, имевшую оборонное значение. Выпущен на свободу на полгода раньше срока. Время исключения из АН нам неизвестно. Восстановлен в звании члена-корреспондента решением Президиума АН 13 ноября 1953.

Кравец Торичан Павлович (1876-1955) — физик. Чл.-корр. АН СССР с 1943. К моменту ареста — профессор Института инженеров путей сообщения в Москве, член коллегии НТО ВСНХ. Участвовал в волнениях, охвативших высшую школу, когда она пыталась отстаивать свою автономию («Впрочем, никакого участия в

указанной забастовке не принимал, но довольно резко выступал против политики А.В.Луначарского в высшей школе — главенствующая роль студенчества в высшей школе и тому подобные ныне уже давно изжитые факты», — из автобиографии 1943). Арест Кравца последовал за постановлением ВЦИК об административной высылке (как особой мере наказания) от 10 августа 1922; Кравец взят в один день с двумя-тремя сотнями других лиц, большей частью подвергшихся высылке за границу. Арестован 16 августа 1922 на основании ордера ГПУ за №1727 от того же числа. При обыске ничего не изъято. До объявления приговора находился во Внутренней тюрьме ГПУ. По приговору Комиссии по административным высылкам от 3 января 1923 (подкреплен постановлением Совещания Наркомвнудела от 5 января) выслан в Сибирь сроком на 3 года. Приговор объявлен 5 января. Переведен в Таганскую пересыльную тюрьму. В период предварительного заключения за Кравца хлопотал ряд большевистских деятелей (в частности, из НТО ВСНХ). Выехал из Москвы для проживания в Омске 19 января 1923, прибыл и явился по месту назначения 26 января. По распоряжению А.И.Рыкова был «избавлен от пересылки по этапу и препровожден в Сибирь с особым конвоем» (здесь и ниже цитаты из писем Кравца). Обязан был являться к регистрации в Омском губотделе ГПУ еженедельно по субботам. Продолжал в Омске академическую работу. Согласно новому постановлению Комиссии по административным высылкам при НКВД от 1 июня 1923, выслан в село Зуй Иркутской губернии. По прибытии в Иркутск удалось остаться в городе. Несколько месяцев оставался полностью безработным, затем конторщик в кооперативе. С сентября 1923 — сотрудник Иркутской сейсмологической станции, с октября — также профессор Иркутского университета. Связи Кравца со своими коллегами вне Иркутска были затруднены: «думаю, что часть моих писем не доходит дальше 6-ой Солдатской в Иркутске, где квартирует ведомство с обширным подвалом». Исследуя колебания воды в Байкале, в 1924 выезжал на Байкал в кратковременную командировку. «Но стоило в газетах появиться известию, что меня ожидают на съезд в Ленинград — все изменилось: меня пригласили в ГПУ [Видимо, 4 сентября 1924. — Ф.Л.], заставили дать подписку о невыезде, заставили два раза в месяц являться на регистрацию» — и запретили всякие поездки на Байкал. Не выпущен представлять университет на праздновании 200-летия Академии наук в Ленинграде (1925). Из письма Кравца к вице-президенту АН СССР В.А.Стеклову (10 октября 1925): «Правда, в законе об административной высылке категорически указано, что срок таковой "не может" превышать трех

лет. Но в других своих частях закон в отношении меня самого нарушался уже в целом ряде случаев, начиная с того, что он требует "подробного мотивирования" приговора, а я и поднес официальное извещение, за что я совершаю свое сибирское путешествие, — знаю только, что за "антисоветскую деятельность"» (см.: СПбФ АРАН. Ф.162. Оп.2. Д.208). Предварительное заключение не было зачтено при исчислении срока ссылки Кравца. Справка о том, что он «по отбытии срока высылки в Иркутскую губернию освобожден из таковой с правом свободного проживания по СССР», выдана ему 22 марта 1926 (см.: СПбФ АРАН. Ф.855. Оп.2. Д.16. Л.14).

Крачковский Игнатий Юлианович (1883-1951) — филолог-арабист. Академик РАН с ноября 1921. Член нескольких зарубежных академий. Арестован у себя дома в Петрограде в ночь на 20 июля 1922 — непосредственно после того, как Крачковский и его жена отметили вечером десятилетие своей свадьбы. Под утро отправлен в ГПУ (Гороховая, 2). Оттуда переведен в ДПЗ (Шпалерная, 25), сидел там сначала в одиночной подвальной камере, затем в двойнике. Обвинен в шпионаже в пользу Финляндии («глава шпионской организации»), лица, привлеченные вместе с ним, были расстреляны. Обвинение строилось на факте знакомства Крачковских с одной финской семьей в Юкках, у которой его жена покупала продукты (с 1917), и где Крачковские намеревались провести зимние каникулы 1921 (отдых там не состоялся). В период следствия Крачковскому были разрешены переписка и (два раза в неделю) передача домашней еды. В камере разрешено было пользоваться книгами Азиатского Музея АН. Крачковский читал материалы по истории, исламу, мусульманской культуре, изучал арабскую филологию, грамматику египетского диалекта, написал несколько статей и заметок. После перевода в менее строгое отделение ДПЗ ему разрешены прогулки и свидания с женой. В течение всего времени ареста за него хлопотала Российская АН. Последовало постановление о высылке Крачковского за границу или в Вятскую губернию, после заявлений И.Ю. и его жены определилась высылка в Вятку. Гебраист М.Н.Соколов в ноябре 1922 поехал в Москву, проник, по его словам, «в самое пекло» (с кем из высокопоставленных лиц имел разговор — неизвестно), и 6 января 1923 состоялся пересмотр дела Крачковского; 10 января стало известно про постановление об освобождении, 12 января 1923 Крачковский оказался на свободе.

Крепс Евгений Михайлович (1899-1985) — физиолог. Чл.-корр. АН СССР с 1946, академик с 1966. Перед первым арестом — слу-

шатель Военно-медицинской академии в Петрограде, мобилизованный в Челябинске в белую армию. Арестован 8 июня 1919 в Бирске, после добровольного перехода на сторону красных и помощи им в овладении Бирском. Обвинен в шпионаже, этапирован пешком в Бугульминский лагерь. Затем по железной дороге отправлен в Мелекесс — и далее в Симбирск, в Особый отдел штаба Восточного фронта. В Симбирске взят на поруки, затем освобожден (документы на проезд в Петроград получил 25 августа 1919). После окончания ВМА — сотрудник И.П.Павлова и Л.А.Орбели. С 1921 работал на Мурманской биологической станции (пос. Полярное). В начале июля или конце июня 1933, после посещения Полярного Сталиным, Ворошиловым, начальниками Ленинградского и Мурманского ГПУ Медведем и Дроздовым и после громкой статьи в мурманской областной газете о «вредителях» на биостанции арестован в Полярном, увезен в Ленинград, где освобожден примерно через месяц; незадолго до ареста Крепс перешел в штат ГОИНа — Государственного океанографического института. Последовав совету следователя («Я бы на вашем месте не торопился на станцию»), Крепс избежал повторного ареста в августе. Дело в том, что когда отпущенные вернулись в Полярное, молодежь встретила их с бурным восторгом, за которым чуть ли не на завтра последовали новые, более широкие аресты. Взятые были и ведущие научные работники станции, и молодежь, и лица из административного персонала и плавсостава. Часть получила сроки, большинство отделалось сидением под следствием. Станция была закрыта, и вскоре стало ясно, что удаление ученых было связано с решением создать на месте Мурманской биостанции военно-морскую базу. В третий раз Крепс арестован в апреле (или 2 мая?) 1937 в Ленинграде, будучи тогда сотрудником Физиологического института им. И.П.Павлова и Института эволюционной физиологии и патологии центральной нервной системы. Летом того же года постановлением ОСО осужден на 5 лет лагерей. В августе-ноябре этапирован во Владивосток, затем на пересыльный пункт Вторая Речка (лагерь в Приморье). Находился там до конца 1939, одно время — раздатчик пищи. В декабре 1939 отправлен на Колыму. До 1940 на общих работах (на Колыме — на прииске Тоскан). Ранней весной 1940 переведен в Магадан для работы в госпитале. На Колыме дважды находился на грани смерти. Первый раз — от сыпного тифа: был плох настолько, что его посчитали умершим, вытащили на лестничную площадку и должны были только, как это было там принято, проткнуть железным прутком, чтобы случайно не похоронить живым (на счастье, проходил мимо кто-то из врачей, присмотр-

релся — и ему показалось, что у трупа шевельнулись ресницы). Вызволён из заключения, в значительной мере, стараниями Л.А. Орбели (добился приема у Молотова, просил еще раз расследовать дело Крепса и получил обещание дать такое указание). Освобожден в марте 1940 по пересмотру дела ОСО («ввиду отсутствия состава преступления»), переведен из лазарета для заключенных в лазарет для «вольных». После выздоровления — зав. лабораторией при городской поликлинике Магадана. С трудом добился пропуска на выезд, покинул территорию Дальстроя в навигацию 1940. Примерно до 1943 имел ограничения в месте жительства («минус шесть городов»), в 1940-1941 жил и работал в Луге.

Криштофович (правильнее — Криштафович) Африкан Николаевич (1885-1953) — геолог и палеоботаник. Чл.-корр. АН СССР с 1953, академик УАН с 1945. До ареста — профессор ЛГУ и старший геолог Угольного геологоразведочного института Главного геологоразведочного управления. Арестован 10 марта 1930 по «делу АН», включен в число главных обвиняемых. Обвинен в том, что привлечен А.М. Мервартом «к шпионской деятельности» в пользу Германии. Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 выслан на 5 лет. Новые печатные работы его появляются уже в 1932 и (крупная монография) в 1933. В 1933-1934 жил в Свердловске, читал курс палеоботаники в Уральском университете и Горном институте. Реабилитирован посмертно, в 1967.

Крутков Юрий Александрович (1890-1952) — физик-теоретик, специалист в области квантовой теории, статистической механики, вращения твердых тел. Чл.-корр. АН СССР с 1933 по 29 апреля 1938 (исключен Общим собранием АН, протокол №2, §5). Профессор ЛГУ. Арестован в Ленинграде в ночь на 31 декабря 1936. Обвинен в том, что возглавлял контрреволюционную организацию научных работников Ленинграда. Уволен из ЛГУ 27 апреля 1937. Выездной сессией ВК ВС СССР 25 мая 1937 приговорен к 10 годам лишения свободы (статья 58, пункты 8 и 11). Имущество конфисковано. Сестра и жена высланы из Ленинграда. По собственным подсчетам Круткова, из 10 лет, последовавших за арестом, 3 года и 3 месяца он провел в тюрьме и лагерях, 6 лет и 6 месяцев работал по своей специальности в спецтюрьме и лишь последние 3 месяца считался свободным. После суда — в Канских лагерях и (по крайней мере, в мае 1939) в Орловской тюрьме ГУГБ НКВД. Затем (до 1942?) в туполевской шараге. Об этом есть в воспоминаниях Л. Кербера: «Юрий Александрович Крутков, наш Вольтер, с язвительной физиономией, полной сарказма, оживший бюст Гудона. Всесторонне образованный эрудит и энциклопедист, он оча-

ровывал всех тонкостью своих суждений. В ЦКБ-29 академик Крутков был доставлен из Канских лагерей, где работал уборщиком в бараке уголовников. "Неплохая работа, знаете ли, главное, поражала тонкость оценки твоего труда — иногда побьют, иногда оставят покурить. Должен заметить, студенты моего университета были менее притязательны и ни разу меня не били, курить давали безропотно и даже не окурки". Он же рассказывал, как получил вместе с уборщиком соседнего барака задание напилить дров. Два пожилых человека, закутанные в лохмотья, грязные, обросшие седой щетиной, медленно тянут пилу. Между ними состоялся такой диалог: "Ты откуда?" — "Из Ленинграда. А ты?" — "Оттуда же". — "Где работал?" — "В Академии наук. А ты где?" — "Там же". — "Ну уж брось, я там почти всех знал. Как твоя фамилия?" — "Крутков. — "Юрий Александрович? Бог мой, я Румер, помните лестницу, ломоносовскую мозаику, ради Бога, не обессудьте, не узнал". — "Полно, полно, Юрий Борисович, кто здесь узнает. Но не обессудьте, пошел барак топить, а то, сами знаете, побьют, да и только". Юрий Александрович работал в расчетном отделе ЦКБ и был консультантом и арбитром во всякого рода сложных технических спорах. Помимо всего прочего, он был великолепнейшим рассказчиком, и мы наслушались от него многих удивительных историй из жизни академиков С.Ф.Ольденбурга, А.П.Карпинского, А.Ф.Иоффе, А.Н.Крылова, которых он хорошо знал. После атомной шараги его освободили, и он вернулся в любимые им Ленинград и университет» (см.: Наука и жизнь. 1988. №9). В 1943-1944 Крутков написал в заключении работу по теории упругости, под названием «Тензор функций напряжений и общие решения в статике теории упругости». Эта работа, получив лестную оценку академиков А.Н.Крылова, Б.Г.Галеркина, Н.И.Мусхелишвили и чл.-корр. АН А.А.Ильюшина, в 1944 разрешена вне правил к публикации (фактически издана в 1949, после освобождения Ю.А.). В июле 1946 о досрочном освобождении Круткова хлопотали в письме к Сталину академики В.И.Смирнов и В.А.Фок (см.: СПбФ АРАН. Ф.946. Оп.1. Д.21). Формально Крутков освобожден досрочно в середине сентября 1946, но направлен «по вольному найму» в закрытое КБ (физический институт) в системе МВД (Агудзери, близ Сухуми в Абхазии). Справку об освобождении «из Бутырской тюрьмы МВД СССР» за №5248 Крутков получил 4 марта 1947: в справке значилось, что он следует в Ленинград. Не получил, однако, разрешения жить в Ленинграде и вынужден был продолжить работу (по специальности) в качестве «сотрудника объекта Агудзери МВД СССР». Получив это разрешение на следующий год (после

ходатайств ЛГУ и академиков Смирнова, Фока и С.И.Вавилова), вновь стал заведовать кафедрой теоретической механики в университете, но прописку имел лишь временную (на 3 месяца, затем дважды по 6 месяцев). Осенью 1949 получил распоряжение выехать на «101-й километр», и ЛГУ с трудом отстоял его право жить в Ленинграде. Ходатайство Круткова о снятии судимости отклонено Президиумом Верховного Совета в апреле 1950. В июле 1952, уже лежа в больнице, получил закрытую Сталинскую премию «за выполнение специального задания Правительства» в последние годы заключения. Умер 12 сентября того же года от гипертонии и тяжелого атеросклероза. Реабилитирован ВК ВС СССР 8 августа 1957. Восстановлен в правах члена-корреспондента АН постановлением Президиума АН от 13 декабря 1957 за №815 (затем утверждено Общим собранием АН).

Круус Ханс (в России — Ханс Хансович) (1891-1976) — историк. Чл.-корр. АН СССР с 1946. В 1940-1950 занимал высокие посты в правительстве ЭССР (зам. премьер-министра в правительстве 1940, министр иностранных дел в 1944-1950). Академик АН ЭССР с 1946 и президент ее до 1950. В 1950, в пору борьбы с «буржуазным национализмом» в республиках Прибалтики, арестован в Москве. В заключении до 1954. Имущество Крууса было конфисковано, но звание эстонского академика, по слухам, с него забыли снять, — и по возвращении «хитрый Ганс» разом получил все причитавшееся ему жалованье. В АН СССР восстановлен распоряжением Президиума от 10 июля 1954.

Крылов Николай Митрофанович (1879-1955) — математик, механик. Чл.-корр. АН СССР с 1928, академик с 1929. Академик Украинской АН. Работал на Украине, руководил кафедрой математической физики УАН—АН УССР. Кажется, был арестован в марте 1936 в числе 30 членов украинской Академии.

Курсанов Дмитрий Николаевич (1899-1983) — химик-органик. Чл.-корр. АН СССР с 1953. В 1927-1929 преподавал в МГУ, в 1930-1947 профессор Московского текстильного института. С 1943 в институте органической химии АН СССР. Арест в 1929-1930?

Лавровский Константин Петрович (1898-1972) — химик-органик, специалист в области нефтяной промышленности. Чл.-корр. АН СССР с 1953. В 1925-1928 преподавал в МГУ. В 1928-1929 и 1934-1935 за границей. В 1930-1934 в Государственном научно-исследовательском нефтяном институте. После 1935 на предприятии нефтяной промышленности. В 1942-1949 работал в Институте горючих ископаемых АН СССР, с 1958 в Институте нефтехимического синтеза АН СССР. Арест во второй половине 1930-х?

Лазарев Петр Петрович (1878-1942) — физик, биофизик, геофизик. Академик с марта 1917. В момент ареста директор Института физики и биофизики Наркомздрава (основал его в 1916-1917 как Физический институт Московского научного института), директор Гос. Рентгенологического института, руководил кафедрой физики в Московском электромашиностроительном институте (МЭМИ). Несмотря на умение принаравливать к обстоятельствам и людям, явную практическую пользу его разносторонней деятельности (упомянем хотя бы создание крупной школы физиков и геомагнитные съемки Курской магнитной аномалии), постоянно вызывал подозрения у большевистских властителей. С дореволюционного времени — объект скандальных нападок К.А.Тимирязева, официально признанного великим авторитетом в советской России. («Русский научный авантюрист, задавшийся мыслью сделать облаву на всю русскую физику», — так писал Тимирязев о Лазареве, и в таком же стиле, напомним в скобках, он нападал на Б.Б.Голицына, М.Н.Шатерникова, Н.К.Кольцова, на менделизм и Петербургскую Академию наук. Приняв советскую власть и получив восторженный отклик Ленина на сборник своих статей, содержавший все эти глубоко несправедливые нападки, Тимирязев стал знаменем многих погромщиков от науки). В январе 1929 Лазарев вызвал неудовольствие, выступив против перебаллотировки коммунистов, проваленных на выборах в действительные члены АН СССР. Буря доносов на него последовала после одной обычной его лекции, где он указал на ошибку Энгельса в вопросе о V-1 (хотя той же аудитории говорил об очень интересных, по его мнению, мыслях в «Диалектике природы»). Не чуждый тщеславия, он вел колоссальную переписку с зарубежными учеными («его тешили эти сношения всегда», — замечает в своем дневнике Вернадский), — такие связи учитывались и вызывали особый интерес ГПУ. Лазарев арестован в Москве у себя дома в ночь на 5 марта 1931. Приказом по Наркомздраву от 16 мая снят с обеих директорских должностей; кафедры в МЭМИ также лишены. Институт физики и биофизики, главное детище Лазарева, передан в ведение ВСНХ и превращен в химический «Институт спецзаданий», который должен был заниматься какими-то секретными видами излучений. Все научные сотрудники института Лазарева были уволены, все богатейшее научное оборудование исчезло. Жена Лазарева, Ольга Александровна, жила, как и он, в помещении института. Ходила в ОГПУ, трижды ездила к Н.А.Семашко, который в бытность свою наркомом здравоохранения РСФСР покровительствовал Лазареву; при последнем свидании Семашко сказал, что дело Петра Петровича продлится

долго. Потом до нее дошел слух, что ее выселят, садик ее вскопают, а мужа вышлют на 10 лет. Она повесилась 13 июня, Лазарев об этом узнал не скоро. Захватив на обыске письма западных ученых, ГПУ вело долгие допросы Лазарева: по сведениям Вернадского, Лазарева «заставили описать всю жизнь — в связи с его заграничными сношениями». В сентябре 1931 его выпустили из тюрьмы и отправили в ссылку в Свердловск. Видимо, сыграли свою роль и ходатайства ряда академиков, и удачная их тактика: по совету А.Н.Баха (подписавшего записку о Лазареве последним) обратились не к Куйбышеву (недолюбливавшему Академию), а к его сопернику — Молотову. Из тюрьмы Лазарев вышел с подорванным здоровьем (приступы эпилепсии). Думал о самоубийстве. В Свердловске читал лекции в геологоразведочном институте и в Институте профзаболеваний, работал над приложением биофизики к медицине. «На прощание» прочитал там лекцию в ГПУ: «Начало и конец Вселенной» (на эту закрытую лекцию пришли и местные диаматчики, и геологи-профессора). Вернулся в столицы в конце февраля 1932. «Очень я счастлив, что его вернули, — записал в дневнике Вернадский, — не академическая власть хлопотала, а Мензбир и товарищи и ученики. Вавиловы отказались подписать. Шло через Молотова». Опальным Лазарев остался, в общем, до конца жизни. За «лженаучные теории» его громили в 1938-м.

Ландау Лев Давидович (1908-1968) — физик-теоретик. Академик АН СССР с 1946. Член ряда зарубежных академий. Нобелевский лауреат (1962). Перед арестом — зав. теоретическим отделом Института физических проблем (ИФП, Москва). Арестован в Москве утром 28 апреля 1938, исключен из списка сотрудников ИФП 3 мая. Помещен в Бутырки, где женщина-следователь, ругавшаяся матом, первым делом показала ему заявление его соавтора по книге «Механика», участника «капичников», который называл Ландау немецким шпионом. Нескончаемые ночные допросы не прекратились и после «признания» Ландау. Ему были сломаны два ребра. Освобождения его добивались директор ИФП П.Л.Капица и Н.Бор (в личном письме Сталину). 26 апреля 1939 Капица был принят в НКВД двумя заместителями Берии. Ему предложили ознакомиться с «делом» Ландау, Капица отказался. Его спросили, готов ли он поручиться за арестованного, и Капица написал: «Прошу освободить из-под стражи арестованного профессора физики Льва Давидовича Ландау под мое личное поручительство. Ручаюсь перед НКВД в том, что Ландау не будет вести какой-либо контрреволюционной деятельности в моем институте, и я приму все зависящие от меня меры к

тому, чтобы он и вне института никакой контрреволюционной работы не вел. В случае, если я замечу со стороны Ландау какие-либо высказывания, направленные во вред Советской власти, то немедленно сообщу об этом органам НКВД» (см.: Капица П.Л. Письма о науке. М., 1989. С.179). Два дня спустя Ландау был восстановлен в списке сотрудников ИФП. При выходе на свободу не мог передвигаться самостоятельно. Встречавшему его физику тут же сказал: «А я научился в уме считать тензоры». Освобожден в 1939.

Левина Ревекка Сауловна (1899-1964) — экономист-аграрник. Чл.-корр. АН СССР с 1939. Была зам. директора Института мировой экономики. Арестована в январе 1948. В заключении и ссылке до января 1955. Вернулась непоправимо больная. Из списков АН исключена, восстановлена постановлением Президиума 4 марта 1955 (§99).

Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (1861-1939) — геолог, минералог, петрограф. Чл.-корр. Петербургской АН с 1914, академик РАН с 1925. Перед арестом избран, а затем, после отказа, повторно избран ректором Петроградского Политехнического института. Не мог работать, как и ушедший перед ним в отставку М.А.Шателен, из-за незаконных действий комитета бедноты (комитет рабочих и служащих института, пытавшийся захватить власть в нем). В ответ на повторное избрание Левинсон-Лессинг арестован 1 октября 1919 и продержан под арестом до 30 октября, после чего новым ректором (5 ноября) был избран другой кандидат.

Левитский Григорий Андреевич (1878-1942?) — цитолог, морфолог растений, генетик. Чл.-корр. АН СССР с 1932. К моменту первого ареста — зав. Цитологической лабораторией ВИРа в Детском Селе, профессор сельскохозяйственного института там же; преподавал и в ЛГУ. Арестован в конце января 1933 в Детском Селе (с 1937 — г.Пушкин). Содержался в Ленинграде в ДПЗ на Шпалерной, некоторое время (когда заболел рожей) — в тюремной больнице Крестов. Обвинен в создании эсеровской террористической группы. Приговорен к ссылке Тройкой ПП ОГПУ в ЛВО 21 апреля 1933, перед отъездом отпущен на несколько дней домой. В ссылку ехал за свой счет поездом до Ачинска. Местом ссылки было определено сельцо в 10-12 километрах от Бирилюсс (Восточно-Сибирский край). За Левитского хлопотали Г.Дж.Меллер, Н.И.Вавилов, Д.Костов, Г.К.Мейстер. В конце лета или осенью Левитский получил разрешение переехать в Саратов, где осенью 1933 начал работать на сельскохозяйственной станции. В феврале

или марте 1934 вернулся в Детское Село и занял прежнее место в ВИРе. В 1937 (поздней осенью?) арестован в Пушкине, увезен в Ленинград, выпущен на следующий день. По решению УНКГБ ЛО от 27 июня 1941 арестован на следующий день. Содержался в Ленинграде в Большом доме. В начале июля вывезен по железной дороге в Златоустовскую тюрьму. В конце ноября или начале декабря 1941 вызван из тюрьмы и исчез. По слухам, заболел на следствии, был переведен в тюремную больницу и там скончался. Хотя умер не осужденным, а подследственным, из официальных списков АН вычеркнут. По делу 1941 реабилитирован Прокуратурой Ленинграда 17 декабря 1955, по делу 1933 — Президиумом Ленгорсуда 28 декабря 1956. Восстановлен в Академии наук распоряжением Президиума АН 7 декабря 1956 (№2-2648).

Левицкий Олег Дмитриевич (1909-1961) — геолог. Чл.-корр. АН СССР с 1953. Арест после войны?

Лейбензон Леонид (Леон) Самуилович (1879-1959) — ученый-механик, специалист в области гидродинамики, теории упругости, теории фильтрации газа и нефти. Чл.-корр. АН СССР с 1933 по 29 апреля 1938 (исключен Общим собранием) и с 28-29 октября 1939 (восстановлен Общим собранием, §4). Академик с 1953. К моменту ареста — профессор МГУ (зав. кафедрой упругости, директор университетского НИИ механики), профессор Московского нефтяного института, действительный член ЦАГИ по специальности «аэродинамика». Арестован 10 июля 1936 на своей даче в Кратове, под Москвой. На время следствия помещен в одну из московских тюрем. Московским городским судом 5-9 декабря 1936 оправдан и освобожден из-под стражи. Вновь арестован 17 декабря 1936 — в день отмены первоначального приговора специальной коллегией Верховного суда РСФСР, 28 января 1937 спецколлегия Мосгорсуда приговорила его и жену к «сылке без принудительного лишения свободы в Казахстан, сроком на три года каждому, без поражения в правах». Заключен в Таганскую тюрьму, под конвоем доставлен в Алма-Ату 23 апреля 1937. Выехал в Актыбинск, определенный ему и жене местом ссылки. Смог устроиться лишь в небольшом городке Темире, в ста километрах от Актыбинска. Некоторое время работал в школе, причем инспектор нашел, что Лейбензон дает уроки на низком научном (!) уровне. Написал в ссылку ряд работ, в том числе в 1937 монографию «Вариационные методы решения задач упругости с приложением к изгибу и кручению авиационных профилей»: положительный отзыв С.А.Чаплыгина на этот труд и его хлопоты, видимо, помогли освобождению Лейбензона. Пережил в ссылке первый ин-

фаркт. В мае 1939 протестом прокурора оправдан. Узнал об этом 19 мая, вернулся в Москву в июне 1939.

Линниченко Иван Андреевич (1857-1926) — историк. Чл.-корр. Петербургской АН с 1913, чл.-корр. Краковской АН. Возможно, подвергался аресту в годы гражданской войны или в начале 1920-х; в печати отмечалось, что он «оказался в лагере контрреволюционеров».

Лихачев Дмитрий Сергеевич (р. 1906) — литературовед, культуролог. Чл.-корр. АН СССР с 1953, академик с 1970. Действительный член многих зарубежных академий. Во время учебы в Петроградском (Ленинградском) университете с середины 1927 участвовал в собраниях дружеского кружка студентов, давшего себе название «Космическая Академия наук», прочитал там шуточный доклад, за что был произведен друзьями в «академики» по кафедре старой орфографии. Арестован в Ленинграде вместе с восемью другими «академиками» 8 февраля 1928, вскоре после празднования первой годовщины КАН, когда один из кружковцев послал из Детского Села шуточную поздравительную телеграмму от имени папы римского. В октябре 1928 получил по ст. 58, п.11 пять лет лагерей, под следствием сидел в ДПЗ на Шпалерной. В самом конце октября—начале ноября 1928 этапирован на Соловки, затем на Беломорканале. Был на различных физических работах: валил лес на трассе Филимоновской железнодорожной ветки, таскал бревна и кирпичи, возил снег, мусор и свиной навоз, был помощником ветеринара, электромонтером... Вышел 8 августа 1932. Хотя судимость была снята как с ударника, долго не мог устроиться на работу.

Лихачев Николай Петрович (1862-1936) — историк, искусствовед, специалист в области вспомогательных исторических дисциплин. Чл.-корр. Петербургской АН с 1901, академик в 1925-1931 (исключен Общим собранием 2 февраля). Создатель частного историко-культурного музея, переданного им государству (с 1925 — Музей палеографии АН СССР) и бессменный директор его до момента ареста. Член Археографической комиссии АН, профессор ЛГУ. Арестован 28 января 1930 по «делу АН». Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 выслан на 5 лет в Астрахань. Согласно приговору, имущество Лихачева и его семьи конфискации не подлежало, однако было увезено (рукописи, фотографии, мебель, картины, предметы домашнего обихода), что лишило его, в отличие от С.Ф.Платонова и М.К.Любавского, возможности существовать на средства от продажи своего имущества. Вернулся в Ленинград в 1933. Не принят на работу в созданный им Инсти-

тут книги, документа и письма (бывший Музей палеографии) даже на должность рядового сотрудника. Паспорт для постоянного жительства в Ленинграде получил 4 февраля 1934. Оказавшись в положении иждивенца своей дочери, много месяцев не получал, тем не менее, хлебной карточки. В попытках формально восстановить свою квалификацию научного работника обращался в КСУ, СНР и т.д., а затем к правительству (В.В.Куйбышев), руководству АН СССР (В.П.Волгин), руководству ленинградского ГПУ (А.А.Мосевич). На пенсию, как привлекавшийся по 58-й статье, прав не имел. С декабря 1935 прикован болезнью к постели. Реабилитирован ВК ВС 20 июля 1967. Восстановлен в АН в 1990.

Лободá Андрей (рус. — Андрей Митрофанович) (1871-1931) — фольклорист, этнограф, историк литературы; организатор краеведческого движения на Украине. Чл.-корр. РАН с 1923. Академик Украинской АН, в 1923-1925 — ее вице-президент. Профессор Киевского университета. По неуверенному сообщению, арестовывался в начале 20-х годов. По другому источнику, арестован в ноябре 1928 (предполагалась его высылка в Нарым).

Лукин Николай Михайлович (псевдоним — Н.Антонов) (1885-1940) — историк, специалист по новой истории Франции и Германии. Академик АН СССР в 1929-1938. До 1938 директор Института истории АН СССР и ответственный редактор журнала «Историк-марксист». Арестован в августе 1938, не вернулся. Умер, по одним источникам, в июне 1940, по другим — в июле. Исключен из АН 5 сентября 1938 (§28). Восстановлен Президиумом АН 26 апреля 1957 (§366).

Лукирский Петр Иванович (1894-1954) — физик, специалист в области электроники, физики рентгеновских лучей, физики атомного ядра. Чл.-корр. АН СССР с 1933, академик с 1946. К моменту ареста — профессор ЛГУ и научный сотрудник Ленинградского Физико-технического института. Арестован в Ленинграде 2 апреля 1938 за участие в «фашистской организации», приговорен 2 сентября 1938 ОСО НКВД к 5 годам ИТЛ. Содержался в лагере в Соликамске. В феврале 1939 целая группа ученых (С.И.Вавилов, А.Ф.Иоффе, П.Л.Капица, А.Н.Крылов, Н.И.Мухелишвили, В.А.Фок) обратилась с письмом к новому наркому НКВД Л.П.Берии с просьбой «вновь пересмотреть основания, послужившие к осуждению» Лукирского, Круткова и В.К.Фредерикса. В письме подчеркивалось, что Лукирский «был ведущим ученым в области фотоэлементов и создателем целой научной школы. Его работы вошли во все учебники». В феврале 1940 дело Лукирского было пересмотрено, заключение о его невиновности вынесено. Однако

ученый продолжал оставаться в заключении, причем родным стало известно, что он содержится в тяжелых условиях. П.Л.Капица обратился 4 июня 1940 к вице-президенту АН О.Ю.Шмидту: «Я не знаю, что я лично мог бы по этому поводу предпринять, но, может быть, Вы найдете возможным, ввиду того, что с изъятием Лукирского значительно упала наша теоретическая работа по электронным явлениям, имеющая большое практическое значение, обратиться от имени Академии наук в НКВД СССР с просьбой ускорить рассмотрение дела Лукирского как бывшего члена-корреспондента Академии наук». А.Ф.Иоффе на официальном директорском бланке Физтеха написал 30 июля 1940 самому заключенному: «Дорогой Петр Иванович! От Елизаветы Николаевны узнал Ваш адрес. Мы надеемся, что Вы скоро вернетесь в среду советских физиков, где Ваше отсутствие весьма болезненно ощущается. Ленинградский университет не может найти лица, которое хотя бы частично заменило Вас, и ждет Вашего возвращения на кафедру /.../. Но больше всего чувствует Ваше отсутствие советская электрофизика и электротехническая промышленность, для которых Вы были и являетесь высшим авторитетом. /.../ Мы убеждены, что ошибка, приведшая к Вашему осуждению, скоро разъяснится, что моральная и политическая чистота Ваших мыслей и действий будут выяснены». Дело Лукирского пересмотрено и прекращено ОСО 12 августа 1942. Освобожден он в октябре того же года.

Луппол Иван Капитонович (1896-1943) — философ, литературовед. Чл.-корр. АН СССР (по философии) с 1933, академик (по литературоведению) с 1939. Организатор и первый директор ИМЛИ — Института мировой литературы им. М.Горького (до 1940). Арестован, видимо, в конце февраля 1941. Приговорен к расстрелу. С 29 октября 1941 содержался в камере смертников Саратовской тюрьмы вместе с Н.И.Вавиловым. В июле 1942 Президиумом Верховного Совета ВМН заменена 20-ю годами лагеря. Переведен в общую камеру, а затем отправлен в лагерь в Мордовию, где и скончался 26 мая 1943. Из академиков исключен в 1940 (?), восстановлен решением Президиума АН от 20 июля 1956 (§388).

Лучицкий Игорь Владимирович (1912-1983) — геолог, специалист по палеовулканологии и тектонике. Чл.-корр. АН СССР с 1968. В немецком плену в 1943-1945. После войны арестован. До заключения работал в МГУ и Институте геологических наук АН СССР (ИГЕН). В заключении работал геологом: до 1954 — в Геологическом управлении Енисейстроя МВД. Затем, освобожден-

ный, там же до 1956. По одному сообщению, занимался геолого-разведкой в Карагандинском лагере.

Любавский Матвей Кузьмич (Козьмич) (1860-1936) — историк великого княжества Литовского, России и западных славян. Чл.-корр. РАН с декабря 1917, академик в 1929-1931 (исключен Общим собранием 2 февраля). Профессор Московского университета, старший архивист-консультант Центрархива, арестован 8 августа 1930 в составе «московской секции» по «делу АН». 8 августа 1931 постановлением Коллегии ОГПУ приговорен к ссылке на 5 лет. Из ленинградской тюрьмы, где находился во время следствия, отправлен в Уфу, умер там в должности сотрудника Башкирского НИИ национальной культуры. В письме из Уфы на имя Прокурора СССР Акулова описал средства психического воздействия, применявшиеся к нему во время следствия. «По прошествии более трех лет с момента нашего осуждения и по смерти трех лиц из осужденных: академика Платонова и профессоров Рождественского и Егорова, я не смею просить Вас о пересмотре заново нашего дела во всех его подробностях, но прошу только вникнуть в общий характер собранных показаний, рисующих какую-то нелепую, абсурдную, лишённую всякого здравого смысла затею нескольких русских ученых /.../ За недостаток мужества я, и быть может другие со мною, наказаны невознаградимой потерей самоуважения. /.../ Я очень скорблю обо всех этих проявлениях малодушия с моей стороны». Прокурорский протест против приговора Любавскому и его товарищам направлен 16 июня 1967, реабилитация состоялась 20 июля 1967, в званиях академиков Любавского, Лихачева и Платонова восстановили.

Любович Николай Николаевич (1855-?) — историк-медиевист, специалист по польской реформации и католической реакции. Чл.-корр. РАН с 1924. Работал в Ростовском (Северо-Кавказском) университете, с 1929 на пенсии. Репрессирован, предположительно, до 1933 года. В печати встречаются разные даты смерти: 1933, 1935, 1938.

Майский В. (Ляховецкий Иван Михайлович; первоначальный псевдоним сделал позже своей фамилией) (1884-1975) — публицист, дипломат, историк. Академик АН СССР с 1946. Перед арестом — научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР. Арестован 19 (по другим данным, 24) февраля 1953, просидел под следствием и после суда два с половиной года в тюрьме. Обвинение — по статье 58, пункт 1а (измена родине). По предположению А.М.Некрича, процесс над Майским должен был стать прелюдией к суду над В.М.Молотовым. При свержении Бе-

рии Майский назван в закрытом письме ЦК КПСС агентом Берии и английским шпионом, которого Берия якобы хотел сделать министром иностранных дел. ВК ВС СССР в закрытом заседании 10 июня 1955, обвинив Майского в служебных преступлениях (ст. 109 УК — злоупотребление властью), приговорила его к 6 годам лишения свободы. В ответ на просьбу о помиловании Президиум Верховного Совета СССР 22 июля 1955 амнистировал Майского и освободил его от наказания, а затем приговор суда был отменен. Исключен из академиков в 1953, восстановлен 16 декабря 1955 Президиумом АН (§643).

Максимов Николай Александрович (1880-1952) — специалист по экологической физиологии растений. Чл.-корр. АН СССР с 1932. Академик с 1946. До ареста руководил Отделом физиологии растений в ВИРе; один из наиболее близких сотрудников Н.И.Вавилова. В начале 1933 арестован в числе нескольких десятков вировцев. Обвинен в принадлежности к партии социалистов-революционеров. Постановлением ОСО при Коллегии ОГПУ от 28 июня 1933 выслан из Ленинграда на 3 года. Выехал в Саратов, стал там сотрудником Всесоюзного института зернового хозяйства, с 1935 — профессором в университете. С 1939 в Москве.

Маркевич Арсений Иванович (1855-1942) — историк Крыма, архивист, археолог, этнограф. Чл.-корр. АН СССР с 1927. Жил в Симферополе. В 1930-1931 обвинялся в «реабилитации колониальной политики русского правительства в Крыму». Арестован?

Мигдал Аркадий Бенедиктович (1911-1991) — физик-теоретик. Ученик арестованного и расстрелянного в 1937 физика М.П.Бронштейна. Чл.-корр. АН СССР с 1953, академик с 1966. В 1931 исключен из ЛГУ «за непролетарское происхождение». В 1933 арестован, в заключении 70 дней.

Милиц Александр Львович (1894-1974) — специалист в области радиотехники. Чл.-корр. АН СССР с 1946, академик с 1958. Первый раз арестован в январе 1920, в только что занятом Первой конной армией Ростове-на-Дону — родном городе Минца. Незадолго до этого (1918) окончил в Ростове Донской университет. Будучи сыном инженера-предпринимателя, владевшего в Ростове фабрикой приборов, не бежал вместе с родителями, а остался в семейном особняке. Не согласился пустить красного командира в свою комнату на постой — и наутро был арестован как «белый шпион». Находясь под стражей, предложил организовать радиодивизион в составе Первой Конной. Успешно выполнив эту задачу, обрел свободу, остался в армии начальником радиодиви-

зиона, проделал вместе с армией поход против поляков. Второй арест — предположительно в 1928-1929: проектировал мощную радиостанцию и руководил ее строительством. В третий раз взят перед войной, получил задание лично от Берии. Формально был заключенным, кажется, около полугода. Всего же в Лаборатории спецтехники НКВД проработал с 1938 по 1946. Вел секретные разработки в шараге. Во время войны руководил проектированием и строительством крупнейшей советской радиостанции под Куйбышевом, которое велось силами заключенных; сколько мог, постарался облегчить их участь (уберечь от тифа, представить к освобождению).

Михеев Михаил Александрович (1902-1970) — специалист в области теплотехники. Чл.-корр. АН СССР с 1946, академик с 1953. Сотрудник Ленинградского физико-технического и Тепло-технического институтов. Арестован по «делу Промпартии» 13 октября 1930 (по ст. 58-7-11), содержался в ДПЗ. Постановлением Коллегии ОГПУ от 23 августа 1931 его дело прекращено, освобожден из-под стражи.

Мошкин Пантелеймон Афанасьевич (1891-1971) — химик-технолог. Чл.-корр. АН СССР с 1953. В 1928-1931 профессор Московского химико-технологического института, с 1943 работал в НИИ пластмасс. Арест в 1931-1941?

Надсон Георгий Адамович (1867-1939) — микробиолог, генетик. Чл.-корр. АН СССР с 1928, академик с 1929 по 29 апреля 1938 (исключен Общим собранием). Арестован в октябре 1937 (был директором Института микробиологии АН СССР). Погиб, реабилитирован. В Академии восстановлен Общим собранием 1 февраля 1956 (§4).

Некрасов Александр Иванович (1883-1957) — специалист в области механики и гидродинамики. Чл.-корр. АН СССР с 1932, академик с 1946. С 1930 сотрудник ЦАГИ — Центрального аэродинамического института. В 1937 — профессор МГУ. Арест Некрасова последовал за возвращением его из США, где он во время научной командировки попал в автомобильную катастрофу и стал инвалидом (участок памяти, связанный с теоретической механикой, он сохранил). Арестован, видимо, в 1937. Среди обвинений: агент ФБР, продал часть Поволжья одному американскому миллиардеру. По приговору (1938?) имел 10 лет заключения. В туполевской шараге был начальником расчетной бригады. Выпущен до окончания срока, в 1941.

Ненадкевич Константин Автономович (1880-1963) — геохимик и минералог. Ученик В.И.Вернадского. Чл.-корр. АН СССР с 1946. Арест в 1919-1920?

Николай Михайлович, великий князь (1859-1919) — историк России, в особенности эпохи Александра I. Почетный член Петербургской АН. Председатель Русского исторического общества, переизбран после Февраля. Арестован около 30 июня 1918. Находился в Крестах, заведовал там библиотекой. Ходатайство РАН за него рассмотрено и отвергнуто на заседании Совнаркома 16 января 1919. Расстрелян в Петропавловской крепости 29 января 1919.

Николаев Виктор Арсеньевич (1893-1960) — геолог, петрограф. Чл.-корр. АН СССР с 1946. Арест в 1932-1933?

Новосадский Николай Иванович (1859-1941) — филолог-классик, палеограф, специалист в области греческой эпиграфики. Чл.-корр. РАН с 1917. Арест в 1929-1934?

Нумеров Борис Васильевич (1891-1941) — астроном, геофизик, геодезист, гравиметрист. Чл.-корр. АН СССР с 1929. Основатель и (до ареста) бессменный директор Астрономического института в Ленинграде. Арестован по «пулковскому делу» 22 октября 1936. Обвинен в создании фашистской террористической организации, в шпионаже и вредительстве. Сидел в Крестах. Приговорен 25 мая 1937 к 10 годам лишения свободы. Расстрелян в Орле (без какого-либо дополнительного расследования или допроса) 13 сентября 1941, перед сдачей города фашистам. Судьба научных работ, написанных им в Крестах и в Орловской тюрьме, неизвестна. Исключен из Академии Общим собранием 29 апреля 1938, восстановлен постановлением 11 мая 1957 (и/или Президиумом АН 11 августа 1967, №713 ??).

Обреимов Иван Васильевич (1894-1981) — физик-экспериментатор, специалист по физической оптике. Чл.-корр. АН СССР с 1933, академик с 1958. Перед арестом — в Харьковском Физико-техническом институте (до 1937 — директор). Арестован в июне 1938. Находясь в заключении в Киеве, а затем в Москве (во Внутренней тюрьме на Лубянке), работал над монографией, посвященной разработке одного из самых чувствительных измерительных методов в тогдашней физике, — «О приложениях френелевой дифракции к физическим и техническим измерениям»; эта работа закончена к 19 декабря 1939 и сдана в следственную часть НКВД СССР. Разработка двух измерительных приборов, начатая им в 1940, осталась незаконченной после того, как он был лишен книг и чертежных принадлежностей (после приговора весной

1940 ?). 26 апреля 1940 обратился к президенту АН СССР С.И.Вавилову и к академику П.Л.Капице с просьбой «озаботиться о моем научном наследстве», «так как я выбываю из строя научных работников СССР». Отправлен в лагерь в Котлас, работал там грузчиком. Освобожден 24 мая 1941 по отсутствию состава преступления.

Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934) — индолог, буддолог. Аджюнк Петербургской АН с 1900, экстраординарный академик с 1903, ординарный с 1908. Непременный секретарь Академии с 1904 по 30 октября 1929. Чл.-корр. Берлинской и Геттингенской академий. Арестован в Петрограде 4 сентября 1919, помещен в ДПЗ на Шпалерной. Едва не попал в карцер за то, что в книге, переданной ему в тюрьму президентом АН А.П.Карпинским, оказались две открытки, когда-то кем-то кому-то адресованные. Наиболее ужасны для него были ночи: из камеры выводили обреченных на расстрел. Делегации ученых и литераторов Петрограда выехали в Москву, чтобы добиться освобождения своих товарищей (аресты были массовыми). А.В.Луначарский 11 сентября заявил им, что арест Ольденбурга «не длился более одного дня и что во всяком случае Сергей Федорович сейчас свободен». Л.Б.Каменев 13 сентября показал им «список освобожденных лиц, в первую очередь С.Ф.Ольденбурга». Освобожден Ольденбург 26 или 27 сентября. По дневниковой записи Е.П.Казанович, у него после освобождения была походка человека, на двадцать лет состарившегося и разбитого.

Орлов Сергей Владимирович (1880-1958) — астроном, астрофизик. Чл.-корр. АН СССР с 1943. С 1926 профессор МГУ. В 1923-1930 зам. директора, директор Главного астрофизического института в Москве, с 1931 в Главном Астрономическом институте им. П.К.Штернберга (в 1943-1952 директор). Арест в 1930-е?

Осинский Н. (наст. имя — Оболенский Валериан Валерианович) (1887-1938) — экономист, публицист. Академик АН СССР с 1932 по 29 апреля 1938 (исключен Общим собранием). Арестован осенью 1937. ВК ВС СССР приговорен 1 сентября 1938 к ВМН и расстрелян в тот же день (слух о том, что содержался в Орловской тюрьме и расстрелян в 1941, перед сдачей Орла немцам, кажется, не подтверждается). Реабилитирован, восстановлен в АН Президиумом 12 июля 1957 (§540).

Осипов Виктор Петрович (1871-1947) — медик-психиатр. Чл.-корр. АН СССР с 1939. В 1944 — в первом составе Академии медицинских наук. Профессор Военно-медицинской академии в Пет-

рограде-Ленинграде. Арестован первый раз в мае 1919, в заключении не менее чем до сентября; второй раз — 27-29 мая 1921; в третий — примерно в 1923. Обстоятельства нам неизвестны.

Палладин Владимир Иванович (1859-1922) — ботаник, физиолог растений, биохимик. Чл.-корр. Петербургской АН с 1905, академик с 1914. В 1920-1921 директор Никитского ботанического сада. Читал лекции в Таврическом университете. Арест в 1920?

Пальмен Иоган Аксель (1845-1919) — зоолог. Чл.-корр. Петербургской АН с 1894. Арест в 1918-1919?

Парин Василий Васильевич (1903-1971) — физиолог, один из инициаторов космической физиологии и физиологической кибернетики; в период войны — зам. наркома здравоохранения. Академик АН СССР с 1966. Действительный член АМН и ее академик-секретарь с 1944 до момента ареста; фактический организатор АМН. Вновь академик-секретарь АМН в 1957-1960, вице-президент в 1963-1966. Арестован в ночь с 17 на 18 февраля 1947 у себя дома в Москве. Обыск длился более суток и начался вскоре после возвращения Парина из Кремля, где на совещании в присутствии Парина Сталин сказал: «А я Парину не доверяю». Обвинение: шпионаж в пользу США (ст.58, п.1а). Допросы вел В.С.Абакумов, ученого выдерживали в карцерах и в холодных ваннах. Приговор ОСО при министре госбезопасности СССР (8 апреля 1948): 25 лет лишения свободы с конфискацией имущества (ВМН в то время). По этапу отправлен в Норильск, снят с этапа в Красноярске, в обычном вагоне ехал обратно. Затем во Владимирском штрафном изоляторе. Перенес в тюрьме болезнь Боткина (ее никак не лечили), последствием которой стал цирроз печени. Освобожден по пересмотру дела. 29 октября 1953 выбыл из Орловского централа во Внутреннюю тюрьму МВД СССР, вечером в тот же день привезен домой.

Парнас Якуб Оскарович (1884-1949) — биохимик. Академик АН СССР с 1942. В первом составе действительных членов АМН (1944). В СССР — после присоединения Львова при разделе Польши в сентябре 1939. До 1948 — директор Института биохимии АМН, до момента ареста — зав. организованной им Лабораторией физической химии АН СССР. Арестован 29 января 1949 и, видимо, скончался в тот же день (инфаркт?). Передачи (посылки) от жены принимали еще в течение двух лет. Исключен из Академии наук в 1949. (Год 1949 был отмечен беспобедным пиrom лысенковцев и травлей «космополитов». И.И.Презент, правая рука Лысенко, стал деканом двух биофаков — в МГУ и ЛГУ — и

разъезжал читать лекции то туда, то сюда. Среди арестованных и сосланных коллег Парнаса по Академии наук была физиолог Л.С.Штерн. В ходу было мрачное академическое mot: «Парнас не гора, Штерн не звезда, Презент не подарок»).

Перетц Владимир Николаевич (1870-1935) — историк литературы — русской и украинской; автор работ по источниковедению, текстологии, палеографии, искусствознанию, фольклористике. Академик Петроградской АН с 1914. Арестован 11 апреля 1934 в своей квартире в Ленинграде по «делу Российской национальной партии». В апреле-июне на следствии в Москве в ОГПУ. 16 июня 1934 ОСО при Коллегии ОГПУ выслан на 3 года в Саратов (по ст.58), где и умер 23 сентября 1935. 22 декабря 1934 решением Общего собрания исключен из АН СССР. Реабилитирован 17 июля 1957 Президиумом Ленинградского облсуда. Восстановлен в АН решением Президиума от 30 августа 1957 (§661).

Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863-1942) — историк-медиевист. Чл.-корр. РАН с 1924, академик с 1929. Арестован в августе или сентябре 1919 в Москве во время массовых арестов московской интеллигенции в связи с «делом Национального центра». Взят в квартире вместе со своими гостями. Препровожден ночью пешком, вместе с остальными задержанными, на Лубянку, в Особый отдел ВЧК. Находился там несколько дней. В эти дни был арестован и его малолетний сын, находившийся в летней школьной колонии под Москвой. «Наконец Петрушевского вызвали к допросу. Он вернулся скоро. Его спрашивали, для какой цели к нему собрались его знакомые. Он объяснил, что все пришли послушать игру на рояли его дочери, — вспоминает попавший в эту историю А.А.Кизеветтер, и это чистая правда по отношению ко всем, кроме Кизеветтера: он искал у Петрушевского спасения от ареста. — На вопрос, кто может поручиться за его политическую лояльность, он назвал имена своих учеников, пребывавших на средних ступенях большевицкого Олимпа. Следовательно сказал, что наведет справки, и допрос тем и кончился. На другой день в нашу камеру явился плотный господин армянского типа в прекрасной серой шляпе и объявил Петрушевскому, что он свободен. То был, как потом оказалось, следовательно Агранов».

Пигулевская (урожд. Стебницкая) Нина Викторовна (1894-1970), византолог, сириолог. Чл.-корр. АН СССР с 1946. До ареста — хранитель восточных рукописей ГПБ в Ленинграде. Арестована 11 декабря 1928 по «делу Мейера», постановлением Коллегии ОГПУ от 22 июля 1929 (дело №75819) получила 5 лет концлагеря. Отправлена в Соловецкие лагеря. По непроверенному

сообщению, в 1929 в СЛОН получала из-за границы корректуры своих статей для правки. В 1930 активирована. Освобождена досрочно 24 июля 1931 согласно постановлению Центральной комиссии ОГПУ №181 от 26 июня 1931 по разгрузке СЛАГ ОГПУ; переведена в ссылку в Архангельск, до конца 1933 преподавала там в школе. В Ленинграде с 1934.

Пичета Владимир Иванович (1878-1947) — историк-славист. Чл.-корр. АН СССР с 1939, академик с 1946. Академик Белорусской АН с 26 декабря 1928 до 6 декабря 1930 (исключен решением Совнаркома Белоруссии как враг пролетарской диктатуры). До 1929 профессор и ректор БГУ — Белорусского гос. университета. Арестован в Минске 14 сентября 1930, присоединен к «делу АН», привезен в Ленинград. Коллегией ОГПУ 8 августа 1931 приговорен к высылке на 5 лет. Сослан в Вятку. В заявлении от 4 июня 1932 писал: «Прошу ОГПУ пересмотреть мое дело о принадлежности моей к контрреволюционной организации Платонова—Любавского, о которой я не имел и не мог иметь ни малейшего представления. /.../ В минуту величайшего уныния и упадка духа, в крайне подавленном состоянии, вызванном неожиданно создавшейся для меня обстановкой арестованного, я писал протокол о своей принадлежности к организации, о которой я не знал и не мог знать». Реабилитирован 20 июля 1967.

Платонов Сергей Федорович (1860-1933) — историк России. Чл.-корр. Петербургской АН с 1909, академик РАН с 1920, исключен из АН СССР Общим собранием 2 февраля 1931 (§20). Арестован в Петрограде 28 мая 1919; выпущен в тот же день вечером по личному приказу Зиновьева. До снятия в 1929 (в ходе чистки АН) — директор Библиотеки АН. До 9 ноября 1929 — академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР и председатель Археографической комиссии АН. В момент ареста — директор Пушкинского Дома. Арестован в Ленинграде 12 января 1930, сделан главной фигурой «дела Академии наук». 8 августа 1931 Коллегией ОГПУ приговорен к высылке на 5 лет. Отправлен в Самару, где и скончался в январе 1933. Реабилитирован 20 июля 1967. Восстановлен в АН постановлением Президиума АН СССР от 5 апреля 1968.

Плеске Федор Дмитриевич (Эдуардович) (1858-1932) — зоолог-орнитолог. Адъюнкт Петербургской АН с 1890. Работал в Зоологическом музее АН. Арест в 1932?

Подвысоцкая (Каплан-Подвысоцкая) Ольга Николаевна (1884-1958) — медик-дерматолог. Чл.-корр. АН СССР с 1939. Дей-

ствительный член АМН с 1944. Работала в Ленинграде — в Институте усовершенствования врачей и в Кожно-венерологическом институте. Время и обстоятельства ареста неизвестны.

Покровский Николай Николаевич (р.1930) — историк, исследователь старообрядчества; сибиревед — источниковед и археограф. Чл.-корр. АН СССР с 1987. До ареста — ассистент кафедры источниковедения МГУ. Арестован 30 августа 1957 по делу Ренделя—Краснопевцева («университетское дело»). Приговорен 12 февраля 1958 Мосгорсудом по ст.58, п.10, ч.1 и п.11 УК РСФСР к 6 годам в лагерях (Дубровлаг). Лишен навсегда права проживания в Москве после отбытия срока. Освободился в августе 1963. В дальнейшем — председатель Археографической комиссии СО РАН.

Полюнов Борис Борисович (1877-1952) — почвовед. Чл.-корр. АН СССР с 1933, академик с 1946. В момент ареста — директор Почвенного института АН. Арестован 11 мая 1937 в Москве, увезен на Лубянку, обвинен в том, что был резидентом английской разведки. Переведен в Ленинград, в Кресты. Освобожден из тюрьмы 28 марта 1939 «за прекращением дела № 23283» (в другой справке: «освобожден из-под стражи за прекращением следствия по его делу»). Общим собранием АН 29 апреля 1938 исключен из числа членов-корреспондентов, 28 июня 1939 восстановлен.

Постовский Исаак Яковлевич (1898-1980) — химик-органик. Академик АН СССР с 1970. В 1924 окончил Высшую техническую школу в Мюнхене. С 1926 работал в Уральском Политехническом институте. Арест в 1930-е?

Прилежаев Николай Александрович (1873-1944) — химик-органик. Чл.-корр. АН СССР с 1933. В 1915-1923 профессор Киевского Политехнического института, затем Белорусского университета. Арест в 1930-е?

Прянишников Дмитрий Николаевич (1865-1948) — агрохимик, физиолог растений, растениевод. Чл.-корр. Петербургской АН с 1913, академик АН СССР с 1929. По непроверенным сведениям, арестован не позднее августа 1930, вскоре выпущен (источник — заступническое письмо академика И.П.Павлова).

Птуха Михаил Васильевич (1884-1961) — демограф и статистик. Чл.-корр. АН СССР с 1943. Академик Украинской АН. Директор Института демографии в Киеве (с 1934) — Институт демографии и социальной статистики. Первый арест — в 1922. Второй — в 1937 (видимо, связан с «делом» брата, крупного во-

енного, второго секретаря Дальневосточного крайкома ВКП(б) — он расстрелян в апреле 1938). Созданный М.В.Птухой институт в 1938 закрыт.

Пустовойт Василий Степанович (1886-1972) — биолог, селекционер, специалист по подсолнечнику. Академик АН СССР с 1964. Академик ВАСХНИЛ. До революции организовал под Екатеринодаром опытно-селекционное поле «Круглик» и руководил им до ареста; до ареста заведовал кафедрой в Кубанском сельскохозяйственном институте. Арестован в Краснодаре в августе 1930. Получил 10 лет. Освобожден по сокращению срока в мае 1934, затем до марта 1935 — директор Центрального опытного поля Карлага. Вывел там карагандинский сорт проса.

Разуваев Григорий Александрович (1895-1989) — химик-органик, специалист по военной химии. Чл.-корр. АН СССР с 1958, академик с 1966. Иностраный член Нью-Йоркской АН. К моменту ареста — зам. директора ГИВДа (Гос. института высоких давлений) по научной части, руководитель лаборатории, профессор двух ленинградских вузов (в Технологическом — и зав. кафедрой). Ученик академика В.Н.Ипатьева, к тому времени ставшего невозвращенцем. Арестован в 1934, по трем пунктам статьи 58 осужден на 10 лет. По воспоминаниям Разуваева, сначала на лесоповале, года через два получил было работу по специальности, но тут началась ежовщина. Воспоминания Г.А.Бонч-Осмоловского уточняют: Разуваев был некоторое время в лагере на Воркуте, работал по анализу зольности углей; затем в колонии малолеток под Архангельском (преподаватель); с марта 1936 опять в Ухтпечлаге. На общих работах до 1942, затем на радиевом заводе (Ухта); в том же году расконвоирован. За успешную работу досрочно освобожден из Ухтижемлага, но задержан без выдачи паспорта. «Кандидатом химических наук я стал еще в 1945, будучи формально ссыльным. Начальник лагеря послал меня в Москву сопровождать поезд с продукцией завода. В Москве я зашел к Александру Николаевичу Несмеянову (знакомы были издавна). Он спросил, могу ли я отыскать отписки моих публикаций. Комплект отписок нашелся у одного коллеги — и академик Несмеянов велел мне по ним немедленно защищаться» (докторскую защитил на следующий год). Освобожден «с 39-й статьей» (без права жительства в Москве и Ленинграде), занял кафедру в Горьком.

Раушенбах Борис Викторович (р.1915) — специалист в области теории автоматического управления, прикладной механики, инженерной психологии. Академик АН СССР (1984). Член Международной академии астронавтики. В 1938 окончил институт в Ле-

нинграде, работал инженером НИИ Наркомата боеприпасов (1937-1942), ст. инженером завода Наркомата авиационной промышленности (1942-1946), начальником отдела НИИ Министерства авиационной промышленности (1947-1960), п/я 651 (1960-1966), зам. начальника комплекса ЦКБ экспериментального машиностроения Минобщемаша (1974-1978). Арестовывался в 1940-е.

Ребиндер Петр Александрович (1898-1972) — химик, биофизик, физико-химик. Чл.-корр. АН СССР с 1933, академик с 1946. Арест в 1930?

Рогинский Симон Залманович (1900-1970) — физико-химик. Чл.-корр. АН СССР с 1939. В 1930-1940 профессор Ленинградского Политехнического института. В 1941-1961 сотрудник Института физической химии АН СССР, с 1961 — Института химической физики. Аресты в 1928-1930, 1940-1941?

Родионов Владимир Михайлович (1878-1954) — химик-органик, технолог. Чл.-корр. АН СССР с 1939, академик с 1943. Перед арестом и после него — профессор МГУ. Арестован в 1930. Отказался работать в шараге, предпочел выучиться сапожному ремеслу — и был в заключении сапожником, пока его не выпустили. Освобожден в 1932.

Рожанский Дмитрий Аполлинариевич (1882-1936) — физик, радио-физик; один из пионеров радиолокации в СССР. Чл.-корр. АН СССР с 1933. До ареста — сотрудник Гос. Физико-технической лаборатории (ГФТЛ) в Ленинграде. Арестован 5 октября 1930 после отказа голосовать на собрании за смертную казнь обвиняемым по «делу Промпартии» (еще до начала судебного процесса над ними). Исключен из списка ГФТЛ 29 ноября. За него хлопотал А.Ф.Иоффе, имевший специальную встречу с Орджоникидзе. Через 2-3 месяца Рожанский переведен в Ленинградское техническое бюро (одна из ранних шарашек). Постановлением УНКВД от 19 июля 1931 дело прекращено за недостаточностью улик. Освобожден 26 июля 1931.

Рождественский Сергей Васильевич (1868-1934) — историк России, архивист; специалист по истории народного просвещения в России. Чл.-корр. РАН с 1920. Профессор Петербургского/Ленинградского университета, сотрудник Библиотеки АН (до июля 1929 помощник директора). 10 ноября 1929 комиссией по чистке снят с работы в АН по второй категории («не возражая против использования по специальности вне Академии наук»). Арестован 1 декабря 1929 у себя дома в Ленинграде по «делу АН»; 8 августа

1931 Коллегией ОГПУ приговорен к 5 годам высылки. Отправлен в Томск, где и умер.

Розенберг Федор (Фридрих) Александрович (1867-1934) — иранист. Чл.-корр. РАН с 1923. В момент ареста заведовал двумя отделениями Азиатского музея. Арестован в феврале 1930, в апреле 1931 получил 10 лет лагеря, вскоре вернулся, умер в Ленинграде (все эти сведения требуют документального подтверждения).

Рутенбург Виктор Иванович (1911-1988) — историк-медиевист, специалист по итальянскому Возрождению и экономической истории Италии XIII-XVIII вв. Чл.-корр. АН СССР с 1976. В момент ареста — студент ЛГУ. В заключении в 1938-1940. С 1946 научный сотрудник, ученый секретарь, зав. сектором Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

Рыльский Максим Фаддеевич (1895-1961) — украинский поэт. С 1958 — академик АН СССР. Академик украинской АН. До 1929 учительствовал в Киеве. Ненадолго арестован в конце 1929 или начале 1930 по «делу СВУ» («Союза освобождения Украины»), но на процесс в апреле 1930 не выведен. Вместе с другими писателями-неоклассиками, к группе которых он принадлежал, арестован в 1935 по делу «террористического центра профессора Микола Зерова». Провел в Киевской тюрьме несколько месяцев (около полугода?). Дело прекращено ввиду высокой оценки, которую Сталин дал последней книге стихов Рыльского и, в частности, стихотворению о Великом Вожде: «Автора поощрить, может быть, из него со временем выйдет новый классик украинской литературы».

Рязанов (наст. фам. — Гольдендах) Давид Борисович (1870-1938) — историк, архивист, специалист по истории марксизма и международного рабочего движения; организатор архивного дела после Октября, создатель и директор Института Маркса и Энгельса. Академик АН СССР с 1929 по 3 марта 1931 (исключен постановлением Общего собрания (§35) во время судебного процесса «Союзного бюро меньшевиков», где неоднократно всплывало его имя). Арестован 16 февраля 1931, выслан в Саратов. В 1937 арестован в Саратове, привезен в Москву (Бутырки). 21 января 1938 ВК ВС СССР по статье 58, пунктам 8 и 11 приговорен к ВМН, в тот же день приговор приведен в исполнение. Имеются сомнительные свидетельства, будто в начале войны Рязанов еще находился в Саратовской тюрьме и будто его видели в одном из северных лагерей.

Самойлович Александр Николаевич (1880-1938) — тюрколог. Чл.-корр. РАН с 1924, академик с 1929. Директор Института востоковедения АН. Арестован в начале октября 1937 в Кисловодске.

13 февраля 1938 приговорен к «10 годам без права переписки», расстрелян. Из АН исключен Общим собранием 29 апреля 1938, восстановлен 14 декабря 1956 (решение Президиума АН, §687) — 5 марта 1957 (постановление Общего собрания, §39).

Саткевич Александр Александрович (1869-1938) — гидро-, аэро- и термодинамик. Чл.-корр. АН СССР с 1933. Профессор и в течение ряда лет начальник Военно-инженерной академии РККА, генерал-лейтенант царской армии. Арестован 8 февраля 1938 в Ленинграде, дома, ночью. Обвинен по ст.58, п.2, 6, 10, 11 как участник контрреволюционной офицерской монархической организации, проводившей шпионскую и диверсионно-повстанческую деятельность. 19 июня 1938 Комиссией НКВД и Прокурора СССР приговорен к ВМН, расстрелян 8 июля 1938 в Ленинграде. Исключен из АН в 1938, восстановлен постановлением Президиума АН СССР (§22) 4 января 1957.

Сауков Александр Александрович (1902-1964), геохимик. Чл.-корр. АН СССР с 1953. В 1929-1930 — сотрудник КЕПС. С 1932 работал в Институте минералогии, геохимии и кристаллографии им. М.В.Ломоносова. С 1937 преподавал в МГУ. Арест в 1930-1932?

Сахаров Андрей Дмитриевич (1921-1989) — физик. Академик АН СССР с октября 1953. Лауреат Нобелевской премии мира (1975). Сотрудник ФИАН — Физического института АН. С 1966 — деятель правозащитного движения, с 1971 подвергался преследованиям за это. Арестован на улице в Москве 22 января 1980, после открытого выступления против советского военного вторжения в Афганистан (три заявления, пресс-конференция). Увезен в Прокуратуру СССР, вечером того же дня сослан в закрытый для иностранцев город Горький. Лишен званий и наград (трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской и Ленинской премий). Помещен в прослушиваемой квартире, с отключенным телефоном, с круглосуточным дежурством милиционера перед дверью, с «опорным пунктом охраны порядка» во дворе против окон его квартиры; вне дома его сопровождали агенты КГБ. Жenu его, Е.Г.Боннэр, неоднократно обыскивали при поездках к нему, а затем запретили ей покидать Москву. Трижды (1981, 1984, 1985) объявлял голодовку, помещен в Горьковскую областную больницу им. Семашко, где он провел за эти годы почти 300 дней. «Умереть мы вам не дадим, — говорил ему главврач. — Но вы станете бесполезным инвалидом». После одного из сеансов принудительного лечения у Сахарова случился в больнице спазм сосудов головного мозга или инсульт, появились симптомы болезни Пар-

кинсона (лето 1984). В 1986 ему отказано в просьбе принять участие в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. В Горьком Сахаров написал семь теоретических работ по физике, разрабатывал идею о нестабильности протона, работал над космогоническими проблемами. Продолжал общественно-политическую деятельность. Об освобождении Сахарову сообщил по телефону М.С.Горбачев 17 декабря 1986.

Селищев Афанасий Матвеевич (1886-1942) — языковед-славист. Чл.-корр. АН СССР с 1929. Чл.-корр. Болгарской АН. К моменту ареста — профессор МИФЛИ. Арестован в Москве 7 (или 8) февраля 1934 по «делу славистов» — «Российской национальной партии». Осужден на 5 лет лагерей, находился в Карлаге, освобожден досрочно как ударник 11 января 1937, затем был прописан в Калинин, но работал в Москве, в апреле 1939 получил разрешение здесь жить. Из АН СССР исключен решением Общего собрания 29 апреля 1938.

Скобельцын Дмитрий Владимирович (1892-1990), физик-экспериментатор, специалист по космическим излучениям и физике высоких энергий. Академик АН СССР с 1946. После окончания физико-математического факультета Петроградского университета работал там на кафедре физики и преподавал в Политехническом институте. Арестован в 1921, пробыл в заключении 5 дней, после чего отпущен. Причина ареста неизвестна. В дальнейшем — сотрудник ЛФТИ и ФИАна (директор в 1951-1973).

Скрябин Георгий Константинович (1917-1989) — биохимик, микробиолог. Чл.-корр. АН СССР с 1968. Окончил Казанский ветеринарный институт в 1942. В 1949-1962 сотрудник Института микробиологии, с 1967 директор Института биохимии и физиологии микроорганизмов АН СССР в Пушкино. В 1967-1974 возглавлял Центр биологических исследований АН СССР в Пушкино. Главный ученый секретарь АН СССР с 1971. Арестован в начале ноября 1935, находился в заключении до 9 апреля 1936, когда после разбирательства в Мосгорсуде был освобожден.

Скрябин Константин Иванович (1878-1972) — гельминтолог, паразитолог. Академик АН СССР с 1939. Арестован в 1931 в группе ветеринарных и медицинских микробиологов, заподозренных «во вредительских действиях. По-видимому, по чьему-то доносу я и был причислен к микробиологам и заключен в тюрьму. Пробыл я в заточении 84 дня, после чего был освобожден и снова занял все служебные посты, которые занимал до ареста» (Скрябин К.И. Моя жизнь в науке. М., 1969. С.252).

Соболевский Алексей Иванович (1856/57-1929) — филолог-славист, палеограф, этнограф, историк культуры. Чл.-корр. Петербургской АН с 1893, академик с 1900. Арестован в 1918 без предъявления обвинений. Освобожден 24 августа под личное поручительство чл.-корр. РАН С.А.Белокурова, но дело его продолжало числиться за Московским ревтрибуналом. Подвергался аресту или другой форме задержания в начале 1929.

Сперанский Михаил Несторович (1863-1938) — историк славянских литератур и театра, этнограф, фольклорист. Чл.-корр. Петербургской АН с 1902, академик в 1921-1934 (исключен Общим собранием). Член Болгарской АН. Арестован по «делу славистов» — «Российской национальной партии» 12 апреля 1934, 15-го освобожден под подписку о невыезде. Осужден 16 июня 1934 на 3 года ссылки в Уфу, куда отправлен не был. После письма М.Н.Сперанского Сталину последний дал указание пересмотреть дело, поручив это Акулову. 17 ноября 1934 приговор заменен на условный. Как раз в это время, 22 декабря 1934 исключен из Академии наук «за участие в контрреволюционной организации» (§86). Отдан на поруки брату Георгию, который моложе его на десять лет (Г.Н.Сперанский — известный педиатр, будущий чл.-корр. АН СССР и академик АМН). Продав за 10 тысяч рублей свою библиотеку, жил некоторое время на эти средства. До смерти (12 апреля 1938) — фактически под домашним арестом. Реабилитирован 27 февраля 1990.

Спиркин Александр Георгиевич (р.1918) — философ. Чл.-корр. АН СССР с 1974. Арестован вскоре после окончания Московского педагогического института. В 1941-1945 в заключении.

Стечкин Борис Сергеевич (1891-1969) — теплотехник, специалист по теории авиационных двигателей. Чл.-корр. АН СССР с 1946, академик с 1953. В заключении в связи с «делом Промпартии» в 1930-1931, затем до 1933 в шараге — ОКБ НКВД. Вновь арестован в декабре 1937, помещен в Бутырки. Затем — в ЦКБ-29 (туполевская шарага), занимался моторами, затем стал разрабатывать свой движитель. Приговор вынесен 31 мая 1940. Освобожден в марте 1943(?) Сталиным для работы у авиаконструктора А.А.Микулина по личной просьбе последнего.

Сучков Борис Леонтьевич (1917-1974) — специалист по зарубежной литературе XX в. Чл.-корр. АН СССР с 1968. В момент ареста — директор Издательства иностранной литературы. Арестован в августе 1947, осужден по 58-й статье. Находился в Карлаге. Одноделец Сучкова — его жена, актриса Е.Л.Маевская (Воркутлаг). Освобожден и полностью реабилитирован в 1955.

Таганцев Николай Степанович (1843-1923) — правовед. Почетный член РАН с декабря 1917. В мае—июне 1921 проведено несколько обысков и засад у Таганцевых в Петрограде, а также в бывшем имении Н.С.Таганцева — Залучье, подаренном Таганцевыми Академии наук (там организована научная база — Сапропелевая станция АН). 31 мая 1921 попал под домашний арест Н.С.Таганцев, и в тот же день в Залучье схвачен его сын. Состряпано дело о «Петроградской боевой организации», привлечено свыше 800 человек; вместе с сыном Н.С., В.Н.Таганцевым, — в первой партии — расстреляно 60.

Таланов Виктор Викторович (1871-1936) — растениевод, селекционер, специалист по пшеницам и кукурузам. Чл.-корр. АН СССР с 1932. Сотрудник ВИРа до 1932, с 1935 руководил Горьковской краевой опытной станцией. Сидел трижды. Сперва арестован в 1931. В ссылке в 1933-1934. Третья дата нам неизвестна. Умер на воле в день принятия Сталинской конституции.

Тамм Игорь Евгеньевич (1895-1971) — физик-теоретик. Чл.-корр. АН СССР с 1933, академик с 1953. Нобелевский лауреат (1958). Под арестом — между августом и ноябрем 1920, когда попытался из Крыма, где был старшим ассистентом физики Таврического университета (Симферополь), перебраться через линию фронта к своей жене в Елизаветград. Перейдя без документов линию фронта, задержан красноармейцами как «белый лазутчик» и лишь благодаря счастливой случайности избежал немедленного расстрела. На положении пленного препровожден в Харьков, где сдан в Харьковскую ЧК.

Тарле Евгений Викторович (1875-1955) — историк, специалист по истории Франции, истории международных отношений и внешней политики России. Чл.-корр. РАН с 1921, академик АН СССР с 1927 по 1931 (исключен Общим собранием 2 февраля) и с 1938. Член зарубежных академий. Профессор ЛГУ. Арестован 28 января 1930 в Ленинграде по «делу АН» («дело Платонова—Тарле»). По сценарию ОГПУ, кандидат в министры иностранных дел как в платоновском «правительстве», так и в правительстве, намеченном Промпартией и Трудовой крестьянской партией. Многократно упоминался в этом качестве на «процессе Промпартии» (Москва, ноябрь—декабрь 1930). Допрашивался и давал собственноручные показания свыше 70 раз. После «признания» не раз отказывался от своих показаний, затем снова их подтверждал. 8 августа 1931 решением Коллегии ОГПУ выслан на 5 лет в Алма-Ату. В 1933 возвращен в Ленинград в ЛГУ. Судимость снята в марте 1937.

Восстановлен в АН решением Президиума 29 июня 1938 (утверждено Общим собранием 29 сентября).

Теренин Александр Николаевич (1896-1967) — физико-химик, фотохимик. Чл.-корр. АН СССР с 1932, академик с 1939. С 1932 профессор ЛГУ, сотрудник ГОИ. Арест в 1918?

Тимченко Евгений Константинович (1866-1948) — филолог-русист, языковед-украиновед. Чл.-корр. АН СССР с 1929. Арестован в 1938. После 20-месячного заключения выслан в Красноярский край, где находился примерно до 1942-1943. Из списков АН был исключен и при жизни, видимо, не восстановлен.

Тиссен Петер Адольф (1899-19??) — немецкий химик. Иностраный член АН СССР с 1966. Член АН ГДР. До 1945 — профессор Берлинского университета и директор Института физической химии кайзера Вильгельма. В 1945-1956 — на принудительных работах в СССР.

Тихов Гавриил Адрианович (1875-1960) — астроном, астрофизик, специалист в области астрометрии и спектродоиметрии. Научный сотрудник Пулковской обсерватории в 1906-1941. Чл.-корр. АН СССР с 1927. Академик АН Казахской ССР. Арестован летом 1931, обстоятельства неизвестны.

Толстой Иван Иванович (1880-1954)— филолог-классик, специалист по древнегреческой литературе и языку. Чл.-корр. АН СССР с 1939, академик с 1946. Профессор ЛГУ. Подвергался недолгому заключению в 1928 (после того, как один арестованный, душевнобольной, написал по предложению следователей трактат «Что бы я сделал, если бы от меня зависела судьба России», где раздал всем своим знакомым «правительственные посты» и предложил, в частности, И.И.Толстому на должность «церемоний-мейстера Двора Его Императорского Величества»). В начале 1930-х арестован по «золотому делу», помещен в «парилку» (тесную камеру, где кормили селедкой и не давали пить; выпускали, как только арестованный соглашался сдать золото). Толстой подвергнут этой пытке, хотя в начале революции подарил Эрмитажу ценную нумизматическую коллекцию.

Томсинский Семен Григорьевич (1894-1938?) — историк, археолог. Чл.-корр. АН СССР с 1933 до 29 апреля 1938 (исключен Общим собранием). Незадолго до ареста снят с поста директора Историко-архивного института. Переведен в Ташкент, арестован там в 1937, обвинен в троцкизме, погиб. Восстановлен в АН Президиумом 11 августа 1967 (№715).

Торгов Игорь Владимирович (р.1912) — химик. Чл.-корр. АН СССР с 1972. Окончил Казанский химико-технологический институт. В 1939-1959 работал в Институте органической химии АН СССР, с 1959 в Институте химии природных соединений АН СССР. Арест в 1937-1939?

Тулайков Николай Максимович (1875-1938?) — почвовед и агроном; разрабатывал проблемы земледелия в засушливых условиях. Академик АН СССР с 1932. Зам. президента ВАСХНИЛ с 1929 (академик ВАСХНИЛ с 1935). Арестован в Саратове в 1937, погиб на Соловках. Исключен из АН Общим собранием 29 апреля 1938, восстановлен Президиумом 11 августа 1967 (постановление №716).

Туполев Андрей Николаевич (1888-1972) — авиаконструктор, основоположник металлического самолетостроения в СССР. Чл.-корр. АН СССР с 1933 до 29 апреля 1938 (исключен Общим собранием). Академик с октября 1953. В момент ареста — главный инженер Главного управления авиационной промышленности. Арестован 21 октября 1937 в Москве, в доме А.А. и Н.Д.Архангельских (Большой Власьевский, 12, кв.2). Сначала находилась в лубянской одиночке, оттуда переведен в Бутырскую тюрьму, в камеру №58. «Нет, меня не били, только подолгу держали на стойке, а ведь мне тяжело, я грузный. Стоишь, а следовательно бубнит свое: "Пиши, блядь, кому ты продал чертежи?! Сколько тебе заплатили? Пиши, не стесняйся, твои дружки Архангельский, Сухой, Петляков, Мясишев давно раскололись и продали тебя. Один ты упорствуешь, колись, самому легче будет". Знаешь, такой тупой, ограниченный маньяк, долдонит свое, а я стою, ноги болят, глаза закрываются, спать хочется, стою и думаю: кажется, всю жизнь только и делал, что строил для них самолеты, нет, не для них, для своей страны. Конечно, были просчеты, не все удавалось, но ведь не со зла. /.../ стоишь и думаешь: "Прости им, бо не ведают, что творят"». Если Туполев не признается, жену его обещали отправить в лагерь (она тоже сидела в Бутырской тюрьме), а сына и дочь — в детские дома. Туполев «признался». Следствие по его делу закончено в апреле 1938. В феврале 1939 (1938?) привезен в Болшево, в тюрьму, располагавшуюся в бывшей трудкоммуне ОГПУ (эта тюрьма была своего рода сборно-распределительным пунктом для арестованных специалистов перед тем, как направить их по тюремным НИИ и КБ — шарагам). Здесь сложилось ядро будущего ЦКБ-29. «Кого там только не было: корабелы, танкисты, артиллеристы, химики... Так вот, через пару дней меня вызвали к начальству и получил я первое задание — составить список

известных мне арестованных специалистов. Откровенно говоря, я был крайне озадачен. Всех арестованных до меня я знал, а после? Не выйдет ли так, что по моему списку посадят еще Бог знает сколько народу? Поразмыслив, я решил переписать всех, кого я знаю, а знал-то я всех. Не может же быть, чтобы пересажали всю авиапромышленность? Такая позиция показалась мне разумной, и я написал список человек на 200. И что же ты думаешь, оказалось, что за редким исключением все они уже за решеткой». После этого Туполев возглавлял одно из трех тюремных КБ в ЦКБ-29 при Заводе опытных конструкций ЦАГИ (ЗОК №156); тюрьма занимала этаж над ЦКБ, на крыше был оборудован прогулочный дворик — «обезьянник». Освобожден 19 июля 1941. В семье считали: причиной опалы его, продлившейся потом до самой смерти Сталина, была одна его неосторожная фраза, что ареста жены он «им» не простит.

Ухтомский Алексей Алексеевич, князь (1875-1942) — биолог, физиолог. Чл.-корр. РАН с 1922, академик АН СССР с 1935. Крупный единоверческий церковно-общественный деятель; художник, поэт, публицист. Делегат Всероссийского собора Русской православной церкви 1917-1918 от единоверцев. В момент первого ареста (1918 или 1919) — приват-доцент Петроградского университета и депутат Петроградского Совета. Еще раз арестован в Рыбинске (где был домовладельцем), видимо, в декабре 1920. Препровожден в Москву, оттуда этапирован 31 января 1921 в Петроград по ходатайству М.Н.Шатерникова, обратившегося к Н.К.Крупской; в Петрограде освобожден (Шатерников — ученик и душеприказчик И.М.Сеченова, профессор 2-го МГУ). Даты арестов не вполне ясны, возможно, что был и еще арест, так как имеется свидетельство о встрече в феврале или марте 1922 на Лубянке двух арестованных братьев — А.А.Ухтомского и епископа Уфимского Андрея. Один из арестов Ухтомского молва связывает с упорным сопротивлением его конфискации церковных ценностей.

Федоровский Николай Михайлович (1886-1956) — минералог. Чл.-корр. АН СССР с 1933 до 29 апреля 1938 (исключен Общим собранием) и со 2 февраля 1955 (восстановлен Общим собранием, §27). В момент ареста — директор Всесоюзного института минерального сырья (ВИМС, Москва). Арестован 25 октября 1937, получил 15-летний срок. Сначала попал в Воркутлаг. В 1942 переведен в Москву, работал в Институте удобрений. В 1945 отправлен в Норильск, преподавал там минералогию в геологическом техникуме, позднее работал на Норильском комбинате. Некоторое время был расконвоированным, за два года до освобожде-

ния вновь помещен в зону и переведен на общие работы. Реабилитирован 24 апреля 1954. Когда до него дошло известие о реабилитации, получил инсульт, в тяжелом состоянии привезен дочерью в Москву, но так и не оправился после болезни.

Федотьев Павел Павлович (1864-1934) — химик-технолог, электрохимик. Чл.-корр. АН СССР с 1933. В 1920-1930 профессор Ленинградского Технологического института. Арест в 1930-е?

Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854-1919) — историк и филолог-славист. Чл.-корр. Петербургской АН с 1898. Член Сербской и Югославянской академий. Профессор Киевского университета, декан его историко-филологического факультета. Расстрелян 2 мая 1919 в Киеве «в порядке красного террора»: после взятия города Красной Армией чекисты нашли у кого-то на обыске список членов Клуба русских националистов в Киеве, в который входили многие русские интеллигенты города. Расстреляли по этому списку всех, кого смогли арестовать.

Фок Владимир Александрович (1893-1974) — физик-теоретик. Чл.-корр. АН СССР с 1932, академик с 1939. Перед обоими арестами и после них — профессор ЛГУ. В первый раз арестован ненадолго в начале 1935; обошлось, кажется, несколькими днями задержания и допроса. Второй раз взят в ночь с 10 на 11 февраля 1937 по одному из ответвлений «пулковского дела» (забирали геофизиков, а Фок консультировал кого-то из них). Затем произошло то, что современники называли «чудом святого Владимира». Фока этапировали в Москву; и 15 февраля он предстал перед наркомом внутренних дел Н.И.Ежовым, который «вызывал меня к себе в Москву /.../ для личного знакомства и в незабываемом для меня разговоре со мной между прочим сказал, что не имеет никаких возражений против избрания меня Академией наук в свои действительные члены», — писал Фок в июле в своем заявлении областному прокурору, защищаясь от клеветы и оскорблений в печати. К моменту встречи Фока с Ежовым, видимо, сыграло свою роль и обращение П.Л.Капицы к Сталину на другой день после ареста Фока. История с Фоким отражена в воспоминаниях С.Э.Фриша: «Владимир Александрович, после нескольких дней содержания в Ленинграде в тюрьме под следствием, был отправлен поездом под конвоем в Москву. Там его препроводили в какой-то огромный служебный кабинет, где за столом сидел маленький человек с узким бледным лицом, в военной форме. Маленький человек задал несколько ничего не значащих вопросов. Потом начал говорить о том, что ученые, оторванные от широкой жизни, может быть, не знают, какими многочисленными вра-

гами окружен Советский Союз; какое количество предательства встречается повседневно; каким надо быть бдительным; как не удивительно, что иногда могут по ошибке пострадать невинные. Но если ошибка вскрывается, то ее немедленно исправляют. После этого он объявил, что Владимир Александрович свободен. Владимир Александрович полюбопытствовал, с кем имел беседу. К своему удивлению, он узнал, что разговаривал с Ежовым. Владимира Александровича немедленно, здесь же отпустили, и он вернулся в Ленинград» (вернулся, добавим, цел и невредим, за исключением пуговиц на одежде, срезанных, как это полагалось в НКВД, при помешении в следственную тюрьму).

А вот более дальнее во времени переотражение происшедшего — из дневника Т.А.Аксаковой-Сиверс (декабрь 1975): «Сегодня слышала рассказ о том, как покойный академик Фок однажды закончил свою лекцию на тему "Вероятности" словами: "Трусость не влияет на вероятность отсидки". Последовал гром аплодисментов. Владимир Александрович Фок отделался лишь несколькими месяцами "отсидки". Ежов якобы сказал: "Глуховат — следовательно глуповат и неопасен"». (Уже месяц спустя все «вероятности», благодаря которым Фок вернулся на волю, были бы другими: начался — в полной своей мере — «Большой террор». Он отодвинул намеченные было выборы в АН, но и два года спустя Органы не отвели кандидатуры Фока в «полные академики»).

Фольмер Макс (1885-1965) — немецкий физико-химик. Иностраный член АН СССР с 1958. Член Германской АН в Берлине с 1934. Член Академии наук ГДР, ее президент в 1955-1958. До 1945 — в Берлине, профессор Высшей технической школы и директор Института физической химии и электрохимии. Захвачен советскими оккупационными властями в Германии, вывезен в СССР, где работал до 1955.

В 1945-1946, кроме включенных в наш список Г.Л.Герца, П.А.Тиссена, М.Фольмера и М.Штеенбека, были схвачены и отправлены на принудительные работы «нах Остен» многие германские ученые. Некоторые из них имели в то время или получили позже звание академика в своей стране. Таковы физики М. фон Арденне, П.Герлих, химики К.Ф.Вейс, Ф.Р.А.Рихе. Еще пример: 10 лет провел в ГУЛАГе будущий болгарский академик геолог И.С.Иовчев. Подобные примеры не случайно оставлены за пределами этого списка. Сюда включены лишь те, кто был избран в состав ИАН—РАН—АН СССР: действительным, почетным, иностранным членом либо членом-корреспондентом. Аналогичным образом здесь нет наших сидельцев, не признанных отечественной Академией наук, зато избранных в зарубеж-

ные академии: таковы Н.В.Тимофеев-Ресовский и А.Л.Чижевский. Нет побывавших в заключении академиков АМН — таких как Л.А.Зильбер и С.С.Юдин; отсутствуют имена очень многих побывавших в заключении членов ВАСХНИЛ и республиканских академий. Когда-нибудь, хочется думать, мы сделаем это. Сейчас же включение сюда академиков и членов-корреспондентов национальных и отраслевых академий привело бы к расширению нашего списка по крайней мере вдвое.

Френкель Яков Ильич (1894-1952) — физик-теоретик. Чл.-корр. АН СССР с 1929. В годы гражданской войны, находясь в Крыму, весной 1919 работал в местном Наркомпросе, после возвращения белых арестован, два месяца провел в заключении. В дальнейшем работал в ЛФТИ. В делах НКВД 1936-1938 значился «членом контрреволюционной антисоветской организации», но арестам более не подвергался.

Харлампович Константин Васильевич (1870-1932) — историк церкви, историк просвещения. Чл.-корр. Петербургской АН с 1916. Академик Украинской АН с 1919. Из семьи священника, окончил Литовскую духовную семинарию, затем Петербургскую Духовную академию. Исследовал западнорусские церковные братства XVI-XVII веков и их просветительскую деятельность. Главный труд — первый том книги «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» (Казань, 1914). Четверть века преподавал в Казани, до 1921 профессор Казанского университета. Ко времени ареста — председатель Общества археологии, истории и этнографии в Казани. Страдал рядом хронических заболеваний легких, сердца, аорты, суставов. Перед арестом отстранен от всех должностей и остался без средств к существованию: когда его увезли, в доме осталось 2 рубля 50 копеек. Арестован в Казани 20 сентября 1924, помещен в подвалы местного ГПУ. Вменены в вину «должностные преступления»: выпуск XXXII тома «Известий» Общества, содержащего старые идеи и проводящего миссионерские тенденции (ст. 72 УК: «хранение и распространение контрреволюционной литературы»), и Отчет Общества за 1923-1924, где содержалась неслетная фраза о местном Комбинате издательства и печати (ст. 73 УК: «дискредитирование Советской власти»). За Харламповича безуспешно хлопотали как Украинская АН, просившая отпустить его в Киев, так и Российская АН. Согласно постановлению Особого совещания при ОГПУ от 19 января 1925, Харлампович выслан на 3 года в «Киркрай» (Киргизский край — современный Казахстан, с тогдашней столицей в Оренбурге); 31 января 1925 переведен в пересыльную тюрьму, немедленно

там простудился; 2 февраля переведен в тюремную больницу; непосредственно перед ссылкой выпущен оттуда и две недели прожил дома — жил на счет общественной благотворительности. Благодаря хлопотам жены, удалось через Москву добиться разрешения следовать в ссылку не по этапу. Выехал из Казани в Оренбург 1 марта, прибыл туда 4-го. Начал заниматься в местном архиве. 24 марта 1925 арестован в Оренбурге, помещен в пересыльную тюрьму, доставлен в Актюбинск. После 20 апреля должен был находиться в Тургае (этап?). Отбыл все три года ссылки, не мог после этого жить в крупных городах. В декабре 1928 он пишет уже с Украины, куда перебрался: ему недоступны столичные архивы, ибо он «на три года привязан к Нежину». Из числа украинских академиков Харлампович исключен в 1928 приказом украинского наркома просвещения Н.А.Скрыпника. Только в 1931 смог переехать в Киев. Печатал кое-что в конце жизни в Кзыл-Орде. Но второй и третий тома «Малороссийского влияния» остались незавершенными.

Церетели Георгий Васильевич (1904-1973) — арабист, семиолог, урартолог, грузиновед. Чл.-корр. АН СССР с 1946. Академик АН Грузинской ССР с 1946. Схвачен в конце 1937 вместо Г.Ф.Церетели (в спешке, по ошибке) и едва не погиб. Выпущен в начале 1938.

Церетели Григорий Филимонович (1870-1938) — филолог-эллинист и палеограф, специалист по греческим папирусам. Чл.-корр. РАН с декабря 1917. Профессор Тбилисского университета (ТГУ), зав. библиотекой ТГУ. Подвергался арестам в 1918, в ноябре 1919 и 1931. В конце 1937 публично объявлен Берией в числе реакционных и уже уничтоженных профессоров, после чего вместо него вначале схвачен Г.В.Церетели. Одной из причин личной ненависти Берии к Г.Ф.Церетели называют то, что тот открыто говорил о смертном грехе Л.П.Берии — развращении им малолетних. Г.Ф.Церетели арестован в Тбилиси в январе (по другому источнику — в марте) 1938. Подвергнут издевательствам и мучительным допросам, убит.

Чепиков Константин Романович (1900/01-1989) — геолог-нефтяник. Чл.-корр. АН СССР с октября 1953. Арестован примерно в 1936-1938. В заключении работал по специальности в производственных организациях нефтяной промышленности.

Черепнин Лев Владимирович (1905-1977) — историк феодальной России. Академик АН СССР с 1972. Находился в ссылке в 1929-1933 в связи с «делом АН» (московский филиал «дела»).

Чинакал Николай Андреевич (1888-19??) — специалист в области металлургии и горного дела. Чл.-корр. АН СССР с 1958. Арест в 1928-1930?

Шахов Феликс Николаевич (1894-1971) — геолог-рудник. Чл.-корр. АН СССР с 1958. До ареста — профессор Томского Технологического института, сотрудник Западно-Сибирского филиала АН СССР. Арестован в Томске 25 апреля 1949 по «красноярскому делу» («сокрытие» урановых месторождений, якобы обнаруженных в Красноярском крае). Постановлением ОСО при МГБ СССР от 28 октября 1950 заключен в лагерь на 15 лет. В заключении на Колыме до 1954. В 1951-1954 расконвоирован (на работу — без конвоя, но ночевать — назад в лагерь). В это время — в научно-методическом отделе Северо-Восточного геологического управления (Магадан); обнаружил золото в гранитах. Реабилитирован 31 марта 1954.

Шпильрейн Ян Николаевич (1887-1938?) — электротехник. Чл.-корр. АН СССР с 1933 до 29 апреля 1938 (исключен Общим собранием). Арестован в 1937 или начале 1938, погиб. В АН восстановлен Общим собранием 5 марта 1957.

Шпитальский Евгений Иванович (1879-1931) — физико-химик, специалист по катализу и электрохимии. Чл.-корр. АН СССР с 1929. Профессор МГУ. Ближайший ученик академика В.Н.Ипатьева. Арестован в начале 1929, на «процессе Промпартии» назван одним из главных «вредителей» в химической промышленности, руководителем вредительской «цепочки», но на открытый процесс не выведен. Погиб в заключении. Арест его послужил одним из важнейших толчков к эмиграции В.Н.Ипатьева — нашего «химика №1». Из АН исключен; восстановлен постановлением Президиума 28 июня 1957 (§521).

Штеенбек Макс (р.1904) — немецкий физик. Иностраннный член АН СССР с 1966. Член АН ГДР. До 1945 работал в Германии в фирме «Симменс и Шуккерт». В 1954-1956 — на принудительных работах в научно-исследовательских институтах СССР.

Штерн Лина Соломоновна (1878-1968) — физиолог и биохимик. Академик с 1939 по 1949 (исключена) и с 1 сентября 1953 (восстановлена распоряжением Президиума №7-1770). Член академии естествоиспытателей в Галле «Леопольдина». Первая женщина — действительный член АН СССР. Репрессирована в связи с разгромом Еврейского антифашистского комитета, членом которого являлась. ЕАК ликвидирован в ноябре 1948, тогда же про-

ведены аресты. Лину Штерн арестовали, видимо, в 1949. Дело ЕАК рассматривалось с 8 мая по 18 июля 1952. Решение Политбюро принято заранее: расстрелять всех, кроме Л.Штерн. 12 августа 1952 состоялась казнь главных обвиняемых. Штерн отделалась ссылкой в Джамбул. Освобождена в 1953.

Штернберг Лев (Хаим) Яковлевич (1861-1927) — этнограф, северовед. Чл.-корр. РАН с 1924. Арестован в начале 1921. 18 февраля М.Горький обратился в ЧК с просьбой срочно допросить Штернберга и, в случае невиновности, отпустить. Видимо, выпущен до начала кронштадтских событий.

Шухов Владимир Григорьевич (1854-1939) — изобретатель и конструктор; специалист в области нефтяной промышленности, теплотехники, строительной механики. Чл.-корр. АН СССР с 1928, почетный член с 1929. На «процессе Промпартии» (конец 1930) было объявлено, что он «привлечен», что в тогдашнем контексте означало: арестован. Назван одним из руководящих «вредителей» на транспорте (другой человек с такой фамилией, который имел бы отношение к транспорту, нам неизвестен). Вскоре на свободе. Как сообщала печать, выступил с публичным осуждением «Промпартии» — и «в ответ на вредительство» безвозмездно передал в фонд социалистического строительства свой патент на котлы (по нему одни проценты составляли в год 50 тысяч рублей).

Шерба Лев Владимирович (1880-1944) — языковед. Чл.-корр. РАН с 1924, академик АН СССР с 1943. В момент ареста — профессор Петроградского университета; арестован в ночь с 30 на 31 августа 1919, затем в ночь на 20 сентября того же года. Вновь арестован в ночь на 27 мая 1921 как бывший член кадетской партии. Обстоятельства освобождения неизвестны.

Яковлев Алексей Иванович (1878-1951) — историк Московской Руси. Чл.-корр. АН СССР с 1929. Перед арестом — зав. учебной частью библиотеки ВСНХ; сотрудник Института истории РАНИОН. Арестован 8 августа 1930 по «делу АН» («московская секция»). Для следствия Яковлев перевезен в Ленинград. 8 августа 1931 Коллегия ОГПУ приговорила его к высылке на 5 лет. Отбывал ссылку в Минусинске до 1933, после чего вернулся в Москву.

Ячевский Артур Артурович (1863-1932) — ботаник, миколог, фитопатолог. Образование получил в Швейцарии, работал там. После Февральской революции демонстративно вывесил в своем кабинете парадный портрет царя, хотя монархистом не был. Чл.-корр. РАН с 1923. Арестован в ночь на 23 октября 1919.

Я.С.Лурье

ПЕРЕПИСКА С.Я.ЛУРЬЕ С ОТЦОМ ОБ АНТИЧНОМ АНТИСЕМИТИЗМЕ

Публикуемая в этой статье переписка историка античности С.Я.Лурье¹ с отцом непосредственно связана с его книгой «Антисемитизм в древнем мире», опубликованной в 1922², но начатой еще до революции, во время мировой войны. В предисловии к этой книге С.Я.Лурье писал: «Настоящая работа была задумана в 1914-15 гг., когда русское еврейство больше всего страдало от общественного антисемитизма, обострившегося вследствие новых наветов о роли евреев в европейской войне. Для автора этой работы уже тогда было несомненно, что причина антисемитизма лежит в самих евреях, — иными словами, что антисемитизм — явление не случайное, что он коренится в разнице между всем духовным обликом еврея и нееврея». Далее он специально остановился на роли своего отца, памяти которого была посвящена книга: «Работа обещала очень много, так как вместе со мной за работу взялся мой покойный отец, лучше меня научно вооруженный для нее и стоявший на диаметрально противоположной точке зрения: еврейский вопрос — результат исторического недоразумения; еврейство существует потому, что существует случайно появившийся в мир антисемитизм, и будет существовать только пока он существует. Возможность обмениваться мыслями по каждому отдельному вопросу с человеком, стоящим на столь противоположной точке зрения, давала право надеяться, что работа выйдет вполне серьезной и обоснованной»³.

Отец С.Я.Лурье Яков Анатольевич был весьма незаурядным человеком. Выходец из большой и бедной семьи в городе Могилеве, он окончил в 80-х годах XIX в. естественный факультет Петербургского университета и даже получил там ученую степень, но научная и преподавательская деятельность для него, как для еврея, была закрыта. Поэтому он

¹ Научную биографию С.Я.Лурье см.: Копржива-Лурье Б.Я. История одной жизни. Paris. 1987.

² Лурье С.Я. Антисемитизм в древнем мире. Попытки объяснения его в науке и его причины. Пг., 1922. В 1923 в Берлине было предпринято переиздание книги; С.Я.Лурье не только не был привлечен к этому изданию, но даже не знал о его подготовке. Издатели не поместили в книге оглавление; исключили подзаголовки и, что было особенно досадно, посвящение книги «памяти отца и учителя». В 1976 именно гржебинское «усеченное» издание было перепечатано (препринт) в Тель-Авиве. Вопреки неточному указанию Э.Д.Фролова (предисловие к книге: Лурье С.Я. История Греции. Курс лекций. СПб., 1993. С.13) книга на иностранные языки не переводилась.

³ Лурье С.Я. Антисемитизм в древнем мире. С.5-6.

окончил еще другой факультет — медицинский в Харькове и занялся одной из немногих профессий, доступных еврейской интеллигенции в России — стал частно-практикующим врачом. В 1904 после еврейского погрома в Могилеве Я.А. подал докладную записку вице-директору департамента полиции «с указанием на ряд действий чинов могилевской городской полиции, составляющих преступления, предусмотренные разными статьями уложения о наказаниях» и со ссылками на показания очевидцев о том, что «полицмейстер давал громилам деньги и подстрекал их к разгрому еврейского имущества». Последствий эта записка не имела. Тогда Я.А. обратился с новым заявлением, адресованным министру внутренних дел, в котором писал, что поскольку «до сих пор никто из чинов могилевской полиции не предан суду, но полицмейстеру объявлена даже благодарность могилевским губернатором», то он приходит к заключению, «что очевидно сообщенные им сведения были ложными, и просит поэтому привлечь его к ответственности за ложный донос»⁴. В течение нескольких месяцев это необычное ходатайство оставалось без ответа, но 11 сентября 1905, как сообщила московская газета «Русские ведомости», «часа за три до отхода поезда из Могилева в Оршу, в квартиру Я.А. прибыл помощник полицмейстера и заявил доктору, что по распоряжению из Петербурга он немедленно высылается на пять лет в Архангельскую губернию». Высылка была произведена без суда — в порядке «чрезвычайной охраны». Газета сопроводила это сообщение сочувственным упоминанием о том, что «бедное население города имело в лице Я.А. незаменимого по солидным знаниям, по отзывчивости на человеческое горе и по доступности для всех и во всякое время врача»⁵. Сосланный в село Кузомень на берегу Белого моря Я.А. был, однако, освобожден по амнистии после манифеста 17 октября.

Я.А. знал множество языков и в числе их свободно — древнееврейский и древнегреческий (последнему именно он научил сына). Заинтересованный книгой, задуманной сыном, и лучше его владея древнееврейскими источниками, он в своих письмах давал систематический конспект относящихся к теме известий Библии и Талмуда, своего рода «ключ» к этим текстам.

В чем же заключались разногласия между отцом и сыном, упомянутые С.Я. в предисловии к книге? Суть их была вовсе не в том, что Я.А. считал антисемитизм «случайностью» и «недоразумением» или склонен был преуменьшать его значение в еврейской истории. И отец и сын были согласны в том, что проблема еврейской «особности» началась с первого пленения и расселения (диаспоры); разногласия между ними начинались лишь при объяснении последующих событий. Для Я.А. проблема еврейства — это проблема народа, живущего в условиях неравноправия и неперимости. Иначе представлял себе историю антисемитизма и еврейства Соломон Лурье. Соглашаясь с тем, что «иудаизм, еврейский национализм — определенно защитного цвета», он считал, что первоначаль-

⁴ Восход. 1905. №15. С.20.

⁵ Русские ведомости. 1905. 19 сентября. №255.

ные гонения создавали некий «специфически еврейский характер»: «Обреченные на жизнь среди чужих, они развили в себе такие черты, которые, подвергая оскорблениям отдельного еврея, спасали еврейство как целое. Еврейство, как комплекс глубоко сидевших в душе каждого религиозных и национальных представлений /.../ ставило непроходимые преграды для действительного сближения евреев с не-евреями». В отличие от сына Я.А. вообще не склонен был считать еврейский вопрос совершенно уникальной проблемой в истории человечества, а видел в антисемитизме частный случай шовинизма вообще. Возражая С.Я., утверждавшему, что греки и римляне «терпели подле себя всякую другую религию», кроме еврейской, Я.А. писал: «Скажи, что греки и римляне были веротерпимы до известных узких пределов и что еврейская вера лежала далеко за этими пределами, и одно затруднение отпадет».

В косвенной форме этот спор был потом продолжен и в «Антисемитизме в древнем мире». Построение этой книги было своеобразным, способным эпатировать читателя. Эпиграфом к ней служили три антисемитских высказывания античных авторов. Уже в подзаголовке и в оглавлении книги автор противопоставлял «попытки объяснения» антисемитизма в науке его «причинам». В число «попыток» входили объяснения, звучавшие довольно академично: еврейская религия, экономические отношения, политические соображения и др., а «причинами» объявлялись: «еврейское нахальство», «еврейская низость», еврейская сплоченность. Только проштудировав книгу, читатель мог убедиться в том, что учено звучавшие «экономические» и подобные им объяснения («нация ростовщиков») — это, в сущности, клевета, идущая еще из древних антисемитских источников. Что же касается «еврейской низости», то за ней скрывалась вынужденная необходимость реагировать на обиды «не рефлексом, а разумом»: «Христианский принцип: "Ударившему в правую щеку подставь левую" — не что иное, как вышедшая из еврейских недр утрировка этой специфической национальной особенности, уже евреями возведенной в ранг добродетели»⁶.

Книга С.Я.Лурье вызвала противоречивую реакцию. Единственным рецензентом, правильно понявшим смысл книги, был известный эллинист и византинист В.Н.Бенешевич (впоследствии репрессированный и расстрелянный в 1938). Бенешевич отлично понял условность и пародийность наименований «причин антисемитизма», данных в заголовках книги: он справедливо заметил, что задача ее — «показать необоснованность выпадов против своеобразия действительно присущих еврейству особенностей, лишь благодаря злостному искажению врагов еврейского народа принимающих одиозный в глазах других народов оттенок». Рецензент пожелал автору «проверить свои тезисы через сопоставление их с чрезвычайно любопытной, но, правда, очень уж парадоксально выраженной точкой зрения своего покойного отца»⁷.

К сожалению, однако, серьезный подход к тематике книги разделялся далеко не всеми ее читателями. Многие из них восприняли лишь прово-

⁶ Лурье С.Я. Антисемитизм в древнем мире. С.25-52 и 119.

⁷ Анналы. 1923. №3. С.246-248.

цирующую формулу автора: «причина антисемитизма лежит в самих евреях». Этой формулой книга об античном антисемитизме привлекла носителей антисемитизма XX в., породившего Освенцим и Бабий Яр. Уже после Второй мировой войны русский эмигрант Андрей Дикий, опубликовав книгу «Евреи в России и в СССР», полностью поместил в ней в качестве приложения 2-ю часть «Антисемитизма в древнем мире». Дикий — крайний антисемит, доходящий до идеи геноцида (с гоголевской оговоркой: «убить надо всех, "от люльки до бороды", но русский народ по своей доброте этого не сделает»)⁸, однако, выпуская книгу на Западе, он счел нужным отречься от некоторых догматов чересчур примитивного черносотенства: например, «протоколы сионских мудрецов» он признает подделкой. Но заменой этих протоколов оказывается у него книга Лурье: «внимательно и вдумчиво прочитав обширную выдержку из его книги, напечатанную в ч. II настоящего очерка, многое из того, что раньше приписывалось "темным силам" и "мудрецам Сиона", становится ясным и легко объяснимым»⁹. Тайна «мудрецов Сиона», открытая Диким в книге Лурье, заключается, оказывается, в отмеченной исследователем склонности евреев в диаспоре симпатизировать и по возможности содействовать стороне, «более сочувственно относящейся к евреям»¹⁰. Обычное в любой демократической стране стремление национального меньшинства поддерживать дружественные, а не враждебные ему силы среди «хозяев страны» оказывается для Дикого адской «тайной Сиона».

В чем же заключался подлинный смысл спора С.Я.Лурье с его отцом о причинах античного антисемитизма и удалось ли ему опровергнуть мнение своего первого оппонента? В какой степени положение евреев в диаспоре отличалось от положения других «метэков»-иноземцев, живших за пределами своей родины? Конечно, иудейский монотеизм не позволял евреям считать, что их Бог побежден другими богами, и компромисс на религиозной почве представлял для них особые трудности; несомненно также, что положение евреев — народа с достаточно развитой культурной традицией — было иным, чем положение, скажем, метэков-фракийцев. Но уже в эллинистическую и римскую эпоху существовали и другие покоренные народы с древней культурой. Как воспринимали окружающий их иноземный мир египтяне, оказавшиеся за пределами своей земли, или греки, жившие на негреческих землях Римской державы?

Как бы ни подчеркивал С.Я.Лурье особое происхождение и специфические черты антисемитизма, явление это и для него оставалось частью общей проблемы «ксенофобии» — участи метэков, иноземных меньшинств на чужих землях.

Ныне эта проблема становится почти всеобщей во многих странах мира. Сегодня в роли метэков оказались многие народы, а в их числе — миллионы русских в странах «ближнего зарубежья». Может ли быть этот вопрос разрешен в рамках нынешних национальных государств?

⁸ Дикий Андрей. Евреи в России и в СССР. Нью-Йорк, 1967. С.218.

⁹ Там же. С.31.

¹⁰ Лурье С.Я. Антисемитизм в древнем мире. С.120.

Или окончательное решение его будет достигнуто тогда, когда исполнится древнее пророчество Исайи: «Пусть все народы соберутся вместе и совоюются племена» (43, 9)? Ведь и Пушкин, вспоминая свои беседы с Мицкевичем, мечтал о времени

Когда народы, распри позабыв
В единую семью соединятся...

В моем домашнем архиве сохранилось семь писем Я.А.Лурья¹¹ и одно (с утраченным концом) ответное письмо С.Я.Лурье. Все они недатированы, но отнести их следует к 1915-1916. Ниже приводятся письма Я.А.Лурья № 1, 2 и 3 (с пропуском только приписок личного характера) и фрагменты об античном антисемитизме из писем № 5 и 6. В письмах Я.А. № 4 и 7 содержатся лишь краткие ссылки на источники по этой теме; мы их не воспроизводим. Письмо С.Я.Лурье, хронологически следующее за письмом его отца № 1, печатается полностью (в его сохранившейся части).

Привожу библиографические сведения о книгах, упомянутых в переписке:

- Kautzsch E.F. 1) Die Heilige Schrift des Alten Testaments übersetzt. 2 Bd. 1890-1894; 2) Die Apokryphen und Pseudepigraphen des Alten Testaments. T.I-II. Freiburg, 1900.
- Reinach Th. Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaïsme. Paris, 1895.
- Wilcken U. Zum alexandrinischen Antisemitismus / Abhandlungen d. phil.-hist. Abteilung der Königl. Sächsischen Gessellschaft der Wissenschaft. B.XXVII. Leipzig, 1909.
- Stähelin F. Antisemitismus des Altertums. Basel, 1905.
- Bludau A. Juden und Judenverfolgungen im alten Alexandria. Münster, 1906.
- Дубнов С. Всеобщая история евреев: В 4-х тт. 1901-1903.
- Leroy-Beaulieu A. Les juifs et l'antisémitisme. Paris, 1893 (русск. перевод — СПб., 1894).
- Wellhausen J. Prolegomena zur Geschichte Israels. Berlin, 1905 (русский перевод: Велльгаузен Ю. Введение в историю Израиля. СПб., 1909).
- Kittel R. Geschichte der Hebräer. 3 Bd. Gotha, 1888-1892.
- Meyer Ed. Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums. Jena, 1895.
- Sombart W. Die Juden und das Wirtschaftsleben. Leipzig, 1911 (русск. перевод: Евреи и хозяйственная жизнь. Ч.1. СПб., 1912).

¹¹ Так он транскрибировал (ближе к первоначальной форме) свою фамилию.

Я.А.Лурья — С.Я.Лурье

/.../ Что касается антисемитизма, то боюсь, что это уклонение в сторону, шатание, а кроме того, можно ли по этой части сказать новое. Как разрешить эту психологическую загадку: пусть травля евреев всегда была дика и нелепа, факт тот, что они всегда действовали на других, как красный цвет на быка и что там, где существуют евреи, как «национальная» особенность, там есть и антисемитизм, и наоборот, там, где существует или усиливается антисемитизм, там растет еврейский национализм. Начиная со времени вавилонского пленения, евреи раздирались между двумя тенденциями, к ассимиляции и к особенности. В еврейской древней литературе об антисемитизме трактуют две книжки, написанные около времени восстания Асмонеев, т.е. ок. 150 года до Р.Х.: в книге Даниила еврейские преследования объясняются исключительно их нежеланием преклоняться пред «идолами», как этого требуют чужеземные цари; в книге «Эсфири» (очень озлобленное, литературно слабое произведение) Аман говорит персидскому царю (мифическому): «есть народ, рассеянный между другими народами во всех сатрапиях твоего государства и живущий обособленно; законы их отличаются от законов всех других народов, а законов царских они не исполняют, так что царю не подобает оставлять их в покое». Предлагается всеобщий погром с резней и грабежом. То же повторяет Тацит 250 лет спустя. Любопытно, что так говорят о евреях как о рассеянных в то время, когда еврейское население Палестины было настолько многочисленным и так крепко срослось с землей, что выдержало победоносно Асмонейские войны; да и в Римское время наряду с многочисленными и крепкими земле евреями и в Египте, и в Малой Азии, и в Италии, и в Вавилонии существует многочисленное еврейское население, и это задолго до разгрома Иерусалима Титом, который дал новый толчок к рассеянию. Диаспора была родиной антисемитизма, но она же создала еврейскую особенность в том виде, как ее знает позднейшая история. Задача получается следующая: имеется еврейская национальность в диаспоре, явление, далеко, пожалуй, на две тысячи лет опередившее свой век (сравни современную Австрию), явление, сделавшее евреев вечными борцами за веротерпимость (христианство, роль евреев при возникновении протестантизма). Что европейские народы трудно переваривали еврейское равноправие (читай «Новейшую историю евреев» Дубнова, период французской революции), это доказывает, как долго им пришлось

дорастать до поставленной задачи и какую важную функцию исполняли евреи своей борьбой, но как дорого стоило им это право. Представь себе действительную полную веротерпимость по отношению не только к религиозной, но и всякой другой культурной группировке граждан, — и нет места антисемитизму, но и не будет места еврейству; еврейство — это союз самообороны. Я ставлю вопрос: были ли действительно веротерпимы греки и римляне; — никоим образом, если докажем это, то выяснится источник антисемитизма. Если «эксплуатация» притянута за хвост, так же как и ритуальные убийства (см. Тацита), шпионство и похищение разменной монеты, то в чем же суть? Также не следует смешивать с причинами антисемитизма еврейскую реакцию на него, выразившуюся и в выборе занятий и в характере, во всепрощении, а временами в словесных выкриках (псалом «На реках вавилонских», книга «Эсфири»). Обрати внимание на этот псалом, а может быть отыщешь другие псалмы, настроение которых указывает на борьбу с жестоким антисемитизмом. Книга Каутша на днях вышла. Только не кидайся из стороны в сторону...

2

С.Я.Лурье — Я.А.Лурье

Я долго не писал тебе, так как хотел прежде хоть немного познакомиться с интересующим меня вопросом об антисемитизме. Теперь я прочел уже все части Библии, написанные во время и после изгнания (с параллельными комментариями Каутша и Смита), Филоново описание погрома в Александрии (в подлиннике), «Тексты» Рейнака, а также и часть литературы (Эд.Мейера, Вилькена, Штэгелина, Блюдау) и пришел к кое-каким выводам.

Нарисованная Филоном картина еврейского погрома в Александрии очень поучительна, хотя и не дает возможности судить о связи антисемитизма с реакцией, так как за недостатком других данных александрийские партии трудно подогнать под определения «прогрессивная» и «реакционная» (вероятнее все же обратная зависимость: партия крайних погромщиков — националистическая греко-египетская — была более прогрессивной, а партия умеренных погромщиков — римская — была реакционной). Но все подробности погрома во всяком случае свидетельствуют о большой прогрессивности погромщиков, предвосхитивших события на целых 19 столетий! Прежде всего — вожди погромщиков — помилкованные уголовные преступники. Далее, погром начинается с

того, что правительство, обвинив евреев в *политической неблагонадежности* (в нежелании поставить в синагогах изображение императора, **τὸ Καίσαρος ὄνομα προκάλυμμα ποιησόμενοι**), предписывает всем им немедленно выселиться в гетто, упраздненное уже за 200 лет до этого, причем евреи (и имущество их), которые окажутся вне гетто, были объявлены вне покровительства закона. Вследствие краткости срока, евреи не успели ничего вывезти в гетто; все их имущество было тотчас же разграблено толпой, причем были взломаны даже запертые по случаю табельного дня магазины. Всех евреев, которые оказывались вне гетто (или хотя бы выходили из гетто на рынок, так как в гетто начался голод), зверски убивали; *убивали и тех греков, которые заступались за них*. Все это делалось не только при бездействии и с ведома властей: в это же время правительство вытребовало в качестве заложников членов еврейского сената и подвергло их бичеванию; в гетто был отправлен отряд солдат, чтобы разыскать вооруженную самооборону, если она там скрывается... Когда впоследствии еврейская депутация явилась жаловаться императору Гаю, он дал классический ответ: «А почему вы не едите свиного мяса?» Только впоследствии император Клавдий казнил двух наиболее видных погромщиков, да и то вряд ли за погром, а скорее за всю антиримскую деятельность.

Но характернее всего в Филоне тот общий тон его произведения, который не передашь своими словами... Подобно еврейским общественным деятелям нашего времени, он на протяжении ряда страниц повторяет с пеной у рта всем надоевшие азбучные истины: «Господа, ведь вы же просвещенные люди! Как же вы не понимаете, что дважды два всегда четыре» (напр., он усердно доказывает, что явное попустительство власти — это то же, что содействие). И ясно, что его оппоненты тоже хорошо знали, чему равно дважды два, но раз дело касалось евреев, то все это как-то вылетало у них из головы.

В этом отношении очень характерна книжка Stähelin'a, этого швейцарского Меньшикова, который, впрочем, когда не касается евреев, может быть, очень солидный и добросовестный ученый. Он исходит из трех указаний: 1) из папируса, где говорится о конюкраде **οὐ τὸ ὄνομα Δανοοῦλος**; 2) из указаний на то, что евреи были часто откупщиками податей и алабархами, т.е., по его толкованию, «старшими откупщиками»; 3) что они имели монополию торговли папирусом. Все эти указания теперь опровергнуты, так что злостность Шт[елина] несомненна. Вм[есто] **Δανοοῦλος** Вилькен явственно прочел: **οὐ τὸ ὄνομα ἀγνοοῦμ(εν)**; впрочем, из сотен документов о кражах есть действительно один, где вор — ев-

рей! Вместо «откупщиков податей» теперь вычитывают арендаторов казенной земли; алабары, по-видимому, чисто еврейская общинная должность. Известие о папирусной монополии основано на умышленном непонимании ук[азания] Страбона, 17, 1, 15. Обо всем этом я рассказываю для характеристики Stähelin'a, который на основании этих документов считает главной причиной антисемитизма «starke Beteiligung евреев an chikanösen und blutsaugerischen, aber desto rentableren Finanzgeschäften»¹. К такому же выводу (приблиз[ительно]) приходит и другой более солидный и беспристрастный исследователь Bludau: выше лба уши не растут! Любопытнее всего, как они оба (почти в одинаковых словах) реагируют на погром (das Kapital von Hass, das die Juden sich durch ihr Verhalten aufgespeichert hatten, damals reichliche Zinsen getragen hat²) и на последовавшую при Клавдии отмену всех еврейских ограничений и казнь двух руководителей погрома: «Es war dies ein unerhörtes Zugwständnis, das (weit entfernt, die Möglichkeit ähnlicher Krawalle für die Zukunft auszuschliesser) nur die Unzufriedenheit und die Begehrlichkeit der jüdischen Alexandriner steigerte. Kaiser Cl. schrak nicht davon zurück, seine Schützlinge, die Juden, sogar mit blutigen Opfern zu beschwichtigen... Das heisse Blut (!) der selbstbewussten Alexandriner...»³ и т.д.

Ed.Meyer и Wilcken, как первоклассные ученые, конечно, отказываются от «экономического» обоснования антисемитизма в древности и без труда разбивают доводы противников: но и их объяснение (обособленность евреев и их вражда к иноверцам, не иноплеменникам) тоже не дает нам причины или во всяком случае первопричины. Впрочем, и из писаний этих ученых весьма явно проглядывает плохо скрытый антисемитизм, и таким образом вся литература об антисемитизме в древности носит односторонно-тенденциозный характер.

В чем же причина антисемитизма? Прежде всего, конечно, отвергнем эксплуатацию и т.п., как нечто совершенно ненаучное. Александрия стала богатейшим городом в мире только из-за ее торгового значения; если евреи действительно играли крупную

¹ Сильное соучастие евреев в каверзных и кровопийственных, но тем более рентабельных финансовых делах.

² Запас ненависти, который евреи приобрели себе своим поведением, дал тогда богатые проценты.

³ Это была та неслыханная уступка, которая (далекая от того, чтобы исключить в будущем возможность подобного мятежа) только увеличивала недовольство и алчность александрийских евреев. Император Кл[авдий] не убоился даже успокаивать покровительствуемых им евреев кровавыми жертвами. Горячая кровь (!) исполненных достоинств александрийцев.

роль в этой торговле (что, впрочем, не доказано), то жители Египта могли им быть только благодарны за это. Впрочем, никто из видных ученых об эксплуатации и не говорит.

Что касается, далее, конкуренции, то она, конечно, играла роль. Но для того, чтобы конкурент мог играть на антисемитизме, должна была уже существовать в готовом виде вероисповедно-племенная ненависть.

Точно так же будут несостоятельны и обратные филосемитские обоснования. Например, нельзя видеть причины антисемитизма в реакционности правительств: правительство может только тогда играть на антисемитизме, когда он уже существует, как нечто вполне сформировавшееся в народе. Точно так же ни шовинизм, ни нетерпимость никогда не являлись первичной причиной антисемитизма, а только раздували его: твоя попытка сделать греков и римлян религиозно-нетерпимыми — беспочвенна; забудь только о евреях и вспомни, как охотно они терпели подле себя всякую другую религию. Римские императоры охотно посвящали себя в культы всевозможных варварских богов; далее, они гордо носили титул *Dacicus*, *Sarmaticus* и т.д. Но, когда Веспасиану и Титу после победы над евреями войско по обычаю предложило титул *Judaicus*, с каким негодованием они отвергли его!

Несомненно, что иудаизм, еврейский национализм — определенно защитного цвета и безусловно, его напряженность прямо пропорциональна количеству антисемитизма в окружающей среде. Я даже склонен думать, что в Вавилонском плену — этой колыбели еврейства — евреи уже натолкнулись на сильное недружелюбие, что в значительной мере обусловило направление их дальнейшей истории. Но зато ты становишься тенденциозным, утверждая, что и наоборот, антисемитизм усиливается или ослабляется в зависимости с усилением или ослаблением еврейского национализма. Ничего подобного: антисемитизм обуславливается только численностью и влиянием евреев. Ужасы Антиоха Епифана разразились в такой момент, когда еврейство (конечно, высшие, наиболее духовно развитые его круги, но они-то ведь и задают тон в усилении или ослаблении антисемитизма) было ближе к ассимиляции, чем когда-либо. Погром в Александрии (ср. погромы Кишиневский и Гомельский) вызвал к жизни сильнейший национализм, разразившийся в восстание, но начался в момент с уклоном к ассимиляции. Конечно, трудно утверждать и что зависимость обратная: скорее, внутренние течения в еврействе, его *теоретические* взгляды на не-евреев вовсе не отражаются на интенсивности обуславливающего их антисемитизма.

Итак, несомненно, что причину антисемитизма надо искать в самих евреях. В этом нельзя не согласиться с учеными. В чем же эти причины: в обособлении и во вражде к гоям? Но это фактически неверно. Не стану уже говорить о том, что Библия пропитана универсальными идеями, что, например, Девтероисайя видит призвание Израиля в том, чтобы быть пророком среди язычников. Заключу только, что вспышки антисемитизма предшествуют усилению стремления евреев к особности, а не вызываются им (ср. патриотизм евреев в начале войны — погромы — национализм). Далее то, что евреи всячески стремились сблизиться с не-евреями, не ясно ли хотя бы из того, что они говорили по-гречески, что ряд еврейских писателей писал под псевдонимами язычников не с целью пропаганды, а лишь с целью апологии еврейской религии, что, наконец, евреи покровительствовали такому явлению, как *σέβόμενοι* (кот[орые] принимали еврейство только отчасти и контаминировали его с язычеством) и гостеприимно открывали им двери своих синагог? Пресловутое обособление было лишь реакцией на антисемитизм и существовало только в теории; в жизни евреи всегда рады были, когда можно было забыть на короткое время об этих теориях.

Теоретическое стремление к обособлению и фактическая жажда сближения (ответом на которую были оскорбления), словесные озлобленные выкрики и кроткая безответность (вернее, чем всепрощение), склонность к постоянному философствованию (греки называли евреев «нацией философов») и практическая сметка и над всем этим разбедающий анализ и глубокий, слишком глубокий сарказм — все это — развитие какой-то одной глубокой причины, вызывавшей к жизни и антисемитизм.

Что такое возникло в евреях во время Вавилонского плена, что оно вызывает недоумение и презрение во всех не-евреях? Этот вопрос и должен привлечь к себе главное внимание исследователей.

Я пытаюсь дать такой ответ.

Всякая нация, оказываясь в том положении, в каком оказались евреи в Вавилоне, исчезала в окружающей среде. Евреи не исчезли — это по теории естественного подбора надо объяснить тем, что, во-первых, уже готовые душевные способности их представляли благодарную почву для этого, а, во-вторых, им удалось специально приспособить себя к вечной роли «ассистентов», третьих лиц в мировой истории, часто вовсе не желательных действенным сторонам. Во имя неистребляемости своего племени они почти сознательно обрекли себя на постоянные непрекращающиеся несчастья; раствориться в окружающей среде всегда представляло не-

посредственно выгоду для каждого отдельного еврея. Выражаясь образно, они ввели в себя большую дозу сильнодействующего противоядия, которое спасло их от бактерий разложения, но внесло и хроническую отраву в их организм, сделав их до известной степени «живыми трупами» (ср. крайне поучительную в этом отношении обвеянную смертью поэзию Гейне, который по иронии судьбы считал себя эллином; я его только что прочел). Они убили в себе непосредственную жизнерадостность, заменив ее философским приятием жизни с ее проблесками счастья. Это не значит, что они, подобно стоикам, отказались от всякого экстаза; наоборот, они способны впасть в самый глубокий экстаз, но этот экстаз пропитан отравившим их насквозь ядом. Такой характер носит еврейская религия. Далее, обреченные на жизнь среди чужих, они развили в себе такие черты, которые, подвергая оскорблениям каждого отдельного еврея, спасали еврейство, как целое: безответно перенося ругательства, они шли с открытой душой к не евреям... говорить им о своем еврействе и искать у них сочувствия. Чужой талисман, который спасал их от исчезновения, — их еврейство, как комплекс глубоко сидевших всегда в душе каждого религиозных и национальных представлений — не-евреи справедливо считали в то же время камнем за пазухой: еврейство, как учение коллективное, а не индивидуальное, ставило непроходимые преграды для действительного сближения евреев с не-евреями (это «еврейское» чувство, глубоко сидящее в душе каждого еврея и не препятствующее, а даже побуждающее еврея действовать вне еврейства (вербовкой прозелитов и изображением ок[ружающему] об[ществу] еврейских страданий), не надо смешивать с иудаизмом, учением об обособлении, представляющем реакцию на антисемитизм; Деветоисайя, книга пророка Ионы и т.д. — все это никак не «ассимиляторские произведения», а глубоко национальные творения, настоящие исповедания еврейства).

Далее, оказавшись рассеянными среди массы иноплеменников, они принуждены были заняться соответствующими отраслями труда — торговлей, тонкими ремеслами (изготовлением дорогих ковров в Александрии), медициной (Reinach, Textes, 260). Живя во всех государствах, с интересом следили за политическими событиями; они не принимали в них непосредственного участия и, следовательно, не несли на себе никакой ответственности; но, с одной стороны, их уменье тонко разбираться, а, с другой, отравлявший их спокон века сарказм всегда толкали их в ряды оппозиции и делали, по выражению Зомбарта, «всемирным бродилом».

Конечно, все эти черты после возвращения из плена были у евреев только в зачаточном состоянии. Но они попали на благодарную почву антисемитизма и распустились пышным цветом.

По иронии судьбы евреям уже в самом начале своей истории пришлось столкнуться с греками, вся жизнь и религия которых, несмотря на подчас очень суровую действительность, были культом непосредственной жизнерадостности и физи/.../*

3

Я.А.Лурья — С.Я.Лурье

Я очень рад, что ты вернулся в письме к теме об антисемитизме. Будем стоять на почве фактов. Каковы древнейшие литературные данные об антисемитизме? Приведенная мною уже фраза из книги Эсфири и соответствующие псалмы указывают, что резкое, по крайней мере, развитие антисемитизма совпало с столкновением иудаизма с эллинским миром. Что такое представляло суть еврейства: диаспора или жители Палестины? Даже во времена Христа Галилея была полуязыческая, Самария тоже не была заселена евреями; остается Иудея. Иудейские горцы — это была соль еврейского национального патриотизма, но они не играли роли в еврействе; самый храм в Иерусалиме жил присылаемыми подаяниями; любопытный вопрос: откуда брались большие богатства? По словам книги Эсфири, евреи это «народ рассеяния»; мне кажется, что иудаизм и вырос только в диаспоре, так как делал чрезвычайное ударение на избранность, на низший религиозный и этический уровень окружающих как бы в противовядие тенденции к ассимиляции. Я и указывал, что *диаспора* и иудаизм неразлучны. Такое крепкое учение, как иудейское, должно было основываться на ярких противоречиях действительной жизни. Христианство ([см.] Каутского) выросло на противоречиях между имущими и неимущими и — худо ли, хорошо ли — его принимали в основу все европейские социальные и даже полит[ические] реформаторы до франц[узской] революции (пуритане, восстание в Нидерландах и более ранние). Только со времени французской революции христианство отдаёт эту роль социализму и пр. Оно собственно отжило. Резкие противоречия классовых интересов заставляли людей хвататься за христианское учение, реформировать его и т.д. А где сила, создавшая и поддерживавшая иудаизм?

* Конец письма утрачен. — Публ.

История сделала евреев народом странников, культурными цыганами еще со времен вавилонского пленения (другие подобные народы см. Leroy Beaulieu L'Antisemitisme. Имеется русский перевод), для которых вера, воображаемая национальность заменяли ту общность, которую дает реальная национальность. Это исключительное в древности явление было встречено ожесточенным преследованием; еще раз повторяю, классическая древность была чужда веротерпимости. Что они терпели разные культы, это доказывает очень мало, — это то же, что церкви в честь разных святых; *с людьми другой веры* (eo ipso определяющими «мою» веру) греки и римляне столкнулись только в лице евреев и христиан, и где их веротерпимость? Нетерпимость греков выражалась в слове **βάρβαροι** (что отравили не всех философов, а одного Сократа, это неубедительно, но их могли отравить!). Самое название «**ἄθεοι**» указывает, что центр ненависти был религиозный (евреи были против /.../* и это делало их существами, достойными /.../** ужасного). Евреи, как люди, стремились к ассимиляции (по словам Мидраша, писано приблизительно в IV-V веках по Р.Х., Моисей, бежавший из Египта, на первых порах *скрывал* свое еврейское происхождение, и бог ему не простил этого греха), но их вера, их ученье оставалось далеким.

Что не следует судить о древнем антисемитизме с современной политической точки зрения, это верно, ты глубоко прав, говоря, что готовым, уже существующим антисемитизмом пользовались партии в своих интересах. Любопытно, что в Швейцарии, как кажется, буржуазия настояла на эмансипации евреев против масс, а Наполеон III и его присные были чужды антисемитизму (или «политически» чужды). Для самообороны что делали александрийские евреи? Издавали свое вероучение в эллинско-философском наряде. Исходя из ложного априорного представления, что эллины и римляне были веротерпимы, обходят ясное свидетельство истории, осквернение храма Антиохом Эпифаном, сцены религиозного надругательства, засвидетельствованные Иосифом Флавием, и пр., затрудняют вопрос о возникновении антисемитизма. Скажи, что римляне и греки были веротерпимы до известных узких пределов и что еврейская вера лежала далеко за этими пределами, и одно затруднение отпадет. Итак, иудаизм это живой неугасающий протест против нетерпимости, как христианство служило и для многих еще служит (духоборы, штундисты) протестом против социальных и политических противоречий. Тра-

* Утрачена часть текста. — *Публ.*

** Утрачена часть текста. — *Публ.*

диции не отмирают за день, но очевидно, что в странах полной веротерпимости еврейство исчезает или поддерживается только притоком извне. Делаются попытки реформировать иудаизм, но выйдет ли из них что-нибудь, сомневаюсь. Но понятно и естественно, что преследования утверждают иудаизм, и понятно, что Лютер отчаивался над еврейским упорством в вере, а теперь переходы в христианство даже в Германии очень часты.

Были ли начатки антисемитизма в древней Персии, это темное дело, но как только Сассаниды, по примеру Византии, утвердили у себя «истинную веру», Зенд-Авесту, сейчас же в Персидских владениях (Вавилонии, где их было много) начались гонения на евреев.

Рекомендую эти мысли твоему вниманию...

4

Я.А.Лурья — С.Я.Лурье

/.../ Теперь возвращаюсь к антисемитизму. Иудаизм в своей литературе религиозной, «благочестивой» и богослужебной почти не занимался вопросом о «спасении» личности наподобие христианства. Все его содержание — это вечные жалобы на поругание еврейского имени, на нестерпимые страдания евреев; зачем, спрашивают Бога, он отдает верных и избранных на поругание ненавистников его имени и нечестивцев? Когда этому будет конец? Это альфа и омега религиозной поэзии евреев от псалмов (и даже Иезекиила) до Бялика. Если бы это настроение зародилось в средние века или во время Римского господства, это было бы яснее. Но в сущности для своих жалоб и стонов еврейская литургическая поэзия пользуется языком, стилем и просто готовыми отрывками из псалмов. По изысканиям научной критики псалмы составлялись от начала пленения (и даже раньше) до второго века; 130-140 годы до Р.Х., т.е. время, непосредственно следующее за удачным восстанием Асмонеев, есть *terminus ad quem*. Казалось, что псалмы должны были закончиться торжествующим аккордом, а они заканчиваются душераздирающими стонами эпохи Антиоха Эпифана. Да, собственно, самое восстание Маккавеев интересует еврейскую литературу ближайшей эпохи только как эпизод в борьбе еврейской религии с насильниками, как отвоевание и отмщение оскверненного храма (таков праздник Маккавеев). Политические интересы государства Асмонеев их мало интересуют, к правящему классу, эллинистически настроенному, они относятся

враждебно: недаром политическая история этого времени известна почти только от Иосифа Флавия. Настроение остается прежним. Только основной вопрос: страдания праведного, верного Богу народа от нечестивцев, возвышается в философский вопрос: да есть ли вообще справедливость на земле, как нечто незыблемое, охраняемое Богом (Иов). Пророки времен, предшествовавших пленению, наоборот, твердили вечно, что только отступления от праведности поддерживают гнев Божий против евреев; но вот утвердился окончательно «Закон», а перемены нет, страдания не прекращаются, и пошло другое объяснение: Бог мстит за грехи отцов. Иезекииль возвещает, что плен кончится и не будет больше Божьей мести за грехи отцов, но что касается отцов, то они навлекли на себя справедливые кары человеческими жертвоприношениями, идолопоклонством, социальной несправедливостью. Иезекииль жил в начале вавилонского пленения. Затем утверждается закон, окончательно при Эздры во времена Дария, нет повода к страданиям, а страдания умножаются и бесконечны, таков мотив Псалмов (см. Псалмы 94, 102, 123, 137, 149, 83, 80, 79, 71, 70, 69, 25, 22, 44, 19, 86). Псалмы составлены в Иерусалиме, пелись, по крайней мере отчасти, в иерусалимском храме, Палестина была густо населена евреями, а между тем псалом 42 жалуется на рассеяние. Псалом 137 по содержанию написан как будто пленным еврейским рапсодом, а между тем употребление прошедшего времени указывает на то, что он написан в последующее (персидское) время и характерен по своему настроению бессильной злобы. Что все это: тоска по потерянной политической независимости? Никак нет, не ею евреи дорожили во времена Эздры и даже во времена Асмонеев; это тоска о горьких страданиях за религиозный идеал, за противоречие между религиозной особностью и жизнью в рассеянии. Во всяком случае с тех пор, как стали составляться древнейшие из перечисленных мною псалмов, уже существовал антисемитизм в современном смысле. На это указывает их содержание. Когда же это было? Антиох Эпифан был действительно сумасбродом, но все, что он творил над евреями, вовсе не воспринималось как чудовищное зверство окружающим его обществом и «народом», — он опирался, очевидно, на укоренившееся традиционное мнение, как и его последователи, антисемитизм уже числил за собой почтенный возраст. Современник эпохи Маккавеев и ярый националист, автор «Книги Эсфири» (отмечено, что он ни разу не называет Божьего имени) называет евреев со слов их врагов «народом рассеянным между всеми другими и живущим по своему особому закону, не считаясь с законами царскими», сиречь с понятиями окружающей среды, — так он суммирует современный ему

антисемитский катехизис. Палестина вовсе не средоточие еврейства, но очень болезненное место, в которое их решил ударить Антиох. Итак, ко времени Антиоха давно, настолько давно, что на этот счет установилась прочная традиция, еврейский народ рассеяния и объект ожесточенного угнетения. Названные псалмы тоже сложились в значительной части раньше второго века. Диаспора и антисемитизм обуславливают уже со времен Эздры (чуть ли не, а может быть еще и раньше) основные настроения и тезисы иудаизма, а иудаизм и диаспора неизбежно влекут за собой антисемитизм. Так и до сего дня. Ассимиляция является неизбежным следствием исчезновения антисемитизма и влечет за собой исчезновение иудаизма. Сила традиции в еврейской и окружающей среде никогда не равны между собой. Усиление антисемитизма усиливает еврейский «национализм», и наоборот, приток «национальных» эмигрантов из России усилил в склонной к нему среде антисемитизм в Северной Америке. Не трудно понять, что при отсутствии антисемитизма еврейский национализм становится не более, как интересом к старине (Италия, отчасти Франция и Германия). Обратного нельзя сказать: антисемитская традиция ассоциирована с целой массой других традиций, она может воскреснуть в связи с явлениями, совершенно не касающимися евреев. Теперь вопрос: существовала ли в древности та крепкая связь между антисемитизмом и реакцией, терпимостью по отношению к евреям и прогрессом, которая так резко /.../ со времен эпохи возрождения, а замечалась гораздо раньше. Некоторые намеки имеются: презрительное и враждебное отношение к евреям римской аристократии в лице Цицерона и дружелюбное — врага этой аристократии Цезаря. Прочитай у Дубнова историю еврейских страданий при римских императорах, сличи с римской историей; не то имеет значение, что иерусалимское восстание началось при Нероне, — прокураторы всегда были одинаковы. Кто был Адриан, жесточайший гонитель евреев, не в официальной характеристике? Для того, чтобы восстать, особенно в то время, надо было много выстрадать. Есть еще предрассудок, будто еврейские богатства вызывают зависть, и это поддерживает гонения. Как раз наоборот, где евреи богаче, там они фактически сильнее и там меньше всего реального проявляющегося антисемитизма: Северная Америка до русской эмиграции, Дания, Италия, Англия (до эмиграции из России), Германия, Австрия, Россия, Румыния и Марокко — это градация еврейской нищеты. Было ли так в древности? Любопытно, что в катехизисе Антиоха Эпифана, кажется, вовсе нет подобного обвинения, а что касается Александрии, не знаю. Высылаю тебе Каутша и Смита (у последнего прочитай о времени со-

ставления псалмов). Буду очень рад, если натолкну тебя на производительную мысль, но вовсе не желаю, чтобы ты прямо следовал за мной. Пиши, интересно ли тебе мое писание...

У Каутша имеется в конце очерк истории древнееврейской литературы и приложены таблицы времени составления по новейшим изысканиям каждого произведения. Очень важно: Исайя второй в конце Вавилонского пленения и во время Кира все еще восстает против народных культов и «идолопоклонства», иудаизма еще нет в массе, мечтает о *братстве народов* (антисемитизма еще нет), о том, что евреи соберутся «со всех концов света» (43, 5-7). То же проглядывает у ближайших его последователей. Малеахи уже отстаивает только подробности «закона» (2, 10-12 против смешанных браков). У него есть объяснение вражды между евреями и ближайшими соседями их (Эдом, Аммон, Тир), которые в вавилонское время захватили их земли и тиранили их, пользуясь их бессилием («На реках вав[илонских]» — Вавилон и Эдом). Хотя псалмы, относящиеся по-своему к антисемитизму, относятся с вероятием учеными ко всему времени существования иудаизма после Эздры до Антиоха, но, по-видимому, они составлены скорее в эллинистическую эпоху: система и теория антисемитизма выросла из столкновения эллинизма с иудаизмом (и тот, и другой проникали всюду, соперничали?). — Все это надо обдумать, но в окончательном результате: подобно тому как нельзя понять роста христианства без мученичества за лич[ное] спасение и миссионерства (даже и теперь протестанты в особенности не могут обходиться без миссионерства), так нельзя понять этики и роста иудаизма без борьбы, кровавой борьбы, с антисемитизмом.

5

Я.А.Лурья — С.Я.Лурье

/.../ Одним словом, мы видим в мелких деталях тот иудаизм, который я застал еще в моем детстве, ту же борьбу с ассимиляцией и антисемитизмом. Мы настолько знаем еврейскую психологию, что и ты, и я с уверенностью скажешь, что кругом свирепствовал антисемитизм, иначе непонятны ни талмудически-хедерный иудаизм, ни ассимиляция в этой форме, ни эта озлобленная контр-ассимиляция. А почему последние 40 лет внесли большую перемену в еврейскую психологию, чем 1500 лет, по крайней мере, от времени составления Мидраша до освобождения крестьян в России, скажем применительно к русским евреям, которых я имею в виду.

Я.А.Лурья — С.Я.Лурье

/.../ Теперь возвращаюсь к глубоко заинтересовавшей меня теме о древнем антисемитизме и происхождении иудаизма. Что касается Дубнова, то он обладает большими фактическими познаниями, но очень ограничен и совершенно чужд современному историческому методу; он пишет так, как писали 50 лет тому назад; но все же и он признается (см. 1-й том нов. изд. его Истории), что трагедия мученичества за веру наложила печать на иудаизм. — Исайя I и II и Иеремиа и Иезекиил — это те писатели, которые обнимают период между древней израильской историей и зарей иудаизма; к сожалению, Исайя II порядком темен, но все же его стоит штудировать. — Я стою на той точке зрения, что новое мировоззрение с готовностью на подвиги является выражением ассоциаций идей, заложенных социальной и политической сословной жизнью.

Как жили евреи в Вавилонском плену? — Со слов Иеремии, Иезекиила и Исаяи II, надо полагать, что их было много, что в глазах пророков они изображали собой целый народ. Ассирияне имели большие, частью отдаленные и малонаселенные владения; кроме того, они часто изгоняли жителей из одних мест и населяли другие; след[овательно] в Ассирии были возможны насильственные переселения с наделением землей. Действительно Рабсана, военачальник Санхериба (см. «Книгу царств»), предлагает защитникам Иерусалима «отвести их в другую сторону с садами и виноградниками». Но это касается ассириян и добровольной сдачи. Что касается жизни евреев в Вавилонии, то даже серьезные исследователи, как Вельгаузен (Киттеля я не читал) стоят на той точке зрения, что религиозные идеи растут сами по себе, независимо от жизни. В[ельгаузен] не останавливается на этом вопросе, но без рассуждений считает вавилонское переселение эмиграцией в современном смысле: приехал человек в Южную Африку, стал тамошним гражданином, а затем получил земельный надел, занялся торговлей, смотря по своей оборотоспособности и пр. Вспомним прежде всего, что Иерусалим был взят после кровопролитнейшей осады, что Иудея «взбунтовалась» против своего владыки уже во второй раз. Во-вторых, Вавилонское царство Небукудуруссура не имело колоний — Вавилония и Сирия; Сирия вся осталась покорной, кроме Иудеи и Тира, — надел пленников землей был невозможен, наоборот, земли Иудеи были отданы на расхищение эдомитянам и аммонитянам, как это упоминается в

раз[ных] местах пророками. Предположительно, часть пленников была продана в рабство, возможно, часть стала илотами, государственным рабами (я не знаком с вавилонским правом, но Книга Царств упоминает, что часть покоренных жителей была обращена в иеродулов при Соломоновом храме). Затем и пятикнижие и пророки упоминают много раз о «герим» метеках, *рекомендуя не отягчать их участи*. Одна уже эта настойчивая рекомендация указывает, что метеки были очень принижены и страдающим сословием. Не надо забывать, что редакторы легенды об исходе евреев из Египта тоже представляют их себе в Египте государственными рабами, ведущими адское существование. — Вот вероятный фон, а теперь перейдем к фактам. Исайя, живший в конце вавилонского пленения, неоднократно упоминает, что Бог сейчас соберет евреев, *рассеянных по всем странам*, их привезут Корабми из Тартесса «с островов», т.е. из неведомых стран Средиземного моря; в главе 66, 19-20 народы Таршиша (Италии, Испании), Пул и Луд (Лидия и вообще Малая Азия), Тубал (Тибарены, Армения, Закавказье) и Яван (Иония, тогда отдаленная страна) с торжеством доставят в Иерусалим рассеянных еврейских изгнанников (Исайя называет в одном месте Израиля и Иуду, след[овательно] имеет в виду оба царства). В главе 53 (Исаии) эти народы говорят об остатке Израиля: он терзаем был, но не отворял своих уст, смирял себя, как агнец, водимый на заклание и пр[очее], во искупление наших (этих народов) грехов. Что это: евреи так быстро захватили в свои руки торговлю с отдаленными странами? Какие же это агнцы, какие изгнанники, которых надо доставить (с позволения этих народов)? Во-вторых, о такой роли евреев [в]то время (600-500 до Р.Х.) ничего неизвестно; в-третьих, своих факторий они не могли иметь, а финикияне не везли их товаров. Для меня нет сомнения, что значительная часть вавилонских, и надо полагать ассирийских пленников была продана в рабство в отдаленнейшие страны, но они поддерживали связь с вавилонским центром. Характерно, что Исайя говорит о горьких мучениях и унижениях, но не упоминает слова «рабы». Добавлю, что он писал через 60 лет после взятия Иерусалима, и нелепо было бы толковать эти живые жалобы, мучения, во имя которых он призывал к религиозным реформам, как уязвленное политическое самолюбие 2-го или даже 3-го поколения. Надеюсь, что все народы придут поклониться Иагве в Иерусалим, он в то же время призывает тягчайшие проклятия на головы «притеснителей» и в одном только месте упоминает, что они придут в Иерусалим с согбенными спинами молить о прощении (я тебе пришлю или покажу тебе размеченный текст Исаии). Характерно, что о Египте,

куда бежало еще до последнего разгрома и после последнего разгрома много жителей Иудеи, которые жили там, как *вольные* поселенцы и строили храмы (см. Иеремию), Исайя не упоминает ни словом, — они не входят в число мучеников. Как же жили евреи в Вавилонии, — (Исайя, 51, 23). «Огорчители твои говорят тебе: повернись, и мы переступим, и ты (остаток Израиля) спину свою сделал как бы землей и как бы улицей для прохожих». — Исайя 50, 6: Бьющим подставляя я спину свою, и щеки свои, лицо свое — вырывавшим волосы; лица моего не закрывал от поругания и оплевывания, и не стыжусь, что сделал лицо свое как камень, и знаю, что не останусь в стыде. Темный язык Исайи позволяет относить это место к кому угодно; кое-кто в эпоху Христа использовал это место как относящееся к Мессии, и это место, как и вообще Исайя II, оказало сильное влияние на содержание и редакцию легенды о Христе («дабы исполнить, что писано у пророков»). Протестантские богословы относили было его к некоему пророку, прообразу Христа, погибшему от руки вавилонских евреев; но Вельгаузен, например, относит его к еврейским пленникам вообще, и это очевидно при сопоставлении с предшествующими цитатами. Не стану дальше цитировать; прочитай Исайю II и, вероятно, согласишься со мной, что, кроме рабов, евреи принадлежали к госуд[арственным] рабам, имели некоторую собственную организацию. Исайя ругает «стражей Израиля», упивающихся вином и эксплуатирующих своих, затем всю массу он изображает и физически и морально крайне угнетенной. Он делит всех пленников израильских на «кадящих идолам» и верных Иагве; о первых (может быть, они же и стражи?) говорится (66, 5): «Ваши братья, ненавидящие вас, преследующие вас за имя Мое (Божье) говорят: "Пусть прославит тебя Иагве, тогда увидим веселие ваше!"» Иеремия объясняет причину этой ненависти: когда он укорял бежавших в Египет, зачем они «служат» (совершают обряды) Царице Небесной, они отвечали: наше царство разорено оттого, что по слову твоему и других пророков мы стали пренебрегать богами. Вот, по-моему, почва, на которой стал расти иудаизм! Продолжение следует, но все же еще небольшое замечание. Ты из истории знаешь, вероятно, что первая осада Иерусалима, за 10 лет до окончательного разгрома, кончилась добровольной сдачей. Тоже много народу было уведено в плен. Обращаясь к ним, Иеремия говорит (до второго восстания): «Не надейтесь на скорое возвращение, стройте дома, разводите виноградники, берите жен, выдавайте дочерей замуж. *Радейте о благе того города, куда я [Бог] загнал вас*, молитесь о нем Иагве, благо этого города — ваше благо» (Иеремия 29, 4-7). Иезекиил, сам принадлежавший к числу

пленников 1-го изгнания, составляет спокойно главы будущего благоустройства храма, в его речи нет ни тени тех трагических переживаний, которыми полон Исайя II. Я думаю, что эти пленники, как можно заключить из всей ситуации (был только смещен и заменен другим Царь Иудеи, царство сохранено), были в относительно привилегированном положении сравнительно с последующими. Вопрос этот (которым мы с тобой интересуемся) даже не затронут в еврейской истории...

Я.В.Васильков
ТОЛЬКО ОБ ОДНОМ ВОСТОКОВЕДЕ...
(Гebraист Михаил Николаевич Соколов, 1890-1937)

Востоковеды России (и, надеюсь, других стран бывшего СССР) навсегда сохраняют благодарную память о Феликсе Федоровиче Перченке. Его известная статья, опубликованная за рубежом, но быстро достигшая России и ходившая по рукам в академических институтах, задолго до «эры гласности» коснулась запретной в советских условиях темы репрессий в востоковедении¹. Когда в «перестроечные» годы востоковеды Москвы и Ленинграда развернули поиск архивных материалов по данной теме, Ф.Ф.Перченко принял в этой работе самое активное участие и во многих отношениях направлял ее. Первые результаты были опубликованы в журнале «Народы Азии и Африки» в виде списка, куда вошли имена и краткие сведения о более чем 350 репрессированных востоковедах². В последнее время Ф.Ф.Перченко участвовал в подготовке библиографического словаря-справочника «Востоковеды в ГУЛАГе», задуманного по образцу изданного при его же активном участии словаря «Репрессированные геологи» (СПб., 1992), но с добавлением библиографических данных. Довести эту работу до конца нам придется уже без Феликса Федоровича.

При работе над составлением биографических статей о репрессированных востоковедах типовой трудностью является диспропорция в освещенности информацией двух периодов в жизни ученого: до и после ареста. Чаще всего нам хорошо известны труды востоковеда, его судьба и творческий путь до ареста; за этим же следует полная неизвестность, если не считать документов

¹ Вознесенский И. [Ф.Ф.Перченко]. Только востоковеды... // Память: Исторический сборник. Вып.3. Париж, 1980. С.429-465.

² Репрессированное востоковедение: Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20-50-е годы / Сост. Я.В.Васильков, А.М.Гришина, Ф.Ф.Перченко // Народы Азии и Африки. 1990. №4. С. 113-125; №5, С.96-106. К сожалению, после реорганизации журнала и переименования его в «Восток», редколлегия утратила интерес к данной теме и дополнения к списку, содержащие сведения еще примерно о трехстах ученых, опубликовать уже не удалось. Позиция редколлегии тем более удивляет, что первая публикация нашла широкий отклик как у нас в стране, так и за рубежом; см., напр.: Menicucci G. Glasnost, the Coup and Soviet Arabist Historians // International Journal of Middle Eastern Studies. Camb. (Mass.). V.24. (1992). P.559-577.

конца 1950-х—начала 60-х: справки о «прекращении дела производством за отсутствием состава преступления» и свидетельства о смерти с фальсифицированной датой. Но есть и обратные случаи, когда благодаря данным, полученным из КГБ-МБР и МВД, или из воспоминаний товарищей по заключению мы хорошо осведомлены о тюремно-лагерной жизни ученого, но не имеем сведений о его трудах (один мог только начинать свою научную деятельность; работы другого в условиях идеологической цензуры не публиковались, а после ареста пропали, и т.д.). Биография М.Н.Соколова, которому посвящена данная статья, представляет собой одно из редких исключений. Усилия самых разных людей, объединенных только желанием сохранить память об ученом, позволили из разрозненных фрагментов составить более или менее полную картину его трагической судьбы.

Есть также другие обстоятельства, придающие биографии М.Н. Соколова, на наш взгляд, особое значение. Безусловно, это был выдающийся, талантливый исследователь. В его судьбе принимали участие крупнейшие деятели отечественной науки (П.К.Кокковцов, Е.В.Тарле, Н.Я.Марр). И, наконец, при всем своеобразии личности ученого, биография М.Н.Соколова содержит и типические моменты, которые позволяют поставить некоторые вопросы, имеющие общее значение для истории репрессий в отношении научной интеллигенции в СССР.

Михаил Николаевич Соколов родился в семье священника 19 июня 1890 (зарегистрировано в Метрической книге московской Спасской-на-Песках церкви). О его детских и юношеских годах сведений нет. По-видимому, ему уготовано было, в соответствии с традициями семьи, пастырское служение. Во всяком случае в начале 1910-х он учился в Московской Духовной академии (МДА), где получил начальную подготовку в древнееврейском и сирийском языках³. Тогда-то, надо думать, и выяснилось, что истинным его призванием является филология. Окончив в 1915 МДА, Соколов переехал в Петербург и поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. В два года он прошел здесь под руководством крупнейших семитологов П.К.Кокковцова (главным образом гебраиста и сириолога) и И.Ю.Крачковского (арабиста) ускоренный курс по еврейско-сирийскому разряду, после чего был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию⁴. В следующем, 1918-м, Соколов выдержал

³ Старкова К.Б. Гебраистика // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С.548.

⁴ ЦГАЛИ (СПб.). Ф.348. Оп.2. Д.658. Л.1.

испытания на звание магистра еврейского языка — и впоследствии, по свидетельству его ученицы К.Б.Старковой, всегда гордился тем, что оказался «последним русским магистром по гуманитарным наукам». В октябре того же года, после прочтения пробных лекций, ему поручено ведение двух обязательных для студентов курсов. А в ноябре он уже избран старшим ассистентом и с тех пор непрерывно преподавал здесь (в должностях доцента, и.о. профессора, зав. кафедрой гебраистики) до сентября 1931, когда кафедра гебраистики была уничтожена. По-видимому, еще во время учебы завязалась у М.Н.Соколова многолетняя дружба с несколько более старшим учеником П.К.Коковцова — сириологом Анатолием Павловичем Алявдиным (1885-1965). Объединяла их не только увлеченность древневосточной филологией, но и одинаковое происхождение из духовного сословия, и интерес к религиозно-общественным вопросам. В 1919-20 М.Н.Соколов совмещал работу в Петроградском университете с преподаванием в Лазаревском институте в Москве, куда он (как и А.П.Алявдин) был приглашен на должность профессора. Кочевание в поездах между Петроградом и Москвой вскоре прекратилось: на месте Лазаревского института с его несозвучным эпохе интересом к христианскому Востоку был создан ориентированный на ускорение «мировой революции» Московский (или Центральный) институт живых восточных языков. Но теперь уже и в Петрограде М.Н.Соколов работал сразу в нескольких местах: в университете на этнолого-лингвистическом отделении факультета общественных наук он вел начальный курс древнееврейского языка, а также читал со студентами тексты библейских пророков, в частности — книгу Иеремии. Проф. П.К.Коковцов, таким образом, возложил на него основную нагрузку, себе оставив лишь спецкурс по Книге Иова⁵. После преждевременной смерти в 1922 арабиста И.П.Кузьмина Соколову в течение двух лет пришлось вести также начальный курс арабского. Кроме того, когда при университете был организован Научно-исследовательский институт сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока им. А.Н.Веселовского (ИЛЯЗВ), М.Н.Соколов был принят в него на должность научного сотрудника I разряда, а в 1925 — возглавил в ИЛЯЗВ секцию (с 1928 — комиссию) семито-хамитского языкознания. Еще в 1921 он был избран секретарем Коллегии востоковедов при Азиатском музее (АМ) Российской Академии наук, а 1 августа 1924 зачислен научным сотрудником I разряда в штат АМ, заведовал Еврейским отделом музея.

⁵ Востоковедение в Петрограде. 1918-1922. Пг., 1923. С.38.

Отказавшись в свое время от карьеры священнослужителя в пользу филологического призвания, М.Н.Соколов не утратил, однако, религиозных интересов и связей с духовной средой. В 1917-18 все православные учебные заведения были закрыты новой властью, и тогда, по инициативе митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского)⁶ некоторые преподаватели Петроградской Духовной Академии с помощью профессоров университета создали частный учебный центр — Петроградский Богословский институт (ПБИ), который на протяжении своей короткой истории (1919-1923) с успехом выполнял одну из своих основных задач — «разработку богословских и церковно-практических вопросов, выдвигаемых жизнью, и проведение их правильного решения в сознание общества»⁷. Вокруг института группировались ученые и философы, представлявшие важное общественное движение того времени, известное под именем русского религиозного возрождения. Своего расцвета оно достигло впоследствии за границей, куда были высланы многие крупнейшие его представители; но начало было положено в России. Лекторами ПБИ были С.С.Безобразов, позднее известный как епископ Кассиан (1892-1965), автор нового русского перевода Евангелий; Г.П.Федотов (1886-1951), Н.О.Лосский (1870-1965). Преподавались в институте и предметы, имевшие отношение к Востоку, например, известный монголовед, японист и синолог Д.М.Позднеев читал «историю распространения христианства на Дальнем Востоке», а проф. И.И.Соколов — «историю Греко-Восточной церкви совместно с церковью Грузинской»⁸. М.Н.Соколов и А.П.Алявдин вели, соответственно, курсы древнееврейского и сирийского языков. Известно, что значительная часть преподавателей ПБИ входила в религиозно-философское «Братство святой Софии», просуществовавшее до 1922, когда часть его деятелей погибла, а остальные были высланы за границу⁹. Однако, об участии в деятельности «Братства» М.Н.Соколова или А.П.Алявдина сведений у нас нет.

После закрытия в 1923 ПБИ Соколов, по-видимому, отошел от активного участия в деятельности религиозных организаций. Он уже не преподавал, в отличие от А.П.Алявдина, на сменившихся ПБИ Высших богословских курсах (1923-27). Скорее всего

⁶ После фальсифицированного «показательного процесса» расстрелян в ночь с 12 на 13 августа 1922. В настоящее время канонизирован Русской Православной церковью.

⁷ Востоковедение в Петрограде. Указ. изд. С.50.

⁸ Там же.

⁹ Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974. С.220.

лишь эпизодически он бывал (если бывал вообще) на собраниях кружка «Воскресение», объединившегося вокруг оригинального христианского мыслителя А.А.Мейера (1875-1939); в деятельности этого кружка христианско-социалистической ориентации принимали активное участие другие ученики П.К.Коковцова: А.П.Алявдин и Н.В.Пигулевская¹⁰. М.Н.Соколова увлекла в это время преподавательская и научная работа, прерываемая командировками в другие города по собиранию для АМ рукописных материалов. Еще в 1922 он занимался перевозкой из Москвы в АМ восточных рукописей коллекции б. Учебного отдела МИД (в свое время вывезенных из Петербурга и хранившихся в Глав-архиве). Особенно участились командировки с 1924, когда Соколов был принят в штат АМ: в том же году он совершает поездку в Нижегородскую губернию, г. Варнавин, чтобы забрать для АМ библиотеку восточных книг, оставшуюся в одном из здешних дворянских имений. Ездил он позже (1927) и в Казань, чтобы организовать доставку в Ленинград восточных рукописей б. Казанской Духовной академии. Но особое значение имели поездки летом 1926 и 1927 в каникулярное время (июль-август) в Евпаторию, где он руководил разбором и описью рукописного собрания Караимской национальной библиотеки. Совместно с хранителем этого собрания Б.С.Эльяшевичем М.Н.Соколов составил краткое описание всех имевшихся там рукописей, содержавших около 1000 сочинений. Он был первым, кто осознал огромное значение караимского рукописного материала, организовал работу по спасению его для науки и исследованию. С этим приходилось спешить — в конце 1920-х—начале 30-х развернулась кампания по закрытию в Крыму караимских молитвенных домов, когда все имевшиеся там книги и рукописи уничтожались. Караимы сами рады были отдать ценнейшие свои рукописи ученым, лишь бы только спасти их от гибели. По счастью, М.Н.Соколову и продолжившему его дело гебраисту В.Л.Дашевскому удалось переправить собрание Караимской национальной библиотеки и многие другие караимские рукописи в Ленинград, в рукописное хранилище АМ (преобразованного с 1930 в Институт востоковедения).

Одновременно М.Н.Соколов работал над своими немногочисленными печатными статьями, посвященными различным проблемам истории средневековой еврейской литературы. В те годы востоковеды работали не спеша, материал для небольшой статьи иногда обрабатывали и обдумывали по несколько лет.

¹⁰ О кружке А.А.Мейера и судьбах его участников см.: Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992. С.323-337, 447, 487 и др.

Зато и результаты впечатляли¹¹. М.Н.Соколов успел опубликовать всего три статьи, но каждая из них несет элемент открытия.

Первая посвящена гадательному документу из семейного архива Г.П.Блока (двоюродный брат поэта), составленному в 1816 в Петербурге и содержащему древнееврейский текст предсказания («оракула») с переводом на латинский и русский языки¹². Текст был подвергнут исчерпывающему филологическому анализу, в результате чего установлен, во-первых, его основной источник (еврейская гадательная книга, изданная в Германии в 1720), а затем сличением оригинала с переводами латинским и русским доказано слабое знание еврейского языка переводчиком — служившим в Императорской Публичной библиотеке В.В.Стависким, и определено даже, какими словарями он пользовался при составлении и переводе «оракула». В заключение М.Н.Соколов приводит некоторые факты, свидетельствующие об определенном интересе в высших сферах петербургского общества в первой трети XIX века к еврейской практике гаданий и древнееврейскому языку; он приводит, в частности, архивное свидетельство о составлении тем же В.В.Стависким благодарственного адреса Александру I на древнееврейском языке, а также упоминает о содержании появившегося через четверть с лишним века рассказа Ф.Булгарина «Ворожея», в котором представители разнообразных слоев петербургского общества приходят к ворожее-еврейке, гадающей по еврейской книге¹³. В свете новейших исследований выявленный М.Н.Соколовым интерес к еврейским оракулам может рассматриваться как вариация общего интереса эпохи к «восточной мистике»¹⁴. Учитель Соколова, акад. П.К.Коковцов писал, что эта статья «свидетельствует о не-

¹¹ Когда в начале 1930-х в «большевизированном» Институте востоковедения была введена пресловутая «плановая» система, требовавшая, чтобы востоковед писал, скажем, две статьи в год, ученые смеялись над ней, как над очередной глупостью невежд-администраторов (см., напр.: Poppe N. Reminiscences. Bellingham, 1983. P. 116-117). Лишь со временем стало ясно, что система несет в себе определенный смысл: она лишает ученого свободы и ставит его в унижительную зависимость от назначенного присматривать за наукой чиновника.

¹² Соколов М.Н. Один гадательный документ начала прошлого столетия // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. Т. I. Пг., 1925. С.375-380.

¹³ Булгарин Ф. Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб., 1843. С.47-57.

¹⁴ Об увлечении некоторых кругов русского общества в это время индийской мистикой и санскритом см. в работах: Топоров В.Н. Об одном образце «говорения языками» в русской мистической традиции // Этнолингвистика текста. Семантика малых форм фольклора: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. Вып. I. М., 1988. С. 160-164; его же: Об индийском варианте «говорения языками» в русской мистической традиции // Wiener Slavistischer Almanach. Bd.23 (1989). S.33-80.

обычайной аккуратности автора в обработке своей темы, которая, можно сказать, в ней до конца исчерпана»¹⁵. Действительно, за текстом этой статьи-миниатюры угадывается длительный, упорный поиск, в том числе и на путях, приводивших лишь к негативному результату: так например, первоначально Соколов искал источник текста оракула в масонской литературе, но «здесь, несмотря на несомненное наличие еврейских элементов, никакого еврейского текста подобного содержания не оказалось»¹⁶.

Одним из важных следствий работы М.Н.Соколова в Евпатории была находка им фрагмента арамейского оригинала «Книги Законов» — утраченного основного сочинения выдающегося еврейского писателя VIII в., основателя секты караимов Анана га-Наси (Анан бен-Давид). Публикация и обстоятельное исследование этого фрагмента составили тему второй печатной работы М.Н.Соколова¹⁷. Благодаря прекрасной сохранности этот текст позволил заполнить лакуны в арамейских фрагментах «Книги Законов», вывезенных ранее из Каирской генизы известным гебраистом С.Шехтером. Ценность найденного фрагмента дополнительно умножалась тем, что его данные проливали некоторый свет на содержание другого, еще менее известного, чем «Книга Законов», сочинения Анана под названием «Аль-Фадлака».

Но еще большее значение имела, по мнению акад. П.К.Ковковца¹⁸, третья печатная работа М.Н.Соколова, посвященная двум найденным им (в ленинградской ГПБ и в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде) фрагментам арабского оригинала популярного дидактического сочинения «Мибхар ха-пениним», традицией приписывавшегося знаменитому философу и поэту Соломону (Шломо) ибн-Габирию (1021/22-1058). До того времени не было известно достоверно отождествляемых фрагментов арабского оригинала сочинения, а без этого нельзя было решить самый сложный вопрос о его авторстве. Опубликовав арабский текст вместе с известным еврейским переводом, М.Н.Соколов всесторонне исследовал его и пришел к отрицательному выводу относительно принадлежности данного сочинения перу поэта-философа¹⁹.

На научную работу у М.Н.Соколова оставалось мало времени, — значительная часть его уходила на преподавание. Но в

¹⁵ ЦГАЛИ (СПб.). Ф.328. Оп.2. Д.658. Л.4.

¹⁶ Соколов М.Н. Указ. соч. С.376-377.

¹⁷ Фрагмент «Книги Законов» Анана га-Наси // Известия АН СССР. 1928. С.243-253.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф.779. Оп.3. Д.30.

¹⁹ Арабский оригинал сочинения «Mibhar ha-penimim», приписываемого Соломону Ибн-Гебирию // Известия АН СССР. 1929. С.287-300.

начале 1930-х время неожиданно появилось — несчастье помогло. Свершилось, наконец, то, о необходимости чего все время говорили большевики²⁰, — запрещено было преподавание в учебных заведениях древних языков (и прежде всего тех, которые все чаще определялись теперь как «поповские» — то есть языки древних священных текстов). В этих обстоятельствах Соколов взялся за создание большого труда, посвященного одному из крупнейших караимских писателей, Абуль-Фараджу Гаруну (Харуну), жившему в XI веке. Используя многочисленные рукописи этого автора, хранящиеся в ленинградской Публичной библиотеке, но до тех пор почти не привлекавшиеся к рассмотрению учеными, Соколов предполагал заполнить значительный пробел в истории средневековой еврейской и караимской литератур²¹. К концу 1933 работа была практически завершена и подготавливалась к печати, но последующие события воспрепятствовали изданию. Судьба рукописи неизвестна.

С сентября 1933 ученым удалось (говорили, что с санкции С.М.Кирова) возобновить преподавание некоторых древних языков в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), недавно открывшемся при ЛГУ. М.Н.Соколов начал чтение элементарного курса древнееврейского языка своей последней группе студентов. Об этом периоде его жизни сохранила яркие и детальные воспоминания одна из тогдашних учениц М.Н.Соколова Клавдия Борисовна Старкова, навсегда благодарная учителю за то, что всего в один семестр (осень-зима 1933) он сумел привить ей не только глубокий интерес к изучаемой культуре, но и навыки точного филологического анализа. «С виду М.Н. — сухой, очень сдержанный человек, рыжеватый блондин, с седой, в пенсне, резкие черты лица, насмешливые глаза», — вспоминала она. Характер и стиль общения М.Н. с учениками — строгость и беспристрастность в опросах, требование при чтении текстов понимания грамматической формы каждого слова, безупречного знания парадигм; в то же время он охотно и живо объяснял непонятное, запомнился, как «добрый, остроумный, смешливый

²⁰ Еще в середине 1920-х лидер «марксистского востоковедения» М.П.Павлович печатно заявлял: «Нам, конечно, не нужен санскрит, не нужны древнееврейские, финикийские и арамейские языки» (Правда. 1925. 21 ноября; цит. по кн.: Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С.203; уничтожительная замена единственного числа множественным — характерная особенность революционного жаргона той эпохи).

²¹ По мнению П.К.Коковцова, труд М.Н.Соколова об Абуль-Фарадже должен был стать «ценнейшим вкладом в мировую науку по гебраистике» (СПбФ АРАН. Ф.779. Оп.3. Д.30. Л.3).

человек». Много лет спустя именно К.Б.Старкова в статье о гебраистике в ИВ впервые назвала забытое имя М.Н.Соколова и достаточно внятно дала понять догадливому читателю, какого рода обстоятельствами была прервана его научно-педагогическая деятельность²².

Студенты сдали М.Н.Соколову свой первый экзамен и ушли на зимние каникулы, а когда вернулись, уже не застали в ЛИФЛИ своего учителя. Он был арестован 22 декабря 1933²³. Обвинен по статье 58, пункты 10 и 11 («антисоветская агитация» и «участие в контрреволюционной организации»). Происхождение Соколова, его прежние связи с духовной средой упростили следователям задачу подключения его к «делу», по-видимому, вполне вымышленной «церковно-монархической организации "Англикане"» (см. ниже выписки из лагерного дела М.Н.Соколова). Мы не имели возможности ознакомиться со следственным делом М.Н.Соколова, поэтому можно только гадать о происхождении странного названия. Известно, что М.Н.Соколов по вероисповеданию был православным. Следует, вероятно, иметь в виду, что Англиканская церковь была в эти годы едва ли не единственной общественной силой в Европе, активно протестовавшей против преследования верующих в СССР (например, в начале 1930 англикане провели по всей стране однодневное моление о гонимой Русской церкви²⁴). Поэтому обвинение в связях с англиканами автоматически должно было означать инкриминирование антисоветской деятельности.

3 марта 1934 постановлением Коллегии ОГПУ М.Н.Соколов осужден к заключению в «исправительно-трудовые лагеря» сроком на 5 лет²⁵. 20 апреля прибыл по этапу в БАМлаг — систему лагерей, призванную обеспечить рабской трудовой силой первый тур строительства Байкало-Амурской магистрали. Первые годы заключения Соколов провел в административном центре БАМлага, городе с примечательным названием — Свободный. Условия были сравнительно сносными: он был избавлен от тяжелого физического труда, мог переписываться с семьей, жене, Татьяне Пет-

²² Старкова К.Б. Указ. соч. С.548-549.

²³ Точнее, по-видимому, в ночь с 21 на 22 декабря. В служебной записке, отправленной секретарем Института Востоковедения в отдел кадров АН, говорится, что «специалист ИВ М.Н.Соколов 21 декабря вечером арестован» (СПбФ АРАН. Ф.4. Оп.4. Д.2385).

²⁴ См.: Регельсон Л. Трагедия Русской церкви. 1917-1945. Париж, 1977. С.478.

²⁵ Сведения об аресте и осуждении М.Н.Соколова по запросу Ленинградского отделения ИВ АН СССР были представлены Управлением КГБ по Ленинградской области (вместе с данными о некоторых других востоковедах) в 1989.

ровне разрешили приехать к нему для свидания. С ней он и передал, по-видимому, письмо учителю, академику П.К.Коковцову, сохранившееся в СПб. филиале Архива РАН:

4. IX. 1934
Гор. Свободный, ДВК,
Почт. ящик 25.

Дорогой Павел Константинович,

трудно представить себе, как я был счастлив и рад получить от Вас письмо на далеком Востоке. Оторванный неожиданно от своей среды и условий работы, я особенно остро переживал невозможность поддерживать общение с Вами даже письменно. Теперь через Татьяну Петровну, которая рассказала мне о том, как Вы живете, позвольте от всей души благодарить вас за все — за Ваш отзыв о моей работе, за присланные мне книги на татарском и древнееврейском языке и за предложение передать мне интересующие меня книги из Вашего ценнейшего книжного собрания. Так как я все же надеюсь, что моя оторванность от работы по специальности когда-нибудь окончится и я снова получу возможность заниматься тем, чем мне хочется, то я — с великой благодарностью — просил бы Вас сохранить, если можно, для меня библейские комментарии Дилльманна, трехтомное издание Мунка More Nebukim, работы Бахера, Талмуд в переводе Гольдшмидта, переводы Хаггада Вюнше и Бахера²⁶. Мне очень совестно писать еще, потому что и написанное представляет собой очень большую ценность. Если Вы найдете нужным передать эти книги в ближайшее время, Татьяна Петровна присоединит их к моим книгам. Она расскажет Вам, как я здесь живу. Я устроился совсем не плохо по сравнению с возможностями, которые могут быть у каждого лагерника. Теперь, после того как я немного пришел в себя после всего пережитого, я стал заниматься крымско-татарским языком у находящегося здесь в моем же положении преподавателя педагогики Симферопольского Университета, который говорит по татарски. После отъезда Татьяны Петровны, снова примусь за изучение и буду употреблять на это все свободное время. Я думаю, что в дальнейшем мне пригодится знание татарского языка для изучения караимской литературы²⁷. В общем жизнь здесь построена так, что свободного времени очень мало. Работа начинается в 9 ч. и продолжается до 3 1/2 ч., затем вечером — с 8 ч. до 12 ночи. Ложиться спать удастся не ранее 1 ч. ночи, вставать же в 7 часов утра. За-

²⁶ Перечисляются классические немецкие работы XIX в. по гебраистике. More Nebukim (в тексте — еврейским письмом) — «Путеводитель блуждающих», сочинение философа XII века Моше Маймонида.

²⁷ Караимский язык представляет собой, по существу, использующий еврейскую письменность и насыщенный гебраизмами диалект крымско-татарского языка.

нимаюся татарским языком дважды в пятидневку с 5 до 6 часов и в качестве компенсации за обучение с 6 до 7 занимаюся преподаванием своему учителю арабского языка. Это очень красит жизнь, потому что работа в Отделении карьерного хозяйства Транспортного Отдела Управления Бамлага ничего не дает для ума. Мне были сделаны два предложения — заведывать архивом проектного отдела и заведывать центральной технической библиотекой. Последнее меня очень привлекало, но мое начальство категорически отказалось меня отпустить и я принужден был оставить мысль о переходе²⁸. Конечно, работа в библиотеке, хотя бы и технической, бесконечно мне ближе, чем та работа, которую я сейчас выполняю, ведя делопроизводство отделения, неся секретарские обязанности и выполняя все, что требуется в тот или иной момент, т.е. или веду статистический учет продукции карьеров, или помогаю в плановой работе. В общем время идет очень быстро. Я очень прошу Вас, дорогой Павел Константинович, беречь здоровье Ваше, чтобы мы снова могли с Вами видеться, чтобы я по возвращении нашел Вас таким же полным энергии, каким я Вас оставил. Передайте мой привет Ксении Тимофеевне²⁹. От души Вас благодарю и желаю Вам всего доброго.

Искренне Вас уважающий и любящий

Ваш М.Соколов³⁰.

Обращает на себя внимание в этом письме прежде всего то, что М.Н.Соколов пытался и в лагере продолжать научную деятельность или хотя бы подготовку к ней, занимаясь крымско-татарским языком. Для востоковедов того времени вообще характерно, что они даже в самых неблагоприятных обстоятельствах упорно следовали своему научному долгу. Известно, например, что старый монголовед А.В.Бурдуков, умирая во время войны от голода в Сиблаге, чуть ли не до последних дней сообщал родным, что работает над книгой «Тридцать лет среди монголов»³¹. Другие, выйдя на свободу после многолетнего заключения старыми и тяжело больными людьми, находили в себе силы закончить в условиях крайней нужды ранее начатые фундаментальные труды (как, например, друг Соколова — А.П.Алявдин или китаевед А.А.Штукин).

Письма М.Н.Соколова жене неожиданно перестали приходить в конце 1937-го, тем не менее близкие по-прежнему ждали

²⁸ Впоследствии Соколову удалось перейти на работу в библиотеку.

²⁹ Ксения Тимофеевна — экономка П.К.Коковцова.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф.779. Оп.3. Д.30. Л.7-8.

³¹ Письма А.В.Бурдукова из лагеря хранятся у его дочерей, Г.А. и Е.А.Бурдуковых.

его скорого возвращения. Срок заключения, отсчитывавшийся со дня ареста, истекла 22 декабря 1938. Но и в первые месяцы 1939-го от Михаила Николаевича не было никаких вестей. Т.П.Соколова послала запрос в БАМлаг, на который только к лету 1940 пришел ответ, сообщавший, что дело М.Н.Соколова пересмотрено на месте «тройкой», приговорившей его к 10 дополнительным годам заключения, с переводом в лагерь особого режима, без права переписки.

Это было тяжелейшим ударом не только для семьи, но и для учителя М.Н.Соколова — академика П.К.Коковцова. Ему было уже за 80, и это означало, что он никогда больше не увидит одного из лучших своих учеников. Коковцова постигла участь, не обошедшая никого из прославленных востоковедов-академиков той же плеяды: их самих, хотя и держали в постоянном страхе («про-рабатывая» на собраниях и в печати как «буржуазных ученых»), не арестовывали — боялись международного скандала; но созданные ими научные школы на их глазах уничтожались беспощадно. К концу 30-х была арестована большая часть принадлежавших к разным поколениям учеников академика-китаеведа В.М.Алексеева (Ю.К.Щуцкий, Б.А.Васильев, А.А.Штукин, Н.В.Алабышев, Н.С.Мельников и др.), та же участь постигла всех исследователей классической индийской философии — учеников Ф.И.Щербатского (А.И.Востриков, Б.В.Семичов, М.С.Троицкий, М.И.Тубянский), многих арабистов из числа учеников и сотрудников И.Ю.Крачковского (В.А.Эберман, А.П.Ковалевский, Т.А.Шумовский и др.). Сострадая репрессированным, мы обычно не задумываемся о том, что должны были переживать их учителя, оставшиеся на свободе. Лишь некоторое представление об этих переживаниях дает дневниковая запись В.М.Алексеева: «Мороз по коже при мысли о судьбе В.М.Штейна и многих. Что в сравнении с этим смерть»³².

Академик П.К.Коковцов, еще в 1911 своим выступлением на процессе Бейлиса стяжавший репутацию борца со всякой несправедливостью³³, неоднократно пытался смягчить участь арестованных учеников: Н.В.Пигулевской, А.П.Алявдина³⁴, М.Н.Соколова. В 1940 он предпринял последнюю попытку спасти Михаила Николаевича, ход которой отражает подборка документов в лич-

³² См.: Баньковская М.В. Семь ярких вспышек // Петербургское востоковедение. Вып.4. СПб., 1993. С.431. ВМШтейн — ученик В.М.Алексеева, китаевед-экономист, арестованный (уже не в первый раз) в 1949.

³³ Участвуя в деле Бейлиса как эксперт по иудаизму, П.К.Коковцов доказал абсурдность обвинения евреев в ритуальных убийствах; см.: Poppe N. Reminiscences. P.49.

³⁴ Там же. P.50.

ном фонде академика (СПб. филиал Архива РАН). Прежде всего он попросил о встрече академика Е.В.Тарле. По-видимому, он рассчитывал получить от него полезный совет, так как историк сам был арестован по «делу АН» в 1930, и не только вернулся из ссылки живым, но сумел полностью восстановить свое положение в науке. Письмо начинается словами: «Глубокоуважаемый Евгений Викторович! Вспоминая наше общение десять лет тому назад и Ваше неизменно сердечное и чисто дружеское отношение ко мне в то время, я подумал, что могу и теперь рассчитывать на такое же доброе отношение, как прежде...»³⁵. Упоминание об «общении десять лет назад» содержит, вероятно, намек, указывающий адресату на тему предстоящей беседы. Письмо написано летом 1940, а за десять лет до того Е.В.Тарле находился в заключении. Общаться с П.К.Коковцовым Е.В.Тарле мог, следовательно, только до своего ареста в 1930. Е.В.Тарле рекомендовал П.К.Коковцову обратиться за советом и помощью к адвокату Юлию Яковлевичу Бураку. Возможно, тот ранее помогал самому Е.В.Тарле в тяжелые времена. Ю.Я.Бурак имел, как можно предположить, давние связи и с востоковедами: в 1938 адвокаты Коммодов и Бурак опротестовали приговор Военного трибунала в отношении молодых востоковедов Л.Н.Гумилева, Н.П.Ереховича и Т.А.Шумовского, что повело к пересмотру дела и существенному сокращению сроков³⁶. Не исключено, что Ю.Я.Бурак приходился к тому же родственником Эммануилу Яковлевичу Бураку (1904 г.р.), индологу-экономисту, преподававшему в Ленинградском Восточном институте, отчисленному 11 января 1935 «в связи с его прошлой принадлежностью к бывшей зиновьевской оппозиции» и вскоре арестованному.

Вероятно, по совету Ю.Я.Бурака П.К.Коковцов обратился с письмом к Л.Берии:

Народному Комиссару Внутренних Дел Союза ССР
Лаврентию Павловичу Берия.

Позвольте мне, как старейшему, по избранию, действительному члену Академии Наук Союза ССР, основной задачей которой, по уставу, является всемерное содействие общему подъему теоретических, а также прикладных наук в СССР, обратиться к Вам по следующему поводу.

22 декабря 1933 г. был арестован в Ленинграде по распоряжению ГПУ и присужден по ст. 58 пункты 10, 11 к пяти годам исправительных лагерей штатный сотрудник Института восто-

³⁵ СПбФ АРАН. Ф.779. Оп.3. Д.30. Л.10.

³⁶ См.: Шумский В. Узник «Таирова переулка» // Невское время. 1993. 15 июня. С.2.

коведения Академии Наук СССР Михаил Николаевич Соколов, состоявший также в течение ряда лет штатным преподавателем Ленинградского Государственного Университета по гебраистическим дисциплинам. По истечении срока наказания, которое М.Н.Соколов отбывал в г.Свободном (Дальневосточный край), а затем в Ледяном (там же), он не был в декабре 1938 г. освобожден из ссылки. На запрос жены М.Н.Соколова, посланный в 1939 г. по месту ссылки в г.Свободный, был дан, месяца два тому назад, из НКВД ответ, что, по сведениям, полученным из г.Свободного в мае с.г., дело М.Н.Соколова было пересмотрено тройкой на месте, и ему было прибавлено еще 10 лет наказания, сверх пяти прежних, с переводом его в лагерь особого режима. Должен еще указать, что уже с самого конца 1937 г. М.Н.Соколов лишен права переписки с женой и, таким образом, совершенно отрезан от общения с семьей.

И как университетский учитель М.Н.Соколова, и как старый советский ученый, озабоченный прогрессом ориенталистических знаний в нашей стране, я не могу остаться безучастным к судьбе моего ближайшего ученика-гебраиста, беззаветно преданного науке и заявившего себя в научной области рядом ценных печатных работ по своей специальности, частью помещенных в издания Академии Наук СССР, а в преподавательской деятельности пользовавшегося, в качестве прекрасного лектора, всеобщим признанием и известностью в наших ориенталистических кругах. Зная давно М.Н.Соколова, как вполне лояльного и честного, в политическом отношении, ученого, я не могу ни на одну минуту допустить мысли, что он мог совершить преступление, за которое заслужил бы 15 лет ссылки в дальневосточные лагеря, считая прибавленные ему, после пересмотра дела при Наркоме Внутренних Дел Н.И.Ежове, 10 лет ссылки, и объясняю себе вообще возникновение всего дела о нем не иначе, как какой-либо злонамеренной клеветой или просто каким-то несчастным недоразумением. В этом смысле я в свое время, вскоре после ареста М.Н.Соколова, писал Вице-президенту нашей Академии, академику Н.Я.Марру, ручаясь за лояльность М.Н.Соколова с такой же уверенностью, с какой я могу ручаться за собственную лояльность. К сожалению, роковая болезнь Н.Я.Марра, постигшая его именно в момент несчастья с М.Н.Соколовым, помешала ему предпринять соответствующие шаги в защиту моего ученика, которого он хорошо знал.

Ввиду того, что речь идет в настоящем случае об ученом, которому уже 50 лет и который, насколько я его знаю, не выдержит по здоровью всего 15-летнего срока ссылки, в тяжелых условиях полной оторванности с конца 1933 года от семьи, с лишением даже права переписки с женой; ввиду безупречной и ни в чем не запятнанной репутации М.Н.Соколова за все время службы его в течение ряда лет, как в Академии Наук СССР, так и в Ленин-

градском Университете; ввиду, наконец, непоправимого ущерба, который может причинить потеря такого ученого, как М.Н.Соколов, делу востоковедения, представленного в нашей стране крайне ограниченным числом серьезных работников — я позволю себе, как старейший по возрасту ориенталист Советского государства, обратиться к чувству Вашего милосердия и гуманности и усердно прошу Вас о возможно скорейшем пересмотре дела М.Н.Соколова в интересах выяснения истины и ради сохранения для советской науки, если это еще не поздно, хорошего ученого и образцового преподавателя.

Действительный Член Академии Наук Союза ССР,
академик Пав. Конст. Коковцов

10.VIII.1949

Ленинград, 2 Красноармейская, д. 14, кв. 10³⁷

Копия письма была передана через Е.В.Тарле Ю.Я.Бураку, который в письме П.К.Коковцову выразил уверенность в том, что «этот документ, как написанный с чувством глубокого внутреннего достоинства и уверенности в правоте дела, и как исходящий от Вас, будет несомненно со вниманием прочтен адресатом, и, следовательно, Вы получите тот или иной ответ». До тех же пор, по мнению адвоката, предпринимать какие-либо действия не имело смысла³⁸.

Через два месяца П.К.Коковцов написал Ю.Я.Бураку: «...Спешу Вас уведомить, что я сегодня по повестке Ленинградского управления НКВД являлся к тов. Захарову и узнал, что в удовлетворении моего ходатайства о пересмотре дела мне отказано "за отсутствием всяких оснований к пересмотру"». Как о большой любезности П.К.Коковцов просил адвоката в любое время приехать к нему для беседы («так как для меня, ввиду моего болезненного состояния и преклонного возраста крайне затруднительно куда-либо выезжать в холодное время»)³⁹. Надежда еще не оставляла старого ученого. Но при наличии такого ответа адвокат едва ли мог решиться на какие-либо юридические действия.

Год с небольшим спустя, в ночь на новый, 1942 год, академик П.К.Коковцов скончался в своей квартире, в блокадном Ленинграде.

К моменту, когда престарелый ученый возобновил свои усилия для облегчения участи М.Н.Соколова, того давно уже не было в живых. М.Н.Соколов был расстрелян (по «постановлению тройки») 10 октября 1937. П.К.Коковцов стал жертвой известной улов-

³⁷ СПбФ АРАН. Ф.779. Оп.3. Д.30. Л.13, 21.

³⁸ Там же. Л.25.

³⁹ Там же. Л.26.

ки, направленной на сокрытие правды о масштабах массовых убийств: его обманули пресловутой формулой «десять лет без права переписки». Но история «дела» М.Н.Соколова свидетельствует о том, что для достижения той же цели (сокрытия факта гибели заключенного) использовались и другие приемы дезинформации.

В 1939 бывший сослуживец брата К.Б.Старковой, военный строитель Л.Габаин рассказал ей, что, находясь ранее в этом же году по делам службы в одном из лагерей на Печоре, он встретил в конторе заключенного, назвавшегося гебраистом М.Н.Соколовым. Узнав, что Л.Габаин знаком с молодой гебраисткой К.Б.Старковой, заключенный будто бы попросил передать ей привет от бывшего учителя. О себе он сказал, что недавно переведен с общих работ на канцелярскую должность, но чувствует себя плохо и не надеется дожить до освобождения. Л.Габаин впоследствии, по-видимому, погиб на фронте. В достоверности его рассказа К.Б.Старкову уже тогда пытался разубедить египтолог Ю.Я.Перепелкин, знавший, что М.Н.Соколов был в заключении не на Печоре, а на Дальнем Востоке, а кроме того, не исключено, — располагавший какой-то достоверной информацией о его судьбе (у самого Ю.Я.Перепелкина немало родственников и друзей находилось в это время в заключении).

В среде ленинградских востоковедов можно было услышать — даже в недавние годы — подобные же рассказы «о лагерной жизни» Б.А.Васильева, А.И.Вострикова, Н.А.Невского — выдающихся ученых, которые в действительности, как сейчас достоверно известно, были расстреляны во Внутренней тюрьме УНКВД на Литейном сразу же после окончания следствия и вынесения «приговора». Иногда в такой истории рассказывается, как лагерное начальство случайно узнает, что среди з/к есть ученый исключительных знаний и начинает использовать его по специальности (например, японоведа Н.А.Невского — во время войны с Японией). Какие-то из этих историй, возможно, порождены надеждой, верой в то, что государство просто не может бессмысленно уничтожать уникальных специалистов. Но в других случаях, как и в истории о пребывании М.Н.Соколова в 1939 на Печоре, мы встречаемся, скорее всего, с умышленным распространением ложных сведений.

Правда о последних годах и гибели М.Н.Соколова стала известна прежде всего благодаря усилиям сибирского журналиста, собственного корреспондента «Российской газеты» по Амурской области Николая Белого, которому, несмотря на чинившиеся препятствия, удалось обнаружить в подвалах двух зданий в Благовещенске-на-Амуре архив БАМлага, содержащий сведения о 15 ты-

счетах расстрелянных заключенных и о двух миллионах «умерших», из которых многие, как позже выяснилось, тоже были расстреляны или — в терминологии документов — «списаны за ветхостью»⁴⁰. В последующие годы Н.Белый сумел организовать переноску архива из подвалов в более подходящие помещения, а также первичное изучение материалов. Именно Н.Белый по просьбе автора настоящей статьи нашел в архиве «лагерное дело» М.Н.Соколова, которое впоследствии смогла выписать и скопировать его дочь. С ее разрешения мы приводим здесь фрагменты из этого «дела». Они свидетельствуют, что М.Н.Соколова постигла та же участь, что и о.Павла Флоренского (бывшего, кстати, около года салагерником М.Н.Соколова, но потом этапированного на Соловки), и многих других интеллигентов: сразу же по прибытии в лагерь его окружили осведомителями, фиксировавшими каждое неосторожное слово и готовившими тем самым «материал» для будущего заседания «тройки»⁴¹.

ДЕЛО № 30135

на заключенного Соколова М.Н.

Архивный № С 0-8341

220663 Р-3367

Начато 29 января 1935 года

Окончено 17 сентября 1937 г.

МЕМОРАНДУМ

на проходящего по делу №7734-33 г. СПО ПП... Соколова Михаила Николаевича.

6. Социальное положение — сын *священника*.

7. Характеристика обвиняемого, описание совершенного преступления и степени его опасности.

Входил в состав руководящего центра церковно-монархической организации «*Англиканы*».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

/.../

Постановил: взять в активную агентурную проработку как бывшего участника, руководящего члена центра церковно-монархической организации.

1. Завести дело-формуляр, взяв его на учет по линии по окрашке ДУХОВЕНСТВО по категории СПО.

/.../

⁴⁰ Белый Н. Черные люди на красном ветру // Российская газета. 1991. 10 сент.

⁴¹ Соответствующие фрагменты «лагерного дела» о. Павла Флоренского см. в публикации: Письма з/к Флоренского П.А. семье из концлагеря // Знамя. 1991. №7. С.194-196, 204, 208.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ УЧЕТА ДАННЫХ

(агентурные сведения, заявления, протоколы допросов, свидетелей и проч.)

«Володин» (Пр[инял] Дюкарев):

Соколов (библиотекарь в библиотеке Управления) говорил Якубовскому Вячеславу Леоновичу (белорусу) о пожаре в библиотеке: «Жалко научных книг. Остальные — пустяки, они все надоели: колхозы да ударники, а теперь и стахановцы начинаются». /.../ Выходя из клуба после митинга, Соколов говорил, что у нас забрали КВЖД, поэтому вторые пути очень важны. Может быть, дадут льготы. Впрочем, может быть, льгот и не дадут, ведь не один раз обманывали.

«Володин» (Пр. Пивовар):

Соколов недоволен тем, что обязан преподавать уроки латинского языка преступному миру, а не таким, как он, сидящим по недоразумению. /.../

Мероприятия: с/о «Володину» дано задание вести дальнейшую проработку з/к Соколова...

Пр. Бугаев:

18/XI-36 г. в присутствии Войтикунаса В.П. Соколов говорил: «Говорили, что скоро не будут давать никаких газет, за исключением "Строитель БАМа". Это потому, чтобы заключенные не знали, что делается внутри страны, а главное о международном положении. Они учитывают, что здесь в лагере лучшие люди, и в нужную минуту они скоро договорятся».

Мероприятия: с/о «Володину» дано задание установить, откуда Соколов получает сведения о том, что не будут давать газеты. Всю его к/р деятельность и «АС» разговоры фиксировать в дальнейшем. /.../

Соколов: «Вот мы со своим начальником Автономовым, я уже не знаю, до чего у них дослужились. Работаем, отдаем все силы, а плата, "лепта", дороже, чем мы стоим. Лишают зачетов, льгот. Знаете, теперь все атрофировано, не хочется и работать. Сам себя другой раз спрашиваешь, зачем и для чего сам себя отдаешь этим издевателям в руки, но ведь один в поле не воин». /.../

Агент Зевакин А.И.:

Соколов высказывался против того, что заставляют праздновать 1 мая, настоящий праздник — это не 1 мая, а Пасха. Называют занятия спортом.

Соколов вступился за доктора Таримова, которого признали троцкистом.

«Вот опять отчеты троек С и У, проверка чего-то, и вот хочешь, не хочешь, а итти нужно. Меня совсем не интересуют и не волнуют их отчеты. Я, как и все, понимаю, что это переливают из пустого в порожнее, но итти нужно, а то опять скажут: "Контрреволюционная агитация", а жить мне осталось не так

много, да если еще в этих условиях, то совсем уже одной ногой в земле». /.../

СПРАВКА

з/к Соколов М.Н. статья 58/10, 11 УК, срок 5 лет, направлен для дальнейшей меры социальной защиты в 1е отделение БАМЛАГ НКВД.

29/IX-36 г. Соколов М.Н., крупный к/р церковник-монархист ранее связан был с заграничными к/р организациями. Из письма жены Соколовой Т.П. из Ленинграда видно, проскальзывает, что он поддерживает с ними связь через свою жену. Проверку писем производить.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА Костюка Александра Михайловича, сына крестьянина-домовладельца

«С Соколовым близко не сталкивался, однако по внешним признакам я глубоко убедился в том, что Соколов настроен крайне отрицательно к советской власти».

Когда строили колонну, Соколов спросил: «Когда же нас погонят?»

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА Пятибратова Артема Федоровича, социальное происхождение — рабочий

Я убедился, что Соколов является к/р настроенным против советской власти и партии, а именно: когда он прочитал в газете, что в Ленинградской Академии Наук ликвидированы троцкисты, он сказал: «Посмотрите, я ведь многих знаю по работе как хороших людей, как жаль, что они попали».

Он был старшим экономистом по учету, запаздывал с отчетами. Тогда Костюк отстранил его от должности.

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Соколов М.Н. был в хороших отношениях в библиотеке с Рамаинцевым, Федотовым А.А. (освобожденными), Валуевым А.П. Был в одной комнате с Камчин-бек Обдул 58-4-11 сроком на 10 лет, Якубовским. В хороших отношениях с Вальцевым А.П., Аввакумовым, заведующим колбасной.

3-ий отдел БАМЛАГ НКВД СПРАВКА

З/к Соколов М.Н., убежденный враг советской власти, в лагере активизировал свою контрреволюционную деятельность,

группировал вокруг себя лиц, антисоветски настроенных. Систематически высказывал недовольство существующим строем и мероприятиями, проводимыми партией. Оправдывал действия террористов в отношении руководителей партии и правительства. Ожидает войны, которая должна принести ему освобождение из лагеря и изменение существующего строя.

Начальник 4 отдела	Роговин
«Согласен» Пом. начальника 4 отдела	Прушакевич
«Утверждаю» Зам. нач. Управления	
и начальник 3 отдела	Шедвид

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА от 8 октября 1937 г.

Постановили: Соколова М.Н. расстрелять.	
Нач. 8 отд. УГБ УНКВД по ДКК	
ст. лейтенант госбезопасности	Завьялов

ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление тройки от 8 октября 1937 г. о расстреле Соколова М.Н. приведено в исполнение в 4 часа 10 октября 1937 г.

Завьялов

С.П.Лялин, Ф.Ф.Перченко
ЗАПИСКИ Б.Б.ПОЛЫНОВА О 1937

В Архиве РАН, в фонде 602, хранится общая тетрадь, на обложке которой стоит одно слово: «Личная». Под названием «Воспоминания биографического характера Б.Б.Полынова 1937-1938 гг.» тетрадь эта включена в специальную опись, озаглавленную «Материалы, не подлежащие оглашению» (в читальный зал не выдаются). В описи, составленной в 1960, всего несколько единиц хранения: в основном материалы военного времени к незаконченной работе Полынова о задачах и методах военно-географических исследований. В эпоху гласности запрет с описи №8 снят, и мы можем познакомиться с записями, сделанными Полыновым для себя еще в сталинское время (он умер в 1952)¹.

В начале 1937 Борису Борисовичу Полынову шел шестидесятый год; он — один из ведущих почвоведов страны, принадлежал к докучаевской линии почвоведения. В анкетах на вопрос о специальности, помимо почвоведения, называл также физическую географию и геологию. В 1901-1907 Полынов служил статистиком (лесоводом и почвоведом) в Черниговском губернском земстве. С 1907 преподавал в высшей школе, профессор Донского политехнического института в Новочеркасске, Петроградского политехнического института, Ленинградского университета, где заведовал кафедрой географии почв до 1935, а затем профессор Московского университета. Дольше всего местом службы его оставался Почвенный институт им. В.В.Докучаева АН СССР, до 1927 входивший в состав Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Академии наук — сначала на правах Почвенного отдела КЕПС. Научным сотрудником Почвенного отдела Б.Б.Полынов стал в 1923. Вместе с институтом он переехал из Ленинграда в Москву. В 1933 был избран членом-корреспондентом АН СССР, а уже через год получил степень доктора наук. Руководил полевыми исследованиями в разных районах страны, в 1936 начал исследования почв в Ленкорани, оборвавшиеся в следующем году его арестом.

¹ АРАН. Ф.602. Оп.8. Д.6. Л.1-11.

В биографии ученого были такие детали, которые в 1937 представляли опасность. Он был младшим офицером старой армии, отбывал воинскую повинность в гвардейской артиллерийской бригаде, находился в действующей армии во время русско-японской войны в Маньчжурии и Первой мировой войны на Юго-Западном фронте. В Варшаве жила его сводная сестра Вера Ивановна Тукеркес, урожденная Сергеева. Сам Полынов неоднократно бывал за границей в 1906-1907, 1910, 1927, 1935. Во время последней поездки за рубеж он участвовал в работе III Международного конгресса почвоведов в Оксфорде, а после его окончания вместе с другими участниками совершил научную экскурсию по Англии и Шотландии. В ходе этой поездки Полынов ближе познакомился с английским почвоведением и установил связи с английскими учеными. Двое англичан приезжали к нему еще в Ленинград, побывали в Саблине на почвенной станции географического факультета.

Предоставим теперь слово мемуаристу. К печати он своих воспоминаний не готовил, шероховатости его стиля мы сохраним.

«В феврале 1937 года меня вызвали на совещание к заместителю директора Почв[енного] ин[ститу]та — Лебедеву². В его кабинете я застал как самого Лебедева, так и парторга И.П.Герасимова³. Мне сделали предложение занять пост директора инсти-

² *Лебедев Андрей Филиппович* (1892-?). Зам. директора Почвенного института АН СССР по административно-хозяйственной работе с сентября 1935 (должность введена специально для него). В июне 1936 вр.и.о. директора. С апреля 1937 управляющий Техснабом АН СССР. В 1917 начальник Красной гвардии петроградского завода «Новый Арсенал», участник штурма Зимнего дворца. В ноябре 1917 направлен на Украину, но по дороге на некоторое время задержался в Москве, где со своей ротой выполнял спецзадания — обыски, аресты, участвовал в подавлении восстания в Гжатске. Несколько месяцев воевал на Украине против гайдамаков, вступил в партию, с середины 1918 — в Вязьме — военком города и уезда, член ревкома, занимался подавлением крестьянских восстаний и расформированием женского монастыря. В 1923 отозван в Москву и МК ВКП(б) направлен в Хлебопродукт, где проработал до 1930. Параллельно учился в Плехановском институте, после его окончания в 1930 по мобилизации ЦК направлен в Наркомзем СССР — членом правления Семеноводтреста, с марта 1930 по 1933 председатель правления Всесоюзного объединения «Минеральные удобрения». В 1933-35 работал старшим консультантом в Центральной госкомиссии по определению урожайности при СНК СССР.

³ *Герасимов Иван Павлович* (1896-?). Почвовед. Кандидат сельскохозяйственных наук (1938). В годы гражданской войны доброволец в Красной Армии. Член ВКП(б) с марта 1918. В 1922-25 учился на Ульяновском рабфаке, в 1925-30 в Кубанском сельскохозяйственном институте. Последующие два года сотрудник Государственного института табаководения в Краснодаре, где под руководством Б.Б.Полынова вместе с В.А.Ковдой (о нем см. ниже) принимал участие в экспедиции по исследованию почв табачных районов Черноморского побережья; затем в 1932-35 аспирант Почвенного института АН СССР, с 1935 его научный сотрудник. В 1937 назначен парторгом института.

тута. Это не было для меня неожиданностью. Разговоры со мной вели по этому поводу и раньше, но я отклонял их. Внутренние причины, которые препятствовали мне согласиться, заключались, во-первых, в том, что я боялся отрыва от научной работы — совершенно неизбежно при должности директора и, во-вторых, в том, что, не будучи полноправным академиком и не имея необходимого авторитета, не сумею отстаивать интересы института в полной мере перед лицами акад[емического] управления, очень тонко и неуклонно подчеркивающими всюду и везде различие между академиками, членами-корреспондентами и просто учеными. Кроме того, жена моя меня очень резко и настойчиво отговаривала отказаться от этой тяжелой и неблагодарной работы».

На этот раз собеседники Полынова были настойчивы как никогда ранее и дали ему понять, что отказ будет расцениваться как саботаж. Полынов просил дать ему время на обдумывание ответа.

Затем его вызвал вице-президент АН СССР Г.М.Кржижановский и повторил предложение о директорстве. В ответ на сомнение Бориса Борисовича в том, что он, будучи лишь членом-корреспондентом, сумеет защитить интересы своего института, когда они столкнутся с интересами других учреждений, во главе которых стоят «полноправные академики», Кржижановский твердо пообещал, что в ближайшие выборы Полынов станет академиком. «Объективная» причина сомнения, таким образом, отпала, и Полынову ничего не оставалось, как согласиться.

Он не скрывал от себя трудностей своего нового положения и попытался представить его себе во всей полноте:

«1) Как директор советского института я, понятно, должен был прежде всего подчиняться всецело руководству партии. Это было вполне естественно и в принципе удовлетворяло меня. Но, к сожалению, я убедился на опыте, что нередко те партийные товарищи, с которыми мне непосредственно приходилось иметь дело, очень часто выдавали свои личные мнения и намерения за мнения и намерения партии, а проверить я далеко не всегда имел возможность, так как, не будучи сам партийным, не имел входа ни на партийные собрания, ни на совещания. Непосредственное партийное окружение не было благоприятным».

Вспоминая прошлое, Полынов вновь перебирает в памяти партийцев института.

Самый образованный из них отличался и невероятным карьеризмом⁴. «Он во всех случаях старался вести не линию партии,

⁴ В тексте воспоминаний Б.Б.Полынов называет конкретное имя — известного почвовода, члена-корреспондента АН СССР (1953) *Виктора Абрамовича Ковды*

а линию персонально того, кто в данный момент находился над ним», обеспечивая тем самым если не продвижение по службе, то меньшей мере свою репутацию в партийных органах. «Оппортунизм» этого сотрудника кажется новому директору тем более опасным, что тот умеет направить дело в нужном для себя направлении, переложив при этом ответственность на другого.

Парторг видится Полюнову мягким, боязливым и не очень одаренным человеком. От ответственных дел он старается уклониться.

«2) Как директор института, руководящий научной работой, я должен был *направлять и согласовывать* работу всех старших, руководящих сотрудников. Эта задача была чрезвычайно трудной, ибо каждый из них старался быть наиболее самостоятельным, каждый из них выбирал темы не по значимости их для общего дела и соц[иалистического] строительства, а по личному вкусу и приспособлял их к крупным проблемам путем ловких объяснительных записок.

Идея комплексной работы существовала только в оф[фициальных] разговорах и для видимости поддерживалась изданием нескольких работ в одном сборнике — вообще она не проводилась в жизнь и провести ее не было возможности, так как никто по

(1904-1991). Он окончил Кубанский сельскохозяйственный институт в Краснодаре (1922-27; 1927-30 — аспирантура). Здесь же в 1927 вступил в ВКП(б). В 1930-40 научный сотрудник, в 1940-58 зав. лабораторией засоленных почв Института почвоведения АН СССР. Участник Международного конгресса почвоведов в Оксфорде в 1935, где являлся парторгом советской делегации. В 1947 возглавил Отдел спецработ Президиума АН СССР, в 1954-55 работал советником при президенте АН Китая, затем много лет директором департамента естественных наук в ЮНЕСКО. Вернувшись из Франции, с 1965 по 1971 — зам. председателя Секции химико-технологических и биологических наук АН СССР; в 1970-80 — директор Института агрохимии и почвоведения АН СССР в Пушкине. С 1980 — зав. лабораторией Института почвоведения и фотосинтеза АН СССР.

Упомянут и предшественник парторга И.П.Герасимова — *Николай Денисович Беспалов* (1898-?) — «честный, но чрезвычайно недалекий и неразвитый — всегда был слепым орудием и действовал либо по подсказу Ковды, либо кого-либо другого» (АРАН. Ф.602. Оп.8. Д.6. Л.1об.-2). Биография Беспалова весьма похожа на судьбы других административно-партийных руководителей Института почвоведения — Лебедева и Герасимова и типична для всей генерации «красных научных выдвиженцев» 1930-х. Член ВКП(б) с марта 1918, он в годы гражданской войны партизанил, участвовал в борьбе против атаманов Дутова и Анненкова, басмачества, в 1919-20 в Ташкенте — комиссар сводной боевой коммунистической дружины. Затем учился на рабфаке и в Среднеазиатском хлопковом институте в Ташкенте (1927-31). В 1932-36 аспирант АН СССР, с 1936 старший научный сотрудник Почвенного института АН СССР, директор Вахшской почвенно-мелиоративной станции в Таджикистане, в 1937-38 и.о. ученого секретаря Таджикской базы АН. В 1940-50-е годы работал в Монголии, автор монографии «Почвы Монголии». Доктор сельскохозяйственных наук (1951).

существо ее не хотел — каждый хотел работать вполне самостоятельно и следили только за тем, чтобы их не обворовали, т.е. не украли их идей в той стадии, в какой они находятся в разработке. К сожалению, подобного рода кражи имели место в институте»⁵.

И в этой сфере новый директор знал, кого надо опасаться. Один из сотрудников, по словам ученого, «человек гигантской работоспособности, но совершенно лишенный творческой инициативы», с необычайным рвением посещал производственные совещания, прочитывал отчеты своих коллег, ставил эксперименты и публиковал работы, построенные «на ворованной мысли и инициативе». «Он не сделал ничего серьезного, фундаментального, но зато опубликовал бесконечное множество никому не нужных статей, очерков и прочего. Его цифры нуждаются всегда в проверке, его выводы обычно не подтверждаются. Он не мог сосредоточиться на чем-либо одном, всегда разбрасывался и ни в какой отрасли не сделал ничего серьезного. Его работам теперь не верят, но пример оказался заразительным».

Результат: люди стали бояться излагать свои мысли на совещаниях и еще сильнее замкнулись. Полюнов видит, что предстоит борьба — «заставить работать соединенными силами над одной проблемой».

«3) Не меньшую опасность (если не бóльшую) представляла другая группа товарищей, которая в погоне за карьерой перетолковывала директиву: развивать теорию для обслуживания практики — в сторону наиболее простую и легкую — т.е. заниматься технической работой того масштаба и значения, какие свойственны производственному учреждению. Иначе говоря, брать выполнение технических работ, ведущихся отраслевыми институтами и местными практическими органами. Темы, избираемые этими специалистами, были, понятно, весьма практическими, их работы, несомненно, приносили прямую пользу, но эти работы ни в коей мере не содействовали развитию теории и легко могли быть выполнены любым добросовестным и опытным провинциальным специалистом. Это представляло тем бóльшую опасность, что

⁵ Речь идет об *Иване Николаевиче Антипове-Каратаеве* (1888-1965), имя которого указано в мемуарах. Почвовед, физико-химик. Окончил Учительский ин-т в Уфе (1911-14), учился в Иркутском и Московском университетах (1918-26). В марте-декабре 1919 завхоз Управления делами Совета министров Сибирского правительства в Омске—Иркутске, затем — разведчик и начальник школы комсостава Штаба войск внутренней службы в Приуральском округе. С 1926 научный сотрудник Почвенного института АН СССР, где проработал до 1951 (1934-48 — зав. химико-физической лабораторией; 1945-50 — зам. директора института). В 1951 избран действительным членом АН Таджикской ССР, работал в местном Институте почвоведения.

подкупало и высшие органы своей практичностью, с одной стороны, а с другой — создало стремление многих практических и производственных учреждений привлечь Академию наук для производства таких работ и получать, таким образом, марку Академии, которая в значительной степени импонировала органам контроля и приема работ».

Во главе этой группы, как видится Полынову, — немного лиц, но здесь академик Б.А.Келлер (директор Почвенного института в 1931-36) и временами все тот же «самый образованный», действуют они под прикрытием партийной организации и ее руководителей, сначала Н.Д.Беспалова, а затем И.П.Герасимова. Активное сопротивление им квалифицируется «как действие против установок партии и правительства». Борьба с этой демагогией требует колоссального спокойствия и выдержки.

Между тем тенденция к снижению научного уровня в Академии уже дала свои плоды. Десять лет назад, по оценке Полынова, отечественное почвоведение еще занимало ведущее положение в мировой науке. Теперь во многих отраслях почвоведения обозначилось отставание. В физико-химическом изучении почв вперед вырвались Америка и Швеция, лесное почвоведение расцвело в Скандинавии, микробиология почв получила наибольшее развитие в Америке (хотя некогда возникла в России), «и даже в области географии почв начали выделяться более крупные работники в Германии». «Мы не могли похвалиться ничем, кроме Вильямса», который, однако, «обладая прекрасными идеями», «теории не подвинул ни на один шаг».

Такова была обстановка. Тем не менее Б.Б.Полинов «льстил себя надеждой преодолеть ее»: опереться на новые молодые силы — и «вывести институт на дорогу крупного советского института, строящего истинную науку». «Приняв предложение и будучи скоро утвержден директором, я со всей энергией принялся за работу. Но... она скоро была прервана».

«11-го мая 1937 г., — продолжает вспоминать ученый, — накануне выходного дня (тогда была шестидневная неделя, и 12-го был выходной день) после службы и обеда я с женой и моими сослуживцами по институту А.И.Троицким⁶ и его женой Е.И.Парфеновой⁷

⁶ О нем см. в списке репрессированных почвоведов в конце статьи.

⁷ *Парфенова Елена Ивановна* (1904-?). Почвовед. Окончила Ленинградский сельскохозяйственный институт в Детском Селе (1928-31). В 1931-33 сотрудник Гипровода, где работала с Б.Б.Полиновым. С июня 1933 младший научный сотрудник Почвенного института АН СССР. Составляла сводки литературных материалов о почвах и почвенные карты по районам ирригации Заволжья, субтропических районов Черноморского побережья Кавказа.

решили провести вечер — в кино и дома. Настроение было хорошее. Неделю я очень интенсивно работал и вечером собирался основательно отдохнуть. Пообедали... через некоторое время все вчетвером пошли в кино. Последующие события настолько вытеснили из памяти все мелочи предшествующего времени, что теперь я не могу вспомнить даже картину, которую мы смотрели. Помню только, что возвращался я с ощущением приятной усталости, предвкушая хороший душистый чай и отдых в кругу людей, к которым был искренно привязан... Кино было в Доме правительства и пройти до дома надо было всего лишь 5-10 минут. Только что мы вошли в квартиру и начали хлопотать, собирая для чая и ужина посуду, еду и разогревая воду... как послышался звонок. Когда А.И.Троицкий открыл дверь, в квартиру вошли: два сотрудника НКВД в форме, один красноармеец и дворник... В значении и цели этого посещения не могло быть сомнения.

Трудно сказать, какие чувства охватили меня — это было несомненно очень сложное и тяжелое переживание, но все же больше всего преобладало... изумление. Прежде всего пришла в голову мысль, что это недоразумение... ошибка...

Однако вошедший первым — высокий блондин со спокойным лицом спросил именно мою фамилию и предъявил ордер на обыск, на котором тоже четко и ясно были написаны моя фамилия, имя и отчество... Сомнения не оставалось, что целью их посещения был именно я и моя квартира. Само собою разумеется, что обыск сам по себе меня не пугал — ничего предосудительного у меня не было и не могло быть. Однако я отдавал себе отчет в том, что достаточно обширная иностранная корреспонденция, которую я в качестве президента Тихоокеанского Почвенного Комитета и председателя Комиссии по составлению карты Азии вел со многими иностранными учеными, должна была, понятно, привлечь внимание и послужить объектом д[ля] б[олее] длительного изучения. Все-таки у меня оставалась надежда, что дело кончится только обыском... Слабая надежда! Такого рода обысков без ареста я не припоминал... Это бывало иногда в дореволюционное время, и, в частности, был такой обыск и у меня в Чернигове в 1906 году, но он проводился в мое отсутствие...

Обыск длился с 10 ч. вечера до 4 часов ночи. Все перерыли и по моему же настоянию осмотрели даже кладовку и содержимое дивана... Почти все время я сидел рядом с женой на диване. Состояние было бесконечно тоскливое — я верил, что все это недоразумение, но сколько времени продлится оно — я не знал, и меня брал страх за жену... Я представил себе, что уже на другой день

после ареста все от нее отвернутся: она окажется одинокой, беспомощной в самой жуткой обстановке...

Наконец, когда обыск подходил к концу, старший сотрудник НКВД по телефону вызвал "большую" машину, — мне стало ясно, что меня заберут...

Все кончилось — на мой вопрос, арестуют ли меня, мне ответили утвердительно — подписал протокол. Попрошался и попросил Елену Ивановну не оставлять жену. Она дала мне это обещание, и на душе стало немного легче... Я все же верил, что через 3-4 дня, самое большее через неделю, я вернусь...

Мы сели в машину. Справа и слева от меня сели сотрудники НКВД, рядом с шофером красноармеец — я был окружен и невольно подумал о столь ненужных предосторожностях. Я бы не только не убежал, но если бы меня пригласили в Большой дом — я бы аккуратно пришел туда.

Я не представлял себе точно, куда меня везут, и только по общему направлению догадывался, что на Лубянку, но я бы и теперь не нашел бы ворот, к которым меня привезли, и дом, у которого они отворились... Доставивший меня сотрудник вежливо и, как мне показалось, сочувственно простился со мной и передал меня другому...

Вспоминая процедуры, через которые я прошел и впоследствии проходил много раз, я до сих пор не могу понять смысла и целесообразности многих из них. Совершенно непонятно для меня, почему выдергивают шнурки из ботинок и заставляют ходить в незастегнутых штиблетах. Почему не позволяют с собой брать какого-либо чемоданчика и пр. Впоследствии дело дошло даже до того, что отбирали зубные щетки (в "Крестах") и срезали пуговицы на брюках... Первый раз в Москве это делали спокойно, без окриков и грубостей — много хуже проходили эти процедуры в "Крестах" в Ленинграде.

Из всех положенных процедур — одна на первый раз была для меня пропущена — меня не повели в баню, но спросили, давно ли я был в бане, — я ответил, что ежедневно принимаю ванну, и меня направили прямо в камеру.

Потом выяснилось, что и это было льготой, так как в большинстве случаев арестованные сначала попадают в так называемый "собачник", т.е. общую предварительную камеру, очень грязную, неудобную, и уже после "собачника" происходит сортировка, перед которой проходят баню...

Помещение, в которое я попал, утром напоминало меблированные комнаты: коридор и номера обычного типа без всяких решеток и пр. Мы остановились перед №8, дверь отворилась, я ока-

зался в довольно просторной комнате, где помещалось кроме меня семь человек, стояло восемь кроватей, снабженных полным комплектом белья, большой стол с полкой внизу и убогая посуда: металлические миски, чашки и деревянные ложки...

Люди, которых я там встретил, произвели на меня неприятное впечатление: они выглядели если не типичными бандитами, то во всяком случае весьма некультурными людьми — общее впечатление чего-то грязного, серого и как будто явно преступного. Первая мысль, что меня посадили в компанию настоящих уголовных преступников... и я ждал с их стороны соответствующего приема...

Это впечатление рассеялось в течение 10-15 минут. Меня не беспокоили вопросами, но все старались оказать мелкие услуги, и вскоре я убедился, что добрая половина принадлежит к представителям интеллигенции, один — шофер, молодой, худощавый, очень грустный и задумчивый, один — студент вуза, молодой парень, очень мягкий, не из особенно способных, но человек как будто морально чистый, неспорченный...»

Старостой камеры, вспоминает Полынов, был высокий брюнет, партиец, еврей, по профессии врач, бывший начальник какого-то главка. От него Полынов услышал анекдотические рассказы о глупости и несправедливости со стороны следователей. Староста был умен и обладал характером. «В нем было что-то несимпатичное, как часто бывает у очень честолюбивых людей, которые не любят считаться с чужим мнением и охотно показывают свое превосходство. Но в то же время он не производил впечатления враля или хвастуна...» Его рассказы о дореволюционной партийной работе и о гражданской войне звучали правдиво, без ложного пафоса. «Возможно, что моя антипатия к нему возникла потому, что он посмеялся над моей "наивностью" и верой в то, что мое дело быстро разъяснится... Он мне прямо заявил, что то обстоятельство, что я ни в чем не виноват, никакой роли не играет. Раз меня арестовали, то если бы я оказался бы невиновным, для меня придумают вину, потому что "нельзя подрывать авторитет Наркомвнудела"... Все это было очень неприятно, но у него выходило очень убедительно и правдоподобно, а у меня отнимало надежду на скорое освобождение».

Заметным лицом в камере был профессор-историк из Московского университета⁸. О деле своем он говорил неохотно, ничего хорошего не ждал, был внешне ко всему равнодушен. Иногда по

⁸ Возможно, речь идет об историке Греции, академике Михаиле Михайловиче Покровском. Однако никакими данными в пользу этого свидетельства П. мы не располагаем.

просьбе других читал им лекции. Играл в шахматы (без доски, на память) с другим искусным шахматистом. От прогулок отказывался. «Ел постольку, поскольку утолял голод. Казалось, хотел скорее кончить жизнь, но, чтобы прекратить ее немедленно, мер не принимал».

«Впрочем, первое время я был подавлен так и так сосредоточился на своей собственной судьбе, что соседи меня мало интересовали. Несмотря на бессонную ночь и предоставленную в мое распоряжение кровать, сон не приходил ко мне, к пище я не притронулся, хотя товарищи по камере уговаривали меня есть, но я решительно не мог — это не был протест — просто не хотел есть, да и пища была не из привлекательных... Мучительный вопрос, — за что меня арестовали, не покидал меня — я мысленно перебирал все, что я делал в последнее время, искал невольные, быть может, ошибки, но не мог додуматься и все же не переставая перебирал в памяти все разговоры, встречи, дела и... ничего не находил. Прошлое — то прошлое, в котором я по своим взглядам и высказываниям был несомненно антисоветским человеком — как причина ареста не могло прийти мне в голову, ибо что бы я ни говорил и какие бы взгляды я ни высказывал — я все же никогда не принимал участия ни в каких-либо организациях, ни в агитации преднамеренной, и в поступках и работе своей никогда не допускал антисоветских действий...

Поэтому о "такой причине ареста" мне и в голову не приходило... Причину я искал в каких-либо более близких по времени поступках, но найти не мог и с нетерпением ждал, когда, наконец, меня вызовут и предъявят обвинение... Мне казалось, что тогда же мгновенно разъяснится все недоразумение...

Относительно вызова меня разочаровали и товарищи по камере, сообщили, что сегодня, 12 мая, по случаю выходного дня меня не вызовут, а завтра вызовут не ранее вечера, так как следствие ведут здесь по вечерам...

Вечером усталость взяла свое, и я заснул... Проснувшись 13-го утром, я долго не верил действительности — мне казалось, что продолжается скверный сон, что если я еще раз засну, то проснусь в своей квартире, в старой обстановке, но... еще раз заснуть нельзя — в определенный срок надо было встать, идти в уборную, умываться, получать чай... Начинал примиряться со своей участью и еще более уверял себя, что все это недоразумение, которое скоро пройдет... /.../

13-го мая вечером дежурный надзиратель приоткрыл дверь камеры:

— Кто из вас на "П"?»

Камера была немалая, и ему начали перечислять ее обитателей, начинающихся на «П». Когда дошли до Польшова, надзиратель отрывисто и коротко произнес:

— К следователю!

«Наконец-то допрос, и наконец-то я узнаю, в чем дело! Я волновался... Меня вывели из камеры и подвергнули прежде всего обыску... потом повели коридором, который привел к небольшой проходной комнате. Здесь сидела за столом женщина. На столе перед ней большая тетрадь типа бухгалтерских grosсбухов и металлический цинковый лист с прорезью. Лист покрывал всю страницу тетради, и в прорезь была видна только моя фамилия и пустая графа... В этой графе она отметила время — часы и минуты точно... Часы висели перед столом на стене, а я должен был расписаться возле этой отметки.

Из комнаты мы опять пошли длинными путанными коридорами, причем оказались уже в Большом доме, и я понял, что тюрьма наша имела внутреннее сообщение с Большим домом. Мы остановились у дверей одного из кабинетов, и после предварительного разрешения надзиратель пропустил меня в кабинет, а сам ушел. Просторный, светлый, очень хорошо обставленный кабинет. Прямо против меня сидел в форме НКВД человек среднего или даже несколько ниже среднего роста, лет около 40, брюнет с проседью, волосы коротко остриженные, небольшие темные глаза, узкое лицо, плотная фигура...

Я подошел. Он быстро поднял глаза: ваша фамилия? имя? отчество? год рождения? и т.д. последовал ряд формальных вопросов. Получив ответ на них и сверивши их с лежащими перед ним документами, он предложил мне сесть... Дальше между нами произошел следующий разговор.

Он: Ну, Борис Борисович, нам все известно. Я не даю вам никаких обещаний, но мы люди реальной политики... Губить вас нет смысла, пока из вас можно извлечь пользу... Поэтому я предлагаю вам — берите бумагу, перо (мне придвигает лист бумаги) и пишите Михаилу Ивановичу Калинину полное признание и просьбу о помиловании!..

Я: Простите... Но я не знаю, в чем я провинился и в чем я должен признаться!

Он: Ну! Это все так говорят! Предупреждаю, что нам все известно, но лучше будет для вас, если вы сами расскажете, не дожидаясь напоминания...

Я: Лгать и записывать я не умею и не хочу. Если бы я чувствовал за собой какую-либо вину, я бы, понятно, признался... Но мне не в чем признаться!

Он: Как не в чем признаваться! Вы — английский резидент! Вы искусный, опытный шпион. У вас ячейки по всему Союзу, но вас не знают все, только немногие! Вы действуете "цепочками". Если бы нам иметь в своем распоряжении такого шпиона, мы многое могли бы сделать!..

Я (оправившись после изумления): Знаете... Я вам скажу откровенно, что я волновался и после ареста и теперь, когда я шел к вам на допрос... Волновался, потому что предполагал, что я действительно совершил какое-либо преступление по службе или работе — сам того не замечая — ненамеренно, но теперь я совершенно спокоен...

Он: То есть как это? Почему же вы спокойны?

Я: Потому что предъявленное обвинение — такая явная и несуразная нелепость, что, понятно, оно должно быстро рассеяться!

Он (взволнованно и возбужденно): То есть как же нелепость?! Вы хотите запереться, у нас есть прямые доказательства, вы — шпион!.. (В это время вносят в кабинет поднос с двумя стаканами чая и бутербродами с колбасой и сыром). Хотите чаю? Берите, не стесняйтесь, берите бутерброды!

Трудно представить себе смену пережитых мною ощущений. С одной стороны, слово "шпион" хлестнуло меня как бичом... Позорная кличка продажных людей, она меня глубоко волновала и мучила... Но комически быстрый переход к любезному предложению чая... не мог не вызвать реакции, и при всем тяжелом положении я не мог не оценить комического момента этого разговора... Я успокоился, взял чай и начал с удовольствием пить.

В это время вошел сотрудник — очевидно, помощник моего следователя.

Он (обращаясь к помощнику): Вот, не признает себя виновным! Как это вам понравится? (Ко мне:) Стыдно!.. Вам ведь 60 лет — вы старик и такое упорное заперательство... Да! Мы вас вовремя арестовали! Вы подумайте, его собирались проводить в академики!?..

Помощник: Да! В майской сессии предполагались выборы!»⁹

На этом воспоминания Б.Б.Полынова обрываются, далее в тетради — чистые листы.

Известно, что по делу Полынова было взято несколько сотрудников Почвенного института: В.М.Боровский, А.Ф.Большаков, А.И.Троицкий, Г.И.Григорьев. Всех обвиняли в подготовке вооруженного восстания и террористических актов. Следствие ве-

⁹ В обстановке 1937 выборы новых членов АН СССР были отменены и состоялись лишь в 1939.

лось в Ленинграде, куда арестованных отправили этапом вскоре после ареста Польшова. Борис Борисович отказался признать себя виновным. Конкретные обстоятельства почти неизвестны.

Следствие тянулось без малого два года, после чего Б.Б.Польшову были выданы следующие справки¹⁰:

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление НКВД
по
Ленинградской области

Отдел 1-й Спец.
27 марта 1939 г.
№23283/-1

Ленинград, пр. Володарского, 4
Тел.: коммут. УНКВД
[Треугольная печать]
Управление НКВД Ленобласти
1-й Спецотдел
№2

ВИДОМ НА ЖИТЕЛЬСТВО
СЛУЖИТЬ НЕ МОЖЕТ

СПРАВКА

Выдана гр-ну ПОЛЫНОВУ Борису Борисовичу, 1877 г. рождения, ур. г.Ставрополь, в том, что он был арестован 11/V-1937 г. и 27/III-1939 г. освобожден из-под стражи за прекращением следствия по его делу.

И.о. нач. 1 Спецотдела
УНКВД ЛО
(Цветков)
Начальник II отделения
(Иванов)

СССР
Народный Комиссариат
Внутренних дел

ТЮРЬМА УГБ при УНКВД
по
Ленинградской области

28 марта 1939 г.
№2944

Начальник Тюремь УГБ мл.лейтенант гос. без[опасности]
(Симонов)
Начальник канцелярии лейтенант гос. без[опасности]
(Калинин)

ВИДОМ НА ЖИТЕЛЬСТВО
СЛУЖИТЬ НЕ МОЖЕТ

Справка

Выдана гр. Польшову Борису Борисовичу в том, что он с 12 мая 37 г. по 28 марта содержался под стражей в тюрьме УНКВД и сего числа освобожден за прекращением дела № 23283 прекращено [Так! — Публ.]

Выдана для представления по месту жительства.

¹⁰ АРАН. Ф.602. Оп.8. Д.6. Л.19, 20.

История с Полыновым весьма характерна для того времени. В параллель можно привести дело будущего члена-корреспондента АН СССР литературоведа П.Н.Беркова, который просидел в тех же Крестах, что и Полынов, с июня 1938 по август 1939 как «австрийский резидент Беркофф» и был освобожден «в связи с прекращением его дела» (следственное дело № 54699 1938 г.), а также будущего академика физика С.А.Векшинского, находившегося в заключении там же с начала 1938 до второй половины 1939: его заставили «признаться», что он шпионил в пользу Германии, Англии, Франции и США, но тоже выпустили в «бериевскую отпелель».

Полынов в апреле того же 1939 вернулся в Почвенный институт, где новый директор Л.И.Прасолов хотел было освободить его директорское кресло, однако Полынов отказался.

29 апреля 1938 Полынов вместе с двадцатью другими репрессированными академиками и членами-корреспондентами был исключен из состава АН СССР, а 28 июня 1939 его восстановили в прежнем звании члена-корреспондента. В 1946 в состав АН СССР была принята самая большая за всю ее историю группа ученых, «проверенных» и «закаленных» арестом и тюрьмой. Среди них академиками тогда стали А.А.Баландин, А.И.Берг, С.Б.Веселовский, В.В.Виноградов, Л.Д.Ландау, П.И.Лукирский, Н.А.Максимов, А.И.Некрасов, В.И.Пичета, Б.Б.Полюнов, И.И.Толстой, а членами-корреспондентами — С.А.Векшинский, Е.Ф.Гросс, Е.М.Крепс, А.Л.Минц, М.А.Михеев, Н.В.Пигулевская, Б.С.Стечкин, Г.В.Церетели¹¹.

История деформаций советского почвоведения, неразрывно связанная с изменениями социально-психологического типа ученых, еще совершенно не изучена.

Не оценены последствия послеоктябрьской эмиграции, а ведь среди эмигрантов — такие фигуры, как В.К.Агафонов (профессор Таврического университета, создавший в эмиграции докучаевскую школу русских почвоведов, исследовавший вместе со своими учениками почвы Франции, Северной Африки, Индокитая), П.В.Отоцкий (близкий ученик В.В.Докучаева, профессор Петроградского Лесного института, эмигрировавший в Чехословакию), И.А.Стебут (бывший директор Стебутовских курсов, ставший профессо-

¹¹ Упомянем о двух прецедентах. В 1939 в АН СССР были избраны арестовывавшиеся ранее Ю.В.Готье, М.В.Кирпичев, В.А.Фок (стали академиками), С.В.Бахрушин, Е.Э.Бертельс, В.М.Жирмунский, В.П.Осипов, В.М.Родионов, И.И.Толстой (прошли в члены-корреспонденты). В «призыве» 1943 находим академиков Л.С.Лейбензона, В.М.Родионова, Л.В.Щербу, членов-корреспондентов Т.П.Кравца, М.В.Птуху.

ром Белградского университета), С.Н.Виноградский (основоположник микробиологии почв, работавший с 1922 в Пастеровском институте в Париже, почетный член Российской Академии наук), Б.Н.Одинцов (профессор Петроградского университета; в августе 1922 он был арестован и в ноябре выслан из СССР; в Праге занял кафедру общего земледелия в эмигрантском учебном Русском институте сельскохозяйственной кооперации).

Не исследованы результаты применения силовых приемов и «идеологического оружия» в области почвоведения — прежде всего, со стороны «красного профессора» В.Р.Вильямса. Известно, что даже Б.Б.Полынов опубликовал хвалебную статью о Вильямсе (1949), о которой сам в частном разговоре сказал: «Ну, я написал самую позорную статью за всю свою жизнь»¹².

Не собраны, наконец, сведения о репрессированных ученых-почвоведах.

Предлагаем для начала список репрессированных почвоведов, который, как мы надеемся, вызовет отклики и станет более точным и полным.

Афанасьев Яков Никитович (1877-1938). Ученик В.В.Докучаева. Занимал кафедру почвоведения в Межевом институте (Москва) и в Горы-Горещком сельскохозяйственном институте (с 1925 — Белорусская сельскохозяйственная академия). Районы экспедиционных исследований: Туркестан, Черниговская, Калужская, Орловская, Курская губернии; с 1921 возглавлял работы по изучению почв Белоруссии (итоговые труды — начиная с 1926). Составил оригинальную почвенную картину Белоруссии. Включен в первый состав академиков АН БССР (1928). Директор Института агропочвоведения АН БССР с 1931. Один из авторитетнейших ученых в области классификации почв: выделил зональные почвы по отрицательным формам рельефа (интразональные почвы), предложил утвердившуюся классификацию почв по механическому составу, на I Международной конференции почвоведов (Вашингтон, 1927) делал доклад «Классификационная проблема в русском почвоведении». Последние труды появились в 1936. Арестован в 1937, погиб.

Бальц Вера Александровна (1866-?). Ученица Н.И.Прохорова. До революции — сотрудница его по Стебутовским курсам и Амурской экспедиции, соавтор нескольких его печатных трудов (по возрасту она была старше своего учителя). Первая женщина, ставшая в России профессором-почвоведом (с 1918 — в Петроградском агрономическом институте, позже — в Ленинградском сельскохозяйственном). Научный сотрудник Почвенного института с 1925. В 1928 — в Сальской экспедиции. Арестована в Ленинграде 27 декабря 1930. Находилась в лагере, по-видимому, в Карелии.

¹² Устное сообщение Г.И.Григорьева со ссылкой на Ф.Козловского.

Большаков Александр Федорович (1905-?). Почвовед. В 1927-31 учился на географическом факультете ЛГУ. В 1931-33 сотрудник Гипровода, где работал вместе с Б.Б.Полыновым. С 1933 — научный сотрудник Почвенного института АН СССР; занимался изучением почв Каспийской низменности, до 1939 заведовал Джаныбекским стационаром. Кандидат геолого-минералогических наук (1941). Арестован в 1937 по делу Б.Б.Полынова.

Боровский Владимир Михайлович (1909-1984). Ученик Б.Б.Полынова. После окончания ЛГУ в 1934 направлен Почвенным комитетом на организацию Джаныбекского почвенного стационара (Зап. Казахстан). Арестован в Москве в 1937 по одному делу с Б.Б.Полыновым. После окончания следствия отправлен в ссылку в Казахстан, где и работал до конца жизни. Наиболее известны его монографии о геохимии засоленных почв Казахстана, Мангышлака, долине реки Или, древней дельте Сыр-Дарьи. Доктор сельскохозяйственных наук с 1956, с 1962 член-корреспондент АН Казахской ССР (позже — академик). Руководил в АН Казахстана комиссией по проблемам Арала и Балхаша.

Гаель Александр Гаврилович (р.1900). Ученик В.Н.Сукачева (по Петроградскому Лесному институту), геоботаник и почвовед. Исследовал пески Дона, Прииртышья, Приаралья и других регионов. Ученый специалист Бюро освоения пустынь ВИРа (1932-1941); заведующий с 1937 (после ареста Р.И.Аболина). Арестован 23 августа 1941 за прочтение (при рытье окопов под Ленинградом) фашистской листовки. В сентябре вывезен через Ладогу в Мариинскую тюрьму, где находился до июня 1942. В 1942-1946 — лагерь в Томске (изготовление мин на военном заводе). Затем — Казахстан (работа по специальности в песках Большие Барсуки). С 1955 — на биологопочвенном факультете МГУ. Профессор, доктор сельскохозяйственных наук.

Григорьев Григорий Иванович (р.1906). Ученик Б.Б.Полынова (его аспирант в ЛГУ). Специалист по засоленным почвам, позже сосредоточился на классификации окультуренных почв. Арестован 29 мая 1937; на Лубянке — в общей камере вместе с Полыновым и взятым по тому же делу А.И.Троицким. В июне этапирован в Ленинград, там дважды «счастливо» попадал в тюремную больницу, благодаря чему избежал пыток. Не «признался». Освобожден одновременно с Полыновым 28 марта 1939. В начале войны попал в окружение, бежал из немецкого лагеря, в 1942 — в советском лагере для военнопленных (Суздаль). Отправлен на фронт, под Сталинградом вновь попал к немцам (лагерь в Батайске). В 1945 «освобожден» советской армией, получил по приговору 10 лет, находился в лагерях Пермской области (организатор и руководитель сельскохозяйственных курсов за колючей проволокой в Солянке), Кемеровской области (Антибесс), Казахстана (Экибастузский штрафной лагерь). Находился затем в ссылке, был старшим почвоведом в Карагандинской области (Долинка). В последующие годы — в Москве.

Димо Николай Александрович (1873-1959). Ученик Н.М.Сибирцева. До революции руководил почвенными исследованиям в Саратовской,

Черниговской и Пензенской губерниях; больше всего работал в Средней Азии (1908-1931, с перерывами), изучал «культурно-поливные» почвы и типы их засоления. Автор работ по геоморфологии, почвенной зоологии, метеорологии, агрономии. Занимал кафедру почвоведения в Московском межевом институте и в Среднеазиатском государственном университете, где в 1921-1930 был также деканом сельскохозяйственного факультета. Арестован органами ОГПУ в декабре 1930 по «делу Туркестанской ирригации». Под следствием до июля 1931. Коллегией ОГПУ осужден к расстрелу, замененному 10 годами принудительных работ. Освобожден в феврале 1932. Позже одно время, как утверждают, работал в Долинке (Карлаг). До 1944 — в Закавказье, с 1945 — в Молдавии (заведовал кафедрами почвоведения в сельскохозяйственном институте и университете, был директором Почвенного института). Академик ВАСХНИЛ с 1948.

Ильин Ростислав Сергеевич (1891-1937). Геолог и почвовед. Ученик А.П.Павлова, А.Н.Сабанина, В.И.Вернадского, Я.В.Самойлова. Учился в Москве (университет и сельскохозяйственный институт), до революции изучал почвы Черниговской губернии, работал агрономом в Московской губернии. Арестовывался как социалист-революционер в 1916, 1920, 1921. В 1925, будучи преподавателем при кафедре почвоведения 1-го МГУ, попал в тюрьму. Оттуда в 1927 отправлен в ссылку в Нарымский край, получил там возможность работать по специальности и, по собственному утверждению, превратил ссылку в научную командировку. Служил агрономом и почвоведом Сибирского переселенческого управления (1927-1930), затем — геолог Западно-Сибирского геологического управления. В 1931 снова арестован, в одиночке Томской тюрьмы написал работу «О геологических циклах». В 1933-1934 отбывал ссылку в Минусинске. В перерывах между арестами написал ряд работ о рельефе, геологическом строении, почве, ландшафтах Сибири; развивал идею о нефтеносности Западной Сибири. Видел свою основную заслугу в применении к геологии докучаевского учения о почве; по оценке В.И.Вернадского, основал новую геоморфологию. В последний раз арестован 12 июня 1937, 25 августа приговорен к заключению на 10 лет без права переписки, 11 сентября расстрелян.

Лебедев Александр Федорович (1882-1936). Почвовед, гидролог, агрофизик. До революции — профессор агрономической химии Варшавского университета (эвакуированного в Ростов-на-Дону). После 1917 — профессор в Ростове, директор Донской селекционной станции; затем в Москве зав. отделом физики почв в Институте земледелия ВАСХНИЛ. Создатель физики почв как научного направления в СССР. Во время заграничной научной командировки (1926-1927) Департамент земледелия США настолько заинтересовался его работами, что в распоряжение Лебедева был, в частности, предоставлен конструктор для разработки рекордной по своим характеристикам скоростной центрифуги, при отъезде Лебедева из США подаренной ему. Проанализировал с точки зрения физики почв массовую гибель озимых на юге США (1927). Департамент земледелия предлагал ему надолго остаться в Вашингтоне для исследовательской

работы. Арестован в 1931, отправлен на Беломорстрой; ходатайство Н.И.Вавилова за него оказалось безуспешным¹³. За сверхударную работу досрочно освобожден 8 октября 1932, а через год с него была снята судимость, однако свобода его оставалась номинальной, и до 1935 он вынужден был служить в системе НКВД. Во время работы на строительстве канала Москва—Волга перенес кровоизлияние в мозг. Вернулся к работе в Институте почвоведения менее чем за год до смерти.

Прохоров Николай Иванович (1877-1930). Ученик Н.М.Сибирцева. Преподавал на Стебутовских курсах, преобразованных затем в ЛСХИ, где заведовал кафедрой почвоведения. Многие его ученицы пошли в науку и стали первыми в России женщинами-почвоведками. До революции организатор и руководитель Амурской почвенной экспедиции, создатель

¹³ Приведем текст письма Н.И.Вавилова к Я.А.Яковлеву:

10 ноября 1931

Глубокоуважаемый Яков Аркадьевич!

В списке лиц, подлежащих освобождению, который я Вам передал на Конференции по борьбе с засухой, на втором месте был поставлен профессор Александр Федорович Лебедев. По сведениям, полученным мною сейчас, он выслан на ст. Медвежья Гора Мурманской дороги.

В связи с болезнью (тяжелая форма катара желудка) положение его, по тем сведениям, которые сообщила мне семья, вызывает большие опасения, сможет ли он его перенести.

А.Ф.Лебедев, несомненно, является крупным, мировым агрофизиком в настоящее время. Ему после долголетних и очень остроумных опытов удалось впервые доказать, что грунтовые почвенные воды образуются в значительной степени не столько благодаря осадкам, но от сгущения в почве атмосферных паров. Можно утверждать, что весь отдел почвоведения о поглощении атмосферных паров в почве создан профессором Лебедевым.

В бытность проф. Лебедева в Соединенных Штатах Америки несколько лет тому назад, куда он был командирован Северо-Кавказским университетом и Наркомземом, Министерство земледелия Вашингтона настолько заинтересовалось работами Лебедева, что предоставило ему специальную Лабораторию и средства для осуществления его опытов.

Специальная книга Лебедева «Грунтовые и почвенные воды» издается в настоящее время 3-м изданием и переведена на английский язык.

В письме, которое я получил от проф. Лебедева, он пишет, что позволяет обратиться с просьбой об использовании его по исследовательской линии, сознавая полную свою невинность в постигшем его несчастье. Он пишет: «в противном случае я никогда не смел бы просить Вас об этом».

Зная большие заслуги профессора Лебедева и зная его совершенно оригинальный подход к вопросам почвоведения, полагаю, что он мог бы быть использован для научных работ самое лучшее в Институте агропочвоведения, который нуждается в научных работниках, или в провинции.

Позволяю себе просить Вашего внимания этому делу.

Преданный Вам

Н.Вавилов

(АРАН. Ф.518. Оп.5. Д.87. Л.38-39об.)

стационарной сети наблюдений за состоянием почв в Амурской области, пионер в области изучения мерзлотных почв. После 1917 — один из руководителей Географического института, создатель агрономической станции на Кольском полуострове, родоначальник дорожного почвоведения (грунтоведения) в СССР. Один из создателей и первых сотрудников Почвенного института, его ученый секретарь. Основные работы — по географии и генезису почв. Арестован 30 августа 1929 в Туркестане. Расстрелян за потерю топографических карт (впоследствии они были обнаружены у хозяйки, где он квартировал: она оклеила ими внутри свой сундук). Одновременно с Прохоровым арестована сотрудница Почвенного института А.И. Драган; ее дальнейшая судьба неизвестна.

Троицкий Алексей Иванович (1903-?). Почвовед. Учился в Донском и Ленинградском сельскохозяйственных институтах. В 1931-1932 работал во Фрунзе в системе Наркомата земледелия. С 1933 научный сотрудник Почвенного института АН СССР. Занимался изучением обмена минеральными элементами между почвами и растительностью на Северном Кавказе (Черноморское побережье, Сев. Осетия, Чечено-Ингушетия). Кандидат геолого-минералогических наук (1947). В 1937 арестован по одному делу с Б.Б.Полыновым.

Тулайков Николай Максимович (1875-1938). Почвовед, агрохимик, растениевод, специалист по земледелию в засушливых условиях и физиологии растений. До революции работал в Московском сельскохозяйственном институте, изучал солонцовые почвы в США. С 1910 — в Поволжье. В 1919-1937 — в Саратове, где был профессором в сельскохозяйственном институте, руководил опытной станцией, а затем Всесоюзным НИИ зернового хозяйства. Изучал почвы различных регионов. Академик АН СССР с 1932. Зам. президента ВАСХНИЛ с 1929 (академик ВАСХНИЛ с 1935). Лауреат премии им. В.И.Ленина (1929). Противник травопольной системы земледелия В.Р.Вильямса. Арестован в Саратове в 1937, погиб в начале 1938 на Соловках.

Н.Л.Кременцов
СОВЕТСКАЯ НАУКА НА ПОРОГЕ
ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: «ДЕЛО КР»

Послевоенное развитие советской науки было предметом многочисленных исследований. Историки анализировали различные аспекты и эпизоды этого периода, уделяя особое внимание событиям в биологии и, в частности, — в генетике, где триумф Т.Лысенко и последовавшая за ним «смерть» классической генетики трактовались как ключевые. В работах западных исследователей утвердилось мнение, что август 1948 ознаменовал начало «холодной войны» в советской науке. Открывшиеся партархивы, однако, содержат материалы, позволяющие предположить, что события 1948 — не начало, а скорее пик «холодной войны». Поворотной же точкой в послевоенной истории советской науки было лето 1947, когда ЦК ВКП(б) развернул большую пропагандистскую кампанию «по делу профессоров Клюевой и Роскина», ставшему известным как «дело КР». Только в последние годы появились немногочисленные публикации, освещающие как само «дело», так и его подготовку¹. Эти публикации, однако, базируются в основном на воспоминаниях участников событий и рисуют «дело КР» как очередной пример сталинских репрессий против интеллигенции². Материалы партийного архива позволяют реконструировать детальную картину подготовки и проведения «дела КР» и вписать его в более широкий контекст послевоенной истории советской науки и общества в целом.

СЛАДКИЕ ПЛОДЫ ПОБЕДЫ

Война существенно повлияла на все стороны жизни страны, и научное сообщество не избежало этого влияния. Одним из результатов стало существенное расширение институциональной

¹ См.: Рапорт Я. «Дело КР» // Наука и жизнь. 1989. №11. С.101-107; Грицман Ю.Я. Медицинские мифы XX века. М., 1993.

² В.Д.Есаков подготовил публикацию документов из партархивов, освещающих «дело КР» (см.: Кентавр. 1994. №2). К сожалению, в процессе работы над этой статьей я был лишен возможности использовать эту публикацию. Пользуясь случаем, я хотел бы выразить Владимиру Дмитриевичу мою глубокую признательность за многочисленные вдохновляющие беседы в «курилке» РЦХИДНИ, которые помогли мне разобраться в хитросплетениях «дела».

базы советской науки. Во время и немедленно после войны был организован целый ряд новых структур, таких как Академии медицинских и педагогических наук, академии (или филиалы союзной Академии) наук во всех республиках Советского Союза.

Победа над Германией принесла многочисленные «плоды» советскому научному сообществу. Работа ученых над «оружием победы» заставила гос- и партаппарат признать важность науки в целом и специальных знаний ученых в частности. И.В.Сталин отмечал: «Советская интеллигенция своим созидательным трудом внесла неоценимый вклад в дело разгрома врага»³. В течение 1943-1946 государство удостоило ученых многочисленных наград и премий. В марте 1946 СНК выпустил специальное постановление, установившее значительные привилегии для научных сотрудников исследовательских институтов и преподавателей вузов.

В течение 1943-1946 практически все просьбы ученых, обращенные к аппарату, находили поддержку: просили ли ученые увеличить объем и тираж научного издания, организовать новый институт или журнал, построить дачи для академиков или увеличить пенсии, все просьбы немедленно (с поправкой на неповоротливость государственной машины) удовлетворялись⁴. Опять, как это было в 1920-е, ученые приглашались на высокие посты в различные государственные и партийные ведомства в качестве советников и экспертов. В конце войны даже Отдел науки ЦК, впервые за время его существования, попал под руководство ученых, а не идеологов. Физик С.Г.Суворов и биолог А.Р.Жебрак были приглашены для работы в Отделе, контролировавшем основные направления научной политики страны.

Все эти события знаменовали серьезные изменения в государственной научной политике и отношении высших государственных лиц к науке и ученым. Одним из важнейших следствий стало разрушение «изолирующего барьера» между советскими и западными учеными.

Военный союз с западными странами позволил восстановить международные контакты советских ученых, которые начали сворачиваться в середине 1930-х и были полностью разрушены в 1939 году. Обмен научными публикациями, материалами и делегациями был восстановлен. В 1945 ЦК утвердил решение АН организовать «Международное издательство» для публикации серии монографий о достижениях советских и западных ученых. Издательство также должно было выпускать «Международный научный

³ Цит. по: Комаров В.Л. Волнующая беседа // ВАН СССР. 1945. №1-2. С.8.

⁴ Протоколы Секретариата ЦК за 1945-1946. — РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.116.

журнал»⁵. Во время войны «Вестник АН СССР» организовал специальные рубрики — «По страницам иностранных научных журналов», «Зарубежная печать о советской науке», «Наука за рубежом», в которых печатались рефераты и обзоры научной периодики США, Великобритании и других союзных держав.

В ноябре 1944 академ. В.Л.Комаров посетил Сталина. Это была первая личная встреча президента АН с вождем. По описанию Комарова, Сталин живо интересовался успехами советских ученых и обсудил с ним важнейшие проблемы развития науки в СССР⁶. Во время этой встречи было решено провести в следующем году 220-летний юбилей Академии.

Эта странная цифра (220) позволяет предположить, что главной целью праздника была демонстрация правительством признания заслуг Академии и советских ученых в победе над Германией. По инициативе Сталина делегации ученых из союзных держав были приглашены участвовать в торжествах. Во время празднования в июне 1945 правительство устроило в Кремле специальный прием в честь иностранных ученых, во время которого В.М.Молотов — министр иностранных дел и зампред СНК — предложил тост за развитие «тесного сотрудничества между советской наукой и иностранной наукой в интересах наших народов»⁷. Этот тост, как и многие другие заявления высших государственных чинов (не говоря уже об ученых), символизировал новую идеологию государственной научной политики — во время войны была возрождена концепция «единой мировой науки». Она заменила собой представление о двух отдельных, противостоящих друг другу науках — советской и западной, буржуазной и пролетарской, господствовавшее в 1930-е.

Демонстрация Соединенными Штатами атомной бомбы поставила новый акцент в международных отношениях советской науки — осенью 1945 родилась «гонка вооружений». Советское правительство явственно осознало необходимость дальнейшего развития и укрепления науки. В речи перед избирателями в начале февраля 1946 Сталин заявил, в частности: «/.../ особое внимание будет обращено /.../ на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы (бурные аплодисменты). Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время

⁵ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.449. Л.188-200.

⁶ Комаров В.Л. Указ. соч. С.541.

⁷ ВАН. 1946. №7-8. С.51.

достижения науки за пределами нашей страны»⁸. Последняя часть сталинского заявления — «догнать и перегнать западную науку» — стала главным лозунгом советской науки на ближайшие годы. Настаивая на необходимости развития международных контактов, советские ученые широко апеллировали к «достижениям науки за пределами нашей страны» в своих «переговорах» с чиновниками. Авторитет международного научного сообщества стал весомым аргументом при принятии решений в сфере научной политики.

Война существенно ослабила идеологический контроль парт-аппарата над научным сообществом. Нужды войны переадресовали внимание государственных чинов с «идеологического значения» на немедленные практические результаты научной работы. «Чудесное оружие», созданное в годы войны, подорвало приоритет «соответствия» научных исследований государственным идеологическим концепциям, которое было главным источником беспокойства партийных чиновников в 1930-е.

Все упомянутые события создали в научном сообществе атмосферу, если можно так выразиться, «эйфории победы». Ученые поверили в то, что им будет позволено самим направлять развитие науки так, как они считают нужным, что партийные идеологи больше не будут вмешиваться в научные вопросы и что советская наука опять, как это было в 1920-е, вернется в лоно «мировой науки». Можно полагать, что у них были существенные основания для такой веры. Одним из наиболее убедительных доказательств в пользу такого предположения является проект «Плана научно-исследовательской работы Академии наук СССР на 1946-1950 гг.», утвержденный ЦК летом 1946.

ЖДАНОВЩИНА

Война принесла ослабление идеологического контроля над страной в целом и над научным сообществом в частности. Срок этого послабления оказался, однако, чрезвычайно коротким. В конце лета 1946 член Политбюро, секретарь ЦК А.А.Жданов, открыл новую идеологическую кампанию, вошедшую в историю как *ждановщина*.

Широкая публичная кампания открылась серией постановлений ЦК: 14 августа — «О журналах "Звезда" и "Ленинград"»; 26 августа — «О репертуаре драмтеатров и мерах по его укреплению»; 4 сентября — «О кинофильме "Большая жизнь"». Все они

⁸ ВАН. 1946. №2. С.11-12.

были направлены против «вредного влияния буржуазной культуры» на советских людей, обвиняли писателей, журналистов и режиссеров в преклонении и низкопоклонстве перед западной культурой, в забвении принципа партийности и принципиальности в идеологической борьбе. Осень 1946 была заполнена многочисленными собраниями деятелей культуры, обсуждавшими необходимые выводы из партийных резолюций. Главными лозунгами разворачивающейся кампании стали — «За высокую идейность» и «Против безыдейности» в литературе и искусстве⁹.

Кроме широкой кампании в массах, партаппарат предпринял ряд институциональных мер по «укреплению идеологического фронта». В июне 1946 Управление агитации и пропаганды ЦК учредило новую газету «Культура и жизнь» (быстро переименованную публичкой в «культуру и смерть»), которая стала главным рупором партийных идеологов в вопросах культуры. В ноябре того же года ЦК учредил Академию общественных наук и новую Высшую партшколу. Все эти институции были призваны «пополнять и совершенствовать научные кадры по общественным дисциплинам»¹⁰.

Зимой 1946-1947 в кампанию была вовлечена философия. ЦК организовал дискуссию по книге начальника Управления агитации и пропаганды ЦК Г.Ф.Александрова «История западно-европейской философии». Александров был обвинен в тех же грехах, что и деятели культуры — безыдейности, аполитичности, забвении принципа партийности и тому подобных¹¹. Весной 1947 в кампанию «включились» экономисты. Развернулась дискуссия о путях развития мировой экономики после мировой войны.

Историки внимательно исследовали возникновение и развитие ждановщины¹². Они анализировали возможные международные и внутренние причины новой идеологической кампании, ее последствия для советской политики, литературы, музыки и культуры в целом¹³. Большинство историков, однако, осторожно избегали вопрос о влиянии ждановщины на советскую науку и науч-

⁹ См. передовицу «Марксистско-ленинское воспитание интеллигенции» (Правда. 1946. 18 сентября. С.1).

¹⁰ См. доклад А.А.Жданова 6 ноября 1946 (ВАН. 1946. №11-12. С.35).

¹¹ Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопросы философии. 1993. №2. С.83-106.

¹² См.: Ra'anani G. International Policy Formation in the USSR: Factional «Debates» during the Zhdanovshchina. Archon Books, 1983; Hahn W. Postwar Soviet Politics. The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation. 1946-1953. Ithaca, 1984; Fitzpatrick Sh. The Cultural Front. Ithaca, 1992.

¹³ См. Swayze H. Political Control of Literature in the USSR. 1946-1959. Cambridge, 1962; Schwarz B. Music and Musical Life in Soviet Russia. Bloomington, 1983.

ное сообщество, поскольку наука, казалось, была не затронута многочисленными партийными постановлениями. Такая осторожность вполне понятна, поскольку в опубликованных материалах, которыми главным образом пользовались историки, наука действительно не является главным действующим лицом.

В целом кампания действительно была адресована прежде всего «мастерам культуры» и идеологическим работникам. Вплоть до лета 1947 она не оказывала серьезного влияния на научное сообщество. Естественно, администраторы от науки немедленно усвоили риторику текущей кампании и стали широко использовать ее в различных речах и публикациях. К примеру, вице-президент АН В.П.Волгин, на заседании редакционно-издательского совета Академии 14 сентября 1946 заявил, что «постановление о журналах "Звезда" и "Ленинград" имеет принципиальное значение для науки»¹⁴. По примеру деятелей культуры проводились собрания и совещания по «обсуждению» партийных постановлений, принимались многочисленные резолюции «о перестройке научной работы в свете решений партии по идеологическим вопросам»¹⁵. Тем не менее, вплоть до лета 1947 научное сообщество продолжало «пожинать плоды победы» — относительную свободу от идеологического контроля партаппарата. Летом, однако, оно получило первый сигнал приближающегося конца «либерализации» — в июле ЦК выпустил специальное закрытое письмо «по делу КР».

АМЕРИКАНСКИЕ ГОРЫ

Непосредственным поводом для письма была работа двух ученых — члена-корреспондента АМН Н.Г.Клюевой (1898-1971) и профессора МГУ Г.И.Роскина (1892-1964) над антираковой вакциной.

Еще в 1930-х Роскин начал эксперименты по изучению влияния паразитического микроорганизма — *Tyranosome Cuci* на рост клеток у мышей. Он обнаружил, что паразит разрушает клетки ткани, в которую он проникает. Эти наблюдения послужили основой для дальнейших экспериментов, осуществленных в сотрудничестве с Клюевой. Клюева и Роскин изучали влияние мертвых и живых трипаносом на развитие раковых опухолей у мышей. Очевидно, что эти эксперименты были вдохновлены работами по

¹⁴ ВАН. 1946. №10. С.119-120.

¹⁵ См., например: О перестройке учебной и научной работы Московского университета в связи с решениями ЦК ВКП(б) по вопросам идеологии. М., 1946.

изучению антибиотиков, которые полным ходом шли во время войны в США, Великобритании и СССР. На основании предварительных результатов Клюева и Роскин предложили для лечения злокачественных опухолей «Препарат КР», показавший высокую избирательность в разрушении злокачественных образований у мышей. Авторы опубликовали несколько статей с описанием результатов их экспериментов, которые привлекли внимание коллег. Информация о работах над антираковой вакциной появилась и в зарубежной печати. Именно это, по-видимому, явилось причиной посещения лаборатории Клюевой 20 июня 1946 американским послом в СССР Уолтером Б.Смитом.

ВВЕРХ

Визит американского посла в Институт эпидемиологии, микробиологии и инфекционных болезней, в котором располагалась лаборатория Клюевой, был организован при посредничестве вице-президента АМН А.И.Абрикосова и министра здравоохранения Г.А.Митерева. Министерство даже снабдило его переводчиком. Журналист Э.Финн также присутствовал при встрече Смита с Клюевой и Роскиным; его письмо по начальству освещает содержание встречи¹⁶. Финн писал, что Смит пригласил Клеуеву и Роскина посетить США для ознакомления с работами по раку, проводимыми американскими исследователями, а также предложил свою помощь в обеспечении лаборатории необходимым оборудованием и материалами и просил разрешить американским ученым посетить лабораторию. Финн замечает, что Роскин отклонил приглашение Смита «под благовидным предлогом», сам же институт «производит убогое впечатление». Закончил свое письмо Финн следующим образом: «Сообщая Вам обо всем этом, я хотел бы этим способствовать улучшению условий работы по КР. Если препарат оправдает надежды, то вне всякого сомнения, открытие Роскина и Клеуевой явится своеобразной биологической "атомной бомбой". Это, к сожалению, еще не все у нас понимают»¹⁷.

Спустя несколько дней после визита Смит обратился в министерство здравоохранения с официальным предложением организовать совместные советско-американские исследования по препарату КР. Он предложил полное финансирование работ американской стороной¹⁸. Послу удалось договориться и о посещении

¹⁶ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.121. Д.620. Л.1-2.

¹⁷ Там же. Л.2.

¹⁸ Там же. Д.619. Л.6.

лаборатории Ключевой двумя американскими исследователями в августе текущего года.

Интерес Смита к КР спровоцировал внимание высших государственных и партийных чиновников к работам Ключевой и Роскина. В середине июля Митерев подписал специальный приказ по министерству об исследованиях КР¹⁹. В соответствии с ним, лабораторией Ключевой должно было быть предоставлено дополнительное оборудование и необходимые материалы. Приказ обязывал Ключеву и Роскина представить рукопись монографии для опубликования «без всякой очереди»²⁰. В соответствии с установленной процедурой, Митерев информировал В.М.Молотова о предложении Смита и «просил указаний»²¹.

Более того, информация о визите Смита поступила непосредственно в ЦК. Начальство Финна переслало его письмо в Секретариат ЦК. В то же время Министерства иностранных дел и государственной безопасности, следившие за каждым шагом американского посла, информировали Политбюро об интересе Смита к работам над КР. В начале августа Управление кадров ЦК направило в Политбюро пространную записку о посещении Смитом лаборатории Ключевой²². По мнению чекистов, «беседа Смита с профессорами Ключевой и Роскиным была организована нормально»²³.

В свою очередь Ключева и Роскин обратились в ЦК с просьбой поддержать их работу, ссылаясь на интерес американцев к их исследованиям и приоритет советских ученых во внедрении антираковой вакцины. Осенью 1946 они направили несколько писем Жданову и МГБ, в которых настаивали на создании необходимых условий для дальнейшей работы над препаратом КР²⁴. Их обращение оказалось весьма убедительным. 19 ноября Жданов разослал копию одного из писем Ключевой-Роскина трем членам Политбюро — Л.П.Берии, А.И.Микояну и Н.А.Вознесенскому с припиской: «Прошу ознакомиться. Считаю, что этот вопрос надо обсудить»²⁵.

Результатом «обсуждения» стало специальное секретное постановление Совмина «О мерах помощи лаборатории профессора

¹⁹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.121. Д.619. Л.12-13.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л.10.

²² Там же. Ф.77. Оп.3. Д.147. Л.1-2, 4-5.

²³ Там же. Ф.17. Оп.121. Д.620. Л.7.

²⁴ Там же. Ф.77. Оп.3. Д.148. Л.1-16.

²⁵ Там же. Л.7.

Клюевой», выпущенное в декабре²⁶. Проект постановления был подготовлен группой чиновников Минздрава и обоими авторами препарата — Клюевой и Роскиным. Более тридцати страниц постановления перечисляли необходимое оборудование, материалы, экспериментальных животных, реактивы и тому подобное. Постановлением также предусматривалось строительство нового помещения для лаборатории и обеспечение «секретности» работ над КР.

В начале января первые восемнадцать экземпляров книги Клюевой и Роскина «Биотерапия злокачественных опухолей» были разосланы высшему руководству, включая Сталина, Молотова, Ворошилова, Жданова, Маленкова и Вознесенского. Книга была напечатана в количестве тысячи экземпляров, но все они были задержаны в издательстве. Причиной задержки была «секретность». Высшие чины обсуждали вопрос о необходимости «засекретить» исследования. Между тем, Всесоюзная онкологическая конференция в январе 1947, на которой Клюева и Роскин докладывали о результатах своих исследований, оценила их работы как «выдающееся достижение советской науки». В начале февраля Отдел науки направил Жданову записку о необходимости скорейшего выпуска книги в свет. В записке, в частности, отмечалось: «Задержка выпуска книги в свет может привести к потере приоритета советской науки, а преимущества открытия препарата в нашей стране могут быть утеряны»²⁷. В конце концов, в середине февраля книга была выпущена в свет. Специальное решение Оргбюро от 18 февраля гласило: «1. Разрешить издательству Академии Медицинских наук выпустить книгу в свет. 2. Поручить управлению агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) (т.Александров) организовать рецензии на книгу в специальной и общей печати»²⁸. Решение также приказывало увеличить тираж книги до десяти тысяч экземпляров. Естественно, решение Оргбюро было немедленно реализовано. Книга издана, в прессе появилось несколько хвалебных рецензий, внимательно отредактированных Отделом науки²⁹. Словом, в течение декабря-января Клюева и Роскин купались в «лучах славы» и наслаждались вниманием высших государственных лиц. Они явно не могли предвидеть «ложку дегтя», которую такое внимание готовило им в ближайшем будущем.

²⁶ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.122. Д.619.

²⁷ Там же. Л.11.

²⁸ Там же. Оп.116. Д.297. Л.58.

²⁹ См.: Струков А. Выдающееся открытие советской науки // Культура и жизнь. 1947. 11 марта. С.4; Петров Н. Выдающийся успех советской науки // Правда. 1947. 24 марта. С.3.

Зимой 1946 Генеральный Хирург США³⁰ пригласил академика-секретаря АМН В.В.Парина «совершить большую ознакомительную поездку по американским больницам и двенадцати крупнейшим центрам, ведущим исследования в области рака»³¹. В качестве примера отечественных исследований в этой же области Парин взял с собой в Америку рукопись книги Ключевой—Роскина и несколько образцов препарата «КР». Пытаясь договориться об издании книги в США, он передал рукопись и образцы американским коллегам. Это оказалось «смертельной ошибкой».

28 января 1947 Жданов вызвал Ключеву в Кремль для допроса «об обстоятельствах передачи документации об изготовлении антираковой вакцины США». Он особо интересовался тем, «как это могло получиться, что не удалось удержать приоритет в руках советских ученых, и секрет изготовления препарата стал известен американцам?»³² Жданов отметил, что «все это сделали без разрешения правительства и это оставило неприятный осадок с точки зрения интересов как советской науки, так и советского государства»³³. Он также интересовался обстоятельствами посещения лаборатории Смитом и ролью Минздрава в организации этого визита.

На следующий день Жданов вызвал в Кремль Митерева и допросил его об обстоятельствах дела. Он также приказал всем участникам событий — Абрикосову, Ключевой, Роскину и даже переводчику беседы Митерева и Смита — представить письменные объяснения в ЦК³⁴. 1 февраля Жданов направил все собранные материалы Сталину. В течение нескольких следующих дней Жданов и Ворошилов допросили Парина и трех заместителей Митерева и также направили их письменные показания Сталину. 17 февраля под председательством Сталина состоялось заседание Политбюро, обсудившее «дело КР». В результате этого заседания Парин был арестован как «американский шпион», а Митерев расстался с министерским креслом. Это, однако, оказалось только началом «дела КР».

³⁰ Должность, соответствующая министру здравоохранения.

³¹ См.: Cultural Relations: US — USSR // Department of State Bulletin. 1949. V.20. №509. P.403-417. Цит. на стр.408.

³² РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.3. Д.149. Л.2.

³³ Там же. Трудно поверить, что Жданов не знал о том, что разрешение на передачу рукописи американцам было дано непосредственно Сталиным — см. шифрограмму замминистра А.Я.Кузнецова Сталину (Там же. Д.147. Л.9).

³⁴ Там же. Ф.17. Оп.122. Д.620.

СУД ЧЕСТИ

В конце марта 1947 ЦК и Совмин выпустили совместное постановление об организации так называемых «судов чести» в министерствах и других государственных учреждениях (таких, как, к примеру, Академия наук). Архивные документы позволяют предположить, что «дело КР» было одним из основных поводов к появлению постановления.

Первоначально суды чести были направлены на «воспитание работников государственных органов в духе патриотизма и преданности интересам советского государства»³⁵. Главной мишенью судов намечалась высокопоставленная бюрократия. Жданов писал в одной из записных книжек: «Иметь суд чести для министров и заместителей»³⁶. Во время допросов в феврале он также главное внимание уделял роли министра Митерева, его заместителей и академика-секретаря АМН Парина в «деле КР». В другой записной книжке Жданова есть следующая запись: «Суды чести в 8-10 министерствах на май. Хорошенько подготовить»³⁷. В течение весны, однако, мишень изменилась. В мае в записной книжке Жданова появилась запись: «Не нарком их вел, они вели наркома»³⁸. И первыми на скамье подсудимых оказались Клюева и Роскин.

Архивные материалы свидетельствуют, что главным организатором судов чести был Жданов³⁹. Более того, именно он «срежисировал» первый процесс над Клюевой и Роскиным, написал полный сценарий будущего спектакля, определил главных действующих лиц — Общественный обвинитель, Председатель и Члены суда, Свидетели, Обвиняемые и Зрители (Защитник не был предусмотрен) — и назначив исполнителей главных ролей.

Главными обвинениями против всех участников дела были обвинения в низкопоклонстве и раболепии перед Западом. Растущая конфронтация с бывшими союзниками на международной арене вызвала соответствующие изменения во внутренней политике. Весной 1947 воспитание народа в «духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства» стало главным направлением пропаганды. В середине апреля Управле-

³⁵ См.: Мурин Ю. Суды чести // Известия ЦК КПСС. 1990. №11. С.135-137; цит. на С.135.

³⁶ РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.3. Д.177 (книжка 2). Л.2. В деле находится четыре книжки, каждая со своей независимой пагинацией.

³⁷ Там же (книжка 3) Л.13.

³⁸ Там же. Л.33.

³⁹ Записные книжки Жданова 1947 года пестрят многочисленными заметками о судах чести. Можно предполагать, что по крайней мере часть записей сделана во время заседания Политбюро и встреч со Сталиным.

ние пропаганды и агитации ЦК выпустило «План мероприятий по пропаганде идей советского патриотизма среди населения»⁴⁰. Главной целью плана была «борьба с преклонением перед Западом». Широкая «патриотическая» кампания началась поздней весной 1947. Возможно, именно этим и объясняется тот факт, что Ключева и Роскин, а не Митерев, первыми попали на скамью подсудимых⁴¹.

Мартовское постановление предоставляло инициативу организации суда парткому соответствующего учреждения (в «деле КР» — парткому Минздрава). Партком должен был обратиться с письмом к высшему должностному лицу учреждения — министру, который решал, обоснованы ли обвинения и, если да, то назначал слушание дела. В действительности, в «деле КР» Жданов лично написал «Заявление парткома Минздрава» новому министру И.Е.Смирнову и разослал его членам Политбюро для ознакомления и утверждения⁴². Более того, Жданов несколько раз редактировал речь Общественного обвинителя и Обвинительное заключение по «делу КР»⁴³. В течение второй половины мая суд провел несколько предварительных заседаний. Во время этих репетиций он допрашивал обвиняемых и свидетелей и отработывал мизансцены будущего публичного шоу.

Наконец, с 5 по 7 июня в Театре Эстрады состоялись открытые заседания суда. Более тысячи зрителей присутствовало на представлении. Первый день был посвящен допросу обвиняемых, второй — выступлениям свидетелей, членов суда и зрителей, третий — речи обвинителя и приговору. Трехдневный спектакль закончился приговором, определившим «виновность» обвиняемых и вынесшим им «общественный выговор».

Политбюро внимательно наблюдало за процессом. Ежедневно стенограммы выступлений доставлялись в ЦК. Очевидно, что первому суду чести придавалось исключительное значение. Например, еще во время «репетиций» Жданов, по-видимому, не удовлетворенный ходом процесса, написал «Заявление о ложных показаниях Ключевой и Роскина» председателю суда как «свидетель по делу»⁴⁴. В заявлении он, в частности, утверждал, что Ключева и Роскин «неискренни перед судом» и пытаются его обмануть. Показания такого важного свидетеля, естественно, были немед-

⁴⁰ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.503. Л.39-48.

⁴¹ Суд чести над Митеревым состоялся осенью 1947, см.: Там же. Ф.17. Оп.121 Д.622.

⁴² Там же. Ф.77. Оп.3. Д.150.

⁴³ Там же. Д.152.

⁴⁴ Там же. Д.151.

ленно учтены судом. Столь пристальное внимание высших государственных чинов к «делу КР» позволяет предположить, что первый процесс был предназначен служить моделью для всех последующих судов чести.

Надо думать, однако, что суды чести были не единственным инструментом «воспитания патриотического духа». Есть основания полагать, что именно «дело КР» послужило поводом для принятия Верховным Советом 14 июня 1947 года закона «Об ответственности за разглашение государственных секретов». Несмотря на то, что всего двумя неделями раньше был опубликован закон «Об отмене смертной казни»⁴⁵, новый закон (хотя и не опубликованный в прессе) возродил атмосферу всеобщей подозрительности и страха 1930-х годов.

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО

Удивительно, но в течение лета ЦК не использовал «дело КР» для организации публичной кампании. Пресса хранила молчание⁴⁶. Взамен, в середине июля ЦК направил в местные парторганизации специальные инструкции. Толстенькая брошюра, озаглавленная «Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина», была разослана во все обкомы, крайкомы и республиканские ЦК⁴⁷. На брошюре стоял гриф «Секретно», а специальная надпись на задней стороне обложки гласила: «Настоящее письмо /.../ через месяц со дня получения подлежит уничтожению на местах». К счастью историков, в техсекретариате ЦК сохранился экземпляр письма за №9089 (всего было напечатано 9600 экземпляров).

Брошюра содержала собственно «Закрытое письмо ЦК» и материалы суда чести, включая заявление парткома Минздрава, стенограммы первого дня процесса, речь общественного обвинителя и решение суда. Текст самого письма был написан Ждановым и отредактирован Сталиным. ЦК приказал всем парторганизациям провести закрытые собрания по обсуждению «дела КР» и направить отчеты о собраниях в ЦК⁴⁸. В течение августа-октября 1947 все парторганизации страны «обсуждали» письмо ЦК.

⁴⁵ См.: Правда. 1947. 27 мая.

⁴⁶ Только через год началось активное использование суда для публичной пропаганды. Были написаны три пьесы по мотивам суда чести над Ключевой и Роскиным и демонстрировались в театрах всей страны. По одной из них даже снят фильм. По крайней мере одна из пьес была написана по прямому указанию Сталина. См.: Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989.

⁴⁷ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.122. Д.258.

⁴⁸ Там же. Оп.116. Д.319. Л.13.

В партархиве сохранились многочисленные тома отчетов об этих обсуждениях из всех регионов страны. К примеру, уже 25 июля Московский горком рапортовал: «по районам г.Москвы намечено провести около 500 собраний, на которых будет присутствовать 98 тысяч коммунистов»⁴⁹.

Закрытое письмо предоставило парторганизациям основные направления и образцы риторики разворачиваемой кампании. Инструкции ЦК четко определяли цели и средства кампании. Письмо гласило: «/.../ важнейшей задачей партии является воспитание советской интеллигенции в духе советского патриотизма, преданности интересам советского государства, в духе способности противостоять любому коварному приему иностранных разведок, готовности в любых условиях и любой ценой защищать интересы и честь советского государства»⁵⁰. Письмо подчеркивало, что раболепие и низкопоклонство перед Западом широко распространены среди советской интеллигенции и особенно научной. Оно в деталях объясняло «исторические корни антипатриотического поведения русских ученых и их преклонения перед западной наукой». В связи с этим особое внимание в процессе кампании было уделено «ученым-невозвращенцам», таким, как Г.Гамов, В.Ипатьев, А.Чичибабин и Ф.Добржанский. Официальное отношение к «невозвращенцам» лучше всего иллюстрируется короткой записью Жданова: «Ипатьев. Лишен ли гражданства? Корни патриотизма подрываем. Ипатьев подлец, хотел еще сокрушить. Это соблазн для ученых. Если Ипатьева не лишили. Порвать пуповину»⁵¹. «Невозвращенцы» были использованы для широкой дискредитации советских ученых, ссылавшихся на работы «предателей Родины», не говоря уже о тех, кто состоял с ними в переписке.

Вариации на тему «потерянного» или «украденного» приоритета русских и советских ученых многократно повторялись в закрытом письме. Особенно подчеркивалось, что «если мы хотим, чтобы нас уважали и считались с нами, мы должны прежде всего уважать самих себя»⁵². Можно предположить, что заявление советской делегации на Международной конференции по связи в Атлантик-Сити (США) о русском приоритете в области радио, прозвучавшее в июне 1947, было также вдохновлено растущей «патриотической» кампанией. Борьба за приоритет советской науки,

⁴⁹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.122. Д.258. Л.2.

⁵⁰ Там же. Л.4.

⁵¹ Там же. Ф.77. Оп.3. Д.177 (книжка 3). Л.4об.

⁵² Там же. Ф.17. Оп.122. Д.258. Л.4.

таким образом, оказалась частью более широкого мероприятия — демонстрации «самоуважения» и «достоинства» советского государства на международной арене.

ЗА СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТИЗМ, ПРОТИВ НИЗКОПОКЛОНСТВА И РАБОЛЕПИЯ ПЕРЕД ЗАПАДОМ

Очевидно, что кампания «за советский патриотизм» серьезно повлияла на интеллектуальную и культурную жизнь страны. Хотя ЦК адресовал свое письмо исключительно членам партии, его содержание, естественно, стало достоянием широкой публики, которая не преминула активно включиться в кампанию. В расчете на достижение своих собственных интересов различные группы и индивидуумы начали активно эксплуатировать «патриотическую» тему. В течение второй половины 1947 писатели, композиторы, журналисты и ученые слали в ЦК письма, демонстрировавшие «патриотизм» авторов и клеймившие «раболепие и низкопоклонство» коллег, в расчете на получение звания, поста, дачи и тому подобных благ. На советское научное сообщество, однако, кампания оказала еще одно, гораздо более серьезное, влияние, помимо подхлестывания обычных карьеристских интриг.

Естественно, что научное сообщество постаралось активно использовать «патриотическую» ноту к своей собственной выгоде. Резолюция парторганизации Физиологического института АН, принятая на собрании по обсуждению закрытого письма, — одно из многочисленных свидетельств таких стараний. Понятно, что резолюция открывалась многословными заявлениями о «патриотическом духе», призывами «повысить бдительность» и тому подобными. Однако вслед за этими риторическими декларациями следовал длинный список вопросов, которые собрание посчитало необходимым поставить перед дирекцией института и Президиумом Академии: «а) об увеличении объема «Физиологического журнала» /.../; б) об ускорении выпуска научных трудов Физиологического института и отдельных монографий; в) о необходимости систематического печатания защищенных в институте кандидатских и докторских диссертаций; г) об организации библиографических периодических справочников и реферативных журналов по медико-биологической литературе»⁵³. Очевидно, что участники собрания пытались использовать кампанию для решения определенных практических проблем. Используя «модный ло-

⁵³ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.122. Д.261. Л.55.

зунг» — «За приоритет советской науки», они старались улучшить систему научных публикаций.

Однако, главные последствия «патриотической» кампании оказались чрезвычайно отрицательными. «Дело КР» обозначило серьезное изменение в государственной научной политике. Концепция «двух наук» — противостоящих друг другу «советской» и «западной» — была возрождена. Концепция «единой мировой науки» опять отвергнута. Высшие партийные деятели придавали большое значение ее полному уничтожению, что можно проиллюстрировать одним примером.

В 1944 П.Л.Капица направил в ЦК длинное письмо о «секретности» в науке⁵⁴. Капица писал, что секретность несовместима с научной деятельностью, поскольку она интернациональна. Он утверждал, что работы ученых разных стран зависят друг от друга и научный прогресс невозможен без свободного обмена идеями и результатами. В то время письмо Капицы оказалось убедительным. В результате ЦК разрешил открытую публикацию ряда материалов, до того трактовавшихся как сугубо секретные. В августе 1947, однако, начальник Управления агитации и пропаганды ЦК Г.Ф.Александров направил копию письма Капицы (которое хранилось в архиве Управления) Жданову. Александров предположил письму собственный комментарий: «Капица пытается дать "теоретическое" обоснование общечеловеческого, [а] не национального характера научных открытий. По сути это та же позиция, что и Ключевой, только изложенная в развернутом виде»⁵⁵.

Можно предполагать, что в процессе кампании все «дело КР» было подогнано под задачу уничтожения идеи об «общечеловеческом» характере науки и возрождения забытого было образа особенной «советской» науки, отличающейся от науки всего остального мира или по крайней мере его западной части. Таким образом, «патриотическая» кампания подорвала значение одного из наиболее весомых аргументов, который научное сообщество активно эксплуатировало в послевоенные годы в своих отношениях с парт- и госаппаратом, — необходимость международных научных связей и обмена научной информацией.

«Дело КР» драматическим образом повлияло на принятие решений в сфере научной политики. Кажется, именно оно послужило поводом к прекращению избрания видных западных ученых чле-

⁵⁴ Сокращенный вариант этого письма опубликован: Капица П. Письма о науке. М., 1989. С.218-220. Оригинал письма см.: РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.545. Л.64-66.

⁵⁵ Там же. Л.67.

нами-корреспондентами АН СССР. В середине июня 1947 Оргбюро ЦК отклонило предложение Академии избрать в членкоры ряд американских и английских ученых — «ввиду того, что никто из наших ученых на протяжении последних лет не избирался в состав какой-либо американской или английской организации, соответствующей нашей Академии»⁵⁶. Взамен Оргбюро «рекомендовало» Академии избрать польских, болгарских и венгерских ученых.

Спустя месяц, в середине июля, Оргбюро приняло решение закрыть академические журналы, издававшиеся на иностранных языках, такие как «Journal of Physics», «Acta physico-chemica» и «Доклады АН СССР». Решение гласило: «ЦК ВКП(б) считает, что издание советских научных журналов на иностранных языках наносит ущерб интересам советского государства, предоставляет агентам иностранной разведки в готовом виде результаты достижений советской науки. Издание Академией наук СССР научных журналов на иностранных языках в то время, когда ни одна страна не издает журнал на русском языке, роняет достоинство Советского Союза и не отвечает задаче воспитания ученых в духе советского патриотизма»⁵⁷.

Немедленно после принятия этого решения, 14 июля 1947, Президиум АН СССР выпустил специальную инструкцию «О порядке научных публикаций». В соответствии с ней все журналы Академии прекратили печатать оглавления и резюме на иностранных языках. Стоит ли говорить, что рубрика «По страницам иностранных журналов» исчезла из «Вестника» Академии.

В результате «патриотической кампании» практически вся международная активность советского научного сообщества была заморожена. Проекты организации «Международного Научного издательства» и «Международного научного журнала» похоронены. Советским ученым предложили отказаться от вхождения в состав иностранных научных обществ. Зарубежные поездки ученых минимизированы, а каждой делегации, выезжающей за рубеж, непосредственно Оргбюро ЦК выдавало «директивные указания». Эти указания в деталях определяли, что можно и что нельзя делать, за что голосовать, назначали докладчиков от делегации и так далее⁵⁸. В одной из записных книжек Жданова имеется любопытное предложение: «Секретари комиссий, командированных

⁵⁶ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.116. Д.312. Л.18. Заявление совершенно не соответствовало действительности.

⁵⁷ Там же. Д.314. Л.54.

⁵⁸ См., например, директивные указания советской делегации на съезде Международного астрономического союза в Цюрихе: Там же. Оп.115. Д.737. Л.3.

заграницу, должны быть чекисты»⁵⁹. Можно полагать, это предложение было немедленно реализовано. Так, в конце июня Оргбюро утвердило состав советской делегации на XVII Международный физиологический конгресс в Оксфорде. Наряду с крупными учеными и администраторами, такими, как Л.А.Орбели, А.В.Палладин, И.С.Бериташвили, Л.Н.Федоров, в состав делегации в должности «секретаря» был включен некий Г.Н.Верхоглядов⁶⁰. Все мои старания найти какое-либо упоминание о советском физиологе с такой фамилией не увенчались успехом. По-видимому, это и был секретарь-чекист.

Помимо этих внешних последствий, кампания имела целый ряд внутренних. Она создала новую идеологическую атмосферу и новый вид риторики, который был использован различными группами внутри научного сообщества как мощный инструмент институциональной борьбы. Различные группы, конкурировавшие за благосклонность государственных и партийных органов, немедленно начали эксплуатировать эту риторику в целях дискредитации их оппонентов и укрепления собственных позиций в глазах бюрократии. В физике и биологии, химии и психологии, как и во всех остальных дисциплинах, конкурирующие группировки начали писать в вышестоящие инстанции, заявляя о своем «приоритете» и «патриотизме» и обвиняя оппонентов и конкурентов в «пренебрежении приоритетом», «низкопоклонстве и раболепии» и тому подобных грехах. Некоторым из писавших удалось спровоцировать мини-кампании в отдельных дисциплинах и институтах.

Так, например, лысенковской команде удалось скомпрометировать одного из наиболее влиятельных оппонентов, А.Р.Жебрака. 7 сентября 1947 завсельхозотделом «Правды» И.Лаптев опубликовал статью, обвинявшую Жебрака и Н.П.Дубинина в «антипатриотических поступках»⁶¹. Им инкриминировалась публикация статей о достижениях советской генетики в американском журнале «Science» без упоминаний работ Лысенко. Результатом статьи Лаптева стал суд чести над Жебраком⁶² и его смещение с должности президента Белорусской АН.

⁵⁹ РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.3. Д.177 (книжка 3). Л.9об.

⁶⁰ Там же. Ф.17. Оп.116. Д.313. Л.15.

⁶¹ Должно быть, в награду за эту статью осенью 1947 Лаптев был включен в список кандидатов в академики ВАСХНИЛ.

⁶² Попытка парткома Института генетики организовать суд чести над Н.П.Дубининым была остановлена С.И.Вавиловым и Л.А.Орбели.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

«Дело КР», открывшее новую идеологическую кампанию, обозначило серьезные изменения в общей идеологической атмосфере — первый серьезный «заморожок» холодной войны, обрушившийся на советскую науку. В ситуации растущей конфронтации с бывшими союзниками ученые стали очевидной мишенью для атаки. Можно предполагать, что все «дело КР» было организовано с целью «преподать урок» интеллигенции, в первую очередь, научной. Дело, первоначально задуманное в назидание высшему слою государственной бюрократии, было превращено в широкую пропагандистскую кампанию, адресованную обществу в целом и научному сообществу в частности.

Судьба главных «героев» дела — Н.Г.Клюевой и Г.И.Роскина — подтверждает, что основной целью кампании был «урок интеллигенции». Следуя привычным стереотипам, можно предположить, что Клюева и Роскин были арестованы и заключены в лагерь (или даже расстреляны). В действительности ничего столь драматического с ними не произошло. Упомянутое выше постановление Совмина «О мерах помощи лаборатории профессора Клюевой» было выполнено почти на сто процентов: новая лаборатория построена и оборудована, а исследования засекречены и продолжены⁶³.

Даже современники удивлялись, почему Клюева и Роскин не были судимы уголовным судом? Этот вопрос регулярно звучал на многочисленных собраниях, обсуждавших закрытое письмо ЦК. В ответ собравшимся разъясняли, что Клюева и Роскин не «преступники», они не совершали «преступления» («преступник» В.Парин был действительно арестован и отправлен в лагерь), но они повинны в «антипатриотических поступках» и их нужно перевоспитать в духе советского патриотизма. Как Жданов записал в своей книжке: «Таких людей сделать посмешищем и позором, а мы этого не делаем. Со всех сторон закрыть двери для антипатриотов»⁶⁴. Целью кампании был не арест (и/или казнь) двух «провинившихся» ученых, а демонстрация обществу новых направлений государственной политики как в международных, так и домашних делах и создание новой идеологической атмосферы.

⁶³ Спустя месяц после «суда», 12 июля 1947, Совмин выдал специальное «поручение» (№44-3), обязывавшее все министерства, участвующие в проекте, «выделить материалы и оборудование для строительства лаборатории профессора Клюевой».

⁶⁴ РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.3. Д.177 (книжка 3). Л.5.

В отличие от Ключевой и Роскина, советское научное сообщество действительно оказалось арестовано и посажено. Радикально изменился характер принятия решений в научной политике, особенно в сфере международных связей. Изоляционный барьер между советской и западной наукой был восстановлен и очень скоро превратился в «железный занавес». «Дело КР» обозначило и начало восстановления идеологического контроля над советским научным сообществом, заметно ослабленным во время войны. В следующем, 1948, этот контроль был расширен из сферы международных отношений на содержание научных концепций и исследований в процессе кампании «За мичуринскую биологию».

«ГОЛОС ИСТОЧНИКОВ»
К истории одной несостоявшейся публикации
(Н.Конрад — Б.Вахтин)
Публикация М.Ю.Сорокиной

При подготовке тома неизданного научного и эпистолярного наследия востоковеда, академика Николая Иосифовича Конрада (1891-1970)¹ в материалах его личного фонда, хранящегося ныне в Архиве РАН (Ф.1675), наше внимание привлекла машинописная копия его писем ленинградскому китаисту и писателю Борису Борисовичу Вахтину (1930-1981)² — они разительно отличались от других известных нам документов Конрада — в них слышался «свой» голос, дистанция между человеком и «академиком» Конрадом практически исчезла. В ситуации, когда от личных бумаг Конрада почти ничего не осталось (в безумном огне 1970-х, по-видимому, погибли и ответные письма Б.Вахтина), казалось невероятной удачей найти те «более двухсот писем», о которых упоминал в предисловии к машинописи Борис Вахтин. Искать их почти не пришлось — все эти годы они бережно хранились в семье Б.Вахтина, благодаря действию которой многие из них вошли в указанный выше том. Однако из-за хронологического расположения материалов в этой книге, за ее пределами осталась та публикация, которую подготовил сам Б.Вахтин. Теперь настал ее черед.

¹ Новейшую, хотя и не полную, библиографию трудов и литературы о Н.И.Конраде см. в серии «Материалы к библиографии ученых» (Сер. литературы и языка. Вып.20. М., 1994), издаваемой Российской Академией наук.

² Борис Борисович Вахтин родился 3 ноября 1930 в Ростове-на-Дону, раннее детство провел в Шишаках Полтавской обл. Сын писательницы В.Пановой. В 1949-1954 учился на восточном факультете ЛГУ, в 1954-1957 там же аспирант и одновременно сотрудник Ленинградского отделения Института народов Азии, где с 1961 возглавлял группу по описанию китайских ксилографов и старопечатных книг собрания института, а с 1962 заведовал Дальневосточным кабинетом. Член Союза писателей, секретарь секции художественного перевода при Ленинградском отделении Союза. Участник альманаха «Метрополь» (повесть «Дублинка»). Автор посмертно вышедших книг «Гибель Джонстауна» (Л., 1986) и «Так сложилась жизнь моя...» (Л., 1990). Из всех воспоминаний-характеристик Вахтина выберем одно, принадлежащее иронично-саркастичному С.Довлатову, который, описывая литературную группу «Горожане», вполне серьезно писал: «Негласным командиром содружества равных был Вахтин. Мужественный, энергичный — Борис чрезвычайно к себе располагал. Излишняя театральность его манер порою вызывала насмешки. Однако же — насмешки тайные. Смеяться открыто не решались. Даже ядовитый Найман возражал Борису осторожно. /.../ Ему постоянно досаждали чьи-то жены, которым он выхлопывал алименты. Его домогались инвалиды, требовавшие финансового участия. К нему шли жертвы всяческих беззаконий» (Довлатов С. Ремесло // Его же. Собрание прозы: В 3 тт. Т.2. Л., 1993. С.20).

Факт двадцатипятилетней переписки двух ученых вряд ли кого-нибудь удивит. Архивные фонды первой половины XX века хранят кипы истертых, полурасплывшихся бумаг, в которых можно обнаружить информацию на любой вкус — от исчерпывающих сведений о погоде до эпистолярных любовных романов и философских мини-трактатов. Сегодня удивляет почти физическая потребность людей того времени выговориться, поделиться, передать, наконец, свои мысли и чувства другому; еще более впечатляет, что столь чаемый отклик на свои бытовые и/или историсософские размышления они находили. Начало века, многими современниками описывавшееся как эпоха парализующего одиночества, видится сегодня совсем иным — скорее «говорливым» и общительным. Как архивист могу засвидетельствовать: в «новых поступлениях» не деловых писем почти нет. На протяжении века русская эпистолярная ошутимо истончается, мелеет как по размерам, так и по масштабу обсуждаемых проблем.

Письма Николая Конрада, своего учителя, Борис Вахтин готовил к публикации в середине 1970-х. Из почти тысячи листов он отобрал «проходимый» по объему и репрезентативный по содержанию минимум, однако четвертый том «Избранных трудов»³, где должна была появиться эпистолярная Конрада, так и не был издан. В 1975 скончалась вдова ученого, Н.И.Фельдман-Конрад, и оказалось, что «пробивать» том некому. Б.Вахтин, после участия в альманахе «Метрополь», оказался в запрете, да и кандидат наук — звание, в академической иерархии равнозначное армейскому лейтенанту, — не авторитет для руководства академического издательства. Другие ученики тоже дальше кандидатов не пошли. А те, кто поименитесь, сторонились учителя уже при жизни; в последние годы, несмотря на «чины и звания», он казался им каким-то странноватым чудачком, причастность к которому скорее компрометировала, чем приносила дивиденды.

В 1991 исполнилось 100 лет со дня рождения Н.И.Конрада. Такие даты традиционно вызывают поток «юбилейных» статей и заседаний, отдающих некрофилией (а чаще — некролатрией) и мало что проясняющих в существе научного и духовного облика «виновника торжества». Однако в случае с Конрадом ритуал оказался нарушенным: единственная персонально адресованная статья об ученом, принадлежащая В.М.Алпатову⁴, поставила вопрос о необходимости переоценки его вклада в науку, другая работа того же автора⁵, построенная на сравнительном анализе научного и жизненного пути Е.Д.Поливанова, Н.А.Невского и Н.И.Конрада, вполне очевидно заострила на примере последнего проблему «советского научного конформизма». Отвлекаясь в сторону отметим, что, пожалуй, ни одна другая историко-научная проблема (впрочем, а является ли она таковой?) не занимала столько газетно-журнального места в перестроечную эпоху, как эта. Энергия, с которой современная научная пу-

³ Первая книга «Избранных трудов» («История») вышла в 1974, вторая («Синология») — в 1977, третья («Литература и театр») — в 1978.

⁴ Восток. 1991. №2.

⁵ Знание — сила. 1992. №1.

блищитика пытается ее решить, выдает на самом деле болевую точку *нашего* времени. Свыкшиеся с потерей нравственного начала в науке (чего только будет стоить будущим историкам установление истинного авторства многих трудов — никакая «Маска» Бахтина не сравнится!), смиренно вззирающие по телевизору на расстрел парламента, мы тем не менее упорно копаемся в «грехах» предков и отказываемся верить искренности их желания понять (и даже принять) то неопределенно-пугающее, но новое, что пришло в жизнь России в 1917 (вот оно — время для них и для нас!).

Что ж, действительно, самый первый взгляд на биографию Конрада отмечает мерное и деловитое движение научной карьеры — доктор литературоведения, профессор, член-корреспондент (1934), а затем и действительный член АН СССР (1958), основатель и глава советской школы японистики, автор многочисленных книг и статей, не обойденных вниманием советской и зарубежной прессы, наконец, лауреат Государственной премии СССР и претендент на Ленинскую. Все эти атрибуты официального признания создают статичный образ академического ученого, хотя и арестованного в 1938, но сумевшего миновать сталинские времена и — «не погибшего». Возможно, именно эта внешняя «монументальность» и «скудность» анкеты сказались на том, что до сих пор Конрад своего историографа не обрел и его мало-мальски пригодной биографии не существует. А может быть, причина в другом: вектор своего движения в науке Конрад определял так: «Я перешел к новому востоковедению /.../ которое также можно назвать западоведением и даже мироведением (сэкайгаку)⁶. Стремление выпрыгнуть из «лингвистически-бухгалтерской», по выражению ученого, науки неизбежно вело к конфронтации с самой научной средой — глобалистски-«романтическая» наука обычно в почете у читающей публики, но отнюдь не у специалистов-профессионалов. Впрочем, некоторые из них считали, что «он [Конрад] /.../ первый у нас подошел к истории идей с точки зрения того, что же они представляют собой по существу»⁷, а не склонный к панегирическим оценкам Л.Н.Гумилев поставил имя Конрада в ряд с В.И.Вернадским, А.Тойнби, О.Шпенглером, Л.С.Бергом, для которых «монографическое исследование — лишь необходимая опора для "философского обобщения" или изложения научной идеи, возникшей путем синтеза многих научных дисциплин»⁸.

Конрад и Вахтин познакомились, когда первому из них перевалило уже за шестьдесят, а второму не было и тридцати. Борис Вахтин жил в Ленинграде, академик Конрад — в Москве. Географическая разобщенность создавала повод для письменного общения, и очень скоро обычные отношения научного руководителя и аспиранта необратимо переросли в какую-то особую духовную связь, едва ли не более значимую для учителя, чем для ученика. «Часто думаю о Вас, — писал Конрад Вахтину 3 августа 1966. — И всегда при мысли о Вас — ощущаю какую-то душевную

⁶ Конрад Н.И. Запад и Восток. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1972. С.495.

⁷ См.: Рубин В.А. Об истории и культуре Китая: Страницы дневника // Восток. 1991. №1. С.130.

⁸ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990. С.7.

теплоту. Вы, Борис Борисович, не знаете, что Вы значите для меня. Таких, как Вы, у меня больше нет. Никого. /.../ Хорошо, что Вы существуете⁹. В самом деле, столько и — таких писем больше никому Конрад не писал, разве только в молодости Н.А.Невскому¹⁰.

Огромные, многостраничные письма Конрада, напоминающие чем-то дневники, невольно заставляют задаться вопросом о том, что же стало их побудительным импульсом. Кажется, одно из объяснений Конрад дал сам, написав в предисловии к сборнику работ Ф.И.Щербатского о преемственности, которая «порождается не только глубинным течением, но и реальными его носителями»¹¹. Чувство сиротства, утраты коллег и учеников, многие из которых были вычеркнуты из жизни в 1930-е годы, преследовало Конрада на всем протяжении второй половины его жизни. Он, как многие из «не погибших», видел свою прямую нравственную обязанность в воссоздании исчезающей «среды», что означало — найти «реальных носителей» в молодых, успеть поделиться с ними вживую, из рук в руки. Эпистолярная работа с учеником стала формой не просто научного покровительства и сотрудничества, но одновременно способом формирования и поддержки новой интеллектуальной среды. И когда общественный климат заметно похолодал, московско-питерская жизнь, с ее домашними семинарами 1970-х, стала очень напоминать атмосферу наполненного кружками и «академиями» интеллигентского Петрограда-Ленинграда 1920-х.

Письма публикуются по машинописи, хранящейся в личном фонде Н.И.Конрада (АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.277). При сверке ее с оригиналом выявлены некоторые разночтения, наиболее существенные из которых отмечены в примечаниях публикатора; здесь же приводятся дополнительные фрагменты этой переписки. В письмах сохранены авторская транскрипция и написание китайских и японских слов.

Пользуясь случаем, приношу самые теплые слова благодарности за помощь и поддержку в работе Ирине Владимировне Вахтиной и Г.А.Ткаченко.

⁹ Здесь и далее все цитаты из писем Конрада Вахтину приводятся по хранящемуся в семье личному архиву Б.Б.Вахтина.

¹⁰ О Н.А.Невском см. прим. 18 к настоящей публикации.

¹¹ Индийская культура и буддизм: Сб. статей памяти Ф.И.Щербатского / Под ред. Н.И.Конрада. М., 1972.

Б.Б.Вахтин

К портрету Николая Иосифовича Конрада

С Николаем Иосифовичем я познакомился в 1955. У меня сохранилось около двухсот его писем. Я решил подобрать отрывки из этих писем в надежде, что в них сохраняется его интонация, что видны будут его особенности как человека и как ученого, что возникнет хоть некоторое дополнение к его портрету.

Письма относятся к 1956-1970, к важному периоду в жизни нашей страны. Сейчас многие изменились и многое стало иным. Кое-что из того, о чем пишет Николай Иосифович, может ныне показаться известным едва ли не всем, но дело обстояло иначе пятнадцать лет назад. Не будем забывать о движении истории — тем более, что Николай Иосифович учил подходить исторически и к малым явлениям, и к великим.

Такие люди, как Николай Иосифович, важны для нас — как образец важны, и не частностями только, а самой сутью, той — в глазах многих — старомодной сутью, в основе которой любовь к человеку и вера в него. Можно перечислить отдельные черты этого выдающегося ученого: обаяние, терпимость, добросердечие, поддержка всего нового, неравнодушное отношение к жизни. И не преуспеть в воссоздании его облика. Он был из тех людей, самый тип которых почти совершенно исчез, а возродится ли когда — неведомо.

29 июня 1956

Дорогой Борис Борисович!

На этот раз не плохое состояние здоровья, а прямо противоположное — хорошее самочувствие — помешало мне приехать в Ленинград. Когда я бываю в какой-то степени здоров, все дела и обязанности, поневоле откладываемые и невыполняемые во время болезни, сплошным фронтом наступают на меня, и не дают мне ни отдыха, ни сроку.

Мне хотелось быть на юбилее Пушкинского Дома, а кроме того я хотел и повидать друзей-ленинградцев. Думал и обстоятельно поговорить с Вами о Вашей работе¹. А это — нужно, особенно после того, как я получил Ваш материал. Приходится этот разговор повести письменно.

Борис Борисович! Ваша работа должна протекать так:

Исходное положение: Вы *ничего не знаете** о Юэфу и *сейчас* не имеете ни возможности, ни права высказать какие-либо соображения или даже делать выводы и оценки. Конечно, на деле это не так: Вы кое-что знаете о Юэфу и, может быть, даже кое-что сказать об этих вещах можете. То, о чем я говорю, имеет значение не реальное, а *методологическое*. Вы должны *сознательно* вести работу так, чтобы исходным пунктом ее было допущение полного незнания этого явления. /.../

10 июля 1956

/.../ В конце сентября, надеюсь не только увидеть часть Вашей работы, но и поговорить с Вами. Думаю, что Вы уже ощутили всю глубину и значительность избранной Вами темы. По мере движения вперед Вы будете открывать все время новое и новое. И в этом — истинное наслаждение. Да не только наслаждение! Вы сами станете кое в чем другим. Рад, если смогу сопутствовать Вам на этом пути с пользой для Вас. /.../

15 ноября 1956

Дорогой Борис Борисович!

Как видите, только 15-го я начинаю писать Вам, а хотел уже отослать Вам написанное 12-го. К сожалению, вся моя деятельность регулируется не мною, вернее — не моими собственными желаниями, а 1) моей страшной загруженностью, 2) постоянными — и всегда срочными! — поручениями по линии Академии наук, 3) состоянием здоровья. В последнее время усиленно действуют все три фактора — в удивительно дружной совместности. Думаю, что Вы, Борис Борисович, уже жалеете, что «связались» со мной в своей работе.

Но, ладно, оставим эту тяжелую тему и перейдем к тому, что важно, увлекательно и радостно: к Вашей работе.

Вы сделали то, что нужно. С этого надо было начинать. Хотя это и не значит, что Вы *уже* написали какую-то часть диссертации. Что и как попадет в текст диссертации — выяснится в конце работы. Сейчас и впредь будет идти *подготовка материалов* к ней. Эту солидную подготовку Вы начали, и начали, с моей точки зрения, так, как это нужно.

* Выделено здесь и далее Н.И.Конрадом.

Теперь нужен следующий шаг. Нужно из анализа *самого материала* «вынуть» из него проблемы. Позвольте поделиться с Вами соображениями именно в связи с этим.

Не думаю, что следовало бы подвергнуть какому-то специальному исследованию расхождения в показаниях Бань Гу² относительно даты основания Юэфу... Во-первых, так ли важно для дела — основано ли Юэфу на *несколько десятков* лет раньше или позже? Важно *время*, а не год: время же совершенно ясно, и этой ясности вполне достаточно для определения *действительно важного*: в какой *исторический момент*, в какой обстановке (исторической, конкретной) это происходило. И время Хуй-ди (194-187), и время У-ди (140-86) в равной мере — эпоха укрепления китайской империи, начало которой было положено еще Циньским Ши-хуанди³; эпоха достройки этой империи, ее укрепления, сложения ее важнейших институтов, формирования органов управления ею и основ политики этого управления. Вот, в сущности, что единственно важно для понимания самого факта: учреждения Юэфу. А понять этот факт — в свете целой системы мероприятий первых ханьских императоров и *особенно* — *мероприятий у-ди*, этого *подлинного организатора* великой империи — абсолютно необходимо.

И приведенный Вами материал — сам «голос источников» — ведет Вас в нужном направлении. Как всегда хорошо прислушаться именно к такому голосу...

18 января 1957

/.../ Уровень [специалистов, занимающихся китайской древностью. — *Б.В.*] определяется 1) традицией, существующей в европейской синологии; 2) книгами современных китайских историков — историков, работающих по политической истории и по истории идеологии. О традиции не будем говорить: она требует радикального пересмотра. О книгах современных китайских историков говорить нужно, но, Боже мой! — как критически! Возьмите «Народный Китай»⁴... Там пишут китайские специалисты для нас. И я встречаю: Ши-цзин⁵ — собрание песен, *отобранных Конфуцием*... Шу-цзин⁶ — *написан Конфуцием*! И это говорят, когда еще несколько веков назад сами же *китайские* исследователи доказали, что Ши-цзин не мог быть собранием песен, отобранных Конфуцием, что разговор о составлении Конфуцием Шу-цзина — позднейшая концепция (очень поздняя!) конфуцианцев, созданная для определенных целей. Мне часто кажется, что современные китайские исследователи просто забывают даже о собственной науке

и находятся в этих вопросах в плену тех воззрений, которые были у конфуцианцев самой реакционной поры — *Цинском Китае*⁷. И европейцы в основном усвоили представления о конфуцианстве и о китайской древности от *цинских* ученых и начетчиков. Поэтому сейчас, как мне кажется, царствуют и в европейском китаеведении, и даже в Китае, трафареты, созданные *цинскими писателями*, т.е. представителями реакционного конфуцианства... Такая обстановка меня глубоко волнует, и она очень затрудняет нашу работу: мы наталкиваемся на непонимание и тут, и там. Но делать свое дело все же нужно.

25 января 1957

/.../ Мне кажется, что слова языка, хотя бы они и были обозначены иероглифами, имеют достаточно определенный смысл, тем более, когда они вступают в определенные грамматические соотношения друг с другом. Поэтому смысл каждого четверостишия все же — один, и его-то и следует передать. Трудность заключается в другом: в необходимости понять и смысл самих слов, и соотношение их значений, а также способ выражения самой мысли или образности сквозь призму сознания человека, оперирующего несколько другим строем мышления, другим способом познания мира и другими формами выражения этого познания в образах. Все это дается, однако, не словарем и не комментарием, а только глубоким проникновением в весь комплекс идей и образов... Кроме того, помните, что поэтический перевод есть поэтический перевод, и он может быть верен даже тогда, когда в переводе стоят совершенно другие слова, чем в оригинале. Сравните только хотя бы разные переводы «Фауста».

10 июля 1958. Рижское взморье

/.../ Вы знаете, как много мыслители сунского времени⁸ размышляли об И-цзине; особенно — о природе того, что составляет основное содержание И-цзина⁹ — о природе «и» [«изменений» — *Б.В.*]. И они решили, что лучше всего эту природу определяет формула: и чжэ бу и е. Только понимать ее следует не как «изменения — неизменны», т.е. постоянны, вечны, а как «изменения есть не-изменения». Вот и все! Действительность меняется. Это — верно. И меняется непрерывно, как «глаза кошки». Но как бы ни менялись ежеминутно глаза кошки, все же это — те же «глаза кошки» /.../ Я наблюдал [это] и во времена молодости, и в годы зрелости; наблюдаю нередко и сейчас — в дни старости. «Глаза

кошки» каждый раз были другими, но все же это всегда были те же «глаза кошки»: и чжэ цзи бу и е [«Изменения и есть не-изменения». — *Б.В.*]. /.../

4 сентября 1958. Рижское взморье

Ваше письмо, дорогой Борис Борисович, заставило меня вернуться мыслями к очень далеким временам — временам моего первого «Ausflug'a ins Grüne»*, если пользоваться выражением, популярным тогда, только не в житейском, а в иносказательном смысле. «Ausflug» этот совершен был из /.../ Публичной библиотеки — «имени Салтыкова-Щедрина», по-нынешнему /.../ Тогда и я, как и все мы, как И.Ю.Крачковский¹⁰, просиживали дни и штаны в библиотеках, в первую очередь — на углу Невского и Садовой. Только у меня получился результат иной, чем у И.Ю.Крачковского: того «Библиотека», как он сам признается, целиком волегла в орбиту своей жизни, а мне показалось...

Что? А вот то, о чем говорится в стихах Инн. Анненского:

Тупые звуки вспышек газа / Над мертвой яркостью голов
И скуки черная зараза / От покидаемых столов/.../
И там, среди зеленолицых / Тоску привычки затая,
Решать на выцветших страницах / Постылый ребус бытия!¹¹

Надо знать, что тогда в Публичной библиотеке было освещение газовое...

Ну вот, мне и захотелось решать «постылый ребус бытия» (не правда ли, хорошо сказано?) не на «выцветших страницах». И я уехал¹² — ins Grüne. Не с «экскурсией»... Почему и зачем — об этом Вы можете прочитать у Вл.Соловьева — в «Трех свиданиях»¹³. Конечно, «маршрут» Вл.Соловьева и мой не совпадали — и буквально, и даже в некотором отношении и «метафизически», хотя — в своей основе — «дух» путешествия был тем же.

Приводить строки из «Трех свиданий» не могу. И не помню все, и не требуется. Если не читали или забыли — все-таки прочтите! В «Собрании стихотворений», конечно.

Ну, а что дальше? А вот что:

/.../ И над [обрывами] бесцельного блужданья / повис густой туман... Из этого «тумана» вывела одна формула. Тут я снова заговорю о сунцах.

Уже не помню кто — какой-либо из братьев Чэн-цзы или «сам» Чжу-цзы¹⁴ — сказал, точнее не сказал, а вычеканил фор-

* Букв.: Экскурсии за город (нем.).

мулу: ли и фэнь шу [«Постигать единое, различать особенности». — Б.В.]

В эту формулу, как она дана в жизни, я вглядывался и вживался много лет: причем в ее *обе* части, совершенно равноценные для сунцев: они не могли помыслить о «ли» [«постигать». — Б.В.], чтобы *тут же* не думать о «фэнь» [«различать». — Б.В.]; не могли допустить никакого «и» [«единого» — Б.В.] без того, чтобы видеть в этом «и» того, что они называли «шу» [«особенности». — Б.В.]. Умные люди были эти мыслители китайского гуманизма. /.../ После них только Шопенгауер («Мир как воля и представление») доставил мне в свое время многое для решения «постылого ребуса бытия». Конечно, — в то далекое время.

Все же я тогда путешествовал точно как Вл.Соловьев: «Прошли года... / доцентом и магистром»... А эти «звания» все же не были тогда для нас «званиями»; они были и неким определением пути решения пресловутого «ребуса». А на этом пути — простите, Борис Борисович, за эту «литературшину» моего письма: — мне встретился известный стих Микель-Анжело. Я итальянского языка не знаю, но эти строки запомнил (на них внимание обратил в свое время Вяч.Иванов):

Non ha l'ottimo artista alcun concetto
Ch'un marmo solo in se non circoscriva
Col suo soverchio, e solo a quello arriva
La man che obbedisce all'intellecto

Смысл приблизительно такой: «Самый замечательный художник никогда не имеет в себе чего-нибудь такого, *что не могло бы вместиться в пределы поверхности любой единственной глыбы мрамора*... Лишь только до граней этого мрамора коснется рука, водимая гением...»¹⁵

Не подумайте, пожалуйста, что эти замечательные слова были восприняты неподобающе... Они были восприняты, как замечательное выражение самого духа *такого* художника, как Микель-Анжело. Но вместе с тем и как указание... для «доцентов и магистров»... В приличествующем им масштабе, конечно. Только в данном случае «доцент и магистр» знал и другое, вычитанное из другого мира: знаменитые слова о «це-цо чжо-мо», точнее, что «гун» [«успех». — Б.В.] всякого рода — получается только путем «це-цо чжо-мо» [«совершенствования», буквально «резать и шлифовать, гранить и полировать». — Б.В.], причем не только в смысле духовном, интеллектуальном, как это дано в оригинале, но и в смысле самой обычной настойчивой работы. И тог-

да, — подражая Микель-Анжело, — «любой единственный лист бумаги» вместит все, что может найтись в себе...

Получается, кажется, что-то вроде «теории самовыражения» в приложении к научному творчеству. /.../

6 ноября 1958

/.../ У нас тут прошло очередное востоковедное «мероприятие»¹⁶, о чем Вы, полагаю, слышали. Я присутствовал на нем, но вынес главным образом очень большую усталость. Всякого при этом рода. Были и очень трудные обсуждения статьи, намеченной к помещению в печать в связи с 25-ой годовщиной со дня смерти Н.Я.Марра¹⁷. Мне пришлось присутствовать и активно участвовать и тут, а это стоило довольно изрядного напряжения нервов, так как я высказался начистоту. Ведь вся история Н.Я.Марра — и его самого, и его учения — трагична с начала до конца и целиком обусловлена общей обстановкой. Это я и сказал. Сказать-то другому уже некому.

Простите, что об этом пишу, но делается это невольно, так как все еще нахожусь во власти пережитых эмоций, и они невольно прорываются.

Глубоко огорчила меня и — откровенно говоря — возмутила проволочка с подготовкой к изданию тангутских материалов Н.А.Невского¹⁸. Приходится примириться с фактом. Другого — не остается. Весьма серьезной становится и «проблема И-цзина», т.е. работы Ю.К.Щуцкого¹⁹. С «Хрестоматией» (китайской литературы)²⁰, для которой я написал краткий очерк истории этой литературы (в моей концепции), дело застопорилось, так как типографии перегружены и ищут такую, которая могла бы взять заказ. А весь набор уже давно готов — вплоть до сверки.

Сегодня еду на «Николину гору», чтобы обработать главу «Литература и искусство» VI тома «Всемирной истории»²¹. Это — XIX в. (от Франц[узской] революции до Парижской коммуны). Мне это дали потому, что составлена эта мозаика (ведь там и Запад, и Восток) уж очень примитивно. Представьте себе, вся ценность Гете только в том, что у него «были элементы реализма»... Впрочем, хорошо еще что просто «реализма», а не «социалистического». Могло быть и так... В работе над этой частью пройдут те немногие дни, которые я собираюсь провести «далеко от Москвы»...

Будьте здоровы и верьте²² в «общее и свое светлое будущее».

12 марта 1959

Дорогой Борис Борисович!

Был когда-то рыцарь Ланцелот — «рыцарь Озера» (Lancelot del Lac), чуть ли не самый знаменитый рыцарь «Круглого стола» (а у короля Артура был, действительно, «круглый стол», а не тот «round table» современных дипломатических конференций, который служит ареной яростной перебранки — происходящей «в теплой дружественной атмосфере»...).

В XV веке Малори²³ дал свою версию фантастических приключений этого знаменитого рыцаря, история которого с королевой Джиневрой сыграла такую роковую роль в жизни Франчески и Паоло (см. пьесу Г.Д'Аннунцио)²⁴. Произведение Малори носит наименование «Mort d'Arthore». В XX в. японский писатель Нацуме Сосэки²⁵ прочитал этого самого Малори (он, Нацумэ, — знаток английской литературы), восхитился этим произведением и... переложил (весьма вольно и очень по-современному!) историю «Рыцаря Озера» в виде небольшой поэтической повести. Он не знал, как ее, эту повесть, назвать. Думал, думал, пока не сказал «Эврика», найдя сразу же подходящее наименование: «Роса на луке Бэкера» (Alium bakeri)... Так что ли?

Прочитав эту повесть, я обратился к источнику:

Роса «на луке Бэкера» ... (Брр...)

Как легко ты высыхаешь:

Роса ... она высыхает, но завтра поутру опять выпадает.

А вот человек умрет — уйдет раз и когда он вернется?

Действительно, это и есть суть повести о Ланцелоте японского автора.

И — свидетельство того, что он (в XX веке и не будучи специалистом по китайской поэзии) знал юэфу.

И свидетельство того, что «Роса на луке Бэкера» стало образом, а стало оно образом, я думаю, именно благодаря «юэфу». Это не означает, конечно, что этого слова не было и раньше, не было и вне юэфу. Оно, возможно, было в народной лирике, но «вознесло» это слово «к цветам», т.е. сделало образом большой поэзии, именно юэфу.

И сколько еще такого, чего мы не знаем.

21 июня 1960

/.../ Очень, очень рад тому, что Вы сейчас вошли в мир «Новых напевов Нефритовой башни» и наслаждаетесь ими²⁶. Помните

всегда, что это жемчужина поэзии. И не только одного Китая. Крайне важно и Ваше наблюдение — о наличии *замысла*, замысла проникновенно задуманного и блистательно осуществленного. Действительно, этот замысел есть. Как есть он и в близкой по времени антологии «Вэнь Сюань»²⁷. История японской средневековой поэзии раннего периода (IX-XIII вв.) есть история именно «антологий», составленных либо в порядке «повеления императора», либо по собственной инициативе. Впрочем, и первые тоже были составленными по собственному разумению составителя, только получившего «санкцию». А составители были всегда поэты, большей частью — очень крупные, часто — представители определенной эстетической концепции. Поэтому «антологии» эти всегда были глубоко продуманными — в духе концепций и вкусов их составителей — собраниями поэтического материала. То же было и в Китае. Хорошо известен замысел «Вэнь сюань»: ведь он раскрыт даже во «Введении». Я очень хорошо почувствовал замысел антологии «Тан-Сун ба да цзя»²⁸, когда работал над ней (только, конечно, нигде об этом не напечатал), очень ясен замысел антологии «Гувэнь чжэнь бао»²⁹ и т.д. Превосходно, что Вы подметили наличие определенного замысла в «Юйтай синъюн»³⁰. Раскройте его! Притом помните, что в замысле обычно действуют две силы: «структурная» — самый замысел и «функциональная» — цель работы. Структурная сторона обычно отражает эстетические, историко-литературные концепции составителя, функциональная — *для чего* работа делается. А «для чего» часто значит *против чего* или *в защиту* чего... В Вашей будущей работе этот замысел должен быть раскрыт всесторонне — и в свете *истории* китайской поэзии, и в свете *истории* китайской поэтики, и в свете *текущей* литературной действительности того времени, и... в свете мировой поэзии этого этапа поэтического творчества. /.../

14 февраля 1961

/.../ Вернувшись 13-го в Москву, нашел на столе Ваше письмо, которому, как всегда, был очень рад. Хотелось бы мне написать Вам о переводах, вернее — о переводе, да сейчас мне сделать это несколько трудно. Сразу поглотили дела, так как недельное отсутствие обязательно увеличивает «нагрузку» недель присутствия. Избежать этого вполне — нельзя. А кроме того в последнюю неделю — там, на Николиной горе, — я был занят писанием двух статей: о новом полном собрании сочинений Чехова в японских переводах, изданном в Японии в прошлом году в ознаменование

юбилея, и о «Тангутской филологии» Н.А.Невского³¹, как Вы знаете, только что вышедшей в свет. И та, и другая тема вызвали, конечно, ряд общих мыслей. Первая — о том, что «случай» с Чеховым (в Японии это — 4-ое полное собрание сочинений) исключительно наглядно показывает, что история литературы не бывает историей литературы в одной стране, и писать о Чехове *только* в рамках истории русской литературы значит не понять Чехова во всем объеме человеческого значения его творчества; мысль о том, что, может быть, правильнее говорить о писателях не тогда, когда они вели анкетное существование («анкетное» может быть только «существование», а не жизнь в великом значении этого слова), когда они «жили-были», а когда они владеют умами, мысль о том, что история литературы как *явление общественное* (именно общественное) не есть история физического «существования» литературных произведений, а история их «деятельности», если можно так сказать. Поэтому, например, абсолютно нельзя говорить о Достоевском в рамках одной русской литературы, о нем нужно говорить в рамках и мировой литературы. Нельзя говорить о нем и только в рамках того времени, когда он жил, о нем нужно говорить и сейчас. Я мог бы показать, что 20-30 гг. во всем мире была «Эпоха Достоевского».

Работа с «Тангутской филологией» вызвала ряд мыслей о том, что такое филология, как источник вдохновения, а не основа служебной деятельности, что она дает огромный материал для больших вещей, а не для мелочных лингвистически-бухгалтерских выкладок. Размер статьи (для «Известий» ОЛЯ) не позволил мне развить мысли, пробужденные работой над японским Чеховым (это — рецензия в 6-7 страниц), но меня попросили написать уже большую статью для «Вопросов литературы». Если я ее напишу, там выскажусь сполна. Но в статье о «Тангутской филологии» (для «Вопросов языкознания») я все же кое-что сказал.

Эта неделя на Николиной горе была целиком отдана этим двум работам. А со вчерашнего дня я уже во власти... начавшейся истории моей «Истории»³². /.../

Статья была написана уже более месяца тому назад. Она вышла большая — отнюдь не размер статьи для энциклопедии: 60 страниц. Какая это статья? Для того, чтобы это узнать, нужно ее прочесть, и я позволю себе, Борис Борисович, на днях послать Вам ее. Сейчас же скажу только, что она заканчивается той цитатой из Достоевского, знанием которой я обязан Вам... И она, статья, уже имеет свою «историю», которую она и не могла, и не может не иметь. Но рассказывать Вам сейчас об этой только что начавшейся «истории» не стоит. Об этом потом. Во-первых

— потому, что для того, чтобы все понять, нужно знать статью. Во-вторых, потому, что процесс только начался, и в него уже начали вступать те факторы, участие которых предполагать ранее было трудно... Но некоторые вещи — из уже происшедшего — были для меня полной неожиданностью /.../

8 июня 1961

Дорогой Борис Борисович!

Вернувшись в Москву, увидел у себя на столе вышедший наконец №2 «Вестник истории мировой культуры». Сегодня не без труда достал еще два экземпляра этого номера (я даже не уверен, поступит ли этот журнал в общую продажу... Говорят, что бывает только в Академич. издательстве). Один из этих номеров посылаю Вам... Прочтите статью еще раз: в ней есть добавления, не бывшие еще в той первоначальной редакции, которая Вам известна. Только помните, что эти добавления я внес по доброй воле, считая, что они даже усиливают статью. Ничего *навязанного* нет. По просьбе редакции внесено только буквально *несколько слов* в одну фразу на стр. 30 /.../. Я согласился, т.к. и эти слова не противоречат общему направлению статьи и, если я их сам не ввел, то только потому, что не хотел вводить «приметы времени» чисто «фразеологически-лексически».

Что будет дальше — не знаю. Реакция, конечно, будет, но когда и какая — никто пока не знает. /.../³³

15 июня 1961

Дорогой Борис Борисович!

Вчера вечером пришла Ваша статья. /.../ Я только изменил бы то место на стр.15, где Вы пишете о причинах слабого влияния литературы на действительную жизнь. Ссылаться на «неграмотность», «некультурность» большинства людей — нельзя. Причину надо видеть в *самой* литературе: в *ее* качестве. Сознание своей миссии приходит людям не сразу, и оно так же исторично, как и все прочее. Сознание, что такое литература, стало формироваться у писателей, у творцов литературы постепенно, да и с достаточными изгибами. И история сама не давала этому сознанию достичь нужного качества и полноты. Это относится одинаково — к творцу литературы и к людям, для которых литература создается и *которые через нее* постигают себя и жизнь. Вот это общее состояние общественного сознания по адресу литературы и определяет в каждую эпоху степень ее качества, а, следовательно, и роли. /.../

14 июля 1961. Лиелупе

/.../ В Москве мы пробыли с 1-го по 13-ое июля. Дни были очень напряженные и наполненные различными впечатлениями. На первом месте стояли, конечно, спектакли труппы Кабуки³⁴. Я люблю это театральное искусство, немного знаю его существо и его эстетику, знаком даже с некоторыми приемами исполнения. Поэтому мне было все понятнее и ближе, чем, вероятно, всем нашим зрителям. Очень взволновало отношение ко мне артистов: они встретили меня прямо как родного. Это объясняется тем, что в Японии уже давно переведены мои старые работы о японском театре³⁵, и вообще меня хорошо знают. К тому же получилось так, что главный исполнитель мужских героических ролей — Итикава Энносэ — был сподвижником Итикава Садандзи, бывшего у нас в 1928 г., и много слышал от последнего обо мне³⁶. А Накамура Утаэмон, главный исполнитель женских ролей, помнит меня с того времени, когда он еще играл совсем юным под именем Фукусэ, участвуя в спектаклях своего отца Утаэмона V-го³⁷. Теперь он сам — Утаэмон VI-ой, унаследовав (получив!) знаменитое имя отца. Он один из лучших танцовщиков (танцовщиц) Кабуки (пьеса «Мусмэ-Додзёдзи») и превосходный исполнитель женских драматических ролей (пьеса «Наруками» и «Кагоцурубэ»). Ввиду всех этих обстоятельств я и провел с ними (и, конечно, с другими, вплоть до певцов и музыкантов) много времени. Здесь интерес все время нарастает; билеты до конца все давно проданы, а требования появляются все новые и новые. О реакции зрительного зала можно было бы рассказать много любопытно-го. Все смотрят с одинаковым интересом и очень внимательно, но смотрят *на разное*. Например, одни аплодируют декорациям в «Кагоцурубэ» (Иосивара) и в «Наруками» (берег моря), другие морщатся. Одним нравится игра Энносэ в «Сюнкан», другие говорят, что для этого не стоило бы итти смотреть Кабуки. Менее всего нравится «Мусмэ-Додзёдзи», а это, между прочим, одна из самых классических по структуре, существу и исполнению музыкально-танцевальных пьес Кабуки. Почти безоговорочно в восторге артисты, режиссеры, художники. О том, что *мне* нравится, что не нравится, писать не буду. Может быть, я пришлю Вам перевод своего выступления на приеме труппы в обществе «СССР—Япония». Я говорил по-японски и потом сам передал содержание по-русски. Если запишу по-русски, пришлю Вам. Отчасти для того, чтобы Вам было более ясно то, что Вы обречены, дорогой Борис Борисович, получать до конца моей жизни мои писания или выступления. Уж ничего не поделаешь! /.../

16 июля 1961

Дорогой Борис Борисович!

Перевод моего выступления ничего не дает: оно приспособлено к восприятию японцев, моих слушателей. Поэтому я заменяю перевод изложением — несколько более пространным (местами) или более коротким (кое-где).

1. Вы увидите пьесу «Рэндзиси» — «Чета львов». Это — «нагаути-сёсагато», т.е. «балетная пантомима под балладу» (нагаута). Хор (в сопровождении аккомпанемента) поет о том, как старый лев предложил своему сыну прыгнуть в пропасть и суметь при этом прыгнуть так, чтобы сразу же стать на четыре лапы: доказать этим, что он достоин стать львом. Певец рассказывает, как сын заколебался, как огорчился этим отец, как он рассердился, как он страдал от того, что сын его не находит в себе силы стать львом. Сын, отошедший в сторону (на «ханамити»³⁸) — *к пропасти*, долго в нерешительности неподвижно сидит у ее края (это дает возможность льву-отцу разыграть всю сложную пантомиму огорчения, гнева, грусти), но потом решается и прыгает. Все сходит благополучно и счастливый сын вбегает с ханамити на сцену к счастливому отцу. Оба — вне себя от радости и, как дети, прыгают. А когда прилетают бабочки, как котятя, бегают за ними и ловят. Про все это зрители слушают у сказителя. Потом оба скрываются и начинается интермедия: танец бабочек. Это нужно для того, чтобы актеры успели переодеться. Когда танец бабочек кончается, через ханамити выбегают на сцену уже два могучих льва — *в собственном* облике: старый — с седой гривой, молодой с ярко-красной. А на сцену выносят два куста с пионами — красными и белыми. Пион — царь растений (см. у Тао Цяня — его любовь к пиону; ср. Чжоу Дун-и и его «Любовь к лотосу»³⁹); лев — царь зверей. Вторая часть пьесы — апофеоз *мощи* мира растений (пионы) и мира животных (лев). Символ *мощи* — грива. Поэтому все заканчивается «танцем гривы», весьма нелегким для исполнителя. Особенность этой пьесы в том, что в ней дана форма пьес *Но*⁴⁰, где герой в первой половине выступает в измененном (не в своем подлинном) виде, во второй — в настоящем. Например, в пьесе «Бо Лэтянь» (у меня перевод напечатан⁴¹) герой сначала появляется в облике простого рыбака, потом в *своем* облике: бога Сумиёси. Эта форма воспроизводит древнее-древнее представление о смене обликов живущих, о том, что под видимым обликом скрывается другой, *что подлинный облик обнаруживается только в результате конфликта*, заставляющего все раскрыться полностью. Умное и тонкое наблюдение. Имейте в виду, что игра

в первой части — не танец, а «фури» — «движение-жест» (= игра), а во второй части — пляска — маи.

2. Есть и пьеса «Кагоцурубэ (сато-но эйдзанэ)» — название сложное: «Бадья-корзинка [или] Пробуждение от опьянения в "Селении цветов"» (т.е. в Йосивара). Это — образец *бытовой драмы* («мещанская драма» европ. театра той же (— такой же) исторической эпохи). Чисто бытовая обстановка (*шествие* главных «звезд» веселого квартала; своего рода выставка живого товара, превращенная в *праздник* этого квартала и *делающая его обитательниц хоть на миг «королевами» этого мирка*). Игра двух провинциалов — купца и его слуги, впервые попадающих в этот блистательный мир). Обстановка — *бытовая*, игра — *бытовая* («реалистическая»), сюжет — самый *бытовой* (купчик влюбляется в куртизанку, но все оканчивается трагедией: их смертью). Но даже в этой сцене пролога, которая только и показана у нас, дано нечто — чисто-театральное: шествие двух «звезд», особенно — второй, главной: Яцухаси (она появляется из глубины сцены, т.к. ей нужно *все сыграть, повернувшись к зрителю*; поэтому она не входит на сцену, как первая, а *сходит* с нее на ханамити, останавливаясь при самом входе на эту «цветочную тропу»). Вот тут-то и центр всей игры: она, проходя мимо Дунродзаэмона, конечно, замечает, что он поражен ее красотой и великолепием, но она тогда, естественно, и виду не подала, но сейчас — перед тем, как уйти от него, она приостанавливается... Начинается главная сцена всего пролога: музыка смолкает, певец замолкает, даже подчеркивающие действие стуки колотушек и удары в барабан прекращаются. Мгновенье — тишины и неподвижности: в это *мгновенье завязывается узел их трагического исхода*. И оба должны его сыграть: средствами отнюдь не бытовой игры. Обратите внимание в этот миг на игру особенно *Утаэмона* (Яцухаси). Миг прошел, и она возвращается в мир Йосивара. Начинается проход по ханамити через весь зал, подчеркнутый *специальной походкой* («восьмерками»). И — заключительные слова Дунродзаэмона — отнюдь не «бытовым» тоном: «Домой... домой я не пойду... нет!»

Когда я в своем выступлении отметил искусную игру Утаэмона в этот момент, он мне сказал: «Я Вас отблагодарю за это». И на следующем представлении, узнав, что я — в театре, прислал мне сказать, что он — «в мою честь» сделает «внутренние восьмерки», т.е. уйдет со сцены особо сложной походкой, которая должна подчеркнуть, с одной стороны, что она (т.е. Яцухаси) пришла в себя, *вернулась* в свой мир (отсюда — особо сложная, *чисто-йосиваровская* походка); с другой стороны, что она — после

пережитого в этот момент — в душевном волнении как бы танцует, а не идет. Сделано это было так, что я не мог удержаться и сразу же направился за кулисы к Утаэмону: я ведь знаю его с его молодости, с тех лет, когда он был еще «Фукусукэ», а «Утаэмоном» (V-м) был его отец (он сейчас VI-ой).

3. «*Мусмэ-Додзёдзи*» (Девушка в монастыре Додзёдзи) — классическая из классических танцевальных пьес Кабуки и вместе с тем пьеса, в которой Утаэмон, исполняющий роль «танцовщицы» (Сирабёси), прославился на всю Японию. Это — опять пьеса под «нагаута» (балладу). Если бы наши зрители могли понимать слова, которые поются, они услышали бы удивительно поэтическую повесть; увидели бы, как танец *воплощает* (именно воплощает, а не рассказывает) балладу. В этой пьесе — ни малейшей уступки натуралистическому изображению, почему она в Москве и хуже всего воспринималась зрителями, приученными театром века буржуазии к тому, что театр имитирует то, что происходит в жизни. Тут же все — в символах: и танец с «эбоси» (шапочка из золотой парчи), и «танец с полотенцем», и все прочее. Рассказывать это все надо с приведением слов, а это было бы слишком сложно. Кроме того, в пьесе сперва дано то же, что в пьесах Но: *двойственность видимого* — недействительность первого облика и действительность второго («девушка-танцовщица» оказывается *после происшествия* с колоколом — чудовищем). Вероятно, Вы увидите эту пьесу в *сокращенном* виде: без вступительной сцены (появления девушки) и заключительной (появления ее как чудовища); будет только средняя часть — ее танец; вернее — цикл из пяти разных танцев. Сократили потому, что уж очень затягивался спектакль — непривычно для нашего зрителя долго.

4. «Наруками» — пьеса из разряда одноактных трагических пьес: на тему о власти женщины и о падении монаха (о «нарушении им заповедей»). Тут — два цикла: обольщение и гнев. Обольщение ведет Утаэмон: сначала *прорывающийся* на сцену (с ханамити), куда его послушники не пускают, затем — обольщающий послушников (преодоление преграды №2); потом добивающийся того, что Наруками спускается вниз (преодоление преграды №3); наконец, овладевающий им (взятие последнего «укрепления»). Выразительная сцена с «освобождением» духа дождя. Уход по ханамити. Все это — под сказ и музыку. После такой «реалистической» сцены до этого.

Далее идет кульминация: *сцена ярости* монаха, понявшего, что он был обольщен. Все в нем говорит о ярости (грим, волосы, движения, /.../ костюм); все становится бесконечно далеким от реализма первой сцены. Особенно волосы: это реализация поговор-

ки (китайской): поднявшиеся в гневе волосы пронзают само небо. Для нашего зрителя это — смешно; для японского и китайского — страшно. По игре Энноскэ в этой сцене можно составить себе представление о манере передавать трагическое в театре Кабуки.

По замыслу первого постановщика (исполнителя) этой пьесы — Дандзюро I⁴² — (японского Кина⁴³) Наруками должен кончать эту сцену неистовым пробегом по ханамити вслед за девушкой. Энноскэ на первых спектаклях этого не делал и кончал «позой» (ср. мою вступительную статью к программе⁴⁴). В разговоре с ним я как-то заговорил о традициях Дандзюро (Дандзюро — основатель «театрального дома» Итикава, к которому принадлежит и Энноскэ). Он промолчал, но его жена потом мне сказала, что этот неистовый пробег ее мужу уже не по силам (ему ведь 72 года!). И все же на последнем спектакле, на котором я был перед отъездом в Ригу, он, узнав, что я в театре, послал мне сказать, что он специально для меня сегодня сделает *роппо*, т.е. этот пробег. И сделал. Не знаю, станет ли он это делать в Ленинграде. Кажется, у вас будет к тому же неудобная ханамити.

В этой пьесе обратите внимание на перемены костюма у Наруками в сцене неистовства. Это — другая система обыгрывания костюма, чем в пьесе «Мусмэ-Додзэджи», где Утаэмон также пять раз меняет костюм: там смена костюма и обыгрывание его происходит в орбите *танца*, здесь — в орбите игры, «*сценического движения*» (*сигуса*), а это — очень разные вещи. Кроме того, костюм в Кабуки — не аксессуар, а нечто действующее.

5. Пьеса «Сюган» — часть многоактной трагедии, настоящей исторической трагедии, не менее «исторической» и не менее «трагической», чем любая хроника Шекспира. Часть — законченная. Она лучше всего «доходила» до зрителя в Москве, так как в ней — многое от привычного для нас (на то, что даже самые «реалистические» моменты проходят под музыку, ритмические удары и частично — под сказ, внимания не обращают). Но в ней соединение «того, что есть, с тем, чего нет», которое Тикамацу Мондзаэмон⁴⁵ считал сущностью театрального, да и всякого, искусства. Если Вы будете смотреть на исполнение именно с этой стороны, Вы увидите, *что* это такое. Кульминация этого принципа — сцена схватки. С одной стороны, — вполне реалистическое изображение схватки, где оба противника еле держатся на ногах (один от старости и лишений, другой — от раны) и не знают — то ли им рубить друг друга мечами, то ли опираться на мечи, чтобы удержаться на ногах. С другой стороны, все происходит в *точном ритме*, сигнализируемом ударами колотушек и барабанов, в ритмически организованных и согласованных движениях, даже более

организованных и согласованных, чем в знаменитой сцене дуэли Тибальда и Меркуцио в «Ромео и Джульетте» Прокофьева.

Вот, Борис Борисович, что я написал Вам вместо «перевода» своего выступления, как я обещал. Может быть, это все в сочетании с моей небольшой статьёй к программе поможет Вам лучше понять это сложное искусство. Оно стоит того, чтобы с ним познакомиться.

И еще одна мысль у меня была, когда я Вам писал это: мысль о том, что и к японскому театру, как и к *китайскому этой эпохи*, нужно приложить общечеловеческий критерий (я кратко сказал об этом во вступительном абзаце статьи), во-первых, и понять, что общечеловеческое вовсе не значит уныло-однообразное, а наоборот: удивительно многообразное. Но нужно под *как будто бы очень различным* уметь видеть и *общее*. Думаю, что эта мысль Вам близка.

Не могу удержаться и от последнего замечания: право, нельзя писать о японском театре (как и о китайском) только то, что в нем «протест», и что — то-то в нем «прогрессивно-демократическое», то-то — «реакционное»... Нужно помнить также, что японский театр, как и китайский, этой эпохи — *не* только драма и не только актерское искусство, а то и другое в совершенно нераздельном соединении. /.../⁴⁶

4 ноября 1964

/.../ Мне нужно — и по внешним причинам, и — что важнее — по внутренним импульсам — усиленно работать над словарем⁴⁷: ведь эта громадина идет медленно, но безостановочно, а я — одно из звеньев этого процесса. Скопилось много диссертационных дел — из числа тех, к которым я прикосновенен как руководитель или как консультант, а эти дела тоже не терпят отлагательства. Серьезно занимают общие дела — и в языкознании, и в литературоведении, и в истории и даже... в философии. Как я ни стараюсь держаться от всего этого подальше, все же полностью отдалиться нельзя... поскольку все видят меня здоровым. Удовольствия я от этого не получаю никакого, а время тратится, да и нервы треплются. Бывают и «дурные сны», о чем я Вам как-то писал. Я не могу, не имею права жаловаться на что-либо. Наоборот, я могу только благодарить тех, от кого это зависит, за то, что они дают мне в жизни, но я не могу не учитывать и реальности. /.../

Два дня заседали по «Литературным памятникам»...⁴⁸ Приняли Данте — всего! «Божественная комедия», конечно, в переводе Лозинского, но с новым комментарием И.Н.Голенищева-Кутузо-

ва, а остальные произведения — в иных переводах; «Vita nuova» — в переводе его же. Приняли Гийома Аполлинера — почти всего в хороших переводах Кудинова с любопытной статьей Н.И.Балашова — одного из «молодых» в Ин[ституте] мировой литературы. Скоро будем рассматривать «Бодлера». Мне пришлось довольно серьезно заняться и Данте, и Аполлинером, но я не жалею потраченного времени. Пока этот участок доставляет удовольствие. Скоро выйдет весь Тютчев... Следите за новинками.

Вот уже одного того, о чем я написал Вам сегодня, думаю, довольно для характеристики моей жизни сейчас. Надо, надо «сокращаться» и думать много, но — о немногом... Потому что для меня реально — именно немногое, очень немногое. И за него надо держаться. Оно нужно не только для меня и даже не в первую очередь для меня. И об этом я особенно много думаю. /.../

3 марта 1965

/.../ Вы правы: ни в Античности, ни в Новое время не умели опираться на божественное в человеке. Во всяком случае — так, с той силой, убежденностью, страстью, с какой обратились к этому люди так называемого Средневековья. В последние месяц-полтора мне довольно много приходилось беседовать с некоторыми медиевистами — умными, образованными людьми: их привело ко мне «средневековье», вошедшее в «план» их существования как работников Академии⁴⁹. Мне было радостно еще раз убедиться в том, что люди есть. Что есть, с кем говорить даже о... Дионисии Ареопагите. И что возможности работы сейчас становятся другими — более широкими, свободными. Не без труда, но становятся.

Вы правы, что «мир людей» не может противостоять «миру природы». Человек и природа — не антагонисты. И не могут быть ими: иначе они просто не могли бы и существовать совместно. Античность это понимала и принимала, поместив человека в природу. Понимало и принимало это единение и Средневековье, но поместив природу в человека; а вернее — человека и природу в нечто третье, бесконечно превосходящее и первого, и вторую: в Божественный дух. А Новое время утратило это понимание и оторвало человека от природы. Что из этого получилось — мы видим собственными глазами. Прочитав эту часть Вашего письма, я увидел, что концепция Полибия (пифагорейская) и Сыма Цяня (учение о «пяти первоэлементах») требуют еще особого освещения⁵⁰.

Правы Вы и в том, что открытие единства «Востока» и «Запада» (Ваши кавычки при этих словах я принимаю) дает много

не только для лучшего понимания исторического процесса, но и для себя самого, для человека. Я сам теперь вижу, что мой интерес к этой области подогревается чисто-внутренними факторами. И все же, несмотря на это, предстоящие 74 года вызывают сейчас какое-то странное настроение. Не хочу о нем писать, но не упомянуть о нем как-то не могу. /.../

2 ноября 1965

Дорогой Борис Борисович!

Ваше последнее письмо поразило меня: Вы написали в нем то, о чем я постоянно думаю. Нет ничего лучше, как сохранить то, что нужно сохранить, а еще важнее — помочь тому, кому нужно помочь. Дорогой Борис Борисович, ведь это же — главное в жизни! Как я рад, что Вы это чувствуете и об этом написали!

Не жалеете, что это — в ущерб Вашим собственным интересам. Не в ущерб... Разве то, что Вы все это почувствовали и так хорошо поняли — не в Ваших интересах? Разве это — не *Ваше* приобретение? И приобретение, сделанное Вами и в своем духовном мире, и в жизни других людей? Я тоже часто подумывал о том же. И жалел, даже горевал. Но теперь вижу, что если я что-либо в жизни и сделал хорошее (не многое!), так это идет именно по этой «не собственной» линии. Если что-либо когда-нибудь «зачтется», так скорее всего это. И ничто другое. Все прочее — для того, кто — Там, — суета.

Вы доставили мне большую радость. /.../

16 мая 1966. Узкое

/.../ Сейчас тяжело с общей обстановкой в связи с выборами⁵¹. Меня непосредственно это не касается, но, к сожалению, я буду членом экспертной комиссии, т.е. буду одним из тех, кто будет отбирать кандидатов. И что очень нервирует, это — *активность* тех, кто *хочет быть избранным*. Именно *избранным*, т.к. быть просто названным кандидатом никого не устраивает: каждый считает, что именно он и *никто другой* и должен быть академиком или членом-корреспондентом. Вот тут для меня и было неожиданным поведение Y^{52} . Я к нему относился очень хорошо и очень ценил его. Думал даже, что — поживи он в Москве *ближе к науке* и к *действительным ученым* — он превосходно понял бы, что такое подлинная наука, и как много *именно он* может для нее сделать. Но он держится другого представления о своих работах и целиком *во власти навыков недавнего прошлого*, когда *внешняя*

рекомендация или даже приказ или просто «положение» определяли все. Сейчас уже — другое время, хотя инерция отмененных историей навыков еще и действует. Он мог бы стать академиком, идя по другому пути... Прodelав *новую* (по качеству) работу. Я дал ему понять, что есть кандидаты более сильные, и он уехал в США даже не простившись. Думаю, что где-нибудь «инерция» еще может сказаться, и он будет все же выдвинут. /.../ Сам У сказал мне, что его выставят три учреждения: И[нститут] Н[ародов] А[зии], Институт вост[очных] языков при МГУ и Ин[ститу]т международных отношений. Как он — еще за месяц до всего — мог это знать, не знаю. /.../⁵³

Простите, дорогой Борис Борисович, что написал Вам невеселое письмо. Но мне уже трудно все таить про себя. И невольно вылилось. А в целом я держусь, и те, кто меня видят, говорят мне комплименты. Так что сдавать я не сдаю. Да может быть, и все как-то уладится. Даже дело с У. Допускаю, что он пришлет мне письмо, в котором скажет то, что нужно: человек он умный и — в основе — хороший. Портит его *эпоха* и та *среда*, в которой он всю жизнь вращается.

1 мая 1968

/.../ Главное, о чем я говорил⁵⁴, это об инь и [скрывать]: ведь уже Чжун Жун⁵⁵ назвал Тао Цяня [патриархом «скрывшихся»]. «Инь» — уединяться: куда? во что? «И» — убегать. От чего? Куда? Вот на эти вопросы, оставшиеся в книге Э[йдлина] совершенно обойденными, я и ответил: не для оценки уровня книги, а для сведения слушавших (и некоторые меня поняли).

Я сказал: зачем искать всякие объяснения ухода Тао Цяня со службы? Его «возвращения» домой? Ведь он с полной ясностью *сам* сказал об этом и именно — в той же поэме «Домой», как я передал ее китайское заглавие. Тут я прочитал это место поэмы в своем переводе (напечатан в «Хрестоматии»).

«Домой! Мое поле и мой сад уже готовы совсем заглохнуть. Как же мне не вернуться к ним? Я сам сделал свое сердце прислужником внешней формы (син). На кого же мне жаловаться? Кого обвинять? Я понял: прошлое упрекать — нечего. Но знаю: будущего еще достигнуть можно. Да, я брел по грязной дороге, но все же не зашел еще слишком далеко. Я уразумел: мое сегодня — правда, мое вчера — ложь»⁵⁶.

Прочитав вслух эти строки, я сказал: перевод неверен; я не понял всей глубины мысли поэта. Никакой «правды» и «лжи» у него нет; у него есть ши — «да», «так» и фэй — «нет», «не-так».

А понятия эти идут из Чжуан-цзы⁵⁷ (гл. Жэнь цзянь ши). Вот они:

«Это у конфуцианцев и моистов есть *так* (ши) и *не-так* (фэй). То, что *те* считают "не-так", *эти* считают "так"; то, что *те* считают "так", *эти* считают "не так". Выходит, что *хотят то*, что те считают "не-так", считать "так"; *хотят то*, что те считают "так", считать "не-так"? Надо же призвать ясность (мин), т.е. понять, что никаких "так" и "не-так", "да" и "нет" — вообще не существует. Впрочем, нет, они существуют, но в мире видимости (син), о котором говорил Хуай Нань-цзы⁵⁸; они, эти категории, — во всех своих обликах — "добро" и "зло", "правда" и "ложь" и т.под., живут в мире *относительных* оценок, а не в мире подлинной реальности. Поэт так и говорит: я слишком долго жил в этом мире (делал свое сердце, свой дух рабом видимости) и теперь от него "убегаю", ухожу (и), "уединяюсь" в другой мир. Куда? В мир "пустой комнаты"».

В книге совершенно не понят этот образ. Он такой же даосский, как и ши фэй, как син: ведь «пустая комната» — суй ши, а что такое «суй»? Даосская «пустота».

Этот образ встречается дважды (у Э[йдлина] в переводе на стр.209-210). Вот как нужно передать соответствующие стихи: суй ши ю юй цзянь (209): в пустой комнате — свободно и просторно! (юй тут следует понимать в свете юйюй). Почему? Потому что ху тин у чэнь цза — во всей усадьбе (на всем дворе, т.е. в доме поэта) нет ни мусора, ни хлама.

Все убрано, все унесено. Осталась «пустая комната», а у даосов это значит: когда она *вся*, целиком, до всех уголков *залитая светом*. В ней нет ничего — «ни мусора, ни хлама»... Может ли быть более выразительный образ?

Но это влечет за собой и другое: суй ши цзюэ чэнь сян — в пустой комнате *нет места* (вместо категорического, но спокойного у, энергичное цзюэ) «мусорным думам».

Вот *от чего* «убежал» поэт: от мусора и хлама мира видимости, в котором пребывают всякие «конфуцианцы» и «моисты»⁵⁹.

Куда же он убежал, где «уединился»? Ясно, что в мире *подлинной* реальности, в мире «суй» — «пустой комнаты». Но где же она? Ответ ясен: в мире *полей* и *садов*. Заметьте: не «гор и воды» (шань шуй), а *полей* и *садов*, т.е. той природы, бытие которой *слито* с бытием человека, которая без человека не существует и без которой и человек не существует. «Мое поле и мой сад (без меня) уже готовы совсем заглохнуть!» И он сам также без них уже готов был заглохнуть... на казенной службе, среди «конфуцианцев» и «моистов». Домой! Домой!

И этот мир вполне реален. Потому что с «полями и садами» человек связан своим трудом, своей деятельностью, своей заботой. Он, этот мир, реален и «полон»... Прочитайте этот цикл стихов поэта: в нем и друзья, и вино, и музыка, и книги... Да, книги. Но какие? «Шаньхайцзин» и «Жизнь Чжоу-вана»⁶⁰... Не «Лунь-юй», не «Мо-цзы», даже не «Лао-цзы». А именно книги о том, которые своими повествованиями *заполнили и Чжуан-цзы, и Ле-цзы, и Хуайнань-цзы*⁶¹. Книги «легенд». Не «мифов»: мифы — продукция «Древности», а именно «легенд», т.е. удивительного мира, который был создан средневековым с его вселенским кругозором (буддизм Махаяны, вселенность христианства). Это мир «садов Клингзора», «садов Армиды», «царства Грааля», доступ в которые открыт только человеку «пустому», т.е. «без мусора и хлама» в душе (Персифаль — *der heilige Narr* — «святой простак»), человеку свободы и простора. Поэтому и Поэт, вернувшийся «домой», читает «Историю Чжоу-вана» и «Шаньхайцзин». Фу ян чжун юй чжоу — взглянет ввысь — на Небо, взглянет вниз — на Землю и до конца поймет *всю вселенную* — и в ее двойном выражении: временном и пространственном (юй чжоу).

(И это ведь тоже понятие Хуай-наньцзы! И именно в таком глубочайшем смысле: нераздельность времени и пространства в бытии. Ван гу лай цзинь вэй чжи чжоу, сы фан шан ся вэй чжи юй).

А что это постижение вселенной дает? Ответ ясный и исчерпывающий: бу лэ фу хэ жу. Если *это* не радость, то еще в чем же она?

Вот, дорогой Борис Борисович, то *главное*, что я хотел сказать в своем выступлении — поверх всякой «диссертации», но исходя из ее предмета — из позиции Тао Цяня. И хотел я сказать об этом, думая о всем том, что у нас тут происходило... Происходило и у Вас, в Ленинграде.

Не знаю, хорошо ли это. Для слушавших (— тех, до кого это «дошло») и для меня самого — для состояния собственного духовного мира... Вправе ли мы *не* «делать свою душу рабом видимости»? Вправе ли уходить в мир подлинных вещей? Не «аристократизм» ли это? Вопрос этот — не нов. Пред ним сгибались и *наши* пустынноики, великие подвижники уединения. Вопрос — вечный. Он не подлежит *однозначному решению*. Фиваидские пустынноики решили его по-своему, Вакенродер⁶² — «отшельник — любитель изящного» — по-своему, Тао Юань-мин — по-своему. Искать однозначное решение значит поступать как «конфуцианцы» и «моисты», любители относительных определений, не понимая, что эта относительность уничтожает всякую тень абсолютности. Про себя я могу сказать только так: пусть будет «пустая комната», она

дает необходимую свободу и простор; но пусть в ней будут и друзья, и вино, и книги, и музыка. И тем самым она будет беспредельна и во времени, и в пространстве. И пусть в ней будет радость. «Если она не в этом, то в чем же еще она?» А радость — открывает настоящий подход к людям. /.../

Юрмала, 6 августа 1970

Дорогой Борис Борисович!

Относительно ци:

возьмите моего «Сунь-цзы»⁶³; там это — *тактический термин*. Главное — он противопоставляется чжэн. Думаю, что и у Шэнь Юэ⁶⁴ смысл этого ци следует раскрывать через противопоставление чжэн, а этот термин следует понимать не в аспекте чжэн и се⁶⁵. Если у Сунь-цзы (и вообще в военной науке Китая) ци — *термин*, не таким же термином — конечно, в сфере поэтического мастерства — является ци у Шэнь Юэ? Вообще, я давно уже очень отчетливо чувствую, что мы далеко не все еще *термины* китайской поэтической науки распознали. /.../ [О] письме, полученном мною вчера от С[еманова]⁶⁶. Цитирую: «...я только что прочел "статью" Эйдлина⁶⁷ и так возмущен, что не могу не написать Вам. Надеюсь, что Вы не примете близко к сердцу этот самовлюбленный и сумбурный пасквиль... Очень хорошо, если Вы ответите на него». /.../

Письмо вообще возмущенное, но я ограничиваюсь процитированным. Что это такое, Борис Борисович? Я *в первый раз* слышу об этой статье... Сегодня специально пошел в библиотеку посмотреть «Иност[ранную] литературу». Там был на месте один номер — июньский, но в нем ничего такого нет. Имейте в виду, дорогой Борис Борисович, что у меня есть, что принимать близко к сердцу, — подлинное! И отвечать я не буду. Так, по крайней мере, мне кажется. Когда посмотрю статью, впрочем, может быть, и передумаю. Только вряд ли!

/.../ Воздух и покой делают свое дело. Сожалею, что этот очень нужный покой нарушают Y и X. Но я их понимаю: они именно заинтересованы в том, чтобы меня изолировать. Это по меньшей мере... Только стыдно им обоим! Ну, да Бог с ними! Будем говорить о «лирике и времени», о Шэнь Юэ... О таких вещах, о которых *стоит* говорить и *радостно* говорить.

/.../

P.S. Прошу только: никак не беспокойтесь обо мне. Только теперь уже я не буду откладывать уход на пенсию.

Юрмала, 10 августа 1970

Дорогой Борис Борисович!

Вышло так, что я получил от Вас ответ на мое письмо, которое Вы, когда писали свое письмо, еще не получили. Спасибо! И за информацию, и за то, *как* Вы мне об этом написали. /.../

Статью я еще не видел, но получил сведения о ней еще и от Позднеевой, Брагинского⁶⁸. Вижу, что автор ее, если кому-либо и повредил, то только самому себе! Он, насколько я могу судить, просто *исторически безграмотен*. Ну, хорошо, пусть там будет «Период Танской династии», «Период Шести династий» и т. под. Но это — только *названия*, а не *определение*! Нужно сказать, *какой* же это период? И тут нельзя ответить словами вроде «период расцвета» там чего-то, «период загнивания» чего-то. Это *не* научно-историческое определение. А научно-историческим оно может быть только в том случае, если оно содержит в себе признаки *общественно-исторические*. И притом — не изолированно взятые, а в *отношении* к *предыдущему* и *последующему*, т.е. в свете *всего исторического процесса*, как он протекал в Китае... А в истории таких старых великих культурных народов, как китайцы, иранцы, греки, латиняне, раскрываются и те самые «закономерности» исторического процесса, о которых говорит... тот же марксизм! Так что само *выступление* с таким тезисом *компрометирует автора*... И полемизировать с ним я не буду.

Что же касается призыва заниматься монографическими исследованиями, т.е. с точки зрения автора статьи «делом», а не «химерами», то пусть вспомнит о «Сунь-цзы»... Да и об «У-цзы»⁶⁹. А кроме того, и писать монографически о каком-нибудь авторе, произведении или явлении *надо, понимая, о чем пишешь*. И понимая *исторически*, в свете места, которое этот автор, это произведение или явление занимает в *своем* времени, а оно, *его* время, — в последовательном развитии жизни его страны. Да что там! Не ему учить кого-либо. Пусть делает то, что он может (а кое-что он может), и не лезет в большую науку.

Юрмала, 12 августа 1970

Дорогой Борис Борисович!

Только что прочитал статью У. /.../

Она очень ярко демонстрирует научный уровень автора и его человеческие качества. Как научный работник, он должен был бы понять, что все, *действительно большое* в науке идет от идеи, ею воодушевляется. К идее же приходят через знание материала.

Наступает, и это бывает всегда, момент, когда это *знание начинает требовать понимания*, т.е. из эмпиризма, фактографии превращается в науку. Время Тан-Сун, очень хорошо изученное по материалу, но определенное только как «Танский» или «Сунский» период, потребовало, наконец, *грамотного научного определения* — в свете осмысленного исторического процесса. /.../ Я назвал т.е. *определил*, это время как «Эпоху Возрождения», чем охарактеризовал ее и в ее *отношении к предыдущему* и последующему... Хорошо ли, плохо ли, но такое определение дает *научное осмысление* того, что было во времена Тан и Сун. И последующее показало, как заиграла при таком определении эта эпоха — Тан и Сун. Следовательно, единственное, что можно было бы противопоставить мне, — это — *другое определение* содержания этого времени, определение также историческое и обязательно с раскрытием отношения этого времени к предыдущему и к последующему. Сделал ли он это? Нет! С чем же, следовательно, спорить? Чему возражать? И именно тем, что он *не смог* ничего противопоставить *равного, даже не понял, что именно* это он и должен был сделать, если он не согласен, что это — «эпоха Возрождения», он и низвел свой научный уровень до... того предела, который, строго говоря, выводит его из сферы науки.

Он поэтому не понял и того, что все новое в науке создается в *процессе поиска*... Истина не дается вся сразу. Поэтому он не понял, что противоречия, различия, в отдельных случаях встречающиеся в моих работах, — только свидетельство *неустанности самого поиска*. Это опять проявление его научной неопытности, а то, что он тщательно все подобрал и выложил, говорит о его человеческой неопытности.

Стоит ли после этого «отвечать»? Я не могу. У меня осталось очень мало времени, и я не могу терять время, силы, нервы на полемику с таким человеком. /.../ Достаточно уже того, что он поднес мне это в тот период моей жизни, когда мне более всего нужен покой. Но я справлюсь с этим, и мы еще с Вами будем вместе в этом, все-таки хорошо!, мире.

23 августа 1970. Юрмала

Дорогой Борис Борисович!

Вот Вы вчера ушли — веселый, бодрый, оживленный... Вы и меня сразу переменили: ведь уже почти неделю, как я стал чувствовать свои загрудинные боли и вынужден был то лежать, то спокойно сидеть в кресле. А тут и я почувствовал себя крепче и веселее. /.../

Теперь — уж простите меня! — несколько слов о пресловутой статье Y. Это — необходимо.

Дорогой мой! Было бы просто невероятно, если бы такая кардинальная оценка истории китайской культуры прошла бы «rag acclamation» [«без голосования». — Б.В.]... Разве бывало когда-нибудь, чтобы действительная *новая* и далеко *не безразличная* для науки идея не встречала бы себе противодействие и притом самое яростное? Ведь такие идеи обычно обращены против застоя, традиции, спокойствия в науке; против всех тех, кто боится за свои позиции — не в науке: в науке у них позиций нет; а в *сложившемся положении*. И это — вполне, если хотите, «нормально»: всегда так было и всегда так будет. Так что — в том, что Y не следует за мной — ничего необычного нет. Только он не мог выйти из своего уровня науки и дискутировать вокруг проблемы *научной периодизации*, которая имеет дело не с названиями, и даже не с перечислениями действительно примечательных фактов в пользу того, что он называет «периодом», а в *определении исторического существа* суммы явлений и притом — обязательно! — *в отношении этих явлений к исторически-предыдущему и исторически-последующему*. Не понимает он и того, что всякая большая научная идея есть поиск: ничто не дается «сразу». Так могут думать только те, кто совершенно не понимает, что такое наука. Отношение же к поиску должно определяться степенью полезности его для продвижения науки вперед. Вот поэтому-то прежде всего мне *просто не о чем* говорить с ним.

Но есть тут и другое... А оно вызывает именно чувство гонимости и даже некое «отвращение», о котором пишете Вы. Это другое вот что; я не могу все же не написать Вам об этом, потому что это — правда. Первое это — злоба и ненависть. Обратите внимание — с какой тщательностью прочтены все мои opus'ы вплоть до... «примечаний» к Роуленду⁷⁰. И *только* для одного: чтобы найти в них то, к чему автор может, как он думает, «привязаться». Как старательно подобраны те, кто выступает против самой возможности «Возрождения» на Востоке /.../ И все это цитируется с явным злорадством. Как будто бы можно было бы *вообще ожидать*, чтобы *европеисты* так легко пошли бы на допущение того, что и на Востоке могло быть нечто сходное (*в больших исторических линиях*) с Западом. И все это подается в тонах учительства, высокомерия: «это, мол, голос компетентного специалиста». Прямых бранных слов по моему адресу нет: для этого автор слишком осторожен — на всякий случай! но вместо них взят — с начала до конца — подлинно *оскорбительный тон*. Посмотрите, как с профессорской важностью указывается на разные памятники китай-

ской литературы! Как будто бы незрелому студенту даются разъяснения. Даже не допускается мысль, что я могу знать эти памятники, может быть, не хуже, чем он... Вот эта кипящая внутри злоба и ненависть и есть то первое, что меня именно огорчает, т.к. я, кажется, два раза сделал для *У самое нужное* для него дело⁷¹, и оба раза сделал с *живым* добрым чувством. И не раскаиваюсь в этом.

А второе — *целенаправленность* этой акции. Именно «акции» — т.е. печатного выступления именно в этот момент. Тут уже действуют они *оба*. Мне многое известно, а то, чего я не знаю, я легко могу понять. И тут я уже просто не хочу даже писать — настолько это тяжело. Скажу только: 1) приблизилось время *решать*, как быть со 2-м томом⁷², 2) намечается, что осенью будут в Академии выборы. Сделайте выводы сами... /.../ И все же, мой дорогой и милый друг, я смотрю на будущее светло. И я еще не собираюсь позволить подобным людям и по подобным соображениям, которыми они руководствуются, управлять моей жизнью и деятельностью. /.../

12 сентября 1970

Сегодня утром пришло Ваше письмо из Ялты. Спасибо за то, что сразу же написали.

Мы приехали в Москву 10-го утром, завтра, т.е. 13-го с утра уезжаем в «Узкое». Это — та же Москва: 20 минут на машине от моего дома. Телефоны городские, автобусы.

Но все же — среди полей и лесов. А главное, мне нужно все-таки прийти в более приемлемый вид. /.../

А в последние дней десять в Юрмале я писал Вам по поводу Вашей статьи⁷³. В день отъезда кончил и тут же самолично отправил заказной бандеролью по почте. Пришло, видимо, уже после Вашего отъезда. Вчера послал Вам Бодлера. /.../

Ограничиваюсь пока этой краткой «информацией».

Ваш Н.К.

¹ С 1954 по 1957 Б.Б.Вахтин учился в аспирантуре ЛГУ под руководством Конрада. Темой его диссертации были юэфу — китайские народные песни II в. до н.э. — VI в. н.э. Иероглиф *юэ* — музыка, *фу* — палата, управление, министерство, и первоначально юэфу назвалось в Китае государственное учреждение, созданное во II в. до н.э. для собирания народных песен и сочинения музыки, призванных сопровождать официальную обрядность. По мнению Б.Вахтина, создание Музыкальной палаты

было непосредственно связано с конфуцианским учением о регулировании общества посредством двух взаимосвязанных, но противоположно направленных сил: *ли* — т.е. правил и норм поведения человека, естественно разделяющих людей, и *юэ* — т.е. музыки, объединяющей людей, сколь бы различное положение они ни занимали. Под названием «Юэфу эпох Хань и Наньбэйчао — памятник китайской поэзии» диссертация Вахтина защищена в 1959. Им же изданы два сборника поэтических переводов: Юэфу: Из древних китайских песен. М.:Л., 1959; Юэфу: Из средневековой китайской лирики. М., 1969, последний с предисловием Н.И.Конрада.

² *Бань Гу* (39-92 н.э.) — китайский историограф, автор «Ханьшу» («История Хань»), принадлежащей к жанру т.н. официальной династийной истории, в которой события и факты излагались и оценивались с официальной точки зрения той династии, при которой составлялась та или иная «история». Наряду с Сыма Цянем считается родоначальником жанра, последующие авторы династийных историй брали за образец тип изложения и структуру их книг.

³ Император Китая (246-210 до н.э.), при котором произошло первое объединение страны.

⁴ «*Народный Китай*» — журнал, издававшийся Издательством литературы на иностранных языках в Пекине.

⁵ *Шицзин* («Книга песен»; другие переводы — «Книга поэзии», «Книга песен и гимнов», «Книга од» и др.) — первый чисто художественный памятник китайской литературы, поэтический свод (антология) песен и од XI-VI вв. до н.э.; Конрад считал, что традиционная версия, идущая от знаменитого китайского историка Сыма Цяня и «Ханьшу» и утверждавшая, что в древнем «Шицзине» было свыше 3000 песен, а после «редакторской» работы Конфуция осталось в 10 раз меньше, является голословной, не подкрепленной доказательствами. На протяжении 1957 на русском языке памятник был дважды опубликован в переводе и с комментариями А.А.Штукина (в т.ч. в серии «Литературные памятники»); оба издания вышли при непосредственном участии Конрада, консультировавшего и переводчика, и «поэтического редактора» литпамятниковского издания А.Е.Адалис, а также написавшего предисловие к одному из них.

⁶ *Шуцзин* («Книга истории»; другие переводы — «Книга исторических преданий», «Книга писаний» и др.) — древнейший китайский прозаический памятник, наиболее ранние части которого восходят к XII в., поздние — к VI-V вв. до н.э.

⁷ *Цин* — правящая династия в Китае (1644-1911).

⁸ Философы периода Сунской империи (960-1279) — неоконфуцианцы Чжоу Дун-и, Чжан Цзай, Чэн И, Чжу Си и др. резко выступили против практики сюнгу — «науки толкования», комментирования и только комментирования «учителей», усвоения буквы вместо духа, текста вместо промента, в нем изложенных. Имели свои собственные «частные» школы, где восстанавливали в его «истинном» духе древнее конфуцианство.

Этой школе посвящена статья Конрада «Философия китайского Возрождения: О сунской школе», в которой практику сунцев он определял как «протест против авторитарности как метода обоснования истины, против догматизма как принципа вечности одной единственной истины, против экзегезы как метода изучения источников истины, против школярства — схоластики с ее абстрактностью и формализмом как способа усвоения истины» (см.: Конрад Н.И. Запад и Восток: Статьи. М., 1966. С.177). С деятельностью философов сунской школы Конрад связывал и так называемое «китайское Возрождение» (см. там же его статью «Об эпохе Возрождения»).

⁹ *Ицзин* («Книга перемен») — книга мантических формул и комментариев к ним, создававшаяся на протяжении длительного времени (I тысячелетие до н.э.). Первооснова текста — в практике гаданий; «в теории "Книги перемен", — писал один из крупнейших исследователей памятника Ю.К.Щуцкий (см. о нем прим. 19), — рассматривался процесс возникновения, бытия и исчезновения» (Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960. С.23).

¹⁰ *Игнатий Юлианович Крачковский* (1883-1951). Филолог-арабист, академик РАН (1921). Автор книги воспоминаний «Над арабскими рукописями» (1-е изд.: М.;Л., 1945), в которой немало страниц посвящено описанию Рукописного отдела Публичной библиотеки в Петербурге. Именно в очерке, посвященном Крачковскому, Конрад вспоминал, явно кивая и на свою, не традиционную для «классического» востоковеда, научную проблематику, что «в те времена начинающий ученый мог рассчитывать на самую активную поддержку своих учителей, когда они его видели сидящим над средневековой арабской рукописью. И не так просто было тогда молодому ученому сказать, что он с вниманием читает и недавно вышедший роман какого-нибудь современного сирийского, ливанского или египетского писателя. И не только читает, но и считает возможным писать о нем. И не только писать, но и считать изучение творчества современного арабского писателя наукой» (Запад и Восток. С.488). Зимой 1932, когда Конрад выдвигался Институтом востоковедения в члены-корреспонденты АН СССР, против его кандидатуры с завидным единодушием выступили и арабист И.Ю.Крачковский, и синолог В.М.Алексеев. При чем Крачковский посчитал его кандидатуру «недостаточно научно обоснованной» как раз потому, что «научный характер работы Н.И.Конрада производит впечатление поверхностности благодаря слишком широкому размаху его работы и кругозора» (СПбФ АРАН. Ф.208. Оп.2. Д.128. Л.1-106).

¹¹ Цитируемые строки — из стихотворения «Идеал»; впервые опубли.: Ник. Т-о. Тихие песни. С прил. сб. стих. переводов «Парнасцы и проплатые». СПб., 1904.

¹² В мае-августе 1911 Н.И.Конрад впервые оказался в Японии в учебной командировке от университета. В следующем, 1912, он получил уже научную командировку от Японо-русского общества и еще дважды побывал в Японии: в 1914-1917 и 1927.

¹³ «Три свидания» Вл.Соловьева (1854-1900) впервые опубликованы в «Вестнике Европы» (1898. №11). Маршрут Соловьева: Москва—Лондон—Египет (1862—1875—1876).

¹⁴ *Чжуцзы* (Чжу Си; 1130-1200) — самый крупный после Конфуция философ-идеалист — и *Чэн И* (1033-1107) — авторы двух наиболее распространенных комментариев на «Ицзин».

¹⁵ Несмотря на «незнание итальянского языка», Конрад точно цитирует едва ли не самый знаменитый, 60-й сонет Микеланджело (написан в 1540-х), открывающий ряд стихотворений, посвященных Виттории Колонна (1490-1547), вдове известного полководца, светской инокине, лучшей поэтессе Ренессанса. Интересно, что прозаическое переложение сонета Конрадом близко к переводу Вяч.Иванова, сделанному в 1925. Ср. у Вяч.Иванова: «Нет замысла, какого б не вместила / Любая глыба мрамора. Творец, / Ваяя совершенства образец, / В ней открывает, что она таила».

Ссылка Конрада в письме на Вяч.Иванова, чей перевод в России был опубликован только в 1976 в малой серии «Библиотеки поэта» (С.389), т.е. через несколько лет после кончины Конрада, весьма любопытна. История создания ивановского перевода кратко описана в комментариях Дж.Мальмстада к «Воспоминаниям» Л.Ивановой (М., 1992. С.151): летом 1925 в Риме обсуждался проект договора между В.Ивановым и «Издательством при театре имени Всеволода Мейерхольда» на перевод «всех поэтических произведений Микель-Анджело». Издание это так и не осуществилось, однако в августе 1925 Иванов, среди четырех других, перевел и 60-й сонет. Как раз на середину 1920-х приходится и время сотрудничества Конрада с Мейерхольдом. Мы не располагаем точными сведениями о начале их знакомства, но, по-видимому, оно восходит к Государственному институту истории искусств (б.Зубовский; ГИИИ), где на заседаниях отдела истории и теории театра и Конрад, и Мейерхольд неоднократно выступали с докладами. В марте 1926 в цикле лекций по сравнительному театроведению «Восток и Запад», организованному Театром им. Вс.Мейерхольда и ГИИИ, Конрад читал лекцию «Японский театр». В эти годы он близок к кругу С.Э.Радлова («мой старинный товарищ по Ленинграду, где нас сближали общие интересы к театру и античности», — вспоминал Конрад в 1954. — ОР РГБ. Ф.441. Карт.15. Д.51. Л.8об.), который наряду с В.Н.Соловьевым делал первые опыты постановки японских пьес в духе Кабуки; Мейерхольд тоже в этот период интересовался восточным театром и вводил в свои спектакли театральные японские приемы. Известны два письма Конрада ему (РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Д.1749), в которых обсуждаются возможности постановки переведенных Конрадом японских пьес в театре Мейерхольда. 3 января 1927 в ответ на запрос режиссера Конрад послал перевод пьесы Кидо Окамото «Ода Нобунага» (Ода — первый объединитель Японии после длительных междоусобиц XVI в., провел ряд военных и хозяйственных реформ, поощрял заимствование европейской техники и культуры, известен жестокостью и неприимчивостью к врагам; перевод не опубликован, оригинал см.: АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.176), а в декабре 1928 — перевод пьесы Наканиси «Бунт

Бундзаэмона» (о крестьянском восстании XVIII в.). Ни одна из пьес у Мейерхольда поставлена не была; напротив, в том же 1927 «Ода Нобунага» поставил С.Радлов в своей учебной студии. Все же интенсивность конрадовских контактов с окружением Вяч.Иванова в середине 1920-х дает основания предполагать, что и знакомство Конрада с ивановским переводом Микеланджело относится к тому же времени.

¹⁶ Имеется в виду совещание оргкомитета по созыву конференции китаистов.

¹⁷ Речь идет о статье известного лингвиста, ученика Н.Я.Марра Василия Ивановича Абаева «Н.Я.Марр (1864-1934): К 25-летию со дня смерти» (Вопросы языкознания. 1960. №1. С.90-99), опубликованной в журнале, где Конрад являлся заместителем главного редактора (В.В.Виноградова). После прошедшей в 1950 «дискуссии о языке» имя Н.Я.Марра «вычеркнули... точно его и не существовало», писал В.И.Абаев и далее продолжал: «Нет ничего легче, чем доказать несостоятельность лингвистических построений и методов Марра в последний период его деятельности; но в то же время было бы неправильно и статью на путь огульного зачеркивания всего, что им было за это время сделано» (С.90,96). Как видно из публикуемого письма, Конрад был вполне солидарен с мнением Абаева, что весьма примечательно, ибо даже таким строгим антимарровским историографом, как В.М.Алпатов, Конрад ни в апологетике, ни в цитировании работ Марра в 1930-1950-е «замечен не был» (см.: Алпатов В.М. История изучения японского языка в России и СССР. М., 1988. С.174; Он же. История одного мифа. М., 1991. С.174, 203). История марровской концепции, «сплюсненной» своими социальными последствиями и, видимо, поэтому до сих пор не получившей самостоятельного детального научного рассмотрения в литературе, наглядно демонстрирует колоссальное влияние социального контекста на судьбу научной теории. К заключительной формуле книги В.М.Алпатова о Марре — «марризм реабилитации не подлежит», по-видимому, необходимо добавить «как социальное явление».

¹⁸ С выдающимся японистом, дешифровщиком тангутской письменности *Николаем Александровичем Невским* (1892-1938) Конрад был дружен со времен совместной учебы в Петербургском университете и стажировки в Японии в 1915-1917 (см. письма Конрада Невскому за 1916-1917: *Biblia. Bulletin of the Tenri Central Library*. 1974. March. №56). В 1919-1922 Невский преподавал русский язык в Высшем коммерческом училище в Отару и в Институте иностранных языков в Осака (1922-1929). К тангутоведческим исследованиям обратился в 1925, после поездки в Пекин, где встретился со своим университетским учителем проф. А.И.Ивановым, пионером отечественного тангутоведения. Первые тангутоведческие работы опубликовал в Японии в 1926-1927 на английском и японском языках. В конце 1920-х Конрад, наряду с В.М.Алексеевым, способствовал возвращению Невского на родину; 13 сентября 1927 Конрад писал В.М.Алексееву из Японии: «С той минуты, как я увидел его [Невского. — М.С.] на пристани в Осака, пришедшего меня встречать, он не переставал

занимать мои мысли. /.../ очень тяжело его тут бросать. Он, конечно, здесь закис. /.../ явственно ощущается вся беспечность и недоделанность его работы. Вся его работа ни на что не наматывается. Он — один и в своей работе, и в своей научной жизни. /.../ Сейчас он, вероятно, самый крупный японовед из нашей среды, но — это все, все его знания требуют притока целустремленности, живой бодрой энергии; притока интереса со стороны. Словом, ему нужно возвращаться, и я приложу все усилия уговорить его. /.../ к лету мы должны с Вами, Василий Михайлович, его отсюда (с женою) вытащить. Это будет просто исполнением нашего дружеского долга к этому милому, талантливому человеку и великодушному работнику» (СПбФ АРАН. Ф.820. Оп.3. Д.438. Л.14об.-15). Приехав в 1929 в Ленинград, Невский работал в Институте востоковедения АН СССР, ЛГУ и Ленинградском восточном институте. Арестован 4 октября 1937 «по подозрению в совершении преступления» по ст. 58-1а. Постановлением Коллегии НКВД СССР и Прокурора СССР от 19 ноября 1937 приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 24 ноября 1937 в Ленинграде. В годы «оттепели» Н.И.Конрад участвовал в подготовке и издании книги Невского «Тангутская филология: Исследование и словарь» (в 2-х кн. М., 1960), удостоенной в 1962 Ленинской премии. Сложности в публикации работы были связаны с задержками в изготовлении фотоматериалов словаря.

¹⁹ *Щуцкий Юлиан Константинович* (1897-1938). Китаевед-филолог, историк китайской философии. Докторскую диссертацию — «Китайская классическая "Книга перемен"» (оппоненты — В.М.Алексеев и Н.И.Конрад) — защитил 3 июня 1937 в Институте востоковедения АН СССР в Ленинграде, за два месяца до ареста. Арестован 2 августа 1937. Расстрелян 18 февраля 1938. В 1960 с купюрами, в количестве 1400 экз. диссертация Щуцкого была издана (ответственный редактор — Н.И.Конрад). В 1993 под ред. А.И.Кобзева опубликовано второе издание — исправленное и дополненное, содержащее множество биографических материалов Щуцкого, историю публикации книги и обширные комментарии.

²⁰ Китайская литература: Хрестоматия / Сост. Р.Мамаева. Т.1. М., 1959. Концепция Конрада отразилась прежде всего на структуре хрестоматии; ее периодизация построена на ключевых для него понятиях — Древность, Средневековье, Новое время.

²¹ См.: Литература и искусство в 1789-1871 гг. / Под ред. Н.И.Конрада, А.Д.Чегодаева, И.М.Фрадкина и Н.М.Гольдберга // Всемирная история: В 10 тт. Т.6. М., 1959. С.608-705.

²² Далее в письме: «как Пастернак»; в архивном экземпляре машинописи зачеркнуто рукой Б.Б.Вахтина.

²³ *Мэлори (Малори) Т.* (ок. 1417-1471). Английский писатель, автор компилятивной переработки легенд «артуровского цикла» — романа «Смерть Артура» (оконч. 1469).

²⁴ Имеется в виду пьеса итальянского писателя и политического деятеля Г.д'Аннунцио (1863-1938) «Франческа да Римини».

²⁵ Речь идет о японском писателе, специалисте по английской литературе *Нацуме Сосэки* (наст. имя Кинноскэ; 1867-1916). В переводе и с предисловием Н.И.Конрада в СССР был издан его роман «Сердце» (Л., 1935).

²⁶ Имеется в виду подготовка Б.Б.Вахтиным книги «Башня из нефрита» (Пер. иссл. и прим. Л., 1962).

²⁷ *Вэньсюань* (другие переводы — «Антология литературы», «Литературный изборник», «Антология изящной литературы»; ок. 530 г. н.э.) — свод стихотворений и прозы от VI в. до н.э. до середины VI в. н.э. Составитель — Сяо Тун, принц королевского дома Лян, меценат, ценитель литературы и сам литератор. По преданию, построил «Дворец радости и мудрости», возвел в нем «Башню Вэньсюань» («избранного в литературе»), окружил себя «десятью учеными высокого кабинета» — десятью признанными знатоками литературы — и после нескольких лет трудов составил «Вэньсюань».

²⁸ *Тан Сун ба да цзя вэнь чао* («Проза восьми корифеев Тан и Сун») — антология, изданная в 1579 Мао Кунем; среди «восьми великих» — Хань Юй, Лю Цзун-юань, Оуян Сю, Су Сюнь, Су Ши, Су Чэ, Ван Аньши, Цзэн Гун; все они прославились в истории китайской литературы как выдающиеся мастера прозы древнего стиля (гувэнь).

²⁹ *Гувэнь чжэньбао* («Истинные драгоценности гувэнь») — сборник избранных произведений китайской художественной литературы, появившийся в XIV в., первая часть которого посвящена поэзии, вторая — прозе. Охватывал произведения с IV в. до н.э. по XIII в. н.э., как бы подводя итог всему развитию классической литературы феодального Китая.

³⁰ *Юй тай синь юн* — поэтический сборник подражаний (VI в. н.э.), включавший «грубые стихи».

³¹ См. Конрад Н.И. Рец.: Чехов дзэнсю. Тью-коронся. Сева 35 г. (Чехов. Полное собрание сочинений. Изд. Тьюкоронся, 1960) // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1961. Т.20. Вып.3. С.221-222; Он же. О тангутском языке и тангутской письменности // Вопросы языкознания. 1961. №3. С.115-125.

³² Подготовленная Н.И.Конрадом статья «История» для «Философской энциклопедии» была отвергнута из-за отрицательных рецензий философов — главного редактора журнала «Коммунист», в описываемые годы — члена-корреспондента АН СССР, а с 1964 академиком, Ф.В.Константинова (1901-1991) и члена-корреспондента АН СССР М.Д.Каммари (1898-1965). В полном виде статья опубликована в журнале «Вестник истории мировой культуры» (1961. №2. С.3-33) под названием «Заметки о смысле истории».

³³ Письмо оканчивается следующими словами: «Борис Борисович, я не делаю дарственной надписи на статью, т.к. это — не оттиск, а номер журнала, но Вы сами понимаете, что статья ближайшим образом посвящена именно Вам, а в Вас я вижу и образ тех, кому дороги и близки боли и трудности нашей эпохи, кому дороги и близки ее большие цели. Это —

не противопоставление эпохе, а борьба за нее — за ее настоящее величие. Ваш Н.Конрад».

³⁴ *Кабуки* — третий по исторической последовательности, ведущий театральный жанр, возникший в Японии в конце XVI—начале XVII вв. Слово Кабуки состоит из трех китайских иероглифов: *кабу* буквально означает песня и танец, *ки* — артистка, куртизанка, в XIX в. заменен на другой, звучавший так же, но означавший умение, мастерство. Начало театра Кабуки положено храмовой танцовщицей из провинции Идзумо Окуни. Первоначально носил название «Онна-Кабуки» — «женские песни-пляски», однако в 1629 был запрещен и на смену ему пришел «Вакасю-Кабуки» — театр молодых мальчиков, в свою очередь закрытый в 1652. В дальнейшем разрешено формировать труппу только из взрослых мужчин — «Яро-Кабуки» — «театр юношей». Кабуки — театр, не знающий режиссера, главное в нем — искусство актера. Ими определялось содержание пьес, они договаривались об общем характере исполнения, но конкретные тексты всегда предоставлялись свободному творчеству актера-исполнителя. Спектакли Кабуки очень продолжительны, обычно длятся с 3-х часов дня до 11.30 вечера, представление состоит из 3-4-5 самостоятельных частей. Первые гастроли театра Кабуки в СССР состоялись в 1928. К ним был выпущен специально подготовленный номер журнала «Красная панорама» (№32), почти все авторы которого являлись учениками Н.И.Конрада. Здесь появились одни из первых статей и переводов Н.И.Фельдман, Л.Д.Позднеевой, переводы А.Е.Глускиной. Одновременно с грифом Всесоюзного общества культурных связей с заграницей и под редакцией Н.И.Конрада издан сборник статей «Японский театр» (в т.ч. очерк Конрада «Театр Кабуки: Его история и теория»).

³⁵ Нам, как и составителям новейшей библиографии Н.И.Конрада (М., 1994), не известны переводы театроведческих работ Конрада на японский язык до 1961. Изданное на русском см.: Театр Но // О театре. Л., 1926. С.100-126; Театр Кабуки // Театральный Октябрь. Л.; М., 1926. Т.1. С.101-120; Театр Кабуки. Л.; М., 1928; Театр в Японии: Общий очерк // Японский театр: Сб. ст. Л.; М., 1928; Японский театр // Восточный театр: Сб. ст. Л., 1929, и др.

³⁶ Сценическое имя актера Кабуки служит обозначением определенного амплуа, исполнительского стиля и уровня мастерства актера. *Итикава Энноске* — по выражению Н.И.Конрада «в реестрах населения по месту прописки» — Киноси Масаясу. В 1960-е возглавлял труппу Кабуки. Его первое выступление состоялось в 4-летнем возрасте (тогда он еще носил имя Итикава Данко) в 1892 в роли «ребенка». Имя «Энноске» присвоено в 1910, оно было последним артистическим именем его отца — Энноске I (ум.1923), известного актера Кабуки, создателя этого «имени». Энноске, один из главных деятелей движения «Нового Кабуки» (Син-Кабуки), в 1919 побывал на Западе. С ним, а также с Итикава Садандзи (ум.1939; в 1920-е возглавлял труппу Кабуки; амплуа — героические роли), связано реформирование Кабуки, обращение театра к новой драматургии. Не меняя основного эстетического канона Кабуки, они стремились выра-

ботать в рамках этого стиля новые сценические приемы, которые могли бы доходить до современного зрителя.

³⁷ *Накамура Утаэмон V* (ум.1940) — в 1920-е ведущий актер «Кабукидза» — основной тогда сцены Кабуки. Его сын — Накамура Утаэмон VI возведен на отцовское место в 1951.

³⁸ *Ханамити* («цветочная тропа») — характерная черта эстетики Кабуки; узкий помост, начинающийся от сцены, на левой (для зрителя) ее половине и идущий через весь партер немного выше уровня головы сидящих зрителей; другим концом упирается в заднюю стену зрительного зала, где заканчивается небольшим занавешенным ходом в фойе, откуда под полом имеется сообщение с кулисами, т.о. соединяет сцену с залом, приближая актеров к зрителям, и расширяет пределы сцены. Через ханамити обычно выходят актеры, происходит первый выход героя или важное по ходу действия появление разных персонажей, здесь произносится решающая часть монолога «под занавес».

³⁹ *Тао Цянь* (Тао Юаньминь; 365-427) — один из крупнейших поэтов Китая; основоположник целого направления, в дальнейшем развитого в китайской литературе, — «поэзии полей и садов»; *Чжоу Дун-и* (1007-1073) — один из крупнейших представителей философской школы Сунской династии. По Чжоу Дун-и, пион — «богач, вельможа знатный», «любовь к пиону подойдет поэту из толпы», в то время как священный для буддистов цветок — лотос — «рыцарь чести, благородный человек», «из грязи растет он, а сам не грязнится». Цит. по переводам В.М.Алексеева «О любви к лотосу» в книге «Китайская классическая проза» (М., 1958. С.306-307) и «Я лотос люблю» (Дневные звезды: Восточный альманах. Вып.2. М., 1974. С.502-504).

⁴⁰ *Но* (или: Ногаку) — музыкально-танцевальная драма, первая драматическая форма, появившаяся в истории японской литературы. Создателями Но являются Каньями (1333-1384) и его сын Сэами (1363-1443), который был не только автором пьес, музыки и хореографии, но и теоретиком своего искусства, сформулировавшим его принципы в своих трактатах (главный из них «Кадэнсё»). Как он, так и прочие авторы пьес, были в то же время актерами — исполнителями главной роли, постановщиками и учителями своего искусства, а также руководителями и хозяевами труппы, организованной по принципу замкнутого цеха с наследственным мастером во главе. Как жанр Но стабилизировалось в своем развитии и дошло до нашего времени, войдя в состав классического национального театрального искусства, как особо изысканная его форма, доступная сейчас пониманию сравнительно узкого круга знатоков и любителей. В основе Но как представления лежит текст, слагающийся из разных по литературно-языковому качеству частей: от ритмической прозы до стиха, от ораторской речи до разговорно-бытовой. Важнейшим сюжетным и исполнительским элементом драмы Но является «превращение»: герой сначала появляется не в своем истинном облике, потом — в истинном. Например, божество сначала появляется в виде человека, затем — бога; дух воина — сначала в виде человека, затем — выходца с того света,

и т.п. Кульминация сюжета связана именно с раскрытием подлинного облика героя и рассказом о его деяниях, судьбе, подвиге, горе и т.п. В связи с этим действие разбито на два акта — с героем еще не открывшимся и героем открывшимся. Открывшийся герой появляется в маске и своем особом костюме, до этого он без маски и без костюма.

⁴¹ См.: Японская лирическая поэма: Поэт из Танского царства (Бо Лэтянь) // О театре: Сб. ст. Л., 1926. С.126-136.

⁴² *Дандзюро I* (1660-1704) — один из основоположников Кабуки, создатель «трагического представления» (аравото). Наследственная передача актерских «типов» и одновременно родство не по крови, а по искусству, — таковы характерные черты сложной организации японского актерства, приводившие к тому, что новый «Дандзюро» мог быть актером и не из семьи предыдущего. В этом случае «постороннего» усыновляли. Энноске I был племянником Дандзюро IX (1838-1903) — величайшего актера Кабуки второй половины XIX в.

⁴³ Английский актер *Эдмунд Кин* (1787-1833) — лучший трагический актер Англии своего времени.

⁴⁴ См.: Театр Кабуки: Программа к гастролям. М., 1961.

⁴⁵ *Тикамацу Мондзаэмон* (1653-1724) — один из крупнейших японских драматургов; писал преимущественно «Дзерури» — монодические драмы для кукольного театра, но немало пьес и для театра Кабуки. Его «Драмы» (М., 1963) изданы в переводе ученицы Конрада — В.Н.Марковой.

⁴⁶ Далее в письме: «"Круги", вызванные появлением статьи в "Новом мире", все расширяются. Эффект получился гораздо больший, чем я допускал. Имею письма от совершенно мне неизвестных, но очень крупных искусствоведов, театроведов, литературоведов и философов. Преобладающая реакция — очень благоприятная, но я знаю, что кое-кто негодует — и на меня и на "Новый мир". Вполне допускаю появление в печати контр-статьи. Это меня, конечно, не пугает. Иначе и быть не могло. Я же знал, что пишу...» В «Новом мире» (1964. №9) была опубликована статья Конрада «Шекспир и его эпоха» — развернутая рецензия на книгу М.В. и Д.М.Урновых «Шекспир. Его герои и его время» (М., 1964).

⁴⁷ Имеется в виду «Большой японско-русский словарь», авторы которого получили в 1972 Государственную премию СССР. Работа над словарем начиналась еще в 1930-е и была прервана арестом Н.И.Конрада в июле 1938. Об одном из этапов работы над словарем Конрад вспоминал в письме Б.Б.Вахтину 9 февраля 1963: «В 1941 г., когда я уже был возвращен в Москву и "дело" шло "наоборот", мне разрешили читать в своем "кабинете" японские журналы — новейшие. И вот я, читая эти материалы, думал о словаре (того времени) и выписывал на карточки те слова, которые по моему предположению могут не оказаться в существующих словарях. Так создавалась картотека из более 10 тыс. карточек. Все это мне было разрешено взять с собою. И теперь, когда пошла работа над новым словарем, Наталья Исаевна проверила все эти карточки и все, что оказалось нужным, вставила в корпус словаря. А карточки эти — и чудом появились и чудом сохранились. И — чудом не пропали».

⁴⁸ С 1962 Н.И.Конрад являлся председателем редколлегии серии «Литературные памятники». О том, как происходило обсуждение и принятие плана серии в Редакционно-издательском совете АН СССР, красноречиво рассказывает его письмо Вахтину от 3 декабря 1963: «Мне пришлось полторы недели тому назад все-таки пойти на заседание РИСО: надо было отстаивать план новых изданий по линии "Памятников литературы". Я знал, что этот план вызвал в лучшем случае недоумение и вряд ли будет принят. В нем значились, между прочим, такие произведения: "Уайя" Марии Французской, цикл "Тристан и Изольда" (включая поэму Готфрида Страсбургского), Иосиф Флавий "Иудейская война", Дион Кассий, стихи Г.Аполлинера, весь Бодлер... И другое в этом же роде. Совет на 3/4 состоит из "физиков", а "лирики" там это — философы из разряда "классиков", экономисты, занимающиеся конъюнктурой и преданные ей; был один языковед, два историка (русских); литературоведа — ни одного. Председатель — акад. Кириллин, наш новый "первый вице-президент", он — теплотехник и бывший заведующий отделом науки в ЦК. Он сразу же предложил мне обосновать каждый памятник. Все сие моментально ввело меня "в форму", и я начал аргументировать. И вот, желая убедить почтеннейшую публику в полезности издания на русском языке "Римской истории" Диона Кассия, я сказал: "Он, этот историк, обладал одним предрассудком, которого, разумеется, нет у современных историков: Дион Кассий считал, что историю нужно писать так, чтобы ее читали, т.е. попросту писать интересно. И это ему удалось... И он сам объясняет почему: в предисловии он говорит, что писал, повинувшись голосу своего 'демона', сидящего в нем". К этому я добавил: о том, как важно прислушиваться к своему "демону", свидетельствует опыт Сократа, который, как он сам сказал, все, что он высказал, высказал, подчиняясь своему "демону". Вот для того, чтобы разоблачить античного историка, показать его предрассудок — несомненное следствие его классовой ограниченности, мы и хотим издать его "Римскую историю". В том же духе я аргументировал и дальше. Например о Бодлере сказал так: "Да, он написал 'Цветы Зла'. Но надо понять, о цветах какого 'зла' он говорил. А для того, чтобы это понять, надо вспомнить, как Бодлер, в красном жилете вместе с друзьями шел в вечер премьеры 'Эрнани' приступом на твердыни догматизма... А тогда догматизм рядился в тогу 'классицизма'..." Ну вот, так и о всем прочем. Кончилось неожиданно: Кириллин предложил принять... И было все принято без единого возражения или вопроса».

Заметим, что несмотря на столь весомую аргументацию, этот план так и не был реализован, за исключением его поэтической части. Несколько слов о судьбе упоминаемых Конрадом в письме изданий. «Божественная комедия» и «Малые произведения» Данте изданы только в 1968. Оба издания подготовлены И.Н.Голенищевым-Кутузовым (1904-1969). «Стихи» Г.Аполлинера в 1967 (перевод М.П.Кудинова, статья и примечания Н.И.Балашова, ныне академика РАН), «Цветы Зла» Ш.Бодлера в 1970 (под ред. Н.И.Балашова), два тома «Лирики» Ф.И.Тютчева (подг. К.В.Пигарев) — в 1965.

⁴⁹ Речь идет о подготовке проспекта средневекового тома «Истории мировой культуры» — так и не реализованного проекта группы философии истории Института философии АН СССР.

⁵⁰ См. об этом в статье Н.И.Конрада «Полибий и Сыма Цянь» (Вестник древней истории. 1965. №4).

⁵¹ Академические выборы 1966 — последние в послесталинской оттепели. Их результаты, несмотря на значительное давление «сверху» (описание «механизма» см. в письме Конрада П.Н.Беркову от 3 мая 1966: «...у меня был один претендент на звание академика по литературоведению, который может оттеснить абсолютно всех других. Он уже заручился поддержкой К.А.Федина. Говорил с П.Н.Федосеевым, кажется, даже с президентом. Кандидат этот — из очень высоких правительственных сфер и думаю, что они, эти сферы, не будут тут инертны. /.../ будет борьба». — СПбФ АРАН. Ф.1047. Оп.3. Д.308. Л.4), оказались весьма неожиданными для власти. Так, Общее собрание АН СССР отвергло кандидатуру С.П.Трапезникова, в то время заведующего отделом науки ЦК КПСС, на место члена-корреспондента АН СССР по отделению истории. По отделению литературы и языка выдвигались не менее одиозные фигуры, например, А.И.Овчаренко, в ближайшем будущем один из погромщиков «Нового мира» А.Твардовского (см. об этом, напр., воспоминания Н.Яневич «Институт мировой литературы в 1930-1970-е годы» // Память: Истор. сборник. Вып.5. М., 1981; Париж, 1982. С.145-148), но прошли — языковед-иранист М.Н.Боголюбов и славист-литературовед Д.Ф.Марков (члены-корреспонденты), а действительными членами стали М.Б.Храпченко и В.М.Жирмунский. Ему Конрад писал 19 июля 1966 (отметим, что автограф письма сохранился в архиве Конрада и не исключено, что оно не было отправлено): «Наша минувшая сессия — и тем, что произошло в Отделениях (не только у нас), и тем, что случилось на Общем Собрании, — несомненно займет особое место в истории нашей Академии. Мне еще в Москве пришлось — в очень разных местах — слышать самую высокую оценку всему происшедшему. Мелькало даже слово "историческая"... В высшей степени примечательно мнение нашей научной молодежи, как Вы знаете, в своей значительной части — очень образованной, умной, мыслящей широко и свободно. Приведу лишь одно высказывание, но открывающее самое существо их оценки случившегося: "Наконец-то старшее поколение показало себя принципиальным, мужественным и действительно думающим о науке в нашей стране! А то мы, к сожалению, уже думали, что у него все эти качества уже давно исчезли". Эти слова меня радуют, но с другой стороны и огорчают. До чего же оказывается, дошла репутация "старшего поколения", т.е. нашего поколения, дорогой Виктор Максимович» (АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.282. Л.5-5об.).

⁵² Так в публикации, подготовленной Б.Б.Вахтиным. В оригинале письма фигурирует конкретное имя: *Николай Трофимович Федоренко* (р.1912). Филолог, литературовед-синолог. Член-корреспондент АН СССР (1958). Советник посольства СССР в КНР (1950-1952), посол в Япо-

нии (1958-1962). Постоянный представитель СССР в ООН и Совете Безопасности (1963-1968). Главный редактор журнала «Иностранная литература» (с 1970).

⁵³ Далее в письме: «Но вряд ли он сможет выдержать конкуренцию с Лихачевым, Реизовым и Храпченко. Насколько я знаю, на обсуждении его кандидатуры в отделе литерат. памятников против нее возражал не один Пятигорский, но еще двое или трое сотрудников. И голосование было такое же, как у Вас. Это мне сказал сам Е.П.Челышев, который вел собрание. Значит это — верно. Да иначе Л.З.Эйдлин не закончил бы собрание заявлением, что он оставляет за собой право все же выставить кандидатуру Н.Т. на заседании Ученого Совета. Почему-то на заседании совета ее не выставили: говорят, что нашли удобнее попытаться провести это дело через Ленинград».

⁵⁴ Речь идет о выступлении Конрада на предзащите известного сиолога, ученика В.М.Алексеева *Льва Залмановича Эйдлина* (1909-1985), чья книга «Тао Юаньмин и его стихотворения» (М., 1967) защищалась в 1969 в качестве докторской диссертации. Черновые записи этого выступления Н.И.Конрада см.: АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.102. Л.245-297.

⁵⁵ *Чжун Жун* (VI в.) — автор «Шипинь» («Категории стихов»), самого древнего из дошедших трактатов по теории поэзии в Китае.

⁵⁶ Не совсем точно цитируется по: Китайская литература: Хрестоматия / Сост. Р.М.Мамаева. Т.1. С.217-219.

⁵⁷ Трактат, авторство значительной части которого приписывается одному из основоположников даосизма, поэту и философу Чжуан Чжоу (Чжуанцзы; ок.369-286 до н.э.).

⁵⁸ Даосский философский трактат (II в. до н.э.).

⁵⁹ Моизм — школа учеников и последователей Мо Ди (Мо-цзы) V-III вв. до н.э., философского противника Конфуция.

⁶⁰ Под заглавием «Читая "Шаньхайцзин" — "Книгу Гор и Морей"» у Тао Юаньмина объединено 13 стихотворений, в первом из которых поэт говорит о «Шаньхайцзин» — повести обо всем удивительном и «Истории Чжоу-вана» — жизнеописании чжоуского государя Му (считается, что различные части первого памятника написаны в разное время — от VIII в. до н.э. по IV в. н.э.; второй датируется примерно V-IV вв. до н.э.).

⁶¹ Перечислены конфуцианские и даосские философские памятники.

⁶² *Вакенродер* Вильгельм Генрих (1773-1798) — немецкий писатель, оказавший большое влияние на формирование эстетики немецкого романтизма; утверждал, что только в искусстве возможно целостное познание мира.

⁶³ См.: Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве / Пер. и иссл. Н.И. Конрада. М.:Л., 1950. Перевод сделан Конрадом в заключении во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке в 1941.

⁶⁴ *Шэнь Юэ* (441-513) — китайский поэт эпохи Хань, установивший правила тональности и рифмы, ставшие обязательными и для танских поэтов.

⁶⁵ О противопоставлении *се* (уклон, косой поворот, скос) — *чжэнь* (прямота, правильность, честность) в даосской философии см., напр.: Алексеев В.М. Китайская литература. М., 1978. С.447.

⁶⁶ *Семанов* Владимир Иванович (р.1933) — синолог-литературовед, доктор филологических наук, зав. сектором литератур Азии и Африки ИМЛИ АН СССР.

⁶⁷ Статья Л.З.Эйдлина «Идеи и факты: Несколько вопросов по поводу идеи китайского Возрождения» (Иностранная литература. 1970. №8. С.214-228), которая упоминается в этом и последующих письмах Конрада, появилась как бы в рамках многолетней дискуссии о региональных ренессансах, инициированной рядом работ Конрада на эту тему, первая из которых по времени появилась в 1955 («Средние века» в исторической науке // Из истории социально-политических идей: Сб. ст. к 75-летию ак. В.П.Волгина. М., 1955. С.76-96), хотя само понятие «китайского Ренессанса» впервые (в известных нам рукописях) появляется у Конрада в неопубликованных «Очерках истории китайской литературы», писавшихся еще в 1941. Стремясь наметить общую схему исторического процесса в древности и средневековье, Конрад выдвинул концепцию «восточного Ренессанса» и высказал мысль о том, что понятие «Ренессанса» как явления мирового может быть рассмотрено и применительно к истории Востока. Отметим, что не стоит приписывать именно Конраду авторство идеи о «восточном Ренессансе», известной в мировой науке и до него (см., напр., совсем недавно опубликованный перевод книги К.Кирквуда «Ренессанс в Японии», написанной в 1930-е годы); в СССР в 1940-х годах идеи «восточного Ренессанса» развивал Ш.И.Нуцубидзе, а в 1949 с докладом «Русский ренессанс» на научной сессии ЛГУ выступал И.И.Иоффе. Однако их работы не вызвали значительного резонанса. Заслуга Конрада видится прежде всего в том, что он поставил, по определению Вяч. Вс. Иванова, «проблему эквивалентности разных — языковых, письменных, культурно-исторических — способов выражения одной и той же идеи» (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып.313: Труды по востоковедению. Т.П. 4.2. Тарту, 1973. С.497), «спровоцировал» публичный интерес и внимание к историко-культурологическому, философскому осмыслению всемирной истории, тем самым приняв на себя «огонь» как позитивной критики, так и ожесточенного неприятия. Дискуссионная постановка проблемы буквально взбудоражила гуманитарное сообщество, что стало едва ли не важнейшим ее следствием (подробнее см.: Петров М.Т. Проблема Возрождения в советской науке: Спорные вопросы региональных ренессансов. Л., 1989. Показательно, что в предисловии к книге автор заявляет себя участником дискуссии, а не ее историографом).

⁶⁸ *Позднеева* Любовь Дмитриевна (1908-1974) — востоковед, ученица Н.И.Конрада. Доктор филологических наук, зав. кафедрой китайской филологии, филологического факультета Института восточных языков

МГУ; *Брагинский* Иосиф Самуилович (1905-1989) — востоковед, доктор филологических наук. Научный сотрудник Института востоковедения и мировой литературы АН СССР. Главный редактор журнала «Советское востоковедение» — «Народы Азии и Африки» (с 1957).

⁶⁹ У-цзы. Трактат о военном искусстве / Пер. и комм. Н.И.Конрада. М., 1958.

⁷⁰ См.: Роулэнд Б. Искусство Запада и Востока / Ред. и комм. Н.И. Конрада. М., 1958.

⁷¹ По-видимому, Н.И.Конрад имеет прежде всего в виду свое участие в защите кандидатской диссертации Л.З.Эйдлина, которому он оппонировал. В первом после выхода из заключения письме к В.М.Алексееву (6 сентября 1942) Конрад так сообщил об этом: «Познакомился здесь [в эвакуации в Фергане. — М.С.] с Вашим аспирантом Эйдлиным... Давно не видел такого китаиста. И где... в МИВ'е [Московский институт востоковедения. — М.С.]!.. Ведь здесь, конечно, верх науки — газеты. И вдруг — человек совершенно иных знаний, иных вкусов, иной складки! Было страшно приятно встретить такого. Я не мог поэтому не взять на себя смелой задачи провести его защиту. /.../ защита вылилась в подлинный триумф. И что самое удивительное — триумф темы, материала, работы. Насквозь литературная работа, работа, посвященная четверостишиям Бо Цзю-и... И вдруг — в МИВ'е! Да как проходит, с каким блеском! Не могу не чувствовать с удовлетворением, что частично способствовал успеху, — действительному успеху! — и я, не постеснявшийся более 2-х часов говорить только о литературе...» (СПбФ АРАН. Ф.820. Оп.3. Д.438. Л.40).

⁷² Имеется в виду 2-й том «Истории всемирной литературы».

⁷³ Вахтин Б.Б. Заметки о лирике Шэнь Юэ // Историко-филологические исследования. М., 1974.

Л.Я.Лурье
НОВОЕ О НЕЧАЕВЕ
(По материалам рукописного отдела ИРЛИ)*

История этой скромной статьи показательна для биографии той группы историков, к которой принадлежали покойный Феликс Федорович Перченко и я. Она была написана 20 лет назад, в 1974. Неоднократные попытки ее напечатать наталкивались на многообразную систему изменчивых препятствий, связанных как с биографией ее героя, так и с биографией автора.

По мере каменения брежневского режима, его идеологи испытывали все большую неприязнь к русскому революционному движению. И они были по-своему правы. Желябов психологически ближе (при всем различии между ними) к Саблину, Ильину и Буковскому, чем к Сулову, Шауро или академику Кукушкину. Поэтому мне, тогда интересовавшемуся историей борьбы с авторитарным государством, было проще в конце концов переключиться на историю такого противостояния после 1917, нежели пытаться протаранить идеологическую стену. Особая благодарность за это профессорам Герасименко и Дубову, дважды (оба раза за день до назначенной защиты) не дававшим ходу моей диссертации — в 1978 в Саратове и в 1983 в Ленинграде. Благодаря этим обстоятельствам мне и довелось стать соучастником таких замечательных людей, как Ф.Ф.Перченко, по «Памяти» и «Минувшему».

Сергей Нечаев любил придумывать себе биографию заново, в зависимости от окружения и цели. Особенно усердно он поддерживал миф о своем происхождении. Плебей среди дворян, простой человек, представитель народа, до 16 лет неграмотный — такой «имидж» был выигрышным в глазах кающихся дворян 1840-х годов — Огарева и Бакунина, петербургского студенчества и либералов, жертвовавших деньги на революцию.

Между тем социальный генезис Нечаева и без тех мифов, которые он создавал вокруг себя, достаточно неординарен, о чем свидетельствуют материалы его архивного фонда в рукописном отделе Пушкинского Дома.

* Благодарю своего учителя Н.А.Троицкого, просмотревшего статью в рукописи, за ценные замечания.

Подробности детства и юности Нечаева были известны уже к середине 1920-х годов. Однако две основные работы, опубликованные в малотиражных провинциальных изданиях, до сих пор оставались вне поля зрения исследователей¹.

Сергей Геннадьевич Нечаев родился 20 сентября 1847 в селе Иваново Шуйского уезда Владимирской губернии. Его родителями были: незаконнорожденный сын дворовой крестьянки помещика Епишкова — Геннадий Павлович Нечаев и выкупившаяся на волю крепостная помещика Фоминщикова — Прасковья Петровна Литвинова. Литвиновы, еще будучи крепостными, содержали в Иваново красивую мастерскую с шестью работниками и были людьми довольно состоятельными. Отец Нечаева считался в Иваново человеком незаурядным и заметным. Он был ткачом, как и большинство ивановцев, но, войдя в семью тестя, быстро освоил малярное дело и писал вывески (что, при почти всеобщей неграмотности, было, по-видимому, делом редким и прибыльным). Впрочем, позже он приобрел еще одну экзотическую по тем временам профессию: официанта и буфетчика — организатора банкетов и кутежей знаменитых ивановских купцов-миллионщиков.

Сергей Нечаев воспитывался в семье деда; мать умерла, когда ему было всего 7 лет. Отец уехал из Иванова в Шую, где работал буфетчиком. В семье деда (который, как и отец, был грамотен) Сергей жил по ивановским меркам почти роскошно. У мальчика была отдельная комната, его и двух младших сестер учил грамоте домашний учитель. Когда отец вернулся в Иваново, то попытался устроить десятилетнего сына конторщиком к фабриканту Горелину, но Сергей потерял какую-то важную бумагу. Решив, что работать сыну еще рано, Геннадий Павлович забирает его домой.

В 1859 в Иваново приезжает В.А.Дементьев, публицист и народный учитель, организовавший нечто вроде частной школы. В нее ходят Нечаев с сестрами Анной и Феонией, как и дети крупнейших ивановских фабрикантов Гандуриных и Борисовых. Своей школе В.Дементьев посвятил очерк «Учитель Живучев и купец Галкин». Здесь прототип одного из героев почти наверняка двенадцатилетний С.Г.Нечаев. Это устанавливается по статье их общего приятеля, писателя-ивановца Ф.Д.Нефедова, который писал:

¹ Экземплярский П.М. Село Иваново в жизни Сергея Геннадьевича Нечаева // Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Иваново-Вознесенск, 1926. Вып.4. С.5-22; Малицкий Н. К биографии С.Г.Нечаева // Труды Владимирского губернского научного общества по изучению местного края. Вып. III. Владимир, 1921. С.133-136; см. также: Бельчиков Н. С.Г.Нечаев в с.Иванове в 60-гг. // Каторга и ссылка. 1925. №1. С.134-156; он же. Из быта литературных кружков 60-70 гг. / Бельчиков Н. Народничество в литературе и критике. М., 1934.

«В статье "Учитель Живучев и купец Галкин" /.../ был выведен юноша, которому впоследствии пришлось получить громкую известность»². Никто из других учеников Дементьева известности не приобрел. Имя ученика не названо (статья написана в 1884, когда упоминание о Нечаеве в подцензурной прессе было немислимым), хотя имена других учеников и приятелей Дементьева Нефедов называет. Исходя из этого и из совпадения многих черт биографии младшего Галкина и юного Нечаева, можно с большой долей вероятности считать, что мальчик Володя из очерка — Нечаев.

Дементьев писал: «Пригласил меня в учителя к /.../ десятилетнему мальчику и двум его старшим сестрам один здешний купец Галкин /.../ Он был вдовец /.../ Дети жили с дедушкой и бабушкой по матери, которые были люди самые простые /.../ Десятилетний мальчик Володя удивил меня своими способностями. Он понимал и усвоял все одинаково быстро /.../ и вдобавок имел уже очень развитую мыслительность. Он в десять лет уже интересовался всем /.../ Но /.../ в манерах и словах его было что-то дикое: /.../ на серьезную роль отвечал каким-нибудь острым, не детским софизмом или полуцинической шуткой. /.../ представлял мне сочиненные им самим сцены, которые все вертелись около следующих предметов: как пьяницу или вора ташут к становому и как становой чинит над ним расправу, как купец командует над приказчиком или учитель над учениками, пьяный муж над женой /.../ Сатиры во всем этом нисколько не проглядывало /.../. Я расспросил его о прошлой жизни, и он откровенно рассказал мне, что отец, пьяный, обижал их и бил детей понапрасну, когда ему вздумается, когда зол»³.

Дружба с В.А.Дементьевым и его ивановским окружением — Ф.Д.Нефедовым, М.А.Рязанцевым — в значительной степени повлияла на Нечаева, усилила тягу к учению. В 1862 Нефедов уехал из Иванова в Москву, куда перед этим переехал Дементьев. Между Нечаевым и старшими друзьями продолжалась переписка. В августе 1865 в Москву уехал и Нечаев (там он некоторое время был секретарем известного историка и славянофила М.П.Погодина), а через год он перебрался в Петербург, где, сдав экзамены, стал народным учителем. Из столицы он ведет переписку с родными — редкий пример дошедшего до нас эпистолярного источника, исходящего из мещанской среды 1860-х годов.

² Нефедов Ф.Д. Александр Иванович Левитов // Левитов А.И. Собр. соч.: В 2 тт. Т.1. М., 1884. С.ХС.

³ Дементьев В.А. Учитель Живучев и купец Галкин // Воспитание. 1860. №3. С.139-145. Ср.: Бельчиков Н. С.Г. Нечаев в с.Иванове. Указ. изд. С.154.

Колоритны письма Г.П.Нечаева⁴, пестрящие синтаксическими и орфографическими ошибками; они близки к разговорной манере, написаны человеком наблюдательным и ехидным. Г.П.Нечаев чрезвычайно напоминает известного по автобиографической трилогии Горького деда Каширина (как, впрочем, семья матери Нечаева — семью Кашириных-Пешковых, та же среда, те же интересы; Нечаев-младший, как и Горький, был сиротой, воспитывался бабушкой и дедушкой и так же жил в доме, где располагалась принадлежавшая дедушке красильная артель).

Вот пример его эпистолярной (здесь и далее по возможности сохраним синтаксис и орфографию автора): «На Фоте сватывается жених Балакирев, каретник я думаю ты знаешь его третий брат небольшого росту ей не ндравится да и я по своему не желаю потому семейство большое да есть еще сестры а уж эти золохвки мне известны так хочу отказать». Впрочем, Феонию (старшую из Нечаевских сестер) хотя и не отдали за Балакирева, который ей «не ндравился», но все равно выдали замуж помимо ее воли за сына домохозяина. Нечаев-младший был этим недоволен и, чтобы не допустить той же участи для сестры Анны, увез ее к себе в Петербург.

Отзывы Г.П.Нечаева о ивановском обществе и местном начальстве, как правило, недоброжелательны. Однажды Нечаевых обокрали. Г.П.Нечаев пишет: «Пошли объявить помощнику пристава чтобы он сделал следствие об взломе. Ты знаешь его противную морду и как он кричит — "убирайтесь вон отчего вы не стерегли вы знаете что есть выпущены из острогу вор знаменитый Зонин это его дело и работа"». Или просит Г.П.Нечаев передать сыну в Москву посылку: «Подумай об наших ивановских свиньях могут разве кто это сделать мы попросили эту фрю [т.е. Алексея Капащинского] куда тебе ни за что. В таком случае я хочу к тебе побывать сам и что нужно привезу». Отец в своих неладах с тещей и тестем просит сыновнего заступничества: «Прошу тебе напиши сестры чтобы они не сдавались на слова бабушки которая им ничего не сделает доброго кроме худого вообрази какая штука. Я находился почти целую неделю в работе у Зубков, так что уходил в 5 час утра и возвращался домой в 9 и 10 ч. В один прекрасный вечер я являюсь домой в 7 часов. Первый вопрос: о чем? Ответ: дела много, но от рук не идет даже сегодня многим отказалась. А где дети! Оне ушли к бабушке в гости! — Нашли время. Я одеваюсь и иду туда. Вдруг слышу голоса: ты не смотри на нее не

⁴ Хранятся: ИРЛИ. Ф.197 (С.Г.Нечаева). Д.1. Характеризуемые далее письма Г.П.Нечаева см. там же на лл. 6, 7, 12, 14, 15, 17, 19, 23.

уступай ни в чем ты сама. Я приостановился близ забору и они прошли посереде дороги не заметили меня. Я за ними пошел и слышал многое которое и нехочу передавать; одним словом все клонилось к расстройству в семействе».

Бранчливый характер и некоторая авантюренность Нечаева-старшего приводили к тому, что удачи часто сменялись в его жизни невзгодами. Он несомненно пользовался уважением ивановского общества, был присяжным заседателем, бывал хорош с ивановскими купцами-миллионщиками⁵. Однако любовь к картам и пьянство привели его в 1868 к финансовому краху⁶. Известно, что летом того же года Нечаев-младший приезжал в Иваново, чтобы улаживать семейные дела. Надо заметить, что Геннадий Павлович был очень заботлив к Сергею, почти в каждом письме сообщал о высылке денег, подарков, причем посылал довольно значительные суммы⁷. Последующая революционная деятельность Нечаева, осуждавшаяся его бывшими ивановскими приятелями, вызвала у отца чувство столь же неприязненное. Он отказался встречаться с сыном, передавал полученные письма в полицию. Однако неожиданный этот человек попал все же под тайный надзор полиции.

«Помощник Шуйского городского пристава Овчинский /.../ донес, что 25 числа текущего месяца [май 1873] в г. Иваново-Вознесенске, в театре, устроенном в доме гр. Шереметьева, по окончании драмы "Каширская старина" группой актеров под дирекцией Хотиева-Самойлова исполнен был в память спасения государя императора в Париже /.../ народный гимн "Боже царя храни". При начале пения этого гимна, бывший в театре шуйский мещанин Геннадий Павлов Нечаев, смявши имевшуюся в руках афишу, бросил ее чрез народ и затем, несмотря на то, что все во время гимна встали, он сидел на месте в картузе /.../ затем произносил какую-то брань». О поведении Г.П.Нечаева доложили Александру II (Нечаев-младший в это время уже сидел в Алексеевском равелине). Император приказал оставить дело без последствий, но учинить над Г.Нечаевым секретный надзор, под которым тот и находился до конца своей жизни⁸.

Помимо писем Г.П.Нечаева в фонде С.Нечаева интерес для исследователя быта представляют письма к нему других корреспондентов-ивановцев — сестер, деда (письмо написано архаичной

⁵ ИРЛИ. Ф.197. Д.1. Л.14об.-16об.

⁶ Там же. Д.7. Л.6-8об.

⁷ См. об этом: там же. Д.1. Л.1об., 3об., 7.

⁸ Малицкий Н. К биографии С.Г.Нечаева. Указ. изд. С.134.

скорописью конца XVIII века), приятеля и соученика С.Нечаева А.Капацкого⁹, некоего Тарасова, писавшего из Иванова в Москву Сергею Геннадьевичу: «/.../ как я человек знакомый с современной литературой и столь же цивилизованный, то в таком случае имею необходимость обратиться к Вам за советом относительно учения как к человеку доброму и современно цивилизованному»¹⁰.

Ивановские связи Нечаева играли большую роль и в дальнейшей его жизни — в период революционной деятельности.

В фонде П.Е.Щеголева сохранилось неопубликованное письмо сыну ивановского фабриканта Н.Махину (от 18 мая 1869)¹¹. Оно похоже на другие письма, которые Нечаев рассылал из-за границы после бегства из России в 1869 многим знакомым. Письма эти в громадном большинстве перлюстрировались в III отделении и доставляли получателям большие неприятности. Часто цель Нечаева заключалась именно в том, чтобы скомпрометировать адресата (так он поступал, например, по отношению к своим политическим противникам Натансону и Негрескулу). В письме к Махину Нечаев пишет: «Махин — если имеешь лишние деньги — пришли в Женеву на следующий адрес: Швейцария, Geneve, maison 3. Rue J.P.Lefrançaise. Этот адрес ты никому другому не сообщай. Соберись и приезжай сам. Началось дело, требующее участия всех честных людей. Для отыскания меня отправься к Огареву, живущему Geneve, rue Parisien, 94. Он скажет тебе мой адрес. Перед отъездом условься в адресах с московскими товарищами».

Надо заметить, что письма эти ничего, кроме ненависти к Нечаеву, у его невольных корреспондентов, не вызывали. Известно, что таким образом Сергей Геннадьевич погубил своего ивановского друга А.О.Капацкого (он был выслан из родного города, лишился работы и умер в нищете)¹². Ивановские приятели были, в целом, настроены враждебно к Нечаеву именно из-за этих его проделок. В частности, земляк Нечаева Н.Богомоллов писал Ф.Нефедову: «/.../никогда особенно неразговорчивый, никогда не страдавший особенною склонностью к разрешению рекламы со-

⁹ См.: ИРЛИ. Ф.197. Д.6, 7, 8 и 13.

¹⁰ Там же. Д.17. Л.1.

¹¹ Там же. Ф.124 (П.Е.Щеголева). Оп.1. Д.5 (материалы к монографии о С.Г.Нечаеве). Л.54. В фонде П.Е.Щеголева, историка, много сделавшего для изучения биографии Нечаева, сохранились две объемистые папки с материалами для его незаконченной монографии о Нечаеве. Среди материалов — копии стенограммы суда над Нечаевым, перлюстрированных III отделением писем Нечаева, его издания.

¹² См.: Кузьмин Б. Неудавшаяся провокация (Новое о Нечаеве) // Красный архив. 1926. Т.1. С. 148-158.

циальных вопросов, в настоящее время, в виду возмутительных последствий, истекающих из инициативы подлецов Нечаева и Орлова, я стал еще замкнутее, и мысль, что эта нравственная и умственная сволочь своими грязными руками взялась комкать судьбы людей, если и не особенно чем-нибудь неотличающихся, то трудолюбивых и честных, произвели на меня чисто физическое действие, вызвавшее особое патологическое состояние, под влиянием которого я обретаюсь в данный момент»¹³.

Впрочем, сумятица, которую внес Нечаев в жизнь своих ивановских знакомых, едва ли была осознанной. Возможно, что в данном случае мы имеем дело не с макиавеллизмом автора «Катехизиса революционера», а с реальными надеждами на земляков. Во всяком случае известно, что из Алексеевского рavelина, через солдат распропагандированной им охранной команды, Нечаев передавал народовольцам, что они могут рассчитывать на два адреса в Иванове — Капащинского и Зубкова¹⁴.

Последний героический период жизни Нечаева, когда он, томясь в одиночке Петропавловской крепости создал среди своих охранников тайную организацию, готовившую покушение на Александра II, представлен в его фонде в РО ИРЛИ воспоминаниями А.А.Филиппова, написанными для не вышедшего в свет третьего тома книги «Народовольцы перед царским судом». Копию воспоминаний он послал историку Р.М.Кантору¹⁵.

В апреле 1881 после ареста Е.В.Дубровина, посредника между солдатами охранной команды и народовольцами, С.Г.Нечаев направил участников своей организации к новому посреднику, адрес которого стал ему известен от народовольца С.К.Ширяева, узника рavelина. Им стал мастер Охтинского порохового завода А.А.Филиппов (1857-после 1934). Он свел посланного Нечаевым к нему рядового охранной команды при Алексеевском рavelине П.П.Самойлова с С.П.Дегаевым (тогда народовольцем, позже — провокатором). Осенью 1881 Л.Мирский, тюремный сосед Нечаева, выдал созданную Нечаевым организацию. 12 марта 1882 Филиппов был арестован, 24 мая предан военному суду. Вместе с ним судили Дубровина и 17 солдат охранной команды¹⁶.

¹³ Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. XVIII. Владимир, 1917-1918. Прилож. С.106.

¹⁴ Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. 1983. С.381-383. А.Ф.Зубков — сын богатого купца, с детства дружный с Нечаевым и помогавший ему деньгами в период деятельности «Народной расправы» (см.: Нечаев и нечаевцы. М.;Л., 1931. С.204).

¹⁵ ИРЛИ. Ф.420. Д.2. Л.25-26.

¹⁶ Там же. Д.1. Л.172-173. Подробнее см.: Щеголев П.Е. С.Г.Нечаев в рavelине. 1873-1882 // Его же. Алексеевский рavelин. Указ. изд. С.292-312.

Об этом процессе и влиянии Нечаева на окружающих А.Филиппов вспоминал:

Всем свидетелям Лейхт [Лейхт С.А. — генерал-майор, председатель С.-Петербургского окружного военного суда. — *Л.Л.*] задавал приблизительно одни и те же вопросы.

Вопрос: — Ты записки передавал из камеры в камеру?

Ответ: — Так точно, Ваше Превосходительство. Передавал.

Вопрос: — А разве ты не знал, что этого делать нельзя?

Ответ: — Так точно, Ваше Превосходительство, знал.

Вопрос: — Ты знал, что этого делать нельзя, так почему же передавал записки?

Ответ: — Номер пятый приказывал.

Вопрос: — Да разве он имел тебе право приказывать?

Ответ: — Он всем приказывал.

Вопрос: — Да разве он новый начальник, что мог тебе приказывать?

Ответ: — Не могу знать, Ваше Превосходительство, он всем приказывал.

Все свидетели, допрошенные на суде, давали совершенно одинаковые ответы. Это произвело на судей, по-видимому, настолько подавляющее впечатление, что один из полковников не выдержал и громко заявил: «Да это настоящий комендант крепости». Фраза эта председателю очень не понравилась, он только передернул плечами.

Наибольший эффект произвел один свидетель, фамилию его я забыл; он произвел наиболее тяжелое впечатление своей подавленностью. На вопрос председателя: «Да почему же он исполнял приказание Номера пятого» — ответ: «Да он угрожал». Вопрос: «Да чем же он мог тебе угрожать?» Ответ: — «Да он говорил, что когда я пойду в город, то мне чем-то помажут по губам, и я сделаюсь немым»¹⁷.

Материалы Пушкинского Дома вместе с опубликованными французским историком М. Confino письмами Бакунина¹⁸, отражающими деятельность Нечаева за границей, — позволяют в значительной степени по-новому представить биографию этого сложного человека.

Революционная карьера Нечаева была неудачна. Человек титанического упорства, призывающий молодежь: «Будем глухи и немые ко всему, что не дело!»¹⁹ и сам отрицавший на практике все занятия, увлечения и моральные принципы, казавшиеся ему помехой революционному делу, — он был одиночкой; созданная

¹⁷ ИРЛИ. Ф.420. Д.147. Л.5об.-6.

¹⁸ Cahiers du monde russe et soviétique. 1966. №4. P.624-684.

¹⁹ Красный архив. 1929. №2. С.212.

им «Народная расправа» — фикцией. От него, после недолгого увлечения, отказались эмигранты — Бакунин, Огарев, Н.А.Герцен, на суде отрекались почти все «нечаевцы», он встретил серьезных и влиятельных противников в русском подполье. «Семидесятники»-революционеры, вступившие в борьбу с самодержавием позже Нечаева, не только всячески открещивались от «нечаевщины» и пытались изгнать всякую возможность появления ее в подпольных кружках; они не поддерживали сношений и с самим Нечаевым, противодействуя ему во всех его организаторских затеях. Как показал Б.Козьмин, такие видные революционеры, как Г.А.Лопатин, М.А.Натансон, Ф.Волховский, действовавшие одновременно с Нечаевым, были его заклятыми врагами²⁰. Тот же Козьмин высказал мнение, что в лице Нечаева и его оппонентов «столкнулись друг с другом представители совершенно различных психоидеологий, выросших на ниве различных общественных культур и вышедших из среды различных общественных классов»²¹. Его противники — дети дворян, выходцы из интеллигентных кругов; Нечаев — сын пьяницы-ремесленника. Такая «психоидеологическая» подкладка столкновений Нечаева с его современниками-революционерами несомненно существовала. Хорошо знавшая Нечаева В.Засулич писала, что большинство молодежи, даже оппозиционно настроенной, были для Нечаева только детьми «того же ненавистного общества, связанного с ним бесчисленными нитями, притом гораздо более склонными любить, чем ненавидеть; они могли быть для него средством или орудием, но ни в коем случае ни товарищами, ни даже последователями»²². Контраст между Нечаевым и нечаевцами и их наследниками «чайковцами» — поразителен. По словам историка В.Богучарского, когда приходишь от одних к другим, — «будто из душного подземелья попадаешь сразу на залитый солнцем, благоухающий луг»²³. Идеализация «мужика», характерная для «чайковцев», — неестественна была бы в выходце из народа Нечаеве, хорошо знавшем слабые стороны своих односельчан. Восемнадцатилетним юношей он писал Ф.Д.Нефедову о нищих, которым собирались помочь ивановские филантропы: «Вопрос, истинно ли они бедны? Нет, они большей частью пьянствующие и лентяи, добровольно отказывающиеся от работ»²⁴. Такое рассуждение было бы невоз-

²⁰ Козьмин Б.П. С.Г.Нечаев и его противники в 1868-1869 гг. // Революционное движение 1860-х годов. М., 1932. С.168-226.

²¹ Там же. С.226.

²² Засулич В. Воспоминания. М., 1931. С.56-57.

²³ Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С.152.

²⁴ Каторга и ссылка. 1925. №1. С.140.

можным для семидесятника. Однако кроме социально-психологических различий нам кажется важным и различие поколений²⁵.

Нечаев несколько старше большинства семидесятников, но незначительная разница в возрасте сыграла свою роль. Глухая провинция, в которой вырос Нечаев, общение с кругом Дементьева как бы задерживали его взгляды, привычки, этические нормы на том уровне, который молодежь в Петербурге уже был преодолен²⁶. Как идейно-психологический тип он был скорее родствен деятелям эпохи караказовско-ишутинского «Ада», в атмосфере же новых идеологических веяний казался чужим и архаичным. Характерный для «нигилистов» конца 60-х годов «крайний рационализм и математический расчет, более наивный, чем любая наивная вера»²⁷, сменился в 70-е страстным народолюбием.

Нечаевские материалы Пушкинского Дома интересны не только для историка, но и для исследователя русской литературы. Обращаясь к Нечаеву в связи с творчеством Достоевского, мы, естественно, сопоставляем его с образом Петра Степановича Верховенского. Некоторые черты литературного персонажа и его прототипа несомненно схожи. Однако, в целом, реальный Нечаев довольно далек от П.Верховенского. Это отмечал не только автор «Бесов», но и люди, знавшие Нечаева, в том числе его недоброжелатели²⁸. Вызывающее поведение Нечаева на суде, его деятельность в Алексеевском равелине, где, прикованный к стене одиночки цепями, он сумел распропагандировать тюремщиков; пронесенная через всю жизнь верность своим убеждениям, — все это очень далеко от Верховенского.

Скорее факты из биографии Нечаева могут вызвать у читателя Достоевского другие ассоциации. Быт, описанный в письме Феофии к брату Сергею (см. приложение), поразительно напоминает быт Снегиревых, Лебядкиных или Мармеладовых. А сам Нечаев — личность сильная, почти демоническая, «переступившая» нор-

²⁵ Лурье Л.Я. Некоторые особенности возрастного состава участников освободительного движения в России // Освободительное движение: Межвузовский научный сборник: Вып.7. Саратов, 1978.

²⁶ Ср. у Б.Л.Пастернака: «Провинция не всегда отставала от столиц во вред себе. Иногда в период упадка главных центров глухие углы спасала задержавшаяся в них благодетельная старина» (Пастернак Б. Люди и положения // Новый мир 1967. №1. С.228). Эффект столкновения провинциалов, воспитанных на уже преодоленной в центрах культурной традиции, с новой культурной средой широко известен в русском освободительном движении (например, группа А.Ульянова в петербургском студенчестве конца 1880-х годов).

²⁷ Короленко В.Г. Собр. соч. Т.6. М., 1954. С.132.

²⁸ См. беседу с Г.А.Лопатиным в кн.: И.С.Тургенев в воспоминаниях революционеро-семидесятников. М.;Л., 1930. С.113.

мы нравственности, как общечеловеческой, так и присущей революционерам того времени, — духовный брат Раскольникова, Ипполита из «Идиота» или Николая Ставрогина.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

С.Г.Нечаев — Литвиновым

11 апреля 1867 г. С.-Петербург

Милые мои и дорогие Дедушки,

Будьте здоровы!

Поздравляя Вас с наступающим великим праздником я желаю вам, как встретить его, так и проводить в довольстве и радости. Извините, что я не писал к вам до сих пор; все равно я не переставал вас помнить и любить с тех пор как разстался с вами. Я уверен, что вы также не забыли меня и помните и попрежнему любите также как любите и все ваше семейство. Дай бог, чтобы любовь эта продлилась до тех пор, пока господь продлит вашу жизнь. Я же от всей души желаю вам прожить как можно больше, чтобы радоваться и утешаться, глядя на нас на своих питомцев, которых вы выносили и выкормили на своих руках.

Не забывайте моих сестер и маленького Володю. Воспитайте его так же как нас воспитали, что бы они впоследствии любили вас также крепко как люблю я. Дай бог, чтобы выйти из Иванова.

Я слава богу здоров и живу хорошо. Будьте здоровы мои милые и дорогие, живите спокойно и счастливо несчетное число лет, вот все, что желает вам любящий вас внук С.Нечаев.

Алексей Осип., к-рый живет со мной кланяется вам и благодарит бабушку за табак, которым он пользовался в то время, когда жил в Иванове.

2

С.Г.Нечаев — Г.П. и П.П.Нечаевым

3 сентября [1866]

Батюшка и матушка*!

Пожелав вам от души побольше радостей, счастья и денег, я прошу вас извинить мое долгое молчание, причиной которого была прежде всего непрочность моего положения, которое ежечасно могло измениться; так например, дней пять тому назад я чуть было не отправился верст за 300 от Петербурга в город Гдов (глухой городишко Санкт-Петербургской губернии), куда было меня назначили учителем. Слава Богу успел я избавиться от такого неприятного назначения и теперь буду ожидать

* Имеется в виду мачеха С.П.Нечаева. — *Публ.*

вакансии в Петербурге, в котором по случаю холеры все учебные заведения открылись только с 1 сентября.

Как вы поживаете и здоровы ли вы — вот о чем я давно уже хотел спросить вас. Благодарю за все то, чем вы меня снабдили перед отъездом. Обо мне более не беспокойтесь, потому что теперь моя очередь, чтобы беспокоиться о вас.

На государственную службу я не пойду до тех пор пока не найду места здесь в Питере. Дворянства мне не нужно, я не из тех людей, которые восхищаются им.

Я здоров, чего и вам желаю. Здесь чувствуется уже наступление зимы: погода начинается отвратительная, морские ветры и дожди портят и без того холодный и короткий день.

В августе, все петербуржцы были заняты осматриванием американской эскадры, приехавшей к императору с изъявлением дружественных чувств от Америки. В газетах так много писали об всем этом, что вы, вероятно, знаете подробности. Здесь ежедневно, начиная с утра, несколько пароходов, увешанных флагами едва успевали перевозить тысячи народа с набережной Невы в Кронштадский рейд на американские пловучие батареи, совершившие такое громадное путешествие.

И простой народ, и знатные барыни и модистки, я думаю со всего Петербурга перебивали там. Уморительно было смотреть, как американские матросы, не умеющие ни слова по Русски, объяснялись с русскими посетителями, жали им руки, радушно угощая их своими заморскими бисквитами, испеченными в Нью-Йорке. Наши купцы и приказчики потчевали их, со своей стороны, горстями медных денег и дивились, что американцы с неудовольствием отворачивались.

Посылаю поклон сестрам и бабушке с дедушкой, желаю вам и им всего хорошего. Будьте здоровы и не забывайте письмами любящего вас С.Нечаева.

Адрес мой пока тот же*.

3

Ф.Г.Нечаева — С.Г.Нечаеву**

Милый Сережа! Наконец я решила написать тебе и писать письмо самое серьезное. Об нашем скверном положении и буду жаловаться на нашего батюшку. Читай и не удивляйся. Во первых, что папаша наш совсем не занимается делом служб нет, а они каждый день пьяны до нельзя и совсем оставили дом наш, так что мы совсем их не видим, разве что придут домой на минутку и то не могут стоять на ногах и подымают страшное ругательство. И постоянно играют в карты проигрывают денег очень много и так каждый день ходят за долгами и так милый Сережа мы теперь не знаем ни день ни ночь покоя. И скоро кажется доживем до

* На первой странице поверх текста помета: не отправлено.

** Надпись сверху рукой С.Г.Нечаева: «Получил 31 января 1867 года».

того что не будем иметь корки хлеба хоть мы и работаем но все таки на них денег не достанет на все; теперь нам нужно приготовить 6 р. каждый месяц на дрова: у нас в Иванове такая стоит холодная зима что даже не припомнить такой зимы.

Теперь осталось передать тебе, что мы находимся в очень затруднительном положении, прошу тебя милый Сережа пожалуйста напиши папаше письмо только посерьезнее может быть он тебя и постыдится но а нас совершенно ничего не слушают.

Прощай мой милый, будь здоров и счастлив. Мамаша тебе кланяется и тоже просит чтобы ты написал.

Дедушка и бабушка тетушка Володя тебе кланяются еще раз я прошу тебя исполнить мою просьбу. Прощай! Прощай! Остаются вечно любящая тебя сестра твоя Ф.Нечаева.

С.Брейар

УКРАИНА, РОССИЯ И КАДЕТЫ

Июль 1917. Очередной политический кризис в Петрограде. «Великая и неделимая» взорвана изнутри не только социально-экономическими и военными, но и национальными проблемами. Всплеск национального движения в Киеве с лозунгами сепаратизма. Украинский вопрос, злободневность и острота постановки которого Центральной Радой оказались неожиданными и потому особенно болезненными для многих российских политиков центристского и левого направлений, стал одним из ведущих в жизни страны. Его решение — признание права «южной провинции» России на самостоятельное национально-государственное устройство — в теории очевидное, на практике откладывалось на исторически необозримый срок. В отличие от Польши и Финляндии, значительно позже вошедших в состав Российской Империи и за которыми в конце концов было признано право на автономию, Украина — и в этом были единодушны и политические лидеры, и обыватели — казалась, всегда была органической, неотделимой частью России. «...Отделить Украину от России равносильно ампутации части живого организма, которому угрожает смерть», — писал 14 июля 1917 И.И.Петрункевич В.И.Вернадскому¹, выражая мнение многих, не только либералов, для которых украинская нация представляла собою часть нации русской.

В самом деле, могла ли Украина в начале века претендовать на независимость? И можно ли было вообще рассуждать об украинской нации как этносе? Или, повторяя слова автора письма, помещенного А.И.Герценом в 61 листе «Колокола» (15 января 1860) под заглавием «Украина»: «Можно ли было признать народом мужичье? Можно ли было давать ему права самобытного существования?»²

¹ АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.1261. Л.14об.

² Цит. по: Драгоманов М.П. Собрание политических сочинений / Под ред. П.Струве и Б.Кистяковского. Т.1. Париж, 1905-1906. С.59.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАЦИЯ ИЛИ НАЦИЯ БЕЗ ИСТОРИИ?

Накануне 1917 украинский вопрос включал в себя различные аспекты — этнические, лингвистические, религиозные, территориальные и административные. Одна из ключевых проблем заключалась в самоидентификации — были ли украинцы национальным меньшинством при большой нации, нацией без собственной истории, никогда не имевшей своей государственности, суверенитета, потерявшей свою элиту, поглощенную русским государством? Или все-таки это была историческая нация, имевшая свое государство — Киевскую Русь? Даже этот единственный момент в ее истории, когда она была суверенным государством, не признавался — по широко распространенному мнению, прошлое у России с Украиной было общим. В этом прошлом не было понятия «украинец». Оно появилось лишь в результате трехвекового, отдельного от России существования, сопряженного с монгольским нашествием на востоке и польской оккупацией на западе. Доминировал такой взгляд, что раз прошлое (Киевская Русь) — общее, то России принадлежат исторические права на Украину. При этом совершенно упускались из виду два века польского влияния, которые по сути сформировали украинское самосознание.

Украина воспринималась русским обществом как южная провинция России (ее звали даже южной Россией, южной Русью). Примечательно, что долгое время эту территорию называли Малороссией. Сначала ничего не значащий, этот термин был впервые введен византийским патриархом для обозначения второй епархии на Руси, которую он основал в 1303 по просьбе волынских и галицких князей³. Последняя была так названа в отличие от московской епархии, более отдаленной и большей по площади, которую патриарх назвал Великороссией. Но, начиная с XVIII в., слово «Малороссия» приобрело несколько уничижительный оттенок. Употребление же слова «Украина» было запрещено в 1713 указом Петра I⁴. Однако М.П.Драгоманов (1841-1895), страстный украинофил, использовал оба термина, не делая между ними различия. А.Н.Пыпин (1833-1904), русский этнограф, друживший с Драгомановым и другим сторонником украинской автономии, историком Н.И.Костомаровым (1817-1885), выступая в защиту

³ По аналогии с Афинами и греческим полуостровом, которые были названы Малогречией, чтобы их отличать от территории империи, называемых Великогречией. См.: Pritsak O., Reshetar J. The Ukraine and the Dialectics of Nation-Building // The Development of USSR / Ed. D.Treadgold. С.236-267.

⁴ Січинський В. Назва Україну. Аугсбург, 1948. С.22.

украинской культуры, также использовал оба эти термина — Малороссия и Украина⁵.

ПРОТЕКТОРАТ И АННЕКСИЯ, АССИМИЛЯЦИЯ / ДИССИМИЛЯЦИЯ

Вся история украинской нации — это история ассимиляции/диссимилиации, это постоянная борьба за права, за признание своей собственной культуры, отличной от польской и русской; борьба против ополячивания на западе и русификации на востоке; средства последней оказались настолько мощными, что к концу XIX в. насильственная ассимиляция Украины, казалось, усыпила национальное украинское самосознание.

Немного фактов. Украинское дело казалось сильно скомпрометированным в день, когда гетман Запорожской Сечи Б.Хмельницкий подписал Переяславский договор (январь 1654) или трактат, как его называли по-русски, поставивший восточную Украину под русский протекторат. Действительно, после антипольского восстания Хмельницкий просил помощи у русского царя «ради защиты православия». Сперва царь Алексей Михайлович несколько колебался. Его пугала перспектива превращения Украины, известной своим бунтарским духом, в убежище для русских крестьян, спасающихся от гнета своих владельцев. В конце концов он согласился, т.к. проникновение на Украину было одним из средств реализации политики «воссоединения русских земель».

После победы Петра Великого в Полтавской битве (1709) Россия приступила к поэтапной ассимиляции Украины. В 1720 императорским указом было запрещено употребление литературного украинского языка. Русский стал официальным языком гражданского делопроизводства. В 1804 отменено преподавание на украинском языке по всей Украине, практически исчезли национальные школы.

В 1755, при императрице Анне Иоанновне, отменены таможенные формальности, существовавшие между Украиной и Россией (точно так же, как и на всех внутренних границах Российской империи). Завоевание средней и западной Украины завершила Екатерина II, отнявшая у Турции Крым и Таврию, а также все побережье Азовского моря, построив там новые города. После третьего раздела Польши (1795) к России отошли украинские земли

⁵ Драгоманов М.П. По вопросу о малороссийской литературе // Он же. Собрание политических сочинений. Т.2. Указ. изд. С.153-195; Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т.3: Этнография малорусская. СПб., 1891.

Подолы и Волыни. Но к концу правления Екатерины Украина все еще была подвластью двух империй — Российской и Австро-Венгрии (Галиция, Буковина, Закарпатская Украина).

Во главе Украины Екатерина поставила генерал-губернатора, тем самым как бы признавая территориальную и политическую обособленность этой части страны. В то же время на западной Украине, где традиционно значительным было польское влияние, Екатерина заручилась поддержкой польской шляхты, гарантировав ей права над украинскими крестьянами и сохранив при этом польское право и польский язык в судах.

В восточной Украине, на левом берегу Днепра, императрица попыталась укротить вольнодумных казаков, даровав им те же привилегии, что и у русских дворян, — собственность на землю, право владения крестьянами, доступ к государственной службе. Она почти приравнивала их к русской элите. Такая политика привела к быстрой «денационализации» (потере национального чувства) украинской элиты и к утрате ею интереса к украинскому делу. Это была своего рода деятельность по этнической дезинтеграции. Ассимиляция высших слоев украинского общества по сути обезглавила нацию.

К концу XVIII—началу XIX вв. украинское крестьянство осталось фактически единственным носителем национальной культуры. И только после наполеоновских войн и расцвета романтизма в 1820-х, способствовавших обострению национальных чувств, в деревнях появляются этнографы, собирающие в крестьянской среде богатый фольклор и украинскую самобытность.

ЧТО НЕ УДАЛОСЬ АССИМИЛИРОВАТЬ

Русские называли украинца хохлом. Польские шляхтичи с надменностью презирали его. Мог ли он стать во главе движения за освобождение Украины и защитить себя как-нибудь иначе, кроме как выдумав в свою очередь обидные клички — кацап и москаль? А украинский язык — являлся ли он всего лишь диалектом⁶ или, в лучшем случае, как на этом настаивает А.Леруа-Болье⁷, находился по отношению к русскому в таком же положении, как провансальский к французскому? И можно ли так же сказать о литературе? Одним словом, могло ли национальное украинское

⁶ В 1905 усилиями акад. А.А.Шахматова Императорская Академия наук признала украинский язык как отличающийся от русского и просила отменить все ограничения по отношению к «малороссийскому языку».

⁷ Leroy-Beaulieu A. L'empire des tzars et les russes. Paris, 1990. P.93.

самосознание возродиться и развиваться единственно на этнографической и лингвистической базах?

ПРОБУЖДЕНИЕ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Впрочем, украинская интеллигенция потратила немного усилий для сохранения национального наследия, однако все, даже самые робкие попытки поддержать национальное возрождение последовательно подавлялись царским правительством. Так, Кирилло-Мефодиевское братство, появившееся в Киеве и мечтавшее о свободной и независимой Украине в рамках свободной и равноправной славянской федерации, было запрещено, а его члены арестованы (1846-1847). Среди них этнолог и историк Н.И.Костомаров, один из авторов программы братства; поэт Т.Г.Шевченко, который, по донесению шефа жандармов А.Ф.Орлова, более других влиял на народные массы⁸. Правительство Николая I, которое до этого подыгрывало украинофилам, видя в них противовес культурному влиянию Польши, почувствовало теперь опасность пробуждения украинского национального самосознания, чреватого сепаратистскими устремлениями.

В 1863, после расправы над польским восстанием, русское правительство уже видит в украинофильстве интригу Польши, стремящейся восстановить свое государство, присоединив западную Украину. Рескриптом министра внутренних дел Валуева правительство запретило использование украинского языка во всех официальных изданиях (научных и религиозных, в школьных учебниках), но до поры терпело его в литературе. В 1876 был ликвидирован и этот пробел: новое распоряжение было направлено уже против всякой украинской литературы, театра и даже музыки⁹.

⁸ Хрестоматія з історії української літературної мови. Київ, 1961.

⁹ «Государь Император 18/30 минувшего мая Высочайше повелеть соизволил: 1. Не допускать ввоза в пределы Империи без особого на то разрешения Главного Управления по делам печати каких бы то ни было книг и брошюр, издаваемых за границею на малороссийском наречии. 2. Печатание и издание в Империи оригинальных произведений и переводов на том же наречии воспретить, за исключением лишь: а) исторических документов и памятников и б) произведений изящной словесности, но с тем, чтобы при печатании исторических памятников безусловно удерживалось правописание подлинников, в произведениях же изящной словесности не было допускаемо никаких отступлений от общепринятого русского правописания и чтоб разрешение на печатание произведений изящной словесности давалось не иначе, как по рассмотрении рукописи в Главном Управлении по делам печати. 3. Воспретить также различные сценические представления и чтения на малороссийском наречии, а равно и печатание на таковом текста к музыкальным нотам. Начальник Главного Управления по делам печати Григорьев» — «Профес-

Вынужден был эмигрировать, чтобы избежать ареста, известный историк, публицист, преподаватель Университета Св.Владимира в Киеве М.П.Драгоманов (в 1878 на международном литературном конгрессе в Париже он будет публично протестовать против запрета украинского языка и литературы¹⁰), в том же 1876 было закрыто отделение Императорского географического общества в Киеве. Возникнув в 1873, оно успело опубликовать многочисленные материалы по украинской культуре, нашедшие значительный отклик в России и за рубежом¹¹.

Однако, несмотря на все эти репрессии, украинская литература, издававшаяся в Галиции и запрещенная в восточной Украине, достигла высокого уровня развития. Полицейский надзор не мог помешать контрабандному распространению украинской литературы даже в России. Отметим, например, замечательную деятельность исторического журнала «Киевская старина», который в течение 1882-1907 опубликовал богатую коллекцию материалов по истории Украины, но на русском языке.

ЯЗЫК КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ САМОБЫТНОСТИ

Как видно, все попытки национального возрождения на Украине начинались с борьбы за право думать и говорить по-украински, распространять украинскую культуру. К этому, постепенно и позже, добавлялись другие объединяющие элементы украинской нации, что, однако, не особенно проявлялось в XIX в. Среди этих элементов важнейшими были: идея об экономическом порабощении Украины Россией; борьба за признание униатской церкви как одной из черт украинской самобытности, по крайней мере — в Западной Украине, находящейся на стыке двух религий; наконец, борьба за воссоединение украинских земель.

Но достаточно ли было всех этих элементов для определения и мобилизации украинской нации. Ведь ей пришлось прожить

сор университета!!!» — восклицает цитирующий этот документ М.Драгоманов (По вопросу о малороссийской литературе. Указ. изд. С. 156).

¹⁰ Dragomanov M. La littérature oukrainienne proscrite par le gouvernement russe: Rapport présenté au Congrès littéraire de Paris. Genève, 1878. Друживший с Драгомановым и симпатизировавший украинскому народу И.С.Тургенев поддержал историка, «представляя конгрессу напечатанную тогда брошюру Драгоманова и защищая поддерживающую ее резолюцию». На похоронах Тургенева на его гроб был возложен венок с лентой: «A Tourgueneff la presse oukrainienne». «Вечную память, — пишет Гревс, — обозначали, конечно, незабудки, Украину же — красные розы, ибо это там траурный цвет». См.: Гревс Ив. М.П.Драгоманов о Тургеневе // Бюл. 1925. №3. С.115, 125-126.

¹¹ Пыпин А.Н. Указ. соч. С.363.

столько веков под игом других наций: польской, русской, австрийской, венгерской, турецкой. В конце концов, именно борьба за признание украинского языка — объект постоянных преследований в XIX в. со стороны российского правительства — сосредоточила в себе все устремления Украины к 1917.

Борьба за сохранение языка была делом первостепенной важности. Ошибалась ли Россия, запрещая использование национального языка? Закрывая украинские школы, она стремилась ускорить ассимиляцию. Но можно ли указом запретить язык, на котором говорят миллионы крестьян, более или менее безграмотных, т.е. не способных понимать официальный язык администрации — русский?

Конечно, борьба за сохранение языка зиждилась на романтической концепции, понимавшей язык как выражение народных чувств. Но язык — важнейшее звено культуры, он способствовал рождению и становлению украинского самосознания. Посредством языка передаются национальные традиции, фольклор. Российское правительство считало, что использование украинского языка могло лишь привести к появлению «мифа» о существовании украинской нации, отличной от русской.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И НАЦИОНАЛЬНОЕ УКРАИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Чтобы лучше понять позицию кадетов в украинском вопросе, надо попытаться выяснить, как относилось русское общество к украинскому национальному движению. Весьма примечательна в этом смысле опубликованная в мае 1912 и обращенная к русскому читателю анкета журнала «Украинская жизнь» (орган украинского землячества в Петербурге, главный редактор С.В.Петлюра)¹². Она отражает все стереотипы русского подхода к этой теме, а сами вопросы показывают, в какой мере украинский вопрос был большим местом для русского общества. Полезно отметить при этом, что «Украинская жизнь» никогда не выступала с сепаратистскими заявлениями. С.В.Петлюра напоминал об этом в письме к П.Н.Милюкову 22 июля 1915: «Вы знаете, конечно, что "Украинская жизнь" всегда отстаивала идею сближения украинского общества с русским...»¹³

Анкета позволяет также увидеть робость национального украинского самосознания, — осторожного, сдержанного и настолько

¹² ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.1857.

¹³ Там же. Д.1891. Л.106.

неагрессивного, что авторы часто думают об Украине, как о составной части России. Они ее не воспринимают независимой. Похоже, что идея сепаратизма в то время еще не овладела умами украинского общества.

Программа анкеты об отношении русского общества
к украинскому национальному движению

1. Интересовались ли Вы украинским вопросом? В чем выразался и выражается Ваш интерес к нему и что послужило толчком к его возникновению?

2. Признаете ли Вы наличие отличительных особенностей, которые выделяют украинцев из среды других славянских народов и, в частности, отличают от «державной народности» — великороссов; в чем Вы эти особенности усматриваете и являются ли они, по вашему мнению, существенными?

3. Как относитесь Вы к вопросу об ассимиляции украинского народа: признаете ли Вы желательным поглощение и исчезновение его как национального коллектива или, напротив, являетесь сторонником дальнейшего развития его национальных черт? Если Вы сторонник такого развития, то почему и каким, по вашему мнению, путем должно это развитие идти? Если противник, то почему? Какой и для кого в этом развитии усматриваете вред?

4. Отделяете ли Вы национально-политическое развитие украинского народа от его культурного развития; считаете ли Вы возможным для украинских народных масс достижение высокого культурного уровня при их полной денационализации?

5. Как Вы относитесь к вопросу об украинской школе: признаете ли Вы украинскую школу необходимой; видите ли Вы нужду в создании других типов национальной школы вплоть до университетов?

6. Каков Ваш взгляд на употребление родного языка в суде, в государственных и общественных установлениях и в церкви?

7. Знакомы ли Вы с современной украинской литературой и, в частности, с периодической печатью, и если знакомы, то какое значение Вы им придаете?

8. Известна ли Вам деятельность украинских научных и культурно-просветительных обществ (каких именно?) и какое значение придаете Вы этой деятельности?

9. Какое значение в дальнейших судьбах украинского национального движения в России может иметь ход этого движения в австрийской Украине и относительно свободные условия, в каких оно там находится?

10. Может ли быть достигнута путем государственных мероприятий денационализация украинского народа и какое в этом отношении Вы придаете значение внешним мерам воздействия?

11. Какие результаты приносили до сих пор и каких можно ожидать в ближайшем будущем от мер воздействия, направленных к денационализации украинского народа, в виде:

- а) административных мероприятий
- б) влияния общественных организаций националистического (правильнее «панрусистского») характера и
- в) неприязненного отношения к национальному украинскому движению со стороны русского общества вообще (печать, интеллигенция)?

12. Усматриваете ли Вы достаточные основания для высказываемых иногда в украинской печати по адресу представителей прогрессивного русского общества и прогрессивной русской печати обвинений:

- а) в равнодушном
- б) в пренебрежительном
- в) в неприязненном отношении к украинским национальным интересам?

Если такое отношение (какое именно?) действительно существует, то как оно значительно, в каких именно кругах наблюдается и в чем находит свое объяснение?

13. Каковы, на Ваш взгляд, должны быть ближайшие задачи современной украинской интеллигенции?

14. Усматриваете ли Вы в существующих течениях общественно-политической мысли на Украине тенденции сепаратизма, «мазепинства» и т.д.? Если, по Вашему мнению, такие течения существуют, то в чем они выражаются и откуда почерпнуты? Ваши сведения о них?

15. Какие формы отношений со стороны государства к Украине представляются Вам наиболее нормальными, справедливыми и желательными в интересах России, как целого, и Украины, как части?

Здесь собраны все узлы украинской проблемы: своеобразие украинской нации; насильственная ее ассимиляция, способная спровоцировать неуправляемое национальное движение; национальное возрождение и трудности, с которыми оно сталкивается; роль австрийской Галиции в этом возрождении. И, наконец, безразличие российских демократических сил к украинским делам.

В сжатой форме здесь представлена своеобразная концепция отношений между русскими и украинцами. Согласно ей, каждая из стран осознает себя в отражении, которое ей преподносит другая. С той лишь оговоркой, что Россия — зеркало кривое: Украина в нем видится еще маленькой и деформированной.

КАДЕТЫ ЗАЩИЩАЮТ УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК

Русский язык был одним из рычагов власти. Об этом хорошо знали русские националисты. Отстаивая взгляды кадетов в Думе, П.Н.Милюков требовал ввести украинский язык во всем аппарате управления, особенно в *суде*. Тем самым с определенностью фиксировалось, что кадеты видят в украинском вопросе не только национальную, но и социальную сторону: с их точки зрения, отказ населению в правосудии на родном языке был одним из способов угнетения, ущемления права на защиту.

Милюков не был сторонником дробления империи. Он выступал за мощную и единую Россию, где бы различные нации жили в полной гармонии и без чувства неполноценности. В Думе он пытался показать правым и ультраправым всю губительность для империи провозглашенного Союзом русского народа лозунга «Россия для русских». Идея исключительности русских, по словам Милюкова, является питательной средой для ненависти со стороны других национальностей. Для украинцев этот лозунг звучал как «Россия — только для великороссов». Ведь им — под тем предлогом, что «они ничего не просили», — отказали в том, что разрешали евреям и мусульманам¹⁴. Милюков предупреждал консерваторов: «Это даже не лозунг русификации. Это лозунг разъединения». Он пошел дальше, обвинив русских националистов в сепаратизме: «Это лозунг не созидательный, а разрушительный, и разрушителями (указывая вправо) являетесь Вы»¹⁵. И действительно, крайние действия русских правых толкали украинских националистов к австрийской Галиции, которая не препятствовала развитию украинского движения.

Разрешение использовать родной язык в суде, по мнению кадетов, должно было привести к большему взаимопониманию, сближению между русскими и нерусскими народами, способствовало бы, таким образом, лучшему «сожителству». Ибо «суд — это то деликатное орудие, с которым Вы подходите вплотную к населению, с которым Вы сталкиваетесь с ним в самых интим-

¹⁴ «Потому что то, что Вы даете мусульманам и евреям, Вы того же не даете Вашим ближайшим родственникам в Вашем сознании — Украине. (Гр.Бобринский 2-й, с места: Они не просят). Они не просят? Вы не слышали, чего они просят?...» (Стенографические отчеты Государственной Думы: III Государственная Дума. СПб, 1909. С.2989. — V сессия, заседание 4 декабря 1909). Надо сказать, что относительно мощное представительство украинцев в 1-й Думе (98 депутатов, из которых 40 образовывали так называемый «украинский блок») и во 2-й Думе (47 депутатов) было значительно сокращено в 3-й Думе из-за нового избирательного закона 1907 года.

¹⁵ Там же. С.2990.

ных сторонах его жизни». И Милюков, тонкий политик, завлек консерваторов перспективами реализации их собственных принципов: такое право, говорил он, — «может сделаться одним из мостков к созданию того самого понятия национальной русской государственности, к которой Вы стремитесь»¹⁶.

В 1914, борясь за украинское дело, кадеты требовали признать за украинцами право использования родного языка, особенно в начальной школе. В сущности, требование элементарное и скромное. Однако, вопреки распространенному мнению, кадеты этим не ограничились. С этого они лишь начали, причем сразу пытались придать своим идеям юридическое оформление.

Защита украинского языка означала признание, в пику русским правым, украинской национальности, отличной от русской. Одновременно признавалось и то, что народности находятся в постоянном развитии и что их языки могут однажды превратиться из простого наречия в язык интеллигенции, а затем и сама народность, может быть, станет нацией. Именно это защищал Милюков в Думе в 1910. Препятствовать, говорил он тогда, становлению национальной интеллигенции, запрещая ей использовать родной язык, значит «лишь содействовать ее развитию и никоим образом не может предупредить ее возникновения»¹⁷.

Борьба за право преподавания на украинском языке в средней школе была «программой-минимумом» кадетского украинского дела. Говорить об автономии они считали еще преждевременным. Но для националистической Думы и то «было уже дерзостью»¹⁸. В сущности же такое право должно было открыть перед огромными крестьянскими массами возможность для получения образования. Без этого не могло быть никакой речи о развитии демократической культуры. Да и забота об образовании была Милюкову ближе, чем защита права на самоопределение. Такая позиция вела к тому, чтобы признать, что национальная и политическая эволюция народа связана с его культурным развитием. В этом смысле борьба за украинский язык была борьбой за «либеральную идею».

Однако в отстаивании такого подхода Милюков не дошел до логического конца, т.е. до идеи федерации¹⁹. Ведь именно она для

¹⁶ Стенографические отчеты Государственной Думы: III Государственная Дума. Указ. изд. С.2990.

¹⁷ Там же. С.1269. Заседание 12 ноября 1910.

¹⁸ Choulguine A. L'Ukraine contre Moscou, 1917. Paris, 1935. P.35.

¹⁹ Сказанное не означает, что идея федерации была Милюкову принципиально чужда. Например, в 1914 в Думе он говорил о традиции федерализма в русской политической мысли, созданной Бакуниным и Драгомановым. Правда, он еще тогда оговорился о «трудностях применения» этой традиции.

либерализма является решением национальной проблемы. И хотя в нации он видел живое создание истории и гибкое понятие, которое может варьироваться, отнюдь не нацию как расу²⁰, Милюков — как и другие кадеты — не мог согласиться на автономию Украины, когда та ее попросила. В 1917 Временное правительство было готово к созданию основ будущей федерации; оно, скажет позже Милюков, готово было «признать за всеми народностями право на самоопределение» и готовило закон «об употреблении местных языков». «Велись и переговоры об автономии с отдельными национальностями. Но события опередили эти *благие намерения*...»²¹.

В Думе Милюков защищал украинский народ и украинскую литературу²². В 1910 он разнес в пух и прах украинских депутатов, не выступивших в защиту родного языка: «Да, гг., эти люди своего родного языка не требуют, как не требуют земли для своего народа»²³. В 1914, когда царское правительство запретило празднование в Киеве столетия со дня рождения Шевченко под предлогом, что оно будет использовано сепаратистским украинским движением, Милюков выступил с протестом в Думе. Он назвал Шевченко национальным украинским поэтом, играющим в жизни своего народа ту же роль, что Пушкин и Лермонтов в жизни русского народа²⁴.

Но в мае 1917, когда делегация Центральной Рады во главе с В.К.Винниченко, специально для этого прибывшая в Петроград, потребовала предоставить Украине бессрочную автономию, Милюков воспротивился. Он считал, что предоставлению автономии не способствуют ни политическая ситуация, ни внутреннее, ни международное положение. Более гибкий, чем его старший друг и пылкий патриот И.И.Петрункевич, который не хотел и слышать о какой-либо отдельной от России судьбе Украины, Милюков осторожно утверждал, что вопрос об автономии Украины еще не назрел. «Украина, — говорил он, — пока еще не готова к этому»²⁵.

²⁰ Стенографические отчеты Государственной Думы: III Государственная Дума. Указ. изд. С.2986. V сессия. Заседание 4 декабря 1909.

²¹ Тактика и действительность // Последние новости. 1939. 19 марта. С.2.

²² Choulguine A. Указ. соч. С.35: «Несмотря на то, что Милюков объявил себя противником наших политических требований, мы остаемся ему признательны за его передовые выступления в Думе».

²³ Стенографические отчеты Государственной Думы: III Государственная Дума. СПб., 1910. С.1265. II сессия. Заседание 12 ноября 1910.

²⁴ Там же. IV Государственная Дума. СПб., 1914. V сессия. Заседание 19 февраля 1914.

²⁵ Choulguine A. Указ. соч. С.113.

Ф.Перченко, Д.Зубарев
НА ПОЛПУТИ ОТ ПОЛУПРАВД
О таганцевском деле и не только о нем¹

*Юристы*², реабилитировав всех, поставили последнюю точку; время историкам искать нити и пружины тайной антибольшевистской организации — вот сегодняшняя ситуация вокруг таганцевского дела 1921 года («дело ПБО»).

Напомним фон. Мирное неповиновение рабочих и студентов Питера и моряков Кронштадта (февраль-март) вызвало в тот год двойную цепь действий молодой власти. Одна линия — реальные и демонстративные уступки НЭПа. Другая — подавление отборной силой сначала кронштадтского «мятежа», затем — повстанчества по всей стране. Расправа с побежденными (с нее зимой 1920-21 начался «мир» в Крыму), неизбежная после Кронштадта: в повестках дня Политбюро — вновь и вновь вопрос об уцелевших «кронштадтских бандитских моряхах»: их готовят к отправке то на юг (план создания лагеря ВЧК в закаспийской пустыне на Челекене), то на север (идея «дисциплинарной колонии» в Ухте). Мировой пожар чадит; мартовская вспышка в Гер-

¹ После выхода вып.1 альманаха «Звенья» с публикацией Ф.Ф.Перченка (под псевдонимом И.Вознесенский) «Из ранних свидетельств о деле ПБО», в печати появился ряд откликов, в которых публикатор обвинялся чуть ли не в клевете на расстрелянного профессора В.Н.Таганцева. Поводом для этого была осторожная фраза в предисловии о том, что «если верна версия, попавшая на страницы "Последних новостей", то признания (не оговоры!) В.Н.Таганцева и некоторых других, поверивших в конец братоубийства, могут, в известном смысле, рассматриваться как не оправдавшая себя попытка проложить путь к гражданскому миру в условиях окончившейся гражданской войны. Наивной безнравственностью Таганцева и других "разоружившихся" карательное ведомство воспользовалось для нащупывания перспективных, с его точки зрения, методов следствия, от которых прямая дорога к будущим "показательным" процессам» (М., 1991. С.465). Острота ситуации состояла в том, что как раз тогда начался процесс юридической реабилитации фигурантов «таганцевского дела». Не желая замедлить этот процесс и вообще как-то влиять на его ход, Ф.Ф. не считал возможным выступать с публичным ответом своим оппонентам вплоть до окончательного решения Прокуратуры. Лишь в декабре 1992, когда реабилитация состоялась, он (по моему настоянию) этот ответ написал, но не приложил никаких усилий для публикации: когда речь шла о самозащите, полемический темперамент его оставлял. При настоящей публикации я дополнил этот текст Ф.Ф. фактическим материалом и примечаниями (*Прим. Д.И.Зубарева*).

² Здесь и далее курсив авторов.

мании потушена, зато в марте взят Тифлис, в апреле — Эривань, в июле — Урга. С начала июня ясны масштабы нового бедствия: голод. Общественный комитет помощи голодающим налаживает эту помощь через голову правителей и в обход новых бюрократических структур; ведущие деятели комитета арестованы 27 августа — в день подписания правительством договора с Ф.Нансеном о помощи с Запада.

В этом общем контексте читается «дело ПБО». Весной — аресты военных моряков, в июне — аресты в среде петроградской интеллигенции; 29 июня Ф.Дзержинский докладывает о заговоре пятерке членов Политбюро (В.Ленин, Л.Троцкий, Г.Зиновьев, В.Молотов, Л.Каменев); за дальнейшим развитием «дела икс» наблюдает сам Ильич; следуют новые волны арестов; на 800 с лишним человек «привлеченных» спешно составляют 382 тома «дела», кого-то выпускают по практическим соображениям, многих задерживают в городском концлагере (бывшая тюрьма «Кресты»), 80 с лишним человек (т.е. каждого десятого: «норма» времен гражданской войны) расстреливают; список первой, и самой крупной, партии расстрелянных публикуют 1 сентября. Такова канва. Отдельные, разрозненные, во многом выразительные подробности — в десятках публикаций последних лет³.

И вот — реабилитация всех. Реабилитация, основанная, очевидно, на том, что следствие велось с нарушением элементарных правовых норм, не были добыты неоспоримые доказательства вины осужденных, заочный приговор вынесен не судом, а президиумом ПетроЧК (достоянием гласности стал, впрочем, конечный вывод, а не анализ дела и не текст реабилитационного определения).

Справедливость торжествует. Но значит ли это, что не было ни заговора, ни Петроградской боевой организации — ПБО?

Прежде чем рассмотреть один из возможных ответов, перелистнем страницы минувшего еще дальше назад и в поисках исторической параллели задержимся на деле петрашевцев.

³ Выделим публикации: Лукницкий С. Дорога к Гумилеву // Московские новости. 1989. 26 ноября; Хлебников О. Дело Гумилева: Шагреневые переплеты // Огонек. 1990. №18; Тименчик Р. По делу №214224 // Даугава. 1990. №8; Сажин В. Предыстория гибели Гумилева // Там же. №11; Шошков Е.Н. Хроника разгрома Петроградской боевой организации // Смена (Ленинград). 1991. 24 августа; а также книгу В.Лукницкой «Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких» (Л., 1990), содержащую достаточно полную публикацию тома 177 («гумилевского») дела №214224 из бывшего Центрального архива КГБ СССР. Помимо указанной выше публикации в альманахе «Звенья», предварительные разыскания по данной теме одного из авторов этой статьи см.: Перченков Ф.Ф. Список расстрелянных // Новый мир. 1989. №4.

В документах следствия и суда 1849 года, публиковавшихся с 1898 (полной публикации нет до сих пор), *не содержится* материалов о *внутреннем* («спешневском») кружке: ни Достоевский, ни остальные шесть его участников — Спешнев, Мординов, Момбелли, Филиппов, Григорьев, Милютин, ни приглашенный к участию в заговоре (и отказавшийся) Аполлон Майков — не «раскололись» на следствии, и, таким образом, в следственном деле сведений о заговоре нет и быть не может. Более того, *все семеро* молчали об этом *всю жизнь*. Достоевский лишь глухо намекнул однажды в «Дневнике писателя»: «совсем не в Петрашевском было и дело во всей этой давно прошедшей истории». И только через 36 лет А.Майков в письме к П.А.Висковатову (1885) рассказал о событиях 1849 года: и о целях заговорщиков, и о печатном станке, собранном в квартире одного из них, а после его ареста выкраденном из опечатанной комнаты его родственниками. Но даже в этом письме Майков называет только *две* фамилии заговорщиков — тех, про кого ему точно известно, что их нет в живых, и, таким образом, его откровенность уже не может им повредить. Что же до остальных пятерых, то их имена он назвал *только в устном рассказе*, и, если бы не предусмотрительность его друга А.А.Голенищева-Кутузова, записавшего рассказ (запись опубликована в 1956 — через 107 лет после суда над петрашевцами!), то истории не имели бы *никаких* документальных подтверждений состава заговорщиков⁴.

Вернемся к таганцевскому делу.

25 марта 1922 один из бывших руководителей «Информационного бюро» (Российского эвакуационного комитета, далее — РЭК — той части савинковской организации, которая занималась боевой работой в России) А.Ставрогин (псевдоним) пишет документ под названием «Правда о савинковцах (не для печати)», где вспоминает события годичной давности: «/.../ появились в советской печати ("Правде", "Известиях" и др.) подробные отчеты ВЧК о раскрытии антибольшевистской организации в Петрограде (процесс] Таганцева и др., всего 61 чел.) и связи их с Савинковым /.../ В той части, которая касалась организации Савинкова, он был точен до мельчайшей подробности /.../ Была ли налажена связь с Петроградом — не знаю, но знаю, что попытки эти делались, и брюлевская гостиница была осведомлена о существовании в Петрограде антибольшевистской организации и о характере ее

⁴ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Т.21. Л., 1980. С.129; Там же. Т.18. Л., 1978. С.117-195, 306-365; Достоевский Ф.М. Статьи и материалы. Сб.1. Пг., 1922. С.266-167; Исторический архив. 1956. №3. С.222-226.

работы. Центр указывал, что петроградский район наилучше подготовлен к восстанию и обладает для этого достаточными силами, но боится провала, ввиду того, что организация разбухла»⁵.

Существует протокол заседания РЭК от 3 мая 1921, где стоял отчет Савинкова о поездке в Париж с целью «подготовить французское правительство к ожидающимся в России событиям»; Савинков встречался с военным министром Барту и маршалом Фошем. Несколькими днями позже, 9 мая, Савинков писал своему другу К.Вендзягольскому: «Поступающие из России сведения свидетельствуют о неизбежности весьма крупных событий в течение этого лета, причем события эти могут повлечь за собой падение коммунистической власти»⁶.

Июньские аресты в Петрограде не сломили уверенности Савинкова в больших возможностях питерского подполья: «По нашим точным сведениям, в Западной России, на Украине, в Белоруссии, в *Петрограде* [курсив наш. — Ф.П., Д.З.] вероятны в близком будущем серьезные события»⁷.

Итак, историк с достаточной долей уверенности может предположить, что летом 1921 заговор в Петрограде *был*. О нем знали далеко за его пределами — в Варшаве, Париже и даже во Владивостоке. На заговорщиков надеялись. И не делали из их существования особой тайны. Ответ чекистов не замедлил себя ждать. После сообщения о раскрытии заговора⁸ варшавская «Свобода» дала знать, что варшавский центр эмиграции потрясен действиями ВЧК, подрывающими его планы и наносящими удар по реальной боевой силе⁹. Не делали тайны эмигрантские газеты и из принадлежности к подполью Ю.Германа, погибшего к тому времени от пуль чекистов и неоднократно упомянутого в «гумилевском» томе следственного дела¹⁰.

⁵ ГА РФ. Ф.5784. Д.38. Л.36. В материалах Пражского архива документ имеется в нескольких экземплярах. В варшавской гостинице «Брюль» размещалась штаб-квартира РЭК, во главе которого стоял Б.В.Савинков и частью которого было «Информационное бюро».

⁶ Там же. Л.187-190 (протокол), 148-153 (письмо). Кароль Вендзягольский — посредник между РЭК и начальником Польского государства Ю.Пилсудским, инициатор участия русских эмигрантов в походе против советской России.

⁷ Общее дело (Париж). 1921. 14 июля. — Телеграмма Савинкова управляющему делами Владивостокского правительства Колесникову (послана из Варшавы открытым текстом).

⁸ Петроградская правда. 1921. 27 июля.

⁹ Великая провокация // Свобода. 1921. 5 августа. С.2-3.

¹⁰ П.Ф. Письмо из Петрограда // Общее дело (Париж). 1921. 13 июля. С.2; К расстрелу 61 // Там же. 16 октября. С.1; К расстрелу 61 // Руль (Берлин). 1921. 22 октября. С.6.

Ряд свидетельств касается конкретно Н.С.Гумилева. Б.Харитон сообщил, что Гумилев показывал ему прокламации в дни Кронштадта¹¹. И.Одоевцева писала о признании Гумилева в причастности к подполью, об оружии и деньгах в его доме¹², а затем в интервью «Вопросам литературы» вспомнила еще об одном участнике подполья — не названном по имени поэте, о котором ей сказал Гумилев¹³. Отыскалось имя этого поэта — Лазарь Берман: в 1974 В.Сажиным был записан устный рассказ Бермана о том, как именно он ввел Гумилева в круг заговорщиков и как тот летом 1921 распространял листовки¹⁴. Обратим внимание на то, что именно этот сюжет 80-летний человек категорически отказывался зафиксировать на магнитной ленте, и сравним с поведением А.Майкова в 80-е годы прошлого века. Такими же решительными противниками обнародования свидетельств об участии Гумилева в антибольшевистской борьбе были его близкие — А.А.Ахматова и Л.Н.Гумилев. Они возражали против этих свидетельств по мотивам человечески вполне понятным, считая их по смертным доносами на трагически погибшего поэта и помехой его юридической и литературной реабилитации.

К сегодняшнему дню наиболее весомая — и независимая от ВЧК — информация о реальной первооснове «дела ПБО» исходит от Б.П.Сильверсвана (1883-1934) — филолога-германиста, коллеги Гумилева по «Всемирной литературе». Он побывал в чекистской тюрьме незадолго до начала таганцевского дела (выпущен в феврале под поручительство М.Горького). Избежал нового ареста, на лодке бежал с семьей в Финляндию. На основе сведений, собранных в Петрограде и Финляндии (стихийная гласность тогда причудливым образом переплеталась с конспирацией), написал по свежим следам, как мы предполагаем, три статьи о Петроградской ЧК и о деле ПБО. В октябре 1922 статьи, подписанные буквой С., появились в парижских «Последних новостях» (две из них републиковны в 1-м выпуске «Звеньев»). Когда в 1931 А.В.Амфитеатов поместил в газете «Сегодня» статью к 10-летию расстрела Гумилева, Сильверсван откликнулся частным письмом:

Гумилев несомненно принимал участие в Таганцевском заговоре и даже играл там видную роль /.../ в конце июля 1921 г. он предложил мне вступить в эту организацию, причем ему нужно

¹¹ Харитон Б. Гумилев — каким мы его знали // Сегодня (Рига). 1926. 27 августа.

¹² См.: Одоевцева И. На берегах Невы. Париж, 1967. С.336-337.

¹³ Вопросы литературы. 1988. №12.

¹⁴ Даугава. 1990. №11. С.92-93.

было сперва мое принципиальное согласие (каковое я немедленно и от всей души ему дал), а за этим должно было последовать мое фактическое вступление в организацию, предполагалось, м. проч., по-видимому, воспользоваться моей тайной связью с Финляндией, т.е. предполагал это, по-видимому, пока только Гумилев; он сообщил мне тогда, что организация состоит из «пятерок»; членов каждой пятерки знает только ее глава, а эти главы пятерок известны самому Таганцеву; вследствие летних арестов в этих пятерках оказались пробелы и Гумилев стремился к их дополнению; он говорил мне также, что разветвления заговора весьма многочисленны и захватывают влиятельные круги Красной армии; он был чрезвычайно конспиративен и взял с меня честное слово, что о его предложении я не скажу *никому* [курсив Б.Сильверсвана], даже Евд.П., матери и т.п. (что я исполнил); я говорил ему тогда же, что ввиду того, что чекисты несомненно напали на след организации, м.б. следовало бы временно притаиться, что арестованный Таганцев, по слухам, подвергнут пыткам и может начать выдавать; на это Гумилев ответил, что уверен, что Таганцев никого не выдаст и что, наоборот, теперь-то и нужно действовать; из его слов я заключил также, что он составлял все прокламации и вообще ведал пропагандой в Красной армии; Ник. Степ. был бодр и твердо уверен в успехе /.../. Я ужасно боялся, что в руках чекистов окажутся какие-нибудь доказательства против Ник. Степ., и, как я потом узнал от лиц, сидевших одновременно с ним, но потом выпущенных, им в руки попали написанные его рукою прокламации и гибель его была неизбежна¹⁵.

В доверительной части письма Сильверсван передал свой разговор с Горьким перед бегством за границу. «Мой совет, — всем уезжать, кто только может, — сказал ему Горький, — они ведь всех убьют, всю интеллигенцию уничтожат». В тот момент Горький собирался, вырвавшись за границу, рассказать правду о советских вождях, но вместо разоблачений написал о них восторженные статьи («я не считаю Горького "продавшимся"», — замечает Сильверсван, — а считаю его, прежде всего, человеком *непрощенным* [курсив Сильверсвана], а кроме того — легко поддающимся чужому влиянию»). Для нас важен конец этой части письма,

¹⁵ Часть письма Б.П.Сильверсвана А.В.Амфитеатрову (от 20 сентября 1931), цитируемая здесь, опубликована как выдержка из письма «профессора С.» в статье: Амфитеатров А.В. Таганцевская загадка // Сегодня (Рига). 1931. 25 октября. Более полная публикация принадлежит В.Крейду: Панорама (Лос-Анджелес). 1989. 15-22 декабря. Этот последний текст приведен Р.Д.Тименчиком в статье, упомянутой в примечании. Именно эта работа, содержащая библиографию (40 названий), положила начало научному анализу приводимой здесь версии. Упомянутая в тексте письма Евдокия Петровна Струкова — жена Сильверсвана.

свидетельствующий о самоцензуре эмигрантских авторов и о путях сохранения ими важных для них свидетельств: «Этот любопытнейший разговор я не сделал — и не сделаю — достоянием печати, пока существуют большевики; о нем знают только мои близкие и Ю.А.Григорков. Повторяю, в искренности Горького я не сомневаюсь; сообщаю Вам копию моей записи доверительно; одно время я так злился, что хотел опубликовать эту беседу в "открытом письме Горькому", но решил, что пока большевики не сдохли, это может быть похоже на донос, и мы с Евд.П. решили держать это под спудом, сообщая лишь близким друзьям»¹⁶.

Следующее письмо Сильверсвана к Амфитеатрову написано 27 октября 1931 (не публиковалось):

Дорогой Александр Валентинович!

Сегодня прочитал в рижской газете Вашу статью с цитатами из моего письма к Вам. Я не хотел бы, чтобы у кого-либо сошло впечатление, будто я осуждал Таганцева и бросал в него камнем; надеюсь, что Вы это не подумали. Однако же, как это ни печально, но Таганцев именно выдавал, т.е. предавал в руки чужих людей — как замешанных в деле, так даже и не замешанных /.../. Таганцеву была обещана жизнь, но его, конечно, обманули. Поверьте, что я это знаю все не из окружения Горького, а от самых надежных и чистых людей. Что кас[ается] заговора, то о нем я многое узнал еще и здесь, в Финляндии, от участников его, переходивших часто границу в связи с ним, а сейчас проживающих здесь. История этого дела когда-нибудь станет известной во многих деталях, теперь же, по многим причинам, невозможно ее раскрывать. Ник. Степ. действительно не успел посвятить меня как следует в это дело, но если б это случилось, то я бы фактически вошел в организацию и, конечно, тоже не уцелел бы, а что Ник. Степ. знал много — я в этом не сомневаюсь. Я же, действительно, ничего не знал, т.к. Н.Ст. имел об этом со мной только один разговор, в котором обрисовал дело лишь в самых общих чертах. После расстрелов я еще два месяца оставался в Петербурге и рассказов слышал много, много, разумеется, и чепухи, но что касается роли Таганцева в гибели стольких людей, — то она для меня совершенно ясна. Я, конечно, далек от того, чтобы проклинать его память, — он перенес м.б. в тысячу раз больше всевозможных мучений, чем все остальные, и все это один Бог может рассудить; я жалею его глубоко, несмотря ни на что; человека, попавшего в руки дьяволов в человеческом образе, невозможно судить как свободного человека. Я никогда не писал об этом деле потому именно, что не хотел

¹⁶ Фрагмент письма, начиная со слов «в это время я так злился...», опущен В.Крейдом в публикации «Панорамы». Печатается впервые по автографу из архива А.В.Амфитеатрова.

заявлять, что чекисты «с своей стороны» как бы действовали разумно и не столько лгали, как всегда, в этом случае; я считал, что *даже таких слов* [здесь и далее курсив Сильверсвана], которые кем бы то ни было могут быть истолкованы хотя бы в смысле том, *что эти гады поступили «целесообразно с своей точки зрения», — не следует говорить никогда.* Поэтому, пусть лучше останется Ваша версия, — что «заговор» сочинен этой сволочью и что люди погибли без причины и без повода. /.../¹⁷.

Письма Сильверсвана, конечно, не содержат абсолютной истины. В них остаются недоговоренности, есть внутренние противоречия (если подтвердится предположение, что ему принадлежит и авторство статей 1922 года в «Последних новостях», трудных для объяснения расхождений обнаружится еще больше). Тем не менее, от этого источника — и ни от какого другого — не отмахнуться. Горы и горы придется перевернуть, прежде чем откроются тайны тогдашней войны одних конспираторов против других. Для понимания таганцевской истории, вероятно, понадобится разгадать и тайну «советского сверх-Азефа», наиболее известного под одной из своих многочисленных кличек как Эдуард Опперпуг¹⁸.

Генеральной Прокуратуре, в известном смысле, было легче: она не обязана в поисках истины привлекать, например, материалы РЗИА или эмигрантской прессы — *историкам* без этого не обойтись.

Приходится об этом писать, потому что с реабилитацией осужденных по «делу ПБО» вырастает соблазн упрощенных и прямолинейных трактовок этого «дела», тем более что разница между юридическим расследованием и историческим исследованием далеко не всегда осознается пишущими¹⁹ (проблема разделе-

¹⁷ Полностью это письмо, обнаруженное итальянской исследовательницей Э.Гарэтто в фонде Амфитеатрова (отдел рукописей Библиотеки Лилли, Университет штата Индиана, США), будет опубликовано в сборнике «Александр Амфитеатров: Переписка», готовящемся к печати под ее редакцией в издательстве «Феникс» (Москва).

¹⁸ Он же Спекторский, он же — Селянинов, Стауниц, Касаткин, Петров, Ринг, Савельев, Грачев, Валин Карл, Коваленко, фон Мантейфель. Настоящее имя — Александр (или Фриц) Упениньш (Упелинец) (1894-1943?). В июле 1921 посажен (подсажен) в камеру к Таганцеву (см. его «воспоминания» об этом: Опперпуг о себе самом // Сегодня (Рига). 1927. 1 ноября. С.3).

¹⁹ См. сочинения политолога В.Грязневича: Запланированный заговор // Смена (Ленинград). 1991. 24 августа; Профессор Таганцев и другие: пренебрежение банальными истинами // Час пик (Ленинград). 1991. 23 декабря; а также «специалиста в области маргинальных проблем истории литературы» Д.Фельдмана: Правила игры // Континент (Париж). 1991. №68. К сожалению, поверхностные суждения указанных авторов принимаются как доказанные факты даже на страницах специальных изданий (например: De Visu. 1993. № 1. С.62).

ния литературных функций в чем-то аналогична проблеме разделения властей, и практика некомпетентного вмешательства и навязывания чуждых норм встречается слишком часто). Прошлое теперь действительно принадлежит всем, но нельзя же его рвать и кромать без правил.

Теперь, после реабилитации, идея «запланированного заговора» грозит возобладать над остальными. Между тем, история просто обесмысливается идеей, будто все заговоры придумали карательные органы. История превращается в этом случае в кровавый фарс, которым она все же не смогла стать, несмотря на все старания драматургов из ЧК. Цели, которые ставились той или другой стороной, собственно говоря, не достигались никогда, результаты всегда (сегодняшний опыт помогает это понять) таили в себе большой элемент неожиданности и нежеланности. Так и в «деле ПБО», одержав сиюминутную победу, власть потерпела такое моральное поражение, которое и к сегодняшнему дню еще не проявило себя до конца.

Имеет ли логический предел процесс реабилитации? Будет ли, например, реабилитирован А.В.Колчак? А ведь должен (и его всем известная борьба с Советами не должна остановить прокуроров, которые станут исследовать процесс судопроизводства): допрос — не завершен, суда — не было, расстрел — назначен ленинской шифровкой из Москвы...

Впрочем, *историка* реабилитация и не должна интересовать. Ему важно другое: *как все было на самом деле*.

Ф.Перченко, декабрь 1992

Д.Зубарев, февраль 1994

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н.И.БОГОМЯГКОВА

Публикация Е.Н.Разумовской

Светлой памяти Ф.Ф.Перченка

Феликс Федорович Перченко близко сошелся с моим отцом, Николаем Ивановичем Богомягковым (1901-1983), в конце семидесятых годов, особенно тогда, когда он вместе с А.Б.Рогинским и А.И.Добкиным на квартире отца готовил материалы IV и V выпусков исторического сборника «Память», печатавшегося тогда в Париже. Напряженнейшая редакторская работа, по 15-18 часов в день, продолжалась в доме отца до ареста Рогинского в 1981. Тогда же Феликс Федорович прочитал большой труд отца по истории забайкальского казачества и уговорил его напечатать часть исследования, относящуюся к советскому времени. Феликс Федорович стал редактором и блистательным комментатором этой публикации (Сибиряков Н.С. Конец Забайкальского казачьего войска / Примечания Б.Трофимова // Минувшее. Вып.1. Paris, 1986). Отцу не суждено было увидеть свой текст напечатанным. За поминальным столом в той же «рабочей» квартире, но уже без ее хозяина, Феликс Федорович предложил друзьям и солагерникам отца собрать материалы и воспоминания о нем. Этим планам также не суждено было осуществиться.

Предлагаемые ниже выдержки из семейных мемуаров и лагерных зарисовок отца, может быть, частично реализуют волю Ф.Ф.Перченка.

КОРНИ

Мой прадед, Лука Спиридонович Богомягков, по прозвищу Шестипалый, был шестипал и звероват. Выйдя из Нерчинской каторги, где сидел, по слухам, за убийство, поселился в деревне Чашина на Ильдикане. Купил охотничьего коня по кличке Серый и сразу занялся контрабандой золотом.

В России — три рубля золотник, в Китае — пять. Шестипалый золото закупал у старателей на прииске и возил через границу в переметных сумах. Серый хорошо уходил и от коней стражников, и от их пули. Скопив деньги, Лука купил еще пару лошадей, и теперь, когда один конь после безумной скачки отлеживался на боку, двое других готовы были продолжить ее. Три коня увеличили контрабанду в три раза.

Разбогател Шестипалый. Женился. Жену взял из Борзинского караула под стать себе: была Арина сильна, властна, сурова. При-

ехав на мельницу, брала с телеги пятипудовый мешок под мышку и поднималась с ним по ступеням к воронке пѳстава. Арина родила Луке трех сыновей: Андрея, Фрола и Алексея.

Любил Шестипальный покутить, пьяный куражился. На спор залезет под груженую телегу и, поднатужившись, поднимет. На спор же ляжет под Серого, поставит себе на зубы его заднюю левую ногу и лежит так минут пять. Серый не переступит, не шелохнется. Из-за коня и погиб Лука.

Давно уж ждала вся Чашина бега Серого с Вороным Михея Мунгалова, другого чашинского богатея. Оба коня славились и были равны: показывали одну скорость, проверенную секундомером. Лука и Михей долго не рисковали ударить по рукам. Но однажды на пирушке их подзудили, и они, выкинув по мешочку золота в заклад, назначили бега на начало июня.

Коней любовно ладили. Кормили строго по нормам. Секретно проверяли по секундомеру. За несколько дней до бегов повел Лука Серого перековать на легчайшие подковы. У станка кузницы неожиданно столкнулся с Мунгаловым. Сунулся было Михей в станок с Вороным, до отстранил его Лука своим мощным локотком аршина эдак на полтора и ввел Серого в станок. Ввел и, как будто ничего не произошло, наклонившись, стал привязывать переднюю ногу коня к станку. Разъяренный Михей поднял зуб бороны и ударил Луку в ложбинку затылка. Так кончилась жизнь моего прадеда. В суд никто не жаловался. Погиб, дескать, в горячей схватке из-за охотничьих лошадей. Чашина об одном жалела — бега не состоялась.

Осталась Арина одна холить подрастающих сыновей, почти уже взрослых, — когда лаской, когда костылем. Любили братья (у каждого было по рысаку) выскочить вечером на гульбище на беговых санках да и померить силы рысаков. Вернутся с гульбища и заспорят, чей конь лучше. От слов к бичам перейдут, начнут полосовать друг друга. Увидит Арина из окна, выйдет во двор и ну наводить порядок костылем! Парни хохочут, о ссоре забыли. Друг за друга прячутся, спины и головы от костыля берегут. Кто под руку попадет, того мать и за чуприну оттаскает.

Были братья удальцами не только в ссоре. Заведя скаковых охотничьих лошадей, занялись продолжением дела Луки Шестипалого. Потекло золотишко из России в Китай. Вначале все шло удачно. Да вскоре напоролись старшие братья — сначала Андрей, а потом и Фрол — на разбойничью шайку черкесов, вышедших с каторги. Забрали черкесы золото вместе с головами старших братьев где-то в отрогах Нерчинского хребта. Алексею же удача долго еще улыбалась.

Своего деда, Алексея Лукича, помню очень хорошо. Был он ловок, силен, весил 6 пудов, но при росте 1 м 80 см не казался тучным. Носил усы и бороду.

В молодости был темным шатеном с карими жгучими глазами. Дома ходил в халате, на выездах — в ловкой шегольской одежде. Разбогател, переехал в Нерчинский завод, выстроил там двухэтажную хоромину в десять комнат со всякими хозяйственными пристройками.

В городе к нему относились уважительно. Дед стал завсегдатаем общественного собрания, вошел в короткие отношения с работниками горнорудного управления, увлекся игрой в винт. Завороженный комбинациями большого шлема, забывал обо всем.

Даже так было. Приехал в Чашину к матери, когда та была при смерти. Сидели около нее старушки, а Алексей Лукич, чтоб не скучать, пригласил к себе трех инженеров с казенного прииска. И пошли играть роббер за роббером. В азарт вошли. Старушка входит, говорит: «Алексей Лукич, мать умирает». Встал. Пошел. У Арины кровь горлом хлынула. Вздохнула глубоко и покинула Чашину навсегда. Вынул Алексей Лукич платок, вытер матери губы, сложил руки на груди, вставил в них восковую свечку, зажег ее, поцеловал, перекрестил Арину... и пошел доигрывать очередной роббер.

Во всем была у Алексея Лукича удача. Жену взял красавицу из Буринского караула — Ольгу Ермолаевну Суслову, почти чистопородную монголку. Народила она ему трех сынов: Александра, Ивана и Всеволода. Шли ребята большеступенчатой лестницей — через каждые четыре года.

Как-то, когда был дед в отъезде и Ольга Ермолаевна была одна с детьми, ночью дом пытались ограбить. По всей видимости, это были беглые каторжники, выследившие богатые двухэтажные хоромы. Ольга Ермолаевна не растерялась: зарядила мужнины ружья, выставила их по окнам и палила, не целясь, бегая от окна к окну, с этажа на этаж — создавала иллюзию прочной мужской защиты. Держала оборону до утра, и грабителям пришлось уйти ни с чем.

С детьми дед был невероятно суров — не то, что позднее с внуками. Внукам позволял делать, что угодно. Грохнет, бывало, внучонок чашку. Кто-нибудь из взрослых ахнет удивленно. Дед же подвигает другую — «На, батюшка, бей!» И резон выставит: надо, де, ребенку двигаться, радоваться ребенку надо.

С детьми было совсем не так. Отец мой, Иван Алексеевич, вспоминал два эпизода из своего детства.

Пришел кто-то к Алексею Лукичу по делу. Шестилетний Ванюша тут же в комнате вертелся. Понадобилось по разговору с гостем что-то принести. «Беги, принеси!» — приказал отец. Что именно принести, Ванюша не разобрал. Стоит, ждет. Отец продолжал разговор. Вдруг взгляд его упал на сына. — «А, ты еще здесь, пашенок!» — и с размаху за шиворот в угол. С тех пор знал Иван: сказал отец, беги — и хоть и не разобрал, куда, все равно срывайся — хуже будет!

Второй случай — когда Ивану было восемь лет. Спросил отец: «Хочешь на Буром прокатиться?» — «Хочу!» — «Одевайся!» Ермолаевна всполошилась: с ума, де, сошел, убьет Бурый мальчишку. — «Ничего, матушка, ничего, не разобьется. Когда-нибудь и на скаковой лошади надо научиться ездить».

Оделся Ванюша. Во двор вышли. У крыльца — уже оседланный Бурый. Ермолаевна на галерее плачет, Алексей же Лукич, не обращая на нее внимания, поучает:

— Ты, Ванюшка, крепче держись. А увидишь, что не усидеть — вон до того сугроба держись, тогда только падай.

Пляшет Бурый, удила грызет. Отец Ванюшу в седло кинул, крикнул: «Пошел!» Рванулся Бурый, вышел на полный карьер, поравнялся с сугробом, упал Ванюша. Отряхивается, домой бредет. Бурый же разогнался, развернулся — и уже в огаде. Отец коня под уздцы держит, спрашивает: «Не ушибся? Хочешь еще?» — «Хочу!» — «Ну, садись!»

Опять Бурый на полный карьер, опять сугроб, опять Ваня в сугробе. В третий раз отец мальчишку на коня. Ермолаевна уже волосы на голове дерет, а Алексей Лукич допрашивает:

— Ты что ж это, батюшка, на одном месте падаешь? Неужли дольше продержаться не можешь?

— Сам велел в сугроб падать, а теперь спрашивает, — возражает сынок.

— Дурачок ты, — поласковел отец, — я же тебе велел тянуть до сугроба, ежели падать будешь, а ежели ты крепко сидишь, то на кой ляд падать? — И пригрозил: — Попробуй-ка еще раз упасть!

Ну и все. С той поры носился Иван на Буром — ни в какие сугробы не падал.

Дела у Алексея Лукича шли все лучше да лучше. Уж магазин на амбарной площади Нерчинского завода открыл, амбары, склады повыстроил. Но операций с золотом не прекратил — вел их в более крупном масштабе, до пуда золота в переметной суме забрасывал. С золотом едучи, остерегался не только стражни-

ков, но и черкесов. Черкесы и за ним охотились, и однажды он чуть было не пошел «догонять» братьев Андрея и Фрола.

Пробирался однажды с золотом по Нерчинскому хребту. Только поднялся на увал, взглянул назад — а там двое черкесов с соседнего увала спускаются, коней подхлестывают. Не беда, думает, Бурого им не догнать. Пошел впроскачь. Вылетел на соседний увал — а там сажень в пятидесяти главарь шайки Ахмет еще с одним черкесом тропу перекрыли: коней крупами сцепили, поперек поставили. Ну, подумал Алексей Лукич, задних ждать не приходится, попробую конской грудью сбить. Выпустил Бурого на полный карьер. Под помощником Ахмета конь не выдержал, упал, Ахметов же конь только развернулся. Выхватил дед Ахмета из седла, поперек своего седла бросил, руку с револьвером развернул, револьвер вырвал — и себе за пазуху. Взмолился Ахмет:

— Пусти, Алексей! Никогда на твоей дороге больше не встану! Слово джигита!

Товарищи Ахмета едут за ними, выжидают, чем кончатся переговоры. Долго уговаривал Ахмет деда. Наконец тот попридержал коня, пленника на землю скинул. Черкес стал молить отдать пистолет. Высыпал дед патроны из барабана, пустой револьвер Ахмету бросил — на, мол, да смотри, слово держи! — и ускакал. С тех пор ни один черкес не нападал на деда — крепко слово держал Ахмет.

А раз стражники горные к Шилке прижали. Пуля пока не берет, но вот-вот прискачут, палить начнут. Утес сажени полторы над водой, а под ним шуга [первый лед] по Шилке идет. Времени на раздумья не было. Стеганул Алексей Лукич Бурого — и с утеса в Шилку. Плывет Бурый к противоположному берегу, а всадник одной рукой за луку держится, другой — лед отпихивает и воду подгребает — помогает коню плыть. Уже у берега были, когда стражники к утесу выскочили, выстрелили горяча, промазали. Алексей же Лукич, на берег выбравшись, шапку снял да и был таков.

Все везет да везет. А когда-нибудь и наоборот.

Назначили нового начальника Горного управления Кабинета Его Величества. Приехал петербургский чиновник. Важный. Совсем недавно цареву руку жал. Поехал Алексей Лукич ему представляться. Вошел. Начальник с супругой обедают. Гостя к столу не зовут. Стул к дверям велели поставить, через губу разговаривают. Откланялся дед поскорее — и домой. Никому ни слова, как начальничек его принимал.

Прошло какое-то время. Разговорился новый начальник со своими чиновниками, спрашивает, с кем бы здесь интересно было

бы познакомиться. Все в один голос рекомендуют ему Алексея Лукича Богомягкова как местную достопримечательность, байки про него рассказывают. А найти, говорят, его легко — вон двухэтажный дом, самый большой в городе, сразу в глаза бросается.

В воскресенье, около часа дня, поехал горный начальник знакомиться с интересным человеком. По петербургскому — время визитов, по нерчинско-заводскому — время обеда. Прислуга ведет гостя прямо в столовую. Ольга Ермолаевна метнулась было его к столу пригласить, а муж ей строго — сиди! Сам встает неторопливо, берет стул и к дверям — гостя усаживает. Ермолаевна вовсе растерялась: «Алеша, что ты?!», а он ей опять — сиди! Стопочку себе наливает, демонстративно опрокидывает с криканьем, смачно закусывает, с начальством из-за стола беседует. Побагровел столличный гость, быстро откланялся. А дней через десять, встретившись с дедом в Общественном собрании, подошел, руку протянул: «Спасибо, Алексей Лукич, за науку!» С тех пор стали домами знакомы. В доме этого горного начальника и кончилось дедово везение.

Однажды в компании золотоискателей и контрабандистов пошли воспоминания, кто как стражников провел. Друг перед другом похвалялись, гаерствовали. Алексей Лукич, распалившись, предложил пари: мол, к горному инженеру с мешочком золота заеду пообедать, а от него — напрямик в Китай. Ударили по рукам.

В праздничный день запряг дед в сани пару лошадей, под сиденье мешочек с золотом положил, рогожкой прикрыл — и к горному начальнику на обед. За столом сидят, мирно беседуют, о стопочке не забывают. Вдруг прислуга докладывает, что начальник стражи просит хозяина к нему выйти по срочному делу.

Все оказалось просто. Забрела во двор свинья, к санкам богомягковской пары сунулась, рогожку потянула, клыком за мешочек зацепилась. Рогожку треплет, а из мешочка золото на дно саней сыплется, на солнце сверкает. Стражники тут как тут. Сразу смекнули: собрался Богомягков в Китай да в этот раз не доедет — в лапы к ним попал. Так и пошел Алексей Лукич с обеда у начальника Горного управления сперва в следственную тюрьму, а потом и на каторгу. Отбывал ее в Нерчинске и в Горном Зерентуе. Вернувшись через восемь лет домой, с контрабандой покончил, занялся только торговлей и подрядами. Поставлял мясо на горнорудные прииски и в армию.

Последние годы жил с женой у сына Ивана в селе Ново-Цурухайтуй. Отяжелел. Любил перед сном послушать бабушкино чтение вслух, однако уже через 15-20 минут раздавался его безмя-

тежный храп. Во сне часто разговаривал и даже пел, чего в жизни с ним не бывало. Песня всегда была одна — «Выхожу один я на дорогу». Сны иногда переходили в явь. Так, однажды бабушка проснулась от того, что дед стоял за кроватью, держа ее за ноги. — «Алексей, ты чего это?» — Вздрогнул, скинул сон и давай извиняться: мол, приснилось, что на базаре коровьи ноги продаю. В другой раз бабушка спросонья слышит — вода рядом журчит. Оказывается, приснилось деду, что идет он по Большой (главная улица в селе), и приспичило ему помочиться. Ну, прямо терпежу нет. А тут переулочек. Завернул он за угол и пустил струю. Плетнем же оказалась спинка кровати.

Ольга Ермолаевна умерла от скоротечной чахотки в возрасте шестидесяти пяти лет. Была она, как тогда говорили, женщиной с домашним образованием. Любила читать. Кроме Пушкина и Толстого, стоявших дома на полках, перечла все приложения к «Ниве», где печатались тогда произведения Шеллера-Михайлова, Тихонова, Мамина-Сибиряка, Андреева, Чехова. Дед пережил ее на десять лет.

После смерти жены по чужим бабушкам хаживал. Напоследок приглубил одну старушку из образованных — вдову какого-то важного чиновника с Нерчинского завода. Там в то время были красные, а у нас, в Ново-Цурухайтуе — белые. Выехать к нам вдовушка смогла только после длительного объяснения с красным командиром, который сперва ей отказывал — мол, к атаману Семенову едешь! — но сдался, сраженный озорным доводом: не к атаману Семенову, а к атаману Алексею!

О прочном союзе новая парочка не думала. Однако в поселке об этом — суды да пересуды. Как-то воскресным утром, когда вся семья Богомягковых мирно завтракала на открытой веранде, мимо, по Большой, замелькали юбки бегущих девушек и взрослых казачек. Послали спросить, что случилось. Оказалось, женщины кинулись в церковь — смотреть, как старик Богомягков венчаться будет. Ну и смеху было за столом! Веселее всех хохотали Лукич с вдовушкой.

Совсем не помню деда больным. А в 1919 году у него объявилась астма. Не то чтобы она его сильно мучила. От простуды надо было беречься — он и берегся. Но в чарочке перед обедом и ужином себе не отказывал, хоть врачи и предупреждали, что это может оказаться гибельным при малейшей простуде. Так и вышло.

Осенью забайкальские казаки, владевшие большими стадами и табунами, перегоняли своих животных в Китай на дальние зимки, где за лето накашивали много сена. Перегоняли через Аргунь, лишь только река встанет. Торопились попасть на тот берег

в первые же дни ледостава, потому что на своем — все пастбища уже выбиты были. В конце октября 1919 года, когда Аргунь наконец схватило, пытался Иван Алексеевич вместе с пастухом и работниками свой табун перегнать. Целый день бились, и все зря. Развернут лошадей сажан за сто от берега, гикнут и — на полном ходу к берегу. С разбегу косяки влетят на лед, добегут до середины, а там лед дугой выгнется, затрещит по ним, они испугаются — и назад. Так ни с чем пришлось возвращаться. У деда первый вопрос:

— Табун перегнали? После обеда поедете?

— Да нет, подождать надо. Ночью лед прихватит, к утру он окрепнет, тогда и перегоним.

— Да ты что, батюшка? Где это видано — сутками табун голодом морить? Я поеду!

Стали дед отговаривать: астма де у тебя, морозец крепкий, простудишься, замучит она тебя, проклятая. Ничего Лукич слушать не хочет — велит седлать коня. Прихватил рабочих с пастухом — и на Аргунь. Часа через два вернулся. — Табун был в Китае.

Вечером всей семьей отправились на именины, оставив дома с дедом меня, семнадцатилетнего. За ужином Алексей Лукич выпил сразу две чарочки: промерз сильно, хотелось поскорей согреться. После ужина разошлись по своим комнатам. Заснули.

Часов около десяти я проснулся от шума в столовой. Вышел туда. Дед стоял, опершись руками о стол. Из рта его хлестала пена. Увидав меня, прохрипел:

— Буди Елизара (работника). Пусть едет за Полуэктом Ивановичем (фельдшером). Вели запрягать Резвого.

Я вышел, сделал все, как велел дед. Вернулся. Дед — в той же позе у стола. Подошел, уговорил в спальню идти. Сколько мог, помогал ему нести грузное тело. Усадил на кровать.

— Душно мне... Вентилятор открой!

Открыл. В комнате посвежело. Но этого оказалось мало. Просит дед окно выставить. А как? Рамы двойные на зиму заделаны. Бросился я к окошку, за переплет схватился — ни с места! Дед сзади командует:

— Возьми стул, драбалызни, чтоб обе вылетели!

Я растерялся. Стул в руках держу, а ударить не решаюсь.

— Сопляк ты, батюшка!

Стукнул себя дед ладонью по колену и с кровати покатился. Я — к деду. Хрипит, глаза закатывает. Закричал я. Прибежали работники, стали подымать деда. Не удержали. Грохнулся дед головой о пол и притих. Переташили его все-таки на кровать. Кто-то

побежал за Иваном Алексеевичем. Все прибежали с именин. Тут и Полуэкт Иванович подоспел. Алексей Лукич был уже мертв.

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Из записок обыкновенного человека

Мне всегда казалось заманчивым познакомиться с записками обыкновенного русского человека, волею судеб ставшего свидетелем возникновения и развития революции в России, записками, в которых бы автор не только беспристрастно изложил события, случившиеся на его глазах, но и попытался оценить, каким образом эти события формировали его сознание.

Я — ровесник века. Открыв своим рождением XX столетие, я ныне открываю его и свой девятый десяток. Перечитывая недавно свои воспоминания о тюрьмах, лагерях и ссылках¹, я подумал, что их как раз можно рассматривать как подобного рода записки.

Но начну с детства.

Мои первые смутные, но запомнившиеся на всю жизнь впечатления связаны, как потом выяснилось, с революцией 1905 года. Мне четыре года. Ночь. Я приболел и потому перемещен из детской в комнату отца. Просыпаюсь от негромкого разговора. Вижу стоящего со свечой отца. Пламя выхватывает из темноты часть письменного стола и сидящего рядом на корточках военного с блестящими погонами. Военный листает книги. «Гости?» — спрашиваю. — «Гости, гости, спи», — шепчет отец. Военный улыбается. Утром из беседы отца с зашедшим меня проведать фельдшером узнаю, что ночной гость — пристав, производивший обыск. — «Ничего не нашел. Только взял почитать "Историю цивилизации в Англии" Бокля». — Бокля сей любознательный блюститель порядка «читает» по сию пору.

Через несколько дней отца арестовали и до отправки в обласную центр держали вместе с группой молодых людей в школе. Передачу принимали, но свиданий не давали. Мать придумала послать передачу со мной с тем, чтоб я попросил показать папку. Расчет ее оправдался. Стоявший на карауле казак сначала помог мне растереть побелевший на морозе нос, а потом приоткрыл дверь в комнату, и я увидел лежащего на кровати с книгой в руках отца и на полу — клубок тел, вцепившихся друг в друга. Мое вни-

¹ Н.И.Богомягков провел в неволе 25 лет: 1938-1948 — Каргопольлаг; 1948-1957 — ссылка приблизительно в тех же районах Русского Севера; 1957-1963 — сибирский Озерлаг.

мание, естественно, поглощено молодежной борьбой. Краем глаза я вижу, что отец, кивнув мне, что-то говорит, и дверь тут же захлопывается.

Второе воспоминание относится к лету следующего года. Отец сидит на полу веранды, плетет двенадцатизильный столбовой бич и мирно беседует с рядом стоящим односельчанином. Я же, оседлав перила, сверху наблюдаю за чудом появления квадратного столбика из тоненьких сыромятных ремешков и машинально вполголоса напеваю песню, не единожды слышанную в кабинете отца, когда там собиралась молодежь:

...Вставай, подымайся, рабочий народ!
Иди на врага, люд голодный!..

— Ишь ведь, что поет постреленок! — удивляется сосед. — Мало, что отца зимой из-за «Марсельезы» в областную тюрьму возили, видно хочешь, чтоб летом снова загребли?

Передо мной возникают просветленные лица поющих, и, подстегнутый видением, я упрямо продолжаю:

Мы пойдем к нашим страждущим братьям,
Мы к голодному люду пойдем...

Отец подымает от работы голову, вслушивается в песню и строго обрывает меня:

— Перестань! Эту песню сейчас петь нельзя.

Случайно услышанное слово «тюрьма» со временем стало принимать конкретные формы.

Мне лет семь-восемь. На ходке в парной запряжке спускаюсь с дедом с Нерчинского хребта в Горный Зерентуй. День солнечный, яркий. Станица горбится серыми тесовыми крышами. На сером фоне два белых пятна: золотошпильная церковь и большой квадрат тюремной стены. По углам белого квадрата торчат вышки с часовыми. Их заунывное «слу-шай!» доносилось до нас еще тогда, когда мы были на вершине хребта. Проезжая мимо тюрьмы, мы видим зрелище, поразившее меня на всю жизнь: человек десять в серых солдатского сукна халатах, впряженные в лямки, тянут сорокаведерную бочку с водой.

— Дедушка, почему на людях воду возят?

— Сердитые они, батюшка. А на сердитых воду возят, — отвечает дед. — Ты не смотри на них. Нехорошо смотреть, как на людях воду возят. Не по-людски это.

И последняя картинка, всплывшая в памяти из далекого детства, связанная с тюрьмой.

Дед с бабушкой стоят на веранде, опершись о перила. Я рядом играю в мяч. Во двор влетают четверо на взмыленных ло-

шадях. Красные лица всадников покрыты потом. Черная форменная одежда сера от пыли.

— Дайте, пожалуйста, напиться!

— Подай, мать! — распоряжается дед.

Бабушка выносит ведро воды и кружку. Всадники жадно пьют, не слезая с лошадей. Напившись, один из них спрашивает, не проходили ли мимо трое чужих. — Не видал, — отвечает дед, — а что вы ими интересуетесь? — Да бежали сегодня из Горной тюрьмы трое. — Уголовные или политические? — интересуется бабушка. — Политические. — Ну, дай вам Бог их не поймать! — желает бабушка незваным гостям «на дорожку». Тюремщики зло стегают лошадей и, не попрощавшись, рысью вырываются за ворота.

— Не длинно ли, матушка, распустила язык? — сердится дед. — Четверо их. Разговор при свидетелях получается.

— Ничего не будет! Много ли они с меня, со старухи, возьмут-то? Знала бы, что за политическими гонятся — и пить не дала б!

Побег с Горно-Зерентуевской каторги, как я выяснил много лет спустя, во времена моего детства был обычным явлением: очень уж мирволил политическим арестантам тогдашний начальник каторги Покровский. Он ввел особые льготы для «политиков», в том числе, почти ежедневный, от утренней до вечерней поверки, выход из тюрьмы «под честное слово». Три дочери Покровского стали женами «политических преступников». Недаром в двадцатые годы, когда в Ленинграде рядом с Петропавловской крепостью был выстроен Дом политкаторжан, в него по ходатайству жильцов был вселен и Покровский (по-видимому, в звании почетного политкаторжанина).

Чудесные дни отрочества, последние ученические годы. Февральская революция. Подростки, во многом подражая взрослым, наивно или всерьез становятся участниками стихийно разворачивающихся событий. Мы манифестируем, бастуем, ведем борьбу с неугодными нам учителями, особенно с теми из них, кто иронически относится к нашим революционным восторгам. Мы ликуем, как нам кажется, со всей Россией, со всем народом. Мы упираемся сознанием свободы, принесенной Февралем. Мы счастливы, что и мы «в этом хоре участники».

Весна революции совпала с весной в природе. Какая гармония! Море цветов, реющие алые знамена, светлые восторженные лица. С востока на запад движутся поезда, увитые гирляндами цветов. В них — освобожденные революцией арестанты и ссыльные. На каждой станции их встречают тысячные манифестации. Их буквально засыпают цветами. Все, независимо от политиче-

ских убеждений, братаются друг с другом, братаются с народом. Всеобщее единение! Понятия *свобода*, *равенство*, *братство* становятся осязаемой реальностью.

Увы, демократия застигла русский народ врасплох. Неграмотный, он познавал революцию на слух. Из потока обрушенных на него малопонятных слов выплывало два главных: незнакомое — *социализм* воспринималось синонимом знакомого — *рай*. На этом спекулировали ораторы от всех партий.

После октябрьского переворота вылилось наружу все темное и страшное, что таилось под спудом невероятно широкого стихийного движения, охватившего Россию. По стране прокатилась мощная волна самосудов. В годы гражданской войны возникли организованные самосуды — система заложников: заняв город или село, красные брали «в залог» представителей буржуазии и интеллигенции и в случае неудачи, уходя, поголовно уничтожали их. Жили под лозунгами «грабь награбленное», «народ правит — народ судит» и т.п. Темный человек под влиянием политиканствующих демагогов возомнил себя знающим «как надо» и потому имеющим право властвовать и судить от имени народа. Об этом — три эпизода из времен моего отрочества.

Митя из Савоборзи

Савоборзя — маленькое сельцо, дворов в пятнадцать, на высоком берегу одноименной речки. Восемнадцатилетний Митя как сын беднячки — в комитете бедноты. Вместе с другими комитетчиками распоряжается жизнью сельца и ведет постоянную разъяснительную работу. Я случайно оказался в его избе — жду подводу, и между нами происходит знаменательный диалог.

— Как вас зовут, товарищ?

— Николай Иванович.

— Далеко едете?

— На двубластной съезд профсоюзов.

— Есть у меня, Николай Иванович, кое-какие неясности. Можно вас спросить?

— Спрашивай. Если знаю, скажу.

— Скажите, товарищ, Бог есть?

— Не знаю, Митя.

— Не знаете!..

— Не знаю. Сам я неверующий, хотя и крещеный. И других не учу, коль сам не знаю.

— Вон как! — поражается паренек. — А я вот думаю, что нету Бога. Сам так думаю и других учу, — добавляет он твердо.

— А как ты про это узнал? Давно ли?

— Два года назад, — абсолютно точно определяет молодой комитетчик. — Тут у нас семеновцы стояли. Утром налетели со стороны Партионской станицы красные партизаны. Семеновцы на нашем увале залегли, а партизаны с той стороны речки окапываются. Командир семеновцев скомандовал наступление. Поп с крестом вперед выскочил. Бежит к мостику. Как его тут с-под горы резанут пулеметом! Упал поп, и из него кишки полезли. Ну, скажите, товарищ, кабы он был святой, из него б кишки полезли? Кабы Бог был, Он бы допустил, чтоб из попа кишки полезли? Он бы пули от попа отвел! Так что, Николай Иванович, Бога нет.

Самосуд в Благовещенске

Кондрат служил сторожем в Переселенческом управлении города. Начальником этого управления был Анисим Михайлович Черных, человек либеральных взглядов, тяготеющий даже к эсдекам (социал-демократам). На складе Переселенческого управления наряду со всякого рода сельскохозяйственным инвентарем и машинами хранились двухведерные бутылки со спиртом. Эти бутылки были причиной постоянных столкновений сторожа с начальником.

Только что один из красных отрядов выбил из Благовещенска части атамана Калмыкова и занял город. Калмыковцы окопались в пригородных селах и ждали помощи из Свободного, где стояли полки амурских казаков. Об этом шел тревожный разговор за семейным обедом в доме Черных. Особенно волновались за судьбу средней дочери Татьяны, ушедшей в горы к партизанам. Вдруг в столовую ворвался Кондрат с винтовкой в руках. Его сопровождал красногвардеец.

— Бери ключи, открывай склад! — потребовал Кондрат от Анисима Михайловича.

— Зачем тебе на склад?

— Спирт нужен — раны обмывать красногвардейцам!

— При чем тут ты? Ты же наш сторож.

— Вчера был сторож, а сегодня — боец Красной гвардии.

Мне поручено забрать спирт со склада для лазарета.

— Врешь ты все, Кондрат! За спиртом прислали б кого-нибудь из медиков. Командир бы письмо написал.

— Значит не дашь?

— Не дам.

— Тогда выходи!

Кондрат схватил начальника за рукав и потянул к дверям, красногвардеец подталкивал его сзади.

— Ну что ж, пойдём к командиру, — не упирался Черных. Во дворе его поставили к стенке склада. Кондрат поднял винтовку.

— Говори, гад, последний раз, дашь спирт или нет?

— Не дам. Не дури, Кондрат, ты пьян.

Анисим Михайлович протянул вперед руку, защищаясь от солнца, бьющего в глаза. Прозвучал выстрел. Человек упал. Он был мертв: пуля пробила и руку, и голову. Под шеей нелепо белела обеденная салфетка. Все случилось мгновенно, на глазах жены и двух дочек Черных. Убийцы тотчас исчезли. Исчезли они и из Благовещенска, присоединившись к отряду лишь после того, как тот вышел из города — где-то под Сковородино. По слухам, Кондрат, совершивший еще несколько убийств с целью грабежа, в конце концов был расстрелян.

Эту трагическую историю рассказала мне одна из дочерей А.М.Черных, свидетельница гибели отца. Мне же довелось увидеть, насколько страшны Кондраты, когда, собранные в один кулак, они «уничтожают социальную несправедливость».

В отряде Сергея Лазо

Февраль 1918-го. По случаю лютых морозов — ниже 45-ти градусов по Реомюру — закрыты все учебные заведения в Чите. Я — выпускник реального училища. Мне шестнадцать лет, и я, как и многие мои сверстники, пытаюсь определить свое политическое кредо и мечтаю о свершении славных дел. Невольное безделье обостряет романтические порывы. Дабы реализовать их, мы с моим одноклассником Костей Гончаровым тайно от родителей записываемся в отряд Сергея Лазо, спешно сформированный читинским ревкомом для борьбы с атаманом Семеновым, который в это время пытается прорваться из Маньчжурии в Забайкалье. Ядро отряда Лазо — рабочие депо станции Чита-1 и разбошевиченный, как тогда говорили, Первый Аргунский казачий полк, только что вернувшийся в полном составе и с полным вооружением с Кавказского фронта. Как потом выяснилось, в красногвардейский отряд влились также специально выпущенные из читинской тюрьмы уголовники.

Конкретным толчком к принятию нашего с Костей тайного решения послужила моя случайная встреча с земляком из родной станицы, доктором Денемарком, служившим тогда полковым врачом у аргунцев. Состоялась примечательная беседа.

— Вы ищите себя, свои политические убеждения. В вашем возрасте лучшее познание — практические дела.

— Какое практическое дело вы рекомендуете?

— Рекомендую пойти в отряд Сергея Лазо. Есть почва для размышлений о принципиальных разногласиях между социалистами. Семеновцев же надо ненавидеть. Надеюсь, в этом-то вы не сомневаетесь?

— Не сомневаюсь.

— Ну и идите в отряд.

Сказано — сделано. На следующее утро мы с Костей уже были в ревкоме. Выслушав пролетарские наставления братьев Матвеевых, тогдашних хозяев ревкома, мы получили от них по берданке, и в шесть вечера того же дня вместе с другими добровольцами нас погрузили в специальную машину и повезли на вокзал. Машина, надо полагать, нужна была для торжественности момента, ибо для того, чтобы от бывшего губернаторского дома, где размещался ревком, попасть на вокзал, требовалось всего лишь перейти бывшую Атаманскую площадь. Меня и Костю направили в санитарный вагон и в ответ на наши буйные протесты пообещали, что будем участвовать хотя бы в первых боях.

От Читы до Могойтуй эшелоны шли полным ходом: железнодорожники организовали нам «зеленую улицу». Дальше двигались осторожно, ожидая встречи с семеновцами. Однако при приближении к Оловянной выяснилось, что противник оставил станцию без боя. То же повторилось и на следующей станции — Борзя. На подходе к последней нас с Костей, как и обещали, поставили в первую цепь, но мы дошли до нее без единого выстрела. Был, правда, один забавный эпизод. Когда первый паровоз остановился у борзянской водокачки, к нему метнулись четверо, выдернули из будки машиниста и кочегара, разложили их на рельсах и принялись стегать нагайками, приговаривая: «Не вози краснозадых!» Пока выскочившие на крик красногвардейцы разобрались что к чему и кинулись в вагоны за оружием, семеновцев и след простыл — ускакали архаровцы.

Следующая станция — Даурия. При подходе к ней нашу разведку обстреляли, поэтому аргунцы заняли высоты вокруг станции и открыли артиллерийский огонь. Под его прикрытием красногвардейские цепи вошли в Даурию. Но семеновцев там уже не было — настоящего боя и здесь не получилось. Все же было несколько раненых и убитых — санитарам была работа. Запомнился огромный бронеет лет сорока из деповских. Пуля прошла через шею навывлет. Он хрипел, не приходя в сознание, сквозь хрип слышалось постоянное «пить». Всю ночь откуда-то с востока, со стороны Борзи, кто-то кричал. Говорили, что это раненый семеновский офицер. Утром нас с Костей послали туда на дрезине. Офи-

цер был уже мертв. Судя по тому, что покойник лежал в одном нижнем белье и без сапог, здесь уже побывали мародеры из наших уголовничков. Белье было дорогое, с монограммой — видимо, хозяин его принадлежал знатному роду. По понятиям, с детства привитым нам с Костей, убитого следовало похоронить. Поэтому мы привезли его в Даурию. Первым человеком, встретившим нас на станции, была Лебедева. О ней особый разговор.

Левая эсерка-максималистка Лебедева (имени ее точно не помню) занимала в отряде Лазо пост начальника штаба. Черная, крупноногая, в бархатной жакетке, подпоясанной широким офицерским ремнем с болтающимся на нем огромным маузером в деревянной кобуре, повязанная яркой цветастой шалью, распушенной сзади по-цыгански, Лебедева выглядела вызывающе колоритно. Таково же было и ее поведение в отряде. С уголовниками она держалась как «своя в доску», постоянно перекидывалась с ними грязными шутками. К примеру, если она слышала в свой адрес «тарарам тебя в рот», то немедля парировала, ухмыляясь: «Зачем в рот, когда можно в п...?» Короче, хевра боготворила ее и подчинялась только ей.

Встретив нас на станции, Лебедева подняла крик, называя нас мерзавцами и белогвардейцами, грозя арестом. Однако на этот раз обошлось. Труп уволокли куда-то, а мы с Костей пошли бродить по Даурии. То, что мы увидели, нас ужаснуло: шел погром жителей. Из домов летел пух от вспоротых перин и подушек, слышались вопли и стоны. Навстречу нам двое волокли награбленное, вслед им причитала женщина. Мы остановили молодчиков и потребовали вернуть добро хозяйке. В ответ — отборная брань. Началась драка. На помощь своим налетело еще несколько грабителей. Дело пахло самосудом. Но тут вовремя появилась Лебедева. По ее приказу нас арестовали и доставили в штаб. К счастью, ближайшим от места происшествия оказался штаб аргунцев: сопровождавший нас «красногвардеец», нехотя подчинясь приказу из-за боязни, что дружки разберут все ценное без него, торопился отделаться от нас. Аргунцы, естественно, разделяли наше отношение к погрому. Они отпустили конвоира, а нам посоветовали поскорее добраться до санитарного вагона, по дороге не ввязываясь ни в какие уличные происшествия, и обещали обо всем доложить командиру.

Часа через два в нашем вагоне появился Сергей Лазо. Он долго беседовал с нами, стараясь объяснить, что революция — массовое стихийное движение, что поначалу к армии революционеров примыкают толпы мародеров и хищников и что это вовсе не значит, что революция плоха. Его доводы не казались нам убедитель-

ными, мы спорили, утверждая, что революция и преступление — две вещи несовместные. Уходя, Сергей Лазо обещал нам назавтра в полдень собрать митинг всего отряда.

Митинг действительно состоялся. На нем приняли резолюцию, признавшую мародерство позорным. Был введен постоянный патруль из казаков с правом расстреливать мародеров на месте. В тот же вечер кого-то пристрелили, и грабежи постепенно прекратились. Мы же с Костей, потрясенные пережитым, решили оставить отряд, тем более, что морозы уже спали и занятия должны были возобновиться.

Позднее до Читы дошли слухи, что Лебедева со значительной частью отряда, пополненной освобожденными по пути уголовниками, от Лазо откололась, заняла Никольск-Уссурийск, и там хевра по-своему отпраздновала победу, пустив город «на пух и перо». Сергей Лазо получил распоряжение ликвидировать ее отряд, что он и выполнил, а Лебедева как будто была убита в бою.

Так печально началось мое непосредственное знакомство с революцией. Так бесславно кончилось мое двухнедельное «хождение» в нее. Совет доктора Денемарка я как будто реализовал: во всяком случае, получил заряд классовой ненависти. Но не против мифических семеновцев, с которыми так и не удалось встретиться (именно к этому призывал меня добрейший доктор), а совсем в другом направлении — против будущих «друзей народа», как их стали называть лет через пятнадцать-двадцать в сталинских лагерях.

СЦЕНКИ И ЭПИЗОДЫ ИЗ ЛАГЕРНОЙ ЖИЗНИ

Безумные в лагере

Лето. Раннее утро. Развод. Как обычно, нас построили «четверками» (по четыре человека в ряд) и под крики «первая!», «вторая!» — выводили за вахту.

— Гад проклятый, мать-перемать! — раздался вдруг визг со стороны проволоки, отделявшей мужские бараки от женских. — Давай крепдешинное платье! Мне не даешь, а тем проституткам дал! Думаешь, не знаю, что они к тебе под одеяло лазают? Не дашь крепдешин — я тебя гавном измажу!

— Да заткните ее, тащите в изолятор! — разорвался прораб, уснащая свою речь многоярусным матом. Арестанты дружно ржали.

Так я познакомился с Примой, известной всему лагерю эротичкой. Как Прима могла попасть в разряд политических преступников, непонятно даже для тридцать седьмого года: она ни о чем не могла говорить, кроме пункта помешательства.

Как потом выяснилось, накануне, по случаю воскресного дня, две девушки, недавно прибывшие в лагерь, принарядились. Прима вертелась около, восторженно шупала материю, ахала.

— Это им прораб выдал за хорошенькие глазки, — пошутил кто-то из женщин. — Вчера в каптерку целый воз таких платьев привезли. Молоденькие, конечно, получают, а сорокалетним, как мы с тобой, не дадут.

Несколько месяцев спустя я оказался в лагерной больнице. Первым делом попросил ножницы (в зоне их иметь запрещено), привел в порядок руки-ноги и собрался выйти покурить. Меня остановил сосед по койке.

— Товарищ, — обратился он ко мне, — дайте мне, пожалуйста, ножницы.

— Извольте!

Протянув ему ножницы, я вышел в коридор. Вернувшись после перекура в палату, я застал там возбужденных больных и сестру.

— Посмотрите, что вы наделали! — накинулась на меня сестра. — Зачем вы дали ножницы Ефимову? Он же сумасшедший!

Я взглянул на соседа. Все его голое тело было изрешечено мелкими порезами. Все вокруг — белье, кровать, пол, стены — было залито кровью.

Ефимова забинтовали с головы до пят так, что от него остались одни только глаза, выглядевшие вполне разумно. Когда мы снова остались одни, я не выдержал:

— Скажите, пожалуйста, зачем вы это делаете? Вам же больно!

— Совсем не больно, — возразил сосед. — Вы думаете, я себя режу? Я «их» режу. Очень уж они наглые и надоедливые.

Потом он долго и доверительно рассказывал о «них», никогда не называя их настоящим именем — «чертями». Они маленькие, в два-три сантиметра, скрюченные, с длинными красными носами, в зеленых колпаках. Лезут изо всех щелей, прыгают по подушке, пытаются застать врасплох — поэтому Ефимов почти не спал. Иногда «они» вырастали до человеческих размеров и путались в сознании Ефимова с сотрудниками НКВД. Различал он их по головному убору: черти были в колпаках, а сотрудники НКВД — в фуражках того же цвета.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросил я как-то утром, заметив, что сосед совсем без сил.

— Да опять «они» спать мешали, — последовал ответ.

— Кто «они»?

— Ну эти, в зеленых фуражках, и Маркс. «Они» всю ночь отовсюду лезли, а под утро Маркс из вьюшки голову высунул и орет «Бытие определяет сознание!» Я ему говорю, чужак ты. Вот когда я сплю, сознание у меня выключено, а бытие продолжается, ясно? Ничего не слушает, орет свое.

Во всем, что не касалось религиозных и философских аспектов, Ефимов производил впечатление вполне нормального человека, всегда вежливого и обязательного. Мне рассказали, что он — потомок крупных промышленников, окончил Московский университет. Сошел с ума на религиозной почве. Буквально истолковав священный текст о борьбе с соблазнами, отрезал себе пенис.

Однажды до нашей палаты донеслась отвратительная ругань в коридоре. Я узнал голос Примы. Ефимов испуганно сжался, побледнел.

— Что с вами? — спросил я его.

— Там эта отвратительная женщина. Я ее боюсь. Надо бы выйти поздороваться, но не могу.

— Разве вы ее знаете?

— Да, в Вологде два года сидели вместе в сумасшедшем доме.

Через несколько месяцев Ефимова переправили в Ярославскую психиатрическую больницу для заключенных. Прима же к моменту моего первого освобождения (1948 год) по-прежнему оставалась в лагере и числилась политическим преступником.

Андрея Вознесенского безумие настигло в лагере. К моменту ареста он был студентом последнего курса истфака Московского университета. Срок получил, по тогдашним понятиям, детский — всего пять лет. Но началась война. Всех, кому вышел срок, задерживали «до особого распоряжения». Это была попытка свободой. Андрей не выдержал ее и через четыре года сошел с ума.

Болезнь снова привела меня в стационар лагпункта № 62 ПК Каргопольлага. Утром вся палата была разбужена повелительным окриком: «Встаньте! Я — царь Борис Второй!» Подняв голову, я увидел Андрея Вознесенского, которого за несколько месяцев до того увезли в следственную тюрьму. И вот теперь он стоял посреди палаты, завернутый в байковое одеяло, с выкинутой вверх рукой. Поймав мой взгляд, он ткнул в меня пальцем и повторил приказ.

— Извините, Великий Государь, — смиренно ответил я ему, — я тяжело болен и не могу встать. Другие — в таком же положении.

Тон «грозного царя» сразу же смягчился.

— Лежите, пожалуйста. Я всех прощаю. Не тревожьтесь, выздоравливайте. Читайте «Известия»: через неделю я объявлю амнистию, и вы все пойдете на волю. Тюремщиков тоже прощу — они не виноваты. А Коробицина (начальника Каргопольлага) и Сталина повешу — этих мерзавцев простить не могу.

Тут в палату набегали врачи и медсестры, и Бориса Второго повели в «опочивальню».

Теперь прояснилось, почему Андрей попал под следствие: ему инкриминировали террористическую пропаганду, и три с лишним месяца понадобилось дубарям-следователям, чтобы понять, что имеют дело с больным человеком.

Вскоре Вознесенского увезли в тюремную психбольницу. Уже через полгода его «вылечили» и вернули в зону. Он не называл себя больше царем, не грозился убить Коробицина и Сталина. Он ожирел и оступел, глаза превратились в мутные щелки. Много знающий, всем живо интересующийся человек, с которым всегда было приятно и полезно побеседовать вечером, в короткое время был превращен в создание, близкое к животному. Таким застало его долгожданное «особое распоряжение». Таким достался он родным, много лет ждавшим его освобождения.

Дон Кихот от лагеря

— Вон стоит самый опустившийся, самый жалкий и ничтожный, самый неприятный во всем лагере человек, — говорит Ирина Алексеевна, врач из вольнонаемных. Я выглядываю в окно и вижу действительно жалкую фигуру Антона Антоновича Сейлюса. На нем нелепая лохматая, с остатками меха остроконечная шапка, кургузая не по росту телогрейка с рукавами почти по локоть и огромные четезе², из которых торчат залатанные ватные чулки. Он что-то ищет в снегу, не находит, выпрямляется, беспомощно разводит руки. Надо полагать, с Антоном Антоновичем произошло очередное несчастье — у него их всегда по тридцать три в день.

Но неправда, что это ничтожный и неприятный человек! В далеком прошлом А.А.Сейлюс — революционер-подпольщик, проведший четыре года в одиночке, три — на каторге и один — в ссылке. В годы Гражданской войны он — командир дивизии и началь-

² Четезе — арестантские «ботинки» того времени из покрышек автомобильных шин с выбитой на них аббревиатурой производителя — ЧТЗ (Челябинский тракторный завод).

ник снабжения армии Блюхера. Потом работает в Главзолоте на разных ответственных должностях: управляющим приисками, начальником поисковых партий, начальником планового отдела. С 1937 года он — арестант, по следам которого без передышки идут «троюродные»³, замучивают ночными допросами.

Ни один зверь, кроме волка, утверждают охотники, не выдерживает систематического, без отдыха, преследования — начинает нервничать, безрассудно менять направление... и погибает. Только нервный аппарат волка работает четко: не изменяет до самого конца — до пули в сердце.

Антон Антонович не волк. Его нервы не выдержали. Он внешне опустился, замарал одежду, но не выпачкал сердце: не стал подручным лагерной администрации, никого не предал, не совершил подлого поступка.

Антон Антонович был мастером устного рассказа. Его воспоминания о путешествиях по Якутии, по уссурийской тайге были всегда увлекательны. Он обладал редкой способностью активно и своеобразно воспринимать окружение: допустим, сразу и безошибочно определял, кого в данном человеке больше — Ноздрева или Собакевича. Вместе с тем он был безгранично доверчив, грязь в человеческих отношениях казалась ему невероятной и, постоянно сталкиваясь с подлостью, он не уставал поражаться. Приведу характерный пример.

Некто Татаров, в прошлом — крупный инженер-строитель, потом зек, досрочно освобожденный за успешное окончание строительства Коловской железнодорожной ветки и добровольно оставшийся в лагере в должности главного инженера, отличался грубым обращением с подчиненными, особенно в присутствии лагерного начальства. Антон Антонович неоднократно бывал свидетелем татаровского сквернословия, никак не мог к этому привыкнуть — лицо его искажалось страданием. В этот раз лавина площадной брани была адресована молоденькой Ирине Д., бывшей студентке института киноинженеров, допустившей какую-то ошибку в расчете. Антон Антонович вскопил со своего места, подошел к Татарову и растерянно забормотал: «Таковыми словами! Женщину! Это невозможно!»

В лагере Антон Антонович, как и многие из нас, сочинял стихи. Поклонник Некрасова, всерьез принявший плехановскую оценку «выше Пушкина», он тяготел к гражданской поэзии. Вспоминается одно из стихотворений А.А.Сейлюса, явно автобиографическое и, может быть, с пророческим предчувствием своего конца.

³ Троюродные (братья) — сотрудники III отдела по лагерной терминологии.

Герой его — участник Гражданской войны, человек храбрый, энергичный, не разбиравшийся в большой политике и не претендующий на это. Волею событий тридцатых годов он попадает в сибирский лагерь. Он ошеломлен, сломлен, но потом смиряется и добросовестно работает. Осталось полгода до конца срока. Герой мечтает о встрече с родными. Но

Молодецкую силу сломило —
Пришлось ему умереть.
Без почестей бранных, без славы
И с биркой на голой ноге
Получил он законное право
Быть зарытым в сибирской тайге.
Не оплакал никто горемыку,
И никто ему глаз не закрыл.
Только филин таежный прохныкал,
Только зверь, труп зачуяв, завыл.

Эти сентиментальные, случайно сохранившиеся в моей памяти строчки — наверное, единственный след лагерной жизни А.А.Сейлюса, человека с блестящим прошлым, сумевшего в неволе, среди окружающей его дикости сохранить самого себя.

Но женщине, добровольно пришедшей служить в лагерь, этого никогда не понять.

В прогулочных дворах тайшетской пересылки

Пересылка — сортировочный двор, где прибывшие из разных тюрем необъятной державы в Озерлаг заключенные распределяются по отделениям и лагпунктам в зависимости от статьи, приобщенных к делу рекомендаций и действующих в данный момент инструкций. Все постройки здесь сугубо временного характера: щитовые или дощатые засыпные, построенные кое-как с расчетом на два-три года службы, но простоявшие уже не одно десятилетие, давно прогнившие и провонявшие насквозь. Вонючие камеры тускло освещены единственной лампочкой под потолком, свет которой с трудом пробивается сквозь густое облако дыма от постоянно горящих папирос. В камеру набивают до сорока человек, притом политических и уголовников держат вместе — это в рабочих лагерях, по новым законам хрущевской «оттепели», их разделят. Одна радость здесь — прогулки.

Прогулочный дворик, для каждого барака свой, отделен от соседних коридором из двух рядов колючей проволоки. Рядом с нами гуляют женщины. На фоне грязных, одетых в рубище, давно

уже потерявших женский облик «мужичек» выделяются ярко разодетые «воровки» и коротко стриженные, в мужских костюмах «коблы»⁴. Мое внимание привлекают две робко жавшиеся друг к другу фигурки в дальнем углу. Подойдя ближе, я вижу совсем юные лица и чистую одежду — значит, девушки только что прибыли в Тайшет.

Вдруг сзади раздаётся истошный крик: «Эй, Машка!» Я невольно оборачиваюсь. Оборачивается и идущий рядом рослый мужчина, грязный, оборванный, опухший. В ту же секунду метко брошенный обломок кирпича ударяет его по голове. Пострадавший не то мычит, не то стонет и, не разнимая спрятанных в рукава телогрейки рук, бредет дальше. Но и дальше на него сыплются удары и тычки со всех сторон. Он совсем не сопротивляется, не защищается, лишь глубже вбирает голову в плечи.

— За что вы его? — спрашиваю я у молодого уголовника.

— Он не то из прокуроров, не то из надзирателей, — злобно ухмыляется парень. — В лагере его признали и опедерастили впятером. С тех пор он за блядь служит. Машкой прозвали. Из дырявой миски⁵ кормим. Жрать даем только после того, как штаны с жопы спустит.

В тот же день фельдшер на обходе принес в нашу камеру записку, адресованную «товарищам, осужденным по ст.58».

«Товарищи, мы больше не можем! Если весь срок мы должны будем провести в обществе этих женщин, которых вряд ли можно назвать людьми, тогда лучше не жить. Правда ли, что нас с ними разъединят? Напишите нам. Мы в отчаянии. Валя. Таня».

Это писали те самые девушки, на которых я обратил внимание на прогулке. Фельдшер добавил на словах, что их обокрали, поколачивают и, самое страшное, «коблы» пытаются ухаживать. Девушки — студентки из Омска, первокурсницы. Взяли их за «контрреволюционную пропаганду» — рассказали в общежитии пару политических анекдотов — и дали по пять лет строгого режима.

Конечно, мы немедленно в ответном послании постарались успокоить бедняжек: мол, через три недели кончится срок пересыльного карантина, и вас пошлют в отдельный лагерь для политических. Но каждый из нас готов был выть от собственной беспомощности. И даже стреляные лагерные волки, вроде меня,

⁴ Мужички — низшая каста уголовниц, работающая за привилегированных воровок. Кобёл — женщина в лесбийской паре, выполняющая функцию мужчины.

⁵ Дырявая миска — знак утраты невинности. Надо полагать, это заимствовано из прадедовского обычая угощать сватов в доме жениха из стопок с отбитым дном, если выяснялось, что невеста утратила невинность до свадьбы.

думали: сколько таких «SOS» ежедневно и ежечасно выбрасывается «на просторах Родины чудесной», сколько юных и чистых душ втаптывается в лагерную пыль и долго ли будет продолжаться эта безысходность?..

Материнское счастье

Николай Солер — крестьянин из западноукраинского села. В лагерь его привели зажиточность и участие в партизанском движении. Здесь он работал в конюшне: по-крестьянски любовно ухаживал за лошадьми, содержал их в сытости и чистоте.

Когда раздавался заводской гудок, извещавший зеков о начале обеденного перерыва, любил Солер побродить по территории производственной зоны. Найдя укромный уголок, он обычно садился там и замирал в позе глубоко задумавшегося человека.

Жажда остаться хотя бы на час одному гоняла и меня по зоне в обеденный перерыв. В одну из таких прогулок столкнулись мы с Солером за штабелем, и оба присели на доски. Вспомнил я, что он в числе многих весной 1956 года был амнистирован и уехал домой, а в декабре того же года к нему снова пришли и, объявив, что амнистирован по ошибке, увезли в сибирский лагерь отсиживать оставшиеся десять лет из двадцатилетнего срока.

— Товарищ Солер! Тяжело вам было возвращаться в зону после амнистии? Сидишь — вроде притерпелся к этому ужасу. Побыв же полгода на воле, вновь возвращаться к грязи, ко вшам, к унижительному состоянию раба — страшно.

— У меня не так, — ответил Николай. — Я по гроб жизни буду благодарить советскую власть за эти полгода.

— ???..

— Не удивляйтесь. Мне не за что любить эту власть. Но за эти месяцы свободы я ей искренне признателен. Если хотите, могу рассказать, почему.

Когда меня посадили, осталась дома мать-старуха. Ласковая. Любил я ее... Я человек малограмотный, она вовсе неграмотная. Как разрешили переписку, написал я ей: думал, соседи прочитают и под диктовку ответ напишут. Цензура ли не пропускает, другое ли что — нет ответа. Еще пару писем на имя матери послал, потом стал писать соседям. Молчат. Может, думаю, и их взяли или выслали. В сельсовет написал. Все зря. Волновался страшно. А через год вроде бы и успокоился — смирился с мыслью, что умерла... С такими думами и домой поехал по амнистии.

От станции до нашего села пять километров. Иду, тороплюсь зачем-то. Побежал бы, если б народа на шоссе не было.

Пришел. Хата на запоре: накладка на петлю накинута, палочкой заткнута. Вынул палочку, накладку сбросил, в хату вошел. В горнице пыль, грязь, тряпье валяется. Окна как в густой паутине — темно. Печь нетоплена. По накладке, по обстановке в хате догадался — жива! Сел на лавку, тоскую, жду.

Ждал до вечера. Солнце уж село, когда услышал — идет, клюшкой по ступенькам стучит. Вошла — испугался я: худая, сгорбленная, слепая, с нищенской сумой через плечо. Кто это, говорит, в моей хате?

Бросился я к ней, обнять стараюсь. — Здравствуй, мама! Сын я твой! Домой вернулся!

Заплакала она. Руками от меня отбивается. Отскочила, клюшкой замахнулась. — Не стыдно, говорит, не стыдно тебе над слепой старухой издеваться? Сына моего десять лет как Советы расстреляли! Я по нему глаза выплакала.

— Я это, мама, сын твой! Расстрел мне двадцатью годами заменили. А сейчас на амнистию выпустили.

Куда там! Еще пуще руками машет. Рыдает. Ближе подойти не дает.

Отступился я. Сажу у окна, молчу.

Она к кровати подошла, вытряхнула на тряпье собранные корочки. Сортирует их трясущейся рукой, меня гонит: уходи, де, изверг, не глумись над старой.

Сажу, молчу. Не знаю, что делать.

Вдруг вспомнил: песни мои любила. Запою — может, узнает. Запел.

Как бросится ко мне! — Сынку! Микола! — Обнимает меня, плачет. Я, глядя на нее, тоже реву. Реву от радости и от горя. Радость — встреча с ней. Горе — десять лет ее одинокой нищенской жизни (грязью она заросла, вши по ней отарами ходили).

Отмыл я ее. Приодел. В хате прибрал. На работу нанялся. Работал как зверь — для нее старался. И по дому все делал. Слабая мать была: потопчется немного — и силы кончились.

Славно мы с ней жили. Каждый день радовались. Ветерку я на нее дунуть не давал, всякую пылинку снимал. Смеяться она снова стала.

Полгода счастливой жизни выпало ей на долю. За эти полгода материнского счастья я и благодарен советской власти. Сидеть мне теперь легко.

— Как же мама сейчас? — спросил я.

— Похоронил я ее за три дня до того, как за мной пришли. Умирала — радовалась, что сын рядом.

Ж.А.Зайончковская, П.М.Полян
ОСТАРБАЙТЕРЫ: В ГЕРМАНИИ И ДОМА
(По материалам анкетного обследования)

И вспоминать страшно, это одна боль,
горе, страдания, непосильный рабский труд
и постоянная тоска по родине, родным...

*(Из приложенных к анкете «Воспоминаний»
Натальи Михайловны Белой, 1924 г.р., кото-
рая была угнана в Германию и работала там
два года).*

Запорожье, родной ты мой город!
Стоишь нерушимой стеной,
А я на чужбине далекой
Грущу о тебе, дорогой.
Не слышно ни смеха, ни песен,
Лишь слезы бегут из очей.
Когда же ты, Родина, встретишь
С неволи своих сыновей?..

*(Из песни, которую пели Анна Ефимовна
Драница и другие остарбайтеры на мотив
«Раскинулось море широко...»)*

Итак, обществом «Мемориал» начата кропотливая работа по учету советских остарбайтеров: заведены регистрационные журналы, создается компьютерный реестр. Наличие регистрационных списков создает уникальные возможности для обстоятельного и репрезентативного анкетного обследования остарбайтеров — их состава, их судеб. Мы имеем ускользающую возможность получить ценнейшую информацию «из первых рук» — от живых еще участников событий.

Такие исследования на территории бывшего Союза только-только разворачиваются, ни одной обобщающей работы пока что нет. Но есть первые результаты анкетного опроса, которые как раз и могли бы дать надежный материал для такой работы. Нисколько не умаляя другие источники, отметим, тем не менее, сильные стороны массового анкетного обследования.

Во-первых. В отсутствие подлинных статистических и архивных сводок только массовый репрезентативный опрос может

восполнить недостающую статистику, дать адекватное представление о явлении в целом, охватывая все многообразие его проявлений, заодно отвечая и на вопрос о том, насколько велико это многообразие.

Во-вторых. Анкетный опрос позволяет проследить, как преломлялась общая грань судьбы — угон на работу в Германию — в жизни каждой личности, выявить весь спектр индивидуальных жизненных траекторий в пост-остарбайтерский период.

Опыт каждого человек гораздо богаче, чем в анкете, может быть представлен в устных беседах, опросах. Но устные беседы, акцентируя внимание на индивидуальной судьбе, переживаниях и личностной оценке жизненной ситуации (именно в этом их преимущество!), все же не могут претендовать на полное освещение явления в целом — уже в силу своей колоссальной трудоемкости и избирательности. Если устные беседы — глазами и устами участников событий — ярко высвечивают отдельные судьбы, то анкетные опросы позволяют представить всю картину, хотя и в более сухом, схематичном виде. Наилучшие результаты, разумеется, дало бы сочетание обоих методов.

Имея в качестве основной цели проведение масштабного анкетного опроса, мы в течение 1991 года провели небольшое пилотажное обследование, задачами которого были — апробация анкеты и проверка методики выборки, а также выяснение познавательных возможностей такого рода исследований.

Полученные результаты весьма интересны, хотя и не могут претендовать на полное освещение остарбайтерства и его последствий. Поэтому мы считаем возможным опубликовать их, не дожидаясь большого обследования, проведение которого, к тому же, может потребовать серьезной спонсорской поддержки.

Для пилотажа было отобрано 207 анкет, которые адресаты должны были заполнить и возвратить в Институт географии АН СССР, действовавший в данном случае и от имени общества «Мемориал». Выборка была произведена из трех ведущихся в Научно-исследовательском центре «Мемориал» регистрационных журналов (на момент подготовки пилотажа их было в общей сложности пять), отобранных по территориальному признаку (в одном из журналов были представлены в основном жители современной Беларуси, в другом — Украины, в третьем — России). Выборка производилась механически: отбирался каждый пятый и в его адрес отсылалась анкета.

Разработчиками анкеты, кроме авторов настоящей статьи, являлись также И.Н.Заславский (Институт географии АН СССР) и Н.Г.Охотин (НИЦ «Мемориал»). При составлении анкеты было

учтено, что остарбайтеры сейчас — люди весьма пожилые и у многих из них невысокий образовательный ценз. Соответственно и анкета, будучи подробной и систематичной, одновременно должна была быть простой, лаконичной, не слишком утомительной.

Основной акцент в анкете был сделан на выяснение жизненного пути остарбайтера. Ее составили три взаимосвязанных блока вопросов:

- жизнь до отправки в Германию;
- жизнь в Германии;
- жизнь после Германии, по возвращении в СССР.

Из 207 разосланных анкет были возвращены 103, или 49%. С учетом возраста и физического состояния бывших остарбайтеров процент возврата анкет можно считать достаточно высоким. Во всяком случае инициаторы исследования и не рассчитывали на большую, нежели половина, долю возврата¹.

В полученном пакете заполненных анкет оказались представлены 6 западных областей России, Москва и Санкт-Петербург, 16 западных областей Украины и Киев, все области Беларуси и Минск. Таким образом, территориальная выборка получилась весьма представительной (хотя, разумеется, точная география генеральной совокупности остарбайтеров не выяснена). Еще 3 анкеты вернулись из Латвии, хотя нами туда они не посылались².

Понятно, что подавляющее большинство в нашей выборке составили русские, украинцы и белорусы, а также поляки. Поразительно, что одна из остарбайтеров оказалась еврейкой³.

¹ На содержавшийся в анкете призыв присылать свои воспоминания или по крайней мере развернутые письма, дополняющие ответы на анкеты, откликнулись 2/5 общего числа респондентов; почти каждый третий приложил фотографию либо того времени, либо нынешнего, несколько человек прислали свои документы, а один — Василий Максимович Баранов из г.Брянска — прислал даже свой подлинный дневник, который он тайком вел в немецкой неволе в 1943-1945.

² Стало быть, они были пересланы туда кем-то из адресатов. Этот несущественный, на первый взгляд, факт говорит о серьезном отношении к анкете со стороны бывших остарбайтеров, об их желании распространить анкету среди знакомых и родных. Об этом же свидетельствуют и многочисленные благодарности в конце анкет или прилагаемых письмах: подчеркнем, что благодарят прежде всего за «внимание... к таким, как я». Заметим, что, помимо писем с анкетами, приходила и корреспонденция, содержавшая просьбы прислать нашу анкету сверх списка рассылки (об анкете узнавали, как правило, от односельчан наших адресатов).

³ Это Аля Кудрявацкая (Александра Соломоновна Суrowsкая), 1926 г.р., из г.Мстиславля Могилевской области (ныне проживает в Москве). Она испытала на себе все прелести нацистской национальной и трудовой политики. В приложенном к анкете письме она так описывает свою судьбу: «Жила я с родителями в г.Мстиславле, еще два брата. Война когда началась, хотели уехать, но из-за болезни отца мы остались в городе. Вскоре пришли немцы. Рядовые солдаты относились неплохо. Но вскоре пришли головорезы СС. Вот здесь и начались наши

Из писем можно заключить, что многие остарбайтеры связывали с данным анкетированием определенные надежды на конкретную помощь, и это, понятно, и составляет определенную проблему для исследователей, поскольку, во-первых, прагматические вопросы не входят в нашу компетенцию, и, во-вторых, перспективы оказания такой помощи в ближайшее время более чем проблематичны⁴.

Ниже речь пойдет лишь только о тех остарбайтерах, ответы которых на нашу анкету были нами своевременно получены и обработаны (ряд анкет поступил с задержкой и учтен не во всех статистических выкладках).

муки. У кого что было, должны были все отдать. Теплую одежду, обувь, приемники — в общем, все. Извините, если напишу невпопад, очень тяжело все вспоминать. И вот однажды велели всей молодежи (еврейской) собраться на рынке. Там большая площадь. Выстроили по группам. Мужчин погрузили на машину и увезли, после не возвратились. Девушек и подростков по одной били палками. Я тоже испытала. Один опустит палки, другой подымет. Так били до бессознания и бросали. После, когда побили всех, выпустили на площадь и дали команду бежать, а вслед выстрелы. После этого вскоре, т.е. в конце лета 1941 года, стали евреев сгонять в гетто. Туда попали мои родители и младший брат, а я и брат, еще три девушки и один парень бежали. Бежали, куда глаза глядят. Так мы шли и дошли до Кричева. Нас задержали немцы. Думали, что партизаны. Подержали, допрашивали и тут я выдала себя за Дмитриеву Валю. Брата забрали в лагерь, а нас, девочек, отпустили. Так я брата и не видела и не знала, что и как он. Только после войны встретилась. А меня взяла к себе одна женщина. Я пошла с ней. Не помню точно, как называлась деревня, Красное или как — не помню. И вот по ночам к ней приходили люди, а я боялась всего на свете, взяла да и ушла от нее. А уже глубокая осень. Холод и голод, и сказать боишься, кто ты и откуда. Так я пришла в деревню Кокотово Могилевской области Мстиславский район и взяли меня к себе две женщины. Мать и дочь, и у дочери был сын трех лет. Так я жила у них до лета 43 года. А в 43 г. угнали в Германию, вы не представляете, сколько горя и страха я пережила. Перед тем, как увозить, нас собрали в сельсовете и увезли в г. Мстиславль, где я жила, и рядом с моим домом оставили на ночлег. В комиссии была врач Борисевич (с ее сыном я училась), но никто меня не узнал или делал вид, и потом нас увезли на станцию (Ходосы, кажется), в товарные вагоны погрузили. Таким образом, я оказалась в Германии. Но, видно, есть Бог на свете. В перевалочном пункте долго не держали, и я попала к хозяину. Работали на полях и дома. Он, хозяин, дома не был, работал в какой-то партии, кажется, "СС". Кормили удовлетворительно. Так я осталась в живых и под страхом, как бы не выдать себя. В 46 г. я завербовалась в Ленинград на завод. Притеснения я не замечала, относились хорошо. В 1949 г. переехала в Москву. Здесь жили родственники и брат. Родные не разглашали, что я была в оккупации. Боялись и в тайне от меня уничтожили все документы и фото. Извините, если я что не так написала. Очень трудно все ворошить. Всего доброго, дай Бог не знать всего этого, что мы пережили».

⁴ Поскольку для решения вопроса о компенсации в каждом конкретном случае будет необходимо представлять документы или иные свидетельства, то приведем следующую статистику: документами разного рода (в основном справки из советских архивов) располагает около 10%, а на живых до сих пор свидетелей могут указать 70% опрошенных.

Заметим, что большинство тех, кто ответил на анкету, на момент отправки в Германию (т.е. в 1941-1943 гг.) были в возрасте от 16 до 20 лет, то есть относились к наиболее массовой и предстательной — в свете нашего исследования — группе остарбайтеров (сейчас им в среднем 65-70 лет). Лишь 27% из них проживали тогда в городах, тогда как в селах — 73%. В то же время на момент заполнения анкеты (1991) ситуация перевернулась: в селах осталось лишь 36% респондентов, тогда как 64% оказалось в городах, в т.ч. 18% — в столичных центрах. Надо сказать, что примерно такие же пропорции были характерны для всего населения западных районов бывшего СССР. Это свидетельствует в пользу высокой репрезентативности данного пилотажа остарбайтеров: опрос адекватно отразил и массовый процесс миграции населения в города, протекавший в СССР в послевоенное время.

По соотношению полов (38% мужчин и 62% женщин) пилотаж оказался также репрезентативным, отразив пропорцию, типичную для пожилых возрастов (от 65 лет и старше).

Три четверти остарбайтеров родились в 1922-1926 гг. и к моменту отправки в Германию находились в возрасте от 16 до 20 лет. Обследование четко указывает на существование возрастных категорий, которым отдавалось предпочтение при отправке на работы в Германию. При этом доля 16-летних не ниже доли 20-летних; отмечены также 14- и 13-летние (4 человека в нашей выборке, причем все они схвачены не дома, а во время облавы в городе)⁵. Встречаются люди и более зрелого возраста: самая старшая в нашей выборке — женщина 1900 года рождения (42-летняя партизанка, пробравшаяся в свое село за продуктами и попавшая прямо в руки немцев).

За исключением лишь двух случаев, среди респондентов не оказалось таких, кто был бы этапирован с малолетними детьми или у кого оставались бы такие дети дома. Из других источников известно, что такие ситуации не были редкостью. Во всяком случае, проблема жизни детей в неволе и их судьбы после возвращения на родину в нашем обследовании достаточного освещения не получила.

То же можно сказать и об узниках концлагерей и ГУЛАГа, которых в нашем обследовании оказалось всего двое. Признаться, мы почти не рассчитывали на то, что сумеем «поймать» и таких

⁵ Архивные данные свидетельствуют о том, что регистрации в арбайтсамтах подлежали лица в возрасте от 14 до 50 лет (т.е. начиная с 1927 года рождения). Позднее вышло «послабление», разрешающее привлекать к работам и детей в возрасте от 12 лет, но при условии отправки в Германию вместе с родителями и, конечно, физического здоровья.

людей: слишком много страданий выпало на их долю, и, даже если некоторые из них и живы, они все равно предпочтут уклониться от ответов и жестоких, ранящих воспоминаний. А если и не уклонятся — то только после тяжелых раздумий и колебаний: «...По правде говоря, как-то пуганые мы. И страшно было заполнять вашу анкету. Ну, отделалась в огороде — и написала» (И.Г.Савина).

Во всяком случае, следует предположительно отметить, что в нашу выборку, по-видимому, попали относительно благополучные остарбайтеры. Доля попавших на тяжелые работы в промышленность или в концлагеря, очевидно, занижена, а доля работавших в сельском хозяйстве — завышена.

ВЕРБОВКА И ДЕПОРТАЦИЯ В РОССИИ

Подавляющая часть респондентов (92%) были угнаны в Германию в 1942 (59%) и 1943 (33%) годах, около 5% были угнаны в 1941 году, а 2 человека — жители территорий, оккупированных СССР в 1940 в соответствии с советско-германским пактом 1939, — даже в 1940⁶. Зафиксирован и 1 случай, относящийся к 1944 году.

«Вербовка» и отправка в Германию в большинстве случаев происходила драматически, если не сказать трагически. Недаром никто из респондентов не называет эту акцию обыденными словами, такими, например, как «переезд», «переселение», а употребляет слова, отражающие насильственный и жестокий характер акции: «схватили», «погнали», «поймали», «заставили» и т.п.

Организация этапов, тем не менее, сильно различалась от случая к случаю — в зависимости, очевидно, от немецких распорядителей на местах.

⁶ А.И.Бурдяк (Клебан) была «завербована» в марте 1940 из с.Батыси будущего Перемышльского района Львовской области; тогда же и оттуда же (точнее, из пос. Казиека Любачевского района той же области) был угнан О.П.Панькевич. В.А.Грищенко был схвачен в Севастополе еще в июле 1941, но поначалу был использован в лагере «Кривой Рог», в Германию же отправлен только в октябре (впрочем, из пояснений к анкете явствует, что немцы рассматривали его не как гражданское лицо, а как военнопленного); Н.М.Копчик был пойман 23 августа 1941 просто на улице одного из сел Пуховичского района Минской области и в тот же день отправлен в Германию (практически всю войну он проработал на заводе в г.Нойвет); А.А.Пивовар (Тернопольская область) была отправлена в Германию в сентябре 1941; Н.Т.Заинчак, уроженец с.Щуев Львовской области, был отправлен в Германию в сентябре 1941 (он, кажется, единственный из респондентов, кого хотя бы часть пути — от Польши до Германии — везли в пассажирском вагоне!); А.Г.Сухоцкий, крестьянин из Гродненской области, был отправлен в Германию в ноябре 1941. При этом необходимо подчеркнуть, что анкетирование внесло коррективы в наши представления о моменте начала угонов населения в Германию.

Так, приблизительно в каждом четвертом случае будущие жертвы были предупреждены о выселении заранее — по крайней мере за несколько дней — неделю, но иногда и за больший срок. Почти каждого пятого (18%) предупредили за день-два. В случае неявики при этом расстрелом или повешением угрожали главе семьи. Отмечены случаи, когда вместо скрывающегося кандидата забирали кого-нибудь из его младших братьев или сестер.

Но наибольшая часть респондентов были оповещены всего за несколько часов, 12% застигнуты врасплох. Внезапный арест — самый жестокий арест. Обычно он производился в ходе специальной организованной облавы, после которой попавшиеся жертвы тотчас отправлялись на этап, нередко без оповещения родных. Особенно жестокими были внезапные аресты в сельской местности, где они нередко осуществлялись войсками СС и местными полициями и носили нарочито карательный характер⁷.

Вот несколько типичных свидетельств, почерпнутых из разных анкет:

«...собрали всех селян на площадь, потом начали отбирать молодежь, заперли в сарай, стариков отпустили, потом подогна-ли грузовик, и мы не знали, куда повезут. Только когда погрузили в вагоны, сказали, что в Германию...»;

«...ворвались в дом, схватили, не дали ничего взять с собой, погнали в район пешком...»;

«...схвачен во время облавы, предупрежден, что в случае не-явки будут расстреляны родители»;

«...немецкие солдаты облили хаты бензином, а нас погнали пешком по снежной жиже...»;

«...неожиданно вошли с овчарками немцы. Я в этот момент лежал больной. Заставили одеться и увели на сборный пункт».

Около трети этапированных не могли ничего взять с собой, остальные брали какую-нибудь еду, а каждый четвертый и одежду. Документы прихватил с собой приблизительно каждый шестой (чаще всего это была справка с немецкой биржи труда). Некоторые указывают на то, что проходили медкомиссию, в которой были немецкий и русский врачи, но на осмотре не отсеивали практически никого.

У подавляющего большинства остарбайтеров остались на родине родители, но у 8% не осталось никого, у некоторых родители погибли (расстреляны или сожжены).

⁷ Особо жестоким было обращение с жителями деревень, подозреваемых в связях с партизанами.

Поскольку «вербовка» часто проводилась массово — целыми деревнями или районами, улицами, — то нередко люди оказывались в одной партии с односельчанами, соседями, родственниками. Нами зафиксированы 8 случаев этапирования вместе с братом или сестрой, 3 случая — с матерью, по 1 случаю — с мужем и с обоими родителями. Знакомые или соседи были у каждого второго, но около трети остарбайтеров ехали на чужбину как бы «в одиночку» — никого не зная в своем вагоне⁸.

Каким был дальнейший стандартный путь «завербованного»?

До ближайшей железнодорожной станции этапировали иногда на грузовиках, иногда подводами, но чаще всего пешком, в любую погоду, нередко на десятки километров, «растянутые» на сутки или даже большее время. Так, по свидетельству А.Ф.Компанийца, 2500 мужчин разного возраста, собранных в сборном пункте в Кировограде, были этапированы в декабре 1943 пешим ходом в Умань, на расстояние 208 км: «...по пути многие не выдерживали, падали, их расстреливали. По пути, где приходилось ночевать, были сараи. Нас набивали палками, вплотную один к другому, битком, стоя».

Затем — в товарных, для скотины, вагонах, на запад. Все без исключения отмечают ужасающую скученность в вагонах (если нар не было, то по 35-40 человек прямо на полу), очень скудную и плохую пищу (чаще всего похлебку из брюквы — в одном случае в ведрах из-под масляной краски!), а порой и полное отсутствие казенной еды на протяжении нескольких дней, вплоть до недели (кормили, а иногда и водили в баню на польской границе). Большинство не погибло только благодаря скудным домашним припасам (главным образом, сухарям).

Так куда же их, грязных и голодных?..

ЖИЗНЬ И ТРУД В ГЕРМАНИИ

Куда же их, грязных и голодных?..

Чаще всего в распределительный лагерь (нередко в генерал-губернаторстве, т.е. Польше или Австрии: чаще фигурируют такие места, как Перемышль, Граево, Пески, Линц) или же прямо в Германию — к месту работы или крупной биржи труда. Города самые разнообразнейшие: Эрфурт, Эйсleben, Кельн, Бер-

⁸ Такого рода «одиночество» было гораздо характернее для этапированных городских жителей (более половины), чем для сельских («лишь» каждый пятый; нередко это люди, попавшие в облаву во время поездки в город).

лин, Кобленц, Саарбрюкен, Бранденбург: и то сказать — локальным применением труда остарбайтеров в Третьем Рейхе никак не назовешь!

Вновь прибывших в промежуточный лагерь подвергали санобработке (во многих лагерях свирепствовал тиф, в некоторых был объявлен карантин): наголо стригли, прожаривали одежду и личные вещи, обрабатывали кожу каким-то раствором (сообщение А.М.Иванова), а заодно и отпечатки пальцев снимали. Пропускали и через медицинскую комиссию («смотрели в рот, щупали руки, ноги и выдавали картонные жетоны. Нам с сестрой дали зеленые, другим розовые, сиреневые»; судя по тому, что впоследствии В.Я.Тимиразевой и ее сестре «доверяли» таскать 40-килограммовые ящики на подземном заводе, зеленые талоны означали хорошее состояние). Кормили в транзитных лагерях отвратительно — 200-300 граммов хлеба в день да черпак баланды из брюквы, капусты и моркови⁹.

Проходило какое-то время, и наступал большой «базарный» день. Интересное описание дает в своих воспоминаниях И.Г.Савина (Яковенко): «В центре, на площадке поставили длинный стол, и сидели за столом начальники лагеря, и много было каких-то господ. Нас выстроили вокруг стола громадным кругом, и эти господа начали выбирать себе людей. Когда указал господин на меня, я ухватила сестру. Он согласно кивнул, так отобрали 250 человек».

Многие, особенно женщины, пишут об унижительности самой процедуры их «предложения» на бирже труда, когда отбирающий себе работников хозяин осматривает тебя, словно лошадь или, точнее, раба на невольничьем рынке, щупает мускулы, заглядывает в зубы и т.д. Одна из женщин (Анна Федоровна Дрыгач) была «переименована» хозяином в Паулину, поскольку Анна у них в доме уже была! А сколько унижения в одной только необходимости носить на груди или на рукаве «тряпку "Ост"» (как выразилась одна из носивших)!

Около 70% респондентов попали на предприятия промышленности (для мужчин, взятых отдельно, этот показатель составил бы все 90%), еще 20% попали в сельское хозяйство и около 5% вкусили радости обеих хозяйственных сфер (считанные единицы работали в больницах). В промышленности трудилось лишь на

⁹ Процедуру кормежки описывает А.М.Иванов: «Кормили раз в день. Для чего выстраивали в колонну по два и пропускали через ворота на территорию, где была кухня. Каждому при этом давали в воротах медный жетон, похожий на наши три копейки. Мы подходили к окну, подавали солдатский котелок. В него опрокидывали черпак баланды из моркови и брюквы. Грамм 200 хлеба».

1/3 меньше респондентов-мужчин, чем женщин, тогда как в сельском хозяйстве «перевес» женщин шестикратен¹⁰.

Между тем в зависимости от того, куда попадали остарбайтеры — в промышленность (особенно угледобывающую и оборонную) или в сельское хозяйство — условия их жизни существенно отличались. Работающие в промышленности жили в охраняемых арбайтлагерях, за колючей проволокой, пространством их личного передвижения были бараки с нарами в два-три этажа, постелью — набитый опилками или стружкой матрас и такая же подушка. Попавшим же к бауэрам нередко доставалась даже собственная каморка в доме (а иногда и вторая — скажем, при дальнем свинарнике).

Так же и характер работы разительно отличался. Хотя трудовой день в сельском хозяйстве и не был нормирован (доходил до 18 часов), хоть и зарплата вовсе никакой не платили (считалось, что она расходуется на оплату жилья и пищи)¹¹, а все-таки попасть на село считалось огромной удачей. На фоне 12- или даже 8-часовой смены на рудниках или в подземном конвейере — самый тяжелый сельский труд от зари до зари казался раем.

В промышленности, как правило, платилась зарплата — впрочем, сугубо символическая: за вычетом налогов она составляла в среднем от 1 до 5 рейхсмарок в неделю, но и их отоварить было практически негде и нечем. Даже если кому-нибудь и разрешалось выходить по воскресеньям в город, то покупки в магазинах все равно были запрещены. Иногда зарплату выплачивали особыми — лагерными — деньгами, не имевшими хождения нигде, кроме лагерного ларька (тоже чаще всего пустого, но все же там можно было купить нитки, иголки, пуговицы, расческу; а из «еды» — соль, горчицу, лимонад или пиво, но кое-где — и полбуханки хлеба).

Анкеты фиксируют и ряд случаев с весьма сложной конфигурацией «трудового пути», со сменой нескольких мест работы, а в ряде случаев — и с переменой главных «сфер» (до 5%). Прослеживается определенная закономерность именно в этих сложных случаях: человек попадал в сельское хозяйство уже после того, как он отработал некоторое время в промышленности, — словно

¹⁰ В то же время мужчины располагали относительно большей личной свободой: так, возможность контактов с лицами другого пола имели все откликнувшиеся мужчины, работавшие в сельском хозяйстве, и лишь 2/3 женщин, в промышленности — соответственно — 1/3 и 1/4.

¹¹ Но есть свидетельства того, что зарплату платили — иногда — и в сельском хозяйстве: так, Н.А.Ирга пишет, что за последний год работы у двух различных хозяев она заработала 19 марок!

отправляли на курорт или на откорм. Так, Н.Т.Заинчак (кстати, один из тех, кто попал в Германию еще в 1941) с октября 1941 по январь 1942 и с января 1942 по август 1943 работал у разных хозяев в сельском хозяйстве, а с сентября 1943 и до освобождения союзниками в мае 1945 — на заводе в г.Школьдиц. А.В.Палий с мая 1942 по ноябрь 1944 работала на кабельном заводе в Дуйсбурге, а затем — у бауэра в с.Иссум. Л.А.Полежаева (Юрченко) в 1942-1944 работала на заводе «Юриш(?)» в Саарбрюкене, с декабря 1944 (после того, как бомбежка сровняла заводские корпуса с землей) по март-апрель 1945 — в доме у бауэра. Е.М.Морозова (Харлова) с мая 1942 по июнь 1943 работала на авиазаводе в Любеке, затем год — у бауэра, после чего снова — вплоть до прихода союзников — на авиазаводе в Людвигшлюссе¹². (Несколько проще путь у И.И.Шаркута, сломавшего на шахте ногу и после годичного лечения направленного — уже в декабре 1944 — на сельхозработы).

подавляющее большинство респондентов — независимо от пола и возраста и почти независимо от того, в сельское ли хозяйство попали или в промышленность, — постоянно указывали на очень плохое, скудное питание (иногда двух- и даже одноразовое). По существу — многие фактически голодали.

Голод — лейтмотив осязаемого большинства анкет и писем. «От голода очень хотелось спать, в бараки шли как пьяные» (А.Е.Драница). «Я мечтала о еде и чтобы быстрее кончилась война. Обед получаю — о ужине мечтаю, и все же я кушать хочу» (М.М.Шаровская).

«Усредненный» рацион был таким: утром и вечером — эрзац-кофе, 1-2 раза в день — хлеб: суммарно — от 200-250 до 400 г (впрочем, на шахтах чуть больше — до 500-600 г; иногда хлеб заменяли картошкой) и 1-2 раза в день — около литра пустой баланды из брюквы, моркови, гороха, капусты (иногда — кольраби), шпината. На неделю¹³ — 10-20 г (кое-где до 100 г) маргарина,

¹² Но есть и противоположные случаи. Так, О.П.Панькевич, угнанный еще в марте 1940 из Любачивского района будущей Львовской области, в 1940-1942 работал на селе, откуда был передан на железную дорогу; В.В.Тымчук, угнанный в марте 1942 из Каменец-Подольского района Хмельницкой области, с марта по ноябрь проработал у крестьянина, откуда (кажется, после неудавшегося побега) попал на заводы «Мессершмитта». Его сверстник П.Д.Барсов в августе 1943 попал чернорабочим к крестьянину, работал на его кузнице и молотилке: в феврале 1944, после того как весь урожай был обмолочен, хозяин отправил его на турбинный завод во Франкентале, откуда снова забрал к себе в июне, а в феврале 1945 снова «вернул» его в арбайтсамт, направивший Барсова на этот раз на земляные работы в Саарнемюнде.

¹³ Недельные нормы в некоторых местах выдавались по субботам, в 12 часов (И.Г.Савина).

50-75 г сахара или сахарина (кое-где — 70-100 г вареной колбасы). И тем более важно привести такие свидетельства: «Очень помогали нам голландцы, отдавали свою еду» (А.А.Дорошенко, лагерь в г.Фульда); «Иностранцы [итальянские, французские, голландские рабочие] получали посылки с Красного Креста. Иногда нам, жалеючи, подсовывали что-то» (А.Е.Драница, с.Вальдштедт близ Бад-Сегеберга, лагеря завода «Кригсмарине»).

На вопрос об отношении к ним в Германии самих немцев — пожалуй, самая распространенная форма ответа: «было разное», «было всякое». Усредненно оценки колеблются между «жестокое» и «равнодушное», но нередко и оценка «сочувственно», особенно, если речь идет о простых, главным образом, пожилых немцах¹⁴. Большинство тех, кто жил в лагерях, с гражданским населением практически не соприкасались. Виделись, общались — главным образом те, кто жил на селе; в основном «общение» сводилось к трудовому процессу, ругани, иногда — побоям. Типичные обращения к остарбайтерам: «думм копф» (дурья башка), «русише швайн» (русская свинья), «райне швайне» (чистая свинья) — все это и из уст начальства, и из уст хозяев, и из уст их детишек, с удовольствием дразнивших на улице, но некоторые — их, впрочем, не очень много — пишут о человеческом, сочувственном отношении. Есть и такое свидетельство: работницу, занимавшуюся на военном заводе самым настоящим саботажем (А.Е.Драницу), однажды застукал за этим занятием немецкий мастер, но не выдал ее¹⁵.

О репрессиях сообщает приблизительно каждый пятый-четвертый человек. Начиная от побоев за малейшееслушание, неподчинение, промедление, «непонятливость» или воровство картофелины — до заключения в карцер, тюрьму, штрафлагерь или концлагерь (за побег или саботаж).

Тяга к побегам была у остарбайтеров поразительно высокой. Ведь среди респондентов было много школьников, по сути еще детей. От четверти до трети опрошенных сообщили о таких по-

¹⁴ Не следует упускать из виду, что не только остарбайтерам, но и самим немцам были запрещены какие бы то ни было внеслужебные контакты с рабочей силой с востока. Это понимали даже некоторые из остарбайтеров: «местные жители относились сочувственно, но они боялись, чтобы не заметили тайные агенты» (М.П.Тильменкова).

¹⁵ Впрочем, и власти не были незыблемы. По мере приближения войны к своему завершению перемену отношения к себе почувствовали даже сами остовцы. Так, С.И.Ксендзова, заболевшая в арбайтлагере и по этой причине ожидавшая отправки в лагерь смерти, премного была удивлена тем, что вместо этого ее... вылечили. Ее вывод: «в конце войны нехватка рабочей силы заставляла их лечить некоторых больных».

пытках, в большинстве случаев — еще на пути в Германию, подчас неоднократных и почти всегда безуспешных. Одной из помех было незнание немецкого языка: лишь 2-3 человека отнеслись к работе в Германии еще и как к возможности выучить немецкий язык, справедливо рассматривая язык не только как средство общения, но и как оружие (зная язык, можно было круче насолить, навредить ненавистным немцам). Большинство же такой возможностью пренебрегло, в том числе некоторые — столь же сознательно и из тех же патриотических чувств.

ОСВОБОЖДЕНИЕ И ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Широко известно, что остарбайтеры, уже после своего освобождения, прежде чем быть репатрированными на родину, проходили проверку в так называемых фильтрационных лагерях. На родине, как правило, их ожидала судьба ничуть не менее тяжелой, чем в Германии: принудительный труд, преследования, пожизненное пятно в анкете, а иногда и лагерный срок.

И все-таки: все ли пережили двойную неволю — чужую и «свою»? Всех ли преследовали или ограничивали в правах? И если не всех, то в какой доле?

Эти вопросы еще долго останутся без ответа.

Наряду с версией о крайне тяжелой доле остарбайтеров на чужбине распространена и прямо ей противоположная: им просто «повезло» — жизнь в Германии была легче, чем под оккупацией, не говоря уже о лагерях; они были сыты и избавлены от ужасов войны.

Многочисленные фотографии сравнительно неплохо одетых людей, к тому же и далеких от крайнего истощения, как бы подтверждают такой взгляд.

Красноречиво уже само существование противоположных версий, каждая из которых находит себе достаточное число оснований и подтверждений. Оно свидетельствует о сложных переплетениях и о разнообразии реальных судеб.

Для получения же объективной картины нужна статистика. При заведомом ее отсутствии заменить ее могут специальные обследования, в том числе и предпринятый нами пилотаж.

До 70% опрошенных побывали в фильтрационных лагерях, где провели от двух недель до двух месяцев, проходя медицинскую и политическую проверку. Но и после этого далеко не всем довелось возвратиться домой: часть призывали в армию («готовили на Японию», — как написал один из респондентов: это значит, что готовили к переброске на тихоокеанский театр военных

действий), многих направляли на работы, по существу, столь же принудительные, как и под немцами. Это называлось «мобилизацией в трудовые батальоны», подчинявшиеся различным министерствам, например, угольной промышленности. Чаще всего людей направляли в Донбасс, на восстановление и эксплуатацию шахт¹⁶, на лесозаготовки или — что требовало многомесячной (до года и больше) задержки в Германии — на работы по охране, демонтажу и транспортировке трофейного (или репарационного) оборудования, с последующим его монтажом на территории СССР. Среди наших респондентов таких оказалось 10 человек. Двое по возвращении на родину угодили в тюрьму — один по доносу, другой — «за потерю военных документов».

Особенно тяжелая судьба, недоверие, подозрительность, жесткая проверка ожидали, как это ни удивительно, узников концентрационных лагерей, в первую очередь участников антифашистского сопротивления (2 случая). Одному из них (Ивану Михайловичу Домашичу из Кременчуга) со временем даже удалось поступить учиться, но в 1951 он был арестован и приговорен к 25 годам лагеря (позднее заменили на 15). Освобожденного в 1955, его реабилитировали лишь в 1969. «В течение всей послевоенной жизни, — писал он в анкете, — ощущал себя человеком второго сорта. Ущемлялись социально-общественные и профессиональные права».

¹⁶ Но и на этом их злоключения еще не кончались: их могли направить и дальше, оттягивая возвращение домой на годы, если не навсегда. Так, П.Д.Барсов, даже отработав после Германии в 26-м трудбатальоне на шахте 19-бис «Снежантрацит», был после этого направлен по приказу Министерства угольной промышленности на строительные работы в Московской области и так и не вернулся в родную деревню Шершуны, что в Смоленской области. При фильтрации иногда заставляли, не объясняя и не показывая, подписывать вербовочные документы. Вот одно свидетельство такого рода: «23 марта 1945 нас освободили войска Советской Армии в г.Данциг. Один месяц я работала на подсобном хозяйстве (военной части не помню). Прошли медобследование. И как мы потом поняли, это была вербовка. Мы подписывали какие-то бумаги, нам говорили, что мы едем в Россию, читать нам ничего не дали. Отправили в лагерь г.Хайдебрек разбирать химический завод для отправки в Донбасс, в г.Лисичанск, мы должны были и восстановить этот завод, о чем мы, оказывается, давали подписку. В конце сентября 45 года меня привезли в г.Лисичанск. Условия были не лучше, чем в Германии. За весь период с августа 1943 г. по сентябрь 1945 г. я получила первое письмо из дома, мать болела, брата привезли домой контуженным в голову, 10 месяцев пролежал в госпиталях в г.Красноярске. При освобождении в Германии мы остались с Ломоносовой Таней и Ермаковой Ниной, остальных потеряли, втроем мы попали в г.Лисичанск, мы убежали домой. Десять суток попутными поездами, без документов мы добирались домой. Через три месяца нас арестовали за уход с производства, тогда была статья от 5 до 7 лет. Велось следствие в г.Мстиславле, потом перевезли нас в г.Могилев. Нас судил военный трибунал и оправдал» (М.П.Тюльменкова).

Резонно предположить, что наше обследование могло лишь «недовываить» людей с такой или похожей судьбой, здоровье которых было подорвано в неизмеримо большей степени, чем у других остарбайтеров.

Более 2/5 респондентов указали на различные осложнения в последующей жизни, связанные с таким «несмываемым пятном» для биографии советского человека, как работа в Германии во время войны.

Что это за осложнения?

Неприязненное, подчас презрительное отношение окружающих, трудности с трудоустройством и последующим карьерным продвижением, трудности с поступлением в вузы, при оформлении поездок за границу и другие ограничения в правах *de facto*¹⁷.

Другая половина остарбайтеров, напротив, отмечает сочувственное к себе отношение (особенно на селе): «нас жалели», «отнесли с пониманием», «доброжелательно» и т.д. Немецкая неволя практически не сказалась на их судьбе в указанном выше смысле, хотя нельзя не отметить, что среди таких людей было немало и тех, кому за всю жизнь просто не пришлось испытывать свои права на «прочность»: колхозный конюх или пастух ни в вуз, ни в ОВИР документов уже не подавали.

Чем вызван такой контраст в судьбах прошедших, в общем, через одно и то же людей? Может быть — в свете традиционной советской подозрительности к тем, кто контактировал с иностранцами? Зависело ли это от того, войска какой страны осво-

¹⁷ Вот интереснейшее свидетельство В.Я.Тимирязевой из Ростова: «Потом приехали американцы с переводчицей, сказали, чтобы мы ушли отсюда в общий лагерь Мариенталь, который находился от нас приблизительно в 5 километрах. Там собралось 14 тысяч всех национальностей: бельгийцы, голландцы, французы и другие. Прожили до июля, кажется, потом нас американцы уговаривали уехать в Америку, что мы там будем работать и хорошо жить, а в России нас будут преследовать. Мы были патриоты своей Родины. Американцы подогнали студбекеры и отвезли нас на Эльбу в районе города Стендаля. Передали нашим. Поместили в фильтрационный лагерь. Там оперативные работники предложили мне работу. Прибыла вместе с ними в город Веймар. Сначала в оперсектор, а позже перевели в военную прокуратуру Федеративной Земли Тюрингии. Работала помощником секретаря, но секретаря не было. В 1947 уехала домой в Ростов, но меня не прописывали, так как я приехала с Германии. Уехала к дяде в Среднюю Азию. Два раза увольняли с работы, но говорили устно почему, а в трудовой — по собственному желанию. Только в г.Фрунзе Киргизской ССР меня восстановили на работу с помощью КГБ, куда я обратилась. Интересно, что я единственный раз, когда меня зачислили на работу в военную прокуратуру ФЗТ, написала все, как есть, т.е. где была в Вальдлагере, работала в шахте и т.д. Больше я никогда, никогда в анкетах не писала, что была угнана или в оккупации, а все равно находилась "под колпаком". В прокуратуре приняла присягу. Увольняли именно за то, что была в Германии».

бождали тех или иных остарбайтеров? С освобожденных своими — один спрос, а с освобожденных «империалистическими» союзниками — другой?

Такая гипотеза совершенно не подтвердилась, тем более что лишь незначительное число остарбайтеров было освобождено советскими войсками, тогда как подавляющее большинство — от 80 до 90% — армиями союзников. Так же не подтвердилась и та гипотеза, что обхождение с бывшими остарбайтерами на родине хоть как-то зависело от их жизни в Германии, от степени тяжести условий этой жизни. Ничуть! Разброс значений одинаков и для тех, кто гнул спину на шахтах и подземных заводах, и для тех, кто жил в более или менее человеческих условиях на крестьянских хуторах или даже был за няньку у какой-нибудь городской фрау.

Достоинство размышлений и то обстоятельство, что среди ответивших на анкету лишь немногие сталкивались с доброжелательным к себе отношением своих немецких хозяев. Не исключено, впрочем, и то, что доля эта и выше: некоторые и до сих пор предпочитают не говорить лишнего; несомненно, что среди тех, от кого мы не получили ответа на анкеты, немало людей именно с такой психологией.

Рассматривая изолированно остарбайтеров-мужчин и женщин, замечаем, что на родине отношение к мужчинам было куда жестче и строже, чем к женщинам. «Фильтровали» их органы НКВД или СМЕРШ, до 30% было мобилизовано в армию и до 20% — направлены на разного рода принудительные работы. Женщинам и та, и другая участи практически не грозили (исключения — 1-2 человека), более того — иногда их отправляли на родину, ограничившись лишь такой проверочной процедурой, как баня или медосмотр (в том числе гинекологический), — впрочем, с тем, что необходимая проверка будет учинена органами НКВД по месту жительства. Если из мужчин практически каждый второй написал о своих последовавших за возвращением трудностях, то из женщин на это указала «только» каждая третья. Но у женщин тут был и свой нюанс: они о нем или не пишут, либо пишут очень осторожно: «словесно унижали при пересечении госграницы», «сначала часто можно было слышать: немецкая ... и ряд других слов». Слово «подстилка» — было, быть может, самым мягким из слов этого ряда.

Так что же предопределяло судьбу людей? Может быть, положение в обществе до войны? Но о каком таком положении в обществе можно говорить применительно к бывшим школьникам и, отчасти, студентам (лишь немногие до войны уже определились профессионально)?

Несколько неожиданно, но, тем не менее, главным дифференцирующим признаком оказалось довоенное местожительство. Так, преследованиям или неприятностям подверглось лишь немногим более одной трети выходцев из села, тогда как для горожан этот показатель — более 70%, причем для горожан-мужчин он еще выше — около 90%!

Интересно проследить связь этого явления с миграционным поведением остарбайтера после возвращения в СССР. Оказалось, что большинство горожан ощущали на себе клеймо остарбайтера и страдали из-за этого вне зависимости от того, вернулись ли они в свой родной город или переехали в другой. Впрочем, чем крупнее город (и, соответственно, чем более человек «на виду»), тем большие трудности выпадали на их долю. Очевидно, тут уже имеют значение и профессии, и место работы, но для каких-либо суждений в этом аспекте данных нашего пилотажного обследования все же недостаточно. Во всяком случае, трудности в устройстве на работу, продвижении по службе, получении квартиры, не говоря уже о такой привилегии послевоенного СССР, как поездки за границу, не миновали практически никого из горожан-мужчин. Вот их типические высказывания: «В партию не принимали, допуск не оформляли», «при продвижении по службе этот вопрос присутствовал всегда, а иногда имел решающее значение», «напряженная обстановка в семье в ожидании ареста в первые годы после возвращения», «всю жизнь упрекал муж за пребывание в Германии», «я до сих пор чувствую в себе раба и всю жизнь боялась начальства», «прожил всю жизнь с ощущением второсортного гражданина своей страны»¹⁸.

Но, кажется, ни один из горожан-мужчин не скрывал в анкетах своего остарбайтерского прошлого, тогда как несколько горожанок-женщин существенно облегчили судьбу и себе, и добавим, своему мужу и детям — тем, что попросту скрыли факт своей работы в Германии. Вот некоторые из характерных ответов горожанок: «я скрыла, боялась ареста», «на работу не устраивалась, боялась скомпрометировать мужа», «боялась говорить об этом в любом кругу», «не хотели прописывать в Ростове, находили всяческие предлоги для увольнения».

Зато у сельских жителей зависимость судьбы от миграционного поведения прослеживается. Начать с того, что для половины респондентов-селян принудительное путешествие в Германию

¹⁸ На этом фоне даже курьезной выглядит обида одного из респондентов на то, что ему не дали медаль «Ветеран труда», но улыбаться здесь грех: сколько же непосильного труда, если задуматься, поднято нашими остарбайтерами за жизнь!

было чуть ли не единственной отлучкой из родной деревни: в ней они родились, оттуда их угоняли немцы, туда же они вернулись и оттуда присылали свои ответы на анкету. Все они, разумеется, колхозники и, как правило, не из числа руководителей; 90% женщин и 70% мужчин указали на сочувственное или даже хорошее отношение окружающих по возвращении из Германии и отметили, что на их судьбе и карьере пребывание там отрицательно не отразилось (некоторые женщины из этой категории даже утверждали, что они вовсе не проходили никакой проверки, что, вероятнее всего, означает, что проверка для них была столь простая и легкая, что они просто не заметили ее, не расценили как процедуру фильтрации).

Эта — самая благополучная в данном отношении — группа насчитывает до 40% всех опрошенных. Тем не менее, и здесь несколько человек на жизненные трудности указали, как, впрочем, и на такой вид доброжелательности, как: «смотрели, как на врага».

У тех сельских жителей, которые после возвращения переехали в города, последствия немецкой жизни выглядят иначе. Из их числа с трудностями столкнулась уже половина респондентов (как мужчин, так и женщин), причем характер трудностей тот же, что и у коренных горожан (разве что у тех не было жалоб на трудности в устройстве личной жизни). Вот голоса из этой группы людей: «на родине относились хорошо, но когда я уехала [в город], скрывала пребывание в Германии до самой пенсии», «могла устроиться только на неквалифицированную физическую работу (подвозчик угля, кочегар), сын не мог поступить в летное училище», «пребывание в Германии сказалось тяжелым душевным угнетением по сей день, как будто в чем-то виноват перед Родиной».

Таким образом, миграционная биография оказалась одним из наиболее четких индикаторов, определяющих существенные параметры жизни остарбайтеров после репатриации.

Ф.Ф.Перченко
РАЗРОЗНЕННЫЕ МЫСЛИ, СВЯЗАННЫЕ
С НАЧАЛОМ РАБОТЫ НИЦ «МЕМОРИАЛА»
(нечто вроде Записки членам Ученого Совета)

I

О ДАЛЬНЕМ И ДОЛГОВРЕМЕННОМ

1. Общее и, видимо, тривиальное:

С самого начала исследований — *системная ориентация* их. Органическое формирование исследовательских *программ и проектов*. Закладка главнейших «разрезов» на еще не сложившемся массиве фактов. Накопление тематического репертуара, открытого для разработки. Сплошная проработка важнейших источников и узловых вопросов (тем). Внутренняя организация имеющихся в распоряжении НИЦ материалов, стимулирующая работу. Учет «внешних» информационных ресурсов; курс на «обмен ресурсами» и на сотрудничество с другими архивами, исследовательскими центрами, авторами. Прогнозирование внутренних трудностей и опасностей в исследовательской работе. Создание условий для творческой работы молодежи и формирования «мемориальных школ» исследователей.

2. Об исследовательских программах:

Высшее структурное подразделение исследовательской работы — *долговременная* исследовательская *программа*. Работа по исследовательской программе слагается из *отдельных* временных *проектов*. Проекты конкретизируют программу, выделяют ее обозримую (локальную) часть, намечают последовательность работы, поэтапные результаты, основное ядро исполнителей, ориентировочные сроки, материальные потребности (включая оплату различных работ — основных и вспомогательных).

Финансируется — на договорных основаниях — утвержденный *проект, а не штатная единица*. Проект может быть рассчитан на несколько лет, но договор НИЦ (в лице его Ученого Совета) с руководителем проекта (и, может быть, с исполнителями) заключается, как правило, не более чем на год, после чего должен быть перезаклучен вновь. По истечении года любая сторона вправе не возобновлять договор. В том случае, когда финансирование

работ производится ежемесячно, договор может быть расторгнут досрочно, если, по мнению одной из сторон, другая сторона не выполняет условий договора или если одну из сторон не удовлетворяют складывающиеся моральные отношения.

На более короткие сроки (каждый раз определяемые в зависимости от обстоятельств) отпускаются средства для осуществления предпроектных, «малых проектов», целевых командировок и т.д.

Вначале НИЦ намечает общий контур исследовательских программ для перспективной разработки. Выделяются программы обязательные (первоочередные) и желательные (программы второй очереди). Отдельная исследовательская программа *утверждается лишь тогда*, когда начинается работа над определенным проектом по этой программе, т.е. *когда в наличии имеется и ядро исследовательской группы. Система* находящихся в разработке программ и проектов *складывается постепенно и органично*, по мере включения в работу исследователей и организации коллективов. Время от времени эта система пересматривается и корректируется. По первоочередным программам даже при отсутствии исследовательских групп ведется первичная обработка (упорядочение и учет) материалов. Ученый Совет может объявлять конкурс проектов по выдвинутой и сформулированной им теме.

В программно-проектную структуру исследований должна быть заложена способность к эволюции (защита от окостенения); с этой стороны Положение о НИЦ должно быть продумано особенно тщательно.

3. Об изначальных «разрезах»:

Под «разрезом» имею в виду сквозной суммирующий взгляд сквозь толщу накапливаемых в НИЦ материалов. Эти разрезы могут быть

— синхронными (для примера — срезы разной «толщины»: «год великого перелома», «декабрь 1934», «первые месяцы войны»);

— диахронными («хроника открытия и закрытия лагерей Гулага», «реабилитационные дела в ВК ВС СССР с 1953 по 1985»);

— региональными («репрессии в Грузии», «Карлаг», «Карабах»);

— тематическими («кировский поток», «священнослужители в Архипелаге», «ВЧК-ОГПУ на путях к "делам" "великого перелома"», «наследие сталинизма в послесталинском КГБ», «тюремная пресса»).

Заложить «разрез», в моем понимании, — значит прежде всего коллективно осознать важность данного сквозного взгляда — и затем время от времени возвращаться к данному вопросу (в виде обсуждения обобщающего доклада, обзора накопившихся материалов, отчета о сделанной работе, семинара, конференции и т.д.).

«Разрез» — своего рода разведывательная скважина сквозь массив материалов. Наличие ее дает общее представление о знаемом и неизвестном, формирует *систему приоритетов*, открывает «зеленую улицу» главным фактам (если знаешь, что «хроника открытия и закрытия лагерей» копится, то без промедления задублируешь и отправишь туда открывшиеся тебе сведения).

Вся система заложенных «разрезов» — это идейный каркас мемориальных исследований, их строительные леса, многомерный костяк, на который будет нарастать живое мясо фактов и персональных судеб (эти метафоры противоречат друг другу, но каждая имеет смысл).

Закладка «разрезов» — это, по сути дела, обдумывание стратегии, совпадающее во времени с работой над общим контуром исследовательских программ. Крупные идейные «разрезы» могут стать основой таких программ.

Важно как можно раньше заложить «разрезы» разных типов и масштабов, потому что дальнейшая работа на них потребует несколько различающихся методик.

(Идейно-организационные доминанты).

Иметь в виду и просветительскую деятельность «Мемориала». *Циклы* лекций как раз и могут быть организованы по синхронному принципу («1937 год»), диахронному («История репрессий с 1928 по 1953 год»), региональному («Многострадальный Ленинград»), тематическому («Репрессии и советская наука») или смешанному («Судьбы крестьянства в СССР»).

4. О репертуаре тем:

Мир мемориальных тем, понятно, безграничен: Архипелаг и насилие наложили отпечаток на все, вплоть до музыки и экологических проблем. Но, видимо, в первом приближении можно попытаться определить «сверхтематику» дальней перспективы и первостепенной важности.

Само формулирование тем, хотя бы до поры до времени и «не занятых», может привлечь, познакомить, соединить людей! Важнейшие темы, пока за них никто всерьез не возьмется, будут висеть над нами, как призыв и укор («деятельность ВЧК и нравственные сдвиги в обществе в 1917-1921 гг.», «массовая психология в годы Большого Террора», «Архипелаг Гулаг и внешняя политика», «социальная дифференциация советского общества и

Архипелаг», «психология предательства», «монополия на информацию как фактор существования привилегированного слоя в СССР», «современный сталинизм»). Я поставил бы в НИЦ картотеку-копилку тем — со свободным предложением их (и с аннотациями-затравками по желанию).

Как, к примеру, может происходить развитие темы через посредство этого «открытого репертуара»? У Солженицына все читали про путь от Соловков к Архипелагу. Конкретный материал (по геологам, инженерам, «простым советским заключенным» и их начальникам) позволяет более детально проследить командировки УСЛОНа на материк (в Карелию и в Хибины): это, так сказать, первоначальная экспансия — на соседние (и тоже окраинные) территории. На подобном материале прослеживается (позже) другой — «функциональный» — тип экспансии Гулага, когда после окончания работ на Беломорканале налаженный механизм переводится на стройку канала Москва—Волга (в центр страны). Далее — новое ветвление (цепная реакция): на стройку Куйбышевской ГЭС (довоенный вариант), в Вытегру (будущий Волго-Балт) и на Волгу. Этот последний шаг — принципиальная ступенька: схватка НКВД с конкурирующим ведомством (кажется, Волгоэнергострой), уже начавшим строить Ярославскую ГЭС, предложение альтернативного (более дешевого и быстрого) плана, победа — и отпочковывание Волголага от Дмитлага (и по соседству, и функция прежняя; в этой схватке активно используется труд заключенных геологов Дмитлага). Словом, анализируем экспансию гулаговских структур в советском обществе, обнаруживаем некоторые механизмы этой экспансии и намечаем генетическую связь между этими процессами и современной ведомственной структурой нашего общества. Сформулировав тему («Гулаг и структурная эволюция советского общества») и пояснив ее краткой информацией, привлекаем (не в том смысле, как обычно употребляют это слово, а «пассивно» привлекаем) одного, двух, десять думающих в том же направлении. Может собратиться работа, которая сгодится в мемориальский «препринт», форму которого еще предстоит отыскать. Далее формулируется исследовательский проект большего масштаба. (Если только на всех этапах не будем снисходительны к генеральским замашкам, гребле под себя, кражам со стороны проходимцев — и, напротив, будем приветствовать работы, где в качестве соавторов выступает 10-15 человек).

Люди, собравшиеся для разработки пучка (или грозди) тем, составят — в идеальном варианте — нечто вроде сектора НИИ (только без характерной для него обычно жесткости и необязательности).

5. О сплошной проработке:

Дойти до каждой судьбы в хаосе случайностей невозможно. Нужны *опорные* (= более надежные) *острова сплошности* — ядро дальнейшего расширения-роста.

Несколько примеров:

В «научноцентрическом секторе» — просмотр судеб всех членов АН СССР, установление списков всех расстрелянных, арестованных, подвергшихся внесудебным преследованиям, эмигрировавших, а также — организаторов преследований и травли. Затем расширять круг сплошной проработки за счет (последовательно, не все сразу) членов республиканских АН, ВАСХНИЛ, АМН, профессоров главнейших вузов...

В «военноцентрическом секторе» — 1. Просмотр судеб всех красных военачальников от комкора и выше, установление списка всех репрессированных (из их числа); потом спуститься до комдивов и т.д.; 2. Установление списка всех военспецов, служивших (хотя бы недолго, как Каппель) в Красной Армии, начиная от полковника и выше; обследование их судеб, статистическая обработка результатов.

В «партийноцентрических секторах» — поступить аналогично — для начала — с членами Центральных комитетов РСДРП(м), ПСР, КДП...

В «органочцентрическом секторе» — так же — с членами Коллегий ВЧК-ОГПУ-НКВД...

Встречный (снизу) путь сплошного охвата фактов — например, тот, который пройден в Сростках на Алтае (полный список репрессированных во время коллективизации крестьян села); подобное может делаться и по отдельным учреждениям (или по домовым книгам?).

Области сплошной (максимальной) опорной проработки могут быть выделены и среди тем. Так например, если мы отнесем «Шахтинское дело» к числу ключевых, то будем собирать и концентрировать по нему все судьбы, все свидетельства, все печатные материалы, все версии — словом, *всё*. Таких приоритетных ключевых разделов (вопросов, тем) должно быть поначалу *очень немного*, вероятно, с каждым из них будет связан особый исследовательский проект.

Острова сплошности должны образоваться и в работе библиотеки НИЦ: указатели имен к «Архипелагу Гулаг» Солженицына и «Красному террору» Мельгунова; библиография эмигрантской литературы (сначала — отдельных книг) о Гулаге; библиография текущих советских материалов на мемориальные темы (сначала — по центральной прессе последних двух лет);

источниковедческая оценка главных печатных источников (список литературы, подвергшейся этой экспертизе, будет расширяться)...

Когда-нибудь доберемся на этих путях до списков всех научных работников СССР конца 1920-х—начала 1930-х годов (материалы комиссии «Наука в СССР» в ЛО ААН, отчасти отраженные в выпущенных справочниках) и до ведомственных картотек карательных органов.

(Кстати, нельзя ли запросить списки всех осужденных ОСО и «тройками», коль скоро все они скопом реабилитированы?).

6. Об организации материалов НИЦ:

Единицы хранения — с пронумерованными сразу же листами; аннотированные. Работающий с делом имеет право вносить дополнения в аннотацию и замечания (можно с указанием на листы дела). В толстых делах — внутренние описи. В листе использования можно указывать свой адрес и приглашать к сотрудничеству. Описи фондов — не «глухие», а с указаниями на даты (не только крайние, но и центровые), имена, «дела», названия мест.

Структура фондов? Как быть с описями, пока фонды не сложились? Могут ли фонды быть поначалу временными?

Дублирование части материалов (ксерокопирование) для главных центров, с учетом их специфики (предположим, сначала этот «сервис» затронет Москву, Ленинград, Киев, Красноярск, Магадан, Караганду? — впрочем, лучше поставить это дело в зависимость от собственной активности и уровня каждого отдельного «Мемориала»: преимущества — лучшим, а не худшим). Обязательное (со временем?) дублирование краткой справки для «заинтересованного» «Мемориала» (предположим, если человек выслан из Ленинграда, затем арестован в Оренбурге, а сидел и погиб на Колыме, то справочная карточка должна сразу изготавливаться для всех трех «Мемориалов»).

Вообще, разработка внутренней системы «кровообращения» Общества, которая будет обеспечивать встречу и «столкновение» фактов, добытых в разных местах страны, выявление проблем, противоречий и разнопониманий, движение информации через фильтры оценки на достоверность и через другие разновидности экспертизы.

Разработка системы внутримемориальных документальных отсылок.

Разработка и проверка системы запросов и ответов разного типа. Наиболее часто спрашиваемое — в печать и в систему машинного запроса-ответа.

Центральная справочная библиотека, совмещенная (смежная) с Центральной справочной картотекой. Защита ЦСБ и ЦСК «от дурака» и от прочих.

«Красная картотека» престарелых информантов.

Адреса «Мемориала» по всей стране с указанием имеющихся на сегодня направлений деятельности; объема и характера накопленного материала; адреса исследователей-специалистов (обновление этого материала — по представлениям с мест).

Координаторы НИЦ (по «секторам» или программам, а не только общемемориальские организаторы!). Задача отыскания работников, поддержка их, знакомства друг с другом и координации их деятельности. — Связанные с этой работой частные адресные картотеки исследователей и собирателей. (В перспективе — адресная книга «Мемориала»).

Кроме картотек первоначальной разработки (росписи анкет и т.п.) — различные промежуточные, накапливаемые. Отражение в картотеках итоговых, синтетических, концептуальных работ? — свобода формы; соревнование форм; испытание форм работы.

Пересечение тем и проблем при разных делениях архивного массива (например, на одном массиве будут работать разные «специалисты»: по Норильлагу, по судьбам арестованных геологов, по истории Эстонской армии, генералы которой погибли в основном в Норильлаге, по истории сопротивления в лагерях): должен быть как-то организован учет этих пересечений! («Одномерного» принципа фондообразования, очевидно, не найти).

«Агитинформация» с целью получения первичных материалов возможно более высокого уровня, в смысле внешней организации материала (нумерованные листы, оглавления и указатели имен в воспоминаниях, помощь родственников и посредников в проверке дат по материалам домашнего архива; просьба не пренебрегать кажущимися ненужными документами — например, записными — адресными книжками).

(О том, как весь архив должен трансформироваться применительно к условиям машинной обработки, напишут понимающие — не я).

7. О «внешних» информационных ресурсах:

Спецхраны, их описание. Где какая закрытая чекистская и гугагская литература, типы ее (особенно справочники, инструкции...) Где какая эмигрантская периодика (не только в советских столицах, но и в таких городах, как Тарту, Каунас, Львов). Зарубежные библиотеки.

Ведомственные и зарубежные архивы. Общая характеристика их ресурсов (состояние, структура фондов, конкретные описания,

зоны доступности, учет сделанных «ходов» и достигнутых результатов).

Поиски путей к совместным проектам (по мере накопления собственного информационного массива — на началах «обмена» ресурсами и их «объединения»). Взаимная экспертиза? Выделение (и выдвижение вперед в смысле очередности) тем для совместных работ с ведомственными архивами КГБ и МВД («судьба воспитательных учреждений А.С.Макаренко»; «летопись жизни и творчества И.П.Павлова» — с использованием материалов внешнего наблюдения за Павловым со стороны органов; «летопись жизни и творчества В.И.Вернадского» — аналогично). Выделение тем для совместных работ с теми же ведомствами, с привлечением еще каких-либо ведомственных архивов («дело АН СССР» — здесь еще нужны материалы ЦПА, «геологическое изучение Колымского края» — здесь понадобится архив Северо-Западного геологического управления; «дело Антифашистского Еврейского комитета» — видимо, с использованием материалов комиссии ЦК КПСС по реабилитации; «крымские татары между 1920 и 1941 гг.» — здесь Крымский областной архив). Выделение тем для совместной работы с Зарубеьем (с разработкой Смоленского архива??). Тем можно, не сходя с места, выдумать мильон — задача в том, чтобы, исходя из наличных людских ресурсов, начать наводить *реальные мосты сотрудничества*.

Накопление опыта.

Накопление данных о степени надежности внешних источников, включая зарубежную литературу по нашей теме, официальную открытую и закрытую отчетность, документы ведомственных архивов и т.д. Попытки определить систематические (направленные) отклонения от адекватности.

8. О формировании исследовательского сообщества:

Прогнозирование не только внешних, но и внутренних трудностей в исследовательской работе. Опасности, проистекающие из неполноты (односторонности) источниковой базы; проблема оценки репрезентативности источников. Опасности дилетантизма; призрак подмены установленного предполагаемым; как поставить заслон скороспелым выводам, прямолинейным схемам, догадкам, выдаваемым за доказанную истину? Опасность «партийности наоборот» и всяческого озлобления. Опасности, могущие проистечь из нехватки квалифицированных исследователей: как не потонуть в море доморощенности и кустарщины; с другой стороны, кооперирование даже квалифицированных исследователей неизбежно будет сопровождаться и растущей (?) их конкуренцией

(«борьба» за привлечение руководителей проектов и исполнителей, «борьба» за накопленные, особенно первоклассные, архивные ресурсы) — какими механизмами удержать равновесие? Опасности монополизма — как не допустить эту болезнь советского общества и советской науки в свою среду? Опасности элитаризма: если сразу (пусть неявное) разделение на «генералов» и «солдат», то никакой «народной вольной академии» не получится. Опасности «от варягов» (всяких)...

Думаю, что не словоизвергаюсь: в осознании опасностей — половина спасения от них.

Все же, думаю, курс на «стихийно» складывающееся исследовательское сообщество или отдельные (автономные) сообщества — историко-военное, историко-научное и т.д. «*Стихийно*»=*органично*, пусть неравномерно, но без административно-кабинетного форсирования, с постепенным выдвижением работающих лиц, с естественной кристаллизацией центров. По-другому сказать: нащупывание путей органического (не бюрократизированного) роста и развития исследований и поиск иммунитета против застарелых болезней.

Не организовывать сверху, а умно регулировать и координировать — разве не этого мы все чаем?

Особенно важно, чтоб создались условия для полноценного вхождения молодежи во все стороны работы. И на всех уровнях.

(Участие Зарубежья вынес за скобки).

В перспективе могут создаться «мемориальные школы» исследователей. Например, своеобразная область исследования, привлекательная для молодежи, включая школьников, может сложиться на стыке археологии и криминалистики, плюс еще нескольких дисциплин: экспедиционное обследование следов Гулага — бывших лагерей, массовых захоронений и пр. (раскопки, фотографирование и картирование, консервация сооружений и находок, включение их в памятник на месте и в архив, общение с местными...). Мемориальское своеобразие — не только в материале и темах, но и в теории, в методике работы — ждет историков, архивистов, социологов, социопсихологов...

Насчет коллективной души исследовательского сообщества и внутренних отношений в нем: не грех нарисовать себе некую Утопию, про которую нам не дано предугадать, в чем ее дано осуществить.

II

О БЛИЖНЕМ И НЕОТЛОЖНОМ

(не говоря о самом очевидном и подpiraющем)

9. По всем пунктам, со второго и по восьмой, и их неявным подпунктам — проговорить, определить главнейшее (система ценностных приоритетов) и неотложнейшее (система деятельных, реально действующих на сегодня приоритетов).

Начать планомерное освоение главных информационных массивов и ключевых тем (прикладное знание хорошо, но фундаментальное должно стать в центре внимания).

10. Вне всякой очереди — фиксация «уходящей» и «хрупкой» информации (опрос стариков, приобретение выморочных архивов, присутствие на реставрируемых Соловках...).

11. Отработка методик, обмен опытом, фиксация *временных ориентиров-стандартов*. В связи с этим — скорейшая «выдача» в печать или хотя бы на машинку *пробных (промежуточных, рекогносцировочных)* результатов. Такими могут стать, например, *поисковые* списки репрессированных (по тому или иному «параметру» ограниченные) или *зародыши* биографических словарей. Продукция, поименованная подобным образом, будет осознаться как *фиксация сегодняшнего уровня* работы. Не следует смущаться формулировками типа: «На правах рукописи», «Предварительный список»; пусть будут оговорки в предисловиях насчет того, что пока — до окончательной проверки — данная работа не может быть использована как достоверный источник. Опыт показывает, что «прокрутка» незаконченной работы (и даже такой, в которой нарочито выпячены недоработанности и запущены в качестве «пробного шара» вызывающие сомнение факты) в кругу свидетелей и компетентных экспертов (без права копирования и распространения!), — что такая «прокрутка» даст хороший результат. Но делающий такую работу должен быть морально и профессионально защищен от множества соблазнов. Здесь две ступени:

— на одной надо бояться неконтролируемого расползания собранной информации (так как она не вся достаточно проверена);

— на второй можно собранное размножить, но публикацию так организовать, чтобы вопросы и предположения не могли превратиться у читателя в безапелляционное утверждение.

Роль первой ступени «прокрутки» могут сыграть устные выступления (лекции, доклады) перед квалифицированной аудиторией, с потенциальными ожидаемыми информантами. Выступаю-

шие, однако, должны знать, что аудитория склонна «домысливать» и «слышать не то» (в Курчатовском институте интеллигентнейшие слушатели после слов лектора о том, что «некоторые академики в конце 20-х годов считали академика Иоффе главным информантом наверху», — задали возмущенный вопрос: «Откуда Вы взяли, что Иоффе был стукачом?» — При этом об Органах и речи не было, а обсуждался вопрос о том, каким образом правительство узнавало о частных, за чашкой чая у Карпинского, обсуждениях выборных дел). Если даже точные суждения искажаются, то чего ждать от предположительных?

Этот метод (этап) проверки требует опыта. Рекомендую его, приходится напоминать об основательности подготовки и точности слов!

12. О методе *поисковых* списков.

В списке репрессированных геологов, например, фиксируется не *все* накопленное. Не указываются источники (о них — в другой, более полной записи). Не нужны некоторые живые детали (но, несмотря на скупость сведений, какие-то детали и обстоятельства ареста, заключения, работы в шарашке поисковый список может включать: дело меры и вкуса). Убраны имена доносчиков (если информант, перелистывающий список, сам назовет то же имя, это более ценная информация, чем простое подтверждение или молчание, аналогичным образом можно специально убирать из списка судебные факты, которым вы хотите получить независимое подтверждение). Для себя приходится иметь в списке (подчас загромождающие его, но необходимые для быстрого реагирования и ориентировки в поиске встреч и в течение разговора) сведения о более узкой научной специализации ученого, о местах его работы до и после ареста и (где-нибудь сбоку) о живых разыскиваемых родственниках. Потом, при подготовке списка к печати (или к любому размножению), — остается, по мере возможности, почти бесспорное. На этом этапе слишком «рваные» и противоречивые биографические заметки, и все ненадежные, — лучше исключить. На этом этапе список будет работать по-другому: как снежный ком, пущенный по склону.

Понятно, что это все — не жесткие правила, а многое зависит от составителя и от самого «профиля» поискового списка.

13. Принципиально важно, чтобы в *первых* публикациях под эгидой (маркой, грифом) «Мемориала» был сделан *выход за хронологические рамки 1928-1953 гг.*! От этого зависит отношение к «Мемориалу» целого слоя людей, владеющих уникальной информацией!

14. Важен также выход «Мемориала» во «внешнюю» (по отношению к нему) печать. Чтобы все «классные» материалы, подготовленные его авторами, подписывались в журналах не только именем, но и: «Член "Мемориала" (Караганда)» (доктор наук, член-корреспондент — лучше это не упомянуть сейчас). Если не двойные грифы, то на части работ (опять-таки на «классных» работах!!): «Одобрено Ученым Советом НИЦ "Мемориала"». С самого начала — забота о марке!

15. Брошюра о «Мемориале» — не только о задачах и надеждах, но и о потребностях и трудностях!

16. Зародыш атласа «Архипелаг Гулаг». Например: 1. На общей карте страны (можно и разновидность какую-нибудь отдельно: политизоляторы...) 2. Региональные (Карлаг, Колыма) 3. На плане Ленинграда 4. Экспедиционная съемка следов одного из лагунктов 5. Съемка и описание одного из массовых захоронений 6. Фотографии. Важно как стимул и образец. Потом прибавится «выпуск второй»...

17. Коллективный разбор достигнутого и внесение всяческих корректив: коррекция планов, отработка методики предварительных (пробных) публикаций и вообще всяких промежуточных работ («полуфабрикатов»).

Научные семинары (конференции). Предлагаю одну из первых тем: «Работа с устными источниками». Два уклона: историко-ведческий и методический. Составная часть первого — анализ «Архипелага Гулаг» как исторического источника. Составная часть второго — размышления-обобщения принимающих на Черняховского, 3, и проводивших первые интервью. Методика общения с информантами разных слоев и возрастов. Ключевые вопросы. Подготовка к общению. Работа вдвоем. Как можно хранить бесписьменную память. И т.д.

19. Пробные «большие акции», тематические и региональные. Пример первой — то, что готовится о Воркуте в Москве?? Пример второй (предлагаемый?) — весенний съезд «Мемориалов» в Киеве, с выездом в Быковню и с разнообразной (по предложениям местных «Мемориалов») программой??

III

О СВОЕМ

20. Давняя тема: *негласная история отечественной науки*. Главные в ней — всяческие деформации науки, прежде всего — связанные с государственным насилием и репрессиями. Частные по-

вороты темы: судьбы АН СССР и союзных республик, высшая школа, наука в эмиграции, отдельные научные дисциплины (естественные и гуманитарные), персональные судьбы.

21. Неотложное, над чем сейчас:

а. Статья о ломке и огосударствлении АН СССР в 1927-1931, с приложением списка репрессированных академиков и членов-корреспондентов АН СССР (св. 100 имен)

— в сотрудничестве с А.Б.Рогинским; для альманаха «Мемориал».

б. Переиздание воспоминаний А.В.Книппер, с примечаниями, включающими материалы об А.В.Колчаке, в частности — о его полярных исследованиях

— в сотрудничестве с И.К.Сафоновым, для «Библиотеки "Мемориала"».

в. Поисковый список репрессированных геологов с вводной статьей о «белых пятнах» в истории геологии и смежных наук

— в сотрудничестве с Л.В.Никольской (Всесоюзный институт минерального сырья, Москва).

г. Поисковый список репрессированных востоковедов с вводной статьей о судьбах отечественного востоковедения

— в сотрудничестве с А.М.Гришиной (Институт востоковедения, Москва).

д. Ряд заделов по другим темам и направлениям, с попытками напечатания

— в сотрудничестве с научными работниками исследовательских учреждений, сотрудниками архивов и библиотек.

(Понятно, что в пунктах от «а» до «г» сотрудничество осуществляется с более широким кругом лиц. Ряд выступлений проведено по темам «а», «в», «г»).

22. Похоже, что в 1989 году придется посидеть над исследовательской программой «Репрессированная наука» и первыми проектами по ней???

28 февраля 1989. Ленинград

Л.Горштейн СОВЕРШЕННО ДРУГОЙ...

С Феликсом Федоровичем я познакомилась в начале 80-х годов. Знакомство это состоялось в доме одной моей знакомой и по моей настойчивой просьбе свести меня с кем-то из людей, активно занимающихся, выражаясь языком того времени, «анти-советской» деятельностью. Работала я тогда в медицинском институте на одной из общественных кафедр, на переднем фронте идеологической обработки умов студентов. Тошно от всего этого было чрезвычайно, хотя и старалась все делать по минимуму, за что потом и выгнали, да еще за активную переписку с друзьями в Америке. Но тогда дело, которое предложил мне Феликс Федорович, было настоящей отдушиной и спасением от убожества существования в те годы.

Но обо всем по порядку... Когда нас представили, Феликс долго и пытливо меня рассматривал, как мне показалось, прикидывал, можно ли мне довериться, стоит ли иметь со мной дело. Он задавал мне довольно много вопросов обо мне самой, моих родителях, к которым проявил живейший интерес (они оба были репрессированы и прошли все круги сталинского ада), интересовался моими занятиями, увлечениями, образом жизни и пр. Но все это делалось в такой форме, что несколько не показалось мне бестактным для первого знакомства, тем более, что цель его с моей стороны была оговорена заранее, и Феликс подошел к моему «найму» очень по-деловому, причем интересовали его в первую очередь мои личные качества, которые, как я понимаю, он и пытался тогда выяснить. У меня самой от этой первой встречи остались очень расплывчатые воспоминания, никаких выводов о нем я тогда не сделала, как это обычно бывало со мной при знакомстве с новыми людьми. Я даже не могу вспомнить какие-то свои оценочные характеристики от того вечера: «понравился» или «не понравился». Он у меня вызвал скорее сильное любопытство и нетерпение поскорее приступить к тому делу, о котором мы договаривались. Чем он конкретно занимался, я тогда даже толком и не поняла. Моя же роль в его деятельности была очень скромной: я обещала помогать печатать. Через несколько дней Феликс

появился у меня дома и принес первую порцию машинописной работы. При этой второй встрече он уже был более раскован и общение со мной состояло не только из его вопросов, но и из ответов. От этой встречи отчетливо запомнилось мое упоенное состояние от, если так можно сказать, процесса слушания. Давно мне не было так интересно слушать. Феликс оказался удивительным рассказчиком. Он рассказывал о людях, которых давно уже нет, так, как будто он только что пришел от них, говорил с ними. Мне уже тогда показалось, а потом я утвердилась в этом наблюдении, что он живет своими героями, он весь в них, в их мыслях, переживаниях, перипетиях их судеб. Это были не только значительные, известные люди, но и простые жители той эпохи, эпохи до-послереволюционного времени, любимых его двадцатых годов. На моих глазах человек менялся. Он буквально носился по комнате, увлеченный своим рассказом, выступая в роли то одного, то другого из своих героев. После его ухода я долго не могла успокоиться, так он сумел взбудоражить меня своими рассказами. Он оставил тогда материал для перепечатки, и я тут же приступила к чтению (помнится, это были воспоминания одного человека, вкусившего прелесть ареста еще в двадцатых годах) — никогда со мной такого не бывало, читать предварительно то, что собираюсь печатать — все равно же прочтешь, пока печатаешь. А тут я просто отложила все дела, и всю ночь напролет читала, пока не закончила. И так было со всеми материалами, которые приносил мне Феликс печатать — я, еле дождавшись его ухода, тут же принималась читать. Это были удивительные документы времени, свидетельства людей, написанные иногда таким простым и безыскусным языком, что сила их воздействия была необычайно высока.

Феликс стал часто приходить. Меня всегда веселило его соблюдение конспирации: он никогда не улавливался о встрече по домашнему телефону, звонил всегда из автомата, приносимые им материалы тоже, как я догадывалась, хранились не дома, были какие-то хранилища и люди, которые брали на себя эти заботы. Я, конечно, была дурочка и не понимала, что эта осторожность была необходима, благодаря ей он и может заниматься этим делом. Но я его постоянно высмеивала, он же не обращал на меня никакого внимания и продолжал «играть в Штирлица».

Работа, которую я делала для Феликса, стала очень важной составляющей моей жизни. У меня появилось ощущение настоящего дела, гораздо более важного и нужного, чем мое жалкое преподавание на идеологической кафедре. Но просто сидеть за машинкой, к сожалению, не совсем вписывалось в мой характер. У меня была тогда и другая любимая работа: я много ездила с

туристами в качестве руководителя группы и экскурсовода. Я довольно часто уезжала, жила я тогда одна, и предложила Феликсу пользоваться моей квартирой во время моих поездок. Он охотно согласился, и вскоре моя квартира превратилась для него в некое подобие выездного рабочего кабинета. Он притащил кучу папок, и вместе со своим помощником они вплотную приступили к формированию очередного сборника «Памяти». Работали и день, и ночь. Соседи рассказывали мне, что часто в окнах по ночам горел свет. Для соседей у нас была приготовлена легенда, что мой друг заканчивает работу над диссертацией. Когда я приезжала из своих поездок, у Феликса был праздник желудка. Он оказался ужасным сладкоежкой, и сладкое любил почти так же, как своих героев. Было очень трогательно наблюдать, с каким удовольствием поглощал он привезенное мною откуда-нибудь из Прибалтики нечто вкусненькое. Особенно — взбитые сливки. Я с удовольствием их возила, мне доставляло радость потчевать его всем этим. За совместным поглощением сливок мы всегда много и обо всем говорили: Феликс умел не только сам рассказывать, но и внимательно слушать, причем слушатель он был очень активный, всегда забрасывал вопросами, репликами и т.п., т.е. отдача на услышанное была очень большая. Для меня все это было непривычно, общалась я тогда с людьми, которые предпочитали слушать себя, а уж если снизошли до твоих рассказов, то очень нехотя. Феликс был совершенно другой, с ним можно было поделиться всем наболевшим, что называется, излить душу. Он же чаще всего изливал мне душу своих героев. Уже тогда в его рассказах появилось имя Колчака, впоследствии это стал его любимейший персонаж. Все, что рассказывал мне Феликс о нем, было мне совершенно неизвестно, да и откуда, ведь знала я лишь то, что было в официальной литературе. Поражал масштаб личности этого любимейшего героя Феликса. Очень скоро я стала разделять его восхищение личностью Колчака и так же сопереживать его судьбе. Зарождалось во мне огромное уважение к тому, что делает Феликс и его соратники. Я отдавала себе отчет, что именно благодаря таким людям мы сохраняем нашу историю, что его равнодушие к судьбам людей прошлого, в конечном счете, — это равнодушие к судьбе страны и что жизнь подарила мне встречу с настоящим патриотом. Пока есть такие люди, как Феликс, в этой стране можно жить и на что-то надеяться. Последующие годы мое знакомство с разными странами утвердило меня и еще в одной мысли: таких людей, как Феликс, может производить только Россия и жить они могут только в России.

Наши деловые отношения с Феликсом вскоре закончились. По известным причинам он прекратил работу над сборниками

«Памяти». Представляю, как трудно далось ему это решение: заморозить уже готовое многостраничное издание, плод тяжелейшего труда. Феликс обратился ко мне с просьбой сохранить у себя некоторые материалы. Я согласилась, и часть папок осталась у меня. Совсем недавно Феликс забрал их. Это была наша последняя встреча. Но после этого мы еще разговаривали по телефону, и последний мой разговор с Феликсом состоялся в августе. Я позвонила ему сама и обратилась с просьбой о помощи. Со мной произошла дикая история: на территории одного из демократических государств Европы со мной обошлись так, как, наверное, обращались с моей мамой в одном из сталинских лагерей. Мне всегда казалось, что права человека — это нечто абстрактное в применении к моей собственной личности, а тут возникла настоятельная потребность в защите этих прав. И первый, к кому я бросилась за советом, был Феликс. Он тут же снабдил меня нужными в этой ситуации телефонами, направил к могущим мне помочь людям, разрешив обратиться к ним от его имени, и даже вспомнил, что знаком с человеком, профессионально занимающимся этой страной, с которым я тоже могу от его имени поговорить. И в этом был весь Феликс в его решительности тут же помочь действием, а словами — добрыми и нужными — облегчить душевное смятение обратившегося к нему за помощью. У меня опять возникла ситуация, когда нужны были такие слова и дружеское участие, я позвонила... и узнала страшную весть. Феликса уже больше нет. В это трудно поверить. В это просто невозможно поверить. Я уверена, что для всех, кто знал этого человека, он не ушел, он продолжает жить в наших мыслях, чувствах, как были живы в нем любимые им герои 20-х годов. Уж очень велик тот след, который оставил Феликс Федорович на земле и в наших душах.

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РАБОТ Ф.Ф.ПЕРЧЕНКА*

1. *Вознесенский И.* [псевд.] Имена и судьбы // Память: Исторический сборник. Вып.1. М., 1976 — Нью-Йорк, 1978. С.353-410.
2. *Вознесенский И.* [псевд.] Рассказ академика Стыриковича // Там же. Вып.3. М., 1978 — Париж, 1980. С.422-423.
3. *Вознесенский И.* [псевд.] Только востоковеды // Там же. С.429-465.
4. *Вознесенский И.* [псевд.] Материалы к истории Академии наук // Там же. Вып.4. М., 1979 — Париж, 1981. С.469-495.
5. *Анастасьин Д., Вознесенский И.* [псевд.] Начало трех национальных академий // Там же. Вып.5. М., 1981 — Париж, 1982. С.165-225.
6. *Федоров С.* [псевд.] И в частности — о высшей школе // Там же. С.397-434.
7. *Громов К.* [псевд.] Публ.: Книппер А.В. Фрагменты воспоминаний // Минувшее: Исторический альманах. Вып.1. Париж, 1986. С.99-190 (совместно с С.Боголеповым [И.К.Сафоновым]).
8. *Трофимов Б.* [псевд.] Прим. к: Сибириков Н.С. Конец Забайкальского казачьего войска // Там же. С.193-254.
9. *Солодов* [псевд.] Статья: Начало тридцать седьмого: перепись // Там же. С.255-271 (совм. с Максудовым [А.Бабенышевым]).
10. *Елизаровы М. и С.* [псевд.] Пред. и прим. к: Письма П.А.Флоренского В.И.Вернадскому: По материалам Д.Д. // Там же. С.275-293 (совм. с [Г.Г.Суперфином и А.И.Добкиным]).
11. *Бах Р.* [псевд.] Публ.: Два эпизода из жизни литературных организаций // Там же. С.323-335 (совм. с Н.Крамером [Л.Я.Лурье]).
12. *Крафт Л.* [псевд.] Публ.: М.Н.Квашнина-Самарина. В Красном Крыму // Там же. С.336-357.

* Сост. И.З.Перченко.

13. В.И.Вернадский // Памятные книжные даты: 1988. М., 1988. С.47-50 (совм. с А.Б.Рогинским).
14. С.Ф.Ольденбург. Там же. С.53-54.
15. Б.Л.Личков // Там же. С.58-60.
16. «Путешествие в Африку» В.Юнкера // Там же: 1989. М., 1989. С.52-55.
17. К вопросу об интерпретации понятия «ноосфера» (В.И.Вернадский, П.А.Флоренский, И.М.Гревс) // П.А.Флоренский: Философия, наука, техника. Л., 1989. С.29-31.
18. *Благовещенский Ф.* [псевд.] Публ.: В гостях у П.А.Шарии // Минувшее: Исторический альманах. Вып.7. Париж, 1989. С.451-472.
19. Список расстрелянных // Новый мир. 1989. №4. С.263-265.
20. Публ.: В.Вернадский: «Пересмотреть основы нашей жизни» // Век XX и мир. 1989. №6. С.40-43 (совм. с А.Б.Рогинским).
21. *И.В.* [псевд.] «Книга польз об основах и правилах морской науки» Ахмада ибн Маджида // Памятные книжные даты: 1990. М., 1990. С.32-35.
22. «Биогеохимические очерки. 1922-1932» В.И.Вернадского // Там же. С.52-55.
23. *Вознесенский И.* [псевд.] Собрание сочинений Фритьофа Нансена // Там же. С.55-59.
24. Публ.: В.Вернадский: «Довольно крови и страданий» // Век XX и мир. 1990. №1. С.24-30.
25. Репрессированное востоковедение: Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20-50-е годы // Народы Азии и Африки. 1990. №4. С. 114-125; №5. С.96-105 (совм. с Я.В.Васильковым и А.М.Гришиной).
26. *Вознесенский И.* [псевд.] Ряды имен // Наука в Сибири. 1990. №25/26. С.9.
27. О социально-психологических источниках учения В.И.Вернадского о ноосфере // Механизмы культуры. М., 1990. С.231-247 (совм. с В.М.Борисовым и А.Б.Рогинским).
28. *Благовещенский Ф.* [псевд.] «Первое повествование» Иоахима фон Лаухена де Торриса (Рэтика) // Памятные книжные даты: 1991. М., 1991. С.42-44.
29. Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом // Там же. С.81-84.

30. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып.1. М., 1991. С.163-235.
31. *Вознесенский И.* [псевд.] Из ранних свидетельств о «деле ПБО» // Там же. С.464-474.
32. Ред.: Звенья: Исторический альманах. Вып.1. М., 1991 (совм. с Г.В.Белковой, А.Ю.Даниэлем, А.И.Добкиным).
33. Прагу освобождали дважды. Первыми были власовцы // Московские новости. 1991. 5 мая (№18). С.8.
34. «Дело Академии наук» // Природа. 1991. №4. С.96-104.
35. Публ.: Д.И.Шаховской: Письма о братстве // Звенья: Исторический альманах. Вып.2. М., 1992. С.174-318 (совм. с А.Б.Рогинским и М.Ю.Сорокиной).
36. *Благовещенский Ф.* [псевд.] Публ.: В.П.Семенов-Тянь-Шанский: Фрагменты воспоминаний // Там же. С.395-423.
37. *Рейзлин Д.* [псевд.] Публ.: М.Н.Покровский: К отчету о деятельности Академии наук за 1926 год // Там же. С.580-599 (совм. с М.Ю.Юрьевой).
38. Ред.-сост.: Репрессированные геологи: (Биографические материалы). СПб., 1992. 152 с.
39. Community as the Source of Vernadsky's Concept of Noosphere // Configurations: A Journal of Literature, Science and Technology. 1993. Vol.1. №3. P.415-438 (совм. с В.Борисовым и А.Рогинским).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абаев В.И. 326
Абакумов В.С. 155, 191
Аболин Р.И. 268
Абрамович Д.И. 145
Абрамович-Барановский С.С. 11
Абрикосов А.И. 278, 281
Аввакумов, закл. Бамлага 251
Автономов, закл. Бамлага 250
Агафонов В.К. 266
Агеев Н.В. 145
Агранов Я.С. 10, 12, 16, 89, 192
*Адалис А.Е. 323
Адриан, имп. 227
Айналов Д.В. 145
Аксакова-Сиверс Т.А. 206
Акулов И.А. 186, 200
Алабышев Н.В. 244
Алдошин Г. 13
Александр I, имп. 189, 238
Александр II, имп. 341, 343
Александров Г.Ф. 280, 287
Александров Г.Ф. 276
Алексеев А.М. 13, 60, 61, 77
Алексеев В.М. 27, 69, 244, 324, 326, 327, 330, 334-336
Алексей Михайлович, царь 352
Аллилуевы, семья 65
Алпатов В.М. 293, 326
Алферов Ж.И. 17, 18
Алявдин А.П. 235-237, 243, 244
Амфитеатров А.В. 366-369
Анан бен-Давид 239
Анан га Наси см. Анан бен-Давид
Ананьич Б.В. 19-68, 77-86, 87-111
*Анастасийн Д. см. Перченко Ф.Ф.
- Андреев А.И. 83, 90, 92, 96, 101, 102
Андреев И.Д. 84
Андреев Л.Н. 377
Андреев М.С. 145
Андрей, еп. (Ухтомский А.А.) 204
Андрей Владимирович, вел. кн. 95, 97
Андриевская Е.Т. 133
Анна Иоанновна, имп. 352
Анненский И.Ф. 300, 324
Антиох Епифан 220, 224, 225, 227, 228
Антипин П.Ф. 145
Антипов-Каратаев И.Н. 257
*Антонов Н. см. Лукин Н.М.
Анциферов Н.П. 11, 78, 98, 237
Аполлинер Г. 313, 332
Арбузов Б.А. 145
Арденне М. фон 206
Архангельская Н.Д. 203
Архангельский А.А. 203
Асмонеи, династия 216, 225, 226
Астанин Н.П. 10
Афанасьев Я.Н. 267
*Ахматова А.А. 366
- Бабеньшев А.П. 431
Багалий Д.И. 116, 119-121, 133
Баев А.А. 145, 146
Базаров В.А. 118
Базиянц А.П. 240
Бакунин М.А. 337, 344, 345, 360
Балакирев, каретник 340
Баландин А.А. 146, 153, 266

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Балашов Н.И. 313, 332
 Балицкий В.А. 121, 130, 136
 Бальц В.А. 267
 Бань Гу 298, 323
 Баньковская М.В. 244
 Баранов В.М. 398
 Баратова, кн. 69
 Барсов П.Д. 406, 409
 Бартольд В.В. 83
 Барту Л. 365
 Бах А.Н. 180
 *Бах Р. см. Перченко Ф.Ф.
 Бахер В. 242
 Бахрушин С.В. 15, 146, 147, 266
 Бахтин В.В. 84
 Безобразов С.С. 236
 Бейлис М.-М.В. 244
 Белая Н.М. 396
 Белкова Г.В. 433
 Белокуров С.А. 200
 Белоновский Г.Д. 147
 Белопольский А.А. 147
 Белый Н. 248, 249
 Бельчиков Н.Ф. 338, 339
 Беляков Л.П. 141
 Бенешевич (ур. Зелинская) А.Ф. 148
 Бенешевич В.Н. 11, 15, 147, 148, 213
 Бенешевич Д.Н. 15, 148
 Бенешевичи, семья 148
 Берг А.И. 148, 153, 266
 Берг Л.С. 294
 Бериташвили И.С. 289
 Берия Л.П. 152, 153, 155, 171, 180, 184, 186-188, 208, 245, 279
 Берков П.Н. 148, 149, 266, 333
 Беркут Л. 134
 Берман Л.В. 366
 Бернштейн С.Н. 116, 118, 119
 Бергельс Е.Э. 149, 266
 Беспалов Н.Д. 256, 258
 Бестужев-Рюмин К.Н. 79
 Бирюкович В.В. 33, 74, 75, 83
 *Благовещенский Ф. см. Перченко Ф.Ф.
 Блок А.А. 238
 Блок Г.П. 238
 Блюхер В.К. 391
 Бобринский В.А. 359
 Боголепов К.В. 149, 150
 *Боголепов С. см. Сафонов И.К.
 Боголюбов М.Н. 333
 Богомолец А.А. 125
 Богомолов Н. 342
 Богомягков А.А. 373
 Богомягков Алексей Л. 372-381
 Богомягков Андрей Л. 372, 375
 Богомягков В.А. 373
 Богомягков И.А. 373, 374, 376, 379, 380
 Богомягков Л.С. 371, 372
 Богомягков Н.И. 371-395, 431
 Богомягков Ф.Л. 372, 375
 Богомягкова А. 371-373
 Богомягкова О.Е. 373, 374, 376, 377, 380, 381
 Богословский М.М. 81-83, 97, 105-107, 150, 167
 Богоявленский С.К. 150
 *Богучарский В.Я. 345
 Бодлер Ш. 313, 322, 332
 Бокль Г.Т. 379
 Большаков А.Ф. 264, 268
 Бо Лэтянь 331
 Боннэр Е.Г. 198
 Бонч-Осмоловский Г.А. 195
 Бор Н. 180
 Борисевич, врач 399
 Борисов В.М. 432, 433
 Борисовы, фабриканты 338
 Боровский В.М. 264, 268
 Бо Цзю-и 336
 Брагинский И.С. 319, 336
 Браун, нем. проф. 99
 Брейар С. 350-361
 Брилинг (Бриллинг) Н.Р. 150, 153
 Бриллиантов А.И. 150, 151
 Британишская Ф.М. 69
 Бронштейн М.П. 187
 Бубрих Д.В. 151
 Бугаев, сотр. Бамлага 250
 Бузескул В.П. 83, 85, 97, 120

- Буковецкая М.А. 81
 Буковский В.К. 337
 Булгарин Ф.В. 238
 Бурак Э.Я. 245
 Бурак Ю.Я. 245, 247
 Бурдуков А.В. 243
 Бурдукова Г.А. 243
 Бурдукова Е.А. 243
 Бурдяк А.И. 401
 Буте Е.Ф. 81
 Бухарин Н.И. 118, 151
 Буш Н.А. 151
 Быков А.Н. 76
 Бялик Х.Н. 225
 Бялыницкий-Бируля А.А. 151, 152
- Вавилов Н.И. 125, 152, 169, 180, 181, 185, 187, 270
 Вавилов С.И. 178, 180, 184, 190, 289
 Вакенродер В.Г. 317, 334
 *Валин К. см. *Опперпут Э.
 Валк С.Н. 33, 34, 74, 78, 79, 83, 85
 Валуев А.П. 251
 Вальтер А.Ф. 152, 153
 Вальтер П.А. 153
 Вальцев А.П. 251
 Ван Аньши 328
 Василенко Н.П. 112, 114
 Васильев А.А. 81
 Васильев Б.А. 244, 248
 Васильевский В.Г. 79
 Васильков Я.В. 141, 233-252, 432
 Вахтин Б.Б. 292-336
 Вахтина И.В. 295
 Введенский А.А. 10, 27, 29, 31-36, 40, 42, 44, 47, 50, 60, 69, 75, 80, 81, 83
 Введенский А.И. 75
 Вейс К.Ф. 206
 Векшинский С.А. 153, 266
 Вельгаузен Ю. 215
 Венгеров С.А. 73
 Вендзягольский К. 365
 Вениамин, митр. 147, 236
- Веретенников В.И. 83
 Вернадский В.И. 5, 27, 69, 112-114, 153, 154, 179, 180, 189, 269, 294, 350, 421, 431-433
 Верхоглядов Г.Н. 289
 Веселовский С.Б. 153, 154, 266
 Веспасиан, имп. 220
 Вильямс В.Р. 118, 258, 267, 271
 Винниченко В.К. 361
 Виноградов В.В. 153, 154, 266, 326
 Виноградов И.М. 119
 Виноградский С.Н. 267
 Висковатов П.А. 364
 Витте С.Ю. 37
 Виттенбург П.В. 15, 110
 Воблый К.Г. 115, 120
 Вознесенский А. 389, 390
 *Вознесенский И. см. Перченко Ф.Ф.
 Вознесенский Н.А. 154, 155, 279, 280
 Возняк М.С. 125, 126
 Войтикунас В.П. 250
 Волгин В.П. 184, 277, 335
 Вологдин А.Г. 155, 156
 *Володин, лагерный агент 250
 Волховский Ф.В. 345
 Вольфсон И.В. 10
 Ворожцов Н.Н. 156
 Ворошилов К.Е. 89, 139, 175, 280, 281
 Востриков А.И. 244, 248
 Вронченко В.И. 20
 Вульфius А.Г. 15, 31, 71, 72, 80
 Выгодская, учительница 69
 Вышинский А.Я. 20
 Вюнше К.-А. 242
- Габаев Г.С. 11
 Габаин Л. 248
 Гаев Н.П. 73
 Гаяль А.Г. 268
 Галеркин Б.Г. 177
 Гамов Г.А. 285
 Ган В.Ю. 156
 Гандурины, фабриканты 338

- Ганзен Г.Г. 24, 69
 Ганцов В.М. 133-138, 140
 Гарэтто Э. 369
 Гарун А.-Ф. 240
 Гедройц К.К. 156
 Гейне Г. 222
 Гензель П.П. 118
 Герасименко, проф. 337
 Герасимов И.П. 254, 256, 258
 Герлих П. 206
 Гермайзе Й.Ю. 128, 133, 134, 140
 Герман В.П. 33, 34, 75
 Герман Ю.П. 365
 Герц Г.Л. 156, 206
 Герцен А.И. 350
 Герцен Н.А. 345
 Гессен Б.М. 156, 157
 Гетч, проф. 96, 101
 Гефтер М.Я. 155
 Глаголева-Данини С.М. 29, 33, 37, 40, 50, 60, 70, 81, 83, 85
 Глускина А.Е. 329
 Глушко В.П. 153, 157, 163
 Глушков В.Г. 157
 Голенищев-Кутузов А.А. 364
 Голенищев-Кутузов И.Н. 312, 313, 332
 Голицын Б.Б. 179
 Голованов Я.К. 17
 Голоскевич Г.К. 133, 134
 Голубовская Э.А. 25
 Гольдберг Н.М. 327
 Гольдберг С.И. см. Златогоров
 Гольдман А.Г. 125, 126
 Гольдшмидт Л. 242
 Гончаров К. 384-387
 Горбачев М.С. 199
 Горелик Г.Е. 17
 Горелин, фабрикант 338
 Горштейн Л. 427-430
 Горожанин, сотр. ОГПУ 12
 *Горький А.М. 210, 340, 366-368
 Горянский, переводчик 134
 Готфрид Страсбургский 332
 Готье Ю.В. 97, 157, 158, 266
 Граве Д.А. 116, 119
 Грановский Т.Н. 78
 Графтио Г.О. 158
 *Грачев см. *Опперпут Э.
 Грдина Я.И. 122
 Гребенщиков И.В. 158
 Гревс И.М. 31, 34, 36, 71, 72, 74, 75, 84, 85, 355, 432
 Греков Б.Д. 10, 81, 158
 Григорков Ю.А. 368
 Григорьев В.В. 354
 Григорьев Г.И. 264, 267, 268
 Григорьев И.Ф. 158, 159
 Григорьев Н.П. 364
 Гримм Э.Д. 74
 Гринберг А.А. 159
 Гринвальд (Грюнвальд) М.К. 29, 33, 36, 37, 40, 50, 58, 70, 83, 85
 Грицман Ю.Я. 272
 Гришина А.М. 141, 233, 426, 432
 Грищенко О.А. 401
 *Громов К. см. Перченко Ф.Ф.
 Гросс Е.Ф. 153, 159, 266
 Грушевский М.С. 114, 116, 118-120, 128, 129, 159, 160
 Грязневич В. 369
 Губкин И.М. 118
 Гудон Ж.А. 176
 Гуковский М.А. 84
 Гумилев Л.Н. 245, 294, 366
 Гумилев Н.С. 363, 366-368
 Гурская-Егорова Н.С. см. Штакельберг Н.С.
 Гурская-Егорова О.М. 20, 29, 68
 Гюнтер Н.М. 118, 119

 Дандзюро I 311, 331
 Дандзюро IX 331
 Данини С.М. см. Глаголева-Данини С.М.
 Даниэль А.Ю. 433
 *Данко И. см. *Энноске И.
 Д'Аннунцио Г. 303, 327
 Данте А. 312, 313
 Дарий I, царь 226
 Дашевский В.Л. 237
 Деборин А.М. 119
 Дегаев С.П. 343
 Дементьев В.А. 338, 339, 346

- Демченко, сотр. ЦК КП(б)У 121
 Демьянчук В.К. 133, 134
 Денемарк, врач 384, 385, 387
 Дзержинский Ф.Э. 132, 363
 Дизраэли Б. 40
 Дикий А. 214
 Дильман А. 242
 Димо Н.А. 268, 269
 Динник А.Н. 125
 Дионисий Ареопагит 313
 *Дмитриева В. см. Суровская А.С.
 Дмитриевский А.А. 160
 Добиаш-Рождественская О.А.
 31, 34, 71, 74, 75, 84, 160, 161
 Добкин А.И. 78, 371, 431, 433
 Добжанский Ф.Г. 285
 Довлатов С.Д. 292
 Докучаев В.В. 266, 267
 Доллежалъ Н.А. 161
 Домашич И.М. 409
 Домбровский В.Р. 13, 101, 109
 Дорошенко А.А. 407
 Дорошкевич А.К. 128
 Достоевский А.А. 16
 Достоевский Ф.М. 305, 346,
 364
 Дояренко А.Г. 118
 Драган А.И. 271
 Драгоманов М.П. 350-352, 355,
 360
 Драница А.Е. 396, 406, 407
 Дроздецкий А.А. 83
 Дроздов, сотр. ОГПУ 175
 Дружинин А.В. 161
 Дружинин В.Г. 79, 161, 162
 Дружинин С.И. 162
 Дрыгач А.Ф. 404
 Дубинин Н.П. 289
 Дубнов С.М. 215, 216, 227,
 229
 Дубов, проф. 337
 Дубовин Е.В. 343
 Дурдуковский В.Г. 132
 Дурново Н.Н. 162
 Душечкин А.И. 122
 Дьяконов И.М. 5
 Дюкарев, сотр. Бамлага 250
 Егер С.М. 162, 163
 Егоров Д.Н. 97, 101, 106, 120,
 163, 186
 Егоров Д.Ф. 118, 119, 163
 Ежов Н.И. 153, 170, 205, 206,
 246
 Екатерина II, имп. 352, 353
 *Елизаровы М. и С. см. Перче-
 нок Ф.Ф.
 Енукидзе А.С. 119
 Епишков, помещик 338
 Еремин С.А. 11
 Ерехович Н.П. 245
 Ермакова Н. 409
 Есаков В.Д. 272, 276
 Ефимов, з/к 388, 389
 Ефремов С.А. 115, 123, 129-134,
 136-140
 Жданов А.А. 275, 276, 279-285,
 288, 290
 Жебрак А.Р. 273, 289
 Железнов В.Я. 118
 Железнова А. 22
 Желтухин Н.А. 163
 Желябов А.И. 337
 Жирмунский В.М. 163, 164, 266,
 333
 Жирмунская (ур. Яковлева) Т.Н.
 164
 Жук С.Я. 153, 164
 Жуков А.Б. 164
 Жуков И.И. 164
 Жупахин С.Г. 13, 98, 99
 Заблоцкий Е.М. 141
 Заболотный Д.К. 115, 120, 121,
 129-131
 Завьялов, сотр. НКВД 252
 Загул Д.Ю. 128
 Заинчак Н.Т. 401, 406
 Зайдель Г.С. 85
 Зайончковская Ж.А. 396-413
 Замотин И.И. 165
 Заозерский А.И. 31, 33, 35, 44,
 71, 83, 94
 Заславский И.Н. 397

- Засулич В.И. 345
 Затонский В.П. 113, 122, 124, 126
 Захаров, сотр. НКВД 247
 Захер Я.М. 73, 81
 Зевакин А.И. 250
 Зелинский Н.Д. 146
 Зелинский Ф.Ф. 148
 Зенкевич Л.А. 165
 Зернов Н.М. 236
 Зеров Н.К. (М.К.) 128, 197
 Зильбер Л.А. 207
 *Зиновьев Г.Е. 193, 363
 Златогоров С.И. 165
 Злотников А.Ф. 83
 Золотарев В.П. 73
 Зонин, вор 340
 Зубарев Д.И. 362-370
 Зубков А.Ф. 343
 Зубковы, семья 340
- *И.В. см. Перченоч Ф.Ф.
 Ибн Габироль С. 239
 Ибн Маджид А.Ш. 432
 Иванец В.Г. 133-135
 Иваница, сотр. ВУАН 135
 Иваницкий-Василенко С. 133-135
 Иванов, сотр. ВЧК 154
 Иванов, сотр. НКВД 265
 Иванов А.А. 166
 Иванов А.И. 326
 Иванов А.М. 404
 Иванов Вяч. Вс. 335
 Иванов Вяч. И. 301, 325, 326
 Иванова Л.В. 325
 Игнатовский В.М. 125, 126
 Игнатовский В.С. 165, 166
 Измайлов Н.В. 33, 36, 44, 72, 73, 76, 92, 100, 101, 103-108
 Ильин А.А. 166
 Ильин В.И. 337
 Ильин Р.С. 269
 Ильинский Г.А. 166
 Ильюшин А.А. 177
 Иовчев И.С. 206
 Ионас Х. 101
- Иосиф Флавий 224, 226, 332
 Иоффе А.Ф. 177, 184, 185, 196, 424
 Иоффе И.И. 335
 Ипатьев В.Н. 195, 209, 285
 Ирга Н.А. 405
 Исаченко Б.Л. 166
 Истрин В.М. 93
- Каблуков И.А. 166
 Каганович Б.С. 84, 86, 95
 Казанович Е.П. 11, 190
 Калигула, имп. 218
 Калинин, сотр. НКВД 265
 Калинин М.И. 64, 89, 171, 263
 Калмыков, атаман 383
 *Каменев Л.Б. 190, 363
 Каммари М.Д. 328
 Камчин-бек О. 251
 Кантор Р.М. 343
 Канъами 330
- Капацкий А.О. 340-343, 347
 Капица П.Л. 180, 181, 184, 185, 190, 205, 287
 Каплан-Подвысоцкая О.Н. см. Подвысоцкая О.Н.
 Каппель В.О. 418
 Карев Н.И. 21, 36, 69, 70, 72-75, 80, 83, 85, 167
 Карпенко Д.Д. 9
 Карпинский А.П. 19, 21, 27, 68, 77, 120, 177, 190, 424
 Карсавин Л.П. 35, 74, 75
 Карский Е.Ф. 167
 *Касаткин см. *Опперпут Э.
 Кассиан, еп. см. Безобразов С.С.
 Кассий Дион 332
 Каутский К. 223
 Кашин В.Н. 83
 Каширины, семья 340
 Квашнина-Самарина М.Н. 431
 Келлер Б.А. 258
 Кербер Л. 176
 Кизеветтер А.А. 167, 168, 192
 Кин Э. 311, 331
 Кинноска см. Сосэки Н.
 Кир II, царь 228

- Кирилл Владимирович, вел. кн. 101
 Кириллин В.А. 332
 Кирквуд К. 335
 *Киров С.М. 10, 240
 Кирпичев М.В. 168, 266
 Кистяковский Б.А. 350
 Кистяковский В.А. 118
 Клавдий, имп. 219
 Клебан А.И. см. Бурдяк А.И.
 Клер М.О. 14
 Клименко М.А. см. Тиханова
 Ключева Н.Г. 272, 277-284, 287, 290, 291
 Клочевский В.О. 37
 Книппер А.В. см. Тимирева А.В.
 Кобзев А.И. 327
 Кобулов А.З. 152, 157
 Ковалев С.И. 73
 Ковалевский А.П. 244
 *Коваленко см. *Опперпуг Э.
 Ковальчук Л. 140
 Кованько А.А. 11
 Ковда В.А. 254-256
 Козин С.А. 168
 Козловский Ф. 267
 Козьмин Б.П. 345
 Коковцов В.Н. 95, 100
 Коковцов П.К. 234, 235, 237-240, 242, 244-247
 Колесников, сотр. Дальневост. правительства 365
 Колесса Ф.М. 125, 126
 Колонна В. 325
 Колчак А.В. 7, 370, 426, 429
 Кольцов Н.К. 168, 169, 179
 Комаров В.Л. 169, 273, 274
 Коммодов Н.В. 245
 Компанийц А.Ф. 403
 Кони А.Ф. 169
 Конрад Н.И. 169, 170, 292-295, 296-322, 322-336
 Константин Константинович, вел. кн. 27
 Константинов Ф.В. 328
 Конфуций 298, 323
 Копржива-Лурье Б.Я. 211
 Копшик Н.М. 401
 Кордыш Л.И. 122
 Корнилович О.Е. 11, 33, 40, 54, 73, 74, 82, 83
 Коробицин, нач. лагеря 390
 Коробцов, сотр. ВУАН 134
 Королев С.П. 17, 153, 157, 162, 170-172
 Короленко В.Г. 346
 Коростовцев М.А. 172
 Корчак-Чепурковский А.В. 115, 128
 Косиор С.В. 119, 136
 Костов Д. 181
 Костомаров Н.И. 351, 354
 Костюк А.М. 251
 Котельников В.В. 62, 77
 Котельников В.Г. 62, 77
 Котельникова О.М. 33, 73
 Котляров Т.М. 83
 Кошляков Н.С. 172
 Кравец Т.П. 172-174, 266
 Кравчук М.Ф. 124-126, 133, 135, 139, 140
 *Крамер Н. см. Лурье Л.Я.
 Краснопевцев Л.Н. 194
 *Крафт Л. см. Перченков Ф.Ф.
 Крачковский И.Ю. 27, 69, 95, 174, 234, 244, 300, 324
 Крейд В. 367, 368
 Кременцов Н.Л. 272-291
 Крепс Е.М. 153, 174-176, 266
 Кржижановский Г.М. 118, 122, 124, 158, 255
 Криницкий А. 116, 118
 Криштафович (Криштофович) А.Н. 153, 176
 Крупская Н.К. 204
 Крутков Ю.А. 176-178, 184
 Круус Х.Х. 178
 Крыжановский В.И. 11
 Крыленко Н.В. 19, 89, 168
 Крылов А.Н. 177, 184
 Крылов Н.М. 118, 119, 178
 Крымский А.Е. 115, 116, 129, 133, 135, 140
 Ксендзова С.И. 407

- Кудинов М.П. 313, 332
 Кудрявацкая см. Суровская А.С.
 Кузнецов А.Я. 281
 Кузьмин Б. 342
 Кузьмин И.П. 235
 Кузьмин Н.Н. 154
 Куйбышев В.В. 180, 184
 Кукушкин Ю.С. 337
 Кун-цзы см. Конфуций
 *Купала Я. 125
 Курд, комендант 38
 Курсанов Д.Н. 178
 Кутепов А.П. 77
 Курторга М.С. 78
- Лавровский К.П. 178
 Лазарев П.П. 179, 180
 Лазарева О.А. 179, 180
 Лазо С.Г. 384-387
 Ландау Л.Д. 17, 153, 180, 181, 266
 Лаппо-Данилевский А.С. 31, 69, 71, 74, 80, 83
 Лаптев И.Д. 289
 Лапшин И.И. 35, 75
 Лаухен де Торрис Г.И. фон 432
 Лебедев А.Ф. 254, 256, 269, 270
 Лебедева, эсерка 386, 387
 Лебединские, семья 67
 Левик, сотр. Агитпропа 118, 119
 Левина Р.С. 181
 Левинсон-Лессинг Ф.Ю. 27, 69, 181
 Левитан, врач 77
 Левитов А.И. 339
 Левитский Г.А. 181, 182
 Левицкий Л.М. 113, 127, 131
 Левицкий О.Д. 182
 Левченко Н.З. 133-135
 Лейбензон Л.С. 182, 183, 266
 Лейхт С.А. 344
 Леман А.А. 81
 *Ленин В.И. 55, 151, 158, 363
 Леонтович А.В. 125
 Лермонтов М.Ю. 361
 Леруа-Болье А. см. Leroy-Beaulieu А.
 Либталь М.Э. 33, 36, 39, 40, 56, 58-60, 72, 73, 81, 85
 Линниченко И.А. 183
 Липский В.И. 115
 Литвинова П.П. 338
 Литвиновы, семья 338, 347
 Лихачев Д.С. 153, 183, 334
 Лихачев Н.П. 54, 55, 76, 79, 83, 85, 87, 103, 105, 107, 183, 184, 186
 Личков Б.Л. 432
 Лобода А.М. 139, 184
 Лозинский М.Л. 312
 Ломоносова Т. 409
 Лопатин Г.А. 345, 346
 Лосский Н.О. 35, 73, 75, 236
 Лузин Н.Н. 119
 Лукин, сотр. УМБ 16
 Лукин Н.М. 86, 118-120, 184
 Лукирская Е.Н. 185
 Лукирский П.И. 153, 184, 185, 266
 Лукницкая В.К. 363
 Лукницкие, семья 363
 Лукницкий С.П. 363
 Луначарский А.В. 173, 190
 Луппол И.К. 185
 Лурье Л.Я. 337-349, 431
 Лурье С.Я. 211-217, 217-223, 223-232
 Лурье Я.С. 211-232
 Лурья Я.А. 211-215, 216, 217, 217-223, 223-232
 Лучицкий И.В. 36, 70, 75, 185, 186
 Лысенко Т.Д. 191, 272, 289
 Любавский М.К. 85, 87, 97, 103, 106, 118, 120, 183, 186, 193
 Любименко В.Н. 125
 Любименко И.И. 33, 34, 74
 Люблинская А.Д. 84
 Люблинский В.С. 84
 Любович Н.Н. 186
 Любченко П.П. 118, 119, 121, 136, 140
 Люндквист В.Э. 54, 55, 76
 Лютер М. 225
 Лю Цзун-юань 328

- Лялин С.П. 253-271
Ляховецкий И.М. см. Майский
- Маевская Е.Л. 200
Мазур, судья 136
Майков А.Н. 364, 366
*Майский В. см. Майский И.М.
Майский И.М. 186, 187
Макаренко А.С. 421
Макаров, сотр. ОГПУ 13
Маккавей, полководцы 225
Маклаков В.А. 100
Максимов Н.А. 187, 266
*Максудов см. Бабенышев А.П.
Маленков Г.М. 155, 280
Малицкий Н. 338, 341
Малори Т. см. Мэлори Т.
Мальмстад Дж. 325
Мамаева Р.М. 327, 334
*Мамин-Сибиряк Д.Н. 377
*Мантейфель фон см. *Опперпут Э.
Мао Кунь 328
Мария Федоровна, имп. 63
Мария Французская 332
Маркевич А.И. 97, 187
Марков А.А. 27, 70
Марков Д.Ф. 333
Маркова В.Н. 331
Маркс К. 389
Марр Н.Я. 27, 69, 77, 162, 234, 246, 302, 326
Мартынов М.Н. 33, 42, 46, 73
Масаясу К. см. *Энноске И.
Маслов П.П. 118
Матвеева Л.В. 112-140
Матвеевы, братья 385
Матковская З.Н. 33, 40, 73
Матушевский Б.Ф. 132
Махин Н. 342
Маяковский В.В. 40
Медведь Ф.Д. 10, 15, 44-49, 62, 76, 175
Мейер А.А. 70, 71, 75, 192, 237
Мейерхольд В.Э. 325, 326
Мейстер Г.К. 181
Меллер Г.Дж. 181
Мельгунов С.П. 418
- Мельников Н.С. 244
Менжинский В.Р. 12, 16
Мензбир М.А. 180
Меньшиков М.О. 218
Мерварт А.М. 11, 12, 92, 111, 176
Мерварт Л.А. 11, 12
Мессинг С.А. 10
Мигдал А.Б. 153, 187
Микеланджело Буонарроти 301, 302, 325, 326
Микоян А.И. 279
Микулин А.А. 200
Милюков П.Н. 79, 80, 356, 359-361
Милютин В.А. 364
Мицц А.Л. 153, 187, 188, 266
Мирский Л.Ф. 343
Митерев Г.А. 278, 279, 281-283
Михайлик, прокурор 135, 136
Михеев М.А. 188, 266
Мицкевич А. 215
Модель З.И. 153
Мо Ди 334
*Молотов В.М. 89, 155, 176, 180, 186, 274, 279, 280, 363
Момбелли Н.А. 364
Мондзэмон Т. 311, 331
Мордвинов Н.А. 364
Морозова Е.М. 406
Мосевич А.А. 13, 49, 53, 56, 59, 62, 66, 76, 77, 97, 98, 110, 184
Мо-цзы см. Мо Ди
Мошкин П.А. 188
Му, чжоуский государь 334
Мунгалов М. 372
Мунк С. 242
Мурич Ю. 282
Мусс (Мосс) К.А. 24, 69
Мухелишвили Н.И. 177, 184
Мэлори Т. 303, 327
Мясищев В.М. 171, 203
- Надсон Г.А. 118, 188
Найман А.Г. 292
Наканиси И. 325
Нансен Ф. 363, 432
Наполеон III, имп. 224

- Насонов А.Н. 33-35, 74, 83, 85, 94
 Насонов Н.В. 74
 Натансон М.А. 342, 345
 Невский Н.А. 248, 293, 295, 302, 305, 326, 327
 Негрескул М.Ф. 342
 Недзвецкая-Самарина О.К. 33, 34, 74
 Некрасов А.И. 153, 188, 266
 Некрасов Н.А. 391
 Некрасова Е.В. 81
 Некрич А.М. 186
 Ненадкевич К.А. 189
 Нерон, имп. 227
 Несмеянов А.Н. 195
 Нефедов Ф.Д. 338, 339, 342, 345
 Нечаев В.Г. 347, 349
 Нечаев Г.П. 338, 340, 341, 347-349
 Нечаев С.Г. 337-349
 Нечаева А.Г. 338, 340, 347, 348
 Нечаева П.П. 347, 349
 Нечаева Ф.Г. 338, 340, 346-348
 *Ник. Т-о 324
 Никовский А.В. 129, 133, 134
 Николадзе Н.Я. 75
 Николадзе Р.Н. 35, 75
 Николаев В.А. 189
 Николай I, имп. 30, 354
 Николай II, имп. 102
 Николай Михайлович, вел. кн. 189
 Никольская Л.В. 141, 426
 Никольский Н.К. 90
 Нобунага О. 325
 Новгородцев П.И. 37
 Новосадский Н.И. 189
 Нумеров Б.В. 189
 Нуцубидзе Ш.И. 335
- Оболенский В.В. 190
 Обреимов И.В. 189, 190
 Овчаренко А.И. 333
 Овчинский, пом. пристава 341
 Огарев Н.П. 337, 342, 345
- Одинцов Б.Н. 267
 *Одоевцева И.В. 366
 Озерский Ю.И. 118, 121, 122
 Окамото К. 325
 Окуни, танцовщица 329
 Ольденбург С.Ф. 27, 70, 90, 91, 102, 110, 177, 190, 432
 *Опперпут Э. 369
 Оппоков Е.В. 125, 126
 Орбели Л.А. 146, 175, 176, 289
 Орджоникидзе Г.К. 64, 196
 Орлов А.Ф. 354
 Орлов В.Ф. 343
 Орлов Е.И. 125
 Орлов С.В. 190
 *Осинский Н. см. Оболенский В.В.
 Осипов В.П. 190, 191, 266
 Островская М.А. 21, 33, 34, 37-39, 41, 42, 45, 46, 54, 68
 Отоцкий П.В. 266
 Отт О.М. 69
 Оуян Сю 328
 Охотин Н.Г. 397
- *П.Ф. 365
 Павлов А.П. 269
 Павлов И.П. 27, 41, 69, 175, 194, 421
 Павлов-Сильванский Н.П. 80
 Павлова С.В. 41
 Павлович М.П. 240
 Павлушков Н.П. 132
 Палий А.В. 406
 Палладин А.В. 125, 289
 Палладин В.И. 191
 Пальмен И.А. 191
 Панеях В.М. 86, 87-111
 Панова В.Ф. 292
 Панькевич О.П. 401, 406
 Парин В.В. 191, 281, 282, 290
 Парнас Я.О. 191, 192
 Парфенова Е.И. 258, 260
 Пастернак Б.Л. 346
 Патон Е.О. 125
 Перепелкин Ю.Я. 248
 Перетц В.Н. 120, 139, 140, 192
 Перченко И.З. 431-433

- Перченюк Ф.Ф. 5-7, 8-18, 20, 87, 89, 141-143, 145-210, 233, 253-271, 337, 362-370, 371, 414-426, 427-433
- Петерс Я.Х. 10, 89
- Петлюра С.В. 356
- Петляков В.М. 203
- Петр I, имп. 351, 352
- Петражицкий Л.И. 32, 68, 71
- Петрашевский М.В. 364
- *Петров см. *Опперпут Э.
- Петров А.А. 92
- Петров В.А. 33, 40, 72
- Петров Е.Н. 33, 72, 83
- Петров М.Т. 335
- Петров Н. 280
- Петрова А.В. 22
- Петрункевич И.И. 350, 361
- Петрушевский Д.М. 120, 150, 167, 192
- Пешковы, семья 340
- Пивовар, сотр. Бамлага 250
- Пивовар А.А. 401
- Пигарев К.В. 332
- Пигулевская Н.В. 84, 153, 192, 193, 237, 244, 266
- Пидгаецкий В.Я. 129
- Пидотти И.А. 84
- Пилкин В.П. 62, 77
- Пилкин К.П. 62, 77
- Пилкин Н.П. 62, 77
- Пилкин П.П. 77
- Пилкин С.К. 77
- Пилсудский Ю. 365
- Писаржевский Л.В. 116, 120, 121
- Питт У. 37, 40
- Пичета В.И. 153, 193, 266
- Платонов С.Ф. 8, 9, 11, 12, 19, 28, 30, 31, 36, 42-46, 48, 53-57, 69, 71-73, 76, 78-85, 87, 90, 92-110, 120, 150, 183, 186, 193, 201
- Платонова Н.С. 33, 36, 43, 72, 85, 96
- Платонова-Измайлова Н.С. 33, 36, 40, 43, 44, 54, 57, 72, 85, 96
- Плеске Ф.Д. (Ф.Э.) 193
- Плеханов Г.В. 37
- Плотников В.А. 116
- Погодин М.П. 339
- Подвысоцкая О.Н. 193, 194
- Позднеев Д.М. 236
- Позднеева Л.Д. 319, 329, 335
- Покровский, нач. каторги 381
- Покровский А.М. 81
- Покровский М.М. 261
- Покровский М.Н. 55, 85, 86, 107, 118-120, 141, 167, 433
- Покровский Н.Н. 194
- Полевой П.И. 10, 14
- Полежаева Л.А. 406
- Полибий 313, 333
- Поливанов Е.Д. 293
- Полиевктов М.А. 31, 32, 35, 46, 71
- Полонская-Василенко Н.Д. 130
- Полосин И.И. 97
- Полоцкий, сотр. НКО Украины 119
- Полынов Б.Б. 153, 194, 253-271
- Полян П.М. 396-413
- Попов И.Л. 33, 37, 73, 81, 83
- Попов-Ленский см. Попов И.Л.
- Постников, сотр. Агитпропа 117, 118
- Постовский И.Я. 194
- Правилова Е.А. 19, 68-77
- Прасолов Л.И. 266
- Презент И.И. 191, 192
- Преображенский В.В. 26, 69
- Пресняков А.Е. 30-32, 35, 46, 69-72, 78-81, 84, 120
- Прилежаев Н.А. 194
- Приселков М.Д. 31, 35, 71, 74, 81, 83
- Приходько, сотр. НКО Украины 119
- Прокофьев С.С. 312
- Проскура Г.Ф. 125
- Протопопов Д.Д. 21
- Протопопов С.Д. 69
- Прохоров Н.И. 11, 267, 270, 271
- Прушакевич, сотр. Бамлага 252
- Пряднишников Д.Н. 194
- Птуха В.В. 194, 195

- Птуха М.В. 140, 194, 195, 266
 Пугачев Е.И. 37
 Пустовойт В.С. 195
 Путилов-Янович А.С. 15
 Пушкин А.С. 215, 361, 377, 391
 Пыпин А.Н. 351, 352
 Пыпин Н.А. 16
 Пятибратов А.Ф. 251
- Рагинский Г.К. 170
 *Радек К.Б. 151
 Радлов С.Э. 325, 326
 Разин С.Т. 37
 Разоренов, сотр. совконтроля 9
 Разуваев Г.А. 195
 Разумовская Е.Н. 371-395
 Райков Б.Е. 11, 72
 Рамаинцев, закл. Бамлага 251
 Рамзин Л.К. 110, 168
 Рапопорт Я. 272
 Ратнер, адвокат 138
 Раушенбах Б.В. 195, 196
 Ребиндер П.А. 153, 196
 Регельсон Л.Л. 241
 Рейзов Б.Г. 334
 *Рейзлин Д. см. Перченко Ф.Ф.
 Рендель Л.А. 194
 Ризниченко В.В. 125
 *Ринг см. *Опперпут Э.
 Рихе Ф.Р.А. 206
 Рогинский А.Б. 371, 426, 432, 433
 Рогинский С.З. 196
 Роговин, сотр. Бамлага 252
 Родионов В.М. 196, 266
 Рожанский Д.А. 196
 Рождественский Д.С. 161
 Рождественский С.В. 21, 31-33,
 35, 36, 44, 45, 47, 48, 53-57, 69, 73,
 80, 82, 84, 90, 92, 101, 105-107,
 186, 196, 197
 Розенберг Ф.А. 197
 Романов Б.А. 29, 33, 37, 40, 50,
 54, 70, 81-85
 Роскин Г.И. 272, 277-284, 290,
 291
 *Ростов А. см. Сигрист С.В.
 Роулэнд Б. 321, 336
- Рубин В.А. 294
 Рублев А.С. 126
 Рудзутак Я.Э. 89
 Рудницкий С.Л. 125, 126
 Румер Ю.Б. 177
 Рутенбург В.И. 197
 Рыков А.И. 89, 151, 173
 Рыльский М.Ф. 197
 *Рэтик см. Лаухен де Торрис Г.И.
 фон
 *Рязанов Д.Б. 97, 118-120, 167, 197
 Рязанцев М.А. 339
 Ряппо Я.П. 114
- Сабанин А.Н. 269
 Саблин В.М. 337
 *Савельев см. *Опперпут Э.
 Савина И.Г. 401, 404, 406
 Савинков Б.В. 364, 365
 Савченко А.И. 69
 *Садандзи И. 307, 329
 Садиков П.А. 33, 37, 54, 72
 Садовский Ю.В. 9, 12
 Сажин В.Н. 363, 366
 Самойлов П.П. 343
 Самойлов Я.В. 269
 Самойлович А.Н. 197, 198
 Сапегин А.А. 125
 Саткевич А.А. 198
 Сауков А.А. 198
 Сафонов Г.Н. 152
 Сафонов И.К. 426, 431
 Сахаров А.Д. 198, 199
 Седов, конвоир 51
 Сейлюс А.А. 390-392
 Селищев А.М. 199
 *Селянинов см. *Опперпут Э.
 Семанов В.И. 318, 335
 Семашко Н.А. 179
 Семенов Г.М. 377, 384
 Семенов-Тян-Шанский В.П. 433
 Семичов Б.В. 244
 Семко, партработник 131
 Семковский С.Ю. 124, 126
 *Сергеев Н.С. см. Кошляков Н.С.
 Середа, сотр. изд-ва 134
 Серов Н.А. 77

- Сеченов И.М. 204
 Сибирцев Н.М. 268, 270
 *Сибиряков Н.С. см. Богомягов Н.И.
 Сигрист С.В. 21, 33, 36, 68, 69, 78, 82, 84, 98
 Сидоров В.Н. 162
 Сидоров Н.И. 83
 Сильверсван Б.П. 366-369
 Симонов, согр. НКВД 265
 Симонов К.М. 284
 Січинський В. 351
 Скобельцын Д.В. 199
 Скоропадский П.П. 112
 Скржинская Е.Ч. 33, 34, 74, 84
 Скрыпник Н.А. 116, 118, 121-124, 126, 208
 Скрыбин Г.К. 199
 Скрыбин К.И. 199
 Слабченко М.Е. 125, 126, 139, 140
 Слепков В.Н. 145
 Смирнов В.И. 177, 178
 Смирнов И.Е. 283
 Смит Дж.М.П. 217, 227
 Смит У.Б. 278, 279, 281
 Собищанский Я. 135
 Соболевский А.И. 200
 Соколов И.И. 236
 Соколов М.Н. 174, 233-252
 Соколов Ю.П. 81
 Соколова Т.П. 241-244, 246, 251
 Соколовский А.Н. 125
 Сократ 224, 332
 Солер Н. 394, 395
 Солженицын А.И. 7, 418
 Соловьев В.Н. 325
 Соловьев В.С. 73, 300, 301, 325
 *Солодов см. Перченко Ф.Ф.
 Сорокина М.Ю. 142, 292-336, 433
 *Сосэки Н. 303, 328
 *Спекторский см. *Опперпут Э.
 Сперанский Г.Н. 200
 Сперанский М.Н. 200
 Шешнев Н.А. 364
 Спиркин А.Г. 200
 Срезневский Вс.И. 90
 Ставиский В.В. 238
 *Ставрогин А. 364
 *Сталин И.В. 19, 20, 61-66, 89, 138, 139, 146, 154, 155, 175, 191, 197, 200, 204, 205, 273, 274, 280-282, 284, 390
 Старкова К.Б. 234, 235, 240, 241, 248
 *Стауниц см. *Опперпут Э.
 Сташенко Я. 134
 Стебут И.А. 266
 Стеклов В.А. 27, 69, 154, 173
 Степанов А.А. 83
 Степанов М.А. 13, 98, 99, 110
 Стечкин Б.С. 153, 200, 266
 Шешенко Я.И. 134
 Страбон 219
 Страхович К.И. 163
 Строгановы, род 36, 37, 75
 Стромин А.Р. 13, 28, 29, 47, 49, 50, 53, 70, 110
 Струве П.Б. 106, 350
 Струков А. 280
 Струкова Е.П. 367, 368
 Студинский С.О. 126
 Стырикович М.А. 433
 Суворов С.Г. 273
 Сукачев В.Н. 268
 Сунь Цзы 318, 319, 334
 Суперфин Г.Г. 431
 Суровская А.С. 398, 399
 Суслев М.А. 337
 Сулова см. Богомякова О.Е.
 Су Сюнь 328
 Сухой П.О. 203
 Сухоцкий А.Г. 401
 Сучков Б.Л. 200
 Су Чэ 328
 Су Ши 328
 Сыма Цянь 313, 323, 333
 Сэами 330
 Сяо Тун 328
 Таганцев В.Н. 201, 362, 364, 367-369
 Таганцев Н.С. 201
 Таланов В.В. 201

- Тамм И.Е. 153, 201
 Тао Цянь 308, 315, 317, 330, 334
 Тао Юаньмин см. Тао Цянь
 Тарасов, знакомый С.Г.Нечаева 342
 Гаримов, врач 250
 Тарле Е.В. 9, 11, 16, 31, 33, 35, 36, 42-45, 52, 53, 55, 70, 74, 76, 80, 82-85, 87, 94-96, 100, 101, 103-107, 201, 202, 234, 245, 247
 Тарле О.Г. 95
 Татаров, инженер 391
 Тацит 216, 217
 Твардовский А.Т. 333
 Творогов Л.А. 84
 Теренин А.Н. 202
 Тильменкова М.П. 407, 409
 Тименчик Р.Д. 363, 367
 Тимирева А.В. 7, 426, 431
 Тимирязев К.А. 179
 Тимирязева В.Я. 404, 410
 Тимофеев-Ресовский Н.В. 207
 Тимченко Е.К. 202
 Тиссен П.А. 202, 206
 Тит, имп. 216, 220
 Тиханова М.А. 33, 34, 74, 84
 Тихов Г.А. 202
 Тихонов А.Н. 377
 Ткаченко Г.А. 295
 Тойнби А. 294
 Толстой И.И. 153, 202, 266
 Толстой Л.Н. 377
 Томсинский С.Г. 202
 *Томский М.П. 89, 151
 Топоров В.Н. 238
 Торгов И.В. 203
 Трапезников С.П. 333
 Третьяков Д.К. 125
 Троицкий А.И. 258, 259, 264, 268, 271
 Троицкий М.С. 244
 Троицкий Н.А. 337, 343
 *Трофимов Б. см. Перченко Ф.Ф.
 *Троцкий Л.Д. 124, 132, 363
 Тубянский М.И. 244
 Тукеркес (ур. Сергеева) В.И. 254
 Тулайков Н.М. 203, 271
 Туполев А.Н. 153, 171, 203, 204
 Тургенев И.С. 346, 355
 Тхоржевский С.И. 21, 27, 29-39, 41, 42, 45-47, 49, 56, 68, 70, 75, 81, 82, 84
 Тымчук В.В. 406
 Тычина П.Г. 125
 Тюльменкова М.П. см. Тильменкова М.П.
 Тютчев Ф.И. 313, 332
 У-ди 298
 У-цзы 319, 336
 Ульрих В.В. 152, 170
 Ульянов, фигурант по делу АН 97
 Ульянов А.И. 346
 Упелинец Ф. см. *Опперпут Э.
 Упенинш А. см. *Опперпут Э.
 Урнов Д.М. 331
 Урнов М.В. 331
 Успенский Ф.И. 85
 Успенский Я.В. 119
 *Утаэмон V 307, 310, 330
 *Утаэмон VI см. *Утаэмон Н.
 *Утаэмон Н. 307, 309-311, 330
 Ухтомский А.А. 204
 Федин К.А. 333
 Федоренко Н.Т. 314, 315, 318, 333, 334
 Федоров И.В. 21, 22, 68
 Федоров Л.Н. 289
 Федоров М.М. 125
 *Федоров С. см. Перченко Ф.Ф.
 Федоровский Н.М. 204, 205
 Федосеев П.Н. 333
 Федотов А.А. 251
 Федотов Г.П. 81, 84, 236
 Федотова-Нечаева Е.Н. 84
 Федотьев П.П. 205
 Фельдман Д. 369
 Фельдман-Конрад Н.И. 293, 329, 331
 Ферсман А.Е. 27, 69, 90, 91, 110
 Фет А.А. 40
 Фетисов И.И. 11

- Фигатнер Ю.П. 10, 88, 89
 Филиппов А.А. 343, 344
 Филиппов П.Н. 364
 Филон Александрийский 217, 218
 Финн Э. 278, 279
 Флоренский П.А. 249, 431, 432
 Флоринский Т.Д. 205
 Фок В.А. 177, 178, 184, 205, 206, 266
 Фокс Ч.Дж. 40
 Фольмер М. 206
 Фоминщиков, помещик 338
 Форстен Г.В. 71
 Фош Ф. 365
 Фрадкин И.М. 327
 Франк С.Л. 73
 Фредерикс В.Б. 184
 Фрейман А.А. 118
 Френкель Ф.Я. 17
 Френкель Я.И. 207
 Фриче В.М. 118
 Фриш С.Э. 205
 Фролов Э.Д. 211
 *Фукусэ см. *Утаэмон Н.
- Халтурин Д.Н. 110
 Хань Юй 328
 Харитон Б.О. 366
 Харлампович К.В. 207, 208
 Харлова Е.М. см. Морозова Е.М.
 Харун А.-Ф. см. Гарун А.-Ф.
 Хвыля А. 121, 122
 Херц Г.Л. см. Герц Г.Л.
 Хлебников О. 363
 Хмельницкий Б.М. 352
 Холодный Н.Г. 125
 Хотиев-Самойлов, актер 341
 Хоутерманс Ф. 17
 Храпченко М.Б. 333, 334
 Хуй-ди 298
- Царевский С.Ф. 11
 Цветков, сотр. НКВД 265
 Цвибак М.М. 46, 47, 76
 Цезарь Юлий 227
 Цейхлин, герм. консул 101
 Цемш Н.С. 33, 36, 39, 45, 72, 85
- Церетели Г.В. 153, 208, 266
 Церетели Г.Ф. 208
 Цзэн Гун 328
 Цин, династия 323
 Цинь Ши-хуан-ди 298, 323
 Цицерон М.Т. 227
 Цыганкова Э.Г. 112-140
- Ч**аговец В.Ю. 122
 Чаплыгин С.А. 182
 Чегодаев А.Д. 327
 Челпанов Г.И. 118
 Челышев Е.П. 334
 Чепиков К.Р. 153, 208
 Черепнин Л.В. 208
 Черненко Ю.А. 126
 Черных А.М. 383, 384
 Черных Т.А. 383
 Чернышевский Н.Г. 30
 Черняховский А.Г. 129
 Чехов А.П. 304, 305, 328, 377
 Чжан Цзай 323
 Чжоу Дун-и 308, 323, 330
 Чжуан Чжоу см. Чжуанцзы
 Чжуанцзы 316, 334
 Чжун Жун 315, 334
 Чжуцзы (Чжу Си) 300, 323, 325
 Чижевский А.Л. 207
 Чинакал Н.А. 209
 Чирков С.В. 79
 Чичибабин А.Е. 285
 *Чуковский К.И. 169
 Чэн И 300, 323, 325
- Ш**айтан М.Э. 33, 34, 75, 84
 Шаповол Ю.И. 138
 Шария П.А. 432
 Шаркут И.И. 406
 Шаровская М.М. 406
 Шателен М.А. 181
 Шатерников М.Н. 179, 204
 Шатилова Т.И. 11, 33, 39, 60, 73
 Шауро В.Ф. 337
 Шафран см. Шайтан М.Э.
 Шахматов А.А. 71, 353
 Шахов Ф.Н. 209
 Шаховской Д.И. 7, 433

- Шебунин А.Н. 33, 34, 37, 39, 41, 42, 45, 46, 71-73, 82, 83, 85, 103
 Шевченко Т.Г. 354, 361
 Шейнин А.К. 11
 Шекспир У. 311, 331
 Шеллер (*Михайлов) А.К. 377
 Шехтер С. 239
 Шилов А.А. 54, 55, 76, 83
 Ширяев С.К. 343
 Шлецер А.Л. 79
 Шлихтер А.Г. 122, 124, 127
 Шмелев В.Г. 131
 Шмидт О.Ю. 185
 Шмит Ф.И. 130
 Шондыш А.Н. 13
 Шопенгауэр А. 301
 Шошков Е.Н. 363
 Шпенглер О. 37, 294
 Шпильрейн Я.Н. 209
 Шпитальский Е.И. 209
 Штакельберг А.А. 19-23, 25-27, 29, 32, 33, 35, 54, 56, 61-68, 77
 Штакельберг А.П. 19, 27, 32, 33, 35, 41, 54, 56, 62-66, 70
 Шакельберг В.П. 62, 63
 Штакельберг (ур. Пилкина) М.Н. 19, 61-66, 77
 Штакельберг Н.А. 20, 21, 23, 67, 68, 86
 Штакельберг Н.С. 11, 19, 20, 20-68, 68, 77, 78, 80-82, 84, 86, 98
 Штакельберг О.А. 33, 35, 75
 Штакельберг П.Е. 62, 77
 Штакельберг Ю.А. 21, 23, 67, 68
 Штеенбек М. 206, 209
 Штейн В.М. 244
 Штерн Л.С. 192, 209, 210
 Штернберг Л.Я (Х.Я.) 210
 Штукин А.А. 243, 244, 323
 Шульгин А.Я. 360, 361
 Шумовский Т.А. 244, 245
 Шумский В. 245
 Шухов В.Г. 210
 Шэнь Юэ 318, 335, 336
- Щеголев П.Е.** 342, 343
Щеголев П.П. 81, 83
- Щерба Л.В. 210, 266
 Щербатской Ф.И. 244, 295
 Шурат В.Г. 125, 126
 Шуцкий Ю.К. 244, 302, 324, 327
- Эберман В.А. 244
 Эйдлин Л.З. 315, 316, 318, 319, 321, 322, 334-336
 Экземплярский П.М. 338
 Эльяшевич Б.С. 237
 Энгельгардт В.А. 146
 Энгельс Ф. 179
 *Энноске I 329, 331
 *Энноске И. 307, 311, 329
- Юденич Н.Н.** 54
Юдин С.С. 207
Юнкер В.В. 432
Юнкер-Крамская С.И. 11
Юринец В.А. 122, 124, 126, 127
Юрченко Л.А. см. Полежаева
 *Юрьева М. см. Сорокина М.Ю.
- Яблоновский А.А.** 140
Яворницкий Д.И. 125, 126
Яворский М.И. 124, 126, 127
Якоби Ф.Г. 73
Яковенко И.Г. см. Савина И.Г.
Яковлев А.И. 97, 109, 210
Яковлев Я.А. 270
Якубовский В.Л. 250, 251
Яната, проф. 122
 *Яневич Н. 333
Янковский О. 140
Януков, швейцар 134
Ячевский А.А. 210
- Bludau A. 215, 217, 219
 Choulguine A. см. Шульгин А.Я.
 Confino M. 344
 Fitzpatrick Sh. 276
 Hahn W. 276
 Kautzsch E.F. 215, 217, 227, 228
 Kittel R. 215, 229
 Lefrançaise J.P. 342
 Leroy-Beaulieu A. 215, 224, 353

Menicucci C. 233
Meyer E. 215, 217, 219
Poppe N. 238, 244
Pritsak O. 351
Ra'anán G. 276
Reinach T. 215, 217, 222
Reshetar J. 351

Schwarz B. 276
Sombart W. 215, 222
Stähelin F. 215, 217-219
Swayze H. 276
Treadgold D. 351
Wellhausen J. 215, 229, 231
Wilcken U. 215, 217-219

Дополнения к именованному указателю¹

книги: *In memoriam*: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка.

– М.; СПб.: Феникс; Atheneum. 1995. – 450 с.

Дополнения к именованному указателю (*эти фамилии не упоминаются в именованном указателе*)

Горбунов Н.П. 157

Геге И.В. 302

Пятигорский 334

Шедвид, сотрудник Бамлага 252

Ши-хуанди 298, 323

Шень Юэ 318, 335

Поправки к именованному указателю (*дополнительные ссылки на страницы к фамилиям, вошедшим в именованную указатель*)

Аллилуевы 65

Андриевская Е.Т. 135

Введенский А.А. 37

Ганзен Г.Г. 25

Данте А. 332

Жданов А.А. 287

Киров С.М. 14

Конфуций 325, 334

Мосевич А.А. 54

Пыпин А.Н. 355

Сталин И.В. 169, 177, 180

Замечания к именованному указателю

В указателе даются ссылки на фамилии Александров Г.Ф. и Александров Г.В. Это ошибка, имеется в виду одно лицо – Александров Г.Ф.

¹ Подготовлены А.А.Жидковой

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь из себя	5
--------------------------------	---

I

Ф.Ф.Перченко. Я решительно настаиваю... Заявление начальнику С.-Петербургского управления МБ РФ.	8
Н.С.Штакельберг. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело». Предисловие, послесловие и публикация Б.В.Ананьича. Примечания Е.А.Правиловой	19
Б.В.Ананьич, В.М.Панеях. Принудительное «соавторство» (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929-1931 гг.» Вып.1).	87
Л.В.Матвеева, Э.Г.Цыганкова. Всеукраинская Академия наук. Год 1929-й	112
Ф.Ф.Перченко. К истории Академии наук: снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук.	141

II

Я.С.Лурье. Переписка С.Я.Лурье с отцом об античном антисемитизме.	211
Я.В.Васильков. Только об одном востоковеде... (Гebraист Михаил Николаевич Соколов, 1890-1937).	233
С.П.Лялин, Ф.Ф.Перченко. Записки Б.Б.Польнова о 1937...	253
Н.Л.Кременцов. Советская наука на пороге холодной войны: «Дело КР».	272
«Голос источников». К истории одной несостоявшейся публикации (Н.Конрад — Б.Вахтин). Публикация М.Ю.Сорокиной.	292

III

Л.Я.Лурье. Новое о Нечаеве. (По материалам рукописного отдела ИРЛИ).	337
С.Брейар. Украина, Россия и кадеты	350
Ф.Перченко, Д.Зубарев. На полпути от полуправд. О таганцевском деле и не только о нем	362
Из воспоминаний Н.И.Богомякова. Публикация В.Н.Разумовской.	371

Ж.А.Зайончковская, П.М.Полян. Остарбайтеры: в Германии

и дома. (По материалам анкетного обследования). 396

IV

Ф.Ф.Перченко. Разрозненные мысли, связанные с началом
работы НИЦ «Мемориала». (Нечто вроде Записки членам
Ученого Совета). 414

Л.Горштейн. Совершенно другой........ 427

Материалы к библиографии работ Ф.Ф.Перченка 431

Указатель имен. 434

Учредители АО «Издательство "Феникс"»

Издательство «Atheneum», Париж;
Российский институт искусствознания;
Школа-студия (вуз) им. Вл.И. Немировича-Данченко
при МХАТ им. А.П. Чехова;
Союз театральных деятелей России;
Международная конфедерация театральных союзов

IN MEMORIAM

Исторический сборник
памяти Ф.Ф.Перченка

Составители А.И.Добкин, М.Ю.Сорокина

ATHENEUM • ФЕНИКС

Редактор Т.Б. Притыкина
Корректор Е.В. Русакова
Наборщик И.М. Курдина

Оригинал-макет выполнен при содействии Международного
благотворительного фонда спасения Петербурга-Ленинграда

ЛР №090022 от 10.X.1991

Подписано в печать 25.02.1995. Формат 60 x 88 ¹/₁₆. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Усл. печ. л.29,0. Тираж 2000 экз. Заказ №3328

Издательство «Феникс»: 103009, Москва, Тверская ул., 6, строение 7.

Санкт-Петербургская типография №1 ВО «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.